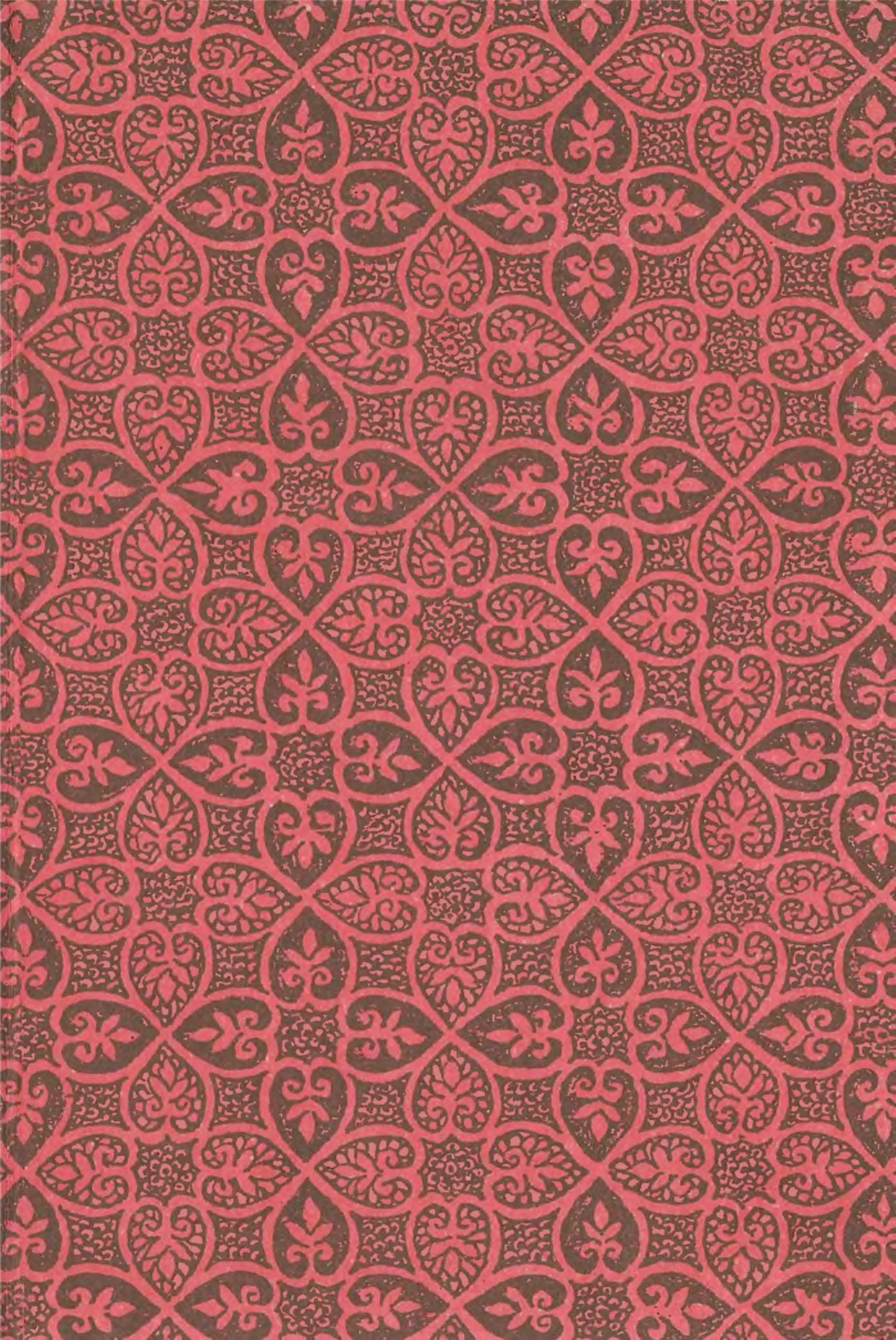
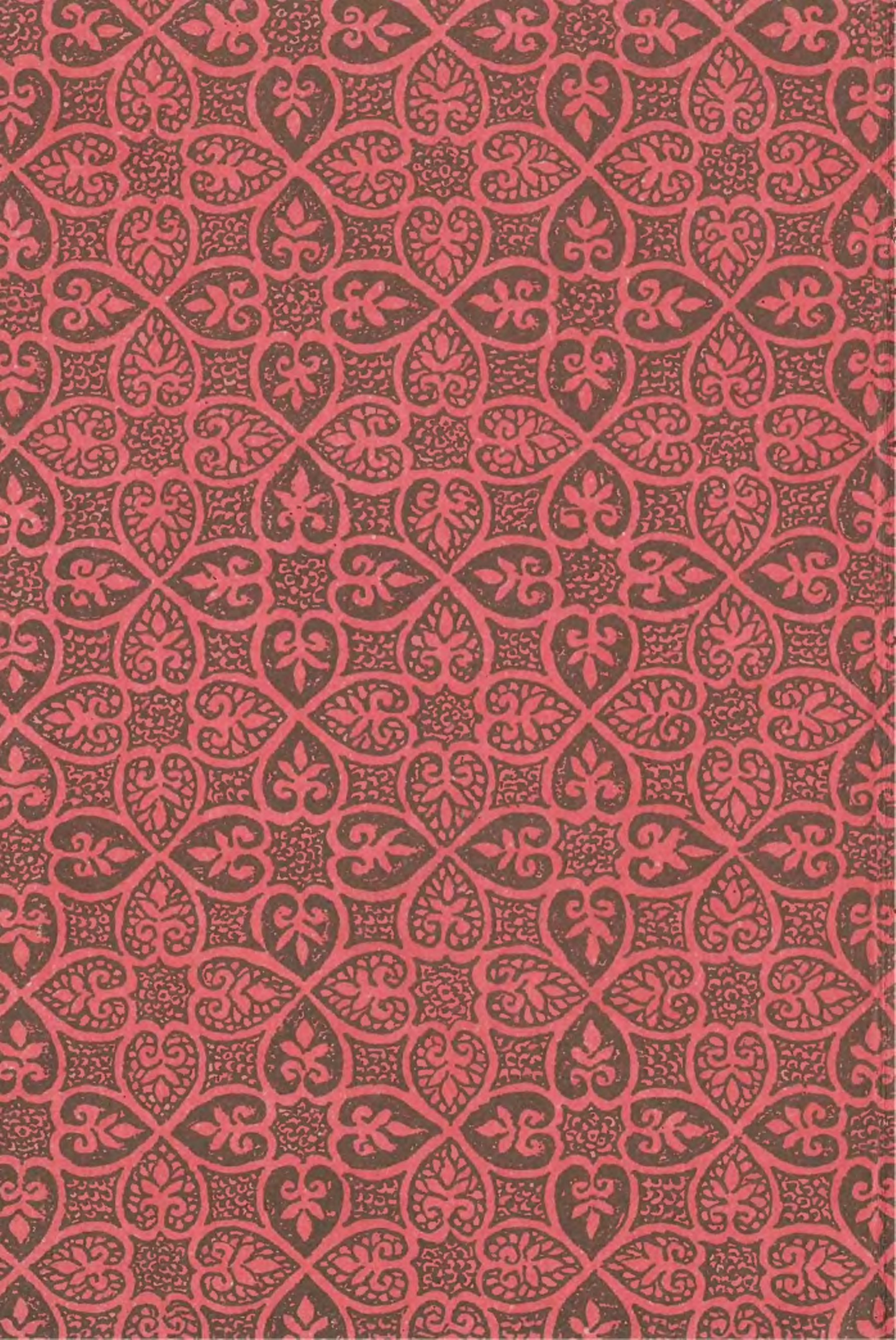

ВАРФОЛО-
МЕЕВСКАЯ
НОЧЬ

Scan Kreyder - 16.08.2014
STERLITAMAK

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
В РОМАНАХ

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

ХРОНИКА
ВЕЛИКИХ
СОБЫТИЙ

МОСКВА
«НОВАЯ КНИГА»

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАННАХ

**П. МЕРИМЕ
ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ
НОЧЬ**

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

**Д. ГЕНТИ
ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ
НОЧЬ**

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

**С. УЭЙМАН
ВОЛЧЬЕ ЛОГОВО
ЭПИЗОД ИЗ ВАРФОЛОМЕЕВСКОЙ
НОЧИ**

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

**ТЮРПЕН ДЕ-САНСЭ
МЯСНИК КАРЛА IX
ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО**

МОСКВА
«НОВАЯ КНИГА»

Серия основана в 1993 году

Варфоломеевская ночь. П. Мериме. Варфоломеевская ночь. Пер. с франц. Д. Генти. Варфоломеевская ночь. Пер. с англ. С. Уэйман. Волчье логово. Пер. с англ. Тюрпен де Сансэ. Мясник Карла IX. Пер. с франц. Исторические романы.— М.: «Новая книга», 1994.— 592 с. («Всемирная история в романах»: «Хроника великих событий»).

Книга посвящена трагическим событиям ночи на 24 августа 1572 года (праздник святого Варфоломея по католическому календарю), когда в Париже была совершена массовая резня гугенотов, организованная королевой Екатериной Медичи и могущественным аристократическим родом Гизов.

Издание подготовлено при участии ИЧП «Стелла»

ISBN 5—8474—0204—X

ISBN 5—8474—0216—3

© Составление В. Козаченко, В. Нежданова, С. Тимченко, 1994

© Оформление Н. Егорова, 1994

© Название серии «Всемирная история в романах», издательство «Новая книга», 1993.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНТАХ

П. МЕРИМЕ

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ
НОЧЬ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

I

РЕЙТАРЫ

Недалеко от Этампа, если ехать в сторону Парижа, еще и поныне можно видеть большое квадратное здание со стрельчатыми окнами, украшенное несколькими грубыми изваяниями. Над входом находится ниша, где в прежние времена стояла мадонна из камня; но во время революции ее постигла та же участь, что и многих святых обоего пола,— она была торжественно разбита на куски председателем революционного клуба в Ларси. Впоследствии на ее место поставили другую деву Марию, правда, из гипса, но имеющую благодаря шелковым лоскуткам и стеклянным бусам довольно хороший вид и придающую почтенную внешность кабачку Клода Жиро.

Больше двухсот лет тому назад, а именно в 1572 году, здание это, как и теперь, служило приютом для жаждущих путников; но тогда у него была совсем другая внешность. Стены были покрыты надписями, свидетельствовавшими о различных этапах гражданской войны. Рядом со словами «Да здравствует принц»¹ можно было прочесть: «Да здравствует герцог Гиз!»² Смерть гугенотам!». Немного далее какой-то солдат нарисовал углем виселицу с повешенным и, дабы не

¹ Принц Конде.

² Гизы — феодальный герцогский род во Франции. Франциск Гиз — полководец и его брат Шарль — архиепископ Рейнский, зверские «усмирители» гугенотов, были всеильны при дворе короля Карла IX.

было ошибки, внизу прибавил подпись: «Гаспар де Шатильон»³. Но, по-видимому, спустя некоторое время местностью овладели протестанты, так как имя их вождя было стерто и заменено именем герцога Гиза. Другие надписи, полустертые, которые довольно трудно было разобрать и еще труднее передать в приличных выражениях, доказывали, что короля и его мать щадили не более, чем вождей партии. Но больше всех пострадала, казалось, от гражданских и религиозных распрей несчастная мадонна. Местах в двадцати на статуе были следы от пуль, свидетельствующие, как ревностно гугенотские солдаты старались разрушить то, что они называли «языческими идолами». Если каждый набожный католик снимал почтительно головной убор, проходя мимо статуи, то каждый протестантский всадник считал долгом выстрелить в нее из аркебузы⁴ и, понав, чувствовал такое же удовлетворение, как если бы сразил апокалиптического зверя⁵ и ниспроверг идолопоклонство.

В течение уже нескольких месяцев между враждующими разноречивцами был заключен мирный договор; но клятвы были произнесены устами, а не сердцем. Враждебность между обеими партиями продолжала существовать с прежней непримиримостью. Все говорило о том, что война только лишь замерла, все возвещало, что мир не может быть длительным.

Гостиница «Золотого льва» была наполнена солдатами. По иностранному выговору, по странной одежде в них можно было признать немецких конников, так называемых рейтаров, которые являлись предлагать свои услуги протестантской партии, особенно когда та была в состоянии хорошо их оплачивать. Если ловкость этих чужеземцев в управлении лошадьми и их искусство в обращении с огнестрельным оружием делало их грозными в час сражения, то, с другой стороны, они пользо-

³ Гаспар де Шатильон — так называли иногда католики адмирала Колиньи. Гаспар — было его имя, а Шатильон — старинный дворянский род, из которого происходил Колиньи.

⁴ Аркебуза — ручное огнестрельное оружие, употреблявшееся в XV и XVI веках. В России это оружие называли пищаль.

⁵ Апокалиптический зверь — описан в «Апокалипсисе», одной из книг Нового Завета.

вались славой, может быть еще более заслуженной, отчаянных грабителей и беспощадных убийц. Отряд, расположившийся в гостинице, состоял из полусотни конных; они выехали из Парижа накануне и направлялись в Орлеан, чтобы остаться там в качестве местного гарнизона.

Покуда одни чистили лошадей, привязанных к стене, другие разводили огонь, поворачивали вертела и занималисьстряпней. Несчастный хозяин гостиницы, с шапкой в руках и слезами на глазах, смотрел на беспорядок, произведенный в его кухне. Он видел, что курятник опустошен, погреб разграблен, а у бутылок прямо отбивают горлышки, не откупоривая; к довершению несчастья, ему было хорошо известно, что, несмотря на строгие приказы короля относительно военной дисциплины, ему ничего было ждать возмещения убытков со стороны тех, кто обращался с ним, как с неприятелем. В эти злосчастные времена общепризнанной истиной было то, что войско в походе жило всегда за счет обитателей тех местностей, где оно находилось.

За дубовым столом, потемневшим от жира и копоти, сидел капитан рейтаров. Это был высокий, полный человек, лет под пятьдесят, с орлиным носом, воспаленным цветом лица, редкой седоватой бородой, плохо прикрывавшей широкий шрам, начинавшийся от левого уха и терявшийся в густых усах. Он снял свою кирасу и каску и оставался в одном камзоле из венгерской кожи, который был вытерт дочерна оружием и тщательно заплатам во многих местах. Сабля и пистолеты лежали на скамейке у него под рукой; на всякий случай он оставил при себе широкий кинжал — оружие, с которым благо-разумный человек расставался, только ложась спать.

По левую руку от него сидел высокий, довольно стройный молодой человек с румяным лицом. Камзол у него был вышит, и вообще во всем костюме заметна была большая изысканность, чем у товарища. Тем не менее он был всего только корнетом при капитане.

Компанию с ними разделяли две молодые женщины, лет по двадцати — двадцати пяти, сидевшие за тем же столом. В их платьях, сшитых не по ним и, по-видимому, попавших в их руки как военная добыча, сочетались ни-

щета и роскошь. На одной был надет лиф из твердого шелка, затканного золотом, но совершенно потускневшего, и простая холщевая юбка, на другой — роба⁶ из лилового бархата и мужская шляпа из серого фетра, украшенная петушиным пером. Обе были недурны собой; по их смелым взглядам и вольным речам чувствовалось, что они привыкли жить среди солдат. В Германии они не имели никаких определенных занятий. Женщина в лиловом бархате была цыганкой; она умела гадать по картам и играть на мандолине. Другая была сведуща в хирургии и, по-видимому, пользовалась преимущественным уважением корнета.

Перед каждым из четырех стояло по большой бутылке и по стакану; они болтали и пили в ожидании обеда.

Разговор уже истощался, как вдруг перед входом в гостиницу остановил свою хорошую рыжую лошадь молодой человек высокого роста, довольно элегантно одетый. Рейтарский трубач поднялся со скамейки, на которой сидел, и, подойдя к незнакомцу, взял его лошадь под уздцы. Незнакомец счел это за доказательство вежливости и хотел уже поблагодарить; но он сейчас же понял свою ошибку, так как трубач открыл лошади рот и глазом знатока осмотрел ей зубы; потом отошел и, со стороны оглядев ноги и круп благородного животного, покачал головой с удовлетворенным видом:

— Хорошая лошадь, сударь, на которой вы приехали! — сказал он на ломаном французском языке и прибавил еще несколько слов по-немецки, возбуждивших смех среди его товарищей, к которым он тотчас же вернулся.

Этот бесцеремонный осмотр пришелся не по вкусу путешественнику, но он ограничился тем, что бросил презрительный взгляд на трубача и соскочил на землю без посторонней помощи.

Тут вышел из дому хозяин трактира, почтительно принял из рук путешественника поводья и сказал ему шопотом на ухо, чтобы рейтарам не было слышно:

— Бог в помощь, молодой барин, но не в добрый час вы приехали. Компания этих нехристей (чтоб святой Хри-

⁶ Роба — длинное пышное платье.

стофор свернул им шею) не очень-то приятна для таких добрых христиан, как мы с вами.

Молодой человек горько улыбнулся.

— Эти господа — протестантская кавалерия? — сказал он.

— К тому же рейтары! — подхватил трактирщик. — Накажи их, мать богородица! Только час здесь пробыли, а уже половину вещей у меня переломали. Такие же боссовестные грабители, как и коновод их, де Шатильон, чертов адмирал.

— До седых волос вы дожили, — ответил молодой человек, — а ума не нажили. А вдруг вы говорите с протестантом, и он ответит вам здоровой затрещиной? — Говоря это, он постегивал по своим сапогам из белой кожи хлыстом, которым он погонял лошадь.

— Как!.. что?.. Вы — гугенот?! Протестант, хотел я сказать, — воскликнул изумленный трактирщик.

Он отступил на шаг и осмотрел незнакомца с головы до ног, словно ища в его костюме какого-нибудь признака, по которому можно было бы различить, какую религию исповедует незнакомец. Этот осмотр и открытое, смеющееся лицо молодого человека понемногу его успокоили, и он снова начал еще тише:

— Протестант в зеленом бархатном платье! Протестант в испанских брыжжах! Нет, это невозможно! Нет, барин, такого удальства не видать у еретиков. Пресвятая Мария, камзол из тонкого бархата — жирно будет для этих оборванцев!

Хлыст свистнул и, ударив бедного трактирщика по щеке, послужил как бы символом веры его собеседника.

— Нахал! Учись держать язык за зубами! Ну, веди лошадь на конюшню, и чтоб всего там было ей вволю!

Трактирщик, опустив печально голову, повел лошадь в какой-то сарай, ворча про себя проклятья и немецким и французским еретикам, и если бы молодой человек не пошел за ним следом посмотреть, какой уход будет за его лошадыю, несомненно бедное животное, в качестве еретического, оставлено было бы на ночь без корма.

Приезжий вошел в кухню и приветствовал собравшихся там, грациозно приподняв большую широкополую шляпу, оттененную желто-черным пером. Капитан отве-

тил ему на поклон, и некоторое время оба молча смотрели друг на друга.

— Капитан,— сказал приезжий молодой человек,— я дворянин из протестантов, и я рад встретить здесь соотечественников по вере. Если вы ничего не имеете против,— мы поужинаем вместе.

Вежливое обращение и элегантное платье приезжего расположили капитана в его пользу, и он ответил, что тот ему оказывает честь. Молодая цыганка Мила, о которой мы упоминали, поспешила очистить ему место на скамейке возле себя. И, будучи от природы услужливой, она даже дала ему свой стакан, который капитан сейчас же и наполнил.

— Меня зовут Дитрих Горнштейн,— сказал капитан, чокаясь с молодым человеком.— Вы, конечно, слышали о капитане Дитрихе Горнштейне. Это я водил «потерянных детей» в бой при Дре, а затем при Арне-ле-Дюк.

Приезжий понял, что окольным путем у него спрашивают, как его зовут; он ответил:

— К сожалению, я не могу назвать такого же знаменитого имени, как ваше, капитан; я имею в виду конечно только себя, потому что имя моего отца сделалось достаточно известным за нашу гражданскую войну. Меня зовут Бернар де Мержи.

— Кому вы называете эту фамилию! — воскликнул капитан, наполняя свой стакан до краев.— Я знавал вашего батюшку, г-на Бернара де Мержи! С первой гражданской войны я знал его, как знают близкого друга. За его здоровье, г-н Бернар!

Капитан протянул свой стакан и сказал отряду несколько слов по-немецки. Как только он поднес вино к губам, все его кавалеристы с криком подбросили свои шапки в воздух. Трактирщик, думая, что это сигнал к избиванию, бросился на колени. Бернара несколько удивило это необыкновенное доказательство уважения; тем не менее он счел своим долгом в ответ на эту немецкую вежливость выпить за здоровье капитана.

Бутылки до его прихода понесли уже сильный урон, так что на новый тост вина нехватило.

— Вставай, святоша! — сказал капитан, повернувшись к трактирщику, продолжавшему стоять на коле-

нях.— Вставай и иди за вином. Разве не видишь, что бутылки пусты?

В виде наглядного доказательства корнет запустил ему в голову одной из бутылок. Трактирщик побежал в подвал.

— Человек этот отъявленный нахал,— сказал де Мержи,— но если бы бутылка попала, вы могли бы причинить ему больше вреда, чем сами хотели.

— Вздор! — ответил корнет, громко расхохотавшись.

— Голова паписта крепче бутылки, хотя такая же пустая! — заметила Мила.

Корнет расхохотался еще громче; все последовали его примеру, даже Мержи, хотя улыбка на его устах была вызвана скорее красивыми губами цыганки, чем ее жестокой остротой.

Принесли вина, затем подали ужин, и после некоторого молчания капитан, дожевывая пищу, снова вступил в разговор:

— Знавал ли я г-на де Мержи! Он был полковником в пехоте, начиная с первого похода принца. Два месяца подряд, во время осады Орлеана, мы стояли с ним в одном помещении... А как теперь его здоровье?

— Для его преклонных лет, слава богу, недурно. Он часто рассказывал мне о рейтарах и об их лихих атаках во время боя при Дре.

— Я знал и старшего его сына... вашего брата... капитана Жоржа. Я хочу сказать, до его...

Мержи казался смущенным.

— Это был храбрец неустрашимый,— продолжал капитан,— но, черт возьми, горячая голова! Мне было очень досадно за вашего батюшку; отступничество сына немало должно было причинить ему горя.

Мержи покраснел до корней волос; он что-то пробормотал в оправдание своему брату, но легко можно было заметить, что он осуждает его еще строже, чем капитан рейтаров.

— Ах, как видно, вам это неприятно,— сказал капитан; — ну, так не будем больше говорить об этом. Это потеря для религии и большое приобретение для короля, который, говорят, держит его в большом почете.

— Вы прибыли из Парижа,— прервал его Мержи,

стараясь перевести разговор на другую тему,— г-н адмирал уже прибыл? Вы его видели, конечно? Как он себя чувствует?

— Он возвратился из Блуа вместе с двором, когда мы выступали. Прекрасно себя чувствует, свеж и бодр. Его еще хватит на двадцать гражданских войн! Его величество обращается с ним так внимательно, что все паписты лопаются с досады.

— Да и правда! Король всегда останется у него в долгу за его доблести!

— Как раз вчера я видел, как на Луврской лестнице король пожимал руку адмиралу. У г-на де Гиза, что шел позади них, был жалкий вид побитой собаки; а мне,— знаете, что мне пришло в голову? Мне казалось, будто дрессировщик показывает льва на ярмарке; заставляет его подавать лапу, как делают собачки; но, хоть парень и не моргнет и виду не показывает, но ни на минуту не забывает, что у лапы, которую он держит, страшные когти. Да, провалиться мне на месте, если король не чувствует адмиральские когти!

— У адмирала длинная рука,— сказал корнет. (Это выражение ходило как поговорка в протестантском войске.)

— Для своих лет он очень видный мужчина,— заметила Мила.

— Как любовник он, по-моему, не хуже любого молодого паписта! — подхватила Трудхен, подруга корнета.

— Это — столп веры! — произнес Мержи, чтобы тоже принять участие в восхвалениях.

— Да, но он чертовски строг в вопросах дисциплины,— сказал капитан, покачав головой.

Корнет многозначительно подмигнул, и его толстая физиономия сморщилась в гримасу, которую он считал улыбкой.

— Не ожидал,— сказал Мержи,— от такого старого солдата, как вы, капитан, упреков г-ну адмиралу за точное соблюдение дисциплины, которого он требует в своих войсках.

— Да, спору нет, дисциплина нужна; но в конце-концов нужно и то принять в расчет, сколько солдату при-

ходится переносить невзгод, и потому не надо запрещать ему хорошо провести время, когда случайно это ему удастся. Ну, что же? У всякого человека есть свои недостатки, и хотя он однажды приказал меня повесить, — выпьем за здоровье адмирала.

— Адмирал приказал вас повесить? — воскликнул Мержи. — Но для повешенного вы очень бодры.

— Да, черта с два! Он приказал меня повесить, но я не злопамятен — и выпьем за его здоровье.

Раньше чем Мержи успел возобновить свои вопросы, капитан налил всем стаканы, снял шляпу и велел своим кавалеристам троекратно прокричать ура. Когда стаканы были опорожнены и шум стих, Мержи снова начал:

— За что же вы были повешены, капитан?

— За пустяк! Разграблен был монастыришко в Сент-Онже, потом случайно сгорел.

— Да, но не все монахи оттуда вышли, — прервал его корнет, хохоча во все горло над своей острою.

— Э, какая разница, — сгорят ли подобные каналы немного раньше, или позже?! А адмирал между тем, поверите ли, г-н де Мержи, адмирал всерьез рассердился; он велел меня арестовать, и великий профос⁷ без дальних околичностей наложил на меня руку. Тогда все приближенные адмирала, дворяне и вельможи, вплоть до г-на ла Ну⁸, не отличающегося, как известно, особой нежностью к солдатам (ла Ну, как передают, всегда говорит «ну!» и никогда «тиру!»), все капитаны просили о моем помиловании, но он отказал наотрез! Он всю зубочистку изжевал от ярости, а вы знаете поговорку: «Боже, избави нас от «отче наш» г-на де Монморанси⁹ и от зубочистки г-на адмирала». «Мародерщину, — сказал он, — надо истреблять, прости господи, пока она — дев-

⁷ Профос — Верховный судья.

⁸ Ла Ну, Франсуа (1531—1591) — один из видных военных вождей гугенотов. Во время гражданских войн лишился в 1570 году левой руки и носил искусственную железную руку. Оставил после себя ряд статей по вопросам политики и военной тактики, а также воспоминания.

⁹ Монморанси, герцог (1493—1567) — видный политический и военный вождь католической партии. Смертельно ранен в битве при Сен-Дени.

чонка, а если мы дадим ей вырасти в большую барышню, так она сама нас истребит». Тут пришел пастор с книжкой под мышкой, и нас повели обоих под некий дуб... как теперь вижу,— ветка вперед выдалась, будто нарочно для этого выросла; на шею мне надели веревку... всякий раз, как вспомню об этой веревке, так горло и пересохнет, словно трут...

— На, промочи,— сказала Мила и до краев наполнила стакан рассказчику.

Капитан залпом осушил его и продолжал следующим образом:

— Я уже смотрел на себя ни более ни менее как на дубовый желудь, как вдруг мне пришло в голову сказать адмиралу: «Эх, монсеньор, мыслимо ли так вешать человека, который при Дре командовал «потерянными детьми»? Вижу, он выплюнул зубочистку и принялся за другую. Я думаю: «Прекрасно, хороший знак!» Подозвал он капитана Кормье и что-то тихонько ему сказал. Потом обращается к палачу: «Ну, вздернуть этого человека!» А сам отвернулся. Меня в самом деле вздернули, но славный капитан Кормье выхватил шпагу и сейчас же разрубил веревку, так что я упал со своей ветки, красный, как вареный рак.

— Поздравляю вас,— сказал Мержи,— что вы так дешево отделались.— Он внимательно стал вглядываться в капитана и, казалось, испытывал некоторое смущение от того, что находится в обществе человека, по справедливости заслужившего повешение, но в те злосчастные времена преступления совершались так часто, что почти не было возможности относиться к ним с такой строгостью, с какой отнеслись бы теперь. Жестокости одной партии оправдывали репрессии другой, а религиозная ненависть заглушала почти всякое чувство национальной приязни. Притом же, если говорить правду, тайные знаки внимания со стороны Милы, которую Мержи начинал находить очень хорошенькой, и винные пары, оказывавшие на его молодые мозги большее действие, чем на привычные головы рейтаров,— все это внушало Мержи в эту минуту исключительную снисходительность к его застольным товарищам.

— Я больше недели прятала капитана в крытой по-

возке,— сказала Мила,— и позволяла выходить только по ночам.

— А я приносила ему пить и есть,— подхватила Трудхен,— он сам подтвердит это.

— Адмирал сделал вид, что страшно рассердился на Кормье, но все это было лишь условленной между ними комедией. Что касается меня, то я долго следовал за войском, не осмеливаясь показаться на глаза адмиралу. Наконец при осаде Лоньяка он натолкнулся в окопе на меня и говорит: «Дитрих, дружище, раз ты не повешен, придется тебя расстрелять»,— и показывает мне на брешь. Я понял, что он хочет сказать, и храбро бросился на приступ. На следующий день я представился ему на главной улице, держа в руках простреленную шляпу. «Монсеньор,— говорю я ему,— меня так же расстреляли, как и повесили». Он улыбнулся и дал мне кошелек, прибавив: «Вот тебе на новую шляпу!» С тех пор мы сделались друзьями. Да, в Лоньяке... вот это был грабеж так грабеж! Вспомнить только — так слюнки потекут!

— Ах, какие чудные шелковые платья! — воскликнула Мила.

— Сколько прекрасного белья! — воскликнула Трудхен.

— Горячее было дело у монахинь главной обители! — сказал корнет.— Двести конных стрелков стали на постой к сотне монашенок!..

— Больше двадцати из них отступились от папизма,— сказала Мила,— так по вкусу пришлись им гугеноты.

— Стоило там посмотреть на моих аргулетов¹⁰,— воскликнул капитан: — идут понть лошадей, а сами в церковных ризах, коней кормили в алтарях, а мы пивали славное церковное вино из серебряных причастных чаш!

Он повернул голову, чтобы потребовать еще вина, и увидел, что трактирщик сложил руки и поднял глаза к небу с выражением неопишемого ужаса.

— Дурак! — произнес храбрый Дитрих Горнштейн, пожимая плечами.— Можно ли быть таким глупым че-

¹⁰ Разведчики, легкие войска.

ловском, чтобы верить всем рассказам, что болтают папистские попы! Знаете, г-н де Мержи, в сражении при Монконтуре я убил из пистолета какого-то дворянчика из свиты герцога д'Анжу; снял с него камзол,— и что же, вы думаете, нахожу у него на животе? Большой кусок шелка, весь покрытый именами святых. Он считал, что это предохранит его от пули! Черта с два! Я доказал ему, что нет такой ладанки, которую не просверлила бы протестантская пуля.

— Да, ладанки,— вмешался корнет; — у меня на родине больше в ходу кусочки пергамента, защищающие от свинца и железа.

— Я предпочел бы хорошо выкованный стальной панцирь,— заметил Мержи,— вроде тех, что в Нидерландах выделывает Яков Лешо.

— А все-таки,— снова начал капитан,— нельзя отрицать, что и без панциря можно сделать себя неуязвимым. Уверяю вас, я сам видел в Дре одного дворянина, которому пуля угодила прямо в середину груди. Он знал рецепт мази, которая делает неуязвимым, и натерся ею под нагрудником из буйволово́й шкуры. Так вот, у него не было видно даже черного и красного знака, что остается после контузии.

— А не думаете ли вы, что одного нагрудника из буйволово́й шкуры, о котором вы упоминали, было достаточно, чтобы обезвредить удар пули?

Уж такие эти французы, ничему не хотят верить! А что бы вы сказали, если бы, как я, видели, как один силезский латник¹¹ положил руку на стол, и как ни тыкали в нее ножом, не могли сделать даже царапины? Вы смеетесь? Думаете, что это невозможно? Спросите вот у этой девушки, у Милы. Она из страны, где колдуны так же часто встречаются, как здесь монахи. Она умеет рассказывать страшные истории. Бывало, в длинные осенние вечера, когда под открытым небом усядемся мы у костра, так она такие приключения нам рассказывала, что у меня волосы вставали дыбом.

— Я бы с восторгом послушал какую-нибудь из та-

¹¹ Латник — воин, носящий латы-броню, покрывающие тело, руки и ноги.

ких историй,— произнес Мержи.— Красотка Мила, доставьте мне такое удовольствие.

— Да, правда, Мила,— поддержал капитан,— расскажи нам какую-нибудь историю, пока мы будем осушать бутылки.

— Ну, слушайте же! — сказала Мила.— А вы, молодой барин, который ни во что не верит, все ваши сомнения потрудитесь оставить при себе.

— Как можете вы говорить, что я ни во что не верю?! — ответил ей вполголоса Мержи.— Уверяю вас, я верю в то, что вы меня приворожили; я уже совершенно влюблен в вас.

Мила тихонько его оттолкнула, так как губы Мержи почти касались ее щеки; и, бросив направо и налево беглый взгляд, чтобы удостовериться, что все ее слушают, она начала следующим образом:

— Капитан, вы, конечно, бывали в Гамельне?..

— Никогда.

— А вы, корнет?

— Тоже никогда.

— Что же, тут никого нет, кто бывал в Гамельне?

— Я провел там год,— сказал, подходя, какой-то кавалерист.

— Так видел ты, Фриц, гамельнский собор?

— Тысячу раз.

— И расписные окна в нем?

— Разумеется.

— А видел ты, что нарисовано на этих окнах?

— На этих окнах?.. На окне по левую сторону, по моему, изображен высокий черный человек, он играет на флейте, а за ним бегут маленькие дети.

— Верно. Так вот, я вам и расскажу историю этого черного человека с маленькими детьми.

Много лет тому назад жители Гамельна страдали от неисчислимого множества крыс, которые шли с севера такими густыми стадами, что вся земля почернела от них, и ямщики не осмеливались пересекать дорогу, по которой двигались эти крысы. Они в одну минуту все пожирали, для них съесть в амбаре бочку с зерном было таким же плевым делом, как для меня выпить стакан этого доброго вина.

Она выпила, утерлась и продолжала:

— Мышеловки, крысоловки, капканы, отравы — ничего не помогало. Из Бремена выписали баржу, нагруженную тысячью ста кошками, но ничего не действовало: истребят тысячу крыс, а им на смену являются десять тысяч, еще более голодных, чем первые. Короче сказать, не приди вовремя избавление от этих крыс, ни одного зерна не осталось бы в Гамельне и все жители умерли бы с голоду. И вот, в одну прекрасную пятницу к бургомистру является высокий человек, смуглый, сухощавый, с большими глазами, рот до ушей, одет в красный камзол, остроконечную шляпу, широкие штаны с лентами, серые чулки и башмаки с бантиками огненного цвета. На боку кожаный мешочек. Я, как живого, вижу его перед собою.

Все невольно повернули глаза к стене, на которую пристально смотрела Мила.

— Значит, вы его видели? — спросил Мержи.

— Не я, но моя бабушка; она так хорошо помнила его внешность, что могла бы нарисовать портрет.

— И что же он сказал бургомистру?

— Он предложил ему за сто дукатов избавить город от постигшей его беды. Само собою разумеется, что бургомистр и горожане сейчас же ударили с ним по рукам. Тогда пришедший человек вынул из своей сумки бронзовую флейту и, встав на базарной площади перед собором, — но, заметьте, повернувшись к нему спиной, — начал играть такую странную мелодию, какой не играл ни один немецкий флейтист. И вот, услышав эту мелодию, крысы и мыши из всех амбаров, из норок, из-под стропил, из-под черепиц на крышах сотнями, тысячами сбежались к нему. Потом незнакомец направился к Везеру, все время продолжая играть на флейте; там он снял штаны и вошел в воду, а за ним и все гамельнские крысы, которые сейчас же и потонули. Во всем городе осталась одна только крыса, и вы сейчас увидите почему. Колдун, — ведь он был колдун, — спросил у одной отставшей крысы, которая еще не вошла в Везер: «А почему Клаус, седая крыса, еще не явилась?» — «Сударь, — ответила крыса, — она так стара, что не может ходить» — «Так ты сходи за нею», — ответил колдун. И крыса по-

шла обратно в город, откуда она скоро и вернулась с большой седой крысой, такой уж старой, что она двигаться не могла. Крыса помоложе потащила старую за хвост, и обе вошли в Везер, где и потонули, как их товарки. Итак, город был от крыс очищен. Но когда незнакомец явился в ратушу за условленной платой, то бургомистр и горожане, сообразив, что крыс им теперь нечего бояться, а с человеком без покровителей можно и подешевле разделаться, не постыдились предложить ему десять дукатов вместо обещанной сотни. Незнакомец настаивал, — они его послали к черту. Тогда он пригрозил, что заставит их заплатить дорожке, если они не будут придерживаться договора. Горожане расхохотались на его угрозу и выставили его из ратуши, назвав славным крысоловом; кличку эту повторяли и городские ребяташки, которые бежали за ним по улицам вплоть до новых ворот. В следующую пятницу незнакомец снова появился среди базарной площади, на этот раз в шляпе пурпурового цвета, заломленной самым причудливым образом. Из сумки он вынул флейту, совсем другую, чем в первый раз, и как только заиграл на ней, так все мальчики в городе от шести до пятнадцати лет последовали за крысоловом и вместе с ним вышли из города.

— И гамельнские жители так и позволили их увести? — спросили в один голос Мержи и капитан.

— Они их провожали до горы Коппенберг, где была пещера, теперь заваленная. Флейтист вошел в пещеру и все дети за ним следом. Некоторое время слышны были звуки флейты, мало-помалу они затихали, и наконец все умолкло. Дети исчезли, и с тех пор о них ни слуху, ни духу.

Цыганка остановилась, чтобы судить по лицам слушателей о впечатлении, произведенном ее рассказом.

Первым начал говорить рейтар, бывавший в Гамельне:

— История эта настолько достоверна, что, когда в Гамельне идет речь о каком-нибудь событии, всегда говорят: «Это случилось двадцать лет, десять лет спустя после ухода наших детей... Г-н фон Фалькенштейн разграбил наш город через шестьдесят лет после ухода наших детей».

— Но всего любопытнее,— сказала Мила,— то, что в это же время далеко оттуда, в Трансильвании, появились какие-то дети, хорошо говорившие по-немецки, которые не могли объяснить, откуда они пришли. Они выросли и поженились в Трансильвании и научили своих детей родному языку, и с тех пор в этой местности жители говорят по-немецки.

— Так значит это были те самые дети, которых дьявол увел из Гамельна? — спросил Мержи с улыбкой.

— Небом клянусь, что это верно! — воскликнул капитан.— Я ведь бывал в Трансильвании и отлично знаю, что там говорят по-немецки, меж тем как вокруг лопочут на каком-то тарабарском языке.

Свидетельство капитана имело не меньший вес, чем многие другие доказательства.

— Хотите, я вам погадаю? — спросила Мила у Мержи.

— Пожалуйста,— ответил Мержи, обняв левой рукой за талию цыганку, меж тем как ладонь правой подставил ей для гаданья.

Мила минут пять рассматривала ее молча и от времени до времени задумчиво покачивала головой.

— Ну, дитя мое, скажи — получу ли я в любовницы женщину, которую я люблю?

Мила щелкнула его по руке.

— Счастье и несчастье; от голубого глаза — и зло и добро. Хуже всего, что ты прольешь свою родную кровь.

Капитан и корнет хранили молчание, по-видимому, оба одинаково потрясенные зловещим концом предсказания. Трактирщик в сторонке размахисто крестился.

— Я поверю, что ты — настоящая колдунья,— сказал Мержи,— если ты мне скажешь, что я сейчас сделаю.

— Поцелуешь меня,— прошептала ему на ухо Мила.

— Она колдунья! — воскликнул Мержи, целуя ее.

Он продолжал тихонько беседовать с хорошенькой гадальщицей, и, по-видимому, с каждой минутой они все лучше и лучше понимали друг друга.

Трудхен взяла мандолину, у которой почти все струны были целы, и сыграла немецкий марш. Затем, видя, что около нее кружком стоят солдаты, она спела на родном языке военную песню, припев которой рейтары под-

хватывали во все горло. Возбужденный ее примером, капитан тоже принялся петь таким голосом, что стекла едва не лопнули, старую гугенотскую песню, музыка которой по варварству могла поспорить со словами:

Наш доблестный Конде
В сырой лежит земле.
Но добрый адмирал,
С коня он не слезал;
Ему с Ларошфуко
Прогнать папистов легко,
Легко, легко, легко!

Рейтары, возбужденные вином, затянули каждый свою песню. Пол покрылся осколками бутылок и битой посудой; кухня наполнилась ругательствами, хохотом и похабными песнями.

Скоро, однако, сон, которому способствовали пары орлеанских вин, дал почувствовать свою власть большинству из участников этой оргии. Солдаты улеглись по скамейкам; корнет, поставив у дверей двух часовых, шатаясь, поплелся к своей постели; капитан, не потерявший еще чувства прямой линии, не лавируя, поднялся по лестнице в комнату самого хозяина, которую выбрал для себя как самую лучшую в гостинице.

А Мержи с цыганкой? Они оба исчезли, раньше чем капитан начал петь.

II

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ПИРУШКИ

Солнце уже давно встало, когда проснулся Мержи. В его голове смутно проносились воспоминания вчерашнего вечера. Платье его валялось разбросанным по комнате, чемодан был открыт и стоял на полу. Он сел, не спуская ног, и некоторое время созерцал эту картину беспорядка, потирая лоб, словно для того, чтобы собраться с мыслями. Черты его лица выражали одновременно усталость, удивление и беспокойство.

На каменной лестнице, ведущей в его комнату, раздались тяжелые шаги. В двери даже не соблаговолили постучать,— они прямо открылись, и вошел трактирщик

с еще более нахмуренной физиономией, чем накануне; но во взгляде его легко было прочесть наглость вместо прежнего страха. Он окинул взором комнату и перекрестился, словно его охватил ужас при виде беспорядка.

— Ах, молодой барин,— воскликнул он,— вы еще в постели? Пора вставать: нам надо с вами сосчитаться.

Мержи зевнул ужасающим образом и выставил одну ногу.

— Почему такой беспорядок? Почему мой чемодан открыт? — спросил он тоном не менее недовольным, чем тон хозяина.

— Почему? Почему? — ответил тот.— А я почему знаю? Мне дела нет до вашего чемодана! Вы в моем доме устроили еще худший беспорядок. Но, клянусь моим покровителем, святым Евстахием, вы мне за это заплатите!

Покуда он говорил, Мержи надевал свои пунсовые штаны, из незастегнутого кармана которых выпал его кошелек. Мержи показалось, что кошелек брякнул не так, как следовало. Он сейчас же тревожно его подобрал и открыл.

— Меня обокрали! — воскликнул он, оборачиваясь к хозяину.

Вместо двадцати золотых экую, находившихся в кошельке, оставалось только два.

Дядя Эсташ с презрительной улыбкой пожал плечами.

— Меня обокрали! — повторил Мержи, торопливо завязывая пояс.— У меня было двадцать золотых экую в этом кошельке, и я желаю получить их обратно; их стащили у меня в вашем доме.

— Я от души этому рад, провалиться мне на месте! — нагло воскликнул хозяин.— Это вас научит, как якшаться с ведьмами и воровками. Впрочем,— прибавил он, понижая голос,— рыбака рыбака видит издалека. Вся эта палачная пожива: еретики, колдуны и воры — всегда вместе хороводятся.

— Что ты толкуешь, негодяй! — закричал Мержи, рассерженный тем сильнее, что в душе он чувствовал справедливость упреков и, как всякий человек, который неправ, искал предлога для ссоры.

— Я толкую,— отвечал трактирщик, подбочениваясь,— я толкую, что вы все у меня в доме переломали, и требую, чтобы вы мне заплатили за убытки все до последней копейки.

— Свою долю я заплачу и ни гроша больше. Где капитан Корн... Горнштейн?

— У меня выпито,— продолжал все громче кричать дядя Эсташ,— у меня выпито больше двух сотен бутылок хорошего старого вина, и вы ответите мне за это.

Мержи совсем оделся.

— Где капитан? — закричал он громовым голосом.

— Два часа как убрался. И пусть бы он убирался к черту со всеми гугенотами, пока мы их всех не сожжем.

Здоровая оплеуха была единственным ответом, который в данную минуту нашелся у Мержи.

Сила и неожиданность удара заставили трактирщика отступить на два шага. Из кармана его штанов высовывалась костяная ручка большого ножа; он потянулся к ней. Несомненно произошло бы большое несчастье, уступил он первому движению гнева. Но благоразумие одержало верх над яростью; он заметил, что Мержи протягивает руку к длинной шпаге, висевшей над изголовьем кровати. Он сейчас же отказался от неравного боя и стремглав бросился вниз по лестнице, крича во все горло:

— Убивают! Жгут!

Оставшись хозяином поля битвы, но сильно беспокоясь за последствия своей победы, Мержи застегнул свой пояс, засунул за него пистолеты, запер чемодан и, взяв его в руку, решил идти с жалобой к ближайшему судье. Он открыл дверь и ступил на первую ступеньку, как вдруг внезапно перед его глазами предстала целая толпа врагов.

Впереди шел трактирщик со старым бердышом в руке, вслед за ним три поваренка, вооруженные вертелами и палками; арьергард составлял какой-то сосед с аркебузой. Ни та, ни другая сторона не ожидала такого быстрого столкновения. Каких-нибудь пять-шесть ступеней отделяли их друг от друга.

Мержи выпустил из рук чемодан и схватился за пистолет. Это враждебное движение дало понять дяде Эсташу и его спутникам, насколько было несовершенно их

боевое расположение. Как персы при Саламине¹², они не позаботились выбрать такой строй, который позволил бы им выгодно использовать свое численное преимущество. Единственный человек из их отряда, обладавший огнестрельным оружием, не мог им воспользоваться без того, чтобы не ранить находившихся впереди товарищей, между тем как пистолеты гугенота, казалось, могли уложить их всех одним выстрелом вдоль лестницы. Щелкнул курок, взведенный Мержи, и звук этот показался им таким же страшным, как самый выстрел. Естественным движением неприятельская колонна сделала полный поворот и побежала искать в кухне более обширное и благоприятное для себя поле сражения. Во время беспорядка, неразрывного с ускоренным отступлением, хозяин, желая повернуть бердыш, попал им себе между ног и свалился. Как великодушный противник, не достаивающий пустить в ход оружие против бегущего врага, Мержи ограничился тем, что бросил в беглецов своим чемоданом, который, обрушившись на них, как обломок скалы, с каждой ступеньки ускоряя свое движение, окончил разгром. Лестница очистилась от неприятеля, и в виде трофея остался сломанный бердыш.

Мержи быстро спустился в кухню, где враг уже перестроился в одну шеренгу. Владелец аркебузы держал свое оружие наготове и раздувал зажженный фитиль. Хозяин, весь в крови, так как при падении сильно расквасил нос, держался позади своих приятелей, подобно раненому Менелаю¹³, находившемуся в задних рядах греков. Вместо Махаона и Подалерия¹⁴ его жена, с распущенными волосами и развязавшимся головным убором, вытирала ему лицо грязной салфеткой.

Мержи без колебаний принял решение. Он прямо по-

¹² Персы при Саламине — намек на морскую битву при Саламине (480 г. до н. э.), где небольшой, но подвижный флот греков-афинян разбил огромный, но неповоротливый флот персидского царя.

¹³ Менелай — спартанский царь, вместе с другими греками осаждавший Трою (см. «Илиаду»).

¹⁴ Махаон и Подалерий — древнегреческие князья, обладавшие искусством врачевания и участвовавшие в походе против Трои, в качестве врачей и воинов (см. «Илиаду»).

дошел к человеку, державшему аркебузу, и приставил ему к груди дуло пистолета.

— Брось фитиль! Или ты умрешь! — закричал он.

Фитиль упал на пол, и Мержи, наступив сапогом на конец дымящегося жгута, потушил его. Остальные союзники сейчас же все сложили оружие.

— Что касается вас, — обратился Мержи к хозяину, — маленькое наказание, что вы от меня получили, научит вас, конечно, повежливее обращаться с проезжающими. Стоит мне захотеть — и местный уездный судья снимет вашу вывеску; но я не злопамятен. Ну, сколько придется на мою долю?

Дядя Эсташ, заметив, что Мержи спустил курок своего ужасного пистолета и даже засунул его себе за пояс, немного приободрился и, утирая лицо, печально пробормотал:

— Побить посуду, поколотить людей, расквасить нос добрым христианам... подымать шум, как черти... я не знаю, в конце-концов, чем можно вознаградить честного человека.

— Пойдите, — прервал его Мержи, улыбаясь, — за ваш расквашенный нос я заплачу вам столько, сколько, по-моему, он стоит. За разбитую посуду — обращайтесь к рейтарам, это их рук дело. Остается выяснить, сколько я вам должен за свой вчерашний ужин.

Хозяин посмотрел на жену, поварят и соседа, как бы ища у них в одно и то же время совета и покровительства.

— Рейтары, рейтары! — промолвил он, — не легкое дело получить с них деньги; их капитан дал мне три ливра, а корнет — пинок ногою.

Мержи взял одно из оставшихся у него золотых экю.

— Ну, — сказал он, — расстанемся по-хорошему. — И он бросил дяде Эсташу монету, но тот, вместо того чтобы подставить руку, пренебрежительно дал монете упасть на пол.

— Одно экю! — воскликнул он. — Экю за сотню разбитых бутылок! Одно экю за разорение всего дома! Одно экю за побои!

— Одно экю! Всего одно экю! — подхватила жена жалобным тоном. — Случается, что приезжают сюда и

католические господа; иногда пошумят, но, по крайней мере, те цену вещам знают.

Если бы кошелек у Мержи был в лучшем состоянии, он, несомненно, поддержал бы репутацию своих единомышленников, как людей щедрых.

— В час добрый! — сухо ответил он. — Но католические эти господа не были обворованы. Ну, решайте, — прибавил он, — принимайте это экую, а то ничего не получите. — И он сделал движение, как будто хотел взять его обратно.

Хозяйка сейчас же подобрала монету.

— Ну! Пускай выведут мне лошадь! А ты там брось свой вертел и вынеси мой чемодан.

— Вашу лошадь, барин? — переспросил один из рабочих дяди Эсташа и сделал гримасу.

Хозяин, несмотря на огорчение, поднял голову, и глаза его на минуту блеснули злорадством.

— Я сам сейчас вам ее выведу, барин; я сейчас вам выведу вашу славную лошадку! — И он вышел, продолжая держать у носа салфетку.

Мержи вышел за ним следом.

Каково же было его удивление, когда вместо прекрасной рыжей лошади, на которой он приехал, он увидел пегую клячонку с засекшимся коленом, вдобавок еще обезображенную широким шрамом на голове! Вместо своего седла из тонкого фландрского бархата он увидел кожаное седло, обитое железом, — одним словом, обыкновенное солдатское седло.

— Что это значит? Где же моя лошадь?

— Пусть ваша честь потрудится спросить об этом у господ протестантских рейтаров, — ответил хозяин с напускным смирением, — достойные эти гости увели ее с собою; и надо думать, они обознались, — очень похожа.

— Знатный конь! — проговорил один из поварят. — Бьюсь об заклад, что ему не больше двадцати лет.

— Никто не будет отрицать, что это — боевой конь, — сказал другой. — Посмотрите, какой сабельный удар получил он по лбу.

— И масть славная! — подхватил третий. — Что твой протестантский пастор: белая с черным.

Мержи вошел в конюшню; она была пуста.

— Как же вы допустили, чтобы мою лошадь увели? — закричал он в бешенстве.

— О, господи, барин! — сказал работник, на попечении которого была конюшня, — ее увел трубач и сказал, что вы уговорились с ним поменяться.

Мержи задыхался от гнева; в такой беде он не знал, с кого спрашивать.

— Я отыщу капитана, — проворчал он сквозь зубы, — и он строго взыщет с негодяя, который меня обворовал.

— Конечно, — сказал хозяин, — ваша честь хорошо сделает. У этого капитана... как, бишь, его фамилия?.. у него всегда было лицо вполне порядочного человека.

Мержи в уме уже решил, что кража совершена с соизволения, если и не по приказу самого капитана.

— Вы могли бы при этом воспользоваться случаем, — добавил хозяин, — и заодно вернуть свои золотые экую от молодой барышни; она, наверное, ошиблась, когда на рассвете связывала свои узлы.

— Прикажете привязать чемодан вашей милости к лошади вашей милости? — спросил конюх самым почтительным и приводящим в отчаяние тоном.

Мержи понял, что чем дольше он будет здесь оставаться, тем дольше ему придется подвергаться издевательствам этих каналов. Чемодан был уже привязан; он вскочил в скверное седло; но лошадь, почувствовав нового ездока, возымела коварное желание испытать его познания в верховой езде. Вскоре, однако, она заметила, что имеет дело с превосходным наездником, менее всего расположенным в данную минуту переносить ее милые шуточки; брыкнув несколько раз задними ногами, за что щедро была вознаграждена сильными ударами весьма острых шпор, она благоразумно решила подчиниться и пуститься крупной рысью в путь. Но часть своей силы она уже истощила в борьбе с наездником и с ней случилось то, что случается со всеми клячами в подобных случаях. Она упала, разбитая, как говорится, на все четыре ноги. Наш герой сейчас же поднялся на ноги, слегка помятый, но, главное, взбешенный улюлюканьем, раздававшимся по его адресу. С минуту он даже колебался, не пойти ли наказать насмешников ударами шпаги, но по здравом размышлении ограничился тем, что сделал вид,

будто не слышит оскорблений, несшихся к нему издали, и медленно поехал снова по орлеанской дороге, преследуемый издали ватагой ребятишек; те, что постарше, пели песню о Жане Петакене¹⁵, а малыши кричали изо всех сил:

— Бей гугенота! Бей гугенота! На костер!

Проковыляв довольно печально около полуверсты, Мержи подумал о том, что рейтаров он сегодня едва ли догонит, что лошадь его, наверно, уже продана, что, в конце концов, более чем сомнительно, чтобы эти господа согласились ее вернуть.

Мало-помалу он примирился с мыслью, что лошадь его пропала безвозвратно; и так как, допустив такое предположение, он и не имел никакой надобности в орлеанской дороге, то он снова пустился по парижской или, вернее сказать, по проселку, чтобы избежать необходимости проезжать мимо злополучной гостиницы, свидетельницы его злоключений. Так как он с малых лет приучился во всех событиях жизни находить хорошие стороны, то мало-помалу пришел к убеждению, что в сущности он счастливо и дешево отделался: его могли бы дочиста обокрасть, может быть даже убить, а между тем ему оставили еще одно золотое экю, почти все его пожитки и лошадь, правда, безобразную, но на которой можно все-таки ехать.

Сказать откровенно, воспоминание о хорошенькой Миле не раз вызывало у него улыбку.

Короче говоря, после нескольких часов пути и хорошего завтрака он почти был тронут деликатностью этой честной девушки, взявшей только восемнадцать экю из кошелька, в котором их было двадцать. Труднее было ему примириться с потерей своего славного рыжака, но он не мог не согласиться, что вор, более закоренелый, чем трубач, увел бы его лошадь, не оставив никакой взамен.

Вечером он приехал в Париж незадолго до закрытия ворот и остановился в гостинице на улице Сен-Жак.

¹⁵ Комический персонаж старой народной песни.

ПРИДВОРНАЯ МОЛОДЕЖЬ

Отправляясь в Париж, Мержи надеялся заручиться влиятельными рекомендациями к адмиралу Колиньи и получить службу в армии, которая собиралась, по слухам, выступить в поход во Фландрию под предводительством этого великого полководца. Он льстил себя надеждой, что друзья его отца, к которым он вез письма, поддержат его хлопоты и доставят ему доступ ко двору Карла и к адмиралу, у которого тоже было подобие двора. Мержи знал, что брат пользуется некоторым влиянием, но еще далеко не решил, следует ли его отыскивать. Отречение Жоржа де Мержи отделило его от семьи, для которой он сделался совсем чужим человеком. Это был не единственный пример семейного раскола на почве религиозных убеждений. Уже давно отец Жоржа запретил в своем присутствии произносить имя отступника, приводя в подтверждение своей строгости евангельский текст: «Если правое твое око соблазняет тебя, вырви его». Хотя молодой Бернар не вполне разделял такую непреклонность, тем не менее перемена религии казалась ему позорным пятном на их семейной чести, и, естественно, чувства братской нежности должны были пострадать от такого мнения.

Раньше чем он пришел к какому-нибудь решению, как себя вести по отношению к брату, раньше даже чем он успел разнести рекомендательные письма, он решил позаботиться о том, как бы пополнить свой пустой кошелек, и с такой целью вышел из своей гостиницы и направился на мост Сен-Мишель к золотых дел мастеру, который был должен известную сумму его семейству и на получение которой у Мержи была доверенность.

При входе на мост он встретился с несколькими молодыми людьми, очень изящно одетыми, которые, взявшись за руки, загоразживали почти совершенно узкий проход, оставленный на мосту между множеством лавок и ларьков, подымавшихся двумя параллельными стенами и целиком закрывавших от прохожих вид на реку. Позади этих господ шли их лакеи; у каждого из лакеев

в руках была длинная обоюдоострая шпага в ножнах, так называемая «дуэль», и кинжал, чашка которого была так широка, что при случае могла служить щитом. Вероятно, вес этого оружия казался слишком тяжелым для этих молодых господ; а может быть, они были рады показать всему свету, что у них есть богато одетые лакеи.

По-видимому, они находились в хорошем настроении, по крайней мере если судить по непрерывным взрывам смеха. Если мимо них проходила прилично одетая женщина, они ей кланялись полупочтительно, полунагло; большинству из этих повес доставляло удовольствие грубо толкать серьезных горожан в черных плащах; те отходили в сторону, вполголоса проклиная нахальство придворных молодчиков. Один из компании шел, опустив голову, и, казалось, не принимал никакого участия в общих развлечениях.

— Порази меня бог, Жорж,— воскликнул один из молодых людей, хлопая его по плечу,— ты делаешься невозможным букой! Вот уже целых четверть часа как ты рта не раскрыл. Ты хочешь сделаться молчальником?

Мержи вздрогнул при имени «Жорж», но он не слышал, что ответил человек, названный этим именем.

— Ставлю сто пистолей,— продолжал первый,— что он все еще влюблен в какое-нибудь чудовище добродетели. Бедный друг мой, жалею я тебя. Это большая неудача — встретить в Париже неприступную красавицу!

— Пойди к колдуну Рюдбеку,— заговорил другой,— он даст тебе приворотное питье; чтобы тебя полюбили.

— А может быть,— начал третий,— а может быть, наш друг капитан влюблен в монахиню. Эти черти гугеноты, обращенные или необращенные, что-то имеют против невест христовых.

Голос, который Мержи сейчас же узнал, отвечал с грустью:

— Черт возьми! Если бы дело шло только о любовных делах. Но,— прибавил он тише,— я поручил де Пону отвезти письмо к моему отцу. Он вернулся и передал мне, что тот упорствует и не желает слышать обо мне.

— Твой отец — человек старой закваски,— сказал один из молодых людей.— Он один из тех гугенотов, которые еще собирались взять Амбуаз.

В эту минуту капитан Жорж случайно обернулся и заметил Мержи.

Вскрикнув от удивления, он бросился к нему с распростертыми объятиями. Мержи ни минуты не колебался: он протянул ему руки и прижал его к своей груди. Будь встреча не столь неожиданной, он, может быть, попытался бы вооружиться равнодушием, но непредвиденность восстановила все права природы. После этой первой минуты их встреча протекала, как встреча друзей, не видевшихся после долгих странствий.

После объятий и первых расспросов капитан Жорж обернулся к своим друзьям, часть которых остановилась и наблюдала эту сцену.

— Господа,— сказал он,— видите, какая неожиданная встреча! Простите меня, если я вас покину, чтобы побеседовать с братом, с которым я не видался более семи лет.

— Нет, черт возьми, мы и слышать не хотим, чтобы ты сегодня не был с нами. Обед заказан, ты должен в нем участвовать.— Говоривший таким образом схватил Жоржа за плач.

— Бевиль прав,— сказал другой,— мы тебя не отпустим.

— Какого черта! — снова начал Бевиль,— пускай твой брат идет с нами обедать. Вместо одного приятного сотрапезника мы получим двоих.

— Простите,— сказал тогда Мержи,— у меня много дел, которые нужно сегодня же окончить. Я должен передать несколько писем.

— Вы передадите их завтра.

— Необходимо передать их сегодня... К тому же...— продолжал Мержи, улыбаясь с некоторым смущением,— признаюсь, я без денег и мне нужно идти их доставать.

— Нечего сказать, славная отговорка! — воскликнули все в один голос.— Мы никак не допустим, чтобы вы отказались отобедать с истинными христианами вроде нас и вместо этого пошли занимать деньги к евреям.

— Пожалуйста, друг мой! — произнес Бевиль, подчеркнуто потряхивая длинным шелковым кошельком, засунутым за пояс.— Считайте меня своим казначеем. Последние две недели мне здорово везло в кости.

— Идем! Идем! Не останавливаться! Идем обедать к «Мавру»,— подхватили остальные молодые люди.

Капитан взглянул на своего брата, все еще остававшегося в нерешительности.

— Пустяки! Ты найдешь время передать свои письма. Что же касается денег, то у меня их вдоволь. Идем с нами! Ты познакомишься с парижской жизнью.

Мержи уступил настояниям. Брат представил его по очереди своим друзьям: барону де Водрейль, шевалье де Рейнси, виконту де Бевиль и пр. Они засыпали вновь прибывшего любезностями, причем ему пришлось со всеми по очереди перецеловаться. Последним поцеловался с ним Бевиль.

— Ого! — воскликнул он, — разрази меня бог! Приятель, я чувствую, пахнет еретиком. Ставлю золотую цепь против одной пистолы, что вы — протестант.

— Вы правы, сударь, но не такой хороший протестант, как бы следовало.

— Ну что, умею я из тысячи узнать гугенота? Волк меня заешь, какой серьезный вид принимают господа кальвинисты, когда заговорят о своей вере.

— Мне кажется, никогда не следовало бы говорить шутя о таких вещах.

— Господин де Мержи прав,— сказал барон де Водрейль,— а с вами, Бевиль, непременно стрясется какая-нибудь беда за ваши неуместные шутки над священными вещами.

— Посмотрите только на этот святой лик! — сказал Бевиль, обращаясь к Мержи.— Он самый отъявленный распутник из всех нас, а между тем от времени до времени принимается нам читать проповеди.

— Оставьте меня таким, каков я есть, Бевиль,— ответил Водрейль.— Я распутник, потому что не могу победить свою плоть; но, по крайней мере, я уважаю то, что достойно уважения.

— А я весьма уважаю... свою мать. Это единственная честная женщина, какую я знал. К тому же, мой милый, для меня все равно: католики, гугеноты, паписты, евреи, турки. Меня их споры интересуют, как сломанная шпора.

— Нечестивец! — проворчал Водрейль и перекрестил

свой рот, тщательно стараясь прикрыть это движение носовым платком.

— Нужно тебе сказать, Бернар,— сказал капитан Жорж,— что между нами ты едва ли встретишь таких спорщиков, как наш ученый Теобальд Вольфштейниус. Мы не придаем большого значения богословским беседам и, слава богу, находим лучшее применение своему времени.

— Быть может,— ответил Мержи с некоторой горечью — быть может, для тебя было бы полезнее прислушиваться внимательно к ученым рассуждениям достойного священнослужителя, которого ты только что назвал.

— Довольно об этом, братишка; в другое время я, может быть, с тобою об этом возобновлю разговор. Я знаю твое мнение обо мне... Ну, все равно... сюда мы собрались не для подобных разговоров... я считаю себя порядочным человеком, и ты, конечно, со временем это увидишь... Однако довольно об этом, будем думать только о развлечении.

Он провел рукой по лбу, как будто отгоняя тягостные мысли.

— Дорогой брат мой! — тихонько сказал Мержи, пожимая ему руку. Жорж ответил ему на пожатие, и оба поспешили присоединиться к своим товарищам, опередившим их на несколько шагов.

Проходя мимо Лувра¹⁶, из которого выходило множество богато одетых людей, капитан и его друзья почти со всеми знатными господами, которые им встречались, обменивались поклонами или поцелуями.

В то же время они представляли им молодого Мержи, который, таким образом, в одну минуту познакомился со множеством знаменитых людей своей эпохи. В то же время он узнавал их прозвища (тогда каждый выдающийся человек имел свою кличку), равно как и скандальные слухи, распускавшиеся про них.

— Видите,— говорили ему,— этого советника, такого бледного и желтого. Это мессер Petrus de finibus, по-французски — Пьер Сегье, который во всех делах, что

¹⁶ Лувр — дворец в Париже, бывший в те времена резиденцией французских королей.

он предпринимает, ведет себя так ловко, что достигает желанного конца. Вот капитанчик «Егоза», Торе де Монморанси; вот «Бутылочный архиепископ», который довольно прямо сидит на своем муле, пока не пообедал. Вот один из героев вашей партии, храбрый граф де Ларошфуко, прозванный «Капустным истребителем». В последнюю войну он из аркебуз обстрелял капустный огород, приняв его, сослепу, за ландскнехтов¹⁷.

Менее чем в четверть часа он узнал имена любовников почти всех придворных дам и количество дуэлей, возникших из-за их красоты. Он увидел, что репутация дамы находилась в зависимости от числа смертей, причиненных ею; так, г-жа де Куртавель, любовник которой уложил на месте двух соперников, пользовалась куда большей славой, чем бедная графиня де Померанд, послужившая поводом к единственной маленькой дуэли, окончившейся легкой раной.

Внимание Мержи привлекла статная женщина, ехавшая в сопровождении двух лакеев на белом муле, которого вел конюх. Платье ее было сшито по новейшей моде и все топорщилось от множества вышивок. Насколько можно было судить, она была красива. Известно, что в ту эпоху дамы выходили обязательно с маской на лице,— у нее была черная бархатная маска; судя по тому, что было видно в отверстия для глаз, можно было заключить или, вернее, предположить, что кожа у нее должна быть ослепительной белизны и глаза темно-синие.

Проезжая мимо молодых людей, она задержала шаг своего мула; казалось даже, что она с некоторым вниманием посмотрела на Мержи, лицо которого было ей незнакомо. При ее приближении перья всех шляп касались земли, а она грациозно наклоняла голову в ответ на многочисленные приветствия, которые слал ей строй поклонников, сквозь который она проезжала. Когда она уже удалялась, легкий порыв ветра приподнял подол ее длинного шелкового платья, и как молния блеснула маленькая туфелька из белого бархата и полоска розового шелкового чулка.

¹⁷ Ландскнехты — наемные немецкие войска, набиравшиеся из крестьян, мещан и мелкого дворянства и служившие при всех дворах Европы.

— Кто эта дама, которой все кланяются? — спросил Мержи с любопытством.

— Уже влюбился! — воскликнул Бевиль. — Впрочем, иначе и быть не может; гугеноты и паписты все влюблены в графиню Диану де Тюржи.

— Это одна из придворных красавиц, — добавил Жорж, — одна из самых опасных цирцей¹⁸ для нас, молодых ухаживателей. Но, черт! Крепость эту взять не шутка.

— Сколько же за ней считается дуэлей? — спросил со смехом Мержи.

— О! она иначе не считает как десятками, — ответил барон де Водрейль, — но лучше всего то, что она сама хотела драться. Она послала форменный вызов одной придворной даме, которая перебила ей дорогу.

— Какие сказки! — воскликнул Мержи.

— В наше время она не первая дерется на дуэли. Она послала по всем правилам вызов Сент-Фуа, приглашая ее на смертный поединок, на шпагах и кинжалах, в одних рубашках, как это делают заправские дуэлянты.

— Хотел бы я быть секундантом в этой дуэли, чтобы посмотреть обейх их в рубашках, — сказал шевалье де Рейнси.

— И дуэль состоялась? — спросил Мержи.

— Нет, — ответил Жорж, — их помирили.

— Он же их и помирил, — заметил Водрейль, — он был тогда любовником Сент-Фуа.

— Фи! Не больше, чем ты! — скромно ответил Жорж.

— Тюржи вроде Водрейля, — заговорил Бевиль, — она делает окрошку из религии и современных нравов: хочет драться на дуэли, что, насколько мне известно, смертный грех, и каждый день выстаивает по две обедни.

— Оставь меня в покое с твоей обедней! — воскликнул Водрейль.

— Ну, к обедне она ходит, — вступился Рейнси, — для того, чтобы показаться без маски.

— Я думаю, потому за обедней и бывает так много женщин, — заметил Мержи, обрадовавшись, что нашел

¹⁸ Цирцея — в древнегреческой мифологии — волшебница, завлекавшая мужчин и обращавшая их в животных.

случай посмеяться над религией, к которой не принадлежал.

— Совсем так, как и на протестантских проповедях! — сказал Бевиль. — Когда кончается проповедь, туснет свет, и хорошенькие вещи тогда происходят, черт возьми! Это возбуждает во мне сильное желание сделаться протестантом.

— И вы верите таким нелепицам? — возразил презрительно Мержи.

— Как же не верить! Маленький Ферран, которого мы все знаем, ходил в Орлеане на протестантскую проповедь, чтобы иметь свидание с женой нотариуса, великопной женщиной, ей-богу! У меня слюнки текли от одних его рассказов о ней. Он только там и мог с ней видеться. Один из его друзей, гугенот, сообщил ему условный пароль для входа в церковь; он пришел на проповедь — и потом в темноте, можете мне поверить, приятель наш времени даром не терял.

— Это невозможно, — сухо сказал Мержи.

— Почему невозможно?

— Потому что никогда протестант не будет так низок, чтобы привести паписта к нам на проповедь.

Ответ этот возбудил взрывы смеха.

— Ха-ха! — засмеялся барон де Водрейль, — вы полагаете, что раз человек — гугенот, так он не может быть ни вором, ни изменником, ни посредником в любовных делах.

— Он с луны упал! — воскликнул Рейнси.

— Что касается меня, — заметил Бевиль, — то, если бы мне нужно было передать любовную записочку какой-нибудь гугенотке, я обратился бы к их пастору.

— Без сомнения потому, — отвстил Мержи, — что вы привыкли вашим священникам давать подобные поручения.

— Нашим священникам!.. — сказал Водрейль, краснея от гнева.

— Бросьте эти скучные споры, — прервал их Жорж, заметив оскорбительную горечь каждого выпада: — оставим ханжей всех сект. Я предлагаю: пусть каждый, кто произнесет слово: «гугенот», «папист», «протестант», «католик», — платит штраф!

— Идет! — воскликнул Бевиль.— Пусть он угостит нас прекрасным кагором в гостинице, куда мы идем обедать.

С минуту помолчали.

— После смерти этого бедняги Ланнуа, убитого под Орлеаном, у Тюржи не было официального любовника,— сказал Жорж, не желая задерживать внимание своих друзей богословскими темами.

— Кто посмеет утверждать, что у парижской женщины нет любовника? — воскликнул Бевиль.— Верно то, что Коменж не отстаёт от нее ни на шаг.

— То-то маленький Наварет отступился от нее,— сказал Водрейль: — он испугался такого грозного соперника.

— Значит, Коменж ревнив? — спросил капитан.

— Ревнив, как тигр,— ответил Бевиль,— и готов убить всякого, кто посмеет полюбить прекрасную графиню; так что, в конце концов, чтобы не остаться без любовника, ей придется взять Коменжа.

— Кто же такой этот опасный человек? — спросил Мержи, который, сам того не замечая, с живейшим любопытством относился ко всему, что так или иначе касалось графини де Тюржи.

— Это,— ответил ему Рейнси,— один из самых пресловутых наших «з а п р а в с к и х х в а т о в»; я охотно объясню вам, как провинциалу, значение этого слова. Заправский хват — это доведенный до совершенства светский человек,— человек, который дерется на дуэли, если другой заденет его плащом, если в четырех шагах от него плюнут, или по любому, столь же законному поводу.

— Коменж,— сказал Водрейль,— как-то раз затащил одного человека на Пре-о-Клер¹⁹. Снимают камзолы, обнажают шпаги. «Ведь ты — Берни из Оверни?» — спрашивает Коменж.— «Ничуть не бывало,— отвечает тот,— моя фамилия Вилькье, я из Нормандии». — «Тем хуже,— отвечает Коменж,— я принял тебя за другого, но, раз я тебя вызвал, нужно драться». И он тут же его уложил.

Каждый привел какой-нибудь пример ловкости или

¹⁹ Традиционное место дуэлей, Пре-о-Клер, находилось напротив Лувра, на пространстве между улицей Малых Августинцев и улицей Бак. (Прим. автора.)

воинственного нрава Коменжа. Тема была богатая, и этого разговора хватило на столько времени, сколько нужно, чтобы выйти за город и дойти до гостиницы «Мавр», расположенной посреди сада, недалеко от места, где шла постройка замка Тюильри, начатая в 1564 году. Там сошлось много знакомых Жоржа и его друзей дворян, и за стол сели большой компанией.

Мержи, сидевший рядом с бароном де Водрейль, заметил, как, садясь за стол, тот перекрестился и, закрыв глаза, пробормотал следующую странную молитву: «*Laus Deo, pax vivis, salutem defunctis et beata viscera virginis Mariae, quae portaverunt Aeterni Patris Filium*»²⁰.

— Вы знаете латынь, г-н барон! — спросил у него Мержи.

— Вы слышали мою молитву?

— Да, но, признаться, не понял ее.

— Сказать по правде, я не знаю латыни и не слишком хорошо понимаю, что означает эта молитва; но меня научила ей одна из моих тетушек, которой эта молитва всегда помогала, и, с тех пор как я ею пользуюсь, она оказывает только хорошее действие.

— Вероятно, это латынь католическая, и потому для нас, гугенотов, она непонятна.

— Штраф! Штраф! — закричали разом Бевиль и капитан Мержи.

Мержи подчинился без спора, и на стол поставили новые бутылки, не замедлившие привести компанию в хорошее настроение.

Вскоре разговор принял более громкий характер, и Мержи, воспользовавшись шумом, начал беседовать с братом, не обращая внимания на то, что происходит вокруг.

К концу второй смены блюд их *à parte*²¹ было нарушено неистовым спором, только что поднявшимся между двумя из сотрапезников.

— Это — ложь! — закричал шевалье де Рейнси.

— Ложь? — повторил Водрейль. И лицо его, бледное от природы, совсем помертвело.

²⁰ Хвала Господу, мир живущим, покойным спасение и блаженно чрево Приснодевы Марии, что носило Сына Предвечного Отца».

²¹ Отдельный разговор двух лиц среди присутствующих.

— Она — самая добродетельная, самая чистая из женщин, — продолжал шевалье де Рейнси.

Водрейль, горько улыбнувшись, пожал плечами. Взоры всех были устремлены на действующих лиц этой сцены, и все, казалось, соблюдая молчаливый нейтралитет, ожидали, чем кончится ссора.

— В чем дело, господа? Из-за чего такой шум? — спросил капитан, готовый, по своему обыкновению, противиться всякой попытке нарушить мир.

— Да вот наш друг шевалье, — спокойно ответил Бевиль, — уверяет, что Силери, его любовница, — чистая женщина, между тем как наш друг Водрейль утверждает обратное, зная за ней кой-какие грешки.

Общий взрыв смеха, сейчас же поднявшийся после такого объяснения, усилил ярость де Рейнси, с бешенством смотревшего на Водрейля и Бевиля.

— Я мог бы показать ее письма, — сказал Водрейль.

— Ты не сделаешь этого! — закричал шевалье.

— Вот как! — произнес Водрейль, засмеявшись недобрым смехом, — я сейчас прочту этим господам какое-нибудь из ее писем. Может быть, им известен ее почерк так же хорошо, как и мне; я вовсе не претендую на то, чтобы быть единственным человеком, осчастливленным ее записками и ее милостями. Вот, например, записка, которую я получил от нее не далее как сегодня.

Он сделал вид, будто шарит в кармане, желая достать оттуда письмо.

— Ты лжешь, лживая глотка!

Стол был слишком широк, и рука барона не смогла коснуться противника, сидевшего напротив.

— Я так вобью тебе обратно в глотку это оскорбление, что ты задохнешься! — закричал Водрейль. В подтверждение своих слов он запустил бутылкой в голову противника. Рейнси уклонился от удара и, впопыхах опрокинув стул, побежал к стене, чтобы снять висевшую там шпагу.

Все поднялись: одни — чтобы помешать драке, большинство — чтобы не попасть под руку.

— Перестаньте! Вы с ума сошли! — закричал Жорж, становясь перед бароном, находившимся ближе к нему. — Стоит ли друзьям драться из-за какой-то бабенки?

— Пустить бугылкой в голову — все равно, что дать пощечину, — холодно заметил Бевиль. — Ну, дружок шева-
валье, шпагу наголо!

— Не мешайте! Не мешайте! Расступитесь! — закричали почти все, находившиеся за столом.

— Эй, Жано, закрой двери, — небрежно произнес хозяин «Мавра», привыкший к пободным сценам: — если увидит патруль, это может помешать господам и повредить заведению.

— Неужели вы будете драться в столовой, как пьяные ландскнехты? — продолжал Жорж, хотевший оттянуть время. — Подождите по крайней мере до завтра.

— До завтра? Хорошо, — сказал Рейнси и сделал движение, чтобы вложить шпагу в ножны.

— Наш маленький шева-валье трусит! — заметил Водрейль.

Рейнси сейчас же растолкал всех, кто стоял у него на дороге, и бросился на противника. Оба принялись драться с бешенством, но Водрейль успел старательно обернуть салфетку вокруг верхней части своей левой руки и ловко этим пользовался, чтобы парировать рубящие удары, между тем как Рейнси, не позаботившись о подобной мере предосторожности, с первых же выпадов был ранен в левую руку. Тем не менее он продолжал храбро драться, крича лакею, чтобы тот подал ему кинжал. Бевиль остановил лакея, утверждая, что так как у Водрейля нет кинжала, то его не должно быть и у противника. Некоторые друзья шева-валье протестовали. В ответ посыпались оскорбления, и дуэль, несомненно, перешла бы в общую стычку, если бы Водрейль не положил этому конец, повергнув своего противника с опасной раной в груди. Он быстро поставил ногу на шпагу Рейнси, чтобы тот ее не подобрал, и уже занес свою, чтобы добить его. Дуэльные правила допускали такую жестокость.

— Безоружного врага? — воскликнул Жорж и вырвал у него из рук шпагу.

Рана шева-валье не была смертельной, но крови вытекло много. Рану, как могли, перевязали салфетками, между тем как шева-валье с насильственным смехом твердил сквозь зубы, что дело еще не кончено.

Вскоре появился хирург и монах, которые некоторое время оспаривали друг у друга раненого. Хирург, однако, одержал верх и, перенеся шевалье на берег Сены, довез его в лодке до дома.

Пока одни из слуг уносили окровавленные салфетки и замывали обгаренный пол, другие ставили на стол новые бутылки.

Что касается Водрейля, он тщательно вытер свою шпагу, вложил ее в ножны, перекрестился и, с невозмутимым хладнокровием вынув из кармана письмо, попросил всех помолчать и прочел, при общем хохоте, первые строчки:

«Дорогой мой, этот скучный шевалье, который пристает ко мне...»

— Выйдем отсюда,— сказал с отвращением Мержи, обращаясь к брату.

Капитан вышел вслед за ним. Внимание всех было так поглощено письмом, что их отсутствия не заметили.

IV

ОБРАЩЕННЫЙ

Капитан Жорж вернулся в город вместе со своим братом и проводил его до дому. По дороге они едва обменялись несколькими словами,— сцена, свидетелями которой они только что были, произвела на них тягостное впечатление, невольно располагавшее к молчанию.

Ссора эта и беспорядочный поединок, который за ней последовал, не заключали в себе ничего чрезвычайного для той эпохи. По всей Франции, из конца в конец, преувеличенная щепетильность дворянства приводила к самым роковым событиям, так что, по среднему подсчету, за царствование Генриха III и Генриха IV дуэльное поветрие унесло знатных людей больше, чем десять лет гражданской войны.

Помещение капитана было обставлено с элегантностью. Шелковые занавески с узором и ковры ярких цветов прежде всего остановили на себе взоры Мержи, при-

выкшего к большей простоте. Он вошел в кабинет, который брат его называл своей молельней, так как еще не было придумано слово «будуар». Дубовый аналой с прекрасной резьбой, мадонна, написанная итальянским художником, сосуд для святой воды с большой буксовой веткой, указывали, по-видимому, на благочестивое предназначение этой комнаты, меж тем как низенький диван, обитый черным шелком, венецианское зеркало, женский портрет, различное оружие и музыкальные инструменты говорили о довольно светских привычках хозяина этого помещения.

Мержи бросил презрительный взгляд на сосуд со святой водой и ветку, печально напоминавшую ему об отступничестве его брата. Маленький лакей подал варенье, конфеты и белое вино; чай и кофе еще не были тогда в употреблении, и у наших предков все эти утонченные напитки заменялись вином.

Мержи, со стаканом в руке, все время переводил глаза с мадонны на кропильницу, с кропильницы на аналой. Он глубоко вздохнул и, взглянув на брата, небрежно раскинувшегося на диване, произнес:

— Вот ты и настоящий папист! Что бы сказала наша матушка, будь она здесь?

Мысль эта, по-видимому, болезненно задела капитана. Он нахмурил свои густые брови и сделал знак рукою, словно прося брата не касаться этой темы. Но тот безжалостно продолжал:

— Неужели твое сердце так же отреклось от верований нашей семьи, как отреклись от них твои уста?

— Верованья нашей семьи... Они никогда не были моими. Как! Мне верить в лицемерные проповеди ваших гнусавых пресвитеров²²... мне?

— Разумеется, лучше верить в чистилище, в исповедь, в непогрешимость папы! Лучше становиться на колени перед пыльными сандалиями капуцина!²³ Дойдет до того, что ты будешь считать невозможным сесть за обед, не прочитав молитвы барона де Водрейль.

²² Пресвитеры — здесь означает кальвинистских священников.

²³ Капуцины и францисканцы — названия монашеских католических орденов.

— Послушай, Бернар! Я ненавижу словопрения, особенно касающиеся религии; но рано или поздно мне нужно объясниться с тобой, и раз уж мы начали этот разговор, доведем его до конца; я буду говорить с тобой совершенно откровенно.

— Значит, ты не веришь во все эти нелепые выдумки папистов?

Капитан пожал плечами и опустил каблук на пол, зазвенев одной из длинных шпор. Он воскликнул:

— Паписты! Гугеноты! С обеих сторон суеверие! Я не умею верить тому, что представляется моему разуму нелепостью. Наши акафисты, ваши псалмы — все эти глупости стоят одна другой. Одно только, — прибавил он с улыбкой, — что в наших церквах бывает иногда хорошая музыка, тогда как у вас для воспитанного слуха настоящий уходер.

— Славное преимущество у твоей религии! Есть из-за чего в нее переходить!

— Не называй ее моей религией, потому что я верю в нее не больше, чем в твою. С тех пор как я научился думать самостоятельно, с тех пор как разум мой стал принадлежать мне...

— Но...

— Ах, увольь меня от проповедей! Я наизусть знаю все, что ты мне скажешь. У меня тоже были свои надежды, свои сомнения. Ты думаешь, я не делал усилий, чтобы сохранить счастливые суеверия своего детства? Я перечел всех наших богословов, чтобы найти в них разрешение тех сомнений, что меня устрашали, — но я только усилил свои сомнения. Короче сказать, я не мог и не могу больше верить. Вера — это драгоценный дар, в котором мне отказано, но которого я ни за что на свете не старался бы лишить других людей.

— Мне жаль тебя.

— Прекрасно, и ты прав. Будучи протестантом, я не верил в проповеди; будучи католиком, я так же мало верю в обедню. К тому же, черт возьми, не достаточно ли было жестокостей в нашей гражданской войне, чтобы с корнем вырвать самую крепкую веру?

— Жестокости эти — дела людей, и притом людей, извративших слово божье.

— Ответ этот принадлежит не тебе. Но допусти, что для меня это недостаточно еще убедительно. Я не понимаю вашего бога и не могу его понять... А если бы я верил, то это было бы, как говорит наш друг Жодель, не «без превышения расходов над прибылью».

— Раз ты к обеим религиям безразличен, зачем тогда это отступничество, так огорчившее твое семейство и твоих друзей?

— Я двадцать раз писал отцу, чтобы объяснить ему свои побуждения и оправдаться, но он бросал мои письма в огонь, не распечатывая, и обращался со мной хуже, чем если бы я совершил большое преступление.

— Матушка и я не одобряли этой чрезмерной строгости. И если б не приказания...

— Я не знаю, что обо мне думают. Мне это не важно. Вот что меня заставило решиться на этот опрометчивый поступок, которого я не повторил бы, если бы вторично представился случай...

— А! Я всегда думал, что ты в нем раскаиваешься.

— Я раскаиваюсь? Нет, так как я не считаю, что я совершил какой-нибудь дурной поступок. Когда ты был еще в школе, учил свою латынь и греческий, я уже надел панцирь, повязал белый²⁵ шарф и участвовал в наших первых гражданских войнах. Ваш маленький принц Конде, благодаря которому ваша партия сделала столько промахов,— ваш принц Конде посвящал вашим делам время, свободное от любовных походов. Меня любила одна дама,— принц попросил меня уступить ему мою возлюбленную; я ему отказал, и он сделался моим смертельным врагом. С той поры его задачей стало — изводить меня всяческим образом. Он указывал партийным фанатикам на меня, как на некое чудовище распутства и неверия. У меня была только одна любовница, и никого больше. Что касается неверия,— я никого не трогал. Зачем было объявлять мне войну?

— Я никогда бы не поверил, что принц способен на такой дурной поступок.

— Он умер, и вы из него сделали героя. Так уже ведется на этом свете. У него были свои достоинства; умер

²⁵ Реформаторы избрали себе этот цвет. (Прим. автора.)

он как храброец, и я ему простил. Но когда он был могуществен, то считал преступлением со стороны какого-то бедного дворянина, вроде меня, противиться ему.

Капитан прошелся по комнате и продолжал голосом, в котором все больше слышалось волнение:

— Все священники и ханжи в войске сейчас же набросились на меня. Я так же мало обращал внимания, на их лай, как и на их проповеди. Один из приближенных принца, чтобы подслужиться к нему, назвал меня в присутствии всех наших капитанов развратником. Он добился пощечины, и я его убил. В нашей армии каждый день происходит в среднем по двенадцати дуэлей, и генералы делали вид, что не замечают этого. Но для меня сделали исключение, и принц решил, что я должен послужить примером для всей армии. По просьбе всех знатных господ и, должен признаться, по просьбе адмирала меня помиловали. Но ненависть принца не была удовлетворена. В сражении под Жазнейлем я командовал отрядом пистольщиков; я был первым в стычке, мой панцирь, прогнутый в двух местах аркебузными выстрелами, сквозная рана от копья в левую руку показывали, что я не щадил себя. Со мной было не более двадцати человек, а против нас шел батальон королевских швейцарцев. Принц Конде отдает мне приказ идти в атаку... Я прошу у него два отряда рейтаров... и... он называет меня трусом.

Мержи встал и взял брата за руку. Капитан продолжал с гневно сверкающими глазами, не переставая ходить:

— Он назвал меня трусом в присутствии всех этих господ в позолоченных кирасах, которые через несколько месяцев бросили его при Жарнаке и дали врагам убить его. Я подумал, что следует умереть; я бросился на швейцарцев, поклявшись, если случайно выйду живым, никогда впредь не обнажать шпаги за столь несправедливого принца. Я был тяжело ранен, сброшен с лошади. Еще немного — и я был бы убит, но один из приближенных герцога д'Анжу, Бевиль, этот сумасшедший, с которым мы сегодня обедали, спас мне жизнь и представил меня герцогу. Обошлись со мной хорошо. Я жаждал мести. Меня

обласкали и уговорили поступить на службу к моему благодетелю, герцогу Анжуйскому.

Я с негодованием видел, как протестанты призывают иноземцев на нашу родину... Но почему не открыть тебе единственной причины, побудившей меня к отречению? Я хотел отомстить — и сделался католиком, в надежде встретиться на поле битвы с принцем де Конде и убить его. Но долг мой взялся заплатить негодяй... Обстоятельства, при которых он убил принца, заставили меня почти забыть свою ненависть... Я видел принца окровавленным, брошенным на поругание солдатам; я вырвал у них из рук тело и покрыл его своим плащом. Я уже крепко связал себя с католиками, я командовал у них конным эскадроном, и не мог их оставить.

К счастью, как мне кажется, мне все-таки удалось оказать кой-какую услугу моей прежней партии; насколько мог, я старался смягчить ярость религиозной войны и имел счастье спасти жизнь многим из моих старых друзей.

— Оливье де Басвиль везде твердит, что он тебе обязан жизнью.

— И вот я католик,— произнес Жорж болсе спокойным голосом.— Религия эта не хуже других: с их святошами ладить очень нетрудно. Взгляни на эту красивую мадонну,— это портрет итальянской куртизанки. Ханжи в восторге от моей набожности и крестятся на эту мнимую богородицу. Поверь мне: с ними гораздо легче торговаться, чем с нашими священнослужителями. Я могу жить, как хочу, делая незначительные уступки мнению черни. Что? Нужно ходить к обедне? Я иногда хожу туда, чтобы посмотреть на хорошеньких женщин. Нужно иметь духовника? Черта с два! У меня есть бравый монах, бывший конный аркебузир, который за экую дает мне свидетельство об отпущении грехов, да, и в придачу беретса передавать любовные записочки своим духовным дочерям. Черт меня побери! Да здравствует обедня!

Мержи не мог удержаться от улыбки.

— Например,— продолжал капитан,— вот мой молитвенник.— И он бросил ему богато переплетенную книгу в бархатном футляре с серебряными застежками.— Этот часослов стоит ваших молитвенников.

Мержи прочел на корешке: «Придворный часослов».

— Прекрасный переплет!— сказал он с презрительным видом, возвращая книгу.

Капитан открыл ее и снова передал ему с улыбкой.

Тогда Мержи прочитал на первой странице: «Ужасающая жизнь великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля, составленная г. Алкофрибасом, извлекателем сути»²⁶.

— Вот это книга!— воскликнул со смехом капитан.

— Я придаю ей больше значения, чем всем богословским томам Женевской библиотеки.

— Автор этой книги, говорят, был исполнен знания, но не сделал из него благого употребления.

Жорж пожал плечами.

— Прочти этот том, Бернар; ты потом скажешь мне свое мнение.

Мержи взял книгу и, помолчав немного, начал:

— Мне очень жаль, что чувство досады, безусловно законной, увлекло тебя к поступку, в котором ты, несомненно, со временем будешь раскаиваться.

Капитан опустил голову и, уставив глаза на ковер, разостланный у него под ногами, казалось, внимательно рассматривал узор.

— Что сделано, то сделано,— произнес он, наконец, с подавленным вздохом.— Когда-нибудь, может быть, я и вернусь в протестантство,— прибавил он веселее.— Но бросим об этом, и дай мне слово не говорить со мною больше о таких скучных вещах.

— Надеюсь, что твои собственные размышления сделают больше, чем мои доводы или советы.

— Может быть! А теперь побеседуем о твоих делах. Что ты думаешь делать при дворе?

— Я надеюсь представить адмиралу достаточно хорошие о себе отзывы, так что он соблаговолит принять меня в число приближенных на время предстоящей Нидерландской кампании.

— Плохой план. Дворянину, у которого есть храбрость да шпага на боку, совсем нет надобности с легким

²⁶ Полное заглавие знаменитого сатирического произведения французского писателя Франсуа Рабле.

сердцем брать на себя роль слуги. Поступай добровольцем в королевскую гвардию; хочешь, в мой отряд легкой кавалерии? Ты совершишь поход, как и все мы, под начальством адмирала, но ты не будешь ни при ком лакеем.

— У меня нет никакого желания поступать в королевскую гвардию; я чувствую даже некоторое отвращение к этому. Я ничего не имел бы против того, чтобы служить солдатом в твоём отряде, но отец хочет, чтобы свой первый поход я совершил под непосредственным начальством адмирала.

— Узнаю вас, господа гугеноты! Вы проповедуете единение, а сами гораздо больше, чем мы, помните старые счёты.

— Каким образом?

— Ну, да. Король до сих пор в ваших глазах — тиран. Ахав²⁷, как называют его ваши пасторы. Да что тут говорить! Он даже не король, — он узурпатор, а после смерти Людовика XIII²⁸ во Франции король — Гаспар I.

— Какая неудачная шутка!

— В конце-концов, все равно, будешь ли ты на службе у старого Гаспара или у герцога де Гиза, г-н де Шатильон великий полководец, и под его командованием ты научишься военному делу.

— Его уважают даже враги.

— Конечно, ему несколько подпортил некий пистолетный выстрел.

— Он доказал свою невиновность, к тому же вся жизнь его служит опровержением его причастности к гнусному убийству Польтро.

— Знаешь латинское изречение: «Fecit cui profuit?»²⁹

— Не будь этого пистолетного выстрела, Орлеан был бы взят.

— В конечном счёте, в католической армии стало одним человеком меньше.

²⁷ Ахав — израильский царь, который за пороки и грехи своей жены Иезавели навлек гнев Божий на весь израильский народ и подверг его всяческим бедствиям и испытаниям.

²⁸ Принца Людовика (де Конде), убитого при Жарнаке, католики обвиняли в посягательстве на корону. Адмирала де Колиньи звали Гаспаром. (Прим. автора.)

²⁹ «Совершил тот, кому принесло пользу».

— Да, но каким человеком! Неужели ты не слышал довольно плохого двестишя, которое стоит ваших псалмов:

Покуда шайка Гизов остается,
На каждого по де Мере³⁰ найдется.

— Ребяческие угрозы, больше ничего. Если бы я принялся перечислять все преступления приверженцев Гизов, длинная бы вышла ектения. В конце концов, если бы я был королем, я бы велел, чтобы восстановить мир во Франции, посадить всех Гизов и Шатильонов в хороший кожаный мешок, хорошенько завязал бы его, зашил бы, потом велел бы бросить их в воду с грузом в сто тысяч фунтов, чтобы ни один не убежал. Да и еще есть несколько личностей, которых я охотно посадил бы в этот мешок.

— Хорошо, что ты не французский король.

Разговор принял более веселый характер; о политике бросили говорить, как и о богословии, и братья принялись рассказывать друг другу о всех мелких приключениях, случившихся с ними со времени их разлуки. Мержи был достаточно откровенен и угостил брата своей историей в гостинице «Золотого льва»; брат от души смеялся и подтрунивал над потерей восемнадцати золотых экю и превосходной рыжей лошади.

Раздался звон колоколов в соседней церкви.

— Черт возьми! — воскликнул капитан, — идем сегодня вечером на проповедь; уверен, что тебя это позабавит.

— Благодарю, но у меня еще нет желания обращаться.

— Пойдем, дорогой мой, сегодня должен говорить брат Любен. Это францисканец, который так смешно говорит о вопросах религии, что на его проповеди всегда полно народа. К тому же сегодня весь двор будет в церкви св. Якова, — стоит посмотреть.

— А г-жа графиня де Тюржи там будет и снимет маску?

³⁰ Польтро де Мере, убивший великого Франсуа, герцога де Гиза, при осаде Орлеана в ту минуту, когда город был доведен до крайности. Колиньи довольно неудовлетворительно опровергал обвинение в том, что убийство было сделано по его приказанию, или с его согласия. (Прим. автора.)

— Кстати, она непременно там будет. Если ты хочешь записаться в число искателей, не забудь, уходя с проповеди, занять место у входных дверей и подать ей святой воды. Вот тоже один из очень приятных обрядов католической религии. Боже мой, сколько хорошеньких ручек я пожимал, сколько любовных записочек передал, подавая святую воду!

— Не знаю сам почему, но эта святая вода вызывает во мне такое отвращение, что, кажется, ни за что на свете не окунул бы я в нее пальцы.

Капитан прервал его взрывом смеха. Братья надели плащи и пошли в церковь св. Якова, где уже собралось многочисленное и высокое общество.

V

ПРОПОВЕДЬ

Когда капитан Жорж со своим братом проходили через церковь, ища удобного места поближе к проповеднику, внимание их привлекли взрывы хохота, доносившегося из ризницы; они зашли туда и увидели толстого человека с веселым и румяным лицом, одетого в платье св. Франциска, в оживленной беседе с полдюжиной богато одетых молодых людей.

— Ну, дети мои,— говорил он,— поторапливайтесь: дамам не терпится; задайте мне тему.

— Скажите нам о том, какие проделки выкидывают эти дамы со своими мужьями,— сказал один из молодых людей, в котором Жорж сейчас же узнал Бевиля.

— Тема богатая, мой мальчик, согласен; но что же я тут могу сказать нового после проповеди Понтуазского проповедника? «Сейчас я запущу своей камилавкой в голову той, которая больше всех наставила рогов своему мужу». При этом все женщины в церкви закрыли головы рукой или покрывалом, чтобы защититься от удара.

— Ах, отец Любен,— сказал другой,— я только ради вас пришел на проповедь; расскажите нам сегодня что-нибудь веселенькое. Поговорите немного о любви, теперь этот грех в большой моде.

— В моде? Да, у вас, господа, которым всего двадцать пять лет, в моде. Но мне уже за пятьдесят. В мои годы нельзя уже говорить о любви. Я даже позабыл, что это за грех такой!

— Не ломайтесь, отец Любен, вы и теперь, как и встарь, могли бы порассуждать на эту тему; мы вас знаем.

— Да, скажите проповедь насчет любострастия,— прибавил Бевиль,— все дамы найдут, что эта тема так и брызжет из вас.

Монах в ответ на эту шутку подмигнул, и в глазах у него сквозили гордость и удовольствие, что его упрекают в пороке, свойственном людям молодым.

— Нет, об этом я не буду говорить в проповеди, а то все придворные красавицы не захотят больше ходить ко мне на исповедь, если я в этом отношении покажу себя слишком строгим; а по совести говоря, если бы я коснулся этого, то лишь для того, чтобы показать, как обрекают себя на вечную муку... ради чего?.. ради минутного наслаждения.

— Ну, так как же... Ах, вот и капитан! Скорее, Жорж, дайте нам тему для проповеди! Отец Любен взялся сказать проповедь на любую тему, какую мы ему зададим.

— Верно,— подтвердил монах,— поспешите, черт меня подери, мне уже давно надо быть на кафедре.

— Чума меня заешь, отец Любен, вы чертыхаетесь не хуже короля! — воскликнул капитан.

— Держу пари, что в проповеди он не обойдется без крепких слов! — сказал Бевиль.

— А почему бы и нет, если захочется? — отважно возразил отец Любен.

— Ставлю десять пистолей, что у вас нехватит смелости.

— Десять пистолей? По рукам!

— Бевиль,— сказал капитан,— я с тобой в половине.

— Нет, нет,— возразил тот,— я хочу один выиграть и получить деньги с монаха, а если он побожится, черт возьми, мне не жалко моих десяти пистолей; крепкое словцо в проповеди стоит таких денег.

— А я вам объявляю, что я уже выиграл,— сказал отец Любен — я начну свою проповедь прямо тройной

божбой. А, господа дворяне, вы думаете, что если у вас рапира на боку да перо на шляпе, так вы одни и уместе божиться? Мы еще посмотрим.

С этими словами он вышел из ризницы и в одну минуту был уже на кафедре. Тотчас же глубокое молчание воцарилось среди присутствующих.

Проповедник обвел глазами толпу, теснившуюся вокруг кафедры, как будто отыскивая того, с кем бился об заклад. И когда он увидел Бевиля, прислонившегося к столбу прямо против него, он нахмурил брови, подбоченился и тоном рассерженного человека начал так:

— Дорогие братья!

Силою, смертью, кровью...

Шепот удивления и негодования прервал проповедника или, вернее, наполнил его преднамеренную паузу.

— ...господа нашего,— продолжал монах гнусавым, весьма благочестивым тоном,— мы спасены и избавлены от ада.

Общий взрыв смеха прервал его. Бевиль вынул из-за пояса кошелек и потряс его напоказ перед проповедником, признаваясь, что проиграл.

— Итак, братья мои,— продолжал невозмутимо брат Любен,— вы довольны, не так ли? Мы спасены и избавлены от ада. Вот прекрасные слова! Что же вы думаете,— теперь нам остается только сложить руки и радоваться? Мы расквитались с жестоким пламенем геенны? Что касается огня чистилища,— это все равно, что ожог от свечки, который можно залечить мазью из дюжины обеден. Значит, будем пить, есть и ходить к девкам!

Ах, грешники закоренелые! Так вот на что вы рассчитываете! Ну, так вот, брат Любен вам говорит, что вы распорядились без хозяина.

А вы, господа еретики, гугенотствующие гугеноты, вы воображаете, что спаситель наш соизволил взойти на крест ради вашего спасения? Что за дурак! Ха-ха, как бы не так! Чтобы ради такой сволочи он стал проливать свою драгоценную кровь! Это значило бы, простите за выражение, метать бисер перед свиньями. Напротив того, спаситель наш метал свиней к бисеру, ибо бисер жемчужный находится в море, а господь бог ввергнул две тысячи сви-

ней в море. «Et ecce impetu abiit totus grex praesepers in mare»³¹

Счастливого пути, господа свиньи! Дай бог, чтобы все еретики последовали той же дорожкой.

Здесь оратор прокашлялся и остановился на минуту, чтобы осмотреть публику и насладиться впечатлением, которое его красноречие производило на верующих. Он продолжал:

— Итак, господа гугеноты, обращайтесь, выказывайте усердие, не то... куда вы годитесь? Не спасены вы и от ада не избавлены. Итак, повернитесь спиной к вашим проповедям, и да здравствует обедня!

Вы, дорогие братья мои, католики, вы уже потираете руки и пальчики облизываете при мысли о преддвериях рая. Откровенно говоря, братья мои, до него еще далеко от двора, где вы живете, как в раю,— дальше (даже если напрямик идти), чем от Сен-Лазаря до ворот Сен-Дени³².

Сила, смерть, кровь господня спасли вас и избавили от ада... Так, освободили вас от первородного греха,— согласен. Но берегитесь, как бы сатана снова не уловил вас. А я говорю вам: «Circuit quaerens, quem devoret»³³.

О, братья дорогие, сатана такой фехтовальщик, что даст вперед несколько очков Гран Жану, Жану Пти и Англичанину.³⁴, и верно я вам говорю, крепки его нападения на нас.

Ибо, едва мы сменяем детские платица на штаны, едва, хочу сказать я, достигаем мы возраста, когда можем подвергнуться смертному греху, как мессир сатана зовет нас на жизненный Пре-о-Клер. Оружие, что мы с собой приносим,— божественные таинства; им же принесен целый арсенал: это — наши прегрешения, наступательное и вместе с тем оборонительное оружие.

Ясно вижу, как выходит он на место поединка: Чревоугодие у него на чреве вместо панциря; Лениость служит ему шпорами; у пояса находится Любостра-

³¹ И вот внезапно все стадо стремглав бросается в море.

³² От Сен-Лазаря до ворот Сен-Дени — расстояние между двумя отдаленными пунктами Парижа.

³³ Окрест ходит, ища, кого бы пожрать.

³⁴ Гран-Жан, Жан Пти и Англичанин — клички трех знаменитых забияк, фехтовальщиков и дуэлянтов того времени.

стие, опасная шпага; Зависть — его кинжал; как латник — стальную каску носит он на голове — Гордость; в кармане хранит он Скупость, чтобы пользоваться ею в случае надобности; что же касается Гнева с оскорблениями и всем, что за этим следует, он держит их в своем рту, из чего вы можете видеть, что он вооружен до зубов.

После того как господь бог даст знак к началу, сатана не обращается к вам, как воспитанный дуэлянт, со словами: «сударь мой, встали ли вы в позицию?», нет, он, не предупреждая, очертя голову, накидывается на христианина. Христианин, заметив, что ему грозит удар в живот от Чревоугодия, отражает его посредством Поста.

Здесь проповедник отстегнул распятие и для большей вразумительности принялся им фехтовать, делая выпады, воспроизводя парады, словно учитель фехтования, который рапирой захотел бы продемонстрировать опасные удары.

— Сатана, после ретировки, делает большой выпад посредством Гнева; затем, отклонив ваше внимание притворной атакой с помощью Лицемерия, он наносит вам удар в четвертой позиции Гордостью. Христианин сначала прикрывается Терпением, потом отвечает на Гордость ударом Смирения. Сатана в раздражении колет его сначала Любострастием, но видя, что нападение его отпарировано Умерщвлением плоти, очертя голову бросается на противника, давая ему подножку Ленистью и подкалывая кинжалом Зависти и в то же время стараясь в сердце его вселить Скупость. Тогда-то нужно христианину иметь крепкие ноги и зоркие глаза. Посредством Труда можно обезвредить подножку Ленисти, от укулов Зависти — защититься Любовью к ближнему (весьма затруднительная оборона, братья мои); что же касается ударов Скупости, только Милосердие может их предотвратить.

Но, братья мои, есть ли между вами такие люди, которые, будучи атакованы всеми способами и по всем правилам, могли бы найти всегда готовый отпор нападению врага? Не одного единоборца вижу я повергнутым на землю, а если он не успевает прибегнуть к Сокруше-

нию сердечному,— он погиб; последним же этим средством следует пользоваться скорее до того, как наступила надобность, чем после. Вы, господа придворные, думаете, что произнести «грешен» не много возьмет времени. Увы, братья мои, как много бедных умирающих хотят сказать «грешен», и голос у них прерывается на «гре...» — и крак! — вот уж и взял душу черт,— ищи ее, свищи.

Брат Любен еще некоторое время продолжал развивать свое красноречие; и когда он оставил кафедру, какой-то любитель изящного стиля заметил, что в его проповеди, длившейся не больше часа, заключалось тридцать семь острот и бесчисленное количество блесков ума, вроде тех, что я только что приводил. Католики и протестанты одинаково одобряли проповедника, который долго оставался у подножия кафедры, окруженный тесным кругом людей, сошедшихся со всех концов церкви, чтобы принести ему поздравления.

Во время проповеди Мержи несколько раз справлялся, где графиня де Тюржи; брат его тщетно искал ее глазами. Красавицы графини не было в церкви или она скрывалась от своих поклонников в каком-нибудь темном углу.

— Хотелось бы мне,— говорил Мержи,— хотелось бы мне, чтобы все эти люди, пришедшие на эту бессмысленную проповедь, послушали сейчас же какие-нибудь простые наставления наших священнослужителей.

— Вот графиня де Тюржи...— сказал тихонько капитан, пожимая ему руку.

Мержи повернул голову и увидел, как под темным порталом с быстротою молнии прошла богато одетая женщина рука об руку с белокурым молодым человеком, тоненьким, щуплым, с изнеженным лицом, в костюме которого замечалась небрежность, может быть, нарочитая. Толпа поспешно и с некоторым ужасом расступилась перед ними. Кавалер этот и был ужасный Коменж.

Мержи едва успел бросить взгляд на графиню. Он не мог дать себе отчета, каковы черты ее лица, а между тем они произвели на него сильное впечатление; но Коменж ему до смерти не понравился, хотя он не мог понять, почему его возмущало, что такой слабый с виду человек

обладает уже такой известностью в разных областях.

«Случись,— подумал он,— что графиня полюбила бы кого-нибудь в этой толпе, гнусный Коменж убил бы его. Он дал клятву убивать всех, кого она полюбит». Невольно он положил руку на рукоятку шпаги, но сейчас же устыдился такого порыва. «В конце-концов, какое мне дело? Я не завидую ни ему, ни его добыче, которую к тому же я еле видел». Однако мысли эти оставили в нем тягостное впечатление, и все время, покуда они шли от церкви до дома капитана, он хранил молчание.

Ужин уже был накрыт, когда они пришли.

Мержи ел мало и, как только убрали со стола, хотел вернуться в свою гостиницу. Капитан согласился отпустить его, взяв обещание, что на следующий день он окончательно переедет к нему в дом.

Нет надобности говорить, что у своего брата Мержи нашел деньги, лошадь и т. д., кроме того адрес придворного портного и единственного продавца, где всякий дворянин, желающий понравиться дамам, мог купить перчатки, брыжи «смущение» и башмаки «подъем» или «подъемный мост».

Наконец, когда уже совсем стемнело, он вернулся в свою гостиницу в сопровождении двух лакеев своего брата, вооруженных пистолетами и шпагами, так как в те времена парижские улицы после восьми часов вечера были более опасны, чем в наши дни дорога между Севильей и Гренадой.

VI

ГЛАВА ПАРТИИ

Вернувшись в свою скромную гостиницу, Бернар де Мержи печально осмотрел потертую и потускневшую обстановку. Когда он в уме сравнил стены своей комнаты, выбеленные когда-то, теперь потемневшие и закопченные, с блестящими шелковыми обоями только что покинутых им апартаментов, когда он вспомнил хорошенькую раскрашенную мадонну и увидел на стенке перед собою только старую иконку, тогда в душу его вошла мысль довольно низменная.

Эта роскошь, изящество, благосклонность дам, благоволение короля, вообще множество желанных вещей — все это досталось Жоржу за одно слово, которое так легко произнести, ибо достаточно, чтобы оно слетело с губ, а в глубину сердца никто не заглядывал. На память ему сейчас же пришли имена многих протестантов, которые, отрекшись от своей веры, достигли высоких почестей, и, так как дьявол всем пользуется как оружием, он вспомнил притчу о блудном сыне, но с очень странным выводом: что обращенному гугеноту больше будут радоваться, чем оставшемуся верным католику.

Мысли эти, приходившие ему в голову как бы помимо его воли, под разными видами неотвязно преследовали его, внушая ему в то же время отвращение. Он взял Женевскую библию, принадлежавшую его матери, и стал читать. Немного успокоившись, он отложил книгу; перед тем как смежить глаза, он мысленно произнес клятву жить и умереть в вере своих отцов.

Но, несмотря на чтение и клятву, он и во сне переживал отголоски приключений прошедшего дня. Снились ему пурпурные шелковые занавески, золотая посуда; затем опрокинутые столы, блеск шпаги и кровь, смешанная с вином. Потом ожило изображение мадонны; она вышла из своей рамы и начала перед ним танцевать. Он старался запечатлеть ее черты в своей памяти и только тогда заметил, что на ней была черная маска. Но в отверстия маски видны были синие глаза и две полосы белой кожи... Шнурки у маски развязались и показалось небесное лицо, но очертания его были неопределенны; оно похоже было на отражение нимфы в взбаламученной воде. Невольно он опустил глаза, сейчас же поднял их опять, но увидел только ужасного Коменжа с окровавленной шпагой в руке.

Встал он рано, велел отнести к брату свой легковесный багаж и, отказавшись идти осматривать с ним городские достопримечательности, отправился один в особняк Шатильон, чтобы передать адмиралу письмо, порученное ему отцом.

Двор особняка он нашел переполненным слугами и лошадьми, так что ему стоило большого труда проложить себе дорогу и добраться до обширных сеней, где толпи-

лись конюхи и пажы, составлявшие, несмотря на то, что они были вооружены только шпагами, внушительную охрану вокруг адмирала. Одетый в черное привратник, бросив взгляд на кружевной воротник Мержи и золотую цепь, одолженную ему братом, не стал чинить никаких препятствий и сейчас же ввел его в галерею, где находился его господин.

Человек сорок вельмож, дворян, протестантских священников, стоя в почтительных позах, с непокрытыми головами, окружали адмирала.

Он был одет с большою простотою во все черное. Роста он был высокого, но немного горбился, морщины на его лысом лбу скорее являлись следствием боевых трудов, нежели возраста. Длинная седая борода спускалась ему на грудь. От природы впалые щеки казались еще более впалыми от раны, глубокий рубец от которой едва могли скрыть длинные усы: в битве при Монконтуре пистолетный выстрел пробил ему щеку и повредил несколько зубов. Выражение его лица было скорее печально, нежели сурово; ходили слухи, что со смерти храброго Дандело³⁵ никто не видел на его губах улыбки.

Он стоял, опершись рукою на стол, заваленный картами и планами, среди которых возвышалась толстейшая библия «in quarto». Разбросанные по картам и бумагам зубочистки напоминали о привычке, часто служившей предметом шуток.

В конце стола сидел секретарь, по-видимому, весьма занятый писанием писем, которые он затем давал адмиралу на подпись.

При виде этого великого человека, который для своих единоверцев был выше короля, так как в его лице соединялись герой и святой, Мержи почувствовал прилив такого уважения, что, приблизясь к нему, невольно опустился на одно колено. Адмирал, удивленный и рассерженный столь необычным выражением почтения, дал ему знак подняться и с некоторой досадой взял письмо, переданное ему юным энтузиастом. Он бросил взгляд на гербовую печать.

³⁵ Его брат. (Прим. автора.)

— Это письмо от моего старого товарища — барона де Мержи,— произнес он,— вы же, молодой человек, так схожи с ним, что, вероятно, приходитеесь ему сыном.

— Батюшка очень хотел бы, чтобы возраст его позволил ему приехать лично засвидетельствовать вам свое почтение.

— Господа,— сказал Колиньи, окончив чтение письма и обращиваясь к окружающим его людям,— представляю вам сына барона де Мержи, проскакавшего более двухсот миль, чтобы действовать с нами заодно. По-видимому, для Фландрского похода недостатка в добровольцах у нас не будет. Господа, моя просьба — подружиться с этим молодым человеком, к его отцу вы все питаете глубочайшее уважение.

Сейчас же человек двадцать принялись обнимать Мержи и предлагать свои услуги.

— Вы уже бывали на войне, друг мой Бернар? — спросил адмирал.— Слышали ли когда-нибудь гром пищалей?

Мержи, покраснев, отвечал, что он еще не имел счастья сражаться за веру.

— Поблагодарите лучше судьбу, молодой человек, что вам не пришлось проливать кровь своих сограждан,— сказал Колиньи с важностью; — благодарение богу,— прибавил он со вздохом,— гражданская война прекратилась! Наша религия вздохнула свободнее, и, более счастливый, чем мы, вы обнажите вашу шпагу только против врагов короля и родины.

Затем, положив руку на плечо молодому человеку, он продолжал:

— Я уверен, вы оправдаете ваше происхождение. Согласно намерениям вашего отца, сначала вы будете служить среди дворян моей свиты. Когда же мы встретимся с испанцами, овладейте их знаменем — и вы получите чин корнета в моем полку.

— Клянусь вам,— решительно воскликнул Мержи,— при первой же стычке я буду корнетом, или у моего отца не будет больше сына.

— Хорошо, мой храбрый мальчик, ты говоришь, как говорил твой отец.

Затем он подозвал своего управителя.

— Вот мой управитель, метр Самюэль. Если тебе понадобятся деньги на экипировку, ты обратишься к нему.

Управитель отвесил Мержи поклон, но тот поспешил поблагодарить и отказаться.

— Мой отец и мой брат,— сказал он,— дают мне вполне достаточно на содержание.

— Ваш брат?.. Капитан Жорж Мержи, который еще со времен первой войны отрекся от веры?

Мержи печально опустил голову; губы его пошевелились, но слов не было слышно.

— Он храбрый солдат,— продолжал адмирал,— но что значит храбрость без страха божьего! В вашей семье, молодой человек, вы можете найти и образец, которому должно следовать, и пример, которого следует избегать.

— Я постараюсь подражать славным подвигам моего брата... но не его отречению.

— Ну, Бернар, приходите ко мне почаще и считайте меня своим другом. Для добрых нравов место здесь не очень благоприятное, но я надеюсь скоро вывести вас отсюда и провести туда, где будет возможность заслужить славу.

Мержи почтительно поклонился и смешался с толпой приближенных, окружавших адмирала.

— Господа,— произнес Колиньи, продолжая разговор, прерванный приходом Мержи; — со всех сторон я получаю добрые вести. Руанские убийцы потерпели наказание...

— Чего нельзя сказать про тулузских,— возразил старый пастор с мрачной и фанатической наружностью.

— Вы ошибаетесь, сударь. Я только что получил известие из Тулузы. Там учреждена смешанная комиссия³⁶. Его величество каждодневно дает нам доказательства того, что правосудие одинаково для всех.

³⁶ По мирному договору, которым окончилась третья гражданская война, во многих судах учреждены были комиссии, половина членов которых исповедовала кальвинистское вероучение. Им надлежало ведать дела между католиками и протестантами. (Прим. автора.)

Старый гугенот покачал недоверчиво головой.

Какой-то седобородый старик, одетый в черное бархатное платье, вскричал:

— Да, его правосудие для всех одинаково; Шатильонов, Монморанси и Гизов, всех вместе, Карл и его достойная мать хотели бы уничтожить одним ударом!

— Выражайтесь более почтительно о короле, г-н де Бонисан,— строго сказал Колиньи,— забудем, забудем, наконец, старые ссуды. Да не будет сказано, что католики лучше, чем мы, применяют божественный завет — забывать оскорбления.

— Клянусь костями моего отца, им это легче сделать, чем нам! — пробормотал Бонисан.— Мои двадцать три замученных родственника не так легко выйдут у меня из памяти.

Он сказал это с горечью. В этот момент дряхлый старик, с отталкивающей наружностью, закутанный в серый, до дыр протертый плащ, вошел в галерею, пробрался через толпу и передал Колиньи запечатанный пакет.

— Кто вы такой? — спросил адмирал, не ломая печати.

— Один из ваших друзей,— отвечал старик хриплым голосом.

И сейчас же вышел.

— Я видел, как этот человек сегодня утром выходил из особняка Гиза,— сказал какой-то дворянин.

— Он — колдун,— сказал другой.

— Отравитель,— сказал третий.

— Герцог Гиз подослал его отравить г-на адмирала.

— Меня отравить? — сказал адмирал, пожимая плечами.— Отравить меня посредством письма?

— Вспомните о перчатках королевы Наваррской!³⁷ — воскликнул Бонисан.

— В отравленные перчатки я так же не верю, как и в отравленное письмо, но я верю, что герцог Гиз не может совершить низкого поступка.

³⁷ Причиной ее смерти,— пишет д'Обинье во «Всеобщей истории» — был яд, который через надушенные перчатки проник ей в мозг. Изготовлен он был по системе мессера Рене, флорентийца, сделавшегося после этого ненавистным всем, даже врагам этой королевы. (Прим. автора.)

Он собирался распечатать письмо, как вдруг Бонисан бросился на него и вырвал письмо из рук со словами:

— Не распечатывайте его, иначе вы вдохнете смертельный яд!

Все присутствующие столпились вокруг адмирала, который делал некоторые усилия, чтобы освободиться от Бонисана.

— Я вижу, как из письма выходит черный дым! — закричал чей-то голос.

— Бросьте его, бросьте его! — раздался общий крик.

— Отстаньте от меня, сумасшедшие! — говорил адмирал, отбиваясь. Во время этой, в своем роде, борьбы бумага упала на пол.

— Самюэль, друг мой, — воскликнул Бонисан, — покажите себя верным слугою! Вскройте этот пакет и передайте его вашему господину, только после того как убедитесь, что он не содержит в себе ничего подозрительного.

Такое поручение не очень-то понравилось управителю. Не колеблясь, Мержи поднял письмо и сломал печать. Тотчас же вокруг него опустело, все отодвинулось, как будто посредине помещения сейчас должна была разорваться мина; между тем никакого зловредного дыма не появилось; никто даже не чихнул. В этом конверте, которого все так боялись, был только довольно грязный лист бумаги с несколькими строчками, — только и всего.

Те же самые люди, которые первыми отодвинулись, первыми же и подошли со смехом, как только всякий намек на опасность исчез.

— Что означает эта наглость? — воскликнул Колиньи с гневом, освободившись, наконец, из рук Бонисана. — Распечатывать письмо, которое адресовано мне?

— Господин адмирал, если бы случайно в этой бумаге находился какой-либо яд, столь тонкий, что вдыхание его причинило бы смерть, лучше было бы пасть жертвой молодому человеку вроде меня, чем вам, жизнь которого столь ценна для нашей религии.

Шепот восхищения слышался вокруг Мержи. Колиньи пожал ему руку с нежностью и, минуто помолчав, произнес с доброю:

— Раз ты уже распечатал это письмо, то прочти нам, что в нем содержится.

Мержи сейчас же прочел следующее:

«Небо на западе озарено кровавым светом. Звезды исчезли с небосвода, и пламенные мечи видны в воздухе. Нужно быть слепым, чтобы не понимать, что пророчат эти знамения. Гаспар, опояшься мечом, надень шпоры, иначе через несколько дней с ои будут питаться твоим мясом».

— Он под именем сой³⁸ понимает Гизов,— сказал Бонисан.

Адмирал пренебрежительно пожал плечами. Все окружающие молчали, но было очевидно, что пророчество произвело некоторое впечатление на присутствовавших.

— Сколько в Париже народа, занятого глупостями! — холодно произнес Колиньи.— Кто-то недаром сказал, что в Париже около десяти тысяч бездельников, живущих только тем, что предсказывают будущее!

— Советом этим пренебрегать не следует,— произнес какой-то пехотный капитан,— герцог Гиз достаточно открыто заявил, что он не будет спать спокойно, пока не всадит вам шпаги в живот.

— Убийце так легко к вам проникнуть,— прибавил Бонисан.— На вашем месте я бы не иначе отправлялся в Лувр, как надев панцирь.

— Полно, друг,— ответил адмирал,— убийцы не нападают на таких старых солдат, как мы с вами. Они нас больше боятся, чем мы их.

Затем в течение некоторого времени он беседовал о Фландрской кампании и положении религиозных дел. Многие лица передавали ему прошения, чтобы он доставил их королю; он принимал их милостиво, к каждому просителю обращался с ласковыми словами. Пробыло десять часов; он велел подать себе шляпу и перчатки, чтобы отправиться в Лувр. Некоторые из присутствующих распрощались; большинство последовало за ним, чтобы служить ему свитой и охраной в одно и то же время.

³⁸ Непереводимая игра Qeai — соя и ge — буква G, с которой начинается фамилия Guise (Гиз).

ГЛАВА ПАРТИИ

Продолжение

Завидя брата, капитан еще издали закричал ему: — Ну что же, видел ты Гаспара I? Как он тебя принял?

— Так милостиво, что я никогда этого не забуду.

— Я очень рад!

— О Жорж, что за человек!..

— Что за человек? Приблизительно такой же, как и всякий другой; у него немного больше честолюбия и немного больше терпения, чем у моего лакея, не говоря о разнице в происхождении. То, что он родился от г-на де Шатильон, имело для него большое значение.

— Не происхождение же преподавало ему воинскую науку и сделало первым полководцем нашего времени?

— Конечно, нет, но заслуги его не помешали ему постоянно терпеть поражения. Полно, оставим это. Сегодня ты повидал адмирала, это прекрасно, — всякому князю свой почет; тебе так и следовало начать с визита г-ну де Шатильон. А теперь... хочешь завтра поехать на охоту? Там я представлю тебя кое-кому, кого тоже стоит повидать. Я говорю про Карла, короля Франции.

— Мне участвовать в королевской охоте?

— Конечно; ты увидишь прекраснейших придворных дам и прекраснейших придворных лошадей. Съезд назначен в Мадридском дворце, и мы должны быть там завтра ранним утром. Я дам тебе свою серую в яблоках и ручаюсь, что прищпоривать ее не придется: она и так от собак не отстает.

Лакей передал Мержи письмо, только что принесенное королевским пажом. Мержи открыл его и удивился, равно как и его брат, увидя там приказ о производстве Мержи в корнеты. Королевская печать была прикреплена к этому документу, составленному по старой форме.

— Что за черт! — воскликнул Жорж. — Вот совершенно неожиданная милость. Но как же Карл IX, который не знает о твоём существовании, мог прислать тебе приказ о производстве в корнеты?

— Я думаю, что обязан этим г-ну адмиралу,— сказал Мержи. И тут он рассказал своему брату историю таинственного письма, которое он распечатал с таким мужеством. Капитан смеялся над концом приключения.

VIII

ДИАЛОГ МЕЖДУ ЧИТАТЕЛЕМ И АВТОРОМ

— Ах, господин автор, что за прекрасный случай для вас нарисовать ряд портретов, и каких портретов. Сейчас вы поведете нас в Мадридский замок, в самый центр двора. И какого двора! Сейчас вы нам покажете этот франко-итальянский двор. Познакомите нас по очереди со всеми выдающимися личностями. Сколько интересных вещей сейчас мы узнаем! И как должен быть интересен день, проведенный среди такого количества великих людей!

— Увы, господин читатель, о чем вы меня просите? Я был бы очень рад обладать талантом, нужным для того, чтобы написать историю Франции; я бы не стал писать побасенок. Но скажите на милость, почему вы хотите, чтобы я знакомил вас с людьми, которые не должны играть никакой роли в моем романе?

— Вы сделали большой промах, что не дали им какой-нибудь роли. Как! Вы переносите меня в 1572 год и думаете обойтись без характеристик стольких замечательных людей? Полно! Тут нечего колебаться. Начинайте; я даю вам первую фразу: «Двери в гостиную открылись, и можно было видеть...»

— Но, господин читатель, в Мадридском замке не было гостиной,— гостиные...

— Ну, хорошо, тогда: «Большой зал наполнен толпою... и т. п... среди которой можно было заметить...»

— Кого же вы хотите там заметить?

— Черт возьми! *primo*³⁹, Карла IX³⁹.

— *Secundo*⁴⁰?

³⁹ Во-первых.

⁴⁰ Во-вторых.

— Пойдите. Сначала опишите его костюм, потом его наружность и, наконец, его нравственную характеристику. Так поступают теперь все романисты.

— Его костюм? На нем было охотничье платье с большим охотничьим рогом на перевязи.

— Вы очень кратки.

— Что касается его наружности... погодите. Ей-богу, вы бы отлично сделали, если бы посмотрели его бюст в Ангулемском музее. Он находится во втором зале, № 98.

— Но, господин автор, я живу в провинции; что же вы хотите, чтобы я специально приехал в Париж посмотреть бюст Карла IX?

— Ну, хорошо, представьте себе молодого человека, довольно хорошо сложенного, с головой, немного ушедшей в плечи; он вытягивает шею и неловко выставляет вперед лоб; нос у него немного толстоват; губы у него тонкие, рот широкий, верхняя губа очень выдается; цвет лица землистый; большие зеленые глаза никогда не глядят прямо на человека, с которым он разговаривает. Впрочем, в глазах его нельзя прочесть: «Варфоломеевская ночь» или что-нибудь в таком роде. Совершенно нельзя. Выражение у него скорее тупое и беспокойное, чем жестокое и свирепое. Вы представьте его себе довольно точно, вообразив какого-нибудь молодого англичанина, входящего в гостиную, где все гости уже сидят. Он идет вдоль шпалеры разряженных дам, которые молчат при его проходе. Зацепив за платье одной из них, толкнув стул другой, с большим трудом он добирается до хозяйки дома; только тогда он замечает, что, задев за колесо при выходе из кареты, испачкал грязью рукав своего фрака. Вам, наверное, случалось видеть такие смущенные физиономии; может быть, даже вы сами смотрелись в зеркало, покуда светский опыт не дал вам уверенности в благополучности вашего появления...

— А Екатерина Медичи?

— Екатерина Медичи? Черт возьми, я не думал об ней. Полагаю, что это имя в последний раз пишется мною: это — толстая женщина, еще свежая и, по слухам, для своего возраста еще хорошо сохранившаяся, с толстым носом и поджатыми губами, как у человека, испытывающего первые приступы морской болезни. Глаза у

нее полузакрывает, каждую минуту она зевает; голос у нее монотонный, и она совершенно одинаково произносит: «Ах, кто меня избавит от этой ненавистной беарнезки?»⁴¹ и «Мадлен, дайте сладкого молока моей неаполитанской собаке».

— Отлично! Но вложите в ее уста какие-нибудь более примечательные слова. Она только что велела отравить Жанну д'Альбре, по крайней мере, прошла такая молва; это должно было отразиться на ней.

— Нисколько! Потому что, если бы это было заметно, куда девалось бы столь знаменитое ее притворство? К тому же в данный день, по самым точным сведениям, она говорила только о погоде, ни о чем другом.

— А Генрих IV? А Маргарита Наваррская? Покажите нам Генриха, отважного, галантного, главным образом, доброго. Пусть Маргарита тайком сует в руку пажу любовную записку в то время, как Генрих, со своей стороны, пожимает ручку одной из придворных дам Екатерины.

— Что касается Генриха IV, то никто бы не угадал в этом ветреном мальчике героя и будущего короля Франции. Он уже позабыл о своей матери, умершей две недели тому назад. Разговаривает он с простым доезжачим, вступив в бесконечные рассуждения насчет следов оленя, которого сейчас поднимут. Я вас избавлю от этих рассуждений, особенно если вы, на что я надеюсь, не охотник.

— А Маргарита?

— Ей нездоровилось, и она не выходила из комнаты.

— Хороший способ отделяться! А герцог д'Анжу? А принц де Конде? А герцог де Гиз, а Таван, Рец, Ларошфуко, Телиньи? А Таре, а Мерью?⁴² А столько еще других.

— Ей богу, вы их знаете лучше, чем я. Я буду рассказывать о своем друге Мержи.

⁴¹ «Ненавистная беарнезка» — очевидно, Жанна д'Альбре, жена Антона Бурбонского и мать Генриха, женившегося накануне Варфоломеевской ночи на сестре короля Карла IX, ставшего впоследствии французским королем под именем Генриха IV. Беарн — одна из тогдашних французских провинций на южной границе Франции.

⁴² Здесь перечислен ряд придворных и видных деятелей времен Карла IX.

— Ах, я замечаю, что в вашем романе я не найду того, чего искал.

— Боюсь, что так.

IX

ПЕРЧАТКА

Двор находился в Мадридском замке. Королева мать, окруженная своими дамами, ждала в своей комнате, когда король придет позавтракать с ней перед тем как сесть на лошадь, а король в сопровождении принцев крови медленно проходил по галерее, где находились все мужчины, которые должны были принять участие в королевской охоте. Он рассеянно слушал фразы, с которыми обращались к нему придворные, и часто отвечал на них довольно резко. Когда он проходил мимо двух братьев Мержи, капитан преклонил колени и представил королю нового корнета. Мержи глубоко поклонился и поблагодарил его величество за честь, которой он удостоился раньше чем заслужил ее.

— А! Так это о вас говорил мне отец адмирал? Вы брат капитана Жоржа?

— Да, сир.

— Вы католик или гугенот?

— Сир, я — протестант.

— Я спрашиваю из простого любопытства, потому что, черт меня побери, если я хоть сколько-нибудь интересуюсь тем, какую религию исповедуют люди, которые мне хорошо служат.— После этих достопамятных слов король вошел в комнаты королевы.

Через несколько минут по галерее рассыпался рой женщин, словно посланный для того, чтобы придать кавалерам терпение. Я буду говорить только об одной из красавиц при дворе, столь богатом красавицами; я имею в виду графиню де Тюржи, которой суждено играть видную роль в этом повествовании. На ней был костюм амазонки, легкий и вместе с тем изящный, и она еще не надела маски. Агатовые волосы казались еще чернее от ослепительной белизны ее ровной бледной кожи; крутые дуги слег-

ка сросшихся бровей придавали ее наружности жестокий, или вернее, надменный вид, не отнимая нисколько прелести от совокупности ее черт. Сначала в ее голубых глазах была заметна только пренебрежительная гордость; но затем во время оживленного разговора зрачок у нее увеличился, расширился как у кошки, взоры ее сделались пламенными, так что самому заядлому фату трудно было устоять против их магического очарования.

— Графиня де Тюржи! Как она прекрасна сегодня! — шептали придворные; и каждый проталкивался вперед, чтобы лучше ее рассмотреть. Мержи, находившийся на ее пути, был так поражен ее красотой, что оцепенел, и не подумал посторониться, чтобы дать ей дорогу, широкие шелковые рукава графини коснулись его камзола.

Она заметила его волнение, может быть, не без удовольствия, и удостоила задержать на минуту свои взоры на глазах Мержи, которые тот тотчас же потупил, между тем как густой румянец покрыл его щеки. Графиня улыбнулась и, проходя, уронила перчатку перед нашим героем, который, остолбенев и вне себя, даже не догадался поднять ее. Сейчас же белокурый молодой человек (то был не кто иной, как Коменж), находившийся позади Мержи, грубо толкнул его, чтобы пройти вперед, схватил перчатку и, почтительно поцеловав ее, передал г-же де Тюржи. Та, не поблагодарив его, повернулась к Мержи и некоторое время смотрела на него с уничтожающим презрением; потом, заметив около себя капитана Жоржа, она сказала очень громко:

— Скажите, капитан, откуда взялся этот увалень? Судя по его любезности, это наверное какой-нибудь гугенот?

Общий взрыв хохота окончательно смутил несчастного Мержи.

— Это мой брат, сударыня, — ответил Жорж негромко, — он только три дня как в Париже и, по чести, если он и неловок, то не более чем был Ланнуа, пока вы не взяли на себя труд обтесать его.

Графиня слегка покраснела.

— Злая шутка, капитан. Не говорите дурного о покойниках. Ну, дайте мне руку; мне надо поговорить с вами по поручению одной дамы, которая не очень-то вами довольна.

Капитан почтительно подал ей руку и отвел в амбразуру отдаленного окна; но на ходу она еще раз обернулась, чтобы взглянуть на Мержи.

Мержи стоял еще ослепленный появлением прекрасной графини, сгорая желанием посмотреть на нее и не смея поднять на нее глаз, как вдруг он почувствовал, что его тихонько хлопают по плечу. Он обернулся и увидел барона де Водрейль, который, взяв его за руку, отвел в сторону, чтобы, как он сказал, поговорить без помехи.

— Дорогой друг, — сказал барон, — вы еще новичок в здешних местах и, может быть, не знаете, как надо вести себя.

Мержи с удивлением посмотрел на него.

— Ваш брат занят и не может дать вам совета; если позволите, я заменю его.

— Я не знаю, сударь, что...

— Вас жестоко оскорбили, и, видя вас в задумчивости, я не сомневался, что вы обдумываете способ мщения.

— Мщение? Но кому? — спросил Мержи, покраснев до корня волос.

— Разве маленький Коменж только что не толкнул вас? Весь двор видел, как происходило дело, и ждет, что вы примете это близко к сердцу.

— Но, — возразил Мержи, — в зале, где так много народа, нет ничего удивительного, что кто-нибудь меня нечаянно и толкнул.

— Господин де Мержи, я не имею чести быть близко знакомым с вами, но ваш брат мне большой друг, и он может подтвердить вам, что я, насколько это возможно, применяю на практике божественный завет прощать обиды. Я не хотел бы втягивать вас в серьезную ссору, но в то же время я считаю своей обязанностью заметить вам, что Коменж толкнул вас не нечаянно. Он толкнул вас потому, что хотел нанести вам оскорбление, и даже если бы он вас не толкнул, тем не менее он вас оскорбил, потому что, поднимая перчатку Тюржи, он захватил право, принадлежавшее вам. Перчатка лежала у ваших ног, — ergo вам одному принадлежало право поднять ее и вернуть владелице... Да вот, обернитесь, и вы увидите, как в конце галереи Коменж показывает на вас пальцем и издевается над вами.

Мержи обернулся и увидел Коменжа, окруженного пятью-шестью молодыми людьми, которым он со смехом что-то рассказывал, а те, по-видимому, слушали его с любопытством. Ничто не доказывало, что речь в этой компании идет о нем; но под влиянием слов своего сострадательного советника Мержи почувствовал, как в сердце к нему прокрадывается бешеный гнев.

— Я буду искать с ним встречи после охоты,— сказал он,— и сумею...

— О, не откладывайте никогда таких хороших решений. К тому же, вызывая вашего противника сейчас же после нанесения оскорбления, вы гораздо меньше грешите перед господом, чем делая это через промежуток времени, достаточный для размышления. Вы вызываете на поединок в минуту запальчивости, что не является смертным грехом; если же вы потом деретесь на самом деле,— так только для того, чтобы избежать более тяжкого преступления — неисполнения своего обещания... Но я забываю, что разговариваю с протестантом. Как бы то ни было, условьтесь с ним сейчас же о месте встречи; я сейчас сведу вас.

— Надеюсь, он не откажется принести мне должные извинения?

— Разуверьтесь на этот счет. Коменж еще ни разу не произнес: «я был неправ». В конце концов, он вполне порядочный человек и не откажет вам в удовлетворении.

Мержи стоило немалого труда оправиться от волнения и принять равнодушный вид.

— Если мне было нанесено оскорбление,— сказал он,— я должен получить удовлетворение. Каково бы оно ни было, я сумею его потребовать.

— Превосходно, юный храбрец! Мне нравится ваша отвага, так как вам неизвестно, что он один из лучших наших фехтовальщиков. Черт возьми! Оружием владеет этот господин прекрасно. Он учился в Риме у Брамбиллы, и Пети-Жан больше не хочет выступать против него.

При этих словах он внимательно всматривался в несколько бледное лицо де Мержи, которого все же, по-ви-

димому, больше волновало само оскорбление, чем его последствия.

— Я охотно предложил бы вам свои услуги в этом деле в качестве секунданта, но, кроме того что я завтра причащаюсь, я условился с г-ном де Рейнси и не могу обнажить шпагу ни против кого другого ⁴³.

— Благодарю вас, сударь. Если дело обострится, моим секундантом будет мой брат.

— Капитан — большой знаток в подобного рода делах. А пока что я приведу к вам сейчас Коменжа, чтобы вы с ним объяснились.

Мержи поклонился и, отвернувшись к стенке, стал обдумывать фразы для вызова и старался придать лицу подобающее выражение.

Вызов следует сделать с известной грацией, которая, как и многое другое, приобретается навыком. Наш герой в первый раз был в деле, поэтому он чувствовал себя в некотором замешательстве; но в данную минуту он боялся не столько удара шпаги, сколько каких-нибудь слов, которые не были бы достойны истинного дворянина. Только успел он составить в уме твердую и вежливую фразу, как барон де Водрейль тронул его за руку — и фраза сейчас же вылетела у него из головы.

Коменж со шляпой в руке отвесил ему учтиво-наглый поклон и заговорил медовым голосом:

— Вы желали говорить со мною, сударь?

От гнева кровь бросилась в лицо Мержи; он быстро ответил более твердым тоном, чем мог надеяться:

— Вы вели себя по отношению ко мне нагло, и я желаю получить от вас удовлетворение.

Водрейль одобрительно кивнул головой. Коменж выпрямился и, подбоченившись, что тогда считалось необходимым в подобных случаях, произнес очень серьезно:

— Вы являетесь «истцом», сударь, — следовательно, мне, как «ответчику», предоставляется право выбрать оружие.

— Назовите, какое вам подходит.

Коменж с минуту как бы соображал.

⁴³ Существовало правило у заправских дуэлянтов — не вступать в новую ссору, покуда не были сведены счета за старую. (Прим. автора.)

— Длинная шпага ⁴⁴,— сказал он,— хорошее оружие, но раны от нее могут обезобразить человека, а в нашем возрасте,— добавил он с улыбкой,— не очень приятно показываться своей любовнице со шрамом по самой середине лица. Рапира делает маленькую дырочку, но этого вполне достаточно (он опять улыбнулся). Итак, я выбираю рапиру и кинжал.

— Отлично,— ответил Мержи и хотел удалиться.

— Пойдите! — закричал Водрейль.— Вы позабыли условиться о времени и месте.

— Все придворные дерутся обычно на Пре-о-Клер,— сказал Коменж,— и если у г-на де Мержи нет в виду какого-нибудь другого излюбленного места...

— Хорошо, на Пре-о-Клер.

— Что касается времени... я не встану, по известным мне причинам, раньше восьми часов... Понимаете... Я сегодня не ночую дома и не смогу быть на Пре-о-Клер раньше девяти часов.

— Значит, в девять часов.

Оглянувшись, Мержи заметил довольно близко от себя графиню де Тюржи, которая уже покинула капитана, оставив его разговаривать с другой дамой.

Понятно, что при виде графини, прекрасной виновницы этого опасного дела, наш герой постарался придать своему лицу выражение торжественности и напускной беспечности.

— С некоторых пор,— сказал Водрейль,— в моду вошло драться в красных штанах. Если у вас их нет наготове, я пришлю вам пару сегодня вечером. Кровь на них незаметна, и это более опрятно.

— Я считаю это ребячеством,— заметил Коменж.

Мержи неловко улыбнулся.

— Итак, друзья мои,— сказал барон де Водрейль, попавший, по-видимому, в свою стихию,— теперь дело только за тем, чтобы уговориться относительно секундантов и их помощниках ⁴⁵ для вашей дуэли.

— Господин де Мержи — новичок при дворе,— ска-

⁴⁴ Большая обоюдоострая шпага.

⁴⁵ Часто секунданты были не только простыми зрителями — они дрались между собою. Говорилось: «Удвоить», «утроить» кого-нибудь. (Прим. автора.)

зал Коменж,— и ему, может быть, трудно будет найти двух секундантов; так что, снисходя к нему, я удовольствуюсь одним секундантом.

Мержи с некоторым усилием выдавил на лице подобие улыбки.

— Невозможно быть более любезным,— сказал барон.— Поистине одно удовольствие иметь дело с таким покладистым человеком, как г-н де Коменж.

— Так как вам понадобится рапира такой же длины, как моя,— продолжал Коменж,— я рекомендую вам Лорана под вывеской «Золотое солнце» на улице Феронри, он — лучший оружейник в городе; скажите ему, что я послал вас к нему, и он вам все отлично устроит.

Сказав это, он повернулся на каблуках и с большим спокойствием снова вернулся к компании молодых людей, которых только что покинул.

— Поздравляю вас, господин Бернар,— сказал Водрейль,— вы отлично справились с вызовом. Уверяю вас — превосходно. Коменж не привык, чтобы с ним так разговаривали. Его боятся, как огня, особенно с тех пор, как он убил великана Канийяка; убив два месяца тому назад Сен-Мишеля, он не стяжал себе особенной славы: Сен-Мишель не был искусным противником, меж тем как Канийяк убил перед этим пять-шесть противников, не получив ни одной царапины. Он изучал искусство в Неаполе, у Борелли, и говорят, что Ланзак, умирая, открыл ему секрет удара, которым он наделал столько бед. По правде сказать,— продолжал он, будто говоря сам с собою,— Канийяк обворовал церковь в Оксере и бросил наземь освященные дары; нет ничего удивительного, что его постигло наказание.

Хотя подробности эти нимало не занимали Мержи, он считал своим долгом поддерживать разговор, боясь, как бы в голову де Водрейля не закралось какого-нибудь подозрения, оскорбительного для его храбрости.

— К счастью,— сказал он,— я не обкрадывал никакой церкви и в жизни своей не прикасался к святым дарам, так что подвергаюсь меньшей опасности.

— Должен вам дать еще один совет. Когда вы скрестите оружие с Коменжем, берегитесь одной хитрости с его стороны, стоившей жизни капитану Томазо. Он вос-

кликнул, что острие его шпаги сломалось. Томазо поднял свою шпагу над головою, готовясь встретить рубящий удар; но шпага у Коменжа была целехонька, ибо вошла по самую рукоятку в грудь Томазо, которую тот оставил незащищенной, не ожидая колющего удара... Но вы будете драться на рапирах, так что опасности меньше.

— Постараюсь сделать, что могу.

— Ах да, еще! Выбирайте кинжал с крепкой чашкой, что очень полезно для парирования. Видите этот шрам у меня на левой руке? Я получил его, так как однажды вышел без кинжала. У меня случилась ссора с молодым Талларом, и из-за отсутствия кинжала я едва не лишился левой руки.

— А он был ранен? — спросил рассеянно Мержи.

— Я убил его с помощью обета, данного святому Маврикию, моему покровителю. Возьмите также с собой перевязок и корпии, — они не помешают. Не всегда бываешь убит наповал. Хорошо бы также положить вам шпагу на алтарь во время обедни... Впрочем, вы — протестант... Еще одно слово... Не считайте, что достоинство требует, чтобы во время дуэли вы все время оставались на одном месте; наоборот, заставьте его побегать; у него короткое дыхание; утомите его и, улучив подходящий момент, сделайте выпад на славу, и он — конченный человек.

Он долго еще продолжал бы давать такие же прекрасные советы, если бы громкий звук рогов не возвестил, что король сел на лошадь. Двери в апартаменты королевы открылись, и их величества в охотничьих костюмах направились к крыльцу. Капитан Жорж, только что оставивший свою даму, вернулся к брату и, хлопнув его по плечу, сказал с веселым видом:

— Вот счастливый бездельник! Посмотрите на этого мамсенькина сынка с кошачьими усиками! Стоило ему появиться, и все женщины уже сходят по нему с ума. Ты знаешь, что прекрасная графиня говорила со мною о тебе четверть часа? Ну, бодрись! Во время охоты скачи рядом с псью и будь как можно любезнее. Но что с тобою? Можно подумать, что ты болен! У тебя такое вытянутое лицо, будто у гугенотского священника, осужденного на костер. Полно, черт возьми, будь повеселее.

— Мне не хочется ехать на охоту, и я предпочел бы...

— Если вы не примете участия в охоте,— тихо произнес барон де Водрейль,— Коменж подумает, что вы боитесь с ним встретиться.

— Идем! — сказал Мержи, проводя рукою по пылающему лбу.

Он рассудил, что лучше после окончания охоты рассказать брату о своем приключении. «Какой стыд,— подумал он,— если бы г-жа де Тюржи подумала, что я боюсь... если бы она решила, что мысль о предстоящей дуэли препятствует мне насладиться охотой!»

Х

ОХОТА

Большое количество всадников и амазонок, богато одетых, суетились во дворе замка. Звук труб, лай собак, громкие шутки всадников — все это создавало шум, прелестный для охотничьего слуха и отвратительный для всякого другого человека.

Мержи машинально последовал за своим братом на двор и, сам не зная как, оказался около прекрасной графини, бывшей уже в маске, верхом на горячей андалузской лошади, которая била ногой о землю и нетерпеливо кусала удила; но даже на этой лошади, которая требовала особого внимания со стороны всадника, графиня сидела спокойно, словно в кресле в своей комнате.

Капитан подошел к ней под предлогом подтянуть цепочку мундштука у ее лошади.

— Вот мой брат,— сказал он амазонке вполголоса, но достаточно громко для того, чтобы Мержи мог слышать.— Обойдитесь с бедным мальчиком поласковей; он сам не свой с того дня, как видел вас в Лувре.

— Я уже забыла его имя,— ответила она довольно резко.— Как его зовут?

— Бернар. Обратите внимание, сударыня, что перевязь его такого же цвета, как ваши ленты.

— Умеет он ездить верхом?

— Вы сами убедитесь в этом.

Он поклонился и поспешил к некоей придворной даме

из свиты королевы, которой с некоторого времени оказывал знаки внимания. Слегка наклонившись к луке и положив руку на поводья лошади своей дамы, он вскоре забыл и о брате и об его прекрасной и гордой спутнице.

— Оказывается, вы знакомы с Коменжем, господин Мержи? — спросила госпожа де Тюржи.

— Я, сударыня?.. Очень мало, — пробормотал тот с запинкой.

— Но вы только что с ним разговаривали.

— Я разговаривал с ним в первый раз.

— Я, кажется, догадываюсь, о чем вы говорили. — И глаза ее из-под маски словно хотели прочесть в душе Мержи его тайну.

Какая-то дама, обратясь к графине, прервала их разговор к большому удовольствию де Мержи, которого очень смущала начавшаяся беседа. Тем не менее, сам хорошенько не зная почему, он продолжал ехать рядом с графией; быть может, он этим хотел доставить некоторое неудовольствие Коменжу, за ним наблюдавшему.

Выехали из замка. Олень был поднят и убегал в чащу, все охотники отправились вдогонку, и Мержи не без удовольствия обратил внимание на то, с каким искусством г-жа де Тюржи управляла лошадью и с какой неустрашимостью заставляла ее преодолевать все встречающиеся на пути препятствия. Благодаря отличному берберийскому скакуну, на котором ехал Мержи, он не отставал от своей дамы, но, к большой его досаде, граф де Коменж, у которого лошадь была ничуть не хуже, тоже ехал рядом с графией и, невзирая ни на быстроту бешеного галопа, ни на исключительную его внимательность к охоте, часто обращался с речью к амазонке, между тем как Мержи молча завидовал его легкости, беззаботности и особенно способности говорить приятные пустяки, которые, судя по досаде, которую испытывал Мержи, должны были нравиться графине.

Впрочем, для обоих соперников, одушевленных благородным соревнованием, не существовало ни достаточно высоких загоронок, ни достаточно широких рвов, перед которыми они остановились бы, и уже раз двадцать они рисковали сломать себе шею.

Вдруг графиня, отделившись от общей массы охот-

ников, свернула на лесистую дорогу, идущую под углом к той, по которой направился король и его свита.

— Что вы делаете? — воскликнул Коменж. — Вы сбьетесь со следа! Разве вы не слышите, что рожки и лай — с той стороны?

— Так и поезжайте другой дорогой. Кто вас держит?

Коменж ничего не ответил и поскакал за нею. Мержи поступил так же, и когда они проскакали вглубь по этой дороге шагов сто, графиня задержала свою лошадь.

Коменж справа и Мержи слева последовали ее примеру.

— У вас хороший боевой конь, господин де Мержи, — заметил Коменж, — не видно ни малейшей испарины.

— Это бербериец, брат купил его у одного испанца. Вот знак от сабельного удара, полученного им при Монконтуре.

— Вы были на войне? — спросила графиня у Мержи.

— Нет, сударыня.

— Так что у вас нет ни одной ружейной раны?

— Нет, сударыня.

— Ни одного сабельного удара?

— Тоже нет.

Мержи показалось, что она улыбается. Коменж хвастливо вздернул ус.

— Ничто так не красит молодого дворянина, — сказал он, — как хорошая рана. Не правда ли, сударыня?

— Да, если она честно заслужена.

— Что понимаете вы под этими словами: «честно заслужена»?

— Рана доставляет славу, если она получена на поле битвы. Дуэльные раны — совсем другого рода; я не знаю ничего более достойного презрения.

— Полагаю, что господин де Мержи имел с вами разговор перед тем как садиться на лошадь?

— Нет, — сухо ответила графиня.

Мержи направил лошадь к Коменжу и сказал ему тихо:

— Сударь, как только мы с вами присоединимся к остальной охоте, то сможем заехать в высокий кустарник, и там я надеюсь доказать вам, что я не предпринимал никаких шагов для того, чтобы избежать встречи с вами.

Коменж взглянул на него с выражением сострадания и удовольствия.

— Тем лучше, я вполне вам верю,— ответил он.— Что же касается сделанного вами предложения, я не могу его принять. Мы не какие-нибудь мужланы, чтобы драться без свидетелей, и наши друзья, которые должны принять участие в этом, никогда бы нам не простили, что мы их не подождали.

— Как вам будет угодно, сударь,— сказал Мержи и снова поехал рядом с г-жей де Тюржи,— которая отъехала на несколько шагов вперед. Графиня ехала, опустив голову на грудь, и, казалось, была всецело занята своими мыслями. Все трое в молчании доехали до перекрестка, которым кончалась их дорога.

— Слышите звук? Не рог ли это? — спросил Коменж.

— По-моему, звук долетает вон из того кустарника, налево от нас,— сказал Мержи.

— Да, это — рог, теперь я в этом уверен. И даже могу сказать, что это — болонская валторна. Черт меня побери, если это не валторна друга моего Помпиньяна. Вы не можете себе представить, господин де Мержи, какая огромная разница между болонской валторной и теми, что выделывают у нас жалкие парижские ремесленники.

— Эту слышно издалека.

— И какой звук! Как он насыщен! Собаки, слышав его, забыли бы, что пробежали десяток лье. По правде сказать, хорошие вещи выделывают только в Италии и во Фландрии. Что вы думаете об этом воротнике в валонском вкусе? Для охотничьего костюма это очень подходит; у меня есть воротники и брыжи «смущение» для балов; но и этот колет, совсем простой,— вы думаете, его вышивали в Париже? Ничуть не бывало! Он привезен мне из Бреды. Если хотите, я попрошу прислать вам такой же через своего друга, который находится во Фландрии... Но... (он оборвал, расхохотавшись)... Вот рассеянность! Боже мой! Я совсем забыл!

Графиня остановила лошадь.

— Коменж, охота впереди вас, и, судя по рожкам, оленя уже начали травить.

— Я думаю, что вы правы, прекрасная дама.

— А вы не хотите присутствовать при травле?

— Обязательно; иначе наша слава охотников и наездников погибла.

— Ну, так надо торопиться.

— Да, лошади наши передохнули. Покажите нам пример.

— Я устала. Я остаюсь здесь. Г-н де Мержи побудет со мною. Ну, трогайтесь!

— Но...

— Что же, вам два раза повторять? Шпорьте!..

Коменж не двигался с места, краска залила ему лицо, и он с бешенством переводил глаза с Мержи на графиню.

— Госпоже де Тюржи необходимо остаться вдвоём? — сказал он с горькой улыбкой.

Графиня протянула руку по направлению к кустарнику, откуда доносились звуки рожка, и сделала концами пальцев многозначительное движение. Но Коменж, по видимому, не был расположен предоставить поле действия своему сопернику.

— Кажется, с вами приходится объясняться напрямик. Оставьте нас, господин де Коменж, ваше присутствие докучает мне. Теперь вам понятно?

— Вполне, сударыня, — ответил он с яростью, и прибавил, понижая голос: — Но что касается этого прихвостня, — не долго он будет вас забавлять. Прощайте, господин де Мержи, до свидания. — Последние слова он произнес с особенным ударением; потом, дав обе шпоры, пустился в галоп.

Графиня удержала свою лошадь, которая хотела последовать примеру своего товарища, пустила ее шагом и сначала ехала молча, время от времени подымая голову и взглядывая на Мержи, будто собираясь заговорить с ним, потом отводила глаза, стыдясь, что не может найти фразы для начала разговора.

Мержи счел своим долгом заговорить первым.

— Я очень горд, сударыня, предпочтением, которое вы мне оказали...

— Господин Бернар... вы умеете драться?

— Да, сударыня, — ответил он в удивлении.

— Но я хочу сказать — хорошо драться... очень хорошо.

— Достаточно хорошо для дворянина и, конечно, нехорошо для учителя фехтования.

— Но в стране, где мы живем, дворяне лучше владеют оружием, чем профессиональные фехтовальщики.

— Правда, мне говорили, что многие из них тратят в фехтовальных залах время, которое они могли бы употребить гораздо лучше.

— Лучше?

— Конечно. Не лучше ли беседовать с дамами,— прибавил он, улыбаясь,— чем обливаться потом в фехтовальном зале.

— Скажите, вы часто дрались на дуэли?

— Слава богу, ни разу, сударыня. Но почему вы меня спрашиваете об этом?

— Заметьте себе на будущее, что никогда нельзя спрашивать у женщины, почему она делает то или другое. По крайней мере, так принято у благовоспитанных господ.

— Я буду соблюдать это правило,— ответил Мержи, слегка улыбаясь и наклоняясь к шее лошади.

— В таком случае... как же вы обойдетесь завтра?

— Завтра?

— Да. Не притворяйтесь удивленным.

— Сударыня...

— Отвечайте на вопрос. Мне все известно. Отвечайте! — воскликнула она, протягивая к нему руку царственным движением. Кончик ее пальца коснулся обшлага де Мержи, что заставило его вздрогнуть.

— Я постараюсь обойтись как можно лучше,— наконец, ответил он.

— Мне нравится ваш ответ! Это ответ не труса и не забияки. Но вам известно, что при первом дебюте вам придется иметь дело с очень опасным человеком?

— Что ж делать! Конечно, я буду в большом затруднении, в таком же, как и сейчас,— прибавил он с улыбкой.— Я видел всегда только крестьянок, и вот в начале своей придворной жизни я нахожусь наедине с прекраснейшей дамой французского двора.

— Будем говорить серьезно. Коменж — лучший фехтовальщик при этом дворе, столь обильном головорезами. Он — король «заправских» дуэлянтов.

— Говорят.

— И вы несколько этим не обеспокоены?

— Повторяю, что я постараюсь вести себя как можно лучше. Никогда не нужно отчаиваться, пока располагаешь доброй шпагой, и, главное, помощью божьей.

— Божья помощь!..— прервала она презрительно.— Разве вы не гугенот, господин де Мержи?

— Да, сударыня,— ответил он серьезно, как всегда привык отвечать на подобный вопрос.

— Значит, вы подвергаетесь еще большему риску.

— Почему?

— Подвергать опасности свою жизнь — это еще ничего, но вы подвергаете опасности нечто большее — вашу душу.

— Вы рассуждаете, сударыня, по канонам вашей религии; моя религия в этом отношении более утешительна.

— Вы играете в опасную игру. Вечные мучения поставлены на ставку, и почти все шансы — против вас.

— В обоих случаях получилось бы одно и то же; умри я завтра католиком, я умер бы в состоянии смертного греха.

— Это еще большой вопрос и разница очень большая! — воскликнула она задетая тем, что возражения Мержи были взяты им из ее же верований.— Наши богословы объяснили бы вам...

— О, не сомневаюсь в этом, они ведь все готовы объяснить, сударыня; они берут на себя смелость изменять даже евангелие ради собственной фантазии. Например...

— Оставим это! Нельзя минуты поговорить с гугенотом без того, чтобы он не начал цитировать священное писание.

— Потому что мы его читаем, а у вас даже священники его не знают. Но поговорим о другом. Как вы думаете, олень уже затравлен?

— Значит, вы очень привязаны к вашей религии?

— Вы первая начинаете, сударыня.

— Вы считаете ее правильной?

— Больше того: я считаю ее наилучшей, единственно правильной, иначе я переменял бы ее.

— Брат ваш переменял же религию.

— У него были свои причины, чтобы стать католиком; у меня есть свои, чтобы оставаться протестантом.

— Все гугеноты упрямы и глухи к убеждениям рас-судка! — воскликнула она в гневе.

— Завтра будет дождь, — произнес Мержи, глядя на небо.

— Господин Мержи, дружба к вашему брату и опасность, которой вы подвергаетесь, внушают мне к вам со-чувствие.

Он почтительно поклонился.

— Ведь вы, еретики, не верите в мощи?

Он улыбнулся.

— И прикосновение к ним у вас считается оскверне-нием... Вы бы отказались носить ладанку с мощами, как это в обычае у нас, католиков?

— Обычай этот кажется нам, протестантам, по мень-шей мере бесполезным.

— Послушайте. Как-то раз один из моих кузенов по-вязал на шею охотничьей собаки ладанку, потом на рас-стоянии двенадцати шагов выстрелил в нее из аркебузы крупной дробью...

— И убил собаку?

— Ни одна дробинка ее не тронула.

— Вот это чудесно! Хотел бы я, чтобы у меня была такая ладанка!

— Правда? И вы бы стали ее носить?

— Разумеется; раз ладанка защитила собаку, то тем более... Но, впрочем, я не вполне уверен, стоит ли еретик собаки... принадлежащей, конечно, католику.

Не слушая его, г-жа де Тюржи быстро расстегнула верхние пуговицы своего узкого лифа, сняла с груди ма-ленькую золотую коробочку, очень плоскую, на черной ленте.

— Возьмите, — сказала она, — вы мне обещали, что будете ее носить. Когда-нибудь вы отдадите мне ее об-ратно.

— Если смогу, конечно.

— Но послушайте, вы будете ее беречь... никаких ко-щунств! Берегите ее как можно тщательнее.

— Она мне досталась от вас, сударыня!

Она передала ему ладанку, которую он взял и надел себе на шею.

— Католик поблагодарил бы руку, вручившую ему этот священный талисман.

Мержи схватил ее руку и хотел поднести к своим губам.

— Нет, нет, теперь уже слишком поздно.

— Подумайте: быть может, мне никогда уже не выпадет такого счастья.

— Снимите перчатку,— сказала она, протягивая руку.

Когда он снимал перчатку, ему показалось, что ему слегка пожимают руку. Он запечатлел огненный поцелуй на этой белой, прекрасной руке.

— Господин Бернар,— произнесла графиня взволнованным голосом,— вы до конца останетесь упорным и нет никакой возможности склонить вас? В конце-концов, ради меня вы обратитесь в католичество?

— Право, не знаю...— ответил тот со смехом,— попросите хорошенько и подольше. Верно только то, что никто, кроме вас, меня не обратит.

— Скажите откровенно... если бы какая-нибудь женщина... которая бы сумела...— Она остановилась.

— Какая бы сумела?..

— Да. Разве... любовь, например... Но будьте откровенны, скажите серьезно.

— Серьезно? — Он постарался снова взять ее за руку.

— Да. Если бы вы полюбили женщину другой с вами религии... эта любовь не могла бы разве заставить вас измениться? Бог пользуется всякого рода средствами.

— И вы хотите, чтобы я ответил вам откровенно и серьезно?

— Я требую этого.

Мержи, опутив голову, медлил с ответом. На самом деле он подыскивал ответ уклончивый. Госпожа де Тюржи делала ему авансы, отстранять которые он не собирався. С другой стороны, он всего только несколько часов как находился при дворе, и его провинциальная совесть была ужасно шепетильна.

— Я слышу рожки! — вдруг воскликнула графиня, не

дождавшись этого столь затруднительного ответа. Она ударила лошадь хлыстом и сейчас же пустилась в галоп. Мержи поскакал за нею, но ни взгляда, ни слова от нее он не мог больше добиться.

В одну минуту они присоединились к остальным охотникам.

Олень сначала бросился в середину пруда, выгнать его оттуда стоило немалых усилий. Многие всадники спешили и, вооружившись длинными шестами, заставили бедное животное снова пуститься в бег. Но холодная вода окончательно истощила его силы. Он вышел из пруда, задыхаясь, высунув язык, и побежал неровными скачками. У собак, наоборот, пыл, по-видимому, удвоился. На небольшом расстоянии от пруда олень, чувствуя, что бегством спастись невозможно, казалось, сделал последнее усилие и, повернувшись задом к большому дубу, отважно встретил нападение собак. Первые, что на него напали, взлетели на воздух с распоротыми животами. Какая-то лошадь со всадником была опрокинута наземь. Сделавшись поневоле благоразумнее, люди, лошади и собаки образовали большой круг около оленя, не осмеливаясь, однако, подходить настолько близко, чтобы их могли достать его грозные развесистые рога.

Король проворно спешился, с охотничьим ножом в руке ловко обошел дуб сзади и наотмашь перерезал у оленя поджилки. Олень испустил какой-то жалобный свист и тотчас осел. В ту же минуту штук двадцать собак бросились на него. Они вцепились ему в горло, в морду, в язык, не давая пошевелиться. Крупные слезы текли из его глаз.

— Пусть приблизятся дамы! — воскликнул король.

Дамы приблизились; почти все они сошли с лошадей.

— Вот тебе, «парпайо»! — сказал король, вонзая свой нож оленю в бок, и повернул лезвие в ране, чтобы расширить ее. Кровь брызнула и покрыла лицо, руки и одежду короля.

«Парпайо» была презрительная кличка, которую католики часто давали гугенотам. Выражение это и обстоятельства, при которых оно было применено, многим не понравилось, меж тем как другие встретили это шумными одобрениями.

— Король похож на мясника,— сказал довольно громко, с выражением гадливости, зять адмирала, молодой Телиньи.

Сострадательные души, которых при дворе особенно много, не преминули довести это до сведения короля, а тот этого не забыл.

Насладившись приятным зрелищем собак, пожиравших олени внутренности, двор тронулся обратно в Париж. По дороге Мержи рассказал брату об оскорблении, которому он подвергся, и о последующем за этим вызове на дуэль. Советы и упреки были уже бесполезны, и капитан согласился на завтра сопровождать его.

XI

ЗАПРАВСКИЙ ДУЭЛЯНТ ИЗ ПРЕ-О-КЛЕР

Несмотря на усталость после охоты, Мержи добрую часть ночи провел без сна. Лихорадочный жар заставлял его метаться на постели, воображение напрягалось до отчаяния. Тысяча мыслей, побочных и даже вовсе не относящихся к предстоящему событию, осаждали и мучили его; не раз он думал, что усиливающаяся лихорадка, которую он ощущал,— только предвестие серьезной болезни, которая обнаружится через несколько часов и пригвоздит его к постели. Что тогда останется с его честью? Что будут говорить, особенно г-жа де Тюржи и Коменж? Он многое дал бы, чтобы час, назначенный для дуэли, наступил скорее.

По счастью, к восходу солнца он почувствовал, что кровь у него успокоилась, и с меньшим волнением стал думать о предстоящей встрече. Оделся он спокойно и даже не без некоторой заботливости. Ему представлялось, что на место поединка прибегает прекрасная графиня, находит его слегка раненным, делает перевязку своими собственными руками и не скрывает больше своей любви. На часах в Лувре пробило восемь, это оторвало его от мечтаний. В ту же минуту в комнату вошел его брат.

На его лице видна была глубокая печаль, и, по-видимому, он провел ночь не лучше, чем Бернар. Тем не ме-

нее, пожимая руку Мержи, он старался придать своему лицу веселое выражение.

— Вот рапира,— произнес он,— и кинжал с защитной чашкой; и то и другое от Луно из Толедо; попробуй, по руке ли тебе шпага? — И он бросил на кровать Мержи шпагу и кинжал. Мержи вынул шпагу из ножен, согнул ее, попробовал острие и, казалось, остался доволен. Затем кинжал привлек к себе его внимание; щиток рукоятки был прорезан множеством дырочек, предназначенных для того, чтобы останавливать острие неприятельской шпаги и задерживать его так, чтобы не легко было вытащить.

— С таким прекрасным оружием,— сказал он,— полагаю, можно будет защищаться.— Потом показал ладанку, данную ему г-жей де Тюржи и спрятанную у него на груди, и прибавил, улыбаясь: — Вот еще одно средство, предохраняющее от ударов лучше кольчуги.

— Откуда у тебя эта игрушка?

— Отгадай! — И тщеславное желание показаться любимцем дам заставило его в эту минуту позабыть и Коменжа, и боевую шпагу, которая, уже обнаженная, готовая к бою, лежала перед ним.

— Бьюсь об заклад, что тебе дала ее эта сумасбродка графиня. Черт бы побрал ее вместе с ее коробкой!

— А знаешь, что это — талисман, который она дала мне специально для того, чтобы я сегодня им воспользовался.

— Лучше бы она не снимала перчаток и не искала всякого случая показать свою прекрасную белую руку.

— Я не верю этим папистским ладанкам,— продолжал Мержи, густо краснея,— боже, избави! Но если мне суждено будет пасть, я хочу, чтобы она знала, что, умирая, я носил на груди этот залог.

— Какая суетность! — воскликнул капитан, пожимая плечами.

— Вот письмо к матушке,— сказал Мержи слегка дрожащим голосом. Жорж принял его, ничего не сказав, и, подойдя к столу, открыл маленькую библию и стал читать, чтобы чем-нибудь заняться, покуда брат его заканчивал туалет и завязывал массу шнурков и ленточек, которые тогда носили на платье.

На первой же попавшейся ему на глаза странице он прочитал следующие слова, написанные рукой его матери:

«1-го мая 1547 г. родился у меня сын Бернар. Господи, веди его на путях твоих! Господи, сохрани его от всякого зла!»

Он с силой закусил губу и бросил книгу на стол. Мержи увидел это движение и подумал, что брату в голову пришла какая-нибудь нечестивая мысль. Он поднял с серьезным видом библию, вложил ее обратно в вышитый футляр и запер в шкаф со всеми знаками высочайшего почтения.

— Это библия моей матери! — сказал он.

Капитан ходил по комнате и ничего на это не ответил.

— Не время ли уже идти? — сказал Мержи, застегивая портупею.

— Нет, мы еще успеем позавтракать.

Оба сели за стол, уставленный разного рода пирогами, между которыми стоял большой серебряный жбан с вином. За едою они не спеша и с притворным интересом обсуждали достоинства этого вина по сравнению с другими винами из капитанского погреба. Каждый старался за этим пустым разговором скрыть от собеседника свои настоящие чувства.

Капитан поднялся первым.

— Идем, — сказал он хриплым голосом. Он надвинул шляпу на глаза и стремительно спустился по лестнице.

Они сели в лодку и переехали через Сену. Лодочник, догадавшись по их лицам, что заставляет их ехать в Пре-о-Клер, был особенно старателен и, не переставая грести, рассказал им со всеми подробностями, как в прошлом месяце двое господ, один из которых назывался графом де Коменж, удостоили его чести нанять у него лодку, чтобы в ней спокойно драться, не боясь, что им помешают. Противник г-на де Коменжа, фамилии которого он, к сожалению, не знает, был проколот насквозь и свалился вниз головой в реку, откуда он, лодочник, так и не мог его вытащить. В ту же минуту, как они причаливали, они заметили лодку с двумя мужчинами, которая пересекала реку шагах в ста ниже.

— Вот и они! — сказал капитан. — Оставайся здесь. —

И он побежал к лодке, в которой ехали Коменж и виконт де Бевиль.

— Ах, это ты! — воскликнул последний. — Кого же Коменж сейчас убьет: тебя или твоего брата? — С этими словами он обнял его, смеясь.

Капитан и Коменж обменялись торжественными поклонами.

— Сударь, — обратился капитан к Коменжу, как только освободился от объятий Бевиля, — я считаю, что на мне лежит долг сделать попытку предотвратить пагубные последствия ссоры, не основанной на затрагивающих честь причинах; я уверен, что друг мой (он указал на Бевиля) присоединит свои старания к моим.

Бевиль скорчил отрицательную гримасу.

— Брат мой очень молод, — продолжал Жорж — неизвестен и неопытен в дуэльном деле; из этого вытекает, что он принужден выказывать себя более щепетильным, чем всякий другой. Вы же, сударь, наоборот, имеете прочную репутацию, и ваша честь только выиграет, если вы сообразовываете признать перед г-ном де Бевилем и мною, что только по неосмотрительности...

Коменж прервал его взрывом смеха.

— Шутите вы, что ли, дорогой капитан? Или вы считаете меня способным так рано покинуть постель своей любовницы... ехать за реку, и все это для того, чтобы извиниться перед сопляком?

— Вы забываете, сударь, что лицо, о котором вы говорите, — мой брат и что это оскорбляет...

— Пусть он был бы вашим отцом, мне что до этого! Мне нет никакого дела до всего вашего семейства!

— В таком случае, сударь, с вашего разрешения, вам придется иметь дело со всем семейством. И так как я старший, то вы начнете с меня.

— Прошу прощения, господин капитан, я принужден, по всем дуэльным правилам, драться с тем лицом, которое меня вызвало раньше. Ваш брат имеет право на первенство, непререкаемое право, как говорится в судебной палате; когда я покончу с ним, я буду к вашим услугам.

— Совершенно правильно! — воскликнул Бевиль. — И я, с своей стороны, не допущу, чтобы было иначе.

Мержи, удивленный, что разговор так долго тянется, медленно приблизился. Подошел он как раз во-время, потому что услышал, как брат его осыпал Коменжа всевозможными оскорблениями, вплоть до «труса», меж тем как этот последний отвечал с непоколебимым хладнокровием:

— После вашего брата я займусь вами.

Мержи схватил своего брата за руку.

— Жорж,— сказал он,— так-то ты мне помогаешь? Разве ты согласился бы, чтобы я сделал для тебя то, что ты хочешь сделать для меня?.. Сударь,— сказал он, обращившись к Коменжу,— я к вашим услугам. Мы можем начать, когда вам будет угодно.

— Сию же минуту,— отвечал тот.

— Вот это превосходно, дорогой мой,— произнес Бевиль, пожимая руку Мержи.— Если я сегодня, к моему сожалению, не похороню тебя здесь, ты далеко пойдешь, мой милый.

Коменж скинул камзол и развязал ленты на туфлях, как бы показывая этим, что он намерен не отступить ни на шаг. Между профессиональными дуэлянтами была заведена такая мода. Мержи и Бевиль последовали его примеру; один капитан даже не сбросил своего плаща.

— Что же ты, друг мой Жорж? — сказал Бевиль.— Разве ты не знаешь, что тебе придется со мной схватиться? Мы не из таких секундантов, что сложа руки смотрят, как дерутся их друзья, у нас в ходу андалузские обычаи.

Капитан пожал плечами.

— Ты думаешь, я шучу? Клянусь честью, тебе придется драться со мною. Черт тебя побери, если ты не будешь драться!

— Ты сумасшедший и дурак,— холодно произнес капитан.

— Черт возьми! Ты мне ответишь за эти слова или вынудишь меня...— Он поднял шпагу, еще не вынутую из ножен, словно хотел ударить ею Жоржа.

— Тебе угодно? — сказал капитан.— Отлично! — Через минуту он был уже в одной рубашке.

Комсиж с совершенно особенной грацией махнул шпагой в воздухе, и ножны мигом отлетели шагов на два-

дцать. Бевиль хотел сделать так же, но ножны только наполовину слезли с лезвия, что считалось и признаком неловкости и дурной приметой. Братья обнажили свои шпаги с меньшим блеском, но тоже отбросили ножны, которые могли бы им помешать. Каждый встал против своего противника с обнаженной шпагой в правой руке и с кинжалом в левой. Четыре лезвия скрестились одновременно.

Посредством приема, именовавшегося тогда у итальянских фехтовальщиков *liscio di spada é savare alla vita*⁴⁶ и состоявшего в том, чтобы противопоставить слабому материалу сильный и таким образом отразить и обезвредить оружие своего противника, Жорж первым же ударом выбил шпагу из рук Бевиля и приставил острие своей к его груди; но, вместо того чтобы пронзить ему грудь, он холодно опустил свое оружие.

— У нас неравные силы,— произнес он,— перестанем. Берегись, чтобы я не рассердился.

Бевиль побледнел, увидев шпагу Жоржа на таком близком расстоянии от своей груди. Немного сконфуженный, он протянул ему руку, и оба, воткнувши свои шпаги в землю, занялись исключительно наблюдением за двумя главными действующими лицами этой сцены.

Мержи был храбр и хорошо владел собою. Он обладал достаточными познаниями в фехтовальном искусстве, и физические его силы превосходили силы Коменжа, который к тому же, по-видимому, был утомлен после предшествовавшей ночи. В течение некоторого времени Мержи ограничивался тем, что с крайней осторожностью парировал удары, отступая, когда Коменж слишком приближался, и не переставая направлять ему в лицо острие своей шпаги, меж тем как кинжалом он прикрывал себе грудь. Это неожиданное сопротивление раздражало Коменжа. Видно было, как он побледнел. У человека такой храбрости бледность служит признаком крайнего гнева. Он с удвоенной яростью продолжал нападать. Во время одной из схваток он с большой ловкостью отбросил вверх шпагу Мержи и, сделав стремительный выпад, неминуе-

⁴⁶ «Бить по шпаге, отражая опасный для жизни удар». Все фехтовальные термины в то время были заимствованы из итальянского языка.

мо пронзил бы его насквозь, если бы не одно обстоятельство, почти чудо, которое отвело удар: острое рапиры встретило ладанку из гладкого золота и, скользнув по ней, приняло несколько наклонное направление. Вместо того чтобы вонзиться в грудь, шпага проткнула только кожу и, пройдя параллельно пятому ребру, вышла на расстоянии пальцев двух от первой раны. Не успел Коменж извлечь обратно свое оружие, как Мержи нанес ему в голову удар кинжалом с такой силой, что сам потерял равновесие и упал на землю. Коменж упал в одно время с ним, так что секунданты сочли их обоих убитыми.

Мержи сейчас же вскочил на ноги, и первым его движением было — поднять шпагу, которая у него выпала из рук во время падения. Коменж лежал неподвижно. Бевиль приподнял его. Лицо Коменжа было покрыто кровью; вытерев кровь платком, Бевиль увидел, что удар кинжала попал в глаз и что друг его убит наповал, так как, по-видимому, клинок прошел до самого мозга.

Мержи смотрел на труп остановившимся взором.

— Ты ранен, Бернар? — сказал, подбегая к нему, капитан.

— Ранен! — произнес Мержи и только теперь заметил, что вся рубашка у него в крови.

— Это ничего, — сказал капитан, — удар только скользнул по ребру. — Он остановил кровь своим платком и попросил у Бевиля его платок, чтобы закончить перевязку. Бевиль опустил на траву тело, которое он держал, и сейчас же дал свой платок и платок Коменжа, вынутый им из камзола убитого.

— Ого, приятель, какой удар! У вас бешеная рука! Черт побери! Что же заговорят парижские завзятые дуэлянты, если из провинции к нам будут приезжать молодцы вроде вас? Скажите на милость, сколько раз вы дрались на дуэли?

— Увы, — ответил Мержи, — я дрался первый раз. Но ради бога, окажите помощь вашему другу.

— Черт возьми! Вы его так ублаготворили, что никакой помощи ему не надо; клинок вошел в мозг, и удар был таким верным и крепким, что... Взгляните на его бровь и щеку, рукоятка кинжала туда вошла, как печать в воск,

Мержи задрожал всем телом, и крупные слезы одна за другой потекли по его щекам.

Бевиль вынул кинжал и внимательно стал смотреть на кровь, наполнявшую выемки на клинке.

— Вот инструмент, которому младший брат Коменжа должен поставить толстую свечу. Прекрасный этот кинжал сделал его наследником знатного состояния.

— Пойдем отсюда... Уведи меня,— произнес Мержи угасшим голосом, беря своего брата за руку.

— Не огорчайся,— сказал Жорж, помогая брату надеть камзол.— В конце концов, человек, которого ты сейчас убил, не заслуживает большого сожаления.

— Бедный Коменж! — воскликнул Бевиль.— И подумать, что тебя убил молодой человек, дравшийся первый раз в жизни,— тебя, который дрался около сотни раз! Бедный Коменж!

Таково было окончание его надгробной речи.

Взглянув последний раз на своего друга, Бевиль заметил часы, висевшие у покойного по тогдашнему обычаю на шее.

— Черт возьми! — воскликнул он,— тебе уж нет необходимости знать, который час.— Он снял часы и спрятал их себе в карман, заметив, что брат Коменжа и так будет достаточно богат, а ему хочется иметь что-нибудь на память о друге.

Так как братья собирались уже уходить, он закричал им, торопливо надевая свой камзол:

— Подождите меня! Э, господин де Мержи, вы забыли свой кинжал! Не потеряйте его, смотрите.— Он обтер клинок о рубашку убитого и побежал вдогонку за молодым дуэлянтом.

— Утешьтесь, дорогой мой,— сказал он, садясь в лодку.— Не делайте такого плачевного лица! Послушайте меня и вместо того, чтобы плакаться, отправляйтесь сегодня же к вашей любовнице, прямо отсюда, поработайте хорошенько, чтобы через девять месяцев вы могли бы подарить государству нового гражданина взамен того, которого оно по вашей милости потеряло. Таким образом ваша вина будет искуплена. Ну, лодочник, гребите так, как будто хочешь заработать пистоль. К нам приближа-

ются люди с алебардами — это стражники из Нельской башни. Мы не желаем иметь с ними ничего общего.

ХII

БЕЛАЯ МАГИЯ

Люди, вооруженные алебардами, были караульные солдаты, отряд которых постоянно находился по соседству с Пре-о-Клер, чтобы иметь возможность вмешиваться в ссоры, обычно разрешаемые на этом классическом месте дуэлей. По своему обыкновению они приближались очень медленно, так, чтобы прийти, когда уже все будет кончено. Действительно, их попытка восстановить мир зачастую встречала очень неблагоприятный прием. Неоднократно случалось, что заклятые враги прерывали на время свой смертный бой, чтобы соединенными силами напасть на солдат, которые хотели их разнять. Так что обязанности этих караульных чаще всего ограничивались тем, что они оказывали помощь раненым или уносили убитых. На этот раз стрелкам предстояла только последняя задача, которую они и исполнили согласно своему обычаю, то-есть тщательно опорожнив карманы несчастного Коменжа и поделив между собою его платье.

— Дорогой друг мой,— сказал Бевиль, оборачиваясь к Мержи,— могу вам дать совет: пусть вас как можно секретнее переправят к метру Амбруазу Паре; он удивительный человек на тот случай, если придется зашить какую-нибудь рану или выправить сломанную кость. Хотя он не меньший еретик, чем сам Кальвин, но его познания пользуются такой известностью, что к нему прибегают даже самые завзятые католики. До сих пор только маркиза де Буасьер предпочла скорее умереть, чем быть обязанной жизнью гугеноту. Я быюсь об заклад на десять пистолей, что она находится в раю.

— Рана — это пустяки,— сказал Жорж,— через три дня она заживет. Но у Коменжа есть родственники в Париже, и я боюсь, как бы они не приняли его смерть слишком близко к сердцу.

— Да, да. У него есть мать, которая, для соблюдения приличия, сочтет своим долгом преследовать нашего дру-

га по закону. Ничего, ходатайствуйте о помиловании через г-на де Шатильон. Король сейчас же согласится; король — как воск в руках адмирала.

— Мне бы хотелось, если возможно, — произнес Мержи слабым голосом, — мне бы хотелось, чтобы адмирал ничего не узнал о происшедшем.

— Почему? Вы думаете, старая борода рассердится, узнав, как молодецки протестант укукошил католика?

Мержи в ответ только глубоко вздохнул.

— Коменж достаточно известен при дворе, чтобы смерть его не возбудила толков, — сказал капитан. — Но ты исполнил свой долг дворянина, и во всей этой истории нет ничего, что бы не послужило к твоей чести. Я уже давно не посещал старика Шатильона, и вот случай возобновить с ним знакомство.

— Так как это очень неприятно — провести несколько часов за тюремной решеткой, — снова начал Бевиль, — то я отвезу твоего брата в такой дом, где никому и в голову не придет его отыскивать. Он будет находиться в совершенном спокойствии, покуда дело его не уладится. В монастырь его, как еретика, пожалуй, не примут.

— Благодарю вас за ваше предложение, сударь, — сказал Мержи, — но принять его я не могу. Это могло бы вас скомпрометировать.

— Нисколько, нисколько, дорогой мой. Притом, разве не следует оказывать своим друзьям кой-какие услуги? Дом, куда я вас помещу, принадлежит одному из моих кузенов, которого в настоящее время нет в Париже, и дом находится в моем распоряжении. Я позволил там жить одному человеку, который будет ходить за вами: это некая старушка, весьма полезная для молодежи и вполне мне преданная. У нее есть познания в медицине, в магии и в астрономии. Чем только она ни занимается! Но больше всего у нее способностей к сводничеству. Провалиться мне на этом месте, если она не возьмется передать, по моей просьбе, любовную записку самой королеве!

— Хорошо, — сказал капитан, — мы перевезем его в этот дом сейчас же после того, как метр Амбруаз окажет ему первую помощь.

В таких разговорах они добрались до правого берега.

Не без труда водрузив Мержи на лошадь, они довели его до пресловутого хирурга, затем оттуда — в уединенный дом Сент-Антуанского предместья, где расстались с ним только к вечеру, уложив его в хорошую постель и поручив уход старухе.

Когда случится убить человека и когда этот человек первый, которого вы убиваете, некоторое время, особенно с приближением ночи, вас мучит воспоминание и образ последней судороги, предшествовавшей смерти. Голова до такой степени полна мрачных мыслей, что очень трудно принимать участие в разговоре, даже самом простом, — он утомляет и надоедает; с другой стороны, страшит одиночество, так как оно усиливает удручающие мысли. Несмотря на частые посещения де Бевиля и брата, первые дни, последовавшие за дуэлью, Мержи провел в ужасной грусти. Довольно сильный жар от раны лишал его по ночам сна, и тогда-то он чувствовал себя особенно несчастным. Только мысль о том, что г-жа де Тюржи думает о нем и восхищается его храбростью, немного утешала, но не успокаивала его.

Как-то ночью, удрученный удушливым зноем, — происходило это в июле месяце, — захотел он выйти из своей комнаты прогуляться и подышать воздухом в саду, усаженном деревьями, среди которого находился дом. Он накинул на плечи плащ и хотел выйти, но дверь из его комнаты оказалась запертою снаружи на ключ. Он подумал, что это не что иное как ошибка старухи, которая за ним ходит; а так как спала она от него далеко и в настоящую минуту, вероятно, покоилась глубоким сном, он счел бесполезным звать ее. К тому же окно в комнате было не очень высоко, земля под ним была мягкая, так как ее недавно перекапывали. В одну минуту очутился он в саду. Небо было облачное, ни одна звезда и кончика своего носа не показывала, редкие порывы ветра время от времени как бы с трудом шевелили теплый и тяжелый воздух. Было около двух часов ночи, кругом царил глубокая тишина.

Мержи некоторое время прогуливался, погруженный в свои мечтания. Их прервал стук в двери с улицы. Это был удар молотком, слабый и как бы таинственный. Тот, кто стучал, казалось, рассчитывал, что кто-то будет при-

слушиваться, чтобы открыть ему. Посещение в такой час уединенного дома могло возбудить удивление. Мержи стоял, недвигаясь, в темном углу сада, откуда он, не будучи сам видим, мог за всем наблюдать. Из дома сейчас же с потайным фонарем в руках вышла женщина, которая не могла быть никем другим, как старухой; она открыла калитку, и вошел кто-то закутанный в большой черный плащ с капюшоном.

Бернаром овладело живейшее любопытство. Фигура и, насколько он мог судить, платье особы, только что пришедшей, указывали на то, что это — женщина. Старуха встретила ее со всеми доказательствами глубокого почтения, меж тем как женщина в черном плаще едва кивнула ей головой. Зато она дала ей в руки что-то, что старуха приняла, по-видимому, с большим удовольствием. По раздавшемуся чистому и металлическому звуку и по поспешности, с которой старуха наклонилась и стала шарить по земле, Мержи заключил, что она получила деньги. Обе женщины направились к саду, причем старуха шла впереди, прикрывая фонарь. В глубине сада находилось что-то вроде беседки из зелени, образованной из лип, посаженных кольцом и соединенных между собою густым кустарником, вполне могущим заменить стену. Два входа или две дорожки вели в эту беседку, посреди которой помещался каменный стол. Сюда-то и вошли старуха и закутанная женщина. Мержи, затаив дыхание, прокрался вслед за ними и встал за кустарником так, чтобы хорошо слышать и видеть, насколько позволял скудный свет, освещавший эту сцену.

Старуха прежде всего зажгла что-то в жаровне, поставленной посредине стола, что сейчас же загорелось, проливая бледный синеватый свет, будто от спирта, смешанного с солью. Затем она потушила или прикрыла фонарь, так что при дрожащем свете жаровни Мержи с трудом мог бы разглядеть черты незнакомки, даже если бы они не были скрыты вуалью и капюшоном. Что касается роста и сложения старухи, их он узнал сейчас же; заметил он только, что лицо у нее было вымазано какой-то темной краской, отчего она в своем белом головном уборе казалась бронзовой статуей. На столе были расставлены странные предметы, которые он еле различал. По-

видимому они были расположены в каком-то причудливом порядке, и ему казалось, что он разглядел плоды, кости и лоскутки окровавленного белья. Маленькая человеческая фигурка, высотой самое большее с фут и сделанная, как ему казалось, из воска, была поставлена посреди этих отвратительных тряпок.

— Ну, Камилла,— сказала вполголоса дама в вуали,— ему лучше, говоришь?

Голос этот заставил вздрогнуть Мержи.

— Немного лучше, сударыня,— ответила старуха,— благодаря нашему искусству. Все-таки мне трудно было сделать что-нибудь существенное с этими тряпками и с таким небольшим количеством крови на компрессах.

— А что говорит метр Амбруз Паре?

— Этот невежда? Не все ли равно, что он говорит? Я вас уверяю, что рана глубокая, опасная, ужасная и может быть залечена только по правилам магической симпатии; но духам земли и воздуха нужно часто приносить жертвы... а для жертв...

Дама сейчас же поняла.

— Если он выздоровеет,— сказала она,— ты получишь вдвое больше того, что ты только что получила.

— Твердо надейтесь и рассчитывайте на меня.

— Ах, Камилла, а вдруг он умрет?

— Успокойтесь, духи милостивы, звезды нам покровительствуют, и последнее жертвоприношение черного барана расположило в нашу пользу того, другого.

— Я принесла тебе то, что мне удалось добыть с таким трудом. Я поручила купить это у стражников, ограбивших труп.— Она вынула из-под плаща какой-то предмет, и Мержи увидел, как блеснул клинок шпаги. Старуха взяла ее и поднесла к огню, чтобы рассмотреть.

— Слава богу, лезвие в крови и заржавело. Да, кровь у него, как у китайского василиска, она оставляет на стали следы, которые ничем смыть невозможно.

Она смотрела на лезвие, и было очевидно, что дама в вуали испытывала необычайное волнение.

— Смотри, Камилла, как близко от рукоятки кровь! Может быть, это был смертельный удар?

— Это кровь не из сердца,— он поправится.

— Поправится?

— Да, но поправится затем, чтобы подвергнуться неизлечимой болезни.

— Какой болезни?

— Любви.

— Ах, Камилла, правда ли это?

— Э, разве мои слова когда-нибудь противоречили истине? Когда мои предсказания обманывали? Разве я не сказала вам заранее, что он выйдет из поединка победителем? Не предварила ли я вас, что духи за него сражаются? Не зарыла ли я на том самом месте, где он должен был драться, черную курицу и освященную священниками шпагу.

— Да, это правда.

— А вы сами,— разве вы не пронзили в сердце изображение его противника, направляя таким образом удары того человека, для которого я применяла свое искусство?

— Это правда, Камилла, я пронзила в сердце изображение Коменжа, но умер он, как говорят, от удара в голову.

— Конечно, оружие поразило его в голову, но разве он умер не оттого, что сгустилась кровь в его сердце?

Закутанная в вуаль дама казалась подавленной силой этого доказательства. Она умолкла. Старуха оросила лезвие шпаги елеем и бальзамом и тщательно завернула ее в полотно.

— Видите, сударыня, что масло из скорпионов, которым я натираю шпагу, симпатической силой перенеслось в рану молодого человека? Он чувствует действие этого африканского бальзама так, будто бы я пролила его на самую рану. А если бы мне пришло желание раскалить на огне острие шпаги, то бедный больной испытал бы такую боль, точно его жгли заживо.

— О, не вздумай это сделать!

— Как-то вечером я сидела у очага, углубившись в натирание бальзамом шпаги, чтобы вылечить одного молодого человека, которому были ею нанесены две ужасные раны в голову. За своей работой я задремала. Вдруг лакей больного стучится ко мне в дверь и говорит, что барин его испытывает смертельные муки, что в ту минуту, как он оставил его, тот находился словно на горящем

костре. А знаете, что случилось? Я не доглядела, как шпага у меня выскользнула и лезвие ее в то время лежало на углях. Я ее сейчас же взяла оттуда и сказала лакею, что к его приходу хозяин будет чувствовать себя совсем хорошо. И действительно, я сейчас же погрузила шпагу в ледяную воду, смешанную с кое-какими зельями, и пошла навестить больного. Вхожу, а он говорит мне: «Ах, дорогая Камилла, как мне сейчас хорошо! Мне кажется, будто я в свежей ванне, а только что я чувствовал себя, как святой Лаврентий на раскаленной решетке».

Она закончила перевязывание шпаги и с довольным видом сказала:

— Вот теперь хорошо! Сударыня, я уверена в его выздоровлении, и теперь вы можете заняться последней церемонией.

Она бросила на огонь несколько щепоток душистого порошка и произнесла непонятные слова, непрерывно делая крестные знаменья. Тогда дама дрожащей рукой взяла восковое изображение и, держа его над жаровней, произнесла взволнованным голосом следующие слова:

— Как этот воск топится и плавится от огня этой жаровни, так, о Бернар Мержи, пусть сердце твое топится и плавится от любви ко мне!

— Хорошо! Теперь вот вам зеленая свеча, вылитая в полночь по правилам науки. Завтра зажгите ее на алтаре девы Марии.

— Я исполню это. Но, несмотря на твои обещания, я в страшном беспокойстве. Вчера мне приснилось, что он умер.

— На каком боку вы спали: на правом или на левом?

— А на... на каком боку видят вещие сны?

— Вы мне сначала скажите, на каком боку вы спите. Вижу, вы хотите сами себя обмануть, ввести себя в заблуждение.

— Я сплю всегда на правом боку.

— Успокойтесь, сон ваш сулит только счастье.

— Дай бог! Но он явился мне бледным-бледным, окровавленным, закутанным в саван...

При этих словах она обернулась к Мержи, стоявше-

му в одном из входов в беседку. От неожиданности она так пронзительно закричала, что сам Мержи поразился. Нарочно или нечаянно, старуха опрокинула жаровню, и сейчас же блестящий огонь поднялся до верхушек лип и на несколько мгновений ослепил Мержи. Обе женщины тотчас же исчезли через другой выход беседки. Как только Мержи смог разглядеть проход в кустарнике, он бросился за ними вдогонку; но с первого же шага он чуть не свалился, какой-то предмет запутался у него в ногах; он узнал шпагу, которой был обязан своим выздоровлением. Он потерял время на то, чтобы убрать ее из-под ног и найти дорогу; но в ту минуту, когда он добрался до прямой и широкой аллеи и думал, что теперь уже ничто не может помешать ему догнать беглянок, он услышал, как захлопнулась калитка. Они находились вне досягаемости.

Слегка досадуя, что выпустил из рук такую прекрасную добычу, он ошупью дошел до своей комнаты и бросился на кровать. Все мрачные мысли исчезли у него из головы, все угрызения совести, если они у него были, все беспокойство, какое могло внушать ему его положение,— все улетучилось, как по мановению волшебного жезла. Он думал только о том, какое счастье любить прекраснейшую женщину Парижа и быть любимым ею. У него не было сомнений, что дама в вуале была госпожа де Тюржи. Он заснул вскоре после рассвета и проснулся, когда давно уже настал день. На подушке он нашел запечатанную записку, неизвестно каким образом туда положенную. Он распечатал ее и прочел следующее: «Кавалер, честь дамы зависит от вашей скромности».

Через несколько минут вошла старуха с бульоном. Сегодня, против обыкновения, у нее на поясе висели крупные четки. Кожа у нее была тщательно вымыта и походила уже не на бронзу, а на закопченный пергамент. Она шла медленными шагами, опустив глаза, как человек, который опасается, как бы вид земных предметов не нарушил его религиозного созерцания.

Мержи решил, что для того, чтобы наиболее достойно проявить качество, рекомендованное ему таинственной запиской, ему следует прежде всего хорошенько узнать, о чем он должен хранить молчание. Взяв бульон

у старухи и не дав ей времени дойти обратно до дверей, он промолвил:

— А вы мне и не сказали, что вас зовут Камиллой!

— Камиллой? Меня зовут Мартой, сударь... Мартой Мишлен,— ответила старуха, представляясь крайне удивленной подобным вопросом.

— Пусть так! Людям вы говорите, что вас зовут Мартой, но духам вы известны под именем Камиллы.

— Духам!.. Господи боже! Что вы хотите сказать?— И она осенила себя широким крестом.

— Ну, полно передо мной притворяться! Я никому не буду говорить, и все это останется между нами. Кто та дама, которая так интересуется моим здоровьем?

— Дама, которая...

— Ну, полно, не повторяйте моих слов, а скажите откровенно. Честное слово благородного человека, я вас не выдам.

— Но, право же, добрый барин, я не знаю, что вы этим хотите сказать.

Мержи не мог удержаться от смеха, видя, как она делает удивленный вид и прикладывает руку к сердцу. Он достал золотую лиру из кошелька, висевшего у его изголовья, и подал старухе.

— Возьмите, добрейшая Камилла. Вы так обо мне заботитесь и так старательно натираете шпагу бальзамом из скорпионов, и все это для восстановления моего здоровья, что, по правде сказать, я давно должен был бы сделать вам какой-нибудь подарок.

— Увы, барин, ну, право же, право же, я не понимаю, что вы говорите.

— Черт бы вас драл, Марта или Камилла, не сердите меня и отвечайте! Для какой дамы устраивали вы этой ночью всю эту прекрасную ворожбу?

— Ах, боже милостивый, он начинает сердиться. Неужели он будет бредить?

Мержи, выведенный из терпения, схватил подушку и запустил ею в голову старухе. Та покорно положила ее обратно на постель, подобрала упавшую на землю золотую монету, и вошедший в эту минуту капитан избавил ее от опасений, что сейчас начнется допрос, который мог кончиться для нее довольно неприятно.

КЛЕВЕТА

Жорж в то же утро отправился к адмиралу, чтобы поговорить о брате. В двух словах он рассказал ему, в чем дело.

Слушая его, адмирал грыз зубочистку, которая была у него во рту, что всегда служило признаком нетерпения.

— Я уже знаю эту историю,— сказал он,— и удивляюсь, что вы мне о ней говорите, когда она уже сделалась общественным достоянием.

— Я докучаю вам, господин адмирал, только потому, что мне известен интерес, которым вы достаиваете наше семейство, и я смею надеяться, что вы не откажетесь похлопотать за брата у короля. Вы пользуетесь таким влиянием у его величества...

— Мое влияние, если только я его имею,— с живостью перебил его адмирал,— мое влияние зиждется на том, что я обращаюсь к его величеству только с законными просьбами.— При этих словах он обнажил голову.

— Обстоятельства, принудившие моего брата прибегнуть к вашей доброте, к несчастью, более чем обычны в настоящее время. В прошлом году король подписал более полутора тысяч помилований, и сам противник Бернара часто пользовался их освобождающей от наказания силой.

— Ваш брат был зачинщиком. Может быть,— и мне хотелось бы, чтобы это было правдой,— он только следовал чьим-нибудь отвратительным советам?

При этих словах он пристально глядел на капитана.

— Я сделал некоторые усилия, чтобы предотвратить роковые последствия ссоры; но, как вам известно, г-н де Коменж никогда не был расположен принимать другие способы удовлетворения, кроме тех, что даются острием шпаги. Честь дворянина и мнение дам...

— Таким-то языком вы говорили с несчастным молодым человеком! Конечно, вы мечтали сделать из него заправского дуэлянта! О, как скорбел бы его отец, узнав с каким пренебрежением его сын относится к его советам. Еще не прошло двух лет с тех пор как затихли

гражданские войны, а они уже забыли потоки пролитой ими крови! Они еще не удовлетворены: им нужно, чтобы ежедневно французы резали французов!

— Если бы я знал, сударь, что моя просьба будет вам неприятна...

— Послушайте, господин де Мержи, я мог бы как христианин сделать насилие над своими чувствами и простить вашему брату вызов, но его поведение во время последовавшей за этим дуэли, по слухам, не было...

— Что вы хотите сказать, господин адмирал?

— Что поединок велся не в лояльной форме и не так, как это принято у французского дворянства.

— Но кто же осмеливается распускать такую гнусную клевету? — воскликнул Жорж, и глаза его засверкали гневом.

— Успокойтесь. Вызова вам не придется посылать, потому что с женщинами еще не дерутся... Мать Коменжа представила королю подробности дуэли. Они не служат к чести вашего брата, зато они легко объясняют, как столь опасный противник мог так легко пасть под ударами ребенка, едва вышедшего из возраста пажа.

— Материнская скорбь — великое и законное чувство. Можно ли удивляться, что ее глаза, еще полные слез, не могут видеть истины? Я льщу себя надеждой, господин адмирал, что суждение свое о моем брате вы не будете основывать на рассказе г-жи де Коменж.

Колиньи, по-видимому, был поколеблен, иронический тон его речи стал мягче.

— Вы не можете отрицать, тем не менее, что Бевиль, секундант де Коменжа, — ваш близкий друг?

— Я знаю его давно и даже обязан ему в некотором отношении. Но Коменж был также близок с ним. К тому же Коменж сам выбрал его себе в секунданты. В конце концов храбрость и честность Бевилля ставят его вне всякого подозрения в недобросовестности.

Адмирал сжал рот с видом глубокого презрения.

— Честность Бевилля! — повторил он, пожимая плечами. — Атеист, человек, погрязший в разврате!

— Да, Бевиль — человек честный! — воскликнул капитан с силой. — Но к чему столько рассуждений? Разве я сам не присутствовал при этой дуэли? Вам ли, госпо-

дин адмирал, пристало ставить под вопрос нашу честность и обвинять нас в убийстве?

В его тоне слышалась угроза. Колиньи не понял или пренебрег намеком на убийство герцога Франсуа де Гиза, которое ненависть католиков приписывала ему. Больше того: черты его приняли спокойную неподвижность.

— Господин де Мержи,— произнес он холодно и пренебрежительно,— человек, отступивший от своей религии, лишается права говорить о своей чести, так как никто ему не поверит.

Лицо капитана побагровело, затем через минуту покрылось смертельной бледностью. Он отступил шага на два, как будто для того, чтобы не поддаться искушению ударить старика.

— Сударь,— воскликнул он,— ваш возраст и ваш чин позволяют вам безнаказанно оскорблять бедного дворянина в том, что для него драгоценнее всего! Но, умоляю вас, прикажите кому-нибудь из ваших приближенных или несколькими из них подтвердить произнесенные вами слова. Клянусь, я так их вобью им в глотку, что они подавятся.

— Конечно, так поступают заправские дуэлянты. Я не следую их обычаю и прогоняю от себя приближенных, которые им подражают.

С этими словами он повернулся спиной к посетителю. Капитан с яростью в душе вышел из дворца Шатильона, вскочил на лошадь и, словно для облегчения своего бешенства, пустил бедное животное сумасшедшим галопом, бороздя шпорами его бока. В бурной своей скачке он чуть не передавил множество мирных прохожих, и счастье его еще, что по дороге не встретилось ни одного заправского дуэлянта, потому что при таком настроении, какое им владело, он несомненно, придрался бы к любому случаю, чтобы пустить в ход шпагу.

Около Венсена его волнение начало успокаиваться. Он повернул обратно к Парижу свою окровавленную и запаренную лошадь.

— Бедный дружок, — сказал он с горькой усмешкой, я на тебе вымещаю нанесенное мне оскорбление!

И, потрепав по шее свою невинную жертву, он шагом доехал до дома, где находился брат. Ему он просто со-

общил, что адмирал отказался хлопотать за него, опускающая подробности их разговора.

Но через несколько минут вошел Бевиль, который прямо бросился на шею Мержи со словами:

— Поздравляю вас, мой дорогой: вот вам помилование. Вы получили его благодаря ходатайству королевы.

Мержи выказал меньше удивления, чем его брат. В глубине души он эту милость приписывал даме в вуали, то есть графине де Тюржи.

XIV

СВИДАНИЕ

Мержи снова поселился у брата. Он снова появился при дворе, чтобы поблагодарить королеву. Придя в Лувр, он заметил, что, до некоторой степени, унаследовал славу Коменжа. Люди, которых он знал только в лицо, почтительно кланялись ему, как близкие знакомые. Мужчины, говоря с ним, плохо скрывали зависть под внешностью предупредительной вежливости, а дамы наводили на него лорнеты и делали ему авансы, так как репутация опасного дуэлянта в те времена была самым верным способом тронуть их сердца. Три-четыре человека, убитых на поединке, могли заменить красоту, богатство и ум. Одним словом, когда герой наш появился в Луврской галерее, он услышал, как вокруг поднялся шепот: «Вот молодой Мержи, убивший Коменжа», «Как он молод! Как строен!», «Он очень хорош с виду!», «Как браво у него закручен ус!», «Кто его возлюбленная?»

Но Мержи тщетно старался разыскать в толпе голубые глаза и черные брови госпожи де Тюржи. Он даже сделал ей визит, но ему сообщили, что вскоре после смерти Коменжа она уехала в одно из своих поместий, отстоявшее на двадцать лье от Парижа. Если верить злым языкам, скорбь, причиненная ей смертью Коменжа, заставила ее искать уединения, где бы она без помехи могла предаваться дурному настроению.

Однажды утром, когда капитан в ожидании завтрака лежал на диване и читал «Преужасную жизнь

Пантагрюэля», а брат его под надзором сеньора Уберто Винибелла брал урок на гитаре, лакей доложил Бернару, что в нижней зале его дожидается какая-то старая женщина, опрятно одетая, которая с таинственным видом добивается разговора с ним. Он сейчас же сошел вниз и получил из высохших рук какой-то старухи, которая не была ни Мартой, ни Камиллой, письмо, распространившее сладкий запах; оно было перевязано золотой ниткой и запечатано широкой печатью из зеленого воска, на которой вместо герба изображен был только амур, приложивший палец к губам, и стоял кастильский девиз: «Callad»⁴⁷.

Он распечатал письмо и увидел всего лишь одну строчку по-испански, которую насилу понял: «Esta noche una dama espera a V. M.»⁴⁸.

— От кого это письмо? — спросил он у старухи.

— От дамы.

— Как ее зовут?

— Не знаю. По ее словам, она — испанка.

— Почему она меня знает?

— Вините в этом славу о ваших подвигах храбрости и любви, — произнесла она хвастливо. — Но ответьте, придете ли вы.

— Куда нужно идти?

— Будьте сегодня вечером в половине девятого в церкви святого Германа Оксерского, в левом приделе.

— Что же, я в церкви увижусь с этой дамой?

— Нет. За вами придут и отведут вас к ней. Но будьте скромны и приходите одни.

— Хорошо.

— Вы обещаете?

— Даю слово.

— Итак, прощайте. Главное, не следите за мной.

Она низко поклонилась и быстро вышла.

— Что нужно этой почтенной сводне? — спросил капитан, когда брат вернулся наверх, а учитель музыки ушел.

— О, ничего! — ответил Мержи с напускным равно-

⁴⁷ «Молчите».

⁴⁸ «Сегодня вечером вас ждет одна дама».

душием и принялся с вниманием рассматривать мадонну, о которой упоминалось ранее.

— Брось, что за секреты от меня! Не нужно ли проводить тебя на свидание, покараулить на улице, встретить ревнивца ударами шпаги?

— Говорю тебе — ничего.

— Как хочешь. Если тебе угодно, храни свой секрет про себя. Но бьюсь об заклад, что тебе так же хочется рассказать его, как мне узнать.

Мержи рассеянно перебирал струны гитары.

— Кстати, Жорж, я сегодня вечером не могу пойти на ужин к г-ну де Водрейль.

— А, значит, свиданье назначено на сегодняшней вечер! Хорошенькая?.. Кто она — придворная дама? Горожанка? Купчиха?

— Право, не знаю. Меня представят даме... нездешней... но кому, мне неизвестно.

— Но, по крайней мере, ты знаешь, где ты должен встретиться с нею?

Бернар показал записку и повторил то, что старуха сообщила ему на словах.

— Почерк изменен, — сказал капитан, — и я не знаю, что подумать обо всех этих предосторожностях.

— Это, должно быть, какая-нибудь знатная дама, Жорж.

— Вот наши молодые люди: по малейшему поводу они воображают, что самые высокопоставленные дамы готовы вешаться им на шею.

— Понюхай, как пахнет записка!

— Это ничего не доказывает.

Вдруг лоб напитана нахмурился и в уме у него промелькнула зловещая мысль.

— Коменжи злопамятны, — произнес он, — может случиться, что записка эта просто выдумана ими, чтобы заманить тебя в западню, в уединенное место, а там заставить тебя дорогой ценой поплатиться за удар кинжала, доставивший им наследство.

— Ну вот, что за мысль!

— Не в первый раз любовью пользуются для мести. Ты читал Библию, — вспомни, как Далила предала Самсона.

— Нужно быть большим трусом, чтобы из-за такого невероятного предположения пропустить свидание, которое, может быть, будет прелестным... Испанка!

— По крайней мере, возьми с собой оружие. Хочешь, я отпущу с тобой двух лакеев?

— Фи! Зачем делать весь город свидетелем моих любовных приключений?

— Теперь это довольно принято. Сколько раз я видел, как мой большой друг д'Арделе отправлялся к любовнице в кольчуге, с двумя пистолетами за поясом... а за ним шли четверо солдат из его роты и у каждого по заряженному мушкету. Ты еще не знаешь Парижа, и, поверь мне, предосторожность никогда не вредит. Когда кольчуга начинает мешать, ее снимают — вот и все.

— У меня нет никакого беспокойства. Если бы родственники Коменжа сердились на меня, они могли бы очень просто напасть на меня ночью на улице.

— Одним словом, я отпущу тебя лишь под условием, что ты возьмешь свои пистолеты.

— Хорошо. Только надо мной будут смеяться.

— Это еще не все. Нужно еще хорошенько пообедать, съесть парочку куропаток и хорошую порцию пирога с петушьими гребешками, чтобы сегодня вечером не посрамить семейную честь Мержи.

Бернар удалился к себе в комнату, где он провел по крайней мере четыре часа, причесываясь, завиваясь, обрызгивая себя духами и, наконец, придумывая красноречивые слова, с которыми он предполагал обратиться к прекрасной незнакомке.

Без труда можно догадаться, что на свидание он пришел с точностью. Уже более получаса расхаживал он по церкви. Он уже раза три пересчитал все свечи, колонны и приношения, когда какая-то старая женщина, тщательно закутанная в темный плащ, взяла его за руку и, не говоря ни слова, вывела на улицу. Все время храня молчание, она, после нескольких поворотов, привела его в переулок, крайне узкий и, по-видимому, необитаемый. В самом конце его она остановилась перед маленькой сводчатой дверцей, очень низенькой, и отперла ее, вынув из кармана ключ. Она вошла первой, а Мержи — вслед за нею, держась за ее плащ, так как было темно. Как

только он вошел, он услышал, как за его спиной задвинулись огромные засовы. Провожатая вполголоса предупредила его, что он находится у подножия лестницы и что ему предстоит подняться на двадцать семь ступенек. Лестница была очень узкая, а ступени неровные и истертые, так что он несколько раз чуть было не свалился. Наконец, после двадцати седьмой ступеньки, окончившейся маленькой площадкой, старуха открыла дверь, и яркий свет на мгновение ослепил Мержи. Он сейчас же вошел в комнату, обставленную гораздо более изящно, чем можно было предположить по внешнему виду дома.

Стены были обтянуты узорным штофом, правда, немного потертым, но очень чистым. Посреди комнаты он увидел стол, освещенный двумя свечами из розового воска и уставленный всякого рода фруктами, печеньями, стаканами, графинами, в которых были, как ему казалось, вина различных сортов. Два больших кресла по краям стола, казалось, дожидались гостей. В углублении, наполовину закрытом шелковым пологом, помещалась пышная кровать, покрытая кармазиновым атласом. Множество курильниц распространяли по комнате сладострастный аромат.

Старуха сняла накидку, а Мержи — свой плащ. Он тотчас же узнал посланную, приносившую ему письмо.

— Пресвятая богородица! — воскликнула старуха, заметив пистолеты и шпагу Мержи. — Не думаете ли вы, что вам придется рубиться с великанами? Прекрасный мой кавалер, здесь дело идет не об ударах шпагой.

— Охотно верю, но может случиться, что явятся братья или муж невеселого нрава и помешают нашей беседе. Так вот этим можно пустить им пыль в глаза.

— Вам здесь нечего бояться. Но скажите: как вам нравится эта комната?

— Прелестная комната, но тем не менее будет очень скучно, если придется сидеть в ней одному.

— Кое-кто придет разделить с вами компанию. Но сначала вы дадите мне обещание.

— Какое?

— Если вы — католик, протяните руку над распятием (она вынула его из шкафа), если — гугенот, покляни-

тесь Кальвином... Лютером... словом, всеми вашими богами...

— А в чем я должен поклясться? — прервал он ее со смехом.

— Вы поклянетесь, что никогда не будете стараться узнать, кто эта дама, которая сейчас придет сюда.

— Условия жестокие.

— Решайте. Клянитесь, или я вас выведу обратно на улицу.

— Хорошо, даю вам слово, — оно стоит смешных клятв, которых вы от меня требовали.

— Вот это хорошо! Ждите терпеливо, кушайте, пейте, если есть аппетит; сейчас вы увидите испанскую даму.

Она взяла свою накидку и вышла, дважды повернув ключ в замке.

Мержи опустился в кресло. Сердце билось неистово; его охватило сильное волнение, почти такое же, какое он испытал несколько дней тому назад на Пре-о-Клер в минуту встречи с противником.

В доме царила глубокая тишина; прошло мучительных четверть часа.

Воображение рисовало ему то Венеру, выходящую из алькова и бросающуюся ему в объятия, то графиню де Тюржи в охотничьем костюме, то принцессу королевской крови, то шайку убийц, то, — и это была самая ужасная мысль, — влюбленную старуху.

Не было слышно ни малейшего шума, по которому можно было бы узнать, что кто-то вошел в дом, как вдруг ключ быстро повернулся в замке, дверь открылась и сейчас же закрылась, будто сама собою, и высокая, стройная женщина в маске вошла в комнату.

Платье, очень узкое в талии, подчеркивало изящество ее фигуры, но ни по крохотной ножке, обутой в белые бархатные туфли, ни по маленькой ручке, к несчастью, покрытой вышитой перчаткой, нельзя было точно определить возраст незнакомки. Что-то неуловимое, может быть, магнетическое излучение, или, если хотите, предчувствие заставляло думать, что ей не больше двадцати пяти лет. Наряд ее был богат, элегантен и прост в одно и то же время.

Мержи тотчас же встал и опустился перед ней на од-

но колено. Дама сделала шаг к нему и произнесла нежным голосом:

— Dios os guarde, caballero. Sea V. M. el bien venido ⁴⁹.

Мержи сделал движение, словно удивившись.

— Halba V. M. éspano? ⁵⁰

По-испански Мержи не говорил и даже с трудом понимал этот язык.

Дама, по-видимому, смутилась. Она позволила довести себя до кресла и села в него, пригласив знаком Мержи занять другое. Тогда она начала разговор по-французски, но с иностранным акцентом, который то был очень заметен и как бы утрирован, то совсем пропадал.

— Сударь, ваша отвага заставила меня забыть о сдержанности, присущей нашему полу; я хотела видеть прославленного кавалера и нахожу его таким, каким живописует его молва.

Мержи покраснел и поклонился.

— Хватит ли у вас жестокости, сударыня, все время сохранять на лице эту маску, которая, подобно завистливому облаку, скрывает от меня лучи солнца? (Он вычитал эту фразу в какой-то переведенной с испанского книге.)

— Господин кавалер, если я останусь довольна вашей скромностью, вы не раз увидите меня с непокрытым лицом, но на сегодня ограничьтесь удовольствием беседовать со мною.

— Ах, сударыня, как бы велико ни было это удовольствие, но оно только увеличит мое желание видеть вас!

Он опустился на колени и собирался снять с нее маску.

— Росо а росо ⁵¹, сеньор француз, вы слишком проворны. Сядьте на прежнее место, а то я сейчас же вас покину. Если бы вы знали, кто я и чем рискую, назначая вам свидание, вы удовлетворились бы той честью, что я вам оказываю, придя сюда.

— Право, мне голос ваш кажется знакомым.

⁴⁹ Да хранит вас Господь, сударь. Добро пожаловать.

⁵⁰ Вы говорите по-испански?

⁵¹ Тише.

— А между тем вы слышите его впервые. Скажите мне, способны ли вы полюбить и быть верным женщи-
не, которая бы вас полюбила?

— Около вас я уже чувствую...

— Вы меня никогда не видели,— значит, вы меня не любите. Разве вам известно, хороша ли я или безобразна?

— Я уверен, что вы очаровательны.

Незнакомка отняла свою руку, которой он уже завладел, и поднесла ее к маске, как будто собиралась ее снять.

— Что бы вы сделали, если бы сейчас увидели перед собой пятидесятилетнюю женщину, безобразную до ужаса?

— Это невозможно!

— В пятьдесят лет еще влюбляются.

Она вздохнула, и молодой человек задрожал.

— Эта изящная фигура, эта ручка, которую вы тщетно стараетесь у меня вырвать,— все мне доказывает вашу молодость.

В этой фразе было больше любезности, нежели уверенности

— Увы!

Мержи начал испытывать некоторое беспокойство.

— Вам, мужчинам, любви недостаточно. Вам нужна еще красота.— Она опять вздохнула.

— Позвольте мне, прошу вас, снять эту маску...

— Нет, нет! — И она с живостью его оттолкнула.— Вспомните о своем обещании.— Затем она прибавила более веселым тоном: — Мне приятно видеть вас у моих ног, а если, случайно, я оказалась бы не молодой и не красивой... с вашей точки зрения, по крайней мере,— может быть, вы оставили бы меня в одиночестве.

— Покажите, по крайней мере, эту маленькую ручку.

Она сняла раздушенную перчатку и протянула ему белоснежную ручку.

— Мне знакома эта рука! — воскликнул он.— Другой, столь же прекрасной руки, нет в Париже!

— Правда? И чья же эта рука?

— Одной... графини.

— Какой графини?

— Графини де Тюржи.

— А... знаю, что вы хотите сказать! Да, у Тюржи красивые руки благодаря миндальным притираниям ее парикмахера. Но я горжусь тем, что у меня руки мягче, чем у нее.— Все это было произнесено самым естественным тоном, и Мержи, которому сначала показалось, что он узнал голос прекрасной графини, теперь уже сомневался в этом и был почти готов отбросить эту мысль.

«Две вместо одной! — подумал он.— Что же, значит, мне покровительствуют феи». Он старался отыскать на этой прекрасной руке знак от перстня, который заметил у Тюржи, но на этих превосходно сформированных пальцах не было ни малейшего следа хотя бы легкого нажима.

— Тюржи! — воскликнула незнакомка со смехом.— Право, я вам очень обязана, что вы меня принимаете за Тюржи. Но, кажется, я стою несколько большего!

— Клянусь честью, графиня — прекраснейшая женщина из всех, что я видел до сих пор!

— Значит, вы влюблены в нее? — спросила она с живостью.

— Может быть; но снимите, прошу вас, вашу маску и дайте мне увидеть женщину более прекрасную, чем Тюржи.

— Когда я удостоверюсь, что вы меня любите, тогда вы увидите меня с открытым лицом.

— Любить вас... но, черт возьми, как же я могу полюбить, не видев того, кого любишь?

— Разве моя рука не красива? Представьте себе, что и наружность ей соответствует.

— Теперь я окончательно уверен, что вы очаровательны: вы выдали себя, забыв изменить свой голос. Я узнал его, я уверен в этом!

— И это голос Тюржи? — смеясь, спросила она с очень ясным испанским акцентом.

— Точь-в-точь!

— Ошибка, ошибка с вашей стороны, сеньор Бернардо: меня зовут донья Мария, донья Мария де... Позднее я вам скажу свое имя. Я — дворянка из Барселоны: отец мой, который с некоторого времени держит меня под строгим присмотром, отправился путешествовать, и я

пользуюсь его отсутствием, чтобы развлечься и посмотреть на парижский двор. Что же касается Тюржи,— перестаньте, прошу вас, говорить мне об этой женщине; мне ненавистно ее имя, она — самая злая женщина при дворе. Кстати, вы знаете, каким образом она овдовела?

— Да, мне что-то рассказывали.

— Ну, и что же вам рассказывали?

— Рассказывали, что, застав мужа за слишком нежным объяснением с одной из камеристок, она схватила кинжал и довольно сильно поранила беднягу, так что он через месяц умер.

— Поступок этот вам кажется... ужасным?

— Признаться, я его оправдываю. Говорят, она любила своего мужа, а я уважаю ревность.

— Вы говорите это потому, что думаете, что перед вами Тюржи, а в глубине души презираете ее, я уверена в этом.

В голосе слышались грусть и горечь, но это не был голос Тюржи. Мержи не знал, что и подумать.

— Как! — произнес он, — вы — испанка, и не питаете уважения к ревности?

— Оставим это!.. Что это за черная лента у вас на шее?

— Ладанка.

— Я думала, вы — протестант.

— Это правда. Но ладанку дала мне одна дама, и я ношу ее на память о ней.

— Послушайте! Если вы хотите мне понравиться, вы не будете больше думать о дамах. Я хочу быть для вас всеми дамами! Кто дал вам эту ладанку? Опять Тюржи?

— Право, нет.

— Вы лжете!

— Значит, вы — госпожа де Тюржи.

— Вы выдали себя, сеньор Бернардо.

— Каким образом?

— Когда я встречусь с Тюржи, я спрошу у нее, почему она делает кощунство, давая священные предметы еретику.

С каждой минутой неуверенность Мержи усиливалась.

— Я хочу эту ладанку! Дайте ее сюда!

— Нет, я не могу ее отдать.

— Я так хочу! Ужели вы посмеете мне отказать?

— Я обещал ее вернуть.

— Глупости! Пустяки — такое обещание! Обещание, данное фальшивой женщине, ни к чему не обязывает. Притом, будьте осторожней: может быть вы носите наговоренную вещь, какой-нибудь опасный талисман. Тюржи, говорят, большая колдунья.

— Я не верю в колдовство.

— И в колдунов тоже?

— Верю немного в колдуний (он сделал ударение на последнем слове).

— Послушайте, дайте мне ладанку — и я, может быть, сниму маску.

— Ну, право же, это голос госпожи де Тюржи.

— В последний раз: дадите вы мне ладанку?

— Я вам ее верну, если вы снимете маску.

— Ах, вы меня выводите из терпения с вашей Тюржи! Любите ее на здоровье, мне что за дело!

Она повернулась в кресле, будто надулась. Атлас, покрывавший ее грудь, быстро подымался и опускался.

Несколько минут она хранила молчание, потом, быстро повернувшись, произнесла насмешливо:

— *Vala me, Dios! V. M. no es caballero, es un monje*⁵².

Ударом руки она опрокинула две зажженные свечи на столе и половину бутылок и блюд. Свет мгновенно погас. В ту же минуту она сорвала с себя маску. В полной темноте Мержи почувствовал, как чьи-то горячие губы ищут его губы и руки крепко сжимают в объятиях.

XV

ТЕМНОТА

На соседней церкви пробило четыре часа.

Господи, четыре часа! Я едва успею вернуться домой до рассвета!

— Какая злая! Оставить меня так скоро?

⁵² Помогите мне, Боже! Вы совсем не кавалер, вы — монахи!

— Нужно! Но мы скоро опять увидимся!

— Увидимся! Но дело в том, дорогая графиня, что я вас совсем не видел.

— Какой вы ребенок! Бросьте вашу графиню! Я — донья Мария; при свете вы увидите, что я — не та, за кого вы меня принимаете.

— С какой стороны дверь? Я сейчас кликну кого-нибудь.

— Не надо. Помогите мне встать с кровати, Бернардо; я знаю комнату и сумею отыскать огниво.

— Осторожней, не наступите на битое стекло; вы вчера много его разбили.

— Пустите меня: я сама все сделаю.

— Нашли?

— Ах да, это мой корсет. Пресвятая богородица! Что мне делать? Я все шнурки перерезала вашим кинжалом!

— Нужно спросить другие у старухи.

— Не шевелитесь, я сама все сделаю.

— Adios, querido Bernardo! ⁵³

Двери открылись и сейчас же опять захлопнулись. Громкий смех раздался за дверью. Мержи понял, что добыча его ускользнула. Он сделал попытку догнать ее, но в темноте наткнулся на мебель, запутывался в платьях и занавесях и никак не мог найти выхода. Вдруг двери открылись и кто-то вошел с потайным фонарем. Мержи сейчас же схватил в охапку женщину, несшую фонарь.

— Ага, попались! Теперь уж я вас не выпущу! — кричал он, нежно ее целуя.

— Оставьте же меня в покое, господин де Мержи! — произнес грубый голос. — Можно ли так тискать людей?!

Он узнал старуху.

— Чтоб черт вас побрал! — воскликнул он.

Он молча оделся, забрал свое оружие, плащ и вышел из дома в таком состоянии, как будто после превосходной малаги хватил, по недосмотру слуги, стакан противощинготной настойки, долгие годы стоявшей в погребе.

Мержи был очень сдержан, передавая брату свое приключение; он рассказал об испанской даме редкой красоты, насколько он мог судить без освещения, но ни

⁵³ Прощай, возлюбленный Бернардо!

слова не проронил о появившихся у него подозрениях относительно этой дамы, скрывшей свое имя.

XVI

ПРИЗНАНИЕ

Прошло два дня, от мнимой испанки не было никаких вестей. На третий братья узнали, что госпожа де Тюржи приехала накануне в Париж и в течение дня, наверное, явится к королеве-матери засвидетельствовать свое почтение. Они сейчас же отправились в Лувр и нашли ее в галерее, окруженной дамами, с которыми она болтала. Увидя Мержи, она не выказала ни малейшего волнения. Даже самый легкий румянец не показался на ее щеках, бледных, как всегда. Как только она его заметила, она кивнула ему головой, как старому знакомому. После первых приветствий она наклонилась к нему и сказала на ухо:

— Надеюсь, теперь ваше гугенотское упрямство несколько поколеблено? Для вашего обращения потребовались чудеса.

— Каким образом?

— Как! Разве вы не испытали на самом себе чудодейственную силу мощей?

Мержи недоверчиво улыбнулся.

— Воспоминание о прекрасной ручке, давшей мне эту маленькую ладанку, и любовь, которую она мне внушила, удвоили мои силы и ловкость.

Она, смеясь, погрозила ему пальцем.

— Вы становитесь дерзким, господин корнет! Знаете ли вы, с кем вы разговариваете таким тоном?

При этих словах она сняла перчатку, чтобы поправить волосы; Мержи пристально смотрел на ее руку, с руки взгляд перешел на оживленные, почти злые глаза прекрасной графини. Удивленный вид молодого человека заставил ее расхохотаться.

— Чему вы смеетесь?

— А почему вы смотрите на меня с таким изумленным видом?

— Простите меня, но за последние дни со мной про-

исходят такие чудеса, которым можно только удивляться.

— Право? Это должно быть любопытно! Так расскажите же нам поскорее какое-нибудь из этих чудес, которые происходят с вами каждую минуту.

— Я не могу вам рассказать о них с е й ч а с и в этом месте. К тому же я запомнил один испанский девиз, которому меня научили три дня тому назад.

— Какой девиз?

— Одно слово: Callad⁵⁴.

— Что же это означает?

— Как! Вы не знаете испанского языка? — сказал он, наблюдая за ней с большим вниманием.

Но она выдержала его взгляд, не подав виду, что понимает смысл, скрытый за этими словами, и молодой человек, пристально глядевший на графиню, принужден был опустить глаза, как бы побежденный могуществом этого взора, которому он осмелился послать вызов.

— В детстве, — ответила она с полным безразличием, — я знала несколько слов по-испански, но думаю, что теперь позабыла их. Так что, если вы хотите, чтобы я вас понимала, говорите со мною по-французски. Ну, что же гласит ваш девиз?

— Он советует быть скромным, сударыня.

— Клянусь честью, не мешало бы нашим придворным кавалерам присвоить этот девиз, а главное, оправдать его своим поведением. Однако вы, оказывается, ученый, господин де Мержи! Кто вас научил испанскому? Бьюсь об заклад, что какая-нибудь дама.

Мержи нежно и ласково на нее посмотрел.

— Я знаю по-испански только несколько слов, — произнес он шепотом, — но их начертала в моей памяти любовь.

— Любовь?! — повторила графиня насмешливо.

Так как она говорила очень громко, то при этих словах многие дамы обернулись, как бы спрашивая, в чем дело. Мержи, немного задетый ее насмешливостью и недовольный таким обращением, вынул из кармана испанское письмо, полученное им, и подал его графине.

— Я не сомневаюсь, — сказал он, — что вы не менее

⁵⁴ Молчите.

учены, чем я, и без труда поймете этот испанский язык.

Диана де Тюржи схватила записку, прочла ее или сделала вид, что прочла, и, громко смеясь, передала ее даме, находившейся к ней ближе всех.

— Вот, госпожа де Шатовье, прочтите любовное послание, только что полученное г-ном де Мержи от своей возлюбленной. Он хочет подарить его мне. Самое забавное,— что почерк этого письма мне знаком.

— Я в этом не сомневаюсь,— произнес Мержи с некоторой горечью, но не повышая голоса.

Госпожа де Шатовье прочла письмо, расхохоталась и передала его какому-то кавалеру, тот — другому, и через минуту в галерее не было ни одного человека, который бы не знал, как хорошо относится к Мержи какая-то испанская дама.

Когда взрывы смеха немного утихли, графиня насмешливо спросила у Мержи, находит ли он красивой женщину, написавшую эту записку.

— Клянусь честью, сударыня, она не менее красива, чем вы.

— Что вы говорите! Господи, боже мой! Вероятно, вы видели ее ночью; ведь я ее хорошо знаю... Могу вас поздравить с удачей!

Она принялась смеяться еще громче.

— Красавица моя,— сказала Шатовье,— скажите же нам, как зовут эту испанскую даму, которая так счастлива, что овладела сердцем г-на де Мержи?

— Прошу вас, г-н де Мержи, прежде чем я ее назову, скажите в присутствии этих дам — видели ли вы вашу возлюбленную при дневном свете?

Мержи положительно было не по себе, и на его лице довольно комично были написаны беспокойство и досада. Он ничего не ответил.

— Отбросив всякие тайны,— сказала графиня,— открою, что записка эта от сеньоры Марии Родригес. Мне ее почерк известен, как почерк моего отца.

— Мария Родригес! — воскликнули все дамы со смехом.

Мария Родригес — мадридская дуэнья⁵⁵ — была о

⁵⁵ Дуэнья — испанское слово, означающее пожилую женщину, приставленную к молодой девушке знатного происхождения в ка-

ба лет за пятьдесят. Не знаю, каким образом она попала во Францию и за какие заслуги Маргарита де Валуа взяла ее себе ко двору. Может быть, она держала около себя это чудовище, чтобы этот контраст еще больше оттенял ее прелести. Так художники изображают на своих полотнах какую-нибудь красавицу и рядом с ней карикатурный портрет ее карлика. Когда Родригес показывалась в Лувре, она смешила всех придворных дам своим напыщенным видом и старомодным нарядом.

Мержи вздрогнул. Он видал дуэнью и с ужасом вспомнил, что дама в маске назвала себя доньей Марией; в памяти у него все спуталось. Он был совсем сбит с толку, а смех усиливался.

— Она — дама очень скромная, — продолжала графиня де Тюржи, — и вы не могли сделать лучшего выбора. Она еще недурна собой, когда вставит челюсть и надеет черный парик. К тому же ей не больше шестидесяти лет.

— Она его приворожила! — воскликнула Шатовье.

— Оказывается, вы — любитель древностей? — спрашивала другая дама.

— Какая жалость, — со вздохом проговорила вполголоса одна из фрейлин королевы, — какая жалость, что у мужчин такие смешные причуды!

Мержи защищался, как мог. На него сыпались иронические поздравления. Его положение становилось смешным, но, к счастью, в это время в конце галереи показался король. Смех и шутки немедленно прекратились. Каждый поспешил посторониться, и молчание сменило гул голосов.

Король провожал адмирала, с которым долго беседовал у себя в кабинете. Он фамильярно опирался рукой на плечо Колиньи, седая борода и черное платье которого составляли контраст с молодостью Карла и его блестящим расшитым костюмом. Смотря на них, можно было бы сказать, что юный король с редкой для королей проницательностью выбрал себе в любимцы самого добродетельного и самого мудрого из своих подданных.

честве надзирательницы или гувернантки. Нередко, впрочем, эти дуэньи играли роль сводниц.

Пока они проходили через галерею и пока глаза всех были устремлены на них, Мержи услышал у своего уха голос графини, шептавшей тихонько:

— Не сердитесь! Возьмите,— не вскрывайте, покуда не выйдете на улицу!

В то же время, что-то упало к нему в шляпу, которую он держал в руках. Это была бумага, в которую был завернут какой-то твердый предмет. Он положил его в карман и через четверть часа, как только вышел из Лувра, вскрыл и увидел маленький ключ с припиской:

«Этим ключом отворяется калитка ко мне в сад. Сегодня ночью, в десять часов. Я люблю вас. Я буду без маски, и вы, наконец, увидите донью Марию и Диану».

Король проводил адмирала до конца галереи.

— Прощайте, отец,— произнес он, пожимая ему руки.— Вы знаете, что я люблю вас, а я знаю, что вы преданы мне душой и телом, с требухой и патрохами.

Фразу эту он заключил громким хохотом. Потом, возвращаясь в свой кабинет, остановился перед капитаном Жоржем.

— Завтра, после обедни,— сказал он,— придите ко мне в кабинет для разговоров.

Он обернулся и бросил почти тревожный взгляд на дверь, в которую только что вышел Колиньи, затем покинул галерею и заперся с маршалом де Ретц.

XVII

ЛИЧНАЯ АУДИЕНЦИЯ

В назначенное время капитан Жорж прибыл в Лувр. Как только о нем доложили, привратник, подняв коверную портьеру, ввел его в кабинет короля. Монарх, сидевший за маленьким столиком в позе пишущего человека, сделал ему рукою знак подождать, как будто боялся в разговоре потерять нить мыслей, занимавших его в данную минуту. Капитан в почтительной позе остановился шагах в шести от стола. Он обвел глазами комнату, рассматривая в подробностях ее убранство.

Убранство было очень простое, так как состояло почти из одних охотничьих принадлежностей, беспорядочно размещенных по стенам. Довольно хорошая картина, изображавшая деву Марию, увенчанная большой веткой букса, висела между длинной аркебузой и охотничьим рожком. Стол, за которым писал монарх, был покрыт бумагами и книгами. Четки и маленький молитвенник валялись на полу вперемежку с тенетами и сокольниковыми колокольчиками.

Тут же на подушке спала крупная борзая.

Вдруг король в бешенстве бросил перо на землю, и грубое ругательство сорвалось с его уст. Опустив голову, он два-три-раза прошелся вдоль кабинета неровными шагами, потом, неожиданно остановившись перед капитаном, бросил на него испуганный взгляд, как будто только сейчас его заметил.

— Ах, это вы! — воскликнул, он, несколько отступая.

Капитан поклонился до земли.

— Очень рад вас видеть... Мне нужно было с вами переговорить, но... — Он остановился.

Жорж стоял, ожидая окончания фразы, полуоткрыв рот, вытянув шею, выставив несколько левую ногу, — одним словом, в такой позе, какую художник, по-моему, мог придать фигуре, изображающей внимание. Но король снова опустил голову на грудь и, казалось, мыслями был за сто верст от того, что хотел сейчас сказать.

Наступило короткое молчание. Король сел и провел рукою по лбу, как человек, чувствующий усталость.

— Чертова рифма! — воскликнул он, топнув ногою и звеня длинными шпорами на ботфортах.

Борзая проснулась и, приняв этот удар ноги за призыв, относящийся к ней, вскочила, и, подойдя к королевскому креслу, положила обе лапы королю на колени и, подняв свою удлиненную морду, которая оказалась много выше головы Карла, разинула широкую пасть и зевнула без малейшей церемонии, — собаке трудно привить придворный этикет. Король прогнал собаку, и она со вздохом легла на прежнее место. Встретясь опять, как бы нечаянно, взглядом с глазами капитана, он произнес:

— Простите меня, Жорж, эта... рифма вогнала меня в испарину.

— Может быть, я мешаю вашему величеству? — сказал капитан с глубоким поклоном.

— Нисколько, нисколько! — ответил король. Он встал и дружески положил руку на плечо капитану. При этом он улыбался, но улыбался только губами, — рассеянные глаза его не принимали в этом никакого участия.

— Отдохнули ли вы после охоты? — спросил король, очевидно затрудняясь приступить к делу. — Олень заставил долго с собой повозиться.

— Сир, я был бы недостойн командовать отрядом легкой кавалерии вашего величества, если бы такой пробег, как позавчерашний, мог меня утомить. Во время последних войн г-н де Гиз, постоянно выдавший меня в седле, прозвал меня А л б а н ц е м.

— Действительно, мне говорили, что ты хороший кавалерист. Но, скажи, ты хорошо стреляешь из аркебузы?

— Да, сир, я довольно хорошо им орудую... Конечно, я далек от того, чтобы обладать искусством вашего величества! Оно дано не всем!

— Постой! Видишь этот длинный мушкет? Заряди его двенадцатью дробинами. Провалиться мне на месте, если, прицелившись в шестидесяти шагах в какого-нибудь басурмана, ты не всадишь их полностью ему в грудь!

— Шестьдесят шагов — расстояние довольно большое, но я не хотел бы состязаться с таким стрелком, как ваше величество.

— Из него можно в двухстах шагах всадить пулю в человека, если только пуля подходящего калибра.

Король вложил аркебузу в руки капитана.

— Как видно, бой у него такой же отличный, как и отделка, — сказал Жорж, тщательно рассмотрев мушкет и испробовав спуск.

— Молодец, ты, как я вижу, знаешь толк в оружии. Возьми к прицелу, чтобы я посмотрел, как ты это делаешь!

Капитан повиновался.

— Хорошая штука — мушкет! — продолжал Карл медленно. — За сто шагов одним вот таким движением пальца можно наверняка избавиться от врага — и ни кольчуга, ни панцирь не устоят перед хорошей пулей.

Как я уже говорил, Карл IX, не то вследствие привычки, оставшейся с детства, не то по врожденной застенчивости, никогда почти не смотрел в глаза своему собеседнику. На этот раз, однако, он пристально, со странным выражением лица посмотрел на капитана. Жорж невольно опустил глаза, и почти сейчас сделал то же самое и король. Еще раз наступило молчание. Жорж первый прервал его.

— Как бы искусно ни пользоваться огнестрельным оружием, шпага и копье все-таки вернее!

— Правда! Но аркебуза...— Карл странно улыбнулся и продолжал: — Говорят, Жорж, тебя жестоко оскорбил адмирал?

— Сир...

— Я знаю, уверен в этом! Но я был бы очень рад... мне хочется, чтобы ты сам рассказал мне эту историю.

— Это правда, сир, я имел разговор с адмиралом по поводу одного злосчастного дела, в котором я был живейшим образом заинтересован...

— По поводу дуэли твоего брата? Черт возьми! Красивый малый, умеющий отлично проткнуть кого нужно,— я уважаю его; Коменж был фатом, он получил только то, чего заслуживал, побей меня бог! Но какого черта эта старая борода вздумала из-за этого тебя выругать?

— Боюсь, что злосчастное различие верований и мой переход в католичество, которое я считал забытым...

— Забытым?

— Ваше величество подали пример забвения религиозных разногласий, и ваша беспристрастная справедливость...

— Знай, мой друг, что адмирал ничего не забывает.

— Я заметил это, сир.— И лицо Жоржа снова омрачилось.

— Скажи мне, Жорж, что ты намерен делать?

— Я, сир?

— Да, говори откровенно!

— Сир, я слишком незначительный человек, а адмирал слишком стар для того, чтобы я послал ему вызов. К тому же,— продолжал он с поклоном, как бы стараясь придворной фразой загладить впечатление, которое, по его мнению, должна была произвести на короля его дер-

зость,— к тому же, если бы я имел возможность это сделать, я побоялся бы таким поступком потерять доброе расположение вашего величества.

— Вздор! — воскликнул король и правой рукой налег на плечо Жоржа.

— К счастью,— продолжал капитан,— моя честь не зависит от адмирала. Но если бы кто-нибудь из равных мне по положению осмелился выразить сомнение в моей чести, я обратился бы к вашему величеству с мольбой позволить мне...

— Так что адмиралу ты мстить не будешь? А между тем, этот... делается бешено наглым.

Жорж широко раскрыл глаза от изумления.

— Все-таки он тебя оскорбил! — продолжал король.— Да, черт меня побери! Говорят... Дворянин — не лакей; есть вещи, которых нельзя переносить даже от монарха.

— Как же я могу отомстить ему? Он сочтет ниже своего достоинства драться со мною.

— Возможно! Но...— король снова взял аркебузу и прицелился.— Понимаешь?

Капитан попятился. Движение короля было достаточно ясно, и дьявольское выражение его лица не оставляло никаких сомнений в значении этого жеста.

— Как, сир! Вы мне посоветовали бы?..

Король с силой стукнул об пол прикладом мушкета и воскликнул, глядя на Жоржа с бешенством:

— Советовать тебе?! Черт побери! Я тебе ничего не советую!

Капитан не знал, что отвечать,— он поступил так, как большинство поступило бы на его месте: он поклонился, опустив глаза.

Карл, сейчас же смягчив тон, продолжал:

— Это не значит, что если бы ты дал по нему хорошенький выстрел для восстановления твоей чести... то мне это было бы безразлично. Клянусь папскими потрохами! Для дворянина нет ничего драгоценнее чести, и нет такого поступка, который бы он не мог себе позволить ради ее восстановления. К тому же эти Шатильоны надменны и наглы, как помощники палача; я отлично их знаю: негодяи охотно свернули бы мне шею и заняли бы

мое место... При виде адмирала у меня иногда является желание выщипать ему всю бороду.

На этот поток слов из уст человека, обычно несловоохотливого, капитан ничего не ответил.

— Ну, черт возьми, что ж ты намерен делать? Знаешь, я на твоём месте подкараулил бы его при выходе с этой его... проповеди и из какого-нибудь окна пустил бы ему в живот хороший заряд. Ей-богу, Гиз, мой кузен, был бы тебе признателен, и ты оказал бы большое содействие водворению мира в королевстве! Знаешь ли, что этот «парпайо» больше король Франции, чем я... В конце концов это мне надоело. Я откровенно выскажу тебе свою мысль: следует поучить этого... чтобы он не смел больше покушаться на честь дворянина. Покушение на честь, покушение на жизнь,— за одно платят другим.

— Убийство может только запятнать дворянскую честь, но не восстановить ее.

Ответ этот произвел на короля впечатление внезапного громового удара. Он остановился, протянув руки к капитану и продолжая держать в них аркебузу, словно предлагая ему орудие мести. Губы его были бледны и полуоткрыты, злые глаза, казалось, впились в лицо Жоржа, который, как загипнотизированный, не мог отвести от них своего взора.

Наконец, мушкет выпал из дрожащих рук короля и брякнулся об пол; капитан поспешил сейчас же поднять его. Король сел в кресло, мрачно опустив голову. Его губы и брови быстро шевелились, выдавая борьбу, происходившую в глубине его сердца.

— Капитан,— произнес он после продолжительного молчания,— где стоит твой отряд легкой кавалерии?

— В Мо, сир.

— Через несколько дней ты отправишься туда и сам приведешь его в Париж. Через... несколько дней ты получишь приказ об этом. Прощай!

Голос его звучал жестко и гневно. Капитан отвесил ему глубокий поклон, и Карл, указывая рукой на двери, дал ему понять, что аудиенция кончена.

Капитан выходил, пятась, с положенными поклонами, как вдруг король порывисто поднялся и схватил его за руку:

— Язык за зубами, по крайней мере! Понял?

Жорж еще раз поклонился, положив руку на сердце. Выходя из покоев, он слышал, как король сердито кликнул собаку и щелкнул арапником, как будто собираясь сорвать дурное настроение на неповинном животном.

Вернувшись к себе, Жорж написал следующую записку, которую он приказал доставить адмиралу:

«Некто, не питающий к вам любви, но любящий честь, советует не доверять герцогу Гизу и, может статься, кому-нибудь еще более могущественному. Жизнь ваша в опасности».

Письмо это не произвело никакого впечатления на неустрашимую душу Колиньи. Известно, что вскоре после этого, 22 августа 1572 года, он был ранен выстрелом из мушкета неким негодяем по фамилии Морвель, получившим по этому случаю прозвище «королевского у б и й ц ы».

XVIII

ОБРАЩАЕМЫЙ

Если любовники осторожны, то проходит иногда больше недели, прежде чем общество окажется посвященным в их дела. По истечении этого срока благоразумие ослабевает, предосторожности становятся смешными; легко подметить брошенный взгляд, еще легче истолковать его — и вот, тайна открыта.

Так же и связь графини де Тюржи и молодого Мержи вскоре перестала быть секретом для двора. Масса очевидных доказательств даже слепым открыла бы на это глаза. Так, например, госпожа де Тюржи обычно носила лиловые ленты, и бантами из лиловых же лент были украшены рукоять шпаги, нижний борт камзола и башмаки у Бернара. Графиня довольно открыто признавалась, что не переносит бороды, но любит галантно закрученные усы, — и с некоторых пор подбородок Мержи оказался тщательно выбритым, а отчаянно завитые, напояженные и расчесанные металлической гребенкой усы имели форму полумесяца, концы которого подымались зна-

чительно выше носа. Наконец дошло до того, что начали рассказывать, будто некий господин, выйдя из дому ранним утром и проходя по улице Аси, видел, что садовая калитка в доме графини открылась и из нее вышел человек, в котором, несмотря на то, что тот был до самого носа тщательно закутан в плащ, без труда можно было узнать сеньора де Мержи.

Но что больше всего убеждало и удивляло всех, так это то, что молодой гугенот, этот насмешник, безжалостно издевавшийся над всеми церемониями католической обрядности, теперь прилежно посещал церкви, не пропускал почти ни одной процессии и даже опускал пальцы в святую воду, что несколько дней тому назад он счел бы за ужаснейшее кощунство. На ухо передавали, что Диана скоро приведет к господу богу еще одну душу, а молодые люди реформатского вероисповедания заявляли, что, может быть, и они серьезно подумали бы об обращении, если бы вместо капуцинов и францисканцев к ним для наставления присылали молодых и хорошеньких проповедниц, вроде госпожи де Тюржи.

Однако до обращения Бернара было еще далеко. Правда, он сопровождал графиню в церковь, становился рядом с нею и во время всей обедни не переставал шептать ей что-то на ухо к большому соблазну ханжей. Он не только сам не слушал богослужения, но даже мешал прихожанам уделять ему подобающее внимание. Известно, что в те времена богослужения были таким же занятным развлечением, как маскарады. Наконец, Мержи не чувствовал больше угрызений совести, опуская пальцы в святую воду, раз это давало ему право при всех пожимать хорошенькую ручку, которая всегда вздрагивала при его прикосновении. В конце концов, если он и сохранил свою веру, то все же ему приходилось выдерживать горячие бои; доводы Дианы имели тем больший успех, что свои богословские диспуты она обычно начинала в такие минуты, когда Мержи труднее всего было ей отказать.

— Дорогой Бернар! — говорила она однажды вечером, положив голову ему на плечо и в то же время обвивая шею длинными прядями своих черных волос. — Дорогой Бернар, вот ты был сегодня со мною на проповеди.

Ну, что же? Неужели столько прекрасных слов не произвели никакого впечатления на твое сердце? Ты все еще остаешься бесчувственным?

— Дорогая моя, как ты хочешь, чтобы гнусавый голос капуцина мог сделать то, чего не мог достигнуть твой голос, столь сладкий, и твои доводы, так хорошо подкрепляемые влюбленными взглядами, дорогая Диана?

— Противный! Я тебя задушю! — И, стянув покрепче одну из прядей своих волос, она привлекла его еще ближе к себе.

— Знаешь, чем я был занят во время проповеди? Я пересчитывал жемчуг в твоих волосах. Смотри, как ты его разбросала по всей комнате.

— Так я и знала! Ты не слушал проповеди, вечно одна и та же история! О, да! — сказала она с некоторой грустью, — я прекрасно вижу, что ты меня не любишь так, как я тебя люблю. Если бы ты меня любил, то уж давно бы обратился в католичество.

— Ах, Диана зачем эти вечные споры? Предоставим их сорбонским ученым и нашим церковнослужителям; мы сумеем лучше провести время.

— Оставь меня!.. Как бы я была счастлива, если бы мне удалось тебя спасти. Знаешь, Бернар, ради твоего спасения я согласилась бы удвоить количество лет, которое мне суждено пребывать в чистилище.

Он, улыбаясь, сжал ее в объятиях, но она оттолкнула его с выражением неизъяснимой грусти.

— А ты, Бернар, не сделал бы этого ради меня. Тебя не беспокоит опасность, которой подвергается моя душа в то время, как я отдаюсь тебе... — И слезы покатались из ее прекрасных глаз.

— Друг мой, разве ты не знаешь, что любовь многое извиняет и...

— Да, я это хорошо знаю. Но, если бы я сумела спасти твою душу, мне отпустились бы все мои прегрешения, все, которые мы вместе совершили, все, которые мы можем еще совершить... все это нам бы отпустилось. Мало того, наши грехи стали бы для нас орудием спасения!

При этих словах она изо всей силы сжимала его в объятиях, и восторженная пылкость, с которой она все это произносила, была так комична при данных обстоя-

1
тельстввах, что Мержи насилу удержался, чтобы не расхохотаться над таким странным способом проповедывать спасение души.

— Подождем еще обращаться к богу, моя Диана. Когда мы оба станем стары... когда мы станем слишком стары, чтобы предаваться любви...

— Ты приводишь меня в отчаяние, злой! Зачем на губах у тебя эта дьявольская усмешка? Что же, ты думаешь, мне захочется поцеловать такие губы?

— Ну, вот я больше не улыбаюсь. Видишь?

— Хорошо, успокойся. Скажи, querido Bernardo, ты прочел книгу, что я тебе дала?

— Да, я вчера ее кончил.

— Ну, и как же ты ее находишь? Вот справедливые рассуждения! Она может любому еретику заткнуть рот.

— Твоя книга, Диана, набор лжи и нахальства. Глупее ее до сих пор еще ничего не выходило из папистской печати. Держу пари, что ты ее не читала, хотя и говоришь о ней с такой уверенностью.

— Да, я ее еще не прочла,— ответила она, слегка краснея.— Но я уверена, что она преисполнена ума и справедливости. То, что гугеноты так рьяно стараются ее обесценить, служит для меня достаточным доказательством.

— Хочешь, ради времяпрепровождения, я со священным писанием в руках докажу тебе...

— Не вздумай это делать, Бернар. Помилуй меня бог! Я не еретик и не читаю священного писания. Я не хочу, чтобы моя вера ослабела. К тому же ты даром потеряешь время. Вы, гугеноты, всегда вооружены знанием, приводящим в отчаянье. Вы нам тычете его в нос во время прений, и бедные католики, не читавшие, как вы, Аристотеля и Библии, не знают, что отвечать.

— Это потому, что вы, католики, хотите верить во что бы то ни стало, не давая себе труда рассмотреть, разумно это или нет. Мы, протестанты, по крайней мере изучаем нашу религию раньше, чем ее защищать, и в особенности раньше, чем ее распространять.

— Ах, как бы я хотела обладать красноречием преподобного отца Жирона, францисканца!

— Он — дурак и хвастун. Но как бы он ни кричал о

себе, шесть лет тому назад на публичном заседании наш пастор Удар припер его к стене.

— Ложь, ложь, пущенная еретиками!

— Как! Разве ты не знаешь, что во время прений крупные капли пота катились со лба Жирона на «Златоуст», который он держал в руках? По этому поводу один шутник написал такие стишки...

— Я не хочу их слушать! Не отравляй мой слух своими ересями! Бернар, милый Бернар, заклинаю тебя, не слушай всех этих приспешников сатаны, которые тебя обманывают и ведут в преисподнюю! Умоляю тебя, спаси свою душу и вернись в лоно нашей церкви!

И так как, несмотря на свои настояния, она уловила на губах своего любовника скептическую улыбку, она воскликнула:

— Если ты меня любишь, отрекись ради меня, ради любви ко мне от пагубных своих убеждений!

— Мне легче было бы, милая Диана, отречься ради тебя от жизни, чем от того, что разум мой считает истинной. Как ты хочешь, чтобы любовь заставила меня усомниться в том, что дважды два — четыре?

— Жестокий...

У Мержи был безошибочный способ прекращать подобного рода прения,— он к нему и прибег.

— Увы, милый Бернардо,— произнесла графиня томным голосом, когда рассвет принудил Мержи удалиться,— ради тебя я погублю свою душу, я ясно вижу, что не будет мне дано утешенья спасти тебя.

— Ну, полно, ангел мой. Отец Жирон даст нам великолепное отпущение *in articulo mortis*⁵⁶.

ХІХ

ФРАНЦИСКАНЕЦ

На следующий день после бракосочетания Маргариты с королем Наваррским капитан Жорж, согласно дворцовому приказу, покинул Париж и отправился к своему

⁵⁶ За мгновение до смерти.

отряду легкой кавалерии в Московский гарнизон. Брат простился с ним довольно весело, рассчитывая, что тот вернется раньше окончания празднеств, и охотно покорился необходимости остаться на несколько дней одному. Госпожа де Тюржи отнимала у него довольно много времени, так что несколько минут одиночества не страшили его. По ночам его никогда не было дома, а днем он спал.

В пятницу 22 августа 1572 года адмирал был ранен из мушкета неким негодяем по фамилии Морвель. Так как народная молва приписывала это подлое убийство герцогу Гизу, то этот вельможа на следующий же день покинул Париж как бы во избежание жалоб и угроз со стороны протестантов. Сначала король хотел, по-видимому, преследовать его со всей строгостью, однако отнюдь не воспротивился его возвращению, которое вскоре ознаменовалось ужасным избиением 24 августа.

Группа молодых всадников из протестантов, посетив адмирала, рассыпалась по улицам, намереваясь отыскать герцога Гиза или его друзей, чтобы при встрече затеять с ними ссору. Вначале все обошлось мирно. Толпа, испуганная их количеством или, может быть, приберегая свои силы для другого случая, хранила молчание при их проезде и, казалось, без особого волнения слушала, как они кричали: «Смерть убийцам господина адмирала! Долой гизовцев!»

За углом одной из улиц перед протестантской толпой неожиданно появилась дюжина молодых дворян из католиков и между ними много приближенных Гиза. Ожидали крупной ссоры, но ничего не произошло. Может быть, из благоразумия, может быть, потому, что католики действовали по точному предписанию,— но они не ответили на оскорбительные крики протестантов, а какой-то молодой человек приличного вида, шедший во главе их, приблизился к Мержи и, вежливо поклонившись, сказал ему дружеским тоном близкого человека.

— Здравствуйте, господин де Мержи. Вы, конечно, видели г-на де Шатильон? Как он себя чувствует? Схвачен ли убийца?

Оба отряда остановились. Мержи узнал барона де Водрейль, поклонился ему и ответил на заданные вопросы. Завязались во многих местах частные разговоры, и

так как они продолжались недолго, то противники разошлись без пререканий. Католики уступили дорогу, и каждый направился в свою сторону.

Барон де Водрейль несколько задержал Мержи, так что тот немного отстал от спутников. На прощанье Водрейль посмотрел внимательно на седло и сказал ему:

— Обратите внимание! Если я не ошибаюсь, у вашего кургузого ослабла подпруга. Будьте осторожней!

Мержи спешился и подтянул подпругу. Не успел он снова сесть в седло, как услышал, что за ним кто-то скачет крупным галопом. Он обернулся и увидел молодого человека, лицо которого было ему незнакомо, но который принадлежал к только что встреченной группе.

— Разрази меня бог! — произнес тот, приближаясь к нему, — я был бы в восторге встретиться один-на-один с кем-нибудь из тех, что сейчас кричали «Долой гизовцев».

— Вам не придется далеко ходить за этим, — ответил Мержи. — Чем могу служить?

— Не будете ли вы случайно из числа этих бездельников?

Мержи моментально обнажил шпагу и плашмя ударил по лицу этого друга гизов. Тот выхватил из-за луки пистолет и в упор выстрелил в Мержи. К счастью, вспыхнул только запал. Любовник Дианы ответил сильным ударом шпаги по голове врага, так что тот свалился с лошади, обливаясь кровью. Народ, остававшийся до сих пор невозмутимым зрителем, на этот раз принял сторону раненого. На молодого гугенота посыпались камни и палочные удары, и так как всякое сопротивление было бесполезно, то Мержи оставалось только хорошенько пришпорить лошадь и спастись бегством. Но на одном, слишком крутом повороте его лошадь упала и придавила его, так что он, хоть и не был ранен, все же не мог подняться достаточно быстро, и разъяренная толпа успела его окружить. Тогда он прислонился к стене и некоторое время отбивался от тех, кого мог достать своей шпагой. Но сильный удар палкой сломал лезвие его шпаги, его сбили с ног и разорвали бы на части, если бы какой-то францисканец, выскочивший из толпы, теснившейся вокруг Мержи, не закрыл его своим телом.

— Что делаете вы, дети мои? — закричал он. — Отпустите его; он совершенно не виновен!

— Он — гугенот! — в бешенстве завопили сотни голосов.

— Ну так что же? Дайте ему время раскаяться! Он еще может исправиться.

Люди, державшие Мержи, сейчас же его отпустили. Он поднялся, подобрал обломки своей шпаги и собрался дорого продать свою жизнь, если бы пришлось выдержать новый натиск.

— Оставьте жизнь этому человеку, — продолжал монах, — потерпите немного. Еще несколько дней — и гугеноты пойдут к обедне.

— Потерпеть, потерпеть! — повторило несколько голосов с неудовольствием. — Нам уже давно твердят, чтобы мы потерпели, а пока что каждое воскресенье, во время проповедей, их пение смущает добрых христиан.

— Ну что ж? Разве вы не знаете пословицы, — продолжал монах весело, — повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить. Пускай повоюют еще немного; скоро благодатию пресвятой богородицы августовской вы услышите, как они запойут мессу по-латыни. Что же касается этого молодого нехристя, отдайте его мне; я хочу привести его в христианскую веру. Ступайте себе и от желания скорее съесть жаркое не пережарьте его.

Толпа рассеялась, ворча, но не причинив никакой обиды Мержи. Ему даже вернули лошадь.

— В первый раз в жизни, отец мой, — сказал он, — с удовольствием смотрю на рясу вашего ордена. Поверьте моей благодарности и соблаговолите принять этот кошелек.

— Если он предназначен для бедных, молодой человек, я его беру. Имейте в виду, что я интересуюсь вами. Я знаком с вашим братом и вам желаю добра. Сегодня же переходите в католичество. Идемте со мной, и дело ваше будет сделано в одну минуту.

— Благодарю вас, отец мой. У меня нет никакого желания переходить в католичество. Но откуда вы меня знаете? Как вас зовут?

— Зовут меня брат Любен... и... плутишка, я вижу,

что вы частенько бродите вокруг одного дома... Тс! Теперь скажите, господин де Мержи, верите вы, что монах может делать добро?

— Я всем буду говорить о вашем великодушии, отец Любен.

— И вы не хотите переменить проповедь на мессу?

— Еще раз — нет. В церковь я буду ходить, только чтобы слышать ваши проповеди.

— Вы, по-видимому, человек со вкусом.

— И, сверх того, ваш большой поклонник.

— Ей богу, мне очень досадно, что вы хотите оставаться при своей ереси. Я вас предупредил, сделал, что мог. Будь, что будет. Что касается меня, то я умываю руки. Прощайте, мой мальчик.

— Прощайте, отец мой.

Мержи снова сел на лошадь и доехал до своего дома, немного разбитый, но очень довольный тем, что так дешево отделался от такой скверной истории.

XX

ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРИЯ

Вечером 24 августа отряд легкой кавалерии входил в Париж через Сент-Антуанские ворота. По сапогам и платью всадников, сплошь покрытым пылью, видно было, что они только что совершили длинный переход. Последние лучи умирающего дня освещали загорелые лица солдат; на этих лицах можно было прочесть смутное беспокойство, которое овладевает человеком при приближении какого-нибудь события, еще неведомого, но вызывающего зловещие предчувствия.

Отряд шагом направился к большому пустырю, простиравшемуся около прежнего Турнельского дворца. Там капитан приказал остановиться; затем послал дюжину людей под начальством корнета на разведку и сам расставил при входе в соседние улицы караулы, которым был дан приказ зажечь фитили, словно перед лицом неприятеля. Приняв эти необычные меры предосторожности, он вернулся и встал перед фронтом отряда.

— Сержант! — произнес он более жестко и повелительно, чем обычно.

Старый кавалерист, в шляпе с золотым галуном и с вышитой перевязью, почтительно приблизился к начальнику.

— Все ли всадники у нас снабжены фитилями?

— Так точно, капитан.

— Есть ли порох в пороховницах? Хватит ли пуль?

— Так точно, капитан.

— Хорошо! — Он пустил шагом свою кобылу вдоль фронта своего маленького отряда. Сержант следовал за ним на расстоянии одной лошади. Он заметил, что капитан не в духе, и не смел приблизиться к нему. Наконец, он набрался храбрости.

— Капитан, разрешите кавалеристам дать корм лошадям. Как вам известно, они с утра ничего не ели.

— Нет.

— Пригоршню овса,— это всего лишь одна минута.

— Чтоб ни одна лошадь не была разнуздана.

— Ведь сегодня ночью нам предстоит работа... как говорят, и это, может быть...

Офицер сделал нетерпеливое движение.

— Вернитесь на свой пост,— ответил он сухо. И двинулся дальше. Сержант вернулся в ряды солдат.

— Ну, как, сержант, правда? В чем дело? Что сказал капитан?

Сразу десятка два вопросов были заданы ему старыми солдатами, которые, благодаря своим заслугам и долгой совместной службе с сержантом, могли позволить себе по отношению к нему такую фамильярность.

— Ну, будет дело! — сказал сержант тоном человека, который знает больше, чем говорит.

— Как? Что?

— Не разнуздывать ни на миг... потому что, как знать, с минуты на минуту мы можем понадобится.

— Ага! Разве собираются драться? — спросил трубач.— А с кем будем драться, хотелось бы мне знать?

— С кем? — повторил вопрос сержант, чтобы дать себе время подумать.— Черт возьми, хорош вопрос! С кем же, по-твоему, драться, как не с врагами короля?

— Так-то так, но кто же эти враги короля? — продолжал упрямый трубач.

— Враги короля? Он не знает, кто враги короля! — И сержант с сожалением пожал плечами.

— Испанцы — враги короля, но они не могут потихоньку сюда явиться; их бы заметили, — вставил один из кавалеристов.

— Пустяки! — начал другой. — Я знаю много врагов короля, которые вовсе не испанцы.

— Бертран прав, — сказал сержант, — я знаю, кого он имеет в виду.

— Кого же?

— Гугенотов, — ответил Бертран. — Не надо быть колдуном, чтобы догадаться. Всем известно, что веру свою гугеноты взяли из Неметчины, а я хорошо знаю, что немцы — нам враги, потому что частенько стрелял в них из пистолета, особенно при Сен-Кантене, где они дрались, как черти.

— Все это прекрасно, — сказал трубач, — но ведь с гугенотами был заключен мир, и, помнится, много шума было по этому случаю.

— Доказательством, что они нам не враги, — сказал молодой кавалерист, одетый лучше, чем другие, — служит то, что во время войны, которую мы собираемся вести во Фландрии, командовать легкой конницей будет граф Ларошфуко; а кому не известно, что он — протестант! Дьявол меня побери, если он не кальвинист с головы до пят: шпоры у него à la Конде, шляпа у него à la гугенот.

— Заешь его чума! — воскликнул сержант. — Ты ничего не понимаешь, Мерлен. Тебя не было еще в полку, когда этот самый Ларошфуко командовал нами во время засады при Ла-Робре в Пуату. Мы все чуть не полегли там. Прековарный малый!

— Это он говорил, — прибавил Бертран, — что отряд рейтаров стоит большего, чем целый эскадрон легкой кавалерии. Я так же верно это знаю, как то, что эта лошадь — пегая. Мне передавал это паж королевы.

Среди слушателей слышались негодующие возгласы, но они сейчас же уступили место любопытству; всем хотелось узнать, против кого направлены военные приго-

товления и те чрезвычайные меры предосторожности, которые принимались у них на глазах.

— Правда ли, сержант,— спросил трубач,— что вчера пытались убить короля?

— Бьюсь об заклад, что тут замешаны эти... еретики.

— Хозяин гостиницы «Андреевский крест», где мы вчера завтракали, рассказывал, будто они хотят переделать весь церковный устав.

— Тогда все дни будут скоромными,— весьма философски заметил Мерлен,— кусок вареной солонины вместо чашки бобов. Тут еще нечему огорчаться!

— Да, но если гугеноты будут у власти, первым делом они расколошматят, как посуду, все отряды легкой кавалерии и на их место поставят своих собак, немецких рейтаров.

— Если так, то я охотно наломал бы им хвосты! Провалиться на этом месте. Я остаюсь католиком! Послушайте, Бертран, вы служили у протестантов; правда ли, что адмирал платит конным солдатам только по восьми су?

— Ни гроша больше, старый скряга! Потому-то после первого же похода я и бросил его.

— Здорово сегодня не в духе капитан,— заметил трубач.

— Всегда такой славный малый, с солдатом охотно разговаривает, сегодня рта не раскрыл за всю дорогу.

— Новости его не веселят,— ответил сержант.

— Какие новости?

— Наверное, насчет того, что хотят предпринять гугеноты.

— Гражданская война скоро опять начнется,— сказал Бертран.

— Тем лучше для нас,— сказал Мерлен, всегда смотревший на вещи с хорошей стороны,— можно будет драться, жечь деревни, баловаться с гугенотками.

— По всем видимостям, они хотят опять начать свое старое Амбуазское дело⁵⁷,— произнес сержант,— поэтому нас и вызвали. Мы живо наведем порядок.

В эту минуту вернулся корнет со своим отрядом; он

⁵⁷ Амбуазское дело — заговор в г. Амбуаз, направленный против вождей католической партии герцогов Гизов — Франциска и Шарля.

приблизился к капитану и стал ему тихонько докладывать, меж тем как солдаты, которые с ним ездили, смешались со своими товарищами.

— Черт возьми,— сказал один из солдат, ходивших на разведку,— не понять, что делается сегодня в Париже; на улицах мы ни одной кошки не встретили, а вместе с тем Бастилия набита войсками: пики швейцарцев торчат там, все равно как ржаные колосья.

— Не больше пяти сотен,— перебил другой.

— Верно то,— продолжал первый,— что гугеноты пытались убить короля и в драке великий герцог де Гиз собственноручно ранил адмирала.

— Так ему и надо, разбойнику! — воскликнул сержант.

— Я сам слышал,— продолжал кавалерист,— как швейцарцы на своем тарабарском языке толкуют, что во Франции слишком долго терпят еретиков.

— Правда, с некоторого времени они задрали нос,— сказал Мерлен.

— Можно подумать, что не мы, а они одержали победу при Жарнаке и Монконтуре, так они чванятся и хорохорятся!

— Они бы непрочь,— вставил трубач,— съесть окорок, а нам оставить кость.

— Пора, пора католикам задать им хорошую трепку!

— Взять хотя бы меня: «Сержант,— сказал бы мне король,— убей мне этих негодяев», так пусть меня разжалуют, если я заставлю повторить себе это два раза.

— Бель-Роз, расскажи-ка нам, что делал наш корнет? — спросил Мерлен.

— Он поговорил с каким-то швейцарцем вроде офицера, но я не мог расслышать, что они говорили. Должно быть, что-нибудь интересное, потому что корнет каждую минуту восклицал: «ах, боже мой! ах, боже мой!»

— Смотрите-ка, к нам скачут конные,— верно везут приказ.

— Их только двое.

Капитан и корнет отправились навстречу.

Двое всадников быстро приближались к отряду легкой кавалерии. Один из них, богато одетый, в шляпе, покрытой перьями, с зеленой перевязью, ехал на боевом

коне. Спутником его был толстый, коротенький, коренастый человек, одетый в черное платье и с большим деревянным распятием в руках.

— Наверняка будет драка,— заметил сержант,— вон и священника послали, чтобы исповедывать раненых.

— Не очень-то принято драться натошак,— проворчал Мерлен.

Всадники замедлили ход и, подъехав к капитану, без труда остановили своих лошадей.

— Целую руку г-ну де Мержи,— произнес человек с зеленой перевязью.— Узнает ли он своего покорного слугу Тома де Морвель?

Капитану еще не было известно новое преступление Морвеля, он знал его только как убийцу храброго де Муи. Он ответил крайне сухо:

— Я не знаю никакого г-на де Морвель. Я предполагаю, что вы пожаловали сюда, чтоб объяснить нам, в конце концов, зачем нас сюда вызвали.

— Дело идет, сударь, о спасении нашего доброго короля и нашей святой веры от опасности, грозящей им.

— Какая же это опасность? — спросил Жорж презрительно.

— Гугеноты составили заговор против его величества. Но их преступный замысел был вовремя открыт, благодарение богу, и все верные христиане должны соединиться сегодня ночью, чтобы истребить их во время сна.

— Как были истреблены мадианитяне Гедеоном⁵⁸, мужем силы,— добавил человек в черном платье.

— Что я слышу? — воскликнул де Мержи, затрепетав от ужаса.

— Горожане вооружены,— продолжал Морвель,— в городе находится французская гвардия и три тысячи швейцарцев. У нас около шестидесяти тысяч человек; в одиннадцать часов будет дан сигнал, и дело начнется.

— Презренный разбойник! Что за гнусную клевету ты изрыгаешь? Король не предписывает убийств... самое большее, он за них платит.

Но при этих словах Жорж вспомнил о странном раз-

⁵⁸ Гедеон — пятый судья еврейского народа, разбивший мадианитян,— народ арабского происхождения, живший на западе от Мертвого моря.

говоре, который он имел с королем несколько дней тому назад.

— Не горячитесь, господин капитан; если бы все мои заботы не были отданы на службу короля, я бы ответил на ваши оскорбления. Слушайте: от имени его величества я требую, чтобы вы и ваш отряд последовали за мною. Нам поручены Сент-Антуанский и прилегающие к нему кварталы. Я привез вам подробный список лиц, которых мы должны истребить. Преподобный отец Мальбуш даст вашим солдатам наставление и снабдит их белыми крестами, какие будут у всех католиков, чтобы в темноте нельзя было спутать католика с еретиком.

— Чтобы я дал согласие на убийство спящих людей?

— Католик вы или нет и признаете ли вы Карла IX своим королем? Известна ли вам подпись маршала де Ретц, которому вы обязаны повиноваться?

Тут он вынул из-за пояса бумагу и передал ее капитану.

Мержи подозвал одного из всадников и при свете соломенного факела, зажженного о фитиль аркебузы, прочел форменный приказ, предписывающий по повелению короля капитану де Мержи оказать вооруженную помощь французской гвардии и отдать себя в распоряжение г-на де Морвель для дела, которое объяснит ему вышеуказанный Морвель. К приказу был приложен список имен с таким заголовком: Список еретиков, подлежащих умерщвлению в Сент-Антуанском квартале.

При свете факела, горящего в руке солдата, всем кавалеристам было видно, какое глубокое впечатление произвел на их начальника этот приказ, о существовании которого он до тех пор ничего не знал.

— Никогда мои кавалеристы не согласятся сделаться убийцами,— произнес Жорж, бросая бумагу в лицо Морвелю.

— Разговор идет не об убийстве,— холодно заметил священник,— речь идет об еретиках и о справедливом возмездии.

— Ребята! — закричал Морвель, повысив голос и обращаясь к солдатам,— гугеноты хотят убить короля и истребить католиков,— но мы опередим их. Сегодня

ночью, пока они спят, мы их всех перебьем; король отдает вам их дома на разграбление.

Крик дикой радости пронесся по всем рядам.

— Да здравствует король! Смерть гугенотам!

— Смирно! — закричал громовым голосом капитан. — Здесь я один имею право отдавать приказания. Друзья, то, что говорит этот подлец, не может быть правдой. И даже, если бы король и отдал такое приказание, никогда мои кавалеристы не согласятся убивать беззащитных людей.

Солдаты молчали.

— Да здравствует король! Смерть гугенотам! — разом закричали Морвель и его спутник. И солдаты повторили за ними:

— Да здравствует король! Смерть гугенотам!

— Ну как же, капитан, будете ли вы повиноваться? — произнес Морвель.

— Я больше не капитан! — воскликнул Жорж. И он сорвал с себя нагрудный знак и перевязь — знаки своего чина.

— Хватайте этого изменника! — закричал Морвель, обнажая шпагу. — Убейте этого бунтовщика, который не повинуется своему королю!

Но ни у одного солдата не поднялась рука на своего начальника... Жорж выбил шпагу из рук Морвеля, но вместо того, чтобы пронзить его своей, он с такой силой ударил его рукояткой по лицу, что тот свалился с лошади.

— Прощайте, трусы! — сказал он своему отряду. — Я думал, что у меня солдаты, а, оказывается, у меня были только убийцы! — Потом обернулся к корнету: — Вот, Альфонс, если хотите, прекрасный случай сделаться капитаном! Станьте во главе этих бандитов.

С этими словами он прищпорил лошадь и галопом помчался по направлению к внутренней части города. Корнет двинулся было за ним, но вскоре замедлил ход, пустил лошадь шагом, наконец, остановился, повернул обратно и возвратился к своему отряду, рассудив, без сомнения, что совет капитана, хотя и данный в минуту гнева, все же не перестает быть хорошим советом.

Морвель, еще не совсем оправившись от полученного

удара, снова сел на лошадь, чертыхаясь, а монах, подняв распятие, наставлял солдат не щадить ни одного гугенота и потопить ересь в потоке крови.

Упреки капитана на минуту остановили солдат, но, увидя, что они освободились от его присутствия, и предвкушая знатный грабеж, они взмахнули саблями и поклялись исполнить все, что бы ни приказал им Морвель.

XXI

ПОСЛЕДНЕЕ УСИЛИЕ

В тот же вечер, в обычный час, Мержи вышел из дома и хорошенько закутавшись в плащ, цветом не отличавшийся от стен, надвинув шляпу на глаза, с надлежащей осторожностью направился к дому графини. Не успел он сделать несколько шагов, как встретился с хирургом Амбруазом Паре, с которым был знаком, так как тот лечил его, когда Мержи лежал раненым. Паре, вероятно, шел из особняка Шатильона, и Мержи, назвав себя, осведомился об адмирале.

— Ему лучше,— ответил хирург,— рана в хорошем состоянии, и больной крепок здоровьем. С помощью божьей он поправится. Надеюсь, что прописанное мною питье будет целительно, и он проведет ночь спокойно.

Какой-то человек из простонародья, проходя мимо них, услышал, что они говорят об адмирале. Когда он отошел достаточно далеко, так, что мог быть наглым, без боязни навлечь на себя наказание, он крикнул: «Попляшет уж скоро на виселице ваш чертов адмирал! — и бросился со всех ног бежать.

— Несчастливая каналья! — произнес Мержи.— Меня берет досада, что наш великий адмирал принужден жить в городе, где столько людей относится к нему враждебно.

— К счастью, его дворец под хорошей охраной,— ответил хирург.— Когда я выходил от него, все лестницы были полны солдат, и у них даже фитили на ружьях были зажжены. Ах, господин де Мержи, здешний народ нас не любит... Но уже поздно, и мне нужно возвращаться в Лувр.

Они расстались, пожелав друг другу доброго вечера, и Мержи продолжал свою дорогу, предавшись розовым мечтам, которые скоро заставили его позабыть адмирала и ненависть католиков.

Однако он не мог не заметить необычайного движения на парижских улицах, обычно с наступлением ночи мало оживленных. То ему встречались крючники, несшие на плечах тяжести странной формы, которые он в темноте готов был принять за связки пик, то мимо него проходили молча небольшие отряды солдат, с ружьями на плече, с зажженными фитилями; кое-где стремительно открывались окна, на минуту в них показывались какие-то фигуры со свечами в руках и сейчас же исчезали.

— Эй,— крикнул он какому-то крючнику,— дяденька, куда это вы несете вооружение так поздно ночью?

— В Лувр, сударь,— для сегодняшнего ночного развлечения.

— Друг мой,— обратился Мержи к какому-то сержанту, шедшему во главе патруля,— куда это вы идете вооруженными?

— В Лувр, ваше благородие,— для сегодняшнего ночного развлечения.

— Эй, паж, разве вы не из королевского дворца? Куда же вы ведете со своими товарищами этих лошадей в боевой сбруе?

— В Лувр, ваше благородие,— для сегодняшнего ночного развлечения.

«Сегодняшнего ночного развлечения!» — повторил про себя Мержи.— Кажется, все, кроме меня, понимают, в чем дело. В конце концов, мне-то что? Король может и без меня развлекаться, мне не особенно интересно смотреть на его развлечения.

Немного далее он заметил плохо одетого человека, который останавливался перед некоторыми домами и мелом отмечал двери белым крестом.

— Дядя, вы — фурьер⁵⁹, что ли, что отмечаете квартиры?

Незнакомец исчез, ничего не ответив.

На повороте улицы, где жила графиня, он чуть было

⁵⁹ Фурьер — сборщик провианта и фуража для армии.

не столкнулся с человеком, закутанным, как и он, в широкий плащ. Человек этот огибал тот же угол улицы, но в противоположном направлении. Несмотря на темноту и на то, что каждый из них старался пройти незамеченным, они тотчас же узнали друг друга.

— А, добрый вечер, господин де Бевиль,— произнес Мержи, протягивая ему руку.

Чтобы подать ему правую руку, Бевиль сделал странное движение под плащом; он переложил из правой руки в левую какой-то тяжелый предмет. Плащ немного приоткрылся.

— Привет доблестному бойцу, баловню красавиц! — воскликнул Бевиль.— Бьюсь об заклад, что мой благородный друг отправляется на счастливое свидание!

— А вы сами, сударь?.. По-видимому, мужья не очень дружелюбно на вас посматривают, так как, если не ошибаюсь, у вас на плечах кольчуга, а то, что вы несете под плащом, ужасно похоже на пистолеты.

— Нужно быть осторожным, г-н Бернар, крайне осторожным.— При этих словах он тщательно поправил свой плащ так, чтобы скрыть оружие, которое было на нем.

— Я бесконечно сожалею, что сегодня вечером не могу предложить вам свои услуги и шпагу, чтобы охранять улицу и нести караул у дверей вашей возлюбленной. Сегодня для меня это невозможно, но при всяком другом случае благоволите располагать мною.

— Сегодня вам со мною не по пути, г-н де Мержи.— Эти немногие слова сопровождались странной улыбкой.

— Ну, удачи! Прощайте!

— Вам я тоже желаю удачи! — В манере, с какой он произнес эти прощальные слова, была некоторая подчеркнутость.

Они разошлись, и Мержи уже отошел на несколько шагов, как вдруг услышал, что Бевиль его окликает. Он обернулся и увидел, что тот к нему возвращается.

— Ваш брат в Париже?

— Нет. Но я жду его со дня на день. Да, кстати, вы участвуете в сегодняшнем ночном развлечении?

— В развлечении?

— Да. Повсюду носятся слухи, что сегодня ночью при дворе будет какое-то развлечение.

Бевиль что-то пробормотал сквозь зубы.

— Еще раз, прощайте! — сказал Мержи. — Я немного тороплюсь и... Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Послушайте, послушайте, еще одно слово! Я не могу оставить вас, не дав вам дружеского совета.

— Какого совета?

— Не ходите к ней сегодня вечером! Поверьте мне: завтра вы будете меня благодарить.

— В этом и заключается ваш совет? Но я вас не понимаю. Кто это — она?

— Полноте, мы понимаем друг друга. Если вы благоразумны, переправьтесь сегодня же вечером на тот берег Сены.

— За этими словами скрывается какая-нибудь шутка?

— Нисколько. Я говорю серьезнее, чем когда бы то ни было. Повторяю: переправьтесь через Сену. Если дьявол не дает вам покоя, идите к монастырю якобитов на улице св. Якова. Пройдя монастырь и миновав еще двое ворот, вы увидите большое деревянное распятие, прибитое к дому довольно убогого вида. Вывеска довольно странная, но это ничего не значит. Вы постучите и найдете весьма услужливую старушку, которая из уважения ко мне примет вас очень хорошо... Перенесите вашу ненасытность на тот берег Сены. У тетушки Брюлар племянницы — миленькие и хорошенькие. Понимаете?

— Вы слишком добры, покорнейше благодарю.

— Нет, право. Последуйте моему совету. Честное слово дворянина, это будет вам на пользу.

— Благодарю вас. Я воспользуюсь вашим предложением как-нибудь в другой раз. Сегодня меня ждут. — И Мержи двинулся вперед.

— Переезжайте через Сену, это мое последнее слово! Если с вами случится несчастье из-за того, что вы не послушались моего совета, я умываю руки.

Мержи поразила непривычная серьезность, с которой говорил Бевиль. На этот раз Мержи его окликнул:

— Какого черта все это значит? Объясните мне, господин де Бевиль, перестаньте говорить загадками.

— Дорогой мой, я, быть может, не должен был бы говорить вам так ясно, но переправьтесь за реку до наступления полуночи и прощайте.

— Но...

Бевиль был уже далеко. Мержи с минуту догонял его, но вскоре, устыдясь, что теряет время, которое можно было использовать гораздо лучше, вернулся и дошел до сада, куда ему нужно было войти. Ему пришлось прогуляться несколько раз взад и вперед, чтобы переждать, пока не будет прохожих. Он боялся — не показалось бы кому-либо странным, что он, в такое позднее время, входит через садовую калитку. Ночь была прекрасной, тихий ветерок умерял ее теплоту, луна то показывалась, то исчезала среди легких белых облачков. Эта ночь была создана для любви.

На минуту улица оказалась пустынной; он сейчас же открыл калитку и без шума запер ее за собою. Сердце билось у него сильно, но думал он только о наслаждениях, которые ждали его у Дианы, а зловещие мысли, зародившиеся в его душе под влиянием странных слов Бевиля, были теперь далеко.

Он на цыпочках подошел к дому. В полуоткрытом окне за красной занавеской горела лампа; то был условный знак. Во мгновение ока он очутился в комнате своей любовницы.

Она полулежала на очень низком диване, обитом темно-синим атласом. Ее длинные черные волосы в беспорядке рассыпались по подушке, к которой она прислонилась головою. Глаза у нее были закрыты, и, казалось, она с трудом удерживала их в этом положении. Единственная серебряная лампа, подвешенная к потолку, освещала покой и весь свой свет направляла на бледное лицо и пламенные губы Дианы де Тюржи. Как только раздался скрип сапог Мержи по ковру, она подняла голову, открыла глаза и рот, задрожала и с трудом подавила крик ужаса.

— Я тебя испугал, мой ангел? — спросил Мержи, становясь на колени перед нею и наклоняясь к подушке, на которую прекрасная графиня снова уронила свою голову.

— Наконец-то ты! Слава богу!

— Я заставил тебя ждать? Еще далеко нет полночи.

— Ах, оставьте меня... Бернар... Никто не видел, как вы входили?

— Никто... Но что с тобой, любовь моя? Почему эти прелестные губки отворачиваются от меня?

— Ах, Бернар... если бы ты знал! О, прошу тебя не мучь меня! Я ужасно страдаю... У меня адская мигрень... бедная голова горит, как в огне.

— Бедняжка!

— Сядь около меня... и, пожалуйста, не проси меня сегодня ни о чем... я совсем больна! — Она зарылась лицом в подушки дивана, и у нее вырвался жалобный стон. Потом вдруг она приподнялась на локте, отбросив густые волосы, покрывшие её лицо, и, схватив руку Мержи, положила ее себе на висок. Он почувствовал, как сильно бьется кровь.

— У тебя холодная рука, мне от нее легче, — произнесла она.

— Милая Диана, как бы я хотел, чтоб у меня была мигрень вместо тебя! — сказал он, целуя ее горячий лоб.

— Ах, да... и я хотела бы... Приложи кончики своих пальцев к моим векам, это меня облегчит. Мне кажется, что, если бы я заплакала, я не так бы мучилась.

Наступило продолжительное молчание, нарушаемое только неровным и затрудненным дыханием графини. Мержи, на коленях около дивана, нежно поглаживал и изредка целовал закрытые веки своей прекрасной Дианы. Лево́й рукой он опирался на подушку; пальцы его возлюбленной, сплетенные с его пальцами, сжимали их время от времени каким-то судорожным движением. Дыхание Дианы, нежное и горячее в то же время, страстно щекотало губы Мержи.

— Дорогая моя, — сказал он, наконец, — мне кажется, что тебя мучит нечто большее, чем мигрень. Может быть, ты чем-нибудь огорчена? Почему ты мне не скажешь об этом? Разве ты не знаешь, что мы любим друг друга для того, чтобы делить не только наслаждения, но и страдания?

Графиня покачала головою, не открывая глаз. Ее губы зашевелились, но не издали отдельного звука, потом, как бы истощенная этим усилием, она снова уронила голову на плечо Мержи. В эту минуту на часах про-

было половина двенадцатого. Диана вздрогнула, и, вся трепеща, поднялась на постели.

— Право же, вы меня пугаете, дорогая моя!

— Ничего... еще ничего,— произнесла она глухим голосом.— Ужасный бой у этих часов! С каждым ударом как будто раскаленное железо входит мне в голову!

Мержи не нашел лучшего лекарства и лучшего ответа, как поцеловать склонившийся к нему лоб. Вдруг она вытянула руки, положила их на плечи возлюбленному и, продолжая находиться в полулежачем положении, уставилась на него блестящими глазами, которые, казалось, готовы были его пронзить.

— Бернар,— сказала она,— когда ты обратишься в католичество?

— Милый ангел, не будем говорить об этом сегодня: тебе от этого будет хуже.

— Я больна от твоего упрямства... но тебе до этого нет дела! К тому же время не терпит; я и на смертном одре, до последнего моего дыхания не переставала бы увещевать тебя.

Мержи хотел закрыть ей рот поцелуем. Довод этот довольно хороший и может служить ответом на все вопросы, которые любовнику может задать его возлюбленная. Но Диана, которая обычно шла ему навстречу, на этот раз с силою и почти с негодованием оттолкнула его.

— Послушайте, господин де Мержи, я все дни плачу кровавыми слезами при мысли о вас и вашем заблуждении. Вы знаете, люблю ли я вас. Судите сами, каковы должны быть мои страдания, когда я подумаю, что тот, кто для меня дороже жизни, может в любую минуту погибнуть душой и телом.

— Диана, вы знаете, что мы условились больше не говорить на эту тему.

— Следует говорить об этом, несчастный! Кто знает, остался ли тебе еще хотя бы час, чтобы покаяться?

Необыкновенная интонация ее голоса и странные фразы невольно напомнили Мержи необычные предупреждения, только что полученные им от Бевиля. Помимо воли он был взволнован этим, но сдержался и приписал это усиление проповеднического жара исключительно ее благочестию.

— Что вы хотите сказать, дорогая моя? Или вы думаете, что потолок сейчас упадет мне на голову нарочно, чтобы убить гугенота, как прошлой ночью на нас упал ваш полог? Тогда, к счастью, мы отделались только небольшим облаком пыли.

— Ваше упрямство приводит меня в отчаянье! Послушайте, мне приснилось, что ваши враги собираются убить вас; я видела, что, весь в крови, раздираемый их руками, вы испустили последнее дыхание, раньше чем я успела привести к вам своего духовника.

— Мои враги? По-моему, у меня их нет.

— Безумец! Разве вам не враги все, кто ненавидит вашу ересь? Разве это не вся Франция? Да, все французы должны быть вашими врагами, пока вы остаетесь врагом господ бога и церкви.

— Оставим это, моя королева! Что касается ваших сновидений, обратитесь за толкованием их к старой Камилле, я в этом ничего не понимаю. Поговорим о чем-нибудь другом. Вы, кажется, были сегодня при дворе, там, вероятно, вы и схватили эту мигрень, которая вам причиняет такие страдания, а меня выводит из себя.

— Да, я вернулась оттуда, Бернар. Я видела королеву и вышла от нее... с твердым решением сделать последнюю попытку заставить вас переменить... Это надо сделать, это непременно надо сделать!

— Мне кажется,— прервал ее Бернар,— мне кажется, моя дорогая, что раз, несмотря на ваше нездоровье, у вас хватает силы проповедывать с таким пылом,— с вашего позволения, мы могли бы провести время еще приятнее.

Она встретила эту шутку пренебрежительным и разгневанным взглядом.

— Отверженный! — сказала она вполголоса, будто самой себе.— О, почему я перед ним такая слабая? — Затем продолжала более громким голосом: — Я вижу ясно, что вы меня не любите и цените меня не более, чем какую-нибудь лошадь! Только бы я служила для вашего наслаждения, а что за дело до того, что у меня сердце разрывается от муки... Ведь только ради вас, ради вас одного я переношу угрызения совести, в сравнении с которыми все муки, что может выдумать человеческая

ярость, — ничто! Одно слово, слетевшее с ваших уст, могло бы вернуть мир моей душе; но слова этого вы никогда не произнесете. Вы не захотите пожертвовать ради меня ни одним из ваших предрассудков.

— Диана, дорогая, за что такая немилость. Будьте справедливы, вернее — не будьте ослеплены вашим религиозным рвением. Ответьте мне: найдете ли вы другого раба, более покорного, чем я, во всем, что касается моих поступков и мыслей? Но нужно ли вам повторять, что я могу скорее умереть за вас, чем принять вашу веру!

Она пожимала плечами, слушая его и смотря на него с чувством, доходившим почти до ненависти.

— Я не могу, — продолжал он, — ради вас сделать так, чтобы мои темнорусые волосы стали светлыми. Я не могу для вашего удовольствия изменить форму своего телосложения. Вера моя — часть моего тела, и оторвать ее от меня можно только вместе с жизнью. Пусть мне хоть двадцать лет читают проповеди, — все равно меня не заставят верить, что кусочек пресного хлеба...

— Замолчи! — прервала она его повелительно. — Не кощунствуй! Я все испробовала, — и все безуспешно! Все вы, зараженные ядом ереси, народ крепкоголовый, ваши глаза и уши закрыты для истины, вы боитесь видеть и слышать! Но вот пришло время, когда вы не будете больше ни слышать, ни видеть... Существует одно средство уничтожить эту язву церкви, и средство это будет применено.

Она сделала несколько шагов по комнате с взволнованным видом и продолжала:

— Меньше чем через час отсекут все семь голов еретической гидры! Мечи отточены и сыны церкви готовы! Нечестивцы исчезнут с лица земли!

Затем, вытянув палец в направлении часов, стоявших в углу комнаты, она сказала:

— Смотри, у тебя есть еще четверть часа, чтобы покаяться! Когда стрелка дойдет до этой точки, судьба твоя будет решена!

Она еще не кончила, как донесся глухой шум, похожий на гул толпы, волнующейся вокруг большого пожара, сначала смутный, он, казалось, быстро увеличивался;

спустя несколько минут вдали уже можно было различить звон колоколов и залпы огнестрельного оружия.

— Что за ужасы вы возвещаете? — воскликнул Мержи.

Графиня бросилась к окну и распахнула его.

Тогда шум, не задерживаемый больше стеклами и занавесями, донесся более отчетливо. Казалось, можно было разобрать крики скорби и радостный вой. Красноватый дым подымался к небу и взвивался над всеми частями города, насколько это было доступно зрению. Его можно было бы принять за огромный пожар, если бы комнату сейчас же не наполнил запах смолы, который мог исходить только от тысячи зажженных факелов. В то же время огонь от залпа, произведенного, казалось, на ближайшей улице, на минуту осветил стекла соседнего дома.

— Резня началась! — воскликнула графиня, в ужасе схватившись за голову.

— Какая резня? Что вы хотите сказать?

— Сегодня в ночь режут всех гугенотов; так приказал король! Все католики взяли за оружие, и ни один еретик не будет пощажен! Церковь и Франция спасены, но ты погиб, если не отречешься от своей ложной веры!

Мержи почувствовал, как холодный пот покрыл все его тело. Он блуждающими глазами смотрел на Диану де Тюржи, чьи черты выражали странное соединение отчаяния и торжества. Ужасающий грохот, поражавший его слух и наполнявший весь город, достаточно ясно подтверждал справедливость страшной новости, которую он только что услышал. Несколько мгновений графиня стояла неподвижно, молча устремив на него взоры; только пальцем, указывающим на окно, казалось, хотела она возбудить воображение Мержи, чтобы оно нарисовало ему кровавые сцены, которые можно было себе представить по этим людоедским крикам и освещению. Мало-помалу выражение лица ее смягчилось, дикая радость исчезла, остался ужас. Наконец, упав на колени, она вскричала умоляющим голосом:

— Бернар, заклинаю тебя, спаси свою жизнь, обратись в католичество! Спаси свою жизнь и мою, которая зависит от твоей!

Мержи бросил на нее дикий взгляд, а она, не вста-

вая с колен, следовала за ним, протянув руки. Не отвечая на ее мольбы, он побежал в глубь комнаты, где схватил свою шпагу, оставленную на кресле.

— Несчастный, что же ты собираешься сделать? — воскликнула графиня, подбегая к нему.

— Защищаться! Меня не зарежут, как барана!

— Безумный, тысячи шпаг не спасли бы тебя! Весь город под оружием. Королевская гвардия, швейцарцы, горожане, народ — все принимают участие в избиении, и нет ни одного гугенота, к груди которого в настоящую минуту не было бы приставлено до десятка кинжалов. Осталось только одно средство избавиться от смерти — сделайся католиком!

Мержи был храбр, но, думая об опасностях, которые, по-видимому, предвещала эта ночь, он на минуту почувствовал, как подлый страх шевельнулся в глубине его души; мысль спасти себя отречением от своей веры мелькнула у него в уме с быстротою молнии.

— Я отвечаю за твою жизнь, если ты сделаешься католиком, — сказала Диана, сложив руки.

«Если я отрекусь, — подумал Мержи, — я буду презирать себя всю жизнь». Одной этой мысли было достаточно, чтобы храбрость вернулась к нему и еще удвоилась чувством стыда за минуту слабости. Он нахлобучил свою шляпу, застегнул портупею и, обмотав плащ вокруг левой руки вместо щита, с решительным видом двинулся к двери.

— Куда ты идешь, несчастный?

— На улицу! Я не хочу огорчать вас тем, что меня зарежут в вашем доме, у вас на глазах.

В голосе прозвучало такое презрение, что графиня была подавлена. Она загородила ему дорогу. Он грубо оттолкнул ее. Но она ухватилась за полу его камзола и на коленях поволоклась за ним.

— Оставьте меня! — закричал он. — Что же, вы хотите сами предать меня кинжалам убийц? Любовница гугенота может еще искупить свои грехи, принеся в жертву своему богу кровь возлюбленного.

— Остановись, Бернар, умоляю тебя! Одно мое желание — чтобы ты спасся! Пощади свою жизнь для меня, милый! Спаси себя во имя нашей любви... Согласись про-

изнести одно лишь слово — и, я клянусь тебе, ты будешь спасен!

— Как? Мне принять религию убийц и разбойников! Святые мученики, я иду, чтобы присоединиться к вам!

Он так порывисто вырвался из рук графини, что та сразмаху упала на пол. Он хотел уже открыть выходную дверь, как вдруг Диана, вскочив с проворством тигрицы, бросилась на него и сжала его в своих объятиях крепче сильного мужчины.

— Бернар! — вскричала она вне себя, со слезами на глазах, — таким я люблю тебя больше, чем если бы ты сделался католиком! — и, увлекши его к дивану, она упала вместе с ним, покрывая его поцелуями и обливая слезами.

— Остайся здесь, любовь моя единственная, остайся со мною, храбрый мой Бернар! — говорила она, сжимая его и обвивая своим телом, как змея обвивает добычу. — Здесь, в моих объятиях, они не будут искать тебя; им придется убить меня, чтобы добраться до твоей груди! Прости меня, мой милый; я не могла заранее предупредить тебя о грозящей опасности. Я была связана страшной клятвой. Но я спасу тебя, или погибну вместе с тобою!

В эту минуту во входную дверь громко постучали. Графиня пронзительно вскрикнула, а Мержи, освободясь от ее объятий, не снимая плаща с левой руки, почувствовал в себе столько силы и решимости, что, не задумавшись, бросился бы очертя голову на сотню убийц, если бы они перед ним явились.

В Париже почти во всех входных дверях домов были сделаны маленькие квадратные отверстия с очень мелкой железной решеткой, чтобы обитатели дома могли раньше удостовериться, вполне ли безопасно для них открыть двери. Часто даже тяжелые дубовые двери, снабженные большими гвоздями и железной обивкой, не казались достаточно благонадежными для осторожных людей, которые не хотели сдаваться иначе, как после правильной осады, поэтому с обеих сторон дверей делались узкие бойницы, из которых, не будучи замеченным, осажденный мог сколько угодно подстреливать осаждающих.

Старый верный конюший графини, исследовав через

такую решетку, что за личность находится у дверей, и подвергнув ее опросу, вернулся и доложил своей хозяйке, что капитан Жорж де Мержи действительно просит впустить его. Страх прошел, и дверь была открыта.

XXII

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ АВГУСТА

Покинув свой отряд, капитан Жорж поспешил к себе домой, надеясь найти там брата, но тот уже вышел из дома, сказав прислуге, что уходит на всю ночь. Из этого Жорж без труда сделал заключение, что он находится у графини, и поторопился отыскать его там. Но избиение уже началось; беспорядок, толпы убийц, цепи, протянутые через улицы, останавливали его на каждом шагу. Ему пришлось идти мимо Лувра, где бойня разыгралась с наибольшей яростью. В этом квартале жило большое количество протестантов, и теперь он был запружен горожанами из католиков и гвардейскими солдатами с огнем и мечом в руках. Там-то, по энергичному выражению одного из тогдашних писателей, «кровь лилась со всех сторон, ища стока к реке», и нельзя было перейти через улицу, не рискуя в любую минуту быть раздавленным трупами, выбрасываемыми из окон.

Из адской предусмотрительности большинство лодок, стоявших обычно вдоль Лувра, были отведены на другой берег, так что многим из беглецов, что метались по набережной Сены, надеясь сесть в лодку и избежать вражеских ударов, оставался выбор между водою и бердышами преследовавших их солдат. А в это время Карл IX, по словам того же писателя, вооружившись длинным мушкетом, подстреливал несчастных, как дичь, из окна своего дворца.

Капитан продолжал свой путь, шагая через трупы, весь забрызганный кровью, на каждом шагу рискуя тем, что какой-нибудь убийца по ошибке уложит и его. Он заметил, что у всех солдат и горожан были белые перевязи на руке и белые кресты на шляпах. Он легко мог бы надеть эти отличительные знаки, но ужас, внушаемый

ему убийцами, распространялся даже и на эти условные признаки, по которым они узнавали друг друга.

На берегу реки, около Шатле, он услышал, что его кто-то окликает. Он повернул голову и увидел человека, до зубов вооруженного, но который, по-видимому, не пускал в ход своего оружия, хотя у него и был белый крест на шляпе. Он, как ни в чем не бывало, вертел в руке какой-то клочок бумаги. Это был Бевиль. Он равнодушно смотрел, как через мост Менье сбрасывали в Сену трупы и живых людей.

— Какого черта ты тут делаешь, Жорж? Чудо или благодать вдохнули в тебя такое похвальное рвение? Вид у тебя такой, словно ты охотишься на гугенотов.

— А сам ты что делаешь среди этих негодяев?

— Я? Черт возьми, я смотрю: ведь это — зрелище! — А знаешь, какую я славную штуку учинил? Ты знаешь хорошо старика Мишеля Корнабона, ростовщика-гугенота, что так меня обобрал?

— Несчастный, ты его убил?

— Я? Фи! Я не вмешиваюсь в дела веры. Я его не только не убил, но спрятал у себя в подвале, а он дал мне расписку в получении всего долга полностью. Так что я совершил доброе дело и получил за него награду. Положим, для того чтобы он дал мне эту расписку, я два раза приставлял ему к голове пистолет, но, черт меня побери, я бы ни за что не выстрелил... Смотрите-ка, женщина зацепилась юбками за балку моста... Упадет... Нет, не упадет. Черт! Это любопытно, стоит посмотреть поближе!

Жорж ушел от него. Хватаясь за голову, он говорил себе: «И это — один из самых порядочных людей в Париже?!»

Он свернул на улицу Сен-Жосс, она была безлюдна и не освещена: очевидно среди живущих там не было ни одного реформата. Зато здесь отчетливо слышен был шум, доносившийся из соседних улиц. Вдруг белые стены осветились красным огнем факелов. Он услышал пронзительные крики и увидел какую-то женщину, полуголую, с распущенными волосами и с ребенком на руках. Она мчалась со сверхъестественной быстротой. За ней бежало двое мужчин, подбадривая один другого гиканьем,

как будто они охотились за диким зверем. Женщина уже хотела было броситься в какой-то открытый проход, как вдруг один из преследователей выстрелил в нее из аркебузы, которой был вооружен. Выстрел попал ей в спину, и она упала навзничь, но сейчас же поднялась, сделала шаг к Жоржу и снова упала на колени; затем, в последнем усилии, подняла своего ребенка и протянула капитану, словно поручая дитя его великодушию. Не произнеся ни слова, она умерла.

— Еще одна еретическая сука издохла! — воскликнул человек, выстреливший из аркебузы. — Я не успокоюсь, пока не уложу их дюжину.

— Подлец! — воскликнул капитан и в упор выстрелил в него из пистолета.

Негодяй стукнулся головой об стену, ужасно выкатил глаза и, скользя всем телом на пятках, словно плохо приставленная доска, скатился и вытянулся на земле мертвым.

— Как? Убивать католиков? — воскликнул товарищ убитого, у которого в одной руке был факел, в другой — окровавленная шпага. — Кто вы такой? Господи боже, да вы же из королевской легкой кавалерии! Черт возьми, ваше благородие, вы обознались!

Капитан вынул из-за пояса второй пистолет и взвел курок. Движение это и легкий звук взводимого курка были прекрасно поняты. Погромщик бросил свой факел и пустился бежать со всех ног. Жорж не удостоил его выстрела. Он наклонился, ощупал женщину, лежавшую на земле, и убедился, что она мертва. Пуля прошла навывлет. Ребенок, обвив ее шею руками, кричал и плакал; он был покрыт кровью, но каким-то чудом не был ранен. Капитан с некоторым усилием оторвал его от матери, за которую тот изо всех сил уцепился, потом закутал в свой плащ. Эта встреча научила его осторожности: он поднял шляпу убитого, снял с нее белый крест и нацепил на свою. Так он добрался, не будучи никем задержан, до дома графини.

Братья упали друг другу в объятия и некоторое время оставались так, тесно обнявшись, не будучи в состоянии произнести ни слова. Наконец, капитан вкратце сообщил, в каком положении находится город. Бернар про-

клинал короля, Гизов и священников; он хотел выйти и присоединиться к своим братьям, если те где-нибудь пытаются оказывать сопротивление своим врагам. Графиня плакала и удерживала его, а ребенок кричал и просился к матери. Потеряв немало времени на крики, вздохи и слезы, они должны были, наконец, принять какое-либо решение. Что касается ребенка, то конюший графини вызвался найти какую-нибудь женщину, которая могла бы о нем позаботиться. Для Мержи не было возможности в настоящую минуту спастись бегством. К тому же, куда бежать? Кто знает, не распространилась ли резня по всей Франции, от края до края? Сильные гвардейские отряды занимали мосты, через которые реформаторы могли бы добраться до Сен-Жерменского предместья, откуда им легче было бы выбраться из города и достигнуть южных провинций, издавна склонявшихся на их сторону. С другой стороны, казалось бесполезным и даже неблагоприятным прибегать к милосердию монарха в минуту, когда, возбужденный бойней, он думал только о новых убийствах. Дом графини, благодаря тому что она была известна как женщина весьма набожная, не рисковал подвергнуться серьезному обыску со стороны убийц, что же касается слуг, то Диана считала, что она может на них положиться. Так что ни в каком другом убежище Мержи не мог бы подвергаться меньшей опасности. Решили, что он останется здесь спрятанным и будет пережидать события.

С наступлением дня избиение не только не прекратилось, но, казалось, еще усилилось и упорядочилось. Не было ни одного католика, который из страха быть заподозренным в принадлежности к ереси, не надел бы белого креста, не вооружился бы или не стал бы доносить на гугенотов, еще оставшихся в живых. Меж тем к королю, запершемуся у себя во дворце, никого не допускали, кроме главарей убийц. Простой народ, привлеченный надеждой на грабеж, присоединился к гражданской гвардии и солдатам, а проповедники в церквях призывали верующих к удвоенной жестокости.

— Раздавим за один раз, — говорили они, — все головы гидры и навсегда положим конец гражданским войнам.

И чтобы доказать народу, жадному до крови и чудес, что небеса одобряют его неистовство и желают поощрить его явным знамением, они кричали:

— Идите на кладбище «Избиенных младенцев», взгляните на куст терновника, что зацвел второй раз. Политый еретической кровью, он вновь приобрел молодость и силу!

Бесчисленные вереницы вооруженных убийц с большой торжественностью отправлялись на поклонение святому терновнику и, возвращаясь с кладбища, с новым рвением отыскивали и предавали смерти людей, столь явственно осужденных небесами. У всех на устах было изречение Екатерины Медичи, его повторяли, избивая детей и женщин: «*Che pieta lor ser crudele, che crudelta lor ser pieta o*»⁶⁰.

Странная вещь — многие из этих протестантов воевали, участвовали в горячих боях, где они пытались, и часто с успехом, уравновесить численное преимущество врагов своею доблестью; а между тем во время этой бойни только двое из них оказали кое-какое сопротивление своим убийцам, и из этих двоих только один бывал прежде на войне. Быть может, привычка сражаться сплоченным строем, по правилам, лишала их той личной энергии, которая могла бы побудить любого протестанта защищаться у себя в доме, как в крепости. Случалось, что старые вояки, как обреченные жертвы, подставляли свое горло негодьям, которые накануне еще трепетали перед ними. Покорность судьбе они принимали за мужество и предпочитали ореол мученичества воинской славе.

Когда первая жажда крови была утолена, наиболее милосердные из убийц предложили своим жертвам купить себе жизнь ценою отречения. Весьма небольшое количество кальвинистов воспользовалось этим предложением и согласилось откупиться от смерти, и даже от мучений, ложью, может быть, в данном случае и простительной. Женщины, дети твердили свой символ веры среди мечей, занесенных над их головами, и умирали, не проронив ни слова жалобы.

⁶⁰ С ними человечно — быть жестоким, жестоко — быть человечным.

Через два дня король сделал попытку остановить резню; но когда страсти толпы разнузданы, то остановить ее уж невозможно. Убийства не только не прекратились, но даже сам король, обвиненный в нечестивом сострадании, принужден был взять обратно свои слова о милосердии и еще больше усилить свою злобность, составлявшую, кстати сказать, одну из главных черт его характера.

После Варфоломеевской ночи первые дни Жорж регулярно посещал своего брата в его убежище и каждый раз сообщал ему все новые подробности об ужасных сценах, свидетелем которых ему довелось быть.

— Ах! Когда же удастся мне покинуть эту страну убийц и преступников! — восклицал Жорж. — Я охотнее жил бы среди дикарей, чем среди французов!

— Поедем со мною в Ла-Рошель, — говорил Бернар. — Надеюсь, что она еще не попала в руки убийц. Умрем вместе, заставь забыть о своем отступничестве, защищая этот последний оплот нашей веры!

— А что станется со мною? — спрашивала Диана.

— Поедьте лучше в Германию или Англию, — отвечал Жорж. — Там, по крайней мере, ни нас не будут резать, ни мы никого не будем резать.

Планы эти не имели последствий. Жоржа посадили в тюрьму за неповиновение королевскому приказу, а графиня, трепетавшая, как бы ее любовник не был открыт, только о том и думала, как бы выпроводить его из Парижа.

XXIII

ДВА МОНАХА

В кабачке на берегу Луары, немного ниже Орлеана, по направлению к Божанси, какой-то молодой монах, в коричневой рясе с большим капюшоном, надвинутым на глаза, сидел за столом и с назидательным вниманием не отрывал глаз от молитвенника, хотя угол для чтения он выбрал темноватый. У пояса висели четки, зерна которых были крупнее голубиного яйца, а богатый набор металлических иконок, повешенных на тот же шнурок,

бренчал при каждом его движении. Когда он поднимал голову, чтобы взглянуть в сторону дверей, виден был хорошо очерченный рот, украшенный усами, закрученными в виде «турецкого лука» и такими молодцеватыми, что они сделали бы честь любому армейскому капитану. Руки у него были очень белые, ногти длинные, тщательно обстриженные, и ничто не указывало, чтобы молодой брат когда-нибудь согласно уставу своего ордена, работал заступом или граблями.

Толстощекая крестьянка, исполнявшая должность прислужницы и стряпухи в этом кабачке, где она была кроме того еще и хозяйкой, подошла к молодому монаху и, сделав довольно-таки неловкий реверанс, сказала:

— Что же, отец мой, вы на обед ничего не закажете? Ведь уж больше двенадцати часов, вы знаете!

— Скоро ли придет барка из Божанси?

— Кто ее знает! Вода низкая, — нельзя идти, как хочешь. Во всяком случае, для нее — еще рано. На вашем месте я бы здесь пообедала.

— Хорошо, я пообедаю. Только нет ли у вас другой комнаты? Тут что-то не очень хорошо пахнет.

— Вы очень разборчивы, отец мой. Я так решительно ничего не слышу.

— Что, свиней, что ли, палят около этой гостиницы?

— Свиней? Вот потеха-то! Свиней! Почти что так. Конечно, они — свиньи, потому что, как говорится, при жизни в шелках ходили. Но свиньи эти не для еды. Это, простите за выражение, гугеноты, отец мой, которых жгут на берегу, в ста шагах отсюда, жгут, — вот чад-то от них вы и слышите.

— Гугеноты?

— Ну да, гугеноты. Разве это вас интересует? Не следует из-за этого терять аппетит. Что же до комнаты, где бы вам покушать, так у меня только одна и есть, придется вам ею обойтись. Пустяки! Гугенот не так уж скверно пахнет. Впрочем, если бы их не жечь, так они бы еще пуще воняли. Сегодня утром на песке вот какая куча их накопилась, вышиной... ну, как сказать... вышиной вот с этот камин.

— И вы ходили смотреть эти трупы?

— Ах, вы спрашиваете об этом потому, что они го-

лые? Но ведь у покойников, преподобный отец, это в счет нейдет. А по мне так все равно, как если бы я видела кучу дохлых лягушек! Мне хоть бы что! Как видно, вчера здорово поработали в Орлеане; страшное дело, сколько Луара к нам нанесла этой еретической рыбыны: вода-то низкая, так каждый день на песке их находят. Еще вчера вечером пошел работник с мельницы посмотреть линей в сетях, и вдруг там мертвая женщина, весь живот бердышом распорот. Поверите ли, вот сюда вошло, а вот тут, между лопаток, вышло. Ему бы лучше, конечно, карпа поймать... Но что с вами, ваше преподобие?.. Что? Вы не собираетесь ли в обморок упасть? Хотите, пока обед не готов, я вам подам стаканчик божанси? Это сразу вас на место поставит.

— Благодарю вас.

— Ну, что же вы хотите на обед?

— Что придется... все равно.

— Что? Говорите: у меня в кладовой, знаете ли, много всего.

— Ну, подайте мне цыпленка, и не мешайте мне читать молитвенник.

— Цыпленка? Ваше преподобие, цыпленка? Ах, вот потеха-то! Не на ваших, знать, зубах в пост паутина заведется. Верно, у вас есть от папы разрешение по пятницам цыплят есть?

— Ах, какой я рассеянный!.. Да, конечно, сегодня ведь у нас пятница!.. По пятницам мясного не вкушай. Дайте мне яиц,— благодарю вас, что вы меня вовремя предупредили, а то я мог бы впасть в большой грех.

— Вот, возьмите их,— проговорила про себя кабатчица.— Не предупреди этих господ, так они вам в пост будут цыплят есть; а в супе у бедной женщины найдут кусочек сала, так такой крик подымут, что хоть святых вон выноси!

После этих слов она занялась приготовлением яичницы, а монах снова взялся за свой молитвенник.

— Ave Maria, сестра моя! — произнес, входя в кабачок, другой монах, как раз в ту минуту, когда тетка Маргарита, держа за ручку сковородку, приготовлялась перевернуть на другой бок громадную яичницу.

Вновь пришедший был красивый старик с седой бородой, высокий, плотный и коренастый, лицо у него было цветущее. Но первое, что бросалось в глаза при взгляде на него, это — огромный пластырь, скрывавший один глаз и занимавший половину щеки. По-французски он говорил свободно, но в его выговоре слышался легкий иностранный акцент.

Как только он вошел, молодой монах еще ниже опустил свой капюшон, так, чтобы его нельзя было разглядеть: но что еще больше удивило тетюшку Маргариту, так это то, что вновь прибывший монах, у которого от жары капюшон был откинут, как только увидел своего собрата по религии, так сейчас же поспешно его опустил.

— Право слово, отец мой,— проговорила кабатчица,— вы кстати пришли, как раз к обеду; вам ждать не придется, и к тому же вы найдете подходящую себе компанию.— Потом обратилась к молодому монаху: — Не правда ли, преподобный отче, вы ведь с удовольствием отобедаете с его преподобием? По нюху пришел он на мою яичницу! Недаром я масла не пожалела.

Молодой монах в ответ робко пробормотал:

— Я боюсь стеснить.

Старый монах в свою очередь произнес, опустив голову:

— Я — бедный эльзасский монах... я плохо говорю по-французски и боюсь, что мое общество не очень приятно будет моему собрату.

— Полно,— произнесла тетюшка Маргарита,— нечего церемониться! У монахов, да еще монахов одного ордена, должен быть общий стол и общая постель.— И, взяв скамейку, она поставила ее к столу, как раз напротив молодого монаха. Старый сел сбоку, по-видимому, сильно смущенный собственной персоной. Казалось, в нем боролось желание пообедать и некоторое отвращение от необходимости находиться лицом к лицу со своим братом.

Подали яичницу.

— Ну, отцы мои, читайте скорей свои молитвы, а потом скажете, хороша ли моя яичница.

При упоминании о молитве оба монаха, по-видимому,

почувствовали себя еще хуже. Младший сказал старшему:

— Вам надлежит читать молитву; вы старше меня, вам эта честь и принадлежит.

— Ничуть не бывало! Вы пришли сюда раньше меня.

— Нет, прошу вас!

— Я решительно не согласен.

— Но это необходимо!

— Полюбуйтесь на них! — произнесла тетушка Маргарита. — Они мне яичницу заморозят. Видели вы таких церемонных францисканцев? Пусть старший читает молитву перед обедом, а младший после обеда.

— Я умею читать молитву перед обедом только на своем языке, — сказал старший монах.

Молодой, казалось, удивился и бросил украдкой взгляд на своего товарища. Меж тем последний, сложив набожно руки, принялся бормотать из-под своего капюшона какие-то слова, которых никто не понял. Затем он сел на свое место и в одну минуту, не говоря дурного слова, поглотил три четверти яичницы и осушил бутылку, поставленную перед ним. Сотрапезник его, уткнувши нос в тарелку, открывал рот только для того, чтобы есть. Покончив с яичницей, он поднялся сложил руки и, заикаясь, скороговоркой произнес несколько латинских слов, в том числе: «*Et beata viscera virginis Mariae*»⁶¹. Это были единственные слова, которые разобрала тетушка Маргарита.

— Вот, простите за выражение, смешная послеобеденная молитва, которую вы, отец мой, прочитали! Мне кажется, она совсем не похожа на ту, что читает наш приходский батюшка.

— В нашей обители такое правило, — ответил молодой францисканец.

— Скоро ли придет барка? — спросил старший монах.

— Потерпите. Наверное, сейчас придет, — ответила тетушка Маргарита.

По-видимому, молодому брату это было не по душе, судя, по крайней мере, по тому, как он двинул головою.

⁶¹ «И благословенно чрево Девы Марии».

Тем не менее он не посмел сделать ни малейшего замечания и, взяв свой молитвенник, принялся с удвоенным вниманием за чтение.

Со своей стороны, эльзасец, повернувшись спиной к своему товарищу, перебирал зерна четок всеми пятью пальцами, шевеля губами и не испуская при этом ни малейшего звука.

«Никогда в жизни не видала таких чудных и неразговорчивых монахов, как эти»,— подумала тетушка Маргарита, садясь за свою прялку, которую тотчас же и привела в движение.

Прошло четверть часа в молчании, прерываемом только шумом прялки, как вдруг в кабачок вошли четверо вооруженных мужчин весьма подозрительного вида. Увидя монахов, они слегка прикоснулись к полям своих шляп, и один из них, обращаясь к Маргарите, попросту «Маргоша», первым делом спросил у нее вина и обедать поскорее, потому что, как он говорил, «у меня все горло пересохло, росинки маковой во рту не было».

— Вина! Вина! — заворчала тетка Маргарита.— Скоро это сказывается, господин Буа-Дофен. А кто за вас платить будет? Знаете, господин кредит приказал долго жить; к тому же вы мне должны и за вино и за обеды с ужинами больше шести экю. Это так же верно, как то, что я — честная женщина.

— Одинаково верно и то и другое,— ответил со смехом Буа-Дофен.— Значит, я должен вам всего два экю, тетушка Марго, и ни копейки больше (он употребил более крепкое словцо).

— Ах, Господи Боже мой, ну можно ли такое говорить!

— Ну, ну, не распускай слюней, старушка! Ладно, пусть будет шесть экю. Я заплачу их, милая Марго, а также и то, что мы сегодня истратим; у меня сегодня в кармане позванивает, хотя мы почти ничего не заработали. Не знаю, что эти негодяи делают со своими деньгами!

— Возможно, что они их проглатывают, как делают немцы,— заметил один из его товарищей.

— Холера их возьми! — воскликнул Буа-Дофен,—

нужно это дело рассмотреть. Хорошие пистолы в туше еретика — недурная начинка, — собакам не выбросишь.

— Вот кричала-то сегодня утром пасторская дочка! — произнес третий.

— А толстяк пастор! — присовокупил последний. — Я прямо со смеху покатывался. Он был такой толстый, что никак не мог утонуть.

— Значит, вы сегодня утром здорово поработали? — спросила Маргарита, возвращавшаяся из погреба с наполненными бутылками.

— Было дело! — отозвался Буа-Дофен. — Мужчин, женщин и малых ребят, целую дюжину, побросали мы в огонь и в воду. Но в том беда, Марго, что весь этот народ гол, как сокол. Кроме женщины, у которой были кое-какие безделушки, вся эта пожива гроша ломаного не стоила. Да, отец мой, — продолжал он, обращаясь к монаху помоложе, — сегодня поутру мы по праву заработали отпущение грехов, убивая недругов, еретических собак.

Монах посмотрел на него с минуту и снова принялся за чтение, но молитвенник, видно было, дрожал в его левой руке, а правую он сжимал в кулак, как человек, охваченный еле сдерживаемым волнением.

— Кстати об отпущениях, — сказал Буа-Дофен, обращаясь к своим товарищам, — знаете, я бы с удовольствием получил отпущение, чтобы сегодня поесть скоромного. У тетушки Марго в курятнике водятся цыплята, которые чертовски вводят меня в соблазн.

— Черт возьми! — произнес один из мерзавцев, — съедем их: не погубим же мы из-за этого наши души? Завтра сходим покаяться, вот и все.

— Послушайте, куманьки, — сказал другой, — что мне в голову пришло! Попросим у этих долгополых разрешение на скоромную еду...

— Да будто они могут его дать! — ответил его товарищ.

— Клянусь потрохами богородицы! — воскликнул Буа-Дофен, — я знаю средство лучше этого, — сейчас скажу вам на ухо.

Четверо бездельников немедленно сдвинули головы, и Буа-Дофен потихоньку объяснил им, в чем состоит его

план, встреченный громким хохотом. У одного из разбойников явилось какое-то сомнение.

— Скверная мысль пришла тебе в голову, Буа-Дофен; это может принести несчастье,— я в этом не участвую.

— Помалкивай, Гийемен. Невелик грех дать кому-нибудь понюхать, чем пахнет лезвие кинжала.

— Но, по духовному лицу...

Они говорили шепотом, и монахи, казалось, старались угадать их намерение по отдельным доносившимся до них словам.

— Вздор! Никакой разницы нет,— возразил Буа-Дофен несколько громче.— К тому же дело так поставлено, что совершит грех он, а не я.

— Да, да, Буа-Дофен прав! — воскликнули двое остальных.

Буа-Дофен сейчас же встал и вышел из залы. Через минуту раздалось куриное кудахтанье, и разбойник снова явился, держа в каждой руке по зарезанной курице.

— Ах, проклятый! — закричала тетка Маргарита.— Резать моих кур да еще в пятницу! Что ты с ними собираешься делать, разбойник?

— Тише, тетка Маргарита, не дерите мне слуха, вы знаете, я — малый сердитый. Приготовьте ваши вертела и предоставьте остальное мне.— Потом он подошел к эльзасскому брату и сказал: — Вот, отец, видите этих двух птиц? Ну, так вот, я хотел бы, чтобы вы милостиво согласились их окрестить.

Монах от изумления попятился; другой закрыл свою книгу, а тетка Маргарита принялась срамить Буа-Дофена.

— Чтобы я их окрестил? — спросил монах.

— Да, отче. Я буду крестным отцом, а присутствующая здесь Марго — крестной матерью. И вот как я хочу назвать своих крестников: одного Карпом, а вот этого Окунем. Имена хоть куда!

— Крестить кур?! — воскликнул монах со смехом.

— Ну да, черт побери, отче! Ну, скорей за дело!

— Ах, мерзавец! — воскликнула Маргарита,— ты думаешь, я позволю проделывать такие шутки у себя в доме? Что ты, на шабаше, что ли, чтобы зверей крестить?..

— Уберите-ка от меня эту крикунью,— сказал Буа-Дофен своим товарищам,— а вы, отче, грамотный, так может, прочтете, какой оружейник сделал вот этот клинок.

С этими словами он поднес обнаженный кинжал к носу старого монаха. Молодой вскочил со своей скамейки, но почти сейчас же, как будто следуя благоразумному размышлению, снова сел, решив заpastись терпением.

— Как же вы желаете, сын мой, чтобы я окрестил эту живность?

— Черт возьми, очень просто: как крестите вы всех нас, бабьих детей. Покропите водой на голову и скажите: «Крещаются рабы божии Карп и Окунь» — только скажите это на вашей тарабарщине. Ну, Пти-Жан, принеси нам воды в стакане, а вы все снимите шляпы, и держать себя чинно. Господи, благослови!

К общему удивлению, старый францисканец взял немного воды, полил ею куриные головы и очень быстро и неразборчиво пробормотал что-то вроде молитвы. Окончил он словами: «Крещаются рабы божии Карп и Окунь». Потом сел на свое место и снова преспокойно занялся своими четками, как будто сделал самую обыкновенную вещь.

Тетка Маргарита онемела от изумления. Буа-Дофен торжествовал.

— Ну, Марго,— сказал он, бросая ей обеих кур,— приготовь-ка нам из этого карпа и окуня славное постное блюдо!

Но Маргарита, несмотря на крестины, не соглашалась еще смотреть на них как на христианскую пищу. Разбойникам пришлось пригрозить ей, что они разделаются с нею по-свойски, и только тогда она решилась посадить на вертел этих импровизированных рыб.

Между тем Буа-Дофен и его спутники пили во-всю, провозглашали тосты и подымали страшный шум.

— Послушайте! — закричал Буа-Дофен, изо всей силы ударив кулаком по столу, чтобы добиться тишины,— я предлагаю выпить за здоровье нашего святейшего папы и за гибель всех гугенотов. Нужно, чтобы и наши долгополые и тетка Марго выпили с нами вместе!

Предложение было встречено одобрительными возгласами трех его товарищей.

Он поднялся, пошатываясь, будучи уже больше чем наполовину пьян, и из бутылки, что была у него в руках, налил стакан молодому монаху.

— Ну, отче,— сказал он,— за святость его здравейшества... Ошибся! За здоровье его святейшества и за гибель...

— Я никогда не пью между трапезами,— холодно ответил молодой человек.

— О, черта с два, вы выпьете, или, черт меня бери, вы мне объясните, почему вы не хотите пить.

С этими словами он поставил бутылку на стол и, взяв стакан, поднес его к губам молодого монаха, который склонился к своему молитвеннику, по-видимому, с большим спокойствием. Несколько капель вина упало на книгу. Монах сейчас же поднялся, взял стакан, но вместо того, чтобы выпить его, выплеснул содержимое стакана в лицо Буа-Дофену. Все засмеялись. Монах, прислонившись к стене и скрестив руки, пристально смотрел на мерзавца.

— Знаете ли, монашек, ваша шутка мне совсем не нравится. Черт возьми, если бы не ваш сан, я бы вас научил обращению с людьми!

С этими словами он протянул руку к лицу молодого человека и кончиками пальцев коснулся его усов.

Лицо монаха побагровело. Одной рукой он схватил за шиворот наглого разбойника, другою взял бутылку и с такой яростью разбил ее об голову Буа-Дофена, что тот без сознания упал на пол, залитый кровью и вином.

— Превосходно, парень! — воскликнул старый монах.— Для скуфейника вы проворны на руку!

— Буа-Дофен убит! — закричали трое разбойников, видя, что их товарищ лежит без движения.— А, негодяй! Сейчас мы зададим тебе знатную трепку!

Они схватились за свои шпаги. Но молодой монах с удивительным проворством засучил длинные рукава, завладел шпагой Буа-Дофена и встал в оборонительную позицию с самым решительным видом. В то же время его собрат вытащил из-под своей рясы кинжал, клинок у ко-

торого был дюймов восемнадцати длиною, и встал рядом с ним с не менее воинственным видом.

— А, каналы! — закричал он, — мы вас научим хорошему обращению, поставим вас на место!

В одно мгновение трое негодяев, — кто раненый, кто обезоруженный, принуждены были выскочить в окно.

— Господи Иисусе! — воскликнула тетка Маргарита, — какие вы вояки, отцы мои! Вы делаете честь религии. Но при всем том, вот мертвое тело, а это неприятно для репутации гостиницы.

— О, ничуть не бывало. Он жив! — сказал старый монах. — Я вижу, что он шевелится, но я его сейчас пособую. — И он приблизился к раненому, взял его за волосы и, приставив ему к горлу свой острый кинжал, собирался было отрезать голову, если бы его не удержала тетка Маргарита и его товарищ.

— Что вы делаете, боже мой! — говорила Маргарита. — Убить человека! Да еще человека, который считается добрым католиком, хотя, как я погляжу, на самом деле он не таков!

— Я предполагаю, — сказал молодой монах своему собрату, — что спешные дела вас призывают, как и меня, в Божанси. Барка пришла. Спешим!

— Вы правы, я иду с вами. — Он вытер свой кинжал и снова спрятал его под рясу. Затем оба храбрых монаха расплатились с трактирщицей и вместе отправились по направлению к Луаре, оставив Буа-Дофен на попечении Маргариты.

— Если не ошибаюсь, я вас где-то видел? — обратился молодой человек к старому францисканцу.

— Черт меня побери, ваше лицо мне тоже знакомо, но...

— Когда мы встретились с вами в первый раз, на вас было другое платье.

— А на вас?

— Вы — капитан...

— Дитрих Горнштейн, к вашим услугам. А вы — тот молодой дворянин, с которым я обедал недалеко от Этампа.

— Он самый.

— Ваша фамилия — Мержи?

— Да, но теперь я называюсь иначе: я — брат Амброзий.

— А я — брат Антоний из Эльзаса.

— Отлично. А куда вы направляетесь?

— Если смогу, в Ла-Рошель.

— И я тоже.

— Очень рад с вами встретиться... Но, черт! Вы меня поставили в ужасно затруднительное положение вашей предобеденной молитвой. Ведь я ни слова из нее не знаю. А вас я принял сначала всерьез за монаха.

— И я вас так же точно.

— Откуда вы убежали?

— Из Парижа. А вы?

— Из Орлеана. Мне пришлось прятаться целую неделю. Мои бедняги рейтары... мой корнет... все в Луаре.

— А Мила?

— Она перешла в католичество.

— А как моя лошадь, капитан?

— А! ваша лошадь! Я наказал розгами негодяя-трубача, который ее у вас украл... Но, не зная, где вы находитесь, я не мог вам ее вернуть. Я ее сохранял, поджидая, что буду иметь честь с вами встретиться. Теперь, несомненно, она принадлежит какому-нибудь негодяю паписту.

— Тс, не говорите этого слова так громко. Ну, капитан, соединим нашу судьбу и будем помогать друг другу, как мы только что сделали.

— Согласен! И пока у Дитриха Горнштейна останется хоть капля крови в жилах, он будет готов всегда драться рядом с вами.

Они радостно пожали друг другу руки.

— Но, послушайте, что за чертовщину они несли с этими курами, с карпом и окунем? Нужно сознаться, глупый народ эти паписты!

— Тс... еще раз. Вот и барка!

В таких разговорах они дошли до лодки, в которую и сели. До Божанси они доехали без особых приключений, если не считать того, что навстречу им по Луаре плыло много трупов их единоверцев.

Лодочник заметил, что большинство из них плывет лицом вверх.

— Они взывают к небу об отмщении,— произнес тихонько Мержи, обращаясь к капитану рейтаров.

Дитрих молча пожал ему руку.

XXIV

ОСАДА ЛА-РОШЕЛИ

Ла-Рошель, почти все жители которой исповедывали реформатскую религию, была в то время как бы столицей южной провинции и наиболее крепким оплотом протестантской партии. Обширные торговые сношения с Англией и Испанией открыли доступ значительным богатствам и сообщили городу тот дух независимости, который они порождают и поддерживают. Горожане, рыбаки или матросы, часто корсары, с юности знакомые с опасностями жизни, полной приключений, обладали энергией, заменявшей им дисциплину и военный навык. При известии о резне 24 августа ларошельцы не поддались тупой покорности, охватившей большинство протестантов и лишавшей их последней надежды, они были воодушевлены активной и грозной храбростью, которая приходит иногда в минуты отчаянья. С общего согласия они решили терпеть до последней крайности, но не открывать ворот врагу, только что давшему такой разительный образчик своего коварства и жестокости. В то время как пасторы своими фанатическими речами поддерживали этот пыл, женщины, дети, старики наперебой работали над восстановлением старых укреплений и возведением новых. Делали запасы провианта и оружия, снастили барки и корабли,— одним словом, не теряя ни минуты, организовывали и подготавливали все средства защиты, на какие был способен город. Многие дворяне, избегшие избиения, присоединились к ларошельцам, и их описание варфоломеевских злодейств придавало отвагу самым робким. Для людей, спасшихся от верной смерти, случайности войны — то же, что легкий ветерок для матросов, только что выдержавших бурю.

Мержи и его товарищ принадлежали к числу этих беглецов, увеличивших ряды защитников Ла-Рошели.

Парижский двор, напуганный этими приготовлениями, жалел, что не успел их предупредить. Маршал де Бирон приближался к Ла-Рошели с предложениями мирных переговоров. У короля были некоторые основания надеяться, что выбор Бирона будет приятен ларошельцам; маршал не только не принимал участия в Варфоломеевской бойне, но спас жизнь многим выдающимся протестантам и даже направил пушки арсенала, которым он командовал, против убийц, носивших знаки королевской службы. Он просил только, чтобы его впустили в город и признали королевским губернатором, обещающая уважать привилегии и вольности жителей и предоставить им свободу вероисповедания. Но после избиения шестидесяти тысяч протестантов⁶², можно ли было верить обещаниям Карла IX? К тому же во время этих самых переговоров в Бордо продолжалось избиение, солдаты Бирона грабили окрестности Ла-Рошели и королевский флот блокировал порт.

Ларошельцы отказались принять Бирона и ответили, что они не могут заключать договоров с королем, покуда он в плену у Гизов, не то считая этих последних единственными виновниками всех бед, претерпеваемых кальвинистами, не то стараясь этой выдумкой, часто повторявшейся с их легкой руки, успокоить совесть тех, которые находили, что верность королю должна быть поставлена выше интересов религии. Переговоры были прерваны. Тогда король выбрал другого посредника, — это был ла Ну, прозванный «Железной рукой» из-за искусственной руки, заменявшей ему руку, потерянную в сражении. Ла Ну был ревностным кальвинистом, проявившим в последнюю гражданскую войну большую храбрость и военный талант.

У адмирала, с которым он был дружен, не было более искусного и преданного помощника. Во время Варфоломеевской ночи он находился в Нидерландах, руководя недисциплинированными отрядами фламандцев, восставших против испанского владычества. Счастье ему изменило, и он принужден был сдаться герцогу Альбе,

⁶² Избиение 60 тысяч протестантов (в дальнейшем говорится даже о 100 тысячах) — явное преувеличение. Всего в Париже было убито 2 тысячи человек, а в провинции — около 30 тысяч.

обошедшемся с ними довольно хорошо. Когда потоки пролитой крови вызвали в Карле IX нечто вроде угрызений совести, он призвал ла Ну и, вопреки всяким ожиданиям, принял его с величайшей любезностью. Этот монарх, не знавший ни в чем меры, осыпал милостями протестанта, а сам только что перерезал их сто тысяч... Судьба, казалось, хранила ла Ну; еще во время третьей гражданской войны он попал в плен сначала при Жарнаке, потом при Монконтуре, и оба раза брат короля⁶³ отпустил его без выкупа, несмотря на доводы военачальников, которые настаивали, чтобы он пожертвовал человеком, слишком опасным для того, чтобы его выпустить из рук, и слишком честным, чтобы его можно было подкупить. Карл подумал, что ла Ну не забыл его милосердия, и поручил ему уговорить ларошельцев подчиниться. Ла Ну согласился, но поставил условием, что король не будет требовать от него ничего такого, что было бы несовместимо с его честью. Уехал он в сопровождении итальянского священника, который должен был присматривать за ним.

Сначала ему пришлось испытать чувство унижения, видя, что ему не доверяют. Он не сумел добиться пропуска в Ла-Рошель, и для свидания ему назначили маленькую деревушку в окрестности Тадон. Там встретился он с делегатами от Ла-Рошели. Он всех их знал, как знают старых товарищей по оружию; но при виде его никто не протянул ему дружеской руки, никто, по-видимому, не узнал его. Он назвал свое имя и изложил королевские предложения. Сущность его речи сводилась к следующему:

«Доверьтесь обещаниям короля: нет большего зла, как междоусобная война».

Городской голова Ла-Рошели ответил с горькой усмешкой:

— Мы видим человека, похожего на ла Ну; но ла Ну никогда бы не предложил своим братьям покориться убийцам. Ла Ну любил покойного адмирала и скорее захотел бы отомстить за него, чем заключать договоры с его убийцами. Нет, вы совсем не ла Ну.

⁶³ Герцог Анжуйский, впоследствии Генрих III. (Прим. автора.)

Несчастный посланец, которого упреки эти пронзали до глубины души, напомнил о своих заслугах в деле кальвинизма, показал свою искалеченную руку и протестовал против обвинения в недостаточной преданности вере. Мало-помалу недоверие ларошельцев рассеялось; их ворота открылись для ла Ну; они показали ему свои боевые припасы и даже уговорили стать во главе их войска. Предложение было соблазнительно для старого вояки. Клятва Карлу была дана в таких условиях, что истолковать ее можно было сообразно со своею совестью. Ла Ну надеялся, что, становясь во главе ларошельцев, он легче сможет привести их в миролюбивое настроение: он думал, что ему удастся одновременно соблюсти верность присяге и преданность вере. Он ошибался.

Королевская армия осадила Ла-Рошель. Ла Ну руководил всеми вылазками, убивал множество католиков; затем, вернувшись в город, уговаривал жителей заключить мир. Чего же он достиг? Католики кричали, что он изменил слову, которое дал королю; протестанты обвиняли его в том, что он их предает.

При таком положении дел ла Ну, полный отвращения к жизни, искал смерти, двадцать раз в день подвергаясь опасности.

XXV

ЛА НУ

Осажденные только что произвели удачную вылазку против ближайших осадных сооружений католической армии. Они засыпали вражеские траншеи, опрокинули туры и убили с сотню солдат. Отряд, имевший такую удачу, возвращался в город через Тадонские ворота. Впереди шел капитан Дитрих с отрядом стрелков, которые, судя по тому, какие воспаленные у всех были лица, как все запыхались и просили пить, не щадили себя; за ними следовала большая толпа горожан, между которыми видно было несколько женщин, принимавших участие в сражении, дальше — десятка четыре пленных, из которых большинство были покрыты ранами, сопровождае-

мые двумя шеренгами солдат, с большим трудом охранявших их от ярости народа, собравшегося на их пути. Человек двадцать кавалеристов составляли арьергард. Ла Ну, у которого Мержи служил адъютантом, ехал последним. Его кираса была помята пулей и лошадь дважды ранена. В левой руке он держал разряженный пистолет, а посредством крюка, который торчал у него из правого наручника, заменяя ему руку, управлял поводом.

— Дайте пройти пленным, друзья мои! — восклицал он поминутно. — Будьте человечны, добрые ларошельцы! Они ранены и беззащитны, они нам больше не враги.

Но чернь отвечала ему диким воем: «Петлю папистам!», «На виселицу!» и «Да здравствует ла Ну!»

Мержи и кавалеристы подкрепляли великодушные увещания их начальника, нанося при удобном случае удары древками своих копий. Наконец, пленные были отведены в городскую тюрьму и помещены под крепкую стражу, так что им нечего было бояться народной ярости. Отряд рассеялся, и ла Ну, в сопровождении нескольких дворян, спешил перед городской ратушей в ту минуту, когда из нее выходил голова, а за ним кучка граждан и пожилой пастор по фамилии Лаплас.

— Ну, доблестный ла Ну, — произнес голова, протягивая руку, — вы только что доказали этим убийцам, что не все храбрецы умерли вместе с господином адмиралом.

— Дело обошлось довольно благополучно, сударь, — ответил ла Ну со скромностью. — У нас только пятеро убитых и мало раненых.

— Раз вы руководите вылазкой, господин ла Ну, — продолжал голова, — мы заранее можем быть уверены в успехе.

— А что бы значил ла Ну без помощи божьей? — с горечью воскликнул старый пастор. — Бог сил сражался сегодня за нас; он слышал наши молитвы.

— Бог дает и отнимает победы по своему усмотрению, — сказал спокойным голосом ла Ну, — и только его следует благодарить за успех на войне. — Потом он обернулся к городскому голове: — Ну, как, сударь, обсудили совет новые предложения его величества?

— Да, — ответил голова, — только что отправили об-

ратно трубача к брату короля, прося его больше не беспокоиться и не присылать нам своих предложений. Отныне мы будем отвечать на них только выстрелами.

— Следовало бы повесить трубача,— заметил пастор,— ибо не писано ли есть: «и из среды твоей вышли некие злые, восхотевшие возмутить обитателей их города... но ты не преминул предать их смерти, твоя рука первую легла на них, за нею рука всего народа»?

Ла-Ну вздохнул и, ничего не говоря, возвел очи к небу.

— Как! Нам? Сдаться? — продолжал городской голова,— сдаться, когда стены наши еще стоят, когда враг не смеет еще подойти к ним близко, меж тем как мы ежедневно смеемся над ним в его же окопах? Поверьте мне, господин ла Ну, если бы в Ла-Рошели совсем не было солдат, одних женщин хватило бы, чтобы отразить парижских живодедов.

— Сударь, сильнейшему подобает говорить осмотрительно о своем враге; слабейшему же...

— Э, кто сказал вам, что мы — слабейшие? — прервал его Лаплас.— Разве бог не сражается за нас? И Геден с тремястами израильтян, не был ли он сильнее полчищ мадианитских?

— Вам лучше, чем кому бы то ни было, известно, господин голова, о количестве нашего провианта. Пороха очень мало, я принужден запрещать стрелкам далекий прицел.

— Монгомери нам пришлет его из Англии! — ответил голова

— Огонь с неба снизойдет на головы папистов! — сказал пастор.

— Хлеб с каждым днем дорожает, господин голова.

— Со дня на день мы можем увидеть английский флот, и в городе восстановится изобилие.

— Бог пошлет манну с небес в случае нужды,— пылко воскликнул Лаплас.

— Что касается помощи, о которой вы говорите,— продолжал ла Ну,— то ведь достаточно, чтобы поднялся южный ветер, и тогда корабли не смогут войти в на-

шу гавань. К тому же флот этот может попасться в плен.

— Ветер будет с севера. Я тебе это предвещаю, маловерный! — произнес пастор. — Ты потерял правую руку, а вместе с нею и мужество.

Ла Ну, по-видимому, решил не отвечать на его замечания. Он продолжал, обращаясь все время к городскому голове:

— Для нас потеря одного человека важнее, чем для врагов десятка. Я боюсь, что если католики усилят осаду, нам придется принять условия тяжелее тех, которые вы теперь с таким презрением отвергаете. Если, как я надеюсь, король захочет удовлетвориться только признанием его власти в этом городе, не требуя жертв, которых мы принести не можем, я полагаю, что наша обязанность — открыть ему ворота; потому что, в конце концов, он — наш владыка.

— У нас один владыка — христос, и только нечестивец может называть владыкой этого жестокого Ахава — Карла, пьющего кровь пророков...

Ярость пастора удваивалась при виде невозмутимого хладнокровия ла Ну.

— Что касается меня, — сказал голова, — я отлично помню, как при последнем своем проезде господин адмирал сказал нам: «Король дал мне слово, что со всеми его подданными, протестантами и католиками, будут обращаться одинаково». Через полгода король, давший слово адмиралу, приказал убить его. Если мы откроем ворота, у нас произойдет Варфоломеевская ночь, как и в Париже.

— Король был обманут Гизами. Он очень раскаивается в этом и хотел бы искупить пролитую кровь. Если вашим упрямым нежеланием заключить договор вы раздражите католиков, все силы королевства будут направлены против вас, и тогда будет разрушено единственное пристанище для реформатской религии... Мир, мир! Поверьте мне, господин голова.

— Трус! — закричал пастор. — Ты жаждешь мира потому, что боишься за свою жизнь...

— О, господин Лаплас... — произнес голова.

— Короче сказать, — холодно продолжал ла Ну, — последнее мое слово таково: если король согласится не

оставить гарнизона в Рошели и сохранит за нами свободу вероисповедания, нужно передать ему наши ключи и засвидетельствовать нашу покорность.

— Ты — предатель, — закричал Лаплас, — ты подкуплен тиранами.

— Господи боже, что вы говорите, господин Лаплас! — повторил городской голова.

Ла Ну слегка улыбнулся с видом презрения.

— Видите, господин голова, в какое странное время мы живем. Военные люди говорят о мире, а духовенство проповедует войну... Дорогой пастор, — продолжал он, обращаясь, наконец, к Лапласу, — по-моему, уже пора обедать, и ваша жена, вероятно, ждет вас домой.

Последние слова окончательно привели пастора в бешенство. Он не смог найти никаких оскорбительных слов, и так как пощечина освобождает от рассудительного ответа, то он и ударил старого полководца по щеке.

— Господи боже мой, что вы делаете! — закричал голова. — Ударить господина ла Ну, лучшего гражданина и храбрейшего воина Ла-Рошели?!

Мержи, присутствовавший при этом, собирался проучить Лапласа так, чтобы тот долго помнил; но Ла-Ну его удержал. Когда к седой бороде прикоснулась рука старого безумца, было мгновение, быстрое, как мысль, когда глаза ла Ну блеснули негодованием и гневом. Но сейчас же его лицо приняло прежнее бесстрастное выражение; можно было подумать, что пастор задушил мраморный бюст римского сенатора или лица ла Ну коснулся какой-нибудь неодушевленный, случайно приведенный в движение предмет.

— Уведите этого старика к его жене, — сказал он одному из горожан, которые поволокли старого пастора. — Скажите ей, чтобы она за ним присматривала, — положительно ему сегодня нездоровится... Господин голова, прошу вас собрать мне полторы сотни добровольцев из жителей города: я хотел бы произвести вылазку завтра на рассвете, потому что в этот момент солдаты, проводившие ночь в окопах, окоченевшие от холода, пошли на медведей, на которых нападают во время оттепели. Я замечал, что люди, спавшие под кровлей, поутру стоят большего, чем те, что провели ночь под открытым не-

бом... Господин де Мержи, если вы не слишком торопитесь обедать, не хотите ли пройтись со мною к Евангельскому бастиону? Я хотел бы посмотреть, насколько продвинулись работы у врагов.

Он поклонился городскому голове и, положив руку на плечо молодого человека, направился к бастиону.

Они пришли туда минуту спустя после того, как пушечным выстрелом было смертельно ранено двое людей. Все камни были окрашены кровью, и один из этих несчастных кричал своим товарищам, чтобы они его прикончили. Ла Ну, опершись локтем на парапет, некоторое время молча смотрел на работу осаждающих; затем, обернувшись к Мержи, он произнес:

— Ужасная вещь — война, но гражданская война... Этим ядром была заряжена французская пушка; француз же навел прицел и зажег запал, и убито ядром этим — двое французов. И это еще ничего — убить на расстоянии полумили; но, господин де Мержи, когда приходится вонзать свою шпагу в тело человека, который на родном языке умоляет вас о пощаде!.. А между тем не далее как сегодня утром мы это делали...

— Ах, сударь, если бы вы видели бойню 24 августа, если бы вы переправлялись через Сену, когда она была красной и несла больше трупов, чем льдин во время ледохода, вы бы не испытывали жалости к людям, с которыми мы сражаемся. Для меня всякий папист — убийца...

— Не клеветайте на вашу страну! В армии, которая нас осаждает, очень мало подобных чудовищ. Солдаты — французские крестьяне, бросившие плуг ради королевского жалованья. А дворяне и офицеры сражаются потому, что они поклялись в верности королю. И, может быть, они правы, а мы... мы — бунтовщики.

— Бунтовщики?! Наше дело правое, мы сражаемся за свою веру и за свою жизнь.

— Насколько я вижу, у вас нет сомнений. Вы счастливы, господин де Мержи.— И старый воин глубоко вздохнул.

— Черт побери! — сказал солдат, только что разрядивший аркебузу, — заколдован, что ли, этот черт? Третий день в него целюсь, — никак попасть не могу.

— Кто такой? — спросил Мержи.

— Да вон, видите, там молодец в белом камзоле с красной перевязью и пером. Каждый день он тут у нас под носом разгуливает, будто дразнит. Один из придворных золотошпажников, которые пришли вместе с братом короля.

— Расстояние большое,— сказал Мержи; — но это ничего не значит, дайте-ка мне аркебузу.

Какой-то солдат дал ему в руки оружие. Мержи положил конец дула на парапет и с большим вниманием прицелился.

— А если это кто-нибудь из ваших друзей? — спросил ла Ну.— Почему вам вздумалось выполнять обязанности аркебузира?

Мержи собирался уже спустить курок; он задержал палец.

— У меня нет друзей среди католиков, кроме одного. А тот, я уверен, не участвует в этой осаде.

— А если это ваш брат, который, сопровождая принца...

Выстрел раздался; но рука у Мержи дрожала, и видно было, что от пули поднялась пыль на довольно далеком расстоянии от пешехода. Мержи не думал, что его брат может находиться в католической армии, но тем не менее был рад, что промахнулся. Человек, в которого он только что стрелял, продолжал медленно идти, а затем исчез за горами только что выкопанной земли, которые возвышались вокруг города.

XXVI

ВЫЛАЗКА

Мелкий и холодный дождик, шедший непрерывно всю ночь, наконец, перестал, и белесоватый свет в восточной части неба возвестил о рассвете. Он с трудом пробивался сквозь стлавшийся по земле густой туман. Ветер гнал туман с места на место, прорывая в нем широкие отверстия. Но сероватые хлопья сейчас же вновь соединялись, как волны, разрезанные кораблем, снова падают и заполняют только что проведенную борозду.

Окрестность, окутанная этим густым паром, из которого высывались верхушки нескольких деревьев, казалось, была залита наводнением.

В городе неверный свет утра, смешанный с пламенем факелов, освещал довольно многочисленную толпу солдат и добровольцев, собравшихся на улице, ведущей к Евангельскому бастиону. Они постукивали ногами по мостовой и топтались на одном месте, как люди, продрогшие от сырого и пронзительного холода, какой бывает зимою при восходе солнца. Не было недостатка в ругательствах и крепких пожеланиях по адресу того, кто заставил их взяться за оружие в такую рань; но, несмотря на ругань, их слова дышали бодростью и надеждой, одушевляющей солдат, когда ими командует почитаемый начальник; они говорили полушутя, полусердито:

— Этот проклятый Железнодорожник, этот Жан Бессонный не может позавтракать, если утром не расшевелит этих иродов! Чтоб лихорадка его заела! Черт, а не человек! С ним никогда нельзя быть уверенным, что выплывешь! Клянусь бородой покойного адмирала: если сейчас не начнут стрелять, я засну, будто у себя в постели! А! Ура! Вот и водка, она поставит нам сердце на место, и мы не схватим простуды в чертовском тумане.

Покуда солдатам раздавали водку, офицеры, окружив ла Ну, стоявшего под навесом лавки, с интересом слушали план нападения, которое он предполагал предпринять против осаждающей армии. Раздалась барабанная дробь, каждый занял свое место, пастор приблизился и, благословив солдат, увещевал их доблестно исполнить свой долг, обещая, если их постигнет неудача, вечную жизнь, в противном же случае, по возвращении в город — награды и благодарность сограждан.

Проповедь была короткая, но ла Ну нашел ее слишком длинной. Это был совсем не тот человек, что накануне жалел о каждой капле французской крови, пролитой на этой войне. Теперь это был только солдат, торопившийся поскорей увидеть зрелище бойни. Как только пасторская речь была окончена и солдаты ответили аминь, он воскликнул твердым и жестким голосом:

— Друзья, пастор только что совершенно правильно вам сказал! Предадим себя в руки господу и пресвятой

деве Крепко Разящей! Первого из вас, кто выстрелит раньше чем пыж его аркебуза упрется в живот паписту, я убью, если сам вернусь живым.

— Сударь,— вполголоса сказал ему Мержи,— вот слова, отнюдь не похожие на те, что вы вчера говорили.

— Вы по-латыни знаете? — спросил резко ла Ну.

— Так точно.

— Ну, так вспомните прекрасное изречение «Age quod agis»⁶⁴.

Он дал сигнал; раздался пушечный выстрел, и вся толпа большими шагами направилась за город; в то же время маленькие отряды солдат, выйдя из разных ворот, подняли тревогу во многих пунктах неприятельской линии, чтобы католики, думая, что нападение идет со всех сторон, и боясь обнажить какое-нибудь из своих укреплений, находящихся под угрозой, не решились послать подкреплений к месту главной атаки.

Евангельский бастион, против которого были направлены усилия инженерных войск католической армии, особенно страдал от батареи из пяти пушек, поставленных на небольшом пригорке, на вершине которого находилось разрушенное здание, бывшее до осады мельницей. Подступы к ней со стороны города были защищены рвом и земляным валом, а впереди рва на сторожевых постах были расставлены аркебузиры. Но, как и предполагал протестантский полководец, их аркебузы, в течение многих часов подвергавшиеся сырости, оказались почти бесполезными, и нападающие, хорошо экипированные и подготовленные к атаке, имели большое преимущество над людьми, застигнутыми врасплох, утомленными бессонницей, вымокшими от дождя и окоченевшими от холода.

Передовые часовые были зарезаны. Несколько выстрелов, произведенных каким-то чудом, разбудили батарею команду лишь для того, чтобы она успела увидеть, как неприятель уже завладел валом и карабкается по мельничному пригорку. Некоторые из солдат пытались сопротивляться, но оружие выпадало из их окоченелых рук, почти все их аркебузы давали осечку, меж

⁶⁴ Что делаешь — делай!

тем как у нападающих ни один выстрел не пропал даром. Победа была несомненной, и протестанты, хозяева батареи, уже выпускали жестокий крик: «Нет пощады! Вспомните 24-е августа!»

С полсотни солдат вместе со своим начальником были размещены в мельничной башне; начальник, в ночном колпаке и кальсонах, с подушкой в одной руке и шпагой — в другой, отворил дверь и вышел, спрашивая, что это за шум. Далекий от мысли о неприятельской вылазке, он воображал, что шум происходит от ссоры между его же собственными солдатами. Он жестоко разубедился в этом: от удара бердышом он упал на землю, обливаясь кровью. Солдаты успели забаррикадировать двери в башню и некоторое время успешно отстреливались через окна; но совсем около здания лежали большие кучи сена, соломы и веток, приготовленных для плетения тур. Протестанты подожгли все это, и огонь в одну минуту охватил башню, вздымаясь до самой верхушки. Вскоре изнутри стали доноситься жалобные крики. Крыша была объята пламенем и грозила обрушиться на головы несчастных. Дверь горела, и баррикады, которые они понаделали, мешали им воспользоваться этим выходом. Те, кто пытались выпрыгнуть через окна, падали в огонь или на острия копий. Вдруг взорам представилось ужасное зрелище. Какой-то офицер, в полном вооружении, попытался, как и другие, выскочить через узкое окно. Его кираса оканчивалась внизу, согласно распространенной в те времена моде, чем-то вроде железной юбки, покрывавшей бедра и живот и расширявшейся в виде воронки, чтобы можно было свободно двигаться. Окно было недостаточно широко, чтобы пропустить эту часть вооружения, прапорщик же в волнении с такой силой бросился в окно, что большая часть его тела очутилась наружу, и он, не будучи в состоянии двинуться, оказался словно захваченным тисками. Между тем огонь поднимался до него, раскалял его вооружение и медленно его поджаривал, как в печке или в пресловутом медном быке. Несчастный выпускал ужасные крики и тщетно махал руками, словно призывая на помощь. Среди нападающих наступила минута молчания, потом все разом, будто сговорившись, грянули военный клич, чтобы оглу-

шить себя и не слышать воплей сгоравшего человека. Он исчез в вихре огня и дыма, и видно было, как посреди обломков башни упала раскаленная до-красна каска.

В пылу боя впечатление ужаса и печали быстро стираются: инстинкт самосохранения слишком настойчиво дает себя знать солдату, чтобы он мог долго оставаться чувствительным к несчастьям других. Покуда одна часть ларошельцев преследовала беглецов, другие принялись гвоздить пушки, разбивать лафеты и бросать в ров батарейные туры и трупы прислуги.

Мержи, один из первых перелезший через ров и взобравшийся на насыпь, остановился на мгновение, чтобы перевести дыхание и нацарапать острием кинжала на одной из пушек имя Дианы; потом стал помогать другим разрушать сооружения осаждающих.

Двое солдат, взяв за голову и ноги католического офицера, не подававшего признаков жизни, мерно раскачивали его, собираясь бросить в ров. Вдруг мнимый покойник открыл глаза и, узнав Мержи, воскликнул:

— Господин де Мержи, смилуйтесь! Я сдаюсь вам в плен,— спасите меня! Неужели вы не узнаете вашего друга Бевиля?

Лицо у несчастного было все в крови, и Мержи с трудом узнал в этом умирающем молодого придворного, которого он оставил жизнерадостным и веселым. Он велел осторожно положить его на траву, сам сделал перевязку и, положив поперек седла, отдал распоряжение осторожно отвезти его в город.

В то время как он прощался с ним и помогал вывести лошадь из батареи, он заметил на открытом пространстве кучку всадников, которые рысью продвигались между городом и мельницей. По всей видимости, это был отряд католической армии, намеревавшийся отрезать ларошельцам отступление. Мержи сейчас же побежал предупредить об этом ла Ну.

— Если вы соблаговолите доверить мне десятка четыре стрелков,— сказал он,— я сейчас же брошусь за плетень, что идет вдоль дороги, по которой они поедут, и, прикажите меня повесить, если они живо не повернут оглобли!

— Отлично, мальчик! Из тебя выйдет хороший вое-

начальник! Ну, вы! Идите за его благородием и делайте все, что он вам прикажет.

В одну минуту Мержи расположил своих стрелков вдоль плетня; он приказал им стать на одно колено, приготовиться и не стрелять раньше его команды.

Неприятельские всадники быстро приближались; уже слышен был топот их лошадей по грязной дороге.

— Их начальник, — сказал Мержи шепотом, — тот самый чудака с красным пером, по которому мы вчера промахнулись. Сегодня-то уж мы его не упустим!

Стрелок, что был у него справа, кивнул головой, как будто желал сказать, что он берет на себя это дело. Всадники были уже шагах в двадцати, не более, и капитан их повернулся к своему отряду, по-видимому, собираясь отдать какой-то приказ, как вдруг Мержи, неожиданно поднявшись, крикнул:

— Огонь!

Начальник с красным пером повернул голову, и Мержи узнал своего брата. Он протянул руку к аркебузе своего соседа, чтобы отвести ее; но, раньше чем он успел это сделать, раздался выстрел. Всадники, удивленные этим неожиданным залпом, бросились врассыпную по полю. Капитан Жорж упал, пронзенный двумя пулями.

XXVII

ЛАЗАРЕТ

Старинный монастырь, конфискованный городским советом Ла-Рошели, во время осады был обращен в лазарет для раненых. Пол церкви, откуда были убраны скамейки, алтарь и все украшения, был покрыт сеном и соломой: туда переносили простых солдат. Трапезная была предназначена для офицеров и дворян. Это был довольно большой, обшитый старым дубом зал, с широкими сводчатыми окнами, дававшими достаточный свет для хирургических операций, которые здесь непрерывно производились.

Сюда положили и капитана Жоржа, на матрац, красный от его крови и от крови стольких других несчастных,

предшествовавших ему в этом месте скорби. Охапка соломы служила ему подушкой. С него только что сняли кирасу и разорвали камзол и рубашку. Он был обнажен до пояса, но на правой руке еще оставался наручник и стальная рукавица. Солдат унимал кровь, текшую у него из ран в живот как раз ниже кирасы и в верхнюю часть левой руки. Мержи был так подавлен горем, что не в силах был оказать какую-либо существенную помощь. Он то плакал, стоя на коленях перед братом, то катался по земле с криками отчаяния, не переставая обвинять себя в том, что убил самого нежного брата и самого лучшего своего друга. Капитан сохранял спокойствие и старался умерить его отчаяние.

В двух шагах от его матраца находился другой, на котором, в столь же жалком состоянии, лежал бедняга Бевиль. Черты его лица не выражали той спокойной покорности, какая была в лице капитана. От времени до времени он испускал глухие стоны и поворачивал глаза к соседу, как будто прося у него немного его мужества и твердости.

Человек лет, приблизительно, сорока, сухой, тощий, лысый, весь в морщинах, вошел в зал и приблизился к капитану Жоржу, держа в руках зеленый мешок, в котором раздавалось бречанье, очень страшное для больных.

То был метр Бризар, довольно ловкий для своего времени хирург, ученик и друг знаменитого Амбруаза Паре. Он только что произвел какую-то операцию, судя по тому, что рукава у него были засучены до локтей, а его большой фартук запачкан кровью.

— Чего вы от меня хотите и кто вы такой? — спросил у него Жорж.

— Я — хирург, сударь, и если имя метра де Бризара вам неизвестно, то следовательно вы еще многого не знаете. Ну, запаситесь, как говорится, овечьей храбростью. В огнестрельных ранах я разбираюсь, славу богу, хорошо, и хотел бы иметь столько мешков с золотом, сколько пуль я извлек из людей, которые теперь живут и здравствуют.

— Доктор, скажите мне правду! Рана смертельна, насколько я понимаю?

Хирург сначала осмотрел левую руку и проговорил: «Пустяки!» Потом принялся зондировать другую рану, от чего раненый стал делать ужасные гримасы. Правой своей рукой он даже довольно сильно отталкивал докторскую руку.

— К дьяволу! Не лезьте дальше, чертов лекарь! — воскликнул он. — По вашему лицу я ясно вижу, что моя песенка спета.

— Видите ли, сударь, я боюсь, что пуля сначала задела мускулы нижней части живота и, поднявшись, застряла в спинном хребте, именуемом иначе греческим словом *ра х и с*. Думать так заставляет меня то обстоятельство, что у вас отнялись и похолодели ноги. Этот патогномический признак редко обманывает, и в таком случае...

— Ружейный выстрел в упор и пуля в спинном хребте! Черт! Больше чем надо, доктор, чтобы отравиться *ad patres*⁶⁵.

— Нет, он будет жить! Он будет жить! — закричал Мержи, уставясь блуждающими глазами на доктора и крепко схватив его за руку.

— Да, он будет жить еще час, может быть, два, — холодно ответил метр Бризар: — он — человек здоровый.

Мержи снова упал на колени, схватил брата за руку, и поток слез оросил стальную перчатку, которая была надета на раненом.

— Часа два? — переспросил Жорж. — Тем лучше: я боялся, что дольше придется мучиться.

— Нет, этого не может быть! — воскликнул, рыдая, Мержи. — Жорж, ты не умрешь! Брат не может умереть от руки брата!

— Полно, успокойся и не трясись меня. Каждое твое движение причиняет мне боль. Теперь я не очень мучаюсь, пусть это так и продолжается... как говорил Занн, падая с высокой колокольни.

Мержи сел около матраца, положив голову на колени и закрыв лицо руками. Он был неподвижен и находился как бы в полудремоте; только время от времени по всему телу его пробегала судорожная дрожь как в лихо-

⁶⁵ На тот свет.

радке, и стоны, не похожие на звуки человеческого голоса, с трудом вырывались из его груди.

Хирург сделал перевязки, чтобы только остановить кровь, и с полным хладнокровием вытер свой зонд.

— Я советую вам приготовиться, — сказал он. — Если вам угодно пастора, их тут сколько угодно. Если же вы предпочитаете католического священника, то и такого вам найдут. Я только что видел какого-то монаха, которого наши взяли в плен. Да вон он там исповедует папистского офицера, который при смерти.

— Пускай мне дадут пить, — ответил капитан.

— От этого воздержитесь. Вы умрете на час раньше.

— Час жизни дешевле стакана вина. Прощайте, доктор. Рядом со мною человек с нетерпением вас дожидается.

— Кого же вам прислать: пастора или монаха?

— Ни того, ни другого!

— Как так?

— Оставьте меня в покое!

Хирург пожал плечами и подошел к Бевилю.

— Черт возьми! — воскликнул он, — вот славная рана! Эти черти добровольцы здорово бьют!

— Я поправлюсь, не правда ли? — спросил раненый слабым голосом.

— Вздохните немного, — сказал метр Бризар.

Раздалось что-то вроде слабого свиста, — это воздух вышел из груди Бевиля через рану, и кровь забила красной пеной.

Хирург присвистнул, словно подражая этому странному звуку, потом наскоро положил компресс, забрал свои инструменты и собирался уйти. Меж тем Бевиль блестящими, как два факела, глазами следил за всеми его движениями.

— Как же, доктор? — спросил он дрожащим голосом.

— Укладывайте вещи в дорогу, — холодно ответил хирург и удалился.

— Увы! Умереть таким молодым! — воскликнул несчастный Бевиль, роняя голову на охапку соломы, служившую ему изголовьем.

Капитан Жорж просил пить, но никто не хотел дать ему стакана воды из страха ускорить его конец, — стра-

ное человеколюбие, служащее только для того, чтобы продлить страдание! В эту минуту в зал вошли ла Ну и капитан Дитрих в сопровождении других офицеров, чтобы посетить раненых. Все они остановились перед матрацем Жоржа, и ла Ну, опершись на рукоять своей шпаги, переводил с брата на брата свои глаза, в которых отражалась вся душевная боль, испытываемая им при этом печальном зрелище.

Внимание Жоржа привлекла фляга, висевшая на боку у немецкого капитана.

— Капитан,— произнес он,— вы — старый солдат?

— Да, старый солдат. От порохового дыма борода скорее седеет, чем от лет. Меня зовут капитан Дитрих Горнштейн.

— Скажите, что бы вы сделали, если были бы ранены, как я?

Капитан Дитрих с минуту посмотрел на его раны, как человек, привыкший их видеть и судить, насколько они тяжелы.

— Я привел бы в порядок свою совесть,— ответил он,— и попросил бы стакан доброго рейнвейна, если бы поблизости нашлась бутылка.

— Ну так вот, я у них прошу только их скверного ларошельского вина, и это дурачье не хочет мне дать.

Дитрих отстегнул свою флягу внушительной величины и собирался передать ее раненому.

— Что вы делаете, капитан? — воскликнул какой-то стрелок.— Доктор сказал, что он сейчас же умрет, если выпьет чего-нибудь.

— Ну, так что же? По крайней мере, перед смертью он получит маленькое удовольствие! Получайте, молодчина! Очень жалею, что не могу вам предложить лучшего вина.

— Вы — добрый человек, капитан Дитрих,— произнес Жорж, выпив вина. Потом, протягивая флягу своему соседу: — А ты, бедный мой Бевиль, хочешь последовать моему примеру?

Но Бевиль покачал головою и ничего не ответил.

— Ах,— сказал Жорж,— еще мука! Неужели не дадут мне умереть спокойно? — Он увидел, что к нему приближается пастор с библией под мышкой.

— Сын мой,— начал пастор,— раз вы сейчас...

— Довольно, довольно! Я знаю все, что вы мне скажете, но это — потерянный труд! Я — католик.

— Католик?! — воскликнул Бевиль.— Значит, ты не атеист?

— Но некогда,— продолжал пастор,— вы были воспитаны в законах реформатской религии; и в этот торжественный и страшный час, когда вам предстоит предстать перед высшим судьей поступков и совести...

— Я — католик. Оставьте меня в покое!

— Но...

— Капитан Дитрих, не сжалитесь ли вы надо мною? Вы уже оказали мне одну услугу: я прошу вас оказать и другую. Сделайте так, чтобы я мог умереть без увещаний и проповедей.

— Удалитесь,— сказал капитан пастору: — вы видите, что он не расположен вас слушать!

Ла Ну дал знак монаху, который сейчас же подошел

— Вот духовное лицо вашей веры,— обратился он к капитану Жоржу,— мы не стесняем свободы совести.

— Монах или пастор, пусть они убираются к черту! — ответил раненый. Монах и пастор стояли по обе стороны постели и, казалось, расположены были оспаривать один у другого умирающего.

— Капитан — католик,— произнес монах.

— Но он родился протестантом,— возразил пастор,— он принадлежит мне.

— Но он обратился в католичество.

— Но умереть он желает в вере своих отцов.

— Исповедуйте свои грехи, сын мой.

— Прочтите символ веры, сын мой.

— Не правда ли, вы умрете, как добрый католик...

— Удалите этого антихристового приспешника! — воскликнул пастор, чувствуя, что большинство присутствующих на его стороне.

Какой-то солдат из ревностных гугенотов сейчас же схватил монаха за веревочный пояс и оттащил его, крича:

— Вон отсюда, бритая макушка! Висельник! Уже давным-давно в Ла-Рошели не служат обеден!

— Остановитесь,— произнес ла Ну.— Если капитан

хочет исповедываться, то даю слово, что никто не воспрепятствует ему в этом.

— Большое спасибо, господин ла Ну...— сказал умирающий слабым голосом.

— Вы все свидетели,— вступился монах,— он хочет исповедываться.

— Нет, черт бы меня побрал!

— Он возвращается к вере предков,— воскликнул пастор.

— Нет, тысяча чертей! Оба оставьте меня! Что я, умер уже, что ли, что вороны дерутся из-за моего трупа? Я не хочу ни ваших обеден, ни ваших псалмов!

— Он богохульствует! — разом воскликнули служители враждующих культов.

— Однако нужно же во что-нибудь верить,— произнес капитан Дитрих с невозмутимым хладнокровием.

— Я верю... что вы — славный человек и избавите меня от этих гарпий⁶⁶... Да, уходите и дайте мне умереть, как собаке!

— Так и умирай, как собака! — сказал с негодованием пастор, удаляясь. Монах сотворил крестное знамение и подошел к постели Бевиля.

Ла Ну и Мержи остановили пастора.

— Сделайте последнюю попытку,— сказал Мержи.— Сжальтесь над ним, сжальтесь надо мною!

— Сударь,— обратился ла Ну к умирающему,— поверьте старому солдату: увещания человека, посвятившего себя богу, могут смягчить последние минуты умирающего. Не следуйте внушениям преступной суетности и не губите вашей души из-за пустой бравады.

— Сударь,— ответил капитан,— я не с сегодняшнего дня начал помышлять о смерти. Я не имею надобности в чьих бы то ни было увещаниях для того, чтобы подготовиться к ней. Я никогда не любил бравад, и в данную минуту менее чем когда бы то ни было склонен к ним. Но, черт побери, мне нечего делать с их побасенками!

Пастор пожал плечами. Ла Ну вздохнул, и оба медленно отошли, опустив голову.

⁶⁶ Гарпии — в древнегреческой мифологии — крылатые женщины-чудовища, преследовавшие людей, избранных ими своими жертвами.

— Друг мой,— начал Дитрих,— должно быть, вы чертовски мучаетесь, если говорите такие слова.

— Да, капитан, я чертовски мучаюсь.

— Тогда, надеюсь, господь бог не оскорбится на ваши речи, которые ужасно похожи на богохульство. Но когда все тело прострелено, черт возьми,— позволительно для самоутешения и почертыхаться немного!

Жорж улыбнулся и снова приложился к фляжке.

— За ваше здоровье, капитан! Вы — лучшая сиделка для раненого солдата.— С этими словами он протянул ему руку.

Капитан Дитрих пожал ее, и было видно, что он взволнован.

— Teufel! ⁶⁷ — пробормотал он тихонько.— Однако, если бы брат мой Генниг был католиком и я всадил бы ему заряд в живот... Значит, вот как сбылось предсказание Милы!

— Жорж, друг мой,— произнес Бевиль жалобным голосом,— скажи же мне что-нибудь! Мы сейчас умрем: это — ужасное мгновенье! Ты думаешь теперь так же, как думал, когда обращал меня в атеизм?

— Без сомнения; мужайся,— через несколько минут мы перестанем страдать.

— Но монах этот толкует мне об огне, о дьяволах... не знаю, о чем... мне кажется, что все это неутешительно.

— Глупости!

— А вдруг это — правда?..

— Капитан, свою кирасу и шпагу я оставляю вам в наследство, жаль, что у меня нет ничего лучшего, чтобы предложить вам за то славное вино, которым вы меня так великодушно угостили.

— Жорж, друг мой,— снова начал Бевиль,— это будет ужасно, если правда все, что он говорит... вечность!

— Трус!

— Ну да, трус... легко сказать! Будешь трусом, когда дело идет о вечных муках!

— Ну, так исповедуйся!

— Пожалуйста, скажи мне: ты уверен, что ада нет?

— Вздор!

⁶⁷ Черт!

— Нет, ответь, вполне ли ты уверен в этом? Дай мне слово, что ада нет!

— Я ни в чем не уверен. Если дьявол существует, мы сейчас увидим, так ли он черен...

— Как? Ты не уверен в этом?

— Говорю тебе: исповедуйся!

— Но ты будешь смеяться надо мною?

Капитан не мог удержаться от улыбки; потом серьезно произнес:

— На твоём месте — я бы исповедался, — это всегда самое верное дело; человек, которому отпустят грехи, которого помажут миром, готов ко всяким случайностям.

— Ну, хорошо, я сделаю так же, как и ты. Сначала ты исповедуйся.

— Нет.

— Ну... Говори, что тебе угодно, а я умру добрым католиком. Ну, отец мой, давайте читать Confiteor⁶⁸ и подсказывайте мне, а то я несколько позабыл молитвы.

Пока он исповедывался, капитан Жорж пропустил еще глоток вина, потом положил голову на свое жалкое изголовье и закрыл глаза. Он лежал спокойно около четверти часа. Потом он сжал губы и задрожал, испустив стон, исторгнутый болью. Мержи, думая, что он умирает, громко вскрикнул и приподнял ему голову. Капитан сейчас же снова открыл глаза.

— Опять?! — произнес он, слегка отталкивая брата. — Прошу тебя, Бернар, успокойся!

— Жорж, Жорж! И ты умираешь от моей руки!

— Что же делать? Я не первый из французов, убитый братом... полагаю, что и не последний. Винить в этом я должен только самого себя... Когда брат короля освободил меня из тюрьмы и взял с собою, я дал себе слово не обнажать шпаги... Но когда я узнал, что этот бедняга Бевиль подвергся нападению... когда я услышал звук залпов, я захотел поближе посмотреть, в чем дело.

Он опять закрыл глаза и тотчас же, открыв их, сказал Мержи:

— Госпожа де Тюржи поручила передать тебе, что она по-прежнему любит тебя.

⁶⁸ Католическая молитва, начинающая обряд исповеди: «Исповедую».

Он кротко улыбнулся.

Это были его последние слова. Умер он через четверть часа, по-видимому, без больших страданий. Через несколько минут испустил дух и Бевиль, он умер на руках монаха, который потом уверял, что отчетливо слышал, как в воздухе раздавались радостные клики ангелов, принявших душу этого раскаявшегося грешника, меж тем как из-под земли на это отвечал торжествующий вой дьяволов, уносивших душу капитана Жоржа.

Во всех историях Франции можно прочесть о том, как ла Ну покинув Ла-Рошель, полный отвращения к гражданской войне и мучимый угрызениями совести, не позволявшей ему сражаться против своего короля; как католическая армия принуждена была снять осаду и как заключен был четвертый мир, вскоре после которого последовала смерть Карла IX.

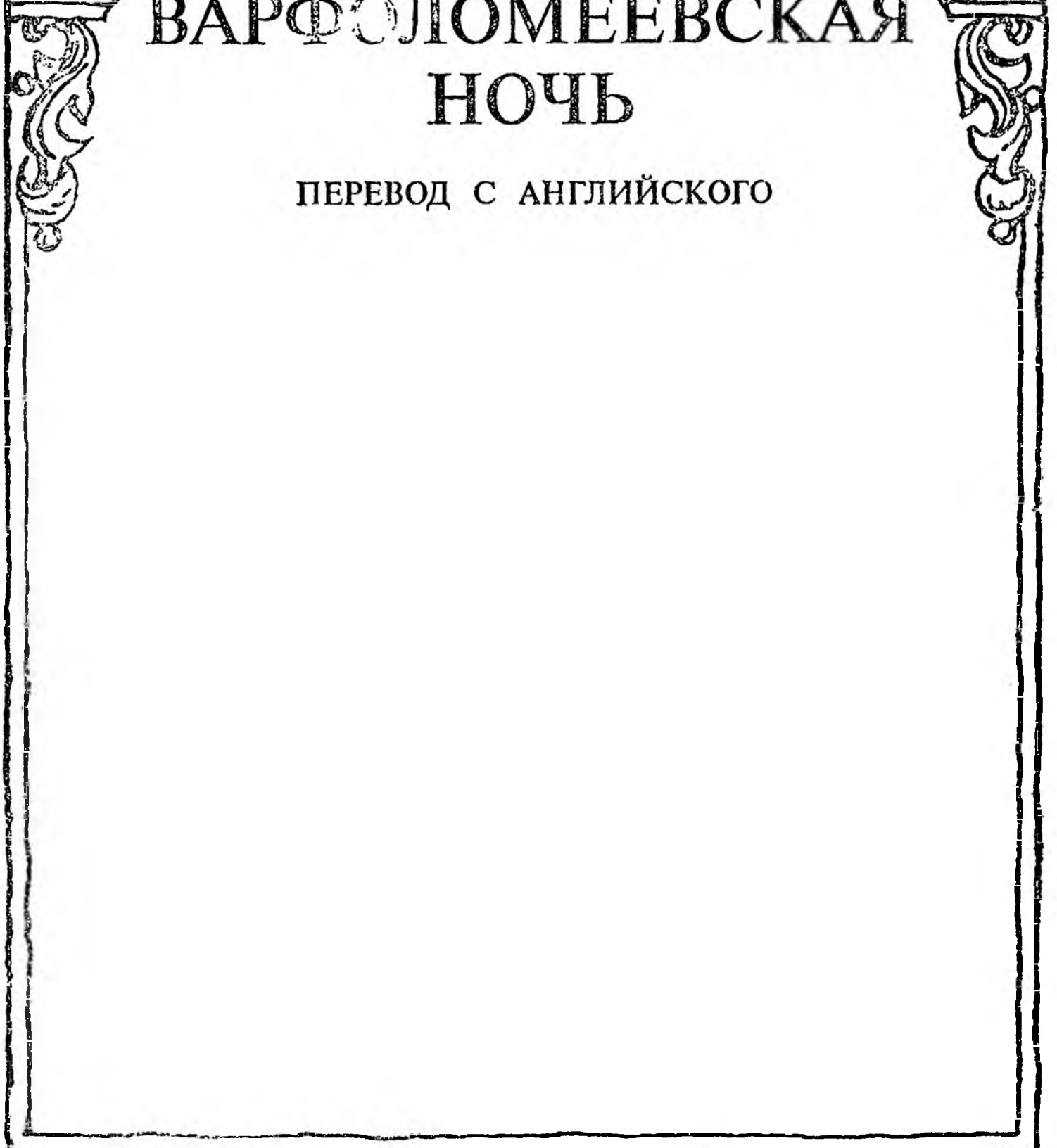
Утешился ли Мержи? Завела ли Диана другого любовника? Предоставляю решить это читателю, который таким образом сможет закончить роман по своему вкусу.

Д. ГЕНТИ

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ
НОЧЬ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

Глава I

ИЗГНАННИКИ

В 1567 году почти во всех южных городах Англии можно было встретить большие колонии французских протестантов. В течение тридцати лет гугеноты подвергались во Франции жестоким преследованиям; многие тысячи их были зверски умерщвлены, и в то же время католиками принимались самые суровые меры, чтобы воспрепятствовать их бегству. Около 50 000 гугенотов успели, однако, бежать за границу, преимущественно в Голландию, Англию и протестантские кантоны Швейцарии. Те из них, которые достигли берегов Англии, терпели страшную нужду и снискивали себе пропитание работою в портах, где высадились, или вблизи их.

Одним из первых эмигрантов в Кентербери был Гаспар Вальян, прибывший туда в числе многих других в 1541 году, с женой и свояченицей. Гугенотов в городе любили и жалели, удивляясь мужеству, с которым они переносили свои невзгоды.

Гаспар Вальян до бегства из Франции был крупным помещиком в Пуату, близ Сивре, и состоял в родстве со многими знатными семействами этой области. Он одним из первых принял реформатство. В течение нескольких лет ему не мешали исповедывать новое вероучение,— первые гонения обрушились на бедных и беззащитных. Но когда все попытки Франциска I уничтожить новую секту не удались, преследования обрушились на всех гу-

генотов без исключения. Тюрьмы быстро переполнились протестантами, в протестантских городах и селах были поставлены на постой солдаты, издевавшиеся над жителями.

Потеряв надежду на лучшие времена, Гаспар собрал сколько мог денег и направился с своею женой и свояченицей в Ла-Рошель, откуда на парусном судне перебрался в Лондон. Шум большого города был ему, однако, не по душе, и он переселился в Кентербери. Там он встретил несколько бедных соотечественников, также покинувших родину. Один из них, ткач по ремеслу, сильно нуждался, не имея средств обзавестись ткацким станком. Гаспар взял его к себе в компаньоны, вложив в дело все свои средства, и в то время, как его компаньон Лескок выделывал ткани, он взял на себя торговую часть предприятия.

Французская колония в Кентербери увеличивалась, и потому не трудно было найти искусных работников; дело пошло отлично и стало давать большую прибыль, несмотря на то, что несколько подобных же предприятий уже было устроено гугенотами в Лондоне и в других местах.

Свояченица Гаспара, Люси, стала давать уроки французского языка дочерям горожан и мелких дворян, живших близ города, а три года спустя вышла замуж за зажиточного молодого землевладельца, Джона Флетчера, владевшего в двух милях от города фермою в сто акров. Вскоре после рождения первого ребенка, мужа ее постигло несчастье: однажды вечером, когда он возвращался домой с рынка, его переехал какой-то пьяный возница, и жизнь его несколько месяцев находилась в опасности; хотя он затем и оправился, но навсегда лишился ног.

С того времени Люси стала заведывать делами фермы, и, благодаря ее энергии, дела пошли весьма удачно. Чистота и порядок в доме служили предметом общего удивления друзей ее мужа, а по делам фермы она пользовалась советами Гаспара Вальяна и применяла французский способ обработки земли, в то время значительно опередивший английский, причем нанимала в работники своих соотечественников. Мало-помалу она заменила посевы хлебов овощами, которые, благодаря хороше-

му удобрению и заботливому уходу, достигли такой величины и таких качеств, что приводили в восхищение всех соседей и охотно покупались горожанами. И вместо того, чтобы разориться, как предсказывали друзья Джона Флетчера, Люси стала получать с фермы значительный доход. Управляя домом и фермой, Люси не забывала и своего больного мужа, которого окружала самым заботливым уходом. В это время Люси уже отлично говорила по-английски, а муж ее научился немного говорить по-французски. В доме соблюдались обычаи гугенотов, и утром и вечером на ферму Флетчера собирались для молитвы соседи гугеноты с своими семьями и прислугой.

Ферма благоденствовала, но хозяин ее выздоравливал медленно. Обыкновенно он лежал на кушетке на кухне, откуда мог видеть, что делалось в поле, а в теплые летние дни его выносили на свежий воздух в тень большого вяза, который рос против дома.

Между тем подрастал сын его Филипп. Отец научил его читать, а когда настало время, его стали посылать в школу в Кентербери. Сам Джон Флетчер был высокого роста и отличался замечательною физической силой; до своей женитьбы он считался чуть ли не первым борцом в округе. Филипп походил на отца как силою, так и мужеством, и мать его нередко покачивала укоризненно головой, когда он после схватки со школьными товарищами являлся домой с подбитым глазом и в изорванном платье; но в таких случаях отец всегда принимал его сторону.

— Не жури его, Люси,— сказал он однажды,— мальчику уже одиннадцать лет, пора ему уметь постоять за себя. Научи его любить Бога, быть честным, правдивым, но не мешай ему развивать свои силы. В наше время необходимо всем учиться владеть оружием. К счастью, наша королева протестантка, и мы можем спокойно молиться Богу по-своему. Но может статься, что у нас снова возникнут смуты, если королева выйдет замуж за католика. Кроме того, Филипп Испанский хочет подчинить себе Англию, и потому каждый из нас должен быть готовым в любую минуту взяться за оружие для защиты веры и отечества. Словом, я желаю, чтобы сын мой был не только хорошим христианином, но и храбрым воином.

В Кентербери есть несколько благородных горожан, и среди них мы, наверное, найдем Филиппу хороших наставников.

Люси не стала противоречить мужу, однако решила заручиться содействием Гаспара Вальяна, чтобы уговорить его не воспитывать в мальчике воинственные наклонности. И когда Гаспар, по обыкновению, зашел с женою вечером на ферму, она обратилась к нему с этой просьбой. Но Гаспар оказался вполне согласным с ее мужем.

— Если бы времена были другие,— ответил он ей,— я посоветовал бы воспитать в мальчике будущего фермера; но в наши дни мечом действуют не ради славы, но ради права спокойно молиться Богу. Сейчас в Пуасси созван собор, на котором наши лучшие проповедники в присутствии юного короля, принцев и всего двора обсуждают вопрос о вере вместе с кардиналом Лотарингии и прелатами римской церкви. Возможно, что по окончании собора издан будет указ, разрешающий гугенотам совершать свое богослужение; но это приведет в бешенство Гизов и всех папистов, подстрекаемых Римом и Филиппом Испанским, и тогда возникнет кровопролитная борьба...

— Но, Гаспар, не будет же война длиться целые годы?

— Она может длиться в течение нескольких поколений,— отвечал мрачно Вальян,— и кончится лишь тогда, когда из Франции совсем изгонят реформатскую веру, или вся страна будет протестантской.

Таким образом, благодаря отцу и родственникам-французам, Филипп Флетчер получил не совсем обычное для английских мальчиков воспитание. У гугенотов он научился быть мужественным, решительным и в то же время скромным. Ростом он был несколько выше среднего и худощав, но зато весь состоял из мускулов и нервов и в борьбе с своими товарищами по школе обнаруживал свое превосходство. Уменьем держаться, ловкостью и живостью он напоминал более своих французских предков, а во всем остальном был истинным англичанином: волосы его были светло-русые, а глаза синие, блестящие смелостью и веселостью. Но смеялся он редко; вращаясь

постоянно среди гугенотов, он научился подавлять свои чувства, и оставался степенным и молчаливым слушателем. Но когда он находился среди своих школьных товарищей-англичан, то участвовал с ними во всех спортах и играх, а в случае ссоры принимал всегда сторону слабых и обиженных.

Однако, большую часть времени он проводил в колонии гугенотов и у своего дяди. Тут у него было также много сверстников; они ходили в свою школу и обучались у пастора своей церкви. Среди этих юношей-французов происходил обыкновенно серьезный, озабоченный разговор.

Не проходило недели, чтобы какие-нибудь беглецы, проезжавшие через Кентербери, не приносили тревожных вестей с родины.

Уступки, сделанные гугенотам после религиозного собеседования в Пуасси, привели в ярость католиков, а зверский поступок герцога Франсуа Гиза послужил поводом к войне: проезжая с большим отрядом через город Васси в Шампаньи, он увидел гугенотов, отправлявших богослужение в овине, и напал на них. Около шестидесяти человек, в том числе множество женщин и детей, были бесчеловечно убиты и более ста ранены. Протестанты требовали, чтобы герцог Гиз был наказан; но на это справедливое требование не обратили внимания. Напротив, въезжая, несмотря на запрещение Екатерины Медичи, в Париж, он был принят народом с королевскими почестями. Кардинал Лотарингии, брат герцога, сам герцог и его сторонники, коннетабль Монморанси и маршал Сент-Андре, заняли в столице такое положение, что Екатерина Медичи вынуждена была уехать из Парижа в Мелун, в надежде с помощью протестантов ослабить власть Гизов в государстве. Оставил Париж и принц Конде с дворянами-гугенотами, и к нему стали стекаться гугеноты со всех концов Франции. Адмирал Колиньи, лучший из вождей гугенотов, колебался начать междоусобную войну во Франции, но увещевания его благородной жены, братьев и друзей одержали верх над его нерешимостью.

Конде вышел из Мо во главе полуторы тысячи солдат с целью захватить в плен юного короля; но Гизы

предупредили его. Тогда он направился в Орлеан, который сделал своей главной квартирой. Число восставших во Франции гугенотов было так велико, что враги их были поражены.

Англия также приняла некоторое участие в войне. После долгих колебаний алчная королева Елизавета решилась наконец послать во Францию в помощь гугенотам шеститысячное войско для занятия Гавра, Диеппа и Руана, но с тем условием, чтобы эти три города были уступлены Англии. Напрасно Конде, Колиньи и ее собственные министры просили ее не ставить Франции такого позорного условия, представляющего и для Англии слишком мало выгод, — она все-таки настаивала на своем. Немудрено, что вскоре ее стали ненавидеть за ее алчность и коварство не только католики, но и протестанты.

Войска противников встретились 19-го декабря 1562 г. Католики располагали шестнадцатью тысячами пехоты, двумя тысячами конницы и двадцатью двумя пушками; у гугенотов было четыре тысячи конницы и восемь тысяч пехоты и пять пушек. Конде быстро разбил швейцарских копейщиков Гизов, а Колиньи рассеял кавалерию коннетабля Монморанси, который при этом был ранен и попал в плен; но пехота католиков одолела пехоту гугенотов, состоявшую большею частью из молодых солдат, присланных германскими князьями; при первом же натиске неприятеля они обратились в бегство. Лошадь Конде была убита, и сам он взят в плен. Колиньи вынужден был отступить.

Потеря Конде была тяжелым ударом для гугенотов; но и противники потеряли маршала Сент-Андре, который был убит, и коннетабля Монморанси, попавшего, как сказано, в плен. К Колиньи подходили подкрепления; затем прибыло известие, что герцог Гиз убит каким-то фанатиком. Все это уравнивало шансы противников.

Обе стороны теперь желали мира. Начались переговоры, и мир был заключен на следующих условиях: владетельным князьям-протестантам были возвращены их владения и все права; дворянам разрешалось совершать богослужение у себя на дому, а прочим протестантам в предместьях и в двух местах в стенах каждого из тех городов, которые в момент подписания договора находи-

лись в их власти. Последствием этого соглашения было, что король издал «Амбуазский эдикт», обеспечивший Франции мир почти на пять лет.

Глава II

ВАЖНОЕ РЕШЕНИЕ

Однажды в июне 1567 года Гаспар Вальян и его жена посетили ферму Флетчера.

— Я пришел, Джон, поговорить с тобой о Филиппе, — сказал Гаспар. — Через несколько месяцев ему исполнится шестнадцать лет, а ростом он уже выше меня. Его учителя Рене и Густав сообщили мне, что он не хуже их владеет мечом и рапирой, а оба они, как ты сам знаешь, искусные бойцы. Пора нам подумать о его будущем.

— Я уже много думал об этом, Гаспар, — ответил Джон. — Хотя мальчик вырос у меня на глазах, я все-таки не всегда понимаю его. Когда он смеется или шутит с кем-нибудь, мне кажется, что я узнаю в нем самого себя, а когда он говорит со мною или с матерью или отдает от ее имени приказания рабочим, он так серьезен и спокоен, что походит скорее на знатного дворянина. Мне кажется, Гаспар, что мы ошиблись дав ему такое воспитание, и для него было бы лучше, если бы мы сделали из него простого фермера...

— Нет, нет, — прервал его Гаспар, — мы сделали из него хорошего человека, и, мне кажется, он унаследовал лучшие качества англичанина и француза. Но главное, Джон, он хороший христианин и ненавидит всех гонителей нашей веры, будь они французы или испанцы. Мне кажется, ему следует дать побольше свободы. Не дурно было бы послать его к нашим родственникам во Францию; пусть людей посмотрит и себя покажет.

— Того самого желает и Люси, и я уже решил исполнить ее желание.

— Как ты знаешь, нам сродни известный вождь гугенотов граф де ла Ну, продолжал Гаспар. — Он приходится Филиппу по матери двоюродным братом, и с помощью его нам, может быть, удастся получить обратно наши

земли, конфискованные после бегства. Итак, отпусти его, Джон. Я, с своей стороны, снабжу его достаточными средствами, чтобы он мог не только с честью явиться к своим родственникам, но в случае войны и собрать человек пятьдесят под знамена Конде и гугенотов.

— Я должен сначала переговорить об этом с Люси,— уклонился от ответа Джон.

Два дня спустя Джон Флетчер имел продолжительный разговор с сыном. Филипп был в восторге от предстоящего путешествия и радовался при мысли, что ему, может быть, придется сражаться за гугенотов под начальством тех славных полководцев, с именами и подвигами которых он был уже давно знаком.

— Мне жаль расстаться с тобою, Филипп,— сказал в заключение отец,— но я, к сожалению, не могу сопровождать тебя. Если во Франции снова вспыхнет война, то сражайся за правое дело и не опозорь имени своих славных предков.

В тот же вечер Джон Флетчер узнал, что жена Гаспара поедет с Филиппом.

— Мария давно желала повидаться с родными,— сказал ему Гаспар.— Графиня де Лаваль, сестра твоей жены и Марии, уже несколько раз приглашала нас навестить ее. Филипп проводит туда свою тетку, погостит там и познакомится с своим кузеном Франсуа. Я сам хотел было ехать с ними, но не решаюсь оставить на произвол судьбы фабрику. Я закажу Филиппу необходимое платье и выпишу из Лондона хорошее оружие. Вчера я уже писал моим корреспондентам в Лондоне и Соутгэмптоне, чтобы они подыскали судно, отправляющееся в Ла-Рошель. В настоящее время протестантам не безопасно путешествовать по Франции без вооруженных провожатых: все дороги кишат солдатами и разбойниками, а в деревнях происходят постоянные волнения; поэтому я напишу своему клиенту в Ла-Рошели, чтобы он подыскал для Филиппа четырех надежных молодцов и купил лошадей.

Шесть недель спустя Филипп Флетчер высадился в Ла-Рошели с теткой и ее служанкой. Когда судно вошло

в гавань, приказчик купца, с которым списался Гаспар Вальян, явился на борт и просил госпожу Вальян и ее племянника остановиться в доме его хозяина. Они пошли в сопровождении носильщиков, несших багаж.

Ла-Рошель был вполне протестантский город, жители его с виду мало чем отличались от горожан Кентербери, и путники наши не обратили на себя особенного внимания.

Купец встретил наших путников на пороге дома.

— Как я рад видеть вас снова, госпожа Вальян,— сказал он.— Ведь уже двадцать лет прошло с тех пор, как вы с сестрою и своим добрым мужем провели у меня несколько дней, пока вам наконец удалось бежать отсюда на английском судне. Да, плохие были времена, а после наступили и того хуже! Но сейчас дела наши пошли лучше, и вот уже за последние пять лет у нас не было ни резни, ни убийств. Вы мало изменились, сударыня, с тех пор, как я вас видел в последний раз.

Купец провел гостью на верхний этаж, в большую, прекрасно обставленную комнату, и предупредительно снял плащ с госпожи Вальян.

Когда Филипп, рассчитавшись с носильщиками, вошел в комнату, госпожа Вальян представила его хозяину.

— Вот мой племянник,— сказала она.— Муж мой уже писал вам о нем.

— Добро пожаловать, молодой человек,— приветствовал Филиппа купец.

— Удалось вам добыть лошадей и нанять нам четырех провожатых? — спросил его Филипп.

— Да, все готово; завтра вы можете отправиться в путь. Для вас, сударыня, я достал дамское седло, а служанка ваша может поместиться на одном коне с одним из провожатых. А для вас, молодой человек, я купил такого коня, которым вы, надеюсь, останетесь довольны.

— Надежны ли нанятые вами люди?

— О, да! Все они гасконцы и участвовали под начальством Колиньи в последней войне. Мне рекомендовал их мой друг, на виноградниках которого они работали последние два года. Полагая, что вскоре снова настанет смутное время, они намеревались поступить к какому-нибудь гугеноту, чтобы выступить с ним в поход.

Я нанял их с тем, что в конце месяца вы можете уволить их, если будете недовольны ими, и что они, в свою очередь, могут покинуть службу у вас, если она им не понравится. Оружие у них есть, а коней для них я купил, равно как и лишнюю лошадь для вашего багажа. Для вас же я не нанимал слуги, предоставив вам самим выбрать такого по своему вкусу.

— Пока я обойдусь и без слуги,— ответил Филипп.

— Иметь хорошего слугу очень важно,— заметил купец,— только не легко найти честного и преданного.

— Кроме того,— заметила госпожа Вальян,— необходимо, чтобы он был протестант самых строгих правил.

— Дорогая госпожа,— заметил купец,— желательно, конечно, чтобы он был гугенот и во всяком случае не католик; но вашему племяннику нужно прежде всего, чтобы слуга был хорошим поваром и конюхом.

После обеда Бертрам повел Филиппа в конюшню посмотреть купленных коней. Когда конюх вывел его коня, Филипп пришел в восторг от прекрасного животного.

— Он не устанет даже под двойной ношей,— заметил Бертрам,— а если вы будете сидеть на нем одни, то враг должен иметь очень хорошего коня, чтобы нагнать вас.

— Я бы хотел, господин Бертрам, чтобы враг на хорошем коне бежал от меня.

— Вероятно, так и будет,— заметил, улыбаясь, хозяин.

На следующее утро четыре ратника явились к Бертраму. Филипп остался вполне доволен ими. Это были рослые молодцы двадцати шести—тридцати лет, одетые в платье темного цвета, в шлемах и латах, с длинными мечами сбоку. Несмотря на суровое выражение их лиц, Филипп заметил, что они были очень довольны, что поступают к нему на службу.

— Вот ваш хозяин,— сказал им Бертрам.— Я поручился, что вы будете служить ему верно и старательно. Надеюсь, что вы оправдаете мою рекомендацию.

— Будем стараться,— ответил Рожер, старший из воинов.

— Вы гасконцы? — спросил Филипп.

— Да, господин, но прошло уже десять лет с тех пор, как мы вынуждены были покинуть родину; там тог-

да началась жестокая резня гугенотов. наших отцов убили, а мы все бежали в Ла-Рошель.

— Вы говорите, что ваших отцов убили. Разве вы родня между собою?

— Жак и я братья,— ответил Рожер, тронув за плечо младшего воина.— Евстафий и Генрих тоже родные братья, а нам двоюродные. Когда началась смута, мы вчетвером поступили на службу к графу де Люк и во все время войны были при нем. Когда же война окончилась, мы вернулись сюда. На родине у нас никого не осталось: все наши родственники и друзья или убиты или разбежались. Мы привыкли владеть мечом и с нетерпением ждем возобновления войны.

— Надеюсь, я буду вами доволен,— ответил Филипп,— и вы останетесь довольны мною. Через полчаса мы выступим в путь. Ждите нас с лошадьми у ворот. Вы, Рожер, как старший, возьмите на себя заботу о служанке и посадите ее к себе в седло.

Ратники поклонились и вышли.

— Они мне нравятся,— заметил Филипп.— Все рослые, brave молодцы.

Ратникам также понравился их новый хозяин.

— Этот господин мне по сердцу,— заметил Рожер товарищам, когда они вышли.— Я готов дать себя повесить, что он хорошо владеет мечом.

Глава III

В ЗАМКЕ

Через три дня путники благополучно прибыли к замку графини де Лаваль. По дороге все поражало Филиппа своею новизною: архитектура церквей и деревень, костюмы,— все это сильно отличалось от того, что он привык видеть в Англии. В некоторых селениях, где католики составляли большинство, люди посматривали недружелюбно на маленький отряд; но в других почтительно кланялись, а когда отряд останавливался, спутников Филиппа окружали с вопросами.

С места последней остановки госпожа Вальян посла-

ла с одним ратником письмо своей сестре, чтобы предупредить ее о своем прибытии. Раньше она уже писала ей из Ла-Рошели. На пути они встретили посланца графини, выражавшей свою радость по поводу приезда сестры и сообщавшей, что Франсуа с нетерпением ожидает своего кузена.

Замок Лаваль был расположен на вершине небольшой горы и виден уже издали. Когда наши путники приблизились к нему на расстояние версты, из ворот замка выехал отряд всадников и быстро помчался к ним навстречу.

Начальник отряда, подскакав к ним и соскочив с лошади, направился к Филиппу. Филипп также слез с коня и помог то же сделать своей тетке.

— Дорогая тетя,— сказал подъехавший юноша, снимая шляпу,— я явился от имени моей матери приветствовать вас и передать, что она очень рада вашему приезду. Это, разумеется, мой кузен Филипп? Но я представлял тебя совсем не таким. Мама говорила мне, что ты на два года моложе меня, и я ожидал увидеть мальчика. Но, честное слово, тебе на вид столько же лет, как и мне. Неужели тебе только шестнадцать?

— Да, шестнадцать, Франсуа.

— Но не будемте медлить,— снова обратился Франсуа к госпоже Вальян.— Мама приказала мне проводить вас к ней.

Отряд снова сел на коней и направился к замку. На крыльце замка их ожидала графиня, высокая красивая женщина.

Франсуа соскочил с лошади, отдал поводья слуге и помог тетке сойти с седла.

Сестры очутились в объятиях друг друга.

— Ты, Мария, совсем такая, какой я тебя воображала; видно что ты прожила за морем спокойно, не испытывая тревог, волновавших нашу несчастную родину,— говорила графиня, после первых изъятий радости.— А этот высокий юноша мой племянник Филипп? Да он выше Франсуа, хоть и моложе... Здравствуй, племянник! Не ожидала увидеть такого молодца. В тебе сказывается кровь де Муленов, а рост и силу ты, конечно, наследовал от отца-англичанина.

Филипп почтительно поздоровался с графиней.

— Войдем,— сказала она, обратившись к сестре,— тебе не мешает отдохнуть с дороги, а потом мне надо с тобой переговорить. Ты, Франсуа, позаботься о кузене. Вам накрыт обед в твоих комнатах. А потом покажи Филиппу замок и конюшни.

Франсуа и Филипп поклонились дамам и вышли.

— Надеюсь, ты не рассердишься,— сказал молодой граф Филиппу,— а только, ожидая тебя, я немножко беспокоился; мне почему-то казалось, что англичане грубоваты и неуклюжи, хотя и храбры.

— Ты боялся, что тебе стыдно будет показать меня твоим друзьям? — спросил смеясь Филипп.— Неудивительно: молодые англичане также ошибаются насчет французов.

— Умеешь ты ездить верхом, Филипп? — спросил Франсуа.

— Я твердо сижу на любой лошади, но более ничему не учился.

— Ну, это не важно,— заметил Франсуа,— но учили ли тебя фехтованию?

— Да, учили.

— Я так и думал. Ты умеешь танцевать? Наши гугеноты считают танцы грешной забавой; но меня учили танцам просто как гимнастике.

— Так же учили и меня. К тому же танцы в почете при английском дворе, и наша королева отлично танцует, а ведь никто не усомнится, что она ревностная протестантка.

— Вижу, что мы будем хорошими друзьями,— сказал Франсуа.— Можно быть твердым в вере и все-таки не бегать от невинных удовольствий. Кажется, и ты так же думаешь; твое лицо серьезно, но глаза смеются.

— Меня учили вести себя серьезно в присутствии старших,— ответил Филипп с улыбкой.

После обеда новые друзья отправились смотреть конюшни.

— Я выбрал для тебя хорошего коня,— говорил Филиппу Франсуа,— но у тебя уже есть превосходный конь. Все же Виктор — так зовут коня — твой. Вторая лошадь

не лишняя: пули и стрелы щадят коней так же мало, как и всадников.

Конюшни, только что расширенные, подготовленные к предстоящей войне, содержались в большом порядке. Франсуа подвел Филиппа к прекрасному коню.

— Вот мой скакун Ролло,— говорил он.— Когда я сижу на нем, то чувствую, что у самого короля конь не лучше. Он очень умен и послушен,— только что не говорит.

— Прекрасное животное,— согласился Филипп.

Осмотрели других лошадей, и Филиппу особенно понравился подаренный ему Виктор.

— Он не так красив, как Ролло,— заметил Франсуа,— но быстр, смел и добр.

В других стойлах Филипп заметил много крепких, выносливых коней, хотя и не особенно красивых с виду. На вопрос о них Франсуа ответил:

— Мы завели их для солдат, тридцать человек только что поступили к нам на службу; в случае надобности мама намерена послать их вместе с двадцатью нашими ленниками тотчас в поход. В наших владениях наберется до трехсот человек, обязанных идти на войну; но из них почти треть католики, которых грешно посылать сражаться против единоверцев; к тому же, нужно оставить кого-нибудь для охраны замка. Положим, мы всегда были добры к нашим людям, и они нас любят, но на замок могут напасть и посторонние шайки; вот почему мы наняли еще солдат. Когда я уйду в поход, то младшие сыновья наших ленников будут созваны сюда и составят вместе со слугами гарнизон замка. В наших местах еще хорошо, здесь столько же гугенотов, сколько и католиков, и потому обе партии уважают друг друга. Но в других местах католиков гораздо больше, и многие, отправляющиеся в поход, рискуют по возвращении найти свои семьи убитыми, а дома сравненными с землей.

Выйдя из конюшен в сад, Филипп всюду видел следы военных приготовлений.

— С этой стороны дома,— говорил ему Франсуа,— семь лет тому назад из окон открывался прекрасный вид в парк; но, отправляясь на войну, отец приказал как можно поспешнее выстроить эту стену и боковые башни;

с других сторон уже были, как видишь, укрепления. Видишь, вон с той стороны вдоль стены кладовые, прикрытые землей,— они наполнены зерном, и в случае осады нам нечего бояться голода. В рвах много воды, а позади замка течет ручей, так что и водой мы обеспечены. За валами — парк; завтра мы осмотрим его.

В самом замке Франсуа показал Филиппу большую залу, сплошь увешанную оружием.

— Хотя наши ленники и обязаны являться вооруженными,— заметил он,— но на всякий случай тут оружия на сто человек... В этой зале учатся наши воины. Это ввел года за два до войны мой отец, считая неразумным вести в сражение людей, неумеющих владеть оружием. У нас есть для этого два офицера, опытных в воинских построениях. Здесь же и я упражняюсь с моим учителем фехтования и с нашими офицерами Монпесом и Бурдонном... А вот и Шарль, мой учитель... Господин Шарль! Вот мой кузен Филипп; он тоже будет вашим учеником, пока гостит здесь. Не правда ли, Филипп? Не попытаться ли нам теперь же наши силы на рапирах?

Они надели толстые стеганые фуфайки и легкие шлемы с забралами, и борьба началась.

Филипп, учившийся как у английских, так и у французских учителей, удивил своим искусством и Франсуа, бравшего уроки у лучших учителей в Париже, и его учителя. Вскоре Шарль вмешался и остановил бой.

— Черт возьми! — сказал Франсуа, снимая шлем.— Я не ошибся, говоря, что по фигуре твоей можно быть уверенным, что ты учился фехтованию. Господин Шарль остановил нас, чтобы спасти меня от унижения. Как вы думаете, господин Шарль? Кузен моложе меня на два года, а между тем рука его сильнее; это я чувствовал каждый раз, когда он отражал удары.

— Разве он моложе вас? — спросил в изумлении учитель фехтования.— Я думал, что он старше. Если все юноши в Англии так владеют оружием,— обратился он любезно к Филиппу,— то не мудрено, что англичане такие стойкие воины.

Вошел слуга и пригласил молодых людей к графине.

— Вообрази, мама! — воскликнул Франсуа.— Кузен Филипп владеет мечом и рапирой чуть ли не лучше меня!

— Не лучше, тетя,— возразил Филипп.— Франсуа не хуже меня владеет шпагой.

— Филипп слишком скромн, мама,— засмеялся Франсуа.— У него рука точно железная.

— Для меня это печально,— сказала графиня.— Я гордилась искусством Франсуа. Впрочем, я рада, и желаю, чтобы Филипп доставил славу нашему роду. Ну, Филипп, я узнала, как вы живете в Англии. Теперь расскажи ты нам о себе: вероятно, ты жил не так, как Франсуа,— по словам твоей тети, английские школы многим отличаются от наших.

Филипп описал свою школьную жизнь с ее грубыми играми и забавами.

— Может ли быть, Филипп,— воскликнула в ужасе графиня,— что ты дрался с грубыми уличными мальчишками?

— Конечно. Благодаря этим грубым забавам я окреп. Притом в Англии нет такого, как во Франции: там низшие и средние классы более независимы, а высшие не так высокомерны.

Графиня пожала плечами.

В замке потекли спокойные дни. До завтрака Филипп учился верховой езде под руководством капитана Монпеса и делал быстрые успехи. Потом Франсуа и Филипп учились метать копья сквозь кольца и занимались другими воинскими упражнениями. После завтрака они охотились с соколами или с собаками. В соколиной охоте Филипп был совсем неопытен, и его очень удивило, что она считается необходимою в воспитании джентльмена. Франсуа же изумлялся искусству Филиппа стрельбе из лука, который, как оружие, был во Франции почти неизвестен. Пистолет стал уже тогда необходимым оружием рыцаря, и Филипп выучился хорошо стрелять из него.

— Немецкие всадники, которых много у Гизов,— сообщил Филиппу Франсуа,— все имеют огнестрельное оружие, значит и нам необходимо иметь его. Однако, я желал бы, чтобы все государи запретили такое оружие, потому что с ним даже презренный пеший солдат может одолеть самого храброго рыцаря.

После полудня в замке обыкновенно собирались дворяне-гугеноты потолковать о делах и обменяться вестями из Парижа, а вести приходили оттуда с каждым днем все печальнее. Привилегии, данные было гугенотам, постепенно отнимались у них. В Голландии протестанты открыто восстали против притеснителей, а в Валери и Шатильоне собрались самые влиятельные гугеноты, где на совещании с принцем Конде и адмиралом Колиньи был поднят вопрос, не взяться ли снова за оружие для защиты своих прав. Но Колиньи счел за лучшее повременить, чтобы вся Европа убедилась, что только безвыходное положение вынуждает гугенотов прибегнуть к оружию. Старики в замке соглашались с мнением адмирала, но молодежь волновалась. «Лучше тысячу раз умереть с мечом в руке, в открытом поле,— говорили они,— чем сложа руки смотреть, как терзают и мучают наших братьев».

Все чувствовали, что скоро должна начаться отчаянная борьба, и, слушая прения старших, Филипп горячо принимал к сердцу дело гугенотов.

Ночью и по утрам в замке происходили протестантские богослужения, на которые собирались не только все обитатели замка, но и окрестные фермеры со своими семьями. Графиня получила уже несколько предупреждений от католических властей провинции, но не обращала на них внимания, а они не располагали достаточными силами, чтобы принудить ее к повиновению.

Глава IV

НОВЫЙ СЛУГА

Пробыв шесть недель в замке, Мария Вальян, предчувствуя близкую войну, решила уехать обратно в Англию.

— Ты, кажется, сделалась здесь еще больше англичанкой,— сказала графиня на прощанье Марии.— Мне кажется, что ты слишком увлекаешься этими островитянами. Скажи Люси, мне было грустно, что она не при-

ехала с вами. Хорошо, что она позволила приехать сюда хоть сыну. Кто это придумал?

— Гаспар. Мы считаем Филиппа своим сыном, и, как я уже говорила тебе, Филипп будет нашим наследником. Хотя Гаспар и не желает, чтобы он остался во Франции, но ему хотелось, чтобы он занял в своем роду подобающее место и сделался храбрым защитником гугенотов, а в будущем стал во главе дворян Кента.

— Наши священники осудили бы эти мирские причины,— сказала графиня.— Но хотя я гугенотка, я все-таки остаюсь французской графиней и вполне разделяю мысли Гаспара. А Люси непременно должна в следующий раз присхать с тобой сюда. Надеюсь, смуты у нас скоро кончатся.

Филипп проводил свою тетку до Ла-Рошели с отрядом в двенадцать человек, посадил ее на судно и на обратном пути заехал к Бертраму.

— Нашли вы для себя подходящего слугу, господин Филипп? — спросил его Бертрам.

— Все молодые люди спешат принять участие в войне, а таких, которые согласились бы прислуживать, пока еще не нашлось.

— Я спросил об этом потому,— продолжал Бертрам,— что один из моих слуг очень просится к вам на службу. Он случайно видел вас и вбил себе в голову, что вы будете хорошим хозяином.

— А что он за человек?

— Говоря по-правде, просто бездельник,— засмеялся купец.— Но надо сознаться, что ему и не везло. Отец умер, когда он был еще ребенком, а мать вскоре снова вышла замуж. Без сомнения, с ним дома обращались дурно, и когда ему исполнилось двенадцать лет, он убежал. Его поймали и избили так сильно, что он через несколько часов снова убежал. В конце концов его оставили на произвол судьбы. Надо вам сказать, что нет дела, за которое бы он ни брался. Сначала он жил в лесах и считался одним из самых известных во всей местности браконьеров, причем с необычайною ловкостью ускользал от всех преследований. Потом он был некоторое время рыбаком, но скоро бросил это дело и поступил на верфь, а затем служил у меня на посылках, потом у ка-

кого-то священника, и так далее. Последние три-четыре месяца он находился у меня при конюшнях, где стоял и ваш конь. Вы, вероятно, видели его там. Его считают дурнем, а я, напротив, думаю, что он сметлив и остер, как иголка.

— Да, помню, там был молодец лет двадцати: он подвел мне коня и казался толковым малым. Я дал ему крону за труды. Он был в отрепьях и имел вид человека, не обедавшего целую неделю. Но честен ли он? Не попадался ли он в краже?

— Нет.

— Отчего же он хочет уйти от вас?

— Потому, что поссорился с одним из слуг, который, кажется, был неправ. Во всяком случае, вы не рискнете же взять такого шалопаю?

— Не знаю. Нужно поговорить с ним. Где он?

— Внизу. Не позвать ли его сюда наверх?

— Я сойду вниз.

Купец покачал головой.

— Помните, господин Филипп,— сказал он,— я его не рекомендую.

Филипп спустился во двор и не мог удержаться от улыбки при виде Пьера, сидевшего на колоде. Лицо его, сначала глупое и грустное, вдруг оживилось, когда он увидел что-то на улице, но через минуту опять приняло прежнее глупое, унылое выражение.

— Пьер! — позвал резко Филипп.

Малый вскочил, как подброшенный вверх мячик, и, увидя Филиппа, снял шляпу и поклонился.

— Господин Бертрам сказал мне,— обратился к нему Филипп,— что ты желаешь служить мне, но хорошего о тебе сообщил немного. Не скажешь ли ты сам что-нибудь в свою пользу?

— Ничего не могу сказать,— мрачно ответил малый,— хотя я совсем не дурной человек. Что может хорошего сказать о себе тот, у кого нет на свете ни друга, ни родни, и с кем все обращаются несправедливо! А между тем я чувствую, что могу быть верным слугой. Вы, сударь, поговорили со мной ласково в конюшне и дали мне крону; потом я видел, как вы приветливы с вашими людьми, и я сказал себе: вот господин, которому я

охотно служил бы, если бы он согласился взять меня. Испытайте меня, и если я не окажусь честным, повесьте меня на первом суку.

Искренность Пьера подействовала на Филиппа, но он колебался.

— Католик ты или гугенот? — спросил он.

— Я и сам не знаю, — ответил Пьер. — Меня никто не учил вере, и я знаю только одно, что милосердный Господь заботился обо мне, иначе я давно бы умер с голоду. Католический священник, у которого я служил, говаривал, что гугеноты хуже язычников, но я видел, что они страдают и идут в тюрьмы за веру, и не поверил священнику. Говорят, вы гугенот, и, поступивши к вам на службу, я, само собою, тоже буду гугенотом.

— Хорошо! — сказал Филипп. — Я возьму тебя на службу, испытаю тебя.

Лицо Пьера вспыхнуло от радости.

— Я буду вам верным слугою, сударь, — сказал он.

Филипп не медля купил новому слуге два костюма: один для верховой езды из грубой темной материи с высокими сапогами и длинным мечом в кожаных ножнах, другой темно-зеленый, из более дорогой ткани, для дома, с кинжалом вместо меча, затем пару шерстяных рубах и плащ; все это везли обыкновенно в те времена в чемодане, прикрепляемом к седлу. Приобретена была для Пьера также лошадь с седлом и уздой.

Филипп отдал костюмы Пьеру и приказал переодеться в конюшне, чтобы люди не видели его в лохмотьях.

Некоторое время спустя один из слуг доложил Филиппу, бывшему с Бертрамом наверху, что новый слуга спрашивает, нет ли для него каких-нибудь приказаний.

— Позовите его сюда, — сказал Филипп.

Минуту спустя вошел Пьер, одетый в темно-зеленое платье. Он был острижен и так переменился, что Филипп едва узнал его.

— Ну, вы совсем преобразили его, — заметил Бертрам.

— Привели тебе лошадь, Пьер? — спросил Филипп.

— Да, сударь.

— Мы выезжаем в шесть часов утра. Приготовься к отъезду! — сказал Филипп.

Пьер поклонился и вышел.

— Мне кажется, я ошибся, отозвавшись о нем неблагоприятно,— сказал Бертрам.

— Ведь другого случая начать новую жизнь может ему и не представится,— заметил Филипп.— Боюсь только, как бы он не напроказил в замке. Кажется, он большой проказник, а проказ гугеноты не любят.

— Я думаю, его можно смирить приличным числом палочных ударов,— заметил Бертрам.

Филипп засмеялся.

— Не думаю, чтобы мне пришлось прибегнуть к этому средству. У нас в Англии не бьют слуг. Я просто отпущу его, если он окажется негодным... Скажите, что сделано в Ла-Рошели на случай войны?

— С нашей стороны сделаны все приготовления, и как только придет известие, что Конде и адмирал подняли знамя, мы запрем все ворота, выгоним всех, кто будет против нас, и встанем за веру. И я не думаю, чтобы дело затянулось. Я уже вчера послал верного слугу привезти обратно мою дочь и сестру, которые находятся за восемьдесят миль отсюда. В военное время девушкам опасно разъезжать по стране.

Ранним утром следующего дня маленький отряд выступил из Ла-Рошели. Пьер важно ехал позади Филиппа.

— Ты знаешь здешнюю местность? — спросил его Филипп.

— Каждую пядь земли,— ответил тот.— Нет пруда, в который бы я не забрасывал сетей, ручья, которого бы я не знал, леса, в котором бы я не ночевал, изгороди, у которой я не ставил бы силков для кроликов. Я легко найду тут дорогу даже в самую темную ночь; это вам пригодится, если вы вздумаете послать меня в город, когда Гизы обступят его со своими солдатами.

Филипп пристально посмотрел на него.

— А ты думаешь, что Гизы скоро осадят Ла-Рошель?

— Всякий, у кого есть уши, знает это,— ответил спокойно Пьер.— Я не обращал внимания на эти вещи, мне было все равно, сидят ли в седле гугеноты или католики, но не закрывать же мне своих ушей. А народ при мне говорит не стесняясь: Пьер, дескать, равнодушен к этим делам: он-де дурачок. Вот я и знаю, что католики дума-

ют: они говорят, будто Гизы, королева Екатерина, Филипп Испанский и папа собираются покончить со всеми гугенотами. А от гугенотов я слышал, что они начнут первые и из Ла-Рошели скоро выгонят всех католиков, а тогда здесь, понятно, тотчас появится войско католиков.

— А ты думаешь, что католики в Ла-Рошели не примут своих мер?

— Как же! — ответил Пьер презрительно. — Они строили новые стены и укрепляли старые в расчете дать отпор гугенотам, которые осадят их. А гугеноты в городе посмеивались про себя, притворяясь, будто им крайне неприятно строить новые валы, за которыми впоследствии они же сами и будут укрываться от католиков. Видя все это, я собирался было удрать в леса, так как не имел охоты получить пулю в лоб ни от католика, ни от гугенота. Теперь, разумеется, другое дело. Вы гугенот, а значит и я тоже. В меня будут стрелять католики, и так как никто не желает, чтобы его застрелили, то я скоро возненавижу католиков и готов буду устроить им всякую пакость, какую только вы пожелаете.

— И ты думаешь, Пьер, что в случае надобности можешь отнести поручение в город, даже если католики окружают его?

Пьер кивнул головой.

— Я никогда не видел осады, — сказал он, — и не знаю, как далеко стоят солдаты от стен города, но думаю, если кролик сможет проскочить мимо них, то и я сумею, а если нельзя будет пробраться по земле, то проберусь как-нибудь водою.

— Но это не входит в твои обязанности, Пьер, ты должен прислуживать мне, а в мое отсутствие заботиться о моих лошадях.

— Понимаю, сударь. Но бывают времена, когда придурковатый с виду парень может сослужить хорошую службу, в особенности, когда он не слишком дорожит своей шкурой. Если что вам понадобится, только скажите, все будет исполнено.

Через два дня утром отряд подъезжал к замку. Старый сержант, ехавший с двумя из своих людей несколько впереди, остановил коня и подъехал к Филиппу.

— В замке происходит что-то необычное, сударь, —

сказал он.— Флаг поднят, а его не поднимали со времени смерти графа. Смотрите, там какие-то всадники снуют в воротах.

— Поедемте скорее,— ответил Филипп, и через десять минут они въезжали во двор замка.

Франсуа выбежал Филиппу навстречу.

— Как я рад, что ты приехал! — говорил он.— Я уже послал верхового тебе навстречу, чтобы поторопить тебя. Жребий наконец брошен. Вчера было собрание вождей гугенотов в доме адмирала Колиньи, и к моей матери прибыл вестник от моего кузена де ла Ну. Адмирал и Конде получили известия от одного друга при дворе, что на тайном заседании королевского совета решено заключить принца в темницу, Колиньи казнить, швейцарцев распределить между Парижем, Орлеаном и Пуатье, эдикт о веротерпимости отменить и употребить самые суровые меры, чтобы не допускать протестантских богослужений. Адмирал все еще стоял за необходимость помедлить, но брат его, д'Андело, доказывал, что если еще будем ждать, то всех вождей гугенотов посадят в тюрьмы, и сопротивление станет невозможным. Со времени последней войны и так уже более трех тысяч гугенотов умерло насильственной смертью, и невозможно допустить, чтобы это число бесконечно увеличивалось. К нему присоединилось большинство, и адмирал вынужден был уступить. Решено поднять восстание сразу во всей Франции двадцать девятого сентября. Нашей армии поручено рассеять швейцарцев, захватить в плен кардинала Лотарингского и затем просить короля о восстановлении нарушенных прав гугенотов, об удалении кардинала из королевского совета и о высылке всех иностранных войск из пределов государства. Как видишь, нам остаются только две недели на приготовления. Мы только что послали вестников ко всем нашим друзьям-гугенотам, чтобы они были готовы выступить со своими вассалами в поход в назначенный день.

— Зачем поднят на замке флаг, Франсуа? Это обращает внимание,— заметил Филипп.

— Сегодня день моего рождения, и все думают, что флаг поднят в честь этого дня, но на самом деле мы воспользовались этим предлогом и подняли флаг для того,

чтобы созвать сегодня в замок всех наших друзей и вассалов.

В следующие затем дни в замке происходила необыкновенно оживленная деятельность. В замок то и дело приходили и уходили дворяне-гугеноты. Пятидесяти воинам, которым предстояло сопровождать Франсуа, был сделан смотр и выдано оружие, равно как и вассалам и их слугам, приходившим в замок. Хотя все эти люди оставались в неведении насчет предстоящих событий, они чувствовали, что приближается кризис, и суровые лица их были довольны.

Относительно похода было решено, что отряд Франсуа направится на соединение с адмиралом в Шатильон на Луэнге, где должны были собраться со своими отрядами все вожди гугенотов, а вместе с ними и де ла Ну.

Путь этот был бы весьма опасен, если бы католики узнали о готовящемся восстании, но тайна его была так хорошо сохранена, что французский двор, находившийся в то время в Мо, даже не подозревал, что ему грозит опасность. Правда, из Нидерландов дали знать о намерениях гугенотов, но это известие встретили недоверчиво, тем более, что шпион, посланный в Шатильон наблюдать за Колиньи, донес, что адмирал усердно занят наблюдением за сбором винограда.

Вечером 26 сентября отряд, состоявший из пятидесяти четырех солдат и телохранителей Франсуа и четырех воинов Филиппа, выстроился во дворе замка в полном вооружении, в кольчугах и шлемах, со знаменем Франсуа. Пастор совершил молебен, испросив у Бога благословение оружию гугенотов, а графиня сказала воинам горячую речь, увещевая их помнить, что они, протестанты, сражаются за право свободно молиться Богу.

Потом она нежно обняла сына и Филиппа, трубы скондамовали «на коней», и отряд выехал из ворот замка.

Молодые предводители вскоре сняли шлемы и отдали их своим слугам, ехавшим за ними.

— Кольчуга, может быть, и окажется полезной в битве,— сказал Филипп,— но теперь без нее было бы лучше.

— Согласен,— ответил Франсуа,— и если бы нам нужно было биться только с дворянами, вооруженными

мечами, я стал бы сражаться без кольчуги; но против копейщиков приходится защищаться ею. Впрочем, я не чувствую ее тяжести теперь, когда освободился от шлема, который, вправду сказать, весьма тяжел.

Глава V

В ПОХОДЕ

Отряд из предосторожности ехал только по ночам, днем останавливался на отдых где-нибудь в лесу и расставлял часовых, которые обязаны были задерживать всякого, кто приближался.

— Расскажи мне, Франсуа,— сказал Филипп на привале,— о твоём кузене де ла Ну, под начальством которого нам придется сражаться.

— Ему только тридцать шесть лет,— начал с энтузиазмом Франсуа,— но нет человека благороднее его среди французских дворян. Как тебе известно, он принадлежит к Бретанскому роду, одному из самых знаменитых в крае, и сродни Шатобрианам и Матиньонам. Уже мальчиком он прославился своими способностями в воинских упражнениях, хотя, как говорят, учился лениво и книг не любил. Когда он, по своему происхождению, попал ко двору Генриха II, им овладела страсть к чтению сочинений о войнах, и вскоре под начальством маршала Бриссона он участвовал в войне в Пьемонте.

Он очень добр, и это сказалось, например, в следующем: мать его до такой степени увлекалась игрой в карты, проигрывая состояние сына, что король назначил над ней опеку; но сын, воротившись из Пьемонта, попросил у короля как милости, чтобы опека была снята с матери. Вскоре после этого она умерла, и де ла Ну оставил двор и поселился в своих обширных владениях в Бретани. Случилось, что брат Колиньи, д'Андело, приехал к своей невесте в Бретань и привел с собой знаменитого проповедника Кормеля.

Проповеди этого священника обратили де ла Ну, которому было тогда двадцать семь лет, и многих других, в протестанство, хотя Бретань самая католическая про-

винция Франции. Нужно тебе сказать, что кузен был другом Гизов, и в числе других дворян назначен был сопровождать Марию Стюарт в Шотландию. В сражении при Дрё он очень помог адмиралу Колиньи вывести войско в порядке; но в то же время он горько оплакивал убийство Франсуа и Гиза, а последние четыре года принужден был оставаться в своих бретанских владениях. Он не сторонник войны, но, раз она началась, будет одним из главных предводителей, и я очень счастлив, что буду в его отряде.

После трех дней пути отряд переправился через Луару и, вступив в горную область, сделал привал.

— Теперь нужно дать коням отдохнуть целые сутки,— сказал Франсуа Филиппу,— до Шатильона на Луэнге, вероятно, миль двадцать, не более, но горная дорога чрезвычайно утомительна, а мы и так сделали уже три больших переезда. Приехать на место на измученных конях неудобно, да и спешить некуда, мы и так поспеем раньше других отрядов, без которых адмирал и Конде не могут начать военных действий. Боюсь, что многим отрядам будет нелегко добраться до них, не вызвав тревоги; тогда двор узнает все и успеет из Мо уехать в Париж.

Молодые друзья не догадывались, что то, чего боялся Франсуа, уже совершилось. При дворе узнали, что в милях двадцати от Мо собираются гугеноты. Тотчас же было послано за отрядом швейцарцев, к счастью для двора находившегося недалеко, и по прибытии его двор немедленно направился в Париж. Конде, предвидевший это, захватил было брод через Марну, но бороться с незначительными силами против швейцарцев, вооруженных длинными копьями, было невозможно, и после небольшой схватки Конде вынужден был отступить.

Известия об этих событиях пришли в Шатильон как раз в то время, когда Франсуа и Филипп подъезжали к нему. Ворота замка были открыты, и на дворе возбужденно толпились дворяне-гугеноты.

— Вот де ла Ну! — воскликнул Франсуа, соскакивая

с коня и направляясь к изящному дворянину, разговаривавшему с несколькими воинами.

— А, Франсуа, это ты? Прибыл благополучно? Господа, вот мой кузен Франсуа де Лаваль... Это твой отряд въезжает в ворота, Франсуа?.. Да, да, узнаю ваше знамя. Честное слово, этот отряд вооружен лучше других... А кто этот молодой джентльмен?

— Это мой кузен Филипп Флетчер, сын Люси, сестры моей матери. Я говорил тебе о нем. Он приехал сражаться за нашу веру.

— Весьма рад, что могу приветствовать вас, сэр,— сказал де ла Ну.— Мы с вами родственники, я кузен Франсуа со стороны отца, а вы — со стороны матери. Прекрасно, что вы приехали помогать нам. Если бы ваша королева стала во главе протестантов, дело наше было бы выиграно.

— Правда ли, кузен, что двор успел бежать в Париж? — спросил Франсуа.

— К сожалению, Конде не располагал ни силами, ни временем, чтобы помешать этому,— ответил де ла Ну.— Я сам, как ни спешил, только часа два тому назад прибыл сюда. Завтра утром мы все направляемся к принцу. Так как ваш отряд едет со мной, я распоряжусь, чтобы о нем позаботились... А, капитан Монпес! Это вы командуете отрядом? Я так и думал, что графиня поручит вам начальство над ним. Очень рад... Надо расположить ваших людей вместе с моими. Не слишком ли устали ваши кони?

— К утру они успеют отдохнуть, граф.

— Прекрасно. Необходимо захватить для них достаточно корма; им предстоит снова тяжелый путь.

Де ла Ну представил Франсуа и Филиппа многим друзьям своим, а затем повел их к адмиралу. Когда они вошли к адмиралу, то застали там многочисленное общество и только что прибывшего курьера, который, преклонив колени, подал Колиньи письмо. Адмирал поспешно прочитал его и отпустил курьера.

Внешность Колиньи невольно внушала уважение. Это был человек с серьезным, несколько грустным добрым лицом, высокого роста и с коротко остриженной бородой и усами. Одет он был во все черное, а на плечи

был накинута камзол с высоким воротником и широкими висящими рукавами. На голове он носил низкую мягкую шляпу с узкими полями. Несмотря на то, что он был один из лучших полководцев своего времени, он более чем кто-либо старался избежать междоусобной войны и страдал от сознания ее необходимости. Он очень любезно принял Франсуа и его кузена.

— Весьма рад,— сказал он Франсуа,— видеть здесь представителя де Лавалей. Ваш отец был моим другом и пал, сражаясь рядом со мной... Рад видеть представителя и другого древнего рода де Муленов,— обратился он к Филиппу.— Приятно, что, переселясь в Англию, он не перестал любить Францию.

Адмирал поклонился им, как бы отпуская, и заговорил с графом де ла Ну, а молодые люди направились в соседнее помещение, где находились накрытые столы, уставленные блюдами.

Рано утром на другой день де ла Ну должен был выступить из замка с отрядом в двести человек, и Франсуа получил приказание быть готовым со своими людьми к пяти часам утра.

— Признаюсь, не люблю выступать до рассвета,— заметил Франсуа Филиппу.— Ничто так не портит расположение духа, как езда в темноте; при этом чувствуешь, что и спутники твои так же недовольны, как и ты.

— Да ведь в пять часов уже рассветает,— ответил Филипп.— К тому же завтра первый день нашей походной жизни.

Отряды гугенотов подходили между тем к замку один за другим до поздней ночи.

В большом зале замка, при свете факелов, оживленно беседовали дворяне; в девять часов к ним вышел адмирал с несколькими командирами отрядов, с которыми он совещался, а четверть часа спустя пастор совершил вечернюю молитву, после чего слуги разостлали вдоль стен солому, на которой все приезжие расположились спать.

В половине пятого утра уже раздались звуки рожка, запылали факелы, и вооруженные дворяне-гугеноты отряда де ла Ну, подкрепив себя холодными блюдами, поданными в зале, шумною толпою выходили на двор, один

за другим садились на коней и строились за воротами. Адмирал был тут же и наблюдал за порядком. Священник прочел молитву, и отряд с де ла Ну во главе выступил в путь. Весь отряд состоял из тридцати дворян с их телохранителями и стапятидесяти конных воинов.

Как только отряд выехал из замка, де ла Ну вмешался в толпу друзей и всю дорогу весело шутил с ними. Через полтора часа быстрой езды отряд прибыл к Монтаргису. Тут, вместо того, чтобы ехать прямо, как ожидало большинство, передовые воины круто свернули посреди города налево.

— Я готовлю вам сюрприз, господа, и за городом сообщу его вам,— сказал с улыбкой де ла Ну.

Когда они выехали из города, де ла Ну обратился к отряду.

— Господа! — сказал он.— Теперь я могу сообщить вам, какую великую честь оказал нам адмирал, возложив на нас одно из самых почетных дел. До сих пор оно хранилось в тайне, потому что в Шатильоне мог быть лазутчик Гизов... Нам поручено овладеть Орлеаном!

Это вызвало крики изумления всего отряда.

— Вам кажется слишком смелым такое дело для двухсот человек? — продолжал улыбаясь де ла Ну.— Но у нас в городе есть друзья. Д'Андело находился с ними в общении последние десять дней. Мы, разумеется, должны ожидать сопротивления, но у меня нет и тени сомнения в успехе, раз мы нападём на город врасплох с таким числом испытанных храбрецов. Мне не нужно объяснять вам, как важен для нас Орлеан, открывающий дорогу на юг, и как ободряюще подействует взятие его на всех наших единоверцев. В пяти милях от города нас встретит де Грело и сообщит нам, что происходит в городе.

— Какое блестящее дело! — восхищался Франсуа.

В полдень отряд сделал привал. Пообедав и накормив лошадей, большинство воинов расположилось отдохнуть на траве, а остальные собрались в группы и завели оживленный разговор о предстоящем деле.

— Я был уверен, что мы скоро затеем что-нибудь головоломное,— заметил капитан Монпес Франсуа и Филиппу, когда те подошли к нему.— Граф де ла Ну не та-

кой человек, чтобы дать траве расти у себя под ногами. Я довольно насмотрелся на него в последнем походе. Но мы затеяли слишком трудное: Орлеан большой город, и сколько бы ни было в нем наших друзей, взять его двумстам ратникам не легко.

— Тем больше славы и чести для нас,— заметил весело Франсуа.

В четыре часа отряд снова пустился в путь и как стемнело, вступил в маленькую деревушку, лежавшую милях в пяти к северу от Орлеана.

Тотчас расставили цепь часовых, с приказом не выпускать никого из деревни. Напуганным крестьянам объявили, чтобы никто не выходил из домов. Коней привязали среди улицы к кольям, а солдаты разместились в овинах. Де ла Ну со своими приближенными расположился около костра. В восемь часов двое передовых часовых привели всадника,— то был де Грело. Его встретили с восторгом.

— Ну, как дела в Орлеане? — спросил его де ла Ну.

— Все готово,— ответил де Грело.— Завтра утром в семь часов отряд из двадцати пяти надежных людей соберется осторожно, поодиночке, у северных ворот и в ту минуту, когда часовые начнут отворять ворота, нападут на них. Вся стража состоит только из пятнадцати воинов, и, застигнутые врасплох, они не окажут сопротивления. Вы, с вашим отрядом, должны находиться, конечно, поблизости. Как только ворота будут захвачены, вам будет дан сигнал белым флагом, и вы беспрепятственно вступите в город. К вам тотчас присоединятся многие наши сторонники. В городе находится также много католиков, расположенных к нам. Вообще, шансов на благополучный исход много. Укрыться вам нужно в замке одного из наших друзей вблизи городских ворот; из верхних окон дома вам легко будет увидеть сигнал, и через три-четыре минуты вы можете быть в городе.

— Прекрасно! — сказал граф.— Успех почти обеспечен. Теперь, господа, нам нужно отдохнуть, а в четыре часа мы должны быть уже на конях.

В назначенный час де Грело ввел отряд в ворота замка, владелец которого уже ждал его. Дворяне были приглашены в дом, а солдатам вынесли завтрак на двор.

В седьмом часу показались крестьяне, ехавшие к городским воротам, и отряд сел на коней в то время, как хозяин замка, стоя у окна, ожидал сигнала. Ровно в семь часов он крикнул:

— Ворота отворены!.. Крестьяне бегут!.. а вот и белый флаг.

— Вперед! — крикнул де ла Ну, и отряд во весь опор помчался к городу и ворвался в ворота.

— Рассыпьтесь по улицам и созывайте наших друзей на помощь! — скомандовал де ла Ну.

Отряд тотчас разделился на четыре части и разъехался в разные стороны. Франсуа и Филипп со своими воинами составили отряд, предводимый самим де ла Ну. В городе уже знали, в чем дело, и в нем поднялась тревога, а когда де ла Ну со своими спутниками въехал на базарную площадь, навстречу показался отряд неприятельских всадников, по численности равный его отряду.

— За Бога и веру! — вскричал де ла Ну, бросаясь в атаку.

Неприятель, застигнутый врасплох и не имевший никакого представления о силах нападающих, смешался при бурном натиске гугенотов и обратился в бегство. Пехота, встретившая отряд де ла Ну, оказала более стойкое сопротивление, но при виде других отрядов гугенотов, въезжавших со всех сторон на площадь, побросала оружие и сдалась. Горожане-католики с тревогой смотрели из окон на эту битву, но не осмеливались показаться на улице при виде вооруженных гугенотов, которые появлялись со всех сторон и обращали в бегство прибывавшие войска католиков.

В течение часа сопротивление было сломлено. Гугеноты овладели Орлеаном, заняли все ворота и сторожевые пункты и разослали патрули по городу. Граф тотчас издал прокламацию, приглашая граждан к миру и гарантируя всем личную свободу и защиту имущества, и многие, до того скрывавшие свое сочувствие протестантской вере, открыто стали на сторону гугенотов. Управление городом было поручено совету из именитых горожан, как католиков, так и гугенотов, а гугеноты, способные носить оружие, обязаны были составить отряды для охраны города, выбрав из своей среды офи-

церов. Де ла Ну принял, между прочим, строгие меры для охраны католиков и их костелов. Устроив таким образом дела в городе, он отправил большую часть своего отряда к принцу Конде, оставив в городе только Франсуа и Филиппа с их солдатами и свой собственный отряд в сорок человек.

Глава VI

БИТВА ПРИ СЕН-ДЕНИ

При взятии Орлеана Франсуа де Лаваль и Филипп сражались рядом с де ла Ну, но затем, поместившись в доме одного гугенота, они почти не видели графа, занятого распоряжениями по городу.

Вечером на третий день он вызвал их к себе.

— Можете ли вы снова выступить в поход? — спросил он.

— В любую минуту! — ответил Франсуа. — Мы идем к Парижу, осмелюсь спросить?

— Нет, мы едем за подкреплениями, у нас слишком мало людей, а отчасти и с целью ободрить наших приверженцев. Кроме своих людей, я беру с собою еще сотню человек. Нам придется иногда разделяться на маленькие отряды, с тем, чтобы внезапно появляться там, где нас менее всего ожидают. На юге гугенотов много, и они могут сами постоять за себя, а потому мы сначала направимся в Бретань. Там я соберу еще человек пять — десять, и тогда мы кружным путем пройдем к Парижу, где в нас сильно нуждается принц, силы которого весьма невелики.

Потом граф де ла Ну похвалил Филиппа за его искусство владеть оружием и, узнав, что он моложе Франсуа на два года, сказал ему:

— Вы будете со временем отличным воином, молодой человек. Я видел, как вы в схватке отразили удар одного офицера и сбросили его с коня, ударив наотмашь мечом... Будьте готовы к шести часам выступить в путь с вашим отрядом. Соберитесь на базарной площади. Вас выпустят через западные ворота.

Друзья наши молча откланялись и пошли домой, где их ожидал уже Пьер.

Филипп был очень доволен своим новым слугою. Пьер вел себя осмотрительно и спокойно и при случае умел придать себе строгий вид. Оружие он держал всегда в порядке и за столом прислуживал так, как будто ничего другого во всю свою жизнь не делал. Узнав о предстоящем выступлении, он сказал Филиппу:

— Слава Богу! Не люблю я городов; в них только и знаешь, что чистишь оружие да прислуживаешь за столом...

— Не радуйся раньше времени,— заметил ему Филипп,— нам предстоит далекий путь, и мы, вероятно, не часто будем ночевать под кровлей.

— Тем лучше, сударь. Только бы нам не пришлось ночевать в поле в морозы.

В шесть часов утра отряд выступил в поход и направился к западу, чтобы не встретиться на пути с сильными отрядами католиков. Проезжая по западным провинциям Франции, отряд всюду воодушевлял и ободрял гугенотов.

В Бретани де ла Ну успел собрать в помощь к своему отряду пятьдесят человек, и, кроме того, по пути к нему присоединилось несколько дворян с вооруженными людьми. По пути были взяты три города, в которых преследовали гугенотов, причем зачинщики смут были повешены, а с городских властей взысканы контрибуции. В других городах и местностях де ла Ну издавал прокламации, воспрещающие всякие насилия против гугенотов под страхом тяжких наказаний.

Франсуа и Филипп принимали самое деятельное участие во всех делах этого похода. Их крепкие кони позволяли им каждый день быть в седле, тогда как половина их отряда вынуждена была время от времени отдыхать. Их часто посылали с небольшим отрядом то с поручениями к друзьям, то для освобождения гугенотов из городских тюрем, то для наказания или препровождения виновников гонений в лагерь де ла Ну. Часто они делали привалы под открытым небом, чем в городках и селениях,— граф считал, что так безопаснее и их труднее застать врасплох; а при возвращении из подобных экспе-

диций они всегда находили готовый обед, вкусно приготовленный Пьером.

Пьер оказался незаменимым слугой. Всегда веселый, он во время похода часто потешал отряд своими шутками, а в заботах о своем господине не знал усталости, — устраивал ему постели из зеленых сучьев и изобретал вкусные блюда из самых скудных припасов.

— Честное слово, — сказал однажды полушутя граф Филиппу, — ваш слуга неоценимый малый; самому Конде прислуживают не лучше. Как хотите, а я возьму его у вас и сделаю главным провиантмейстером.

Третьего ноября, месяц спустя после взятия Орлеана, де ла Ну и его отряд, возросший до трехсот человек, присоединились к принцу Конде у Сен-Дени, близ Парижа.

Граф был сильно разочарован при виде незначительных сил принца: до его прихода у Конде было всего две тысячи конницы да столько же пехоты, притом в большинстве плохо вооруженных.

У коннетабля Монморанси, главнокомандующего французской армией, в стенах Парижа было значительно больше войска, и гугеноты удивлялись, что он тем не менее не решался вступить в бой. Оказалось, что он ждал графа Аремберга с тысячью семьястами всадников, посланных ему на помощь из Нидерландов герцогом Альбой, что сделало бы силы противников еще более неравными.

9 ноября были получены известия, что Аремберг приближается, и д'Андело с пятьюстами всадников и восьмьюстами лучших стрелков выступил ему навстречу, чтобы помешать ему пройти к Парижу. Узнав об этом, коннетабль на следующее утро вышел из Парижа и напал на ослабленные силы гугенотов.

В европейских войнах редко сходились столь неравные силы: против тысячи пятисот всадников и тысячи двухсот пеших солдат Конде французский главнокомандующий вывел в поле шестнадцать тысяч профессиональных пехотинцев, в числе которых находилось шесть тысяч швей-

царцев и три тысячи конницы при восемнадцати пушках, которых у Конде не было вовсе.

При виде войска, вышедшего из ворот Парижа, гугеноты построились в боевой порядок, разбившись на три части.

Де ла Ну со своим отрядом составил центр, которым командовал лично принц Конде; правым крылом командовал Колиньи, а левым — ла Рошфуко, Жанлись и другие.

— Ну, врагов чуть ли не по десять на каждого из нас, — сказал Франсуа Филиппу. — Едва ли Конде и адмирал решатся вступить в бой; я думаю, что нам придется отступить. В таком случае неприятель не сможет воспользоваться пехотой, а кавалерия его не настолько превосходит числом нашу, чтобы мы не могли напасть на нее, когда она удалится от пехоты.

Предположения Франсуа, однако, не оправдались. Одушевленные речами своих предводителей, гугеноты вышли из ворот Сен-Дени и бросились в битву.

Колиньи первый начал сражение, мужественно напав на левое крыло неприятеля.

Пятьсот всадников Конде без колебаний ударили по пехоте католиков, находившихся против них. К счастью, в этой пехоте были парижане, а не швейцарцы, и они, не выдержав стремительного натиска гугенотов, бросали оружие и обратились в бегство к воротам Парижа.

За пехотой стоял с тысячью всадниками сам главнокомандующий; но прежде чем этот отряд мог двинуться с места, гугеноты уже напали на него, и началась отчаянная рукопашная схватка.

Старый коннетабль находился среди своей конницы. Шотландский дворянин из свиты Конде, Роберт Стюарт, проложил себе дорогу к нему и потребовал, чтобы он сдался. Коннетабль ответил на это ударом меча, едва не выбившим Стюарта из седла, а мгновение спустя пал, сраженный пистолетной пулей.

Был ли выстрел сделан Стюартом или кем другим — осталось неизвестным.

Оправившись от первого удара, католики, имевшие численный перевес на своей стороне, напали на гугенотов.

Под принцем Конде конь был убит пулей из мушкета и придавил его собою; он был спасен только благодаря отваге де ла Ну, который с Франсуа, Филиппом и еще несколькими дворянами бросились вперед и оттеснили от него неприятеля.

Отряд в центре, как и левое крыло гугенотов, сильно пострадавшие от ружейного и артиллерийского огня, вынуждены были отступить к Сен-Дени, и только правое крыло, предводимое адмиралом Колиньи, удержалось против неприятеля.

Бегство большей части парижской пехоты и расстройство, внесенное в кавалерию католиков стремительными нападениями гугенотов, не позволили, однако, маршалу Монморанси, сыну коннетабля, воспользоваться численным превосходством своих войск, и в то время, как гугеноты отступили к Сен-Дени, католики отошли в Париж, куда уже был увезен раненый коннетабль.

Обе стороны потеряли до четырехсот человек, и победа не досталась никому.

Потери были более чувствительны для гугенотов, у которых большая часть убитых были знатные дворяне. Не дешево обошлось сражение и католикам, потерявшим в своем главнокомандующем, умершим на другой день, замечательного государственного деятеля, умевшего противодействовать честолюбию Гизов.

Несогласия при дворе, вызванные смертью коннетабля, позволили принцу Конде, успевшему соединиться с д'Андело, спокойно отступить; но прежде еще он успел загнать в стены Парижа высланный католиками сильный отряд и сжечь несколько мельниц почти под самыми стенами города.

Вечером, после битвы, де ла Ну представил своего кузена и Филиппа принцу с лестными отзывами о храбрости, выказанной ими в сражении, и Конде сердечно благодарил их за участие, которое они приняли в спасении его из рук католиков. При этом граф несколько пожурил Франсуа за излишнюю горячность.

— Недостаточно быть храбрым, — говорил он, — нужно быть и осторожным. Ты несколько раз безрассудно бросался навстречу смерти. Как глава древнего рода, ты не имеешь права рисковать так своей жизнью. Твой

кузен был благоразумнее, он сражался с хладнокровием испытанного воина.

Перед отступлением гугенотов от Сен-Дени граф де ла Ну опять позвал к себе молодых людей.

— Мы завтра утром отступаем,— сказал он им.— Здесь мы сделали больше, чем можно было ожидать от столь слабых сил: десять недель мы держали в осаде Париж и удержались против вдесятеро сильнейшей армии, предводимой коннетаблем Франции. Теперь мы направимся на восток, чтобы соединиться с герцогом Казимиром, который ведет к нам на помощь шесть тысяч конницы и три тысячи пехоты с четырьмя пушками. Известие, что мы отступили от Парижа, может привести в уныние наших друзей, и адмирал решил послать известного вам кавалера д'Арбле на юг Франции с объяснениями. Я назначаю вас сопровождать его. У него будет свита в восемь человек, да каждый из вас возьмет по четыре ратника; таким образом составитя отряд, достаточный, чтобы вы чувствовали себя в безопасности. Это делается для вашей же пользы, Франсуа. Приближается зима; поход наш будет труден, и многим из нас, я уверен, суждено пасть жертвою холода и лишений. Я не желаю, чтобы вы, непривычные к таким походам, окончили жизнь таким образом. Если бы нам предстояли битвы, я оставил бы вас при себе. Но знайте, что это поручение связано с большими опасностями и требует много энергии и мужества.

Хотя друзья наши предпочли бы остаться в армии, но повиновались графу. Де ла Ну тотчас же отвел их в палатку кавалера.

— Мой кузен и его родственник охотно поедут с вами и поступят под ваше начальство, д'Арбле. Горячо рекомендую их вам. Хотя они и молоды, но могу поручиться, что они умеют постоять за себя; вы можете на них вполне рассчитывать.

— Очень рад таким спутникам,— улыбнулся д'Арбле.— Надеюсь, что мы не будем скучать.

На следующее утро отряд выступил, направившись к югу.

Избегая мест, занятых католиками, маленький отряд посетил несколько замков, принадлежащих гугенотам,

которым д'Арбле, по поручению адмирала, сообщил о необходимости собрать такие силы, которые отвлекли бы часть королевских войск на юг и тем облегчили бы поход адмирала на восток.

После короткой остановки в Наварре и совещаний с несколькими главными правителями маленького королевства, отряд д'Арбле направился к востоку. Вскоре они вступили в местность, где, особенно в Тулузе, религиозные раздоры были чрезвычайно жестоки, и где было не мало людей, сочувствовавших гугенотам, но не решавшихся открыться из боязни преследований.

«Пришлите войско, которое было бы в состоянии осадить и взять Тулузу, и каждый из нас выставит людей, готовых отдать за наше общее дело последнюю каплю крови и последнее достояние. А пока такого войска не будет, мы вынуждены молчать, иначе всем нам грозит опасность».

Таковы были речи, которые приходилось выслушивать в каждом замке и на каждой ферме.

Но зато многие гугеноты отдавали деньги и ценные вещи для уплаты немецким наемникам, подходившим к адмиралу.

Наваррские дворяне не были так разорены, как в других местах, где шла война, и потому д'Арбле собрал тут значительные суммы.

Глава VII

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Д'Арбле и оба его спутника были приглашены посетить гугенотов в четырех-пяти милях от Тулузы. Д'Арбле давно уже донесли, что местным властям известно о сношениях его отряда с гугенотами.

И вот однажды на привале, сделанном по обыкновению в лесу, часовой прибежал с известием, что человек сорок или пятьдесят всадников приближается из города.

Отряд по команде тотчас сел на лошадей. Отступить было невозможно: лес был небольшой, кругом открытая

местность, и д'Арбле решил ждать. Между тем городские всадники, приблизившись к лесу, остановились.

— Какой-нибудь шпион выследил нас,— заметил д'Арбле,— но выследить дичь и поймать ее — две вещи разные. Посмотрим, что сделают эти господа. Не сомневаюсь, что им хорошо известно, сколько нас; но если они разделятся, мы дадим им хороший урок.

Католики, очевидно, намеревались разделиться. Офицер с двумя десятками всадников направился в обход, чтобы отрезать гугенотам путь к отступлению. Еще столько же остались перед лесом.

— Шансы почти равные,— сказал, смеясь, д'Арбле.— Это не то, что было под Парижем, где приходилось десять на одного. Считая наших слуг, нас двадцать два человека. Пусть только отъедут подальше, тогда мы поговорим с этими.

По его приказанию гугеноты придвинулись к лесной опушке. Минуты через две, когда отряд тесным строем выехал из леса, из группы католиков, беспечно стоявших шагах в пятидесяти от опушки, раздались крики ужаса: они не ожидали нападения, намереваясь захватить гугенотов врасплох.

Не успели они развернуть лошадей и выстроиться, как гугеноты уже напали на них. Схватка длилась не более минуты; половина католиков осталась на месте, остальные бросились в бегство. Из гугенотов пал только один человек.

Д'Арбле не допустил преследований бежавших.

— Сделана только половина дела,— сказал он,— нам еще нужно управиться с другим отрядом.

На полпути среди леса гугеноты встретили другой отряд, спешивший на выстрелы; в нем были уверены, что гугеноты уже разбиты. Увидев их наступающими, католики, ободряемые офицером, храбро выдержали натиск. Началась ожесточенная борьба, сражались между деревьями в одиночку, человек с человеком.

Гугеноты были испытанные, опытные воины, католики же умели убивать только безоружных да женщин.

Филипп, сражавшийся вместе с Франсуа рядом с начальником, поразил неприятельского офицера, после чего

католики, лишенные предводителя, обратились в бегство, преследуемые гугенотами.

— Мы дали им хороший урок,— сказал д'Арбле нашим друзьям.— Вам, господин Флетчер, мы обязаны быстрым успехом. Не убей вы их офицера, мы не отделались бы от них так скоро.

— Мне жаль его,— ответил Филипп.— Это был, кажется, мужественный дворянин и немногим старше меня.

— Что делать. Он сам виноват в своей судьбе,— возразил д'Арбле.— Нам предстоит теперь кружным путем проехать в Мерлинкуру, по ту сторону города, к некоторым из наших друзей, а затем нужно будет выбираться из этих мест. После такой схватки оставаться здесь нам небезопасно. На будущее время нам не худо будет брать с собой на всякий случай отряд посильнее, а то, чего доброго, нас могут как крыс поймать в ловушку.

Сделав крюк миль в двадцать, отряд в тот же вечер подъезжал к Мерлинкуру и, по обыкновению, сделал привал в лесу.

Ночью д'Арбле и Франсуа уехали в сопровождении пяти ратников, которые через час вернулись. Д'Арбле и Франсуа остались ночевать в замке, и за ними должны были на другой день приехать те же пять воинов. По распоряжению д'Арбле, Филипп на день отошел миль на восемь дальше от Тулузы, с тем, чтобы к ночи вернуться опять к Мерлинкуру, и остановился в густой заросли на возвышенности.

В полдень один из часовых донес Филиппу, что на равнине показался отряд всадников, человек в двести. Легко было предположить, что он выехал с целью захватить гугенотов.

— Я желал бы, чтобы д'Арбле и граф де Лаваль были с нами,— сказал Филипп.— Конечно, они сумеют устроиться, но предатели везде найдутся.

Весь день он провел в беспокойстве, и как только стемнело, отряд передвинулся на прежнее место к Мерлинкуру. Пять человек тотчас же отправились в замок.

Через несколько времени слышался выстрел.

— На коней! — скомандовал Филипп в беспокойстве.— Должно быть, товарищи наши попали в засаду. Вперед к опушке, и будьте наготове.

Прошло четверть часа в тяжком ожидании, но ничто кругом не нарушало вечерней тишины.

— Не сходить ли мне в селение узнать, что там случилось? — спросил Пьер. — Я сниму шлем и кольчугу, потому что в железных горшках спасаться бегством неудобно.

Филипп согласился. Пьер поспешно снял вооружение и скрылся. Полчаса спустя он вернулся запыхавшись.

— Дурные вести, сударь, — сказал он. — Д'Арбле, господин Франсуа и владелец замка с женой схвачены и отведены в Тулузу сегодня ранним утром. Один из слуг замка оказался шпионом, подосланным советом Тулузы, чтобы наблюдать за действиями владельца, и как только в замок прибыл господин д'Арбле, он незаметно вышел и послал вестника в Тулузу. Замок скоро был окружен и всех схватили, раньше чем они успели подумать о сопротивлении. Замеченный нами отряд всадников весь день искал нас и с наступлением ночи вернулся в Мерлишкур, уверенный, что мы придем туда за нашим начальником. На пятерых воинов, посланных вами туда, напали неожиданно, и они все убиты после жестокой борьбы, а затем отряд католиков зарядил ружья и устроил засаду, уверенный, что за теми пятью последуют и остальные.

— Тебя не заметили, Пьер?

— Нет, в деревне было столько чужих, что один лишний не мог вызвать подозрений.

— В таком случае мы спокойно можем остаться здесь еще с полчаса, — сказал Филипп.

Филипп объявил о случившемся всему отряду и приказал им сойти с коней и отдохнуть.

— Трудное положение, — сказал он Пьеру, отойдя с ним в сторону. — Судьба моего кузена и д'Арбле известна: их сожгут или повесят как еретиков. Нужно подумать, как выручить их вместе с владельцем замка.

Пьер заметил, что их всего двенадцать человек, из которых четверо ранены, и что с такими силами ничего нельзя предпринять.

— Вот что, — сказал после долгого раздумья Филипп, — многие из советников и членов парламента живут, вероятно, вне городских стен, на своих виллах, и

если мы дюжину их захватим и пригрозим повесить или расстрелять, то нам, может быть, и удастся выручить друзей.

Отряд немедленно сел на коней и направился к Тулузе.

Богатый и густо населенный город был окружен прекрасными виллами и замками высокопоставленных лиц и богатых горожан.

Филипп и Пьер с двумя воинами вошли в первый же дом в предместье, оказавшийся домом огородника. Хозяин уже спал. Его разбудили, и он в страхе вышел, думая, что у него в доме разбойники.

— Тебе не будет сделано никакого зла, если ты исполнишь наши приказания,— сказал ему Филипп.— В противном же случае мы с тобой церемониться не будем. Я уверен, что тебе известны дома знатных лиц города, живущих на своих виллах.

— Конечно, господин. Тут живут президент парламента, три или четыре главных советника, королевский судья и другие.

— Прекрасно. Ты проведешь нас к ним. Никто не узнает, что ты указал нам дорогу. Если же ты вздумаешь бежать или поднимешь шум, то немедленно будешь убит, а если угодишь нам, получишь пару крон.

— Я готов исполнить ваши приказания,— сказал огородник, которому не оставалось никакого выбора.— Да мне не за что и любить этих господ, они очень немилостивы к нам.

Запасшись веревками у того же огородника, маленький отряд отправился к дому президента. Пьеру было поручено наблюдать с пистолетом в руке за огородником и покончить с ним, если он вздумает бежать.

— Когда мы будем входить в дом,— приказал Филипп другим воинам,— вы оставайтесь снаружи с Пьером и смотрите за первыми четырьмя пленниками, которых мы приведем. Наденьте на них петли и затяните их настолько, чтобы они чувствовали себя в вашей власти, а другие концы веревок прикрепите к седлам и предупредите, что в случае надобности вы пустите лошадей вскачь. Эта угроза заставит их быть спокойными.

Через четверть часа отряд подошел к воротам боль-

шой красивой виллы. Филипп приказал воинам смотреть за лошадьми. Двоих он поставил у бокового входа, двоих у главного, с приказанием не выпускать никого, потом открыл кинжалом ставень одного из окон и в сопровождении остальных шести солдат проник в дом. Спавшие в зале на полу слуги вскочили с криком при виде вооруженных людей.

— Молчать! — сурово приказал Филипп. — Рожер и Юлий, возьмите их за ворот. Вот так. Теперь приставьте пистолеты к их головам. Ну, молодцы, ведите нас в комнату вашего господина. Евстафий, зажги факел и освети нам. Генрих, иди и ты с нами; а другие пусть стерегут остальных слуг. Заставьте их сесть. Если кто-нибудь из них тронется с места, пристрелите его.

В это время послышался сверху гневный повелительный голос.

— Что там за шум?.. Погодите, я разделаюсь с вами утром.

Филипп громко рассмеялся. Вслед за тем какой-то человек в широком халате быстро спустился в залу.

— Что это значит, негодяи? — крикнул он, но тотчас остановился в изумлении.

— Если вы сделаете еще шаг, — сказал ему Филипп, направляя на него пистолет, — то умрете.

— Вы с ума сошли — проговорил президент. — Знаете ли, с кем вы говорите?!

— Знаю, милостивый государь: вы президент парламента Тулузы, а я офицер-гугенот, и вы мой пленник. Я мог бы поджечь все ваши виллы и перерезать вас всех, но мы, гугеноты, не убиваем во имя Божие и такие дела предоставляем вам. Возьми этого человека, Евстафий, и стереги его. Если он окажет малейшее сопротивление, всади ему кинжал в грудь.

— Дайте мне хоть одеться, — попросил перепуганный хозяин дома.

— Ни одной минуты, — возразил Филипп. — Ночь теплая, вам и так будет хорошо. Вы же, — продолжал он, обращаясь к слугам, — можете остаться здесь до утра, но если кто-нибудь из вас посмеет выйти из дома, то будет без пощады убит. Уверьте вашу госпожу, что, по всей вероятности, супруг ее завтра раньше полудня вер-

нется жив и здоров. Принесите плащ вашему господину, он, кажется, боится ночного воздуха.

К утру в руках Филиппа находилось уже десять пленников.

Отряд отъехал подальше от города и остановился под купой деревьев.

Пленников усадили на землю. Филипп заметил, что многие из них были уже пожилые люди, и приказал снять с них петли.

— Очень сожалею, господа,— сказал он им,— что принужден обращаться с вами так невежливо. Хорошо, однако, что вы хоть немного испытали обращение, которое сами применяете к гугенотам. Благодарите судьбу, что вы в руках человека, который не имеет друзей среди убитых вами в тюрьмах Тулузы, иначе вы были бы без пощады повешены. Вы взяты мною заложниками. Мои друзья вчера захвачены вами и отведены в Тулузу. Вы, милостивый государь,— продолжал он, обращаясь к одному из пленников,— по-видимому, старший из всех. С рассветом вас освободят, и вы передадите вашим товарищам в городе весть о том, что вот эти девять человек находятся в плену у меня. Вы объявите, что, если какой-либо отряд приблизится сюда с какой-либо стороны, эти девять человек будут тотчас повешены на этих сучьях. Скажите, что я держу их как заложников за тех четырех пленников, и что я требую, чтобы те четыре пленника были высланы сюда с их конями и оружием в сопровождении двух невооруженных людей. Вы все подпишете распоряжение об освобождении названных пленников и дадите письменно торжественное обещание, что господину де Мерувиллю с супругой, если они вернутся в свой замок, не будет сделано никакого притеснения. Позволю себе прибавить, что если это обещание будет когда-либо нарушено, я сочту своей обязанностью вернуться сюда и повесить подписавших его на их собственных дверных косяках, а затем дотла выжгу их замки и виллы.

Утром советника посадили на коня и в сопровождении двух воинов доставили к ближайшим воротам города. Филипп объявил, что если к десяти часам его друзья не будут возвращены, то председатель и его советники будут повешены.

Время тянулось медленно. Пленники с беспокойством прохаживались взад и вперед и с нетерпением поглядывали все время на дорогу, которая вела к городу; другие молча сидели в мрачном унынии. Воины, напротив, находились в веселом настроении и как бы гордились тем, что участвуют в таком необычном приключении.

Ровно в девять часов вдали показалась небольшая группа всадников. Филипп с нетерпением выехал к ней навстречу и вскоре уже был рядом с Франсуа и д'Арбле.

— Что за чудо! — воскликнул д'Арбле после первых приветствий. — Мы ничего не понимаем!

— Сейчас вам все будет ясно, — сказал им Филипп.

Солдаты встретили с восторгом освобожденных начальников, а те с изумлением смотрели на странные фигуры девяти полуодетых людей под охраной солдат. Узнав их, де Мерувиль вскрикнул от изумления.

— Господин де Мерувиль, — сказал Филипп, — я полагаю, что вы знаете в лицо этих господ: но вы, господин д'Арбле и Франсуа, не имеете этого счастья, и потому позвольте представить вам этих высокоуважаемых господ: президент парламента Тулузы, королевский судья, господа советники парламента, с которыми, к сожалению, я принужден был обойтись не совсем любезно. Господин де Мерувиль, вот торжественное обещание, подписанное этими десятью господами, в котором они заявляют, что вам и вашей супруге будет предоставлено жить в замке без малейших покушений на вашу свободу. Я думаю, что вы без опасения можете вернуться к себе. Теперь, господа, — продолжал Филипп, обращаясь к своим пленникам, — вы можете вернуться домой. Надеюсь, урок, который мы можем повторить, ослабит ваше усердие в преследовании гугенотов.

Президент и его товарищи молча удалились. Солдаты засмеялись было им вслед, но Филипп знаком остановил их.

— Не следует глумиться над ними, — заметил он, — они уже и так достаточно унижены.

Узнав все подробности, д'Арбле смеясь заметил Филиппу:

— Ну, сэр Флетчер, плохо вам придется, если вы по-

падётесь в руки этих почтенных людей. Я не боюсь смерти на поле битвы, но признаюсь, что ужас охватывает меня при мысли, что меня могли бы пытать в подвале.

Франсуа и д'Арбле заметили отсутствие пяти солдат в отряде и очень сожалели, узнав об их печальной судьбе.

— Де Мерувиль,— обратился д'Арбле к владельцу замка,— вы должны теперь же решить, поедете ли вы с нами, или положитесь на обещание этих господ. И вам нужно торопиться, иначе, можете быть уверены, за нами помчатся с полдюжины эскадронов, как только президент и его друзья доберутся до города и, если нас захватят вторично, наше положение будет незавидное.

Де Мерувиль обратился к Филиппу:

— Как вы думаете, сэр Флетчер, исполнят ли эти господа свое обещание? Если нет, мы должны бежать; но мы в таком возрасте, когда трудно начинать новую жизнь; имущество наше будет, без сомнения, конфисковано, а без средств нам худо придется на чужбине.

— Я думаю, что помня о моих угрозах, они не рискнут нарушить обещание. Но если вы хотите принять мой совет, вам следует продать ваше имение, как только найдется подходящий покупатель, и переселиться в Ла-Рошель или даже в Англию. Несомненно, что вас будут глубоко ненавидеть здесь.

Пять минут спустя отряд отправился в путь, а де Мерувиль с женою вернулись домой.

Д'Арбле решил направиться в Ла-Рошель.

— Только там мы будем чувствовать себя в безопасности,— говорил он.— Президентов парламента, королевских судей и вообще высокопоставленных лиц нельзя безнаказанно стаскивать ночью с постели. К счастью, все они не скоро доберутся до города — им еще нужно переодеться, чтобы не показаться в таком жалком виде там, где они привыкли властвовать, а мы тем временем успеем уйти далеко. Мы много сделали и собрали большие суммы, и нам лучше не рисковать результатами наших трудов и нашими жизнями.

Отряд ехал быстро, останавливаясь только для того, чтобы дать отдохнуть коням, и приехал в Ла-Рошель, не встретив на пути ни одного неприятельского отряда.

Тем временем на театре военных действий происходили очень важные события.

Армия Конде и адмирала вступила в Лотарингию и, избежав столкновения с преграждавшими ей путь королевскими войсками, благополучно соединилась с немецким отрядом герцога Казимира. Правда, немцы отказывались идти дальше, пока им не будет выдана плата, и адмирал, войсковая казна которого была пуста, попросил помощи у своих офицеров и солдат и те отдали все, что имели.

Соединенная армия направилась на запад, чтобы снова дать католикам сражение под стенами Парижа.

Но у армии не было ни артиллерии, ни припасов, и адмиралу приходилось конфисковывать продовольствие в попутных католических городах и селениях, причем солдат невозможно было удержать от грабежа.

В Орлеане силы адмирала возросли — влились новые отряды гугенотов.

Между тем французский королевский двор, вступавший всегда в переговоры, как только гугеноты усиливались, и прекращавший их, когда сила была на его стороне, теперь искал замирения.

И когда армия Конде подошла к Шартру и осадила его, католики прислали такие выгодные предложения, что несколько дворян-гугенотов были отправлены в Лонжюмо для переговоров с королевскими посланцами.

Однако переговоры затянулись.

Адмирал и Конде сознавали, что договоры мало приносят пользы, что их тотчас же нарушают. Но само войско гугенотов желало мира. Бремя войны ложилось главным образом на дворян, а они были разорены; их спутники не получали жалованья, и земли их не обрабатывались за недостатком рук.

Уже и теперь под Шартром многие без разрешения удалились из армии, и силы гугенотов быстро уменьшились.

Принц и адмирал вынуждены были согласиться на мир, и договор, предоставлявший гугенотам те же права, как и в предыдущих подобных соглашениях, был подписан.

ТРЕТЬЯ ГУГЕНОТСКАЯ ВОЙНА

Гугеноты скоро почувствовали, как непрочен был договор, заключенный ими с Екатериной Медичи и непостоянным королем.

Едва нанятые немецкие войска ушли из Франции, как договор был отменен.

В католических церквах начали проповедывать, что Лонжюмоский договор — нечестивое дело, что с гугенотами мира быть не может, и во многих местах повторилась резня беззащитных протестантов — за шесть месяцев их было убито до десяти тысяч человек.

Губернаторы отказывались исполнять договор, а король объявил, что он не распространяется на владения его матери и принцев.

К гугенотам опять ставили на постой буйных солдат, и положение становилось хуже, чем было до войны.

— Принц Конде и адмирал были не в своем уме, — говорила возмущенная графиня де Лаваль вернувшись домой Франсуа и Филиппу, — что позволили себя одурачить. Лучше было совсем не поднимать оружия.

Филипп, собравшийся было ехать домой, решил остаться во Франции, так как было очевидно, что война возгорится снова после жатвы и сбора винограда.

Крепость Ла-Рошель отказалась открыть ворота королевским войскам, и во всей местности, прилегающей к этой крепости, гугеноты были многочисленны и сильны.

Поэтому в Лавале лето прошло спокойно; но вести о преследованиях гугенотов, приходившие с разных концов Франции, наполняли ужасом и негодованием сердца обитателей замка.

Неистовства, происходившие в Париже, были так велики, что Конде, бывший там, счел за лучшее удалиться в Нуайе, небольшой городок в Бургундии. В этот же край, в замок своего брата д'Андело, лежавший в нескольких милях от Нуайе, переселился из Шатильона и адмирал Колиньи, потерявший незадолго перед тем свою мужественную супругу, умершую от болезни, которой она заразилась, ухаживая за ранеными в Орлеане.

Сам владелец замка, д'Андело, удалился в Англию, написав Екатерине Медичи протест против нарушения договора и преследований гугенотов.

Канцлер л'Опиталь и Монморанси пытались было помешать жестокостям католиков, но в королевском совете заседали сильные противники и среди них властолюбивый кардинал Лотарингский.

Л'Опиталь в отчаянии удалился из совета.

В начале августа 1568 года король приказал всем гугенотам присягнуть в том, что они никогда не возьмутся за оружие иначе, как по приказанию короля.

Гугеноты единодушно отказались присягнуть.

Между тем, после выхода канцлера из королевского совета, партия кардинала Лотарингского не встречала уже никакого противодействия. Было решено захватить всех гугенотских вождей, проживающих в своих поместьях. Арестовать Конде и адмирала было поручено Гаспару де Таванн, в распоряжение которого с этою целью было отдано по четырнадцать рот пехоты и кавалерии, которые тайно направились в Нуайе.

Конде предупредили. К нему присоединился и адмирал Колиньи с семейством. Несколько соседних дворян с их людьми составили конвой в полтораста человек. Но бегство было невозможно; их сторожили на всех дорогах солдаты Таванна. Враги предполагали, что Конде и адмирал будут искать спасения в Германии, и сторожили эти пути особенно бдительно. Этим решили воспользоваться вожди гугенотов, направившись в противоположную сторону.

Перед отъездом Колиньи послал королю красноречивое письмо, в котором писал, что в бедствиях Франции повинен кардинал Лотарингский.

23 августа Колиньи и Конде выехали со своим конвоем из Нуайе и против ожидания нашли брод через Луару без охраны. Они приняли это за особую милость Провидения, тем более, что вслед за их переправой пошел сильный дождь, от которого река поднялась и помешала переправиться тем же бродом преследовавшей их кавалерии Таванна. Колиньи и Конде удалось избежать всех опасностей и проехать благополучно всю Францию до Ла-Рошели.

Вечером шестнадцатого сентября часовой на башне замка Лаваль заметил приближающийся большой отряд всадников. Ла-Рошели угрожали королевские войска, которые, конечно, могли быть посланы и против замков гугенотов, и сторожевой колокол забил тревогу, извещая соседей об опасности. Сама графиня с Франсуа и Филиппом появились в башне над воротами. Отряд остановился, и два всадника выступили.

— Да ведь это Конде и адмирал! — вскричал Филипп, всматриваясь в всадников.

Франсуа также узнал их.

Велели опустить подъемный мост и открыть ворота, и сама графиня поспешно спустилась в сопровождении Франсуа и Филиппа во двор навстречу неожиданным посетителям, уже въехавшим по подъемному мосту.

— Графиня, — сказал Конде, почтительно снимая шляпу, — мы беглецы и просим у вас приюта на ночь. Со мной жена и дети, а адмирал тоже со своей семьей. Мы проехали по всей Франции из Нуайе по проселкам и малоизвестным дорогам, преследуемые, как дикие звери, и нуждаемся в отдыхе.

— Милости просим, — ответила графиня. — Я принимаю как высокую честь посещение таких гостей, как вы и адмирал Колиньи. Прошу пожаловать. Сын мой встретит принцессу с отрядом.

Через несколько минут отряд принца и адмирала вступил в замок. Теперь в их отряде было уже около четырехсот человек, так как по дороге к нему присоединилось несколько дворян-гугенотов со своими людьми.

Прибывших приняли со всею роскошью, свойственной тому времени. Для солдат изжарили туши быков и баранов и выставили бочки с вином.

— Здесь наша первая покойная остановка со времени выезда из Нуайе, — говорил Конде, наслаждаясь в саду прохладой вечера. — И вам мы, вероятно, не причиним никакого беспокойства: если бы против вас и направился гнев короля и католиков, то вы уже столько раз провинились перед ними, что эта лишняя вина не может идти в расчет.

— Я была бы глубоко обижена, если бы вы проехали мимо Лавалья, — сказала графиня. — Что касается опас-

ностей, то я уже двадцать лет живу среди них, и в последний год чувствую себя даже более спокойной, зная, что Ла-Рошель за нас. Я отправила туда в последние месяцы много драгоценностей, на случай, если меня вынудят выехать отсюда. Но я буду защищать свой замок до последней возможности, тем более, что в случае опасности могу предложить убежище всем окрестным гугенотам.

— Опасаюсь, графиня,— заметил адмирал,— что наше прибытие в Ла-Рошель взволнует всю страну. Но бежать ради собственной безопасности в Германию было бы с нашей стороны эгоизмом. Мы не хотели оставить наших братьев, которые возлагают на нас все свои надежды.

На следующее утро принц и адмирал со своим конвоем уехали в Ла-Рошель, куда и прибыли 18 сентября.

Графиня с сотней своих воинов и слуг в течение первого дня пути сопровождала своих гостей и вернулась в замок только на следующий день.

Вести о гугенотских вооружениях обеспокоили двор, и король поторопился издать указ, обещающий королевское покровительство всем гугенотам, которые не примкнут к восстанию.

Но лишь только католики собрались с силами, последовала отмена всех эдиктов о веротерпимости и воспрещение всяких обрядов, кроме католических, под страхом смерти и конфискации имущества.

Католическое население городов очень обрадовалось этому эдикту; в Тулузе и в других местах образовались союзы для искоренения ереси протестантизма, именовавшие себя «крестовыми походами».

Но и для вождей гугенотов это очередное предательство короля было на руку, так как убедило самых мирных приверженцев новой веры, что им нет другого выхода, как взяться за оружие, а гугенотским представителям при иностранных дворах дало основание утверждать, что французский король намерен искоренить реформатство в своих владениях, и что гугеноты вынуждены восстать ради самосохранения.

Прибытие адмирала в Ла-Рошель сразу одушевило всех гугенотов, которые энергично стали готовиться к

военным действиям. Замок Лаваль был центром всей местности, в котором и должны были собраться все окрестные гугеноты. Было весьма вероятно, что католики попытаются напасть на него, и потому адмирал отклонил предложение графини послать своего сына с пятьюдесятью воинами для усиления гарнизона Ла-Рошели.

— К тому же я не сомневаюсь, — сказал он, — что королева Наваррская присоединится к нам, и мы скоро перейдем к наступательным действиям.

На третий день после отъезда Конде и адмирала, ранним утром в замок прибежал человек из Ниора с известием, что накануне городская чернь избивала человек сорок гугенотов, а около двухсот человек заключили в тюрьмы.

Появилось опасение, что чернь, побуждаемая католическими священниками, пойдет громить гугенотов в окрестных деревнях.

— Следует попытаться помочь нашим братьям, — сказала графиня. — Франсуа, собери с Филиппом возможно больший отряд и поезжай к Ниору. Попытайся вывести оттуда всех гугенотов, а если встретишь буйствующих католиков, задай им хороший урок. Жаль, что мы не можем защищать наших братьев в городе, но с нашими силами немислимо предпринять что-нибудь против укрепленного города.

Через четверть часа Франсуа и Филипп выехали из ворот замка в сопровождении шестидесяти всадников. Все знали цель поездки и ехали быстро, насколько позволяли силы лошадей.

— Не разделиться ли нам, Франсуа, на два отряда? — предложил дорогою Филипп. — Ты объедешь город слева и заедешь во все деревни по пути, а я справа, и за городом мы встретимся. При объезде деревень нам следует захватить всех знатных людей и патеров, призывающих чернь к резне, а имея заложников в руках, мы можем проделать то же, что в Тулузе.

— Великолепная мысль, Филипп! — воскликнул Франсуа. — Весьма вероятно, что черни сопутствуют в деревнях знатные лица города, и если нам удастся захватить их, то мы можем многого добиться. Только хва-

тит ли на это наших сил; ведь нужно будет кому-нибудь сторожить пленников?

— Не беспокойся, сил у нас достаточно,— возразил Филипп.— Дюжина хороших солдат разгонят какую угодно толпу. Условимся еще вот о чем,— продолжал он.— Если один из нас, объехав город, не встретит другого, то должен спешить навстречу, а может быть, и на выручку.

Приближаясь к Ниору, наши друзья встретили нескольких беглецов, сообщивших им, что чернь еще не вышла из города и что католики в самих деревнях хвалятся покончить с гугенотами. Находясь милях в двух от города, они увидели слева от него зарево пожара.

— Там уже принялись за дело! — воскликнул Франсуа.— Это моя сторона...

И он скомандовал своему отряду следовать за собой, приказав не щадить злодеев, за исключением патеров и предводителей. Филипп направился в другую сторону, отдав те же приказания своим воинам.

В первой деревне, в которую въехал отряд Филиппа, жители-католики толпились перед запертыми домами гугенотов. При появлении всадников все бросились бежать.

— Гоните их! — крикнул Филипп.— Бейте плашмя мечами.

Гугеноты тотчас отворили двери и окна и радостно приветствовали избавителей. Они сообщили Филиппу, что утром в церкви патер призывал католиков присоединиться к горожанам для избиения гугенотов. Патер и мэр тотчас же были арестованы и с петлями на шеях посажены на лошадей. Филипп предложил гугенотам выехать, если желают, в Лаваль, а поселянам-католикам приказал предоставить в распоряжение гугенотов лошадей и повозки для перевозки их имущества в замок.

— Горе вам,— сказал он католикам,— если вы не исполните моего приказания: дома ваши будут сожжены, и всякий, кто попадетс нам в руки, повешен. Евстафий, останься здесь с двумя всадниками и смотри, чтобы все было исполнено. А если до нашего возвращения у вас случится что-нибудь, ваш патер и мэр будут повешены на колокольне.

В следующих двух деревнях произошло то же, что и в первой. Четвертая же была полна народа, слышались выстрелы, крики и вопли, а на дороге валялось несколько трупов.

— В копыта, друзья! — скомандовал Филипп, и отряд, вскачь ворвавшись в деревню, начал колоть и рубить направо и налево.

Плохо вооруженные католики побросали оружие и бросились бежать. Гугеноты вышли из домов и, в свою очередь, преследовали бегущих.

Посреди деревни Филипп увидел несколько всадников и вооруженных людей, стоявших вокруг креста и стремительно напал на них со своим отрядом. Двое или трое из них схватились было за мечи, но видя, что все католики разбежались, сдались вместе со своими товарищами.

Судя по платью, тут было трое знатных дворян, четверо или пятеро влиятельных горожан, четыре патера и несколько церковников с хоругвями и кадильницами.

— Связать им руки! — приказал Филипп.

— Я протестую против такого оскорбления, я дворянин, — сказал один из пленников.

— Если бы вы были принц королевской крови, и я вас нашел бы за этой резней, то все равно связал и повесил вас на первом дереве! — ответил Филипп.

— Неужели вы посмеете коснуться слуги Господняго! — воскликнул один из священников.

— Вы не слуга Божий и, должно быть, украли эту одежду.

Сделав такие же распоряжения, как и в предыдущих деревнях, Филипп поехал дальше.

В пятую деревню отряд вступил как раз вовремя, чтобы предотвратить бедствие: городская чернь, с несколькими всадниками и католическими священниками во главе, только что вступила в нее.

Чернь тотчас же разогнали, а предводителей захватили в плен.

Отряд уже почти наполовину объехал город и скоро встретился с отрядом Франсуа.

— На моей стороне, — рассказывал Франсуа, — было всего три деревни. В той, где мы видели пожар, католи-

ки уже успели наделать бед; но мы хорошо заплатили им, убив более сотни негодяев; во второй сами гугеноты хорошо защищались, и мы им только помогли дать хороший урок городской черни, а в третьей все было спокойно. Мы тоже забрали в плен восьмерых горожан, столько же дворян и десять патеров.

Узнав, что Филипп заставил католиков перевозить в Лаваль имущество гугенотов, Франсуа пожалел, что не сделал того же, и решил опять проехать по тем же деревням, условившись встретиться с Филиппом на большой дороге по ту сторону города.

Возвращаясь, Филипп видел, что в деревнях никто не осмелился послушаться его приказаний.

Через два часа он вновь соединился с Франсуа.

Сделав список пленников, друзья направились с ними к воротам Ниора и подняли на копье белый флаг.

Глава IX

ВАЖНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Просматривая, в ожидании ответа на сигнал, имена пленников, Франсуа увидел среди них членов знатнейших католических родов в Пуату; пять важных лиц было и среди пленных горожан, а всех священников было тридцать человек.

Между тем на городской стене над воротами, которые были заперты, взвился также белый флаг и показалось несколько горожан. Наш маленький отряд двинулся к воротам шагов на двадцать. Один из стоявших на стене обратился к ним.

— Я — Жан де Люк, королевский комиссар в городе, — сказал он, — а вот епископ, вот мэр, а это должностные лица. С кем я говорю?

— Я граф Франсуа де Лаваль, — ответил Франсуа, — представитель тех дворян, которые явились сюда защитить гугенотов и наказать убийц, из которых до трехсот человек уже наказаны смертью, а вот кто находится у нас в плену, — и он прочел список. — Объявляю вам, что

если в течение часа всем протестантам, заключенным в ваши тюрьмы и находящимся в городе, не будет позволено без всякого затруднения выйти из этих ворот вместе со своим имуществом, то мы повесим всех этих пленников, разорим все окрестности и осадим город. Даю вам десять минут на размышление.

Совещание на стене длилось недолго. Де Люк опасался навлечь на себя вражду могущественных родов, если не подействует спасению их родственников, а горожане тоже желали спасти своих сограждан, и были напуганы угрозой разорить окрестности и осадить город; до них дошли смутные слухи о прибытии принца и адмирала с большими силами, которые могли свернуть к Ниору, узнав о смутах в городе.

Епископ также желал выручить своих патеров, сознавая, что начальство его не похвалит, если их убьют. Словом, все склонилось к принятию условий Франсуа.

— Даете ли вы честное слово французского дворянина, — обратился к нему де Люк, — что при исполнении нами ваших желаний, пленники ваши будут отпущены, и над ними не будет совершено никакого насилия?

— Моя честь порукой этому, — ответил Франсуа.

— Мы принимаем ваши условия. Отойдите дальше от стен, и мы отворим ворота.

Отряд отступил. Скоро из ворот появились толпы мужчин, женщин и детей с тяжелыми узлами. Изредка выезжали нагруженные телеги. От этих людей Франсуа узнал, что его требования были исполнены в городе с точностью. Горожане боялись, что вслед за маленьким отрядом подойдут большие силы гугенотов, которые могут ворваться в город, и потому старались выпроводить поскорее всех их единоверцев.

Не прошло и часа, как более пятисот гугенотов были уже за воротами города. Им посоветовали отправиться в Ла-Рошель или, по желанию, воспользоваться гостеприимством в Лавале.

Большинство решило направиться в Ла-Рошель. Однако отпустить эту массу людей туда без охраны было не совсем безопасно — в Ниоре могли узнать, как незначителен отряд, подходивший к городу, и пуститься преследовать гугенотов, направлявшихся в Ла-Рошель.

Поэтому было решено, что Филипп проводит их с отрядом в сорок человек.

Опасения молодых друзей оправдались. Часа два спустя по выступлении Филипп увидел у себя в тылу на дороге большой столб пыли. В это время он подходил с ниорскими выселенцами к броду, через который можно было переправляться только по четыре человека в ряд; переправа заняла много времени, и преследователи захватили бы не успевших переправиться, если бы их не сопровождал Филипп.

Между тем отряд всадников приближался. Видя, что они едут небрежно, порознь, очевидно, уверенные в своей силе, Филипп поспешно построил свой отряд в две шеренги и сразу налетел на них. Усталые от чрезмерно быстрой езды кони католиков не выдержали напора и падали вместе с всадниками, а задние ряды, охваченные паникой, повертели коней и бросились бежать. Преследовать их Филипп не дозволил.

— Они вчетверо сильнее нас,— сказал он,— и если мы рассеемся, а они опомнятся и ударят, дело наше может принять худой оборот.

Ниорские выселенцы были отправлены вперед, а отряд Филиппа остановился у брода охранять путь с тем, чтобы утром догнать беглецов.

Ночь прошла спокойно, а на следующий день поздним вечером нашим путникам уже показался Ла-Рошель. Опасность теперь миновала, и Филипп хотел было отправиться в обратный путь, но было поздно, и он решил ночевать в городе.

В городе замечалось большое оживление. По улицам двигались вновь прибывающие дворяне-гугеноты со своими слугами и крестьяне. Множество людей работало на городских стенах; гавань была наполнена небольшими парусными судами; в город гнали множество скота и везли на телегах съестные припасы из окрестностей.

Достать помещение для отряда Филиппа, очевидно, было делом нелегким; все дома в городе были переполнены прибывшими отовсюду гугенотами. Поэтому решено было ночевать на морском берегу, где уже расположилось множество народу. Когда все было устроено, Фи-

липи в сопровождении Пьера отправился в замок, где жили Конде и Колиньи со своими семьями.

Как оказалось, весть о происшествиях в Ниоре уже дошла до Ла-Рошели, и в приемной Филиппа засыпали вопросами. Но не успел он ответить, как из внутренних покоев показались Конде и адмирал.

— А, сэра Флетчер,— сказал адмирал.— Вот когда мы услышим правду о деле под Ниором. Граф здесь?

— Он вернулся в Лаваль, адмирал,— ответил Филипп,— с теми, которые пожелали отправиться туда, а мне поручил отвести сюда большинство ниорских выселенцев.

— Но мне донесли, что отряд, прибывший с вами, состоит всего из сорока человек. Говорят, на пути была стычка... Много вы потеряли людей?

— Ни одного, адмирал,— ответил Филипп.— Несколько человек легко ранено.

— Да сколько же вас всех вышло из Лавалья?

— Шестьдесят человек.

— Так кто же разогнал ниорскую чернь, бушевавшую в деревнях, и добился освобождения гугенотов в Ниоре?

— Мы.

— Удивительно! Расскажите, как все это случилось?

Филипп в общих чертах рассказал обо всем, что им с Франсуа удалось сделать.

Адмиралу и Конде особенно понравилась мысль забирать в плен знатных горожан и патеров, с целью освободить гугенотов.

— Более восьмисот человек, господа, спасены от мук и смерти мужеством и предусмотрительностью двух молодых людей. Это пример для всех. Каждый из нас мог бы гордиться тем, что сделали они. Недаром наш друг де ла Ну не раз отзывался с восторгом о молодом графе и его кузене.

— Да я и сам,— сказал принц,— был обязан им жизнью при Сен-Дени. Господин д'Арбле с величайшей похвалой отзывался о них обоих и особенно о сэре Флетчере, который, как он объявил, спас его жизнь и жизнь графа де Лавалья, добившись освобождения их из темницы таким же способом, как и в Ниоре. Ну, а теперь,

господа, ужин подан, пойдёмте. Сэр Флетчер, садитесь между адмиралом и мною; вы должны рассказать нам все подробности, и потом я ещё хотел бы спросить вас о деле под Тулузой.

Обстоятельно расспросив Филиппа во время ужина, адмирал заметил ему:

— Успех в военном деле много зависит от мелочей. Вы не теряетесь в самые трудные минуты — это прекрасное качество, и, если бы у меня было дело, требующее ума и мужества, я поручил бы его вам, несмотря на вашу молодость... Скажите, где вы остановились?

— Я не нашел помещения в переполненном городе и расположился с своим отрядом на морском берегу, где и намереваюсь провести ночь.

— Так вот что: после ужина сходите и скажите вашим солдатам, чтобы они не ждали вас до утра, а сами возвратитесь сюда.

Поздно вечером Филиппа позвали к адмиралу, у которого он застал принца Конде и еще одного из руководителей восстания.

— Мы хотим, — сказал адмирал Филиппу, — дать вам поручение, если только вы возьметесь его исполнить. Дело это очень опасное, требующее осторожности, находчивости и мужества. Принц думает, что вы, несмотря на вашу молодость, можете выполнить это поручение. Дело в том, что вам предстоит отвезти известие королеве Наваррской в Нерак. Ее склоняют ехать в Париж, а втайне собираются захватить вместе с сыном. Необходимо предупредить ее, чтобы она не верила обещаниям и ехала бы скорее на север, а также сообщить ей, что мы намерены осадить Ангулэм, Коньяк и Сент и рассчитываем встретить ее на Шаранте. Она просила уведомить ее о наших действиях и передвижениях, но мы не решаемся послать ей письмо — оно может попасть в руки католиков; вместо письма я дам вам кольцо, подаренное мне самой королевой, и оно будет доказательством, что вам можно верить. Предупреждаю, на пути вас ждут большие опасности: все дороги, переправы и речные броды охраняются католиками, и вы пропадите, если заподозрят, что вы посланы нами.

— Я всеми силами постараюсь оправдать высокую

честь и доверие, оказываемое вами мне,— сказал Филипп.— Я завтра же отправлю отряд в Лаваль, и буду готов выехать.

— Это не нужно,— сказал принц.— Вчера в Лаваль послан вестник с приказанием молодому графу выступить послезавтра со всеми силами, которыми он может располагать, на соединение со мною перед Ниором. Мы намерены захватить этот город, лежащий на пути в Париж. Вот большая карта, по ней вы можете изучить путь, который вам предстоит пройти; возьмите ее в соседнюю комнату и изучите внимательно; обратите особенное внимание на реки и переправы. Как вы пойдете — один или в сопровождении нескольких людей, переодетым или нет — все это ваше дело, лишь бы цель была достигнута и как можно скорее. Мы ждем нескольких городских советников, и если они найдут возможным отправить вас на лодке вдоль берега до устьев Жиронды, то четверть пути будет проделано и многие препятствия обойдены.

Филипп вышел с картой в соседнюю комнату, а через час его позвали опять к адмиралу. К удивлению своему, он застал у него купца Бертрама.

— Наш добрый друг сообщил мне,— сказал адмирал,— что он уже знаком с вами, сэр Флетчер. Он приютит вас на ночь у себя, а завтра утром предоставит небольшое парусное судно. Он берется доставить вам также какие угодно костюмы для вас и для людей, которых вы возьмете с собою, и на всякий случай назовет вам гугенотов-купцов в попутных городах, у которых вы можете найти приют и помощь. Возьмите это кольцо и тщательно скрывайте его,— если у вас найдут его, то поймут, что вы не тот, кем кажетесь. Надеюсь видеть вас дней через десять в Коньяке.

Филипп низко поклонился принцу и адмиралу и вышел вместе с Бертрамом. Встретив Пьера, он спросил его:

— Позаботился ли ты о наших конях?

— Все сделано, сударь.

— Мы ночуем у господина Бертрама.

— Очень рад это слышать,— ответил Пьер,— замок битком набит народом.

— В моем доме тоже множество народа,— сказал Бертрам Филиппу,— но вас я помещу у себя — нам нужно о многом поговорить насчет вашего путешествия. Оно опаснее, чем я желал бы. Что вы взялись — это ваше дело, а я постараюсь сделать все возможное, чтобы облегчить его.

Обсудив дело с Бертрамом, Филипп решил взять с собою Пьера и еще двух из своих ратников; последние были из Гаскони и знали хорошо местность, по которой Филиппу предстояло идти. Все четверо, по совету Пьера, должны были одеться крестьянами, желающими поступить на службу к какому-нибудь вождю католиков, и потому должны были иметь стальные шлемы и мечи.

— Они,— говорил Пьер,— выдадут себя за бывших воинов, а мы с вами — за их родственников, желающих стать воинами. Как только мы доберемся до Гаскони, их говор будет как нельзя более кстати, чтобы отвлечь от нас всякое подозрение.

Филипп приказал Пьеру тотчас же привести к себе своих ратников. Объяснив им коротко, в чем дело, он спросил, кто из них желает отправиться с ним.

— Мы все готовы следовать за вами,— ответили они.

— В таком случае, бросьте жребий,— сказал Филипп.— А так как вас две пары братьев, которым лучше не разлучаться, то решите жребием, которой паре отправляться со мной.

Жребий выпал Жаку и Рожеру.

— Если с нами случится беда,— сказал Филипп остающемуся Евстафию,— то отведи моих коней в Лаваль к моему кузену; я уверен, что он примет тебя и Генри к себе на службу.

Когда Филипп объяснил, как они должны переодеться, то оказалось, что у них уже были такие костюмы, и что они перед поступлением к нему на службу оставили свое платье в Ла-Рошели на хранение.

Поэтому Бертраму пришлось позаботиться только о самом Филиппе.

— Лучше будет,— сказал Филипп,— если мы оставим здесь кольчуги; довольно с нас шлемов и мечей. Нам придется идти далеко и долго, и чем меньше у нас будет поклажи, тем лучше.

Глава X

В ПУТИ

Рано утром Бертрам отправился в гавань в сопровождении четырех человек, одетых в крестьянское платье; двое из них, имевшие вид бывших солдат, были в стальных шлемах, а другие двое, в низеньких крестьянских шляпах, несли шлемы на веревках через плечо; все четверо были с мечами. Такие группы, искавшие себе службы у одной из враждующих сторон, встречались в то время во Франции во множестве.

Команда маленького судна, на которое привел путников купец, состояла из трех матросов и одного мальчика.

— Понимаешь, Жан,— сказал Бертрам старшему моряку,— свези их к устью Жиронды, а если к вам станет подходить быстроходное сторожевое судно, высади там, где они захотят. Если же тебя будут преследовать, брось судно и возвращайся пешком.

В два часа пополудни путники высадились благополучно на песчаный холмистый берег и поспешили выйти на большую дорогу. К ночи они были уже далеко, и ночевали в уединенном месте среди песчаных холмов. Заходить куда-нибудь за съестными припасами им пока надобности не было. Бертрам снабдил их провизией дня на два.

На другой день к вечеру они уже подходили к Блэй. Надеясь узнать что-нибудь о передвижениях католических войск, они решили войти в город.

В небольшом трактирчике, где они приютились в уголке, только и разговору было, что о передвижениях войск и о готовящихся событиях. Преобладало мнение, что гугенотов окружают в Ла-Рошели, как волков в западне, и покончат с ними. Филипп чувствовал страстное желание возразить и невольно посматривал на своих спутников, боясь с их стороны какого-нибудь неблагоприятного шага; но Жак и его брат спокойно ели, а Пьер смотрел на говоривших с выражением такого восхищения и сочувствия, что Филипп едва удержался, чтобы не расхохотаться.

— Надо сознаться,— сказал один из присутствующих,— что эти волки сильно кусаются: мы это испытали при Сэн-Дени. У меня остался хороший след от их зубов — правая рука моя осталась в схватке, происшедшей около упавшего с лошади принца Конде. Гугенот отрезал мне ее, как прутик.

— Ну, на этот раз им придется плохо,— сказал другой.— Вот увидите, принц и Колиньи улизнут в Англию, а королева Наваррская с сыном попадутся в наши руки; тогда каждому гугеноту предложат либо католическую обедню, либо виселицу, по выбору. Вот, мы завтра выступаем, и я уверен, что нас поставят где-нибудь, чтобы перехватывать гугенотов, направляющихся на юг, в Ла-Рошель.

Когда посетители ушли, хозяин трактира подошел к нашим путникам.

— Куда идете, молодцы? — спросил он.

— Да вот, надоело работать в виноградниках, так идем в Ажан, хотим взяться за наше ремесло у де Бриссака; мы служили у него в Италии.

— Не легко пробраться туда,— сказал хозяин,— ведь все мосты и броды охраняются солдатами. Вам бы следовало отправиться на судне в Бордо, с попутным ветром, который вот уже три дня дует с запада; это избавило бы вас от многих миль тяжелой ходьбы.

— Да, конечно,— сказал Жак,— но, как это устроить.

— Ну, это не трудно,— возразил хозяин.— Теперь каждый день идут туда суда с ферм и виноградников. Конечно, нужно заплатить, да ведь у вас, чай, водятся деньжонки. Да вот хоть мой двоюродный брат; он завтра едет в Бордо, и если я замолвлю ему словечко, так он за крону перевезет вас всех.

— Что скажете? Ведь это отличное дело! — сказал Жак.— Помимо того, что нам не нужно будет шагать миль сорок, мы избавимся от знакомства с солдатами, которые любят осматривать чужие карманы.

Все согласились с ним, а хозяин добавил, что его кузен даже не возьмет с них никакой платы, если они согласятся помочь ему перетаскать бочки в кладовые купца; это избавит его от найма рабочих в Бордо, которые

там очень дороги. Как только завтра отпрут городские ворота, кузен будет уже здесь,— он не любит терять времени.

На другой день к семи часам кузен хозяина с своими телегами был уже у ворот харчевни.

На одном из возов, нагруженных бочками с вином, сидела жена фермера, окруженная корзинами с яйцами, курами, утками и кадочками с маслом.

Хозяин переговорил в стороне со своим кузеном, и затем тот подошел к нашим путникам.

— Я согласен отвезти вас в Бордо,— сказал он,— с тем, чтобы вы помогли нагрузить и выгрузить мое судно. Но, только вы не обижайтесь, пожалуйста, кто поручится мне, что вы не уйдете в Бордо, не выгрузив товар.

Жак вынул из кармана деньги.

— Вот крона,— сказал он,— в залог; если мы не исполним нашей работы, вы наймете рабочих на эти деньги.

— Хорошо,— ответил фермер.

Вскоре Филипп со своими спутниками плыли на судне. Они расположились на носу судна и были отделены грудой бочек от фермера с женой и двух гребцов. Спустя часа четыре показались стены и шпицы Бурга, где Дордон соединяется с Гаронной, образуя реку Жиронду, а в три часа путники были уже у пристани в Бордо.

— Извинитесь и уйдите, сударь,— сказал Филиппу Пьер,— мы и без вас перенесем бочки; для вас эта работа не подходящее дело.

— Честный труд — всегда и для всех подходящее дело,— ответил Филипп.

Лавка, куда нужно было перенести бочки, оказалась недалеко, по другую сторону широкой набережной, к которой причаливали суда. Не прошло и двух часов, как вся работа была окончена. Фермер возвратил Жаку крону, и Филипп с своими спутниками прошли по многолюдным улицам к южным воротам города, через которые непрерывным потоком въезжали запряженные лошадьми и ослами телеги, на которых крестьяне привозили в город разные продукты.

— Эй, куда вы идете? — вдруг обратился к Жаку и его брату какой-то офицер у ворот.

Жак и брат его, бывшие в шлемах, остановились,

между тем как Филипп и Пьер, у которых шлемы были в узлах, не останавливаясь пошли дальше, как было условлено между ними.

— Ну, все обошлось хорошо,— сказал Жак, догнав Филиппа,— нам только заметили, что лучше бы мы направились к Сенту или Коньяку и поступили там на службу, вместо того, чтобы идти так далеко.

Путники наши, отдохнувшие достаточно во время переезда, шли почти до полуночи.

Когда они вошли в небольшую деревушку на берегу Сирона, там все уже спали, и они решили перейти реку и расположиться на отдых где-нибудь в лесу. Но подойдя к мосту, они увидели на дороге костер, вокруг которого сидело и лежало несколько человек.

— Солдаты! — воскликнул Филипп.— Нечего и думать пробраться ночью мимо них. Придется ждать до утра.

Они вышли за деревню в виноградник и улеглись среди лоз.

— Далеко ли отсюда можно перейти реку, Жак? — спросил Филипп.

— Не знаю, сударь. На Гаронне деревни расположены в десяти — двенадцати милях одна от другой; если мы пойдем по берегу, то наверно найдем где-нибудь переправу.

— Так мы потеряем целый день, а время нам дорого. Утром пойдемте прямо на стражу. Рассказ наш годился до сих пор, почему бы ему не сгодиться и теперь?

И лишь только солнце встало, наши путники вошли в деревенскую харчевню и спросили себе вина и хлеба.

— Раненько вы идете,— сказал им хозяин.

— Нам далеко идти, хотелось бы до завтрака пройти несколько миль.

— Что говорить, время горячее, люди толпами идут по всем дорогам. Содержателям харчевен на это жаловаться не приходится, а все бы лучше, если бы был мир. Война разоряет всех; ничего нельзя послать на рынок, потому что иные отряды солдат хуже разбойников. Да вот у нас в деревне стоят теперь три десятка их, и мы не дождемся, когда они уйдут; их начальник ведет себя так, как будто бы только что взял нашу деревню штур-

мом. И с чего это французы вцепились в горло друг другу! Вы тоже, чай, собираетесь поступить на службу к какому-нибудь рыцарю?

— Судя по вашему рассказу, нам, кажется, не избежать хлопот на мосту с солдатами,— сказал Филипп трактирщику.

— Кто их знает! — ответил тот.— Только они постоянно притесняют мирных прохожих: на днях они захватили несколько человек и отослали к начальству за то, что у них не было вида, а одного убили два дня тому назад за то, что он не стерпел от них оскорбления. Мы хотели было на них жаловаться, да им наверное ничего не будет, а они нас за это начнут притеснять еще хуже.

— А что, не знаете ли брода, по которому мы могли бы перейти, не сделав большого крюка? — спросил Жак у хозяина.

Трактирщик подумал.

— Есть два-три места, где можно переправиться в брод при низкой воде, а теперь уже несколько недель не было дождя, и вода стоит низко. Идите вверх по реке; мили так через четыре увидите ивы на этом берегу, а на том, несколько повыше, груды камней; как раз от ив к камням наискось и пролегает брод. Там вы перейдете.

Часа два спустя путники перешли реку и свернули на дорогу, которая вела в Нерак.

Теперь на их пути не было ни больших городов, ни рек, и единственная опасность, которую они могли встретить, это — конные отряды, сторожившие дорогу.

И действительно, один из таких отрядов не замедлил показаться. Местность была плоская, и скрыться не было никакой возможности.

— Нужно идти спокойно вперед,— сказал Филипп.— Будем надеяться, что они не остановят нас.

Между тем отряд подъехал к ним; он состоял из двадцати воинов, под начальством двух дворян.

— Откуда и куда идете? — бросился к путникам один из начальников.

Жак повторил свой обычный рассказ.

— Вы гасконцы, судя по вашему выговору?

— Да, сударь,— ответил Жак.— Потому-то мы и

идем на юг, лучше служить в полку земляков, чем с чужими.

— Стоит ли терять время, Рауль,— вмешался нетерпеливо другой дворянин.— Ведь это, сразу видно, не дворяне-гугеноты, которых мы должны задерживать. Едем.

Отряд отъехал.

— Ты напрасно так нетерпелив, Луи,— сказал расспрашивавший Жака дворянин.— Положим, двое говорят правду, что они бывшие солдаты, но один из молодых людей очень подозрителен; быть может, это дворянин-гугенот, пробирающийся в Нерак.

— Хотя бы и так, Рауль, но ведь он не увеличит до опасных размеров армию королевы. Я очень доволен, что мы его не расспрашивали; он, как и все гугеноты, смело сказал бы, что он гугенот, и нам пришлось бы убить его. Я хороший католик, надеюсь, но я презираю это убийство беззащитных людей только за то, что они молятся по-своему.

— Опасные мысли, Луи.

— Отчего? Мы были с тобой в Пуасси на религиозном споре и сами слышали, что кардинал Лотарингский и епископы не умели опровергнуть доводов гугенотского священника Безы. Значит, ничего такого ужасного нет в учении гугенотов, чтобы их убивать. Будь они враги Франции, другое дело. А то ведь немало лучших и умнейших французов на стороне их. Из-за чего же Франция залита кровью с одного конца до другого? Все это идет на пользу Филиппу, королю испанскому, да папе.

— Опасные мысли, Луи! — сказал с нетерпением другой,— с ними ты рискуешь не только своими владениями, но и головой.

Глава XI

КОРОЛЕВА НАВАРРСКАЯ

— Удачно мы отделались,— говорил Филипп Жаку.— Спроси они, не гугеноты ли мы — дело было бы нехорошее.

— Я тоже ожидал этого вопроса,— ответил Жак,—

и думал, что бы я мог сказать по совести. Я даже под страхом смерти не отказался бы от своей веры, но думаю, что нам следует придумать что-нибудь, чтобы напрасно не рисковать нашей жизнью.

— Да что же тут можно придумать?

— А вот видите ли, сударь, спроси они, гугеноты ли мы, я бы спокойно ответил «нет», зная, что вы англичанин, и хоть веры такой же, как наша, но все-таки не гугенот. Ну, а Пьер еще не решил, кто он такой. Значит, мы не гугеноты. Но если бы он спросил, католики ли мы, мне пришлось бы ответить тоже «нет».

— Ну, это вопрос щекотливый,— сказал Филипп.— Будем молить Бога, чтобы нам не пришлось отвечать, кто мы такие.

В этот день путники наши прошли миль десять и в восемь часов вечера, совершенно измученные, остановились на ночлег в лесу, в десяти милях от Нерака; подкрепившись хлебом и вином, купленным в небольшой деревеньке на пути, они улеглись спать.

На другой день с рассветом они снова уже шагали по дороге и прошли к воротам Нерака раньше, чем их открыли.

Как только опустили подъемный мост, они вошли в город вместе с толпой крестьян, дожидавшихся перед воротами.

Нерак имел воинственный вид, на всех стенах стояли часовые. Можно было заметить, что большинство горожан были гугеноты.

Узнать, где жила королева, было не трудно. У дверей ее дома стояло несколько дворян-гугенотов, вооруженных с ног до головы. Филипп подошел к ним, оставив своих спутников неподалеку.

— Я имею важное поручение к королеве,— сказал он одному из дворян.— Вот перстень, как доказательство этого; прошу вас послать его ее величеству.

Дворянин осмотрел перстень.

— Да, на нем герб королевы,— сказал он.— Ее величество уже встала, я сейчас пошлю его к ней.

Через минуту из дома вышел другой дворянин.

— Ее величество желает видеть гонца, передавшего ей перстень,— сказал он.

Филипп последовал за ним в дом. Его ввели в комнату, где сидела дама, в которой он, по описаниям, узнал королеву Наваррскую. Рядом с ней стоял юноша пятнадцати лет.

— Вы от адмирала? — спросила она.— Есть у вас письмо для меня?

— Письмо зашито в моем сапоге, ваше величество, его мне прочли несколько раз на случай, если бы оно испортилось от воды или от чего-либо другого. Сначала адмирал хотел дать мне только словесное поручение, но потом написал письмо на случай, если бы со мной случилось что-нибудь; тогда один из сопровождавших меня людей принес бы его вашему величеству.

— Я слышала, что адмирал благополучно достиг Ла-Рошели с небольшим отрядом? — спросила королева.

— У него и у принца было более пятисот человек, когда они вступили в Ла-Рошель, и теперь ежеминутно приходят к ним новые отряды. В тот день, как я вышел из города, они намеревались взять Ниор и затем двинуться на юг. Я должен передать вашему величеству письмо.

— Хорошие вести, они очень облегчают мое положение,— сказала королева.— А кто же вы, сударь, которого адмирал почтил таким важным поручением?

Филипп рассказал о своем происхождении и родстве с французскими вельможами. Потом он попросил позволения вытащить письмо из сапога и вручил его королеве. В письме было написано: «Все хорошо. Надеюсь видеть Вас. Вы найдете меня в Коньяке или около него».

Подписи не было.

— Вы оказали нашему делу большую услугу, сэр Флетчер,— сказала королева.— Как это удалось вам пробраться до Нерака, когда все мосты и броды охраняются католиками?

Филипп рассказал все, что с ним случилось во время путешествия.

— Вы прекрасно оправдали доверие адмирала,— сказала королева.— Что же вам приказано дальше?

— Сопровождать ваше величество на север, если вы позволите мне ехать в вашем отряде.

— Охотно; моему сыну доставит большое удовольствие услышать от вас рассказ о ваших приключениях.

— Вы поедете рядом со мной, сэр Флетчер,— сказал молодой принц.

Принц был для своих лет высокого роста, энергичен и силен. Мать воспитывала его, как сына простого крестьянина. Сама королева чувствовала отвращение к испорченности придворных французских нравов и старалась привить своему сыну простые наклонности и вкусы и сделать его смелым и сильным; в детстве он бегал босиком, а когда подрос, проводил много времени в горах на охоте.

— Нужно вам сказать, сэр Флетчер,— обратилась королева к Филиппу,— что сегодня вечером я выступаю из Нерака с моими приверженцами-дворянами,— я вас представляю им. Их пока немного, но мы имеем от многих обещание, что они присоединятся к нам на пути. У католиков здесь, как мне известно, до четырех тысяч войска, но они разбросаны по окрестностям, и нам не трудно будет одолеть небольшие отряды, которые могут преградить нам путь, а как только мы перейдем Гаронну, то на время будем в безопасности.

Выйдя от королевы, Филипп вместе со своими спутниками поспешил переодеться и вооружиться. Когда он, спустя час, явился снова в дом, занимаемый королевой, ему сообщили, что королева занята со своими советниками, но что принц Генрих спрашивал о нем. Его провели в комнату, где принц завтракал.

— Вот и прекрасно,— сказал принц.— Я уже полчаса жду вас, чтобы позавтракать вместе. Садитесь сюда. Держу пари, что вы в Нераке были так заняты, что еще не успели и подумать о еде.

И принц настоял, чтобы Филипп сел с ним завтракать.

После завтрака Филипп рассказал принцу о своем путешествии из Ла-Рошели, об освобождении гугенотов из Ниора и о битвах, в которых участвовал.

— Вы были в битве при Сен-Дени! Какой вы счастливый! — говорил принц.— Надеюсь, что и я буду участвовать в войне и буду великим полководцем, подобным

адмиралу, но я хотел бы, чтоб это была война против испанцев, а не против французов.

Вошла королева; Филипп поспешил встать.

— Пожалуйста, без церемоний, сядьте,— сказала королева.— Я рада, что нахожу вас здесь. Вы можете оказать нам новую услугу. Сенешаль д'Арманьяк ожидает меня близ Тоннена с отрядом конницы и полком пехоты, чтобы соединиться со мною завтра утром. Если об этом узнают католики, то губернатор Ажана пошлет против него войско или же преградит мне путь к нему. Так вот, вы должны ехать в Ажан, остановиться в какой-нибудь гостинице и поторопиться узнать, какие были или будут передвижения войск, и предупредить меня, если мне будет грозить опасность: мы будем переправляться через реку около полуночи. Теперь через Ажан проезжает множество всадников для присоединения к католическому войску, и на вас с вашими спутниками не обратят особенного внимания. Если все будет спокойно, вы присоединитесь ко мне по пути или же проедете прямо к сенешалю. Я уже приказала оседлать четырех коней.

Филипп с радостью взялся исполнить это поручение.

— Перстень я оставляю у себя и сама возвращу его адмиралу,— сказала Филиппу королева,— а вы носите вот этот на память о той, для кого вы рисковали жизнью.

И она передала ему дорогой перстень с брильянтами.

— А от меня прошу принять вот этот кинжал,— сказал принц, снимая небольшой кинжал великолепной стали толедской работы.

Выразив благодарность королеве и принцу, Филипп вышел. На дворе он нашел уже Пьера и обоих своих ратников на сильных конях, а один из слуг королевы подвел и ему прекрасного коня.

— Ее величество просит вас, сударь,— сказал он Филиппу,— принять этих коней, как знак ее благоволения к вам.

Через пять минут Филипп со своими людьми уже выезжал из Нерака.

На этот далекий путь наши путники употребили почти три часа, так как Филипп не хотел, чтобы на конях

были следы быстрой езды, тем более, что спешить было некуда.

Подъезжая к городу, Филипп сказал Пьеру:

— Следуй за мной издали, чтобы только не потерять меня из виду, а Жак с братом пусть отстанут от тебя настолько же. Если со мною что-нибудь случится, вы не должны вмешиваться в дело; а разузнав, как я вам объяснил, от солдат или в толпе о передвижениях войск, поезжайте вместе или порознь, как найдете лучшим, предупредить королеву. Если передвижений войск не будет, то вернитесь в Коньяк и сообщите моему кузену обо мне.

Те же приказания он повторил и ратникам.

— Неужели нам нельзя вступить за вас, если вы попадете в беду? — говорили они. — Мы бы охотнее разделили с вами вашу участь.

— Силой мы ничего не возьмем, — ответил Филипп, — и поручение будет не выполнено. Заботьтесь больше всего о безопасности королевы.

Потом он подозвал к себе Пьера и передал ему перстень и кинжал.

— Если я попаду в руки католиков, — сказал он, — то могу лишиться этих подарков. Храни их у себя, пока будет надежда на мое спасение, а потом отдай моему кузену и попроси от моего имени возвратить кольцо королеве, а кинжал принцу.

— Не нравятся мне эти предосторожности, — ворчал про себя Пьер. — Главное, ни к чему; были случаи куда опаснее, а обходились без них.

Филипп проехал на главную площадь города, отыскал гостиницу, отдал на дворе конюху своего коня, сказав, что до полудня он ему не понадобится, и вошел в общую комнату, откуда раздавались шумные разговоры. Пьер и оба ратника, заметив, где остановился их господин, проехали мимо. Филипп заказал себе обед и начал внимательно вслушиваться, что говорили за соседним столом четыре дворянина, последний из которых только что вошел.

— Ну, узнали вы что-нибудь новое? — спросил один из них вошедшего.

— Плохие вести! — ответил тот. — Конде и адмирал не зевают, они взяли не только Ниор, но и Партенэ.

— Черт возьми! Действительно, плохие вести. И как это дали им ускользнуть в Бургундию?

— Да и здесь повторяют ту же ошибку, — заметил другой. — Жанна Наваррская не менее опасна, почему бы не захватить и не отвезти ее с ее щенком в Париж?

— Да ведь с ней ведутся переговоры. Лучше будет, если она поедет в Париж добровольно. В таком случае она как будто бы отказывается от поддержки гугенотов, и это будет для них ужасным ударом, а насилие над ней, напротив, побудит взяться за оружие и тех, кто расположен оставаться спокойным. Да и как посмотрят на это за границей. А ведь ей все равно не уйти из Нерака, — реки слишком хорошо охраняются.

— Ну, я ничему не удивлюсь после того, как ускользнули Конде и адмирал. Эти проклятые гугеноты везде имеют друзей, которые предупреждают их об опасности и помогают им пробираться такими дорогами, которые не охраняются.

— Кроме того, — продолжал новоприбывший, — получены сведения о восстании гугенотов во всей Гвиенне. Сегодня ночью разнесся даже слух, что сенешал д'Арманьяк, глава округа, собрал там значительные силы. Эти гугеноты растут, как грибы, по всей Франции.

— Я слышал, — сказал один из дворян, — что через несколько часов королева волей-неволей будет на пути в Париж, а сенешаля после турнут как следует. Опасно только одно, как бы королева не вздумала улизнуть обратно к себе в Наварру, а там ее нехватишь среди гор и обожающих ее горцев. Следовало бы ее сразу захватить, а не дожидаться приказа. Хорошо, что она не мужчина, иначе она была бы таким же опасным врагом, как и адмирал. Но хотя она и гугенотка, ее нельзя не уважать. Муж ее был жалок в сравнении с ней...

Филипп вышел на площадь вполне довольный. Вести были прекрасные. Никаких передвижений войск не предполагалось; приказа о захвате королевы еще не было, его только ожидали через несколько часов, а королева тем временем покинет Нерак. Ни у кого, очевидно, и мысли не было, что королева может попытаться со-

единиться с сенешалем. Это показалось Филиппу странным. «Быть может, губернатор догадывается об этом? — подумал он, — и втайне послал уже войско, чтобы помешать этому?»

Филипп решил еще потолкаться в толпе, чтобы узнать побольше.

Три часа сряду бродил он, останавливаясь около винных лавок, прислушиваясь к разговорам солдат и дворян. Нового, однако, он ничего не узнал. Пьер следовал за ним издали, ратников же не было видно, — они, как он им и приказал, очевидно, добывали вести от солдат в винных лавках.

Убедившись, что приказов о каких-либо передвижениях войск еще не было, Филипп уселся перед одной из винных лавок и спросил себе бутылку хорошего вина. Почти тотчас же пятеро дворян заняли соседний столик. Взглянув на них, Филипп едва овладел собой: один из дворян, называвшийся Раулем, был тот самый, который разговаривал с Жаком около Базаса, и теперь он пристально смотрел на него. Уйти тотчас же — значило навлечь на себя прямое подозрение, и Филипп продолжал спокойно сидеть, обдумывая, как поступить, если Рауль обратится к нему, а Рауль между тем говорил о нем с сидевшим с ним рядом кузеном.

— Знаешь ты этого молодого дворянина, Луи? — спрашивал он. — Мне почему-то очень знакомо это лицо. Среди соседних дворян ведь нет такого?

— Не могу сказать, Рауль. Только и мне лицо это знакомо; к тому же оно из таких, которые не скоро забываются.

Рауль присоединился к общему разговору, но вдруг схватил кузена за руку.

— Знаю, где видел это лицо, — это один из тех, которых мы остановили два дня тому назад близ Базаса.

— Не может быть, Рауль! Те были... — и он вдруг остановился.

— Сам видишь, Луи. Это и есть тот высокий, стройный, красивый юноша с серыми глазами... Я еще тогда обратил внимание на этот цвет лица и светло-русые волосы, и приписывал это английской крови, которой немало в Гвие...

— Сходство, действительно, есть, но вряд ли это тот самый. Зачем было бы дворянину одеваться крестьянином?

— Вот это-то я и хотел бы знать. Быть может, это гугенот из свиты королевы, исполнявший тогда какое-нибудь поручение, да и теперь делающий то же. Он платит деньги... Я пойду за ним. Тут есть что-то таинственное. Не пойдешь ли и ты со мной? Господин д'Эстанж, у меня к вам дело,— не пойдете ли вы со мной?

И Рауль, в сопровождении двух товарищей, последовал за Филиппом.

Глава XII

БЕГСТВО

Филипп видел, что трое католиков встали, когда он уходил.

Приняв беспечный вид, Филипп неторопливо сделал несколько шагов, и сразу свернул в боковую улицу. За ним все время слышался топот, а затем кто-то крикнул:

— Стойте, молодой человек! Мне нужно поговорить с вами.

Филипп обернулся с выражением изумления.

— Это вы крикнули мне, милостивый государь? — спросил он.— Предупреждаю вас, что со мною нельзя безнаказанно говорить таким тоном.

Рауль засмеялся.

— И это говорит человек в крестьянском платье?

— Я не привык к загадкам, милостивый государь,— сказал надменно Филипп.— Я вижу, что вам угодно ссориться со мною, хотя я, кажется, не оскорблял вас. Вы, должно быть, из тех, которые щеголяют своею храбростью, когда думают, что могут делать это безнаказанно. В данном случае вы ошиблись. Я здесь чужой и потому прошу одного из господ быть моим секундантом.

— Это недоразумение, Рауль,— сказал Луи, кладя свою руку на плечо кузену. Но тот гневно сбросил ее.

— Он вызвал меня на дуэль, так пусть она состоится,— сказал он.

Луи попытался было успокоить своего кузена, но вспыхнувший Рауль не хотел слушать.

— Лучше нам не терять времени на пустые разговоры,— сказал холодно Филипп.— Отыщем подходящее место и покончим с этим делом.

— Я думаю, что молодой человек прав,— заметил серьезно д'Эстанж,— дело зашло слишком далеко. Я могу только сказать, что ваш противник, имени которого я не знаю, вел себя прекрасно, и так как ваш кузен, разумеется, будет вашим секундантом, то я почту за честь предоставить себя в распоряжение этого незнакомого дворянина.

— Нужно выйти из города,— сказал Рауль, возвращаясь на главную улицу.

— Благодарю вас, милостивый государь, вы согласились оказать услугу человеку, даже имя которого вам было неизвестно,— сказал Филипп д'Эстанжу.— Однако, вам следует знать его. Меня зовут Филипп Флетчер; со стороны отца я англичанин, со стороны матери — француз; я двоюродный брат графа Франсуа де Лаваль и по матери внук графа де Мулена.

— Две известные фамилии Пуату,— вежливо заметил д'Эстанж.— Я очень сожалею, что вышла такая неприятная история. Рауль де Фонтэн был неправ, позволив себе окликнуть вас так грубо; но для вас было бы благоразумнее не обратить на это внимания. Или...— д'Эстанж улыбнулся,— господин Рауль был прав, заподозрив, что вы здесь по важному делу и предпочтете дать убить себя, чем выдать что-либо?

— Я не могу подтвердить ваших предположений,— сказал Филипп,— но скажу, что всегда предпочел бы самую неравную дуэль и смерть долгому заключению и допросам, могущим окончиться смертью на костре.

Д'Эстанж не сказал на это ни слова. Несмотря на свои родственные отношения с Гизами, он, подобно многим другим дворянам-католикам, осуждал преследование гугенотов.

Выйдя из городских ворот, они спустились к берегу реки и прошли подалее в сторону от дороги. Там противники молча сняли с себя верхнее платье и куртки.

— Господа,— сказал д'Эстанж,— я убежден, что дуэль не необходима. Если господин де Фонтэн выразит сожаление, что он не с должным уважением говорил с моим доверителем, то последний, я уверен, с радостью примет его извинение.

— Я такого же мнения,— сказал Луи де Фонтэн,— и я уже сообщил это моему кузену.

— А я уже сказал, что не желаю извиняться,— возразил Рауль.— Я хочу биться не за себя, а за короля, и убежден, что этот молодой человек, кто бы он ни был, дворянин ли или крестьянин, каким я его видел недавно, злоумышляет против его величества.

— В таком случае нечего терять время,— сказал серьезно д'Эстанж.— С своей стороны мы сделали все, чтобы предотвратить эту в высшей степени неравную борьбу.

Раздраженный замечанием о неравной борьбе, в справедливости которого он также был уверен, и втайне презирая своего противника, Рауль с ожесточением напал на него, уверенный в быстром исходе борьбы. Однако, выражение его лица быстро изменилось, когда Филипп с ловкостью и силой отразил удар, которым Рауль намеревался сразу покончить борьбу.

В продолжение нескольких минут ни один из противников не получал перевеса.

Рауль выходил из себя и нанес наконец своему противнику такой удар, который, казалось, должен был сразу с ним покончить, но Филипп искусно отразил его и с быстротою молнии вонзил свой меч по самую рукоятку в грудь врага.

Рауль пал мертвым.

— Кто бы подумал,— воскликнул д'Эстанж,— что знаменитый дуэлист Рауль де Фонтэн получит смертельный удар от руки юноши!

Между тем к месту дуэли подъезжал с отрядом граф Дарбуа, губернатор Ажана. Он ужаснулся, увидев мертвым Рауля де Фонтэна.

— Какое несчастье! И в такую минуту! Кто оказал такую плохую услугу его величеству; не вы ли, господин д'Эстанж?

Узнав подробности происшествия и расспросив Фи-

липпа о его происхождении и религии, губернатор, не смотря на настояния д'Эстанжа, приказал арестовать его.

Двое солдат с обнаженными мечами повели Филиппа в город.

На пути он заметил Пьера, спокойно смотревшего на проходивших солдат и пленника. Его отвели в замок и заключили в камеру в башне, окна которой были снабжены железными решетками и выходили на реку.

Не веселой представлялась будущность Филиппу.

Бегство королевы Наваррской лишь подтвердит подозрения против него, и судьба его будет решена. Он был уверен, что Пьер сделает все возможное, чтобы спасти его, но едва ли ему это удастся, несмотря на всю его изобретательность. «А все-таки я попробую дать ему знать, где я заключен,— думал про себя Филипп.— Он узнает мою шляпу с тремя длинными перьями, если я выставлю ее из окна».

Он взял шляпу и просунул ее сквозь решетку.

Целых два часа стоял он таким образом со шляпой в руке, пристально наблюдая за каждой лодкой, проезжавшей по реке.

Наконец он увидел лодку с двумя гребцами и человеком, сидящим на корме, в которых узнал Пьера и двух своих солдат. Он увидел, как Пьер, смотревший на замок, вдруг хлопнул в ладоши и что-то сказал гребцам. Уверенный теперь, что сигнал его замечен, Филипп втащил шляпу в камеру, продолжая смотреть на удаляющуюся лодку.

— Больше мне нечего делать,— сказал он,— теперь все в руках Пьера.

Некоторое время он прислушивался к шагам часового, ходившего взад и вперед перед его дверью, а затем заснул и проснулся только, когда услышал как отпирают дверь его камеры.

Вошел человек в сопровождении двух солдат и поставил на стол жареного цыпленка, бутылку вина и хлеб.

— Господин д'Эстанж кланяется вам и посылает это,— сказал он. Затем Филипп снова остался один.

Часа два спустя после наступления ночи, он услышал шум во дворе замка, как бы от движения конницы. Ему

пришло на ум, что получено приказание от двора захватить королеву, и что отряд всадников выступает с этой целью.

«Успеют ли предупредить королеву,— думал Филипп.— Можно с ума сойти, сидя в заключении, когда знаешь, что успех всего дела висит на волоске».

Между тем часовой проявлял признаки утомления и нетерпения, то прислоняясь к стене, то топая ногами. Он стоял тут уже часа четыре.

«Если выступает большой отряд, то о нем могли позабыть»,— подумал Филипп.

Прошло еще с полчаса. Но вот на каменной лестнице послышались шаги, и часовой сердито крикнул:

— Черт возьми! Я уже думал, что все ушли с отрядом, и обо мне забыли. Не позволяй никому сюда приближаться, отказывай даже офицерам. До свидания!

Часовой ушел. Человек, сменивший его, заходил быстро взад и вперед перед дверью. Минуты через две или три он остановился, и затем Филипп к изумлению своему услышал громкий шепот в замочную скважину:

— Сударь, вы спите? Это я!

— Как, Пьер!— воскликнул Филипп.— Как попал ты сюда?

— После, сударь, теперь надо торопиться. У меня нет ключей, так что придется пилить дверь. Но она дубовая и крепка, как железо.

Пьер принялся за работу.

Через час он сказал Филиппу:

— Будьте готовы взять выпиленный кусок, сударь, иначе он упадет и наделает столько шуму, что поднимет тревогу во всем замке.

Вскоре дверь была отперта. Филипп схватил Пьера за руку.

— Мой славный Пьер,— сказал он,— ты сделал невозможное! Что же нам теперь делать?

— Снимите с меня веревку, которой я опутан. Хорошо, что я худошав; она не сделала меня подозрительно толстым. Она прочная, и через каждые два фута на ней узлы. Рожер ожидает нас внизу с лодкой.

— А Жак?

— Жак уехал. Он узнал, что даны приказы собраться

войскам, и решил идти за ними пешком, чтобы выяснить, куда они направляются. В случае надобности, он вернется, сядет на коня и предупредит королеву. Всех наших четырех коней он вывел за город и оставил у одного фермера.

— Ох, какая тяжесть свалилась с моего сердца — сказал Филипп.

Тем временем веревка была размотана. Филипп и Пьер, поднявшись по лестнице на стену, привязали один конец к зубцу стены.

— Я спущусь первый, сударь, я легче, и потом подержу веревку снизу.

Две-три минуты спустя Филипп почувствовал, что веревка натянута, и тотчас спустился по ней прямо в лодку, которую Пьер придерживал багром на месте.

Через несколько минут лодка быстро скользила по реке к противоположному берегу, откуда вскоре послышался голос Жака:

— Ну, что? Все хорошо? Господин Филипп с вами?

— Все прекрасно, Жак! — воскликнул Филипп. Присутствие здесь Жака показывало, что войска направились туда, где не могли грозить королеве никакой опасностью.

Лодку оттолкнули от берега, чтобы скрыть место высадки, и отправились к ферме, где стояли лошади.

По дороге Филиппу рассказали, каким образом удалось его спасти. Пьер видел, как Филиппа вели в замок, и как затем четыре солдата пронесли тело убитого на дуэли офицера, видел губернатора, проехавшего в город, и понял, что произошло. Терять времени было нельзя. Обсудив дело с Жаком и Рожером, решено было прежде всего вывести коней в безопасное место. Пьер отправился в гостиницу, где был конь Филиппа, и взял его, заявив, что он слуга господина, оставившего коня. Поместив коней у фермера, Пьер осмотрел замок. Всего важнее было узнать, где заключен Филипп; он надеялся, что Филипп даст какой-нибудь сигнал, и, осматривая с лодки замок, увидел в окне его шляпу. Затем, запасшись веревкой, он проник в замок и, воспользовавшись суматохой, поднявшейся при выходе из замка отрядов конницы, смело пробрался к камере, в которой сидел Филипп.

Часовой даже не посмотрел на него и ничего не спросил. Остальное Филиппу было известно.

— Великолепно, Пьер,— сказал Филипп, выслушав рассказ.— А я уже совсем отчаялся. Но отдадут ли мне коней наших? Фермер может принять нас за шайку разбойников.

— Они стоят в открытом сарае,— сказал Жак.— Я сказал фермеру, что вы не можете выехать раньше, чем запрут ворота, и выйдете потаенным ходом, почему и выслали коней из города.

Кони, действительно, были выведены без препятствий, и, вооружившись, друзья наши отправились в путь.

Дорога в Вильнев д'Анженуа шла холмистой местностью, неудобной для быстрой езды среди темноты, и наши путники скоро свернули с большой дороги и остановились в лесу.

— Не развести ли костер? — спросил Пьер.

— Не нужно,— ответил Филипп.— Теперь уже около полуночи, и, как только будет светлее, нам следует поспешить дальше; ведь меня скоро хватятся в замке, и рано утром может быть погоня.

Утром, после двухчасовой быстрой езды, они уже подъезжали к Вильневу.

Улицы города были полны войск. У дверей гостиницы, к которой подъехал Филипп, стояли трое дворян, и как только он спешился, один из них обратился к нему:

— Кто вы, милостивый государь?

Филипп назвал себя, прибавив, что он приехал по приказу ее величества королевы Наваррской.

— Королева прибыла сюда уже часа три тому назад и спрашивала, приехали ли вы.

— Я встретил бы ее у переправы близ Тоннена, но был арестован ажанским губернатором и спасся только благодаря вот этим молодцам.

— Мы через час выступаем, сэр Флетчер, и, как только королева встанет, ей будет доложено о вашем прибытии. А пока позвольте познакомиться с вами — Гастон де Ребер. Мы собирались завтракать, когда вы приехали, просим разделить с нами хлеб-соль. Это мои товарищи, господа Дювивье, Гаркур и Паролл.

Затем он позвал сержанта и сказал ему:

— Позаботьтесь накормить хорошенько слугу и спутников сэра Флетчера.

— Благодарю вас,— сказал Филипп,— они в этом очень нуждаются. Я сам поужинал вчера хорошо только благодаря любезности господина д'Эстанжа.

— Вы знаете господина д'Эстанжа? — спросил любезно Гастон де Ребер.— Это очень известный человек, и хотя он родственник Гизов, но, как говорят, совсем не сочувствует их крестовому походу против нас.

Филипп рассказал, как он с ним познакомился. Пришлось говорить и о дуэли. Слушатели были крайне изумлены, узнав, что молодой человек бился с Раулем де Фонтэном, одним из самых знаменитых бойцов того времени, и победил его.

— Но каким же образом удалось вам вырваться из замка? — спрашивали слушатели, узнав об аресте Филиппа губернатором. Филипп рассказал.

— Черт возьми! Вы счастливый человек, что у вас такой слуга. Я желал бы, чтобы у меня был такой же ловкий...— говорил Гастон де Ребер.— Но вот трубят. Я тотчас проведу вас к королеве, она, вероятно, садится на коня.

Глава XIII

В ЛАВАЛЕ

Королева стояла с принцем на крыльце.

— Вот наш друг, мама! — воскликнул принц, направляясь к Филиппу.— Здравствуйте, сэр Флетчер. А мы опасались, не случилось ли с вами чего-нибудь.

— У сэра Флетчера было много приключений, принц,— заметил Гастон де Ребер.

— Вы должны рассказать мне все по дороге,— сказал принц.

— Рада видеть вас, сэр Флетчер,— сказала королева, когда Филипп подошел к ней.— Не найдя вас здесь, я опасалась за вас.

Рядом с королевой стоял сенешал, который чрезвы-

чайно удивился, узнав, что Филипп победил на дуэли знаменитого дуэлиста Рауля де Фонтэна, жестокого преследователя гугенотов, и очень заинтересовался юношей.

— Я рад буду еще поговорить с вами, сэра,— сказал он.— А теперь, государыня,— обратился он к королеве,— пора на коней! Господин де Ребер, ведите пехоту, мы догоним вас, а потом я вышлю передовой конный отряд, который будет наблюдать, свободен ли путь.

Королева с принцем и сенешалем выступили во главе двухсотпятидесяти всадников. За ними следовали владельческие князья и дворяне, а Филипп, не знавший почти никого, ехал позади.

Несколько времени спустя к нему подъехал один дворянин из свиты принца.

— Сэр Флетчер,— сказал он,— принц просит вас проехать к нему вперед.

Филипп съехал с дороги и догнал принца, который, придерживав коня, поехал с ним рядом.

— Ну, сэра Флетчер, теперь вы должны рассказать мне так же подробно все ваши приключения, как вы рассказали мне о вашем путешествии в Нерак.

И принц с большим вниманием выслушал рассказ Филиппа.

В течение дня к небольшому войску сенешаля и королевы в заранее назначенных местах то и дело присоединялись отряды дворян-гугенотов с их людьми.

Пройдя двадцать миль, войско, увеличившееся в течение дня до тысячи двухсот человек, сделало привал у подошвы невысоких гор. Королева с сыном приютилась кое-как в небольшой деревеньке; вблизи нее расположились и ее приближенные.

Заняв Бержерак, сенешал поставил стражу на всех путях, ведущих на север, и через день, усиленный новыми отрядами гугенотов, неожиданно появился перед большим и важным городом Периге.

Сопrotивление местного гарнизона было быстро сломлено, большая часть католических солдат бежала в замок, куда скрылся и губернатор области, за два дня перед тем писавший двору, что, благодаря принятым им мерам, ни один гугенот в его провинции не может взяться за оружие.

Главные силы сенешаля прошли между тем через город и переправились на другой день утром через реку.

Теперь путь был свободен перед войском сенешаля, которое возросло уже до двух тысяч человек, и четыре дня спустя оно уже подходило к Коньяку. Навстречу ему выехали заранее предупрежденные принц и адмирал.

— Мы очень беспокоились о вашем величестве,— сказал адмирал королеве.— По последним сведениям вы находились еще в Нераке, а между тем мы перехватили депешу, из которой узнали, что от двора послан приказ немедленно арестовать вас.

— Да, губернатор Ажана вышел с большими силами из города с этою целью, но мы его опередили,— ответила королева.

Адмирал был очень доволен, узнав, что Филипп благополучно добрался до Нерака.

— Он оказал нам большие услуги,— сказала королева.— Генрих так привязался к нему, что все время едет рядом.

Коньяк до сих пор сопротивлялся принцу и адмиралу, но, с прибытием королевы и свежих войск, защитники были вынуждены отворить ворота.

В лагере Филипп нашел Франсуа, который чрезвычайно ему обрадовался.

— Кто бы подумал,— говорил он,— что мы расстались в Ниоре на такое продолжительное время. Я так был удивлен, узнав от адмирала о твоём поручении, и хочу знать все, что с тобой было с тех пор... А мы, как видишь, добрались сюда, хотя в иных местах католики сражались весьма храбро. Теперь мы с часу на час ждем де ла Ну из Бретани, с собранными там и в Нормандии войсками. Слышно, что в Лангедоке также собираются большие силы, чтобы идти на соединение с нами. Но пойдём ко мне.

И Филипп с Франсуа вошли в палатку.

— По вступлении в Коньяк королева пробыла лишь несколько часов при армии. После совещания с принцем, адмиралом и другими вождями, она с сильным конвоем поехала в Ла-Рошель, а принц Генрих, как ближайший родственник королевской фамилии, объявлен был главнокомандующим всей армии, что придавало делу гу-

генотов, особенно перед иноземными государями, вид иной, чем пытался представить французский двор.

— Я просил мою мать назначить вас, сэр Флетчер, в мою свиту,— сказал принц Филиппу, встретив его после отъезда королевы,— но она и адмирал отказали, чтобы не вызвать пререканий и зависти к вам, иностранцу, когда в лагере столько дворян французов. Когда я буду вполне самостоятелен, я приближу вас к себе.

— Я очень счастлив одним желанием вашего высочества,— ответил Филипп,— но думаю, что доводы ее величества и адмирала вполне основательны.

Гугеноты вскоре овладели Ангулемом, Сентом, Понсом и Блэ, и, таким образом, в их руках были все города вокруг Ла-Рошели. К тому времени силы их возросли до трех тысяч конницы и двадцати тысяч пехоты. Между тем к Пуатье приближалась армия принца Анжу, соединившаяся с силами, собранными Гизами.

Время года было позднее, наступала зима, и обе армии избегали сражения.

Католические полководцы хорошо помнили храбрость, выказанную гугенотами при Сен-Дени, и не хотели оставлять занятых ими выгодных позиций, а гугеноты также не желали покидать своих позиций, и после нескольких стычек передовых отрядов враждующие стороны вернулись на зимние квартиры.

Де ла Ну, присоединившийся к армии адмирала после сурового похода, посоветовал Франсуа и Филиппу уйти с своими людьми на зиму в Лаваль.

— Во-первых,— говорил он,— в замке будет дешевле содержать людей чем здесь, а во-вторых, из армии Анжу могут быть предприняты набеги, а так как Лаваль — ближайший к Пуатье замок, то они и могут сделать набег прежде всего на него; там вы будете очень кстати.

Графиня с радостью встретила наших героев, хотя ее очень огорчило, что лето прошло без сражения и в положении гугенотов ничего не изменилось.

Опасность нападения на Лаваль была так очевидна, что приходилось подумать о том, чтобы неприятель не застал врасплох жителей замка и окрестностей.

Всего вероятнее неприятель мог появиться из-за гряды холмов, простиравшихся в трех милях от замка на

восток, и Филипп придумал следующий план. В деревне, лежащей милях в семи за холмами, решено было устроить постоянный наблюдательный пункт за дорогой — там поставили часового, который обязан был при появлении католических войск зажечь в старой башне огонь. На вершине одного из холмов другой часовой должен был дать такой же сигнал и выстрел из ружья, а на каждой ферме должны были сторожить день и ночь, не покажется ли на горе сигнальный огонь, а в случае тревоги все должны были спешить в замок, захватив с собою сколько возможно имущества и скота. Съестные же припасы и корм для скота предложено было перевезти в замок заблаговременно.

Целый месяц прошел спокойно. Но вот однажды в конце января, часов в восемь вечера, с сторожевой башни Лавалья раздались звуки набата. Филипп и Франсуа бросились наверх. Вдали пылал сигнальный огонь.

— На коней, молодцы! — закричал Франсуа, перегнувшись со стены.

Солдат тотчас разослал по фермам, чтобы помочь жителям собраться в замок. Со сторожевой башни замка между тем можно было видеть в разных местах огни, доказывавшие, что стража нигде не дремала и что весть о нашествии врагов уже распространилась всюду.

Франсуа и Филипп сели на коней и помчались к хижине на вершине холма, где горел сигнальный огонь. Подъезжая к ней, они встретили солдат, спускавшихся с холма.

— Надеюсь, вы не ошиблись? — спросил Франсуа.

— Нет, граф, огонь горел на башне, теперь он уже потух.

Когда Франсуа и Филипп вернулись к замку, в ворота его толпами входил народ. Женщины сгибались под тяжестью узлов, которые несли на спинах, около них бежали плачущие дети, а мужчины вели и гнали скот. Слуги наводили порядок, указывая места для скота в саду, а во дворе складывая имущество жителей.

Тем временем вдоль стен комнат разостлали сено и приготовили место для женщин и детей. Среди прибывших было несколько дворян, дома которых не могли бы

выдержать осады; их жены с детьми поместились в покоях графини.

Как только поднялась тревога, двух молодых ловких солдат тотчас послали на холм, через который шла дорога, чтобы высмотреть, как велик неприятельский отряд. Они скоро вернулись вместе с солдатами, сторожившими дорогу, и донесли, что на замок идет более трех сотен конницы и тысяча четыреста пехотинцев. Филипп бросился к Рожеру, стоявшему невдалеке с оседланной лошадью.

— Скачи во весь опор в Ла-Рошель — сказал он ему, — сообщи адмиралу число наших врагов и проси помощи.

Рожер вскочил в седло и скрылся за воротами.

При входе народа в замок стоявший в воротах человек отмечал прибывавших по заранее составленному списку. Теперь Филипп мог убедиться, что вне стен никого не осталось — все вошли в замок. Поэтому немедленно был поднят подъемный мост и ворота заперты. У каждого окна и каждой бойницы в замке и на стенах стояли наготове люди. Командование на стенах и у ворот взял на себя Франсуа, а в замке Филипп.

Прошло полчаса томительного ожидания. Но вот слышался глухой и отдаленный шум, бряцание оружия. Он усиливался и приближался, но вдруг затих. Какая-то фигура осторожно приблизилась ко рву, за которым в замке царил мертвая тишина, и тотчас удалилась.

— Его послали узнать, не спущен ли подъемный мост, — шепнул Франсуа Филиппу. — Посмотрим, что они теперь предпримут.

Минут десять было совсем тихо, потом можно было заметить множество людей, осторожно приближавшихся к замку.

— Несут, очевидно, доски, чтобы положить через ров, — сказал Филипп.

— Мы дадим им подойти шагов на двадцать, — ответил Франсуа, — а потом удивим их.

Наступающие были уверены, что в замке все спят, что нет даже человека на стенах. И вдруг грянули выстрелы. Ядра посыпались на католиков. В толпе наступающих подняли крики изумления, ярости и боли, а минуту

спустя все бежали, оставив на земле много темных фигур.

— Они, очевидно, думали застать нас врасплох,— сказал один из дворян.— Теперь они поневоле подождут до утра, чтобы осмотреться, да кроме того им нужен отдых — они пришли издалека.

— Верно,— сказал Франсуа.— Поэтому, господа, вам здесь нечего оставаться, пожалуйста в залу ужинать, а потом отдохните в приготовленных для вас комнатах, а я с своими людьми буду стоять на страже.

Поужинав, Филипп опять пошел на стены.

— Ну, что, Франсуа? Пока все спокойно?

— Вероятно, они утомлены и спят как убитые,— ответил Франсуа.— Очевидно, в течение ночи нам нечего опасаться.

Глава XIV

ШТУРМ ЗАМКА

Едва вошло солнце, как слышались звуки труб, и перед воротами замка появились два рыцаря в сопровождении оруженосца, на копье которого развевался белый флаг. К ним на стену вышла сама графиня.

— Именем его величества,— закричал один из рыцарей,— приглашаю вас, графиня Амелия де Лаваль, сдаться. В своем милосердии его величество дает жизнь и свободу всем, находящимся в замке, за исключением вас и сына вашего: вас отвезут в Париж и будут судить за выступление против короля.

— В таком случае,— ответила графиня громко,— вам не следовало бы пытаться овладеть замком в полночь, подобно шайке разбойников, и, я думаю, мы не много услышали бы о милосердии короля, если бы вам удалось напасть на нас врасплох.

Рыцари уехали. Они были убеждены, что графиня решила защищать замок, и предложили ей сдаться только для формы.

— Едва ли нам следовало предпринимать этот поход, де Бриссак,— говорил один из них другому в пути.— Нас

уверили, что замок слабо укреплен и плохо охраняем. и что нам нетрудно будет дать хороший урок гугенотам всей этой местности, а между тем мы уже потерпели неудачу.

— Пустяки,— ответил другой.— Гарнизон, как нам известно, состоит всего из пятидесяти человек солдат да десятков двух слуг и конюхов положим, даже вдвое больше, так ведь с нашими силами мы в полчаса возьмем замок, пусть только сделают лестницы да нанесут досок с ферм.

Когда они вернулись в лагерь, к ним подъехал один дворянин.

— Ну, что хорошего, де Вильетт?

— Плохие вести,— ответил де Вильетт.— Де Бовуар просил меня передать вам, что фермы пусты, а скот и лошади куда-то исчезли вместе с жителями.

— Черт возьми. Собаки гугеноты, должно быть, спали с открытыми глазами и заранее приняли меры. Впрочем,— прибавил он хвастливо,— раз они все в замке, значит, избавили нас от труда загонять их туда.

Тем временем осажденные с раннего утра усиливали средства защиты.

Нижние окна замка, укрепленные железными решетками, представляли довольно основательную твердыню и при них поставили только несколько солдат; потайная же дверь была завалена камнями и тяжелой мебелью, а в окнах следующего и верхних этажей поставили множество солдат.

Филипп занял место на первом этаже, на который должен был прежде всего устремиться неприятель. В комнатах везде кипятили воду и всюду стояли наготове мальчики с ведрами, чтобы подавать кипяток. Такие же котлы кипели и на дворе для защиты стен.

Если бы у осаждающих были пушки, защита не могла бы длиться долго — стены не устояли бы против ядер; но пушки в те времена были редки и слишком неудобны для перевозки, чтобы сопровождать легкие отряды, и потому защитники спокойно ждали нападения.

Атака началась часов в десять. Несколько отрядов одновременно с разных сторон устремились на замок. Перед каждой колонной несли лестницы и длинные доски.

Подпустив их на близкое расстояние, осажденные осыпали солдат стрелами и пулями. Подстегиваемые офицерами, осаждающие тщетно старались перебросить доски через рвы и подняться по лестницам на стены или в замок. Их всюду сталкивали, поражали, обливали кипятком. Фермеры, видя вдали свои пылающие жилища, с ожесточением помогали солдатам.

Два часа продолжался жестокий штурм. Наконец де Бриссак, видя безуспешность усилий, несмотря на страшные потери, приказал дать сигнал к отступлению.

Вожди осаждающих собрались тотчас на совет.

— Нам невозможно вернуться в Пуатье, после того как мы потеряли двести человек,— говорил де Бриссак.— Мы взялись перебить здесь всех гугенотов и пригнать в лагерь массу скота для армии, а вместо этого сожгли только несколько деревушек. С другой стороны, у нас нет времени строить стенобитные машины; осажденные, оказавшие нам такую неожиданную встречу, наверное успели послать за помощью в Ла-Рошель, и завтра, самое позднее к полудню, перед нами появится адмирал. Атаки на стены не удаются. Поэтому нам следует попробовать сжечь большие ворота и потайные двери. Нужно послать людей набрать побольше дров и хвороста и затем тотчас начать атаку. Мы должны к ночи закончить с осадой замка, иначе будет поздно.

С этим все согласились.

Между тем с башни в замке зорко наблюдали за действиями неприятеля и тотчас угадали его намерения.

— Что нам делать? — говорил Франсуа Филиппу.— Положим, мы их перестреляем множество, но все равно они ворвутся в замок, как только сгорят ворота, а нам, кроме ворот нужно защищать и стены.

— Да, это наше больное место,— заметил Филипп.— В узких потайных дверях сорок человек удержат целую армию, даже большие ворота защитить можно, но одновременно защищать стены и ворота будет нелегко.— Он остановился и задумался.— Стой, Франсуа, я нашел средство,— сказал он с живостью.— Надо убить несколько быков и коров и туши их нагромоздить в дверях и в воротах. Пусть они сожгут двери и ворота, но с тяжелыми тушами они ничего не поделают. Тогда ста человек бу-

дет вполне достаточно для охраны ворот и потайных дверей, а сто останется для защиты стен и дома.

— Великолепная мысль, Филипп. За дело! Не будем терять времени.

Позвали людей, и работа закипела. Филипп приказал снять с животных шкуры и прикрыть ими каждый ряд мясных туш внутренней стороной наружу, а к верхнему ряду прибить шкуры гвоздями, чтобы их не стащили.

— По этой скользкой поверхности никто не сможет взобраться к нам,— сказал он Франсуа,— в особенности, если мы еще польем ее кровью.

— Превосходно! — восхищался Франсуа, когда мясные баррикады были устроены.— Теперь тут двадцать человек могут удержать целое войско.

Едва осажденные окончили работу, как три неприятельские колонны приблизились к замку с фашинами и множеством мешков.

— Что это у них в мешках? — спросил Филипп у одного из дворян.

— Я думаю, земля,— ответил тот.

— Земля! — повторил Филипп с беспокойством.— Для чего им она?

— Вероятно, чтобы покрыть ею доски, которые иначе могут сгореть и упасть в воду раньше, чем огонь сделает свое дело в воротах.

— Да, это так,— согласился Филипп,— я не подумал об этом.

Подпустив неприятеля шагов на сто, осажденные начали стрелять из ружей и луков. Но от рядов католиков беглым шагом отделились четыре сотни, быстро подбежали ко рву и открыли такой сильный огонь по защитникам, что те должны были искать спасения за прикрытиями.

Филипп поднялся на небольшую башенку и стал отсюда следить за нападающими, которые перекинули смоленные доски через ров, положили на них толстый слой земли и полили ее водой. Несмотря на выстрелы осажденных, они нагромоздили фашины у дверей и ворот, бросили в них пылающие факелы и поспешно отступили, потеряв все же много людей.

Защитники пытались было потушить фашины, но но-

сильную воду со двора было неудобно и огонь успел разгореться.

Филипп и Франсуа решили остаться при главных воротах со своим отрядом, более других привычным к рукопашной схватке, а стены и дом предоставили защищать фермерам и слугам под командованием Монпеса и одного дворянина. Обойдя затем все укрепления, они убедились, к своему удовольствию, что все в порядке, и что люди уверены в успехе защиты.

Но вот большие ворота сгорели и рухнули с шумом, и в рядах католиков раздался крик торжества, на который гугеноты ответили вызывающим криком.

Осаждающие построились и бросились тремя колоннами к воротам и дверям, а четыре отдельных отряда устремились на стены, несмотря на осыпавшие их выстрелы.

Католики шли на приступ с громкими криками, считая замок уже взятым.

Самый сильный отряд направился к главным, еще дымящимся воротам. Ворвавшись в них, он наткнулся на баррикаду. Она показалась им неопасной и они бросились вперед. Добежав до нее, передние ряды остановились, но, теснимые задними, стали делать тщетные попытки взобраться наверх. Тем временем защитники сверху с ожесточением стреляли, кололи их копьями и рубили мечами.

Целых полчаса продолжалась борьба, и скоро перед грудями бычьих туш громоздились груды тел нападающих.

Потерпев полное поражение, католики наконец отступили.

Не больше успеха имели они и у потайных дверей.

Что касается атаки на стены и окна, то она была предпринята, главным образом, для отвлечения защитников от ворот и не отличалась настойчивостью, почему и не имела серьезных результатов. При этом втором приступе нападающие потеряли до четырехсот человек, из которых более полутора ста легло у главных ворот.

Как только неприятель отступил, Франсуа и Филипп распорядились сбросить доски с землей в ров, наполовину наполненный водой; и это было кстати, потому что ко

рву уже неслась вражеская конница, которая своими длинными копьями могла бы оттеснить защитников от баррикады и перескочить через нее. Но видя, что мосты через ров уничтожены, всадники ускакали обратно.

— Я думаю, что после того, как мы отбили два таких штурма, католики уже не предпримут нового нападения,— сказал Франсуа Филиппу.

Действительно, часом позже все католическое войско двинулось обратно по тому же пути, по которому пришло.

В замке тотчас был отслужен молебен, после чего многие из фермеров хотели вернуться на свои фермы; но Франсуа оставил их до утра в замке.

— Пожар на ваших фермах уже показал вам, что вас там ожидает,— сказал он.— Днем вы лучше осмотритесь, и если найдете сарай или какие-либо помещения для ваших семей, то придете за ними, а пока оставьте их в замке. Здесь тоже многое надо сделать.

— Прежде всего надо выловить доски из рва и сделать новый подъемный мост,— заметил Филипп.— Да нужно еще послать Евстафия и Жака вслед за католиками, чтобы посмотреть, куда они пойдут; ведь они могут вернуться и напасть на нас врасплох, если мы не будем настороже.

Раненных пулями и стрелами, обваренных кипятком и искалеченных оказалось сто тридцать человек. Раненых дворян внесли в замок, а солдат — в лазарет, устроенный в сарае. При свете факелов графиня с хирургом и служанками ухаживала за ними, перевязывала им раны и ободряла их.

Было уже около полуночи, когда вдали послышался топот большого числа всадников приближавшихся к замку. Все хватились за оружие. Франсуа взбежал на стену.

— Кто едет? — закричал он.— Отвечайте или мы будем стрелять.

Всадники остановились и один из них крикнул:

— Это ты, Франсуа?

— Да, де ла Ну,— ответил с радостью Франсуа.

— Где же неприятель? — спросил хорошо знакомый голос адмирала.

— Он отступил вечером, оставив около семисот человек ранеными и убитыми.

Из отряда послышались восклицания одобрения.

— Факелы к мосту! — приказал Франсуа. — Адмирал приехал к нам на помощь.

Минуту спустя голова колонны переправилась через временный мост. Франсуа сбежал вниз и встретил гостей у ворот.

— Как, — сказал адмирал, — они сожгли ваш подъемный мост и ворота? Как же им не удалось взять замок? А, вижу — вы устроили баррикаду... Что это — свежие бычьи туши?

Франсуа объяснил, из чего устроена была баррикада.

— Отличная мысль, — воскликнул адмирал. — Ваши кузены, де ла Ну, молодцы. Самые опытные воины не придумали бы ничего лучшего! И вы говорите, Лаваль, что неприятель потерял семьсот человек?

— Да.

— Сколько же было сил у вас?

Филипп объяснил. В это время графиня показалась на крыльце, чтобы встретить гостей.

— Примите мою горячую благодарность за скорую помощь, — сказала она. — Мы не ожидали вас раньше утра.

— Да, мы очень спешили, — ответил адмирал. — Ваш гонец прибыл к нам с рассветом; лошадь его пала в пути и последние пять миль он шел пешком. Я, не медля ни минуты, выехал с четырьмястами всадников и помчался сюда. Мы сделали остановку только на три часа днем, чтобы дать вздохнуть нашим коням, да всего один час вечером. Мы боялись, что застанем замок в огне.

Графиня пригласила гостей в дом и предложила им ужин. Часть быков, оказавших столь важную услугу осажденным, разрезали и зажарили над большими кострами, пылавшими во дворе.

— Не знаете ли вы, где теперь католики? — спросил адмирал.

— Они остановились в деревне, в семи милях отсюда, — ответил Франсуа. — Мы послали двух верховых за ними, чтобы убедиться, что они не вернуться.

— А что, де ла Ну, — воскликнул адмирал, — не ударить ли нам по ним ночью? Вероятно, после сегодняшней схватки они спят крепко и не ожидают нас.

— Превосходно, адмирал. Только вынесут ли новый переход наши измученные кони?

— У нас есть двести коней, адмирал,— вмешался Франсуа,— пятьдесят моего отряда и полтораста пригнанных фермерами. Можно оседлать их для вас. Хотя мы и сильно побили католиков, наши фермеры все-таки не забыли, что их фермы сожжены, а потому с радостью последуют за вами вместе с моими солдатами.

— Хорошо,— сказал адмирал.— Пусть сто пятьдесят дворян, прибывших со мной, поедут с вашим отрядом, а остальные пойдут с фермерами. В силах ли вы сделать это, господа, после нашей утомительной скачки?

Все изъявили согласие.

В три часа все было готово к выступлению. Де ла Ну взял на себя командование двумя сотнями всадников, а адмирал стал во главе трехсот человек пехоты; для защиты замка остался небольшой отряд.

Католиков застали врасплох. Триста из них поплатились жизнью; двести вместе с начальником своим, де Бриссаком, были взяты в плен, а остальные шестьсот человек спаслись бегством, оставив в руках победителей все свое оружие и лошадей.

— Ну, де Бриссак,— говорил граф де ла Ну на обратном пути в Лаваль,— времена очень переменялись с тех пор, как мы с вами сражались под начальством вашего отца в Италии. Думали ли вы тогда, что нам придется биться друг против друга.

— Нет, я и представить себе этого тогда не мог,— грустно ответил де Бриссак.— Нас встретили жестоко в замке, а мы-то думали застать его врасплох и воротиться в Пуатье по крайней мере с тысячью голов скота. Теперь мы пленники, лошадей наших отобрали, и из отряда в тысячу восемьсот человек спаслись едва шестьсот. Герцог Анжуйский будет в отчаянии, когда узнает обо всем этом.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ЖАРНАКЕ

Расположив войска на зимние квартиры, католики и гугеноты стали прилагать много усилий, чтобы привлечь на свою сторону иностранных государей.

Папа и Филипп Испанский обещали помочь Гизам, а герцог Цвейбрюкенский готовился вести войско из протестантских государств Германии на помощь гугенотам.

Кардинал Шатильон, находившийся в то время в Англии, красноречиво поддерживал письма королевы Наваррской к Елизавете, прося военных припасов и войска, а главное, денег для расплаты с немецкими наемниками. Елизавета вела себя, по обыкновению, двулично: просьбы гугенотов она принимала благосклонно, а французскому двору давала торжественные заверения, что далека от мысли помогать гугенотам, на которых смотрит как на бунтовщиков. Королю Наваррскому она дала в долг семь тысяч фунтов стерлингов, но взяла у него в залог драгоценностей на эту сумму. Адмиралу Винтеру она приказала отвезти в Ла-Рошель шесть пушек и триста бочек с порохом, а когда французский двор протестовал против ее помощи врагам короля, она объяснила, что адмиралу Винтеру приказано только конвоировать несколько судов с товарами. Французский двор, занятый борьбой с гугенотами, конечно, не желал открытого раздора с Елизаветой и потому делал вид, что верит объяснению.

Раннею весной обе армии стали готовиться к военным действиям.

План принца Конде и адмирала заключался в том, чтобы соединиться сначала с южными вождями гугенотов, виконтами, оставшимися в Гиенне для защиты гугенотских областей, и затем идти навстречу герцогу Цвейбрюкенскому. Поэтому они направились сначала к Коньяку, куда шел и герцог Анжуйский.

Обе армии одновременно пришли к противоположным берегам Шаранты. Католики захватили город Шато-Неф, на полпути между Жарнаком и Коньяком, и начали исправлять мост, разрушенный гугенотами. Главная армия

католиков пошла на Коньяк и готовилась атаковать город.

Силы гугенотов были еще разделены, и потому адмирал, не желая подвергать армию опасности, просил Конде отступить. Но принц, командовавший авангардом, стоявшим возле Шато-Нефа, отказался последовать этому совету и с своею обычною отвагой гордо заявил, что Бурбоны никогда не бегут от врагов. В этой армии в числе большого конного отряда, предводимого графом де ла Ну, находился и Франсуа де Лаваль с своими людьми.

В ночь на 12 марта герцог Анжуйский неожиданно перешел реку, и передовые отряды гугенотов ничего не заметили.

Узнав о переходе, адмирал разослал приказ разбросанным отрядам сосредоточиться. Но дисциплина не была сильна в армии гугенотов, и многие начальники заняли не указанные в приказе позиции, а более, по их мнению, удобные.

К полудню 12-го числа ближайшие к реке отряды успели, однако, сойтись и адмирал решил отступить к позиции, занимаемой принцем Конде; но не успели гугеноты начать отступления, как вся армия католиков обрушилась на них.

Адмирал вынужден был принять сражение и остановился в Бассаке, небольшой деревне с аббатством, располагая только отрядом конницы под начальством де ла Ну и небольшим отрядом пехоты.

Коннице де ла Ну пришлось вынести первый натиск врагов. Тесной массой напал де ла Ну на наступавшую кавалерию католиков, значительно превосходившую его в числе, и глубоко врезался в ее ряды; этим воспользовались католики и отрезали ему путь к отступлению. Однако коннице де ла Ну удалось пробиться сквозь плотные вражеские ряды и ускакать. Деревня Бассак и аббатство были потеряны.

В это время явился на выручку д'Андело. Он выгнал католиков из деревни и укрепился там. Но на него наступала целая армия, и успех его мог быть только временным. После отчаянной борьбы деревня снова перешла в руки католиков. Отступавшим по шоссе гугенотам грозило полное поражение фланговыми атаками католиков,

когда на поле битвы появился с тремястами всадников принц Конде, извещенный генералом об опасности.

С рукой, раздробленной пушечным ядром, и ногой, искалеченной копытами коня, Конде тем не менее сам повел свой отряд на врага. Закипела отчаянная битва. Гугеноты совершали чудеса храбрости. Но католики получали все новые подкрепления, и отряд Конде таял.

Многие гугеноты попали в плен, лошадь Конде была убита под ним и упала, придавив его собою. Конде поднял забрало и сдался двум рыцарям, узнавшим его. Они почтительно подняли его, но подъехавший капитан королевской гвардии Монтеские убил его наповал из пистолета выстрелом в спину. Несколько других гугенотов, сдавшихся в плен, были также коварно убиты.

Блестящая атака Конде не осталась, однако, без результата — только благодаря ей адмирал мог удалиться с поля битвы без особенных потерь. Пехота гугенотов совсем не участвовала в сражении, за исключением небольшого отряда; но конница потеряла около четырехсот человек убитыми и пленными; в числе последних находились лучшие представители дворян-гугенотов — де ла Ну, Субиз, ла Лу и множество других.

Среди католиков не только Франции, но и всей Европы смерть Конде и победа герцога Анжуйского, сильно им преувеличенная, вызвали великую радость, и дело гугенотов считалось проигранным.

Армия гугенотов отступила в Коньяк, где в то время находилась мужественная королева Наваррская. Сын ее, молодой принц Генрих, был объявлен после смерти Конде главнокомандующим армией. Молодой Конде, ровесник принца, состоял при новом главнокомандующем.

Опьяненный своей победой, герцог Анжуйский опозорил себя гнусным поступком: он приказал отвезти обнаженное тело Конде на осле в Жарнак и выставил труп на четыре дня перед своим домом. Затем он разослал тщеславные депеши ко всем католическим государям Европы о победе над гугенотами и двинулся на Коньяк.

Однако стоявшие там семь тысяч рекрутов Колиньи встретили королевскую армию с такой решимостью, что не только все атаки на стены были отбиты с тяжелыми для католиков потерями, далеко превышавшими поне-

сенные ими в битве при Жарнаке, но этот урон еще сильно увеличился удачными вылазками гарнизона.

Простояв с месяц перед городом, герцог отступил.

Так же безуспешны были его осады Сен-Жан д'Анжели, но Мюсидан был взят. Штурм его стоил жизни одному из лучших католических офицеров, де Бриссаку, за что герцог отомстил гнусным истреблением всего гарнизона, сдавшего на условии пощады жизни и имущества сражавшихся.

Радость гугенотов по поводу успехов была омрачена смертью доблестного д'Андсло, брата адмирала; смерть его приписывали яду, который будто бы дан был ему человеком, подосланным Екатериною Медичи.

Франсуа де Лаваль и Филипп Флетчер были оба серьезно ранены в битве при Жарнаке, где потеряли двадцать человек из своего отряда. Они были, однако, в состоянии добраться верхом до Коньяка. Адмирал посетил их. Он видел их небольшой отряд, прикрывавший общее отступление во время атаки Конде, и, как только они оправались немного, посвятил их в рыцари, а затем отослал в Ла-Рошель для отдыха и излечения.

Молодой принц Наваррский, находившийся в Коньяке, сильно привязался к Филиппу и часто навещал его. Он снова просил Колиньи назначить Филиппа в число приближенных к нему рыцарей, но адмирал отказал, повторив ему те же доводы.

— Есть много молодых французов, принц, — сказал он в заключение. — Почему вы не приблизите к себе графа де Лавалья? Вы еще вчера говорили, что любите его.

— Да, он похож на своего кузена, и если нельзя назначить Филиппа, то я хотел бы иметь при себе его.

Франсуа с радостью согласился на это назначение и тотчас сообщил Филиппу, какой великой чести он удостоился, в то же время очень сожалея, что им придется расстаться.

— Не думай об этом, Франсуа, — сказал Филипп, — Генрих Наваррский, вероятно, будет королем Франции, и каждый французский дворянин должен считать своим долгом служить ему.

Поэтому друзья отправились в Ла-Рошель только на самое короткое время, чтобы отдохнуть и подышать мор-

ским воздухом; затем Франсуа хотел передать начальство над своими людьми Филиппу, а сам должен был сопровождать принца Наваррского.

В Ла-Рошели молодые рыцари поселились у Бертрама и были сердечно приняты им и его дочерью. Там они часто совершали прогулки за город и посетили все живописные места в окрестностях.

Филипп аккуратно писал своим родным в Англию и получал от отца и матери, а также от дяди и тетки письма. Отец был чрезвычайно доволен успехами сына, хотя и тревожился о нем.

Вернувшись в лагерь, Филипп сильно заскучал в одиночестве и бездействии: об отряде заботился Монпес, граф де ла Ну находился в плену, а Франсуа — с принцем.

Но вот как-то к нему явился паж с приглашением от Колиньи.

— Мы завтра выступаем, сэр Флетчер,— сказал ему адмирал,— идем на соединение с виконтами, а потом направимся на соединение с герцогом Цвейбрюкенским, идущим, как слышно, к нам. Мне нужно послать к нему письмо, и я не знаю никого, на чью храбрость, такт и осмотрительность я бы мог положиться в такой же мере, как на ваши. Поручение это, как вы понимаете, очень опасное. Возьметесь ли вы за него?

Филипп поблагодарил за честь и доверие.

— Нужно спешить,— продолжал адмирал.— Возьмите, сколько хотите людей и хороших коней и поезжайте с Богом как можно скорее. Депеши будут готовы к десяти часам вечера.

Обдумав поручение и посоветовавшись с Пьером, Филипп решил взять с собою только его и двух своих ратников, Евстафия и Рожера. Маленький отряд мог проехать незаметнее и легче достать для себя все необходимое. Решено было также снарядиться как можно легче, и не обременять себя ни чемоданами, ни кольчугами, а застаться только на первое время съестными припасами.

К десяти часам Филипп был готов выступить в путь. Передавая ему депеши, адмирал познакомил его с позициями католических войск герцогов Омальского и Немурского, чтобы он не натолкнулся на них.

— Есть и другие опасности, — прибавил адмирал. — Из Парижа нам сообщают, что герцогу Альбе и Мансфельду, губернатору Люксембурга, предписано преградить путь герцогу Цвейбрюкенскому. Но у Альбы, кажется, полны руки хлопот в Нидерландах... Письмо вы зашейте в сапог. И помните, что очень многое зависит от того, передадите ли вы письмо герцогу Цвейбрюкенскому.

Путь Филиппа пролегал через Лаваль, и на другой день он уже передал от Франсуа письмо своей тетке, которая радостно встретила его.

За Лавалем он вступил во враждебную гугенотам местность, и надо было ехать с большими предосторожностями, сберегая силы лошадей на непредвиденный случай.

На ночь Филипп остановился в деревне. Все три спутника его отлично усвоили историю, которую должны были повторять в гостиницах: господина их зовут де Вибур, владения его близ того места, где они останавливались накануне, едет он в следующий город, чтобы навестить друзей. Если зайдет речь о вере и политике, они должны были говорить, что господин их держится в стороне от всего этого, хотя не одобряет насилия над гугенотами и уверен, что они могут быть хорошими гражданами, если их оставить в покое.

Так день за днем ехали наши путники, избегая больших городов.

На четвертый день, когда они, по обыкновению, сделали остановку, чтобы пообедать и дать коням отдохнуть, перед гостиницей послышался конский топот, и, подойдя к окну, Филипп увидел, что подъехали двое дворян в одежде королевских цветов в сопровождении восьми ленников. В ту же минуту Пьер вошел в комнату.

— Я сказал Евстафию и Рожеру, чтобы они скорее окончили обед и осторожно вывели оседланных коней на окраину деревни, недалеко отсюда. В случае чего, нам стоит только выпрыгнуть из окна, и мы тотчас будем на конях.

— Хорошо сделал, Пьер,— сказал Филипп, снова усаживаясь за стол, между тем как Пьер стал за его стулом, как бы прислуживая ему.

Дверь отворилась и два дворянина вошли. Не сняв, как принято, шляп, они уселись за стол и шумно заговорили. Вдруг один шепнул что-то другому, а потом повернулся на стуле и дерзко посмотрел на Филиппа, который продолжал спокойно обедать.

— Кто вы, молодой человек? — спросил он поднимаясь.

— Я не имею обыкновения отвечать на вопросы незнакомых людей,— ответил Филипп спокойно.

— Черт возьми, имеете ли вы обыкновение или нет, это мне безразлично, но вы должны отвечать. Теперь не такое время, когда можно ходить, не опасаясь расспросов. На вашем платье нет королевских цветов, и я хочу знать, кто вы?

— Так как я еду не в королевскую армию, а просто путешествую по своим делам, то не вижу основания надевать другое платье.

— Вы не отвечаете на мой вопрос. Кто вы?

— И не намерен отвечать: мое имя касается только меня.

— Ах, вы, щенок,— вскричал, вспыхнув, дворянин.— Я вам уши надеру.

Филипп поднялся, удивив своего противника, принявшего его за юношу, своим высоким ростом и телосложением.

— Я не хочу с вами разговаривать,— сказал он,— ешьте ваш обед и дайте мне есть свой, потому что если дело дойдет до ушей, то вам надерут их раньше.

Дворянин схватился за меч, но Филипп быстро подскочил к нему и с такой силой ударил его в лицо, что тот как сноп свалился на пол. Товарищ его вскочил и выхватил пистолет из-за пояса, но Пьер изо всей силы бросил в него тарелку так метко, что она ему разрезала губы и выбила несколько передних зубов. В ту же минуту раздался выстрел, и пуля ударилась в стену. Когда ошеломленные неожиданностью и болью дворяне пришли в себя, Филипп и Пьер, успевшие тем временем выскочить в открытое окно, были уже в конце деревни.

БОГОСЛУЖЕНИЕ В ЛЕСУ

— Ты здорово швырнул тарелку, Пьер,— сказал Филипп, когда они бежали по улице,— и, вероятно, спас мне жизнь.

— Я привык бросать метко, сударь; обед мой часто зависел от того, попаду ли я камнем в птицу...

— У нас еще довольно времени,— сказал Филипп.— Пока они еще ошеломлены, а потом им ведь надо вывести лошадей из конюшни.

— И тогда у них явится новая забота,— прибавил Пьер, смеясь.— Я велел Евстафию подрезать у их коней все уздечки. Хороши они будут, когда сядут на коней. Ты подрезал уздечки? — спросил он у Евстафия, когда они подбежали к своим коням.

— Как же! Да и ремни от стремян тоже.

— Великолепно! — воскликнул Филипп.— Они долго провозятся с этим, а мы тем временем будем далеко.

Проехав с милю, путники оглянулись и на окраине деревни заметили несколько выезжавших верховых.

— Долгонько же они возились.

— А кони их, кажется, и поесть не успели,— прибавил Филипп.— Нам не стоит беспокоиться из-за этих господ, но все-таки лучше будет, если они потеряют наш след.

Доехав до лесу, они поехали по тропинке, чтобы скрыть свои следы. Там они наткнулись на ручеек, проехали по нему более мили, перерезав при этом дорогу, и затем выехали из леса.

— Если они и найдут наши следы,— заметил Филипп,— то во всяком случае потеряют много времени, а быть может, и совсем бросят преследовать нас.

— Тем более,— прибавил Евстафий,— что знают, какие у нас хорошие кони. Один из них очень любовался ими.

— Как бы то ни было, но я думаю, что они будут нас преследовать,— сказал Пьер.— Это не такие люди, чтобы вынести и забыть такое оскорбление. Они предпримут

все меры, чтобы отыскать нас, и будут наводить справки в деревнях и гостиницах.

— И ничего не узнают,— ответил Филипп,— потому что мы будем избегать деревень. Ночью мы будем спать в лесу, благо погода теплая.

Проехав еще миль пять, путники остановились в лесу. Они всегда имели при себе немного пищи и вина, а также корм для лошадей на всякий случай.

Предоставив Пьеру расседлать и накормить коней, Филипп прошел к другому концу леса и осмотрелся. Он знал, что они недалеко от Ла-Шатра, и не удивился, увидев внизу в долине город, в одной мили от леса. Вблизи из-за группы деревьев поднимались башни укрепленного замка. Местность была богатая и хорошо обработанная, все дышало здесь миром и благоденствием.

«Ужасно,— подумал Филипп,— что в такой прекрасной стране люди не могут ужиться и режут друг друга. Бог знает из-за чего!»

Наступили уже сумерки, когда Филипп вернулся к своим спутникам; те уже успели накормить коней и снова оседлать их. Из осторожности они не развели огня и, поужинав, завернулись в плащи и улеглись спать.

Но только Филипп успел заснуть, как Пьер осторожно разбудил его.

— В лесу люди,— прошептал он.

Филипп стал прислушиваться, и до слуха его донеслось из леса пение.

— Это гимн гугенотов! — сказал он.— Несомненно, они пришли сюда из города совершать богослужение. Пойдем, посмотрим; только тише, иначе мы их испугаем.

Пройдя шагов триста, они очутились перед лужайкой, на которой собралось человек семьдесят. На стволе лежавшего на земле дерева стоял пастор и говорил:

— Братья мои, мы в последний раз встречаемся здесь. Нас уже заподозрили, что мы собираемся здесь для молитвы, и наша жизнь находится в опасности. За мною уже следят в течение нескольких дней. И хотя я всегда готов жертвовать жизнью за дело Господне, но теперь не желаю подвергать вашу жизнь опасности. Если бы будущее было для нас безнадежно, я предложил бы вам остаться здесь до конца; но небо проясняется, и мо-

жет случиться, что в скором времени по всей Франции будет объявлена свобода веры и богослужения. Поэтому лучше будет, если мы на некоторое время воздержимся от собраний. Даже теперь, быть может, мы в опасности!..

— Пьер,— прошептал Филипп,— сходи вот в ту сторону к опушке леса и если увидишь что-нибудь тревожное, то скорее приведи сюда наших товарищей и коней.

— Не лучше ли сначала сходить за ними и пусть они со мною идут на лесную опушку; иначе я рискую их долго искать.

— Хорошо, Пьер. Если ты услышишь шум, спеси сюда, а я пойду тебе навстречу. Католики могут явиться не со стороны города, предполагая, что там гугеноты поставили человека стеречь; поэтому, если заметишь, что кто-нибудь идет сюда, крикни громко — это предостережет этих людей, и они успеют разбежаться.

Целый час беседовал проповедник со своими слушателями, убеждая их быть твердыми в вере и с терпением ожидать лучших дней.

Филипп стоял от них шагах в двадцати и при лунном свете ясно видел лица собравшихся тут людей, кроме проповедника, который стоял спиною.

Судя по платью большинство гугенотов принадлежало к бедному классу, хотя трое или четверо были, очевидно, состоятельные горожане.

На бревне, на котором стоял проповедник, сидела молодая девушка, лицо которой поразило Филиппа своей замечательной красотой. Она с благоговением слушала проповедь. Рядом с нею стояла молодая женщина, а шагах в двух мужчина в стальном шлеме и с мечом на поясе.

Окончив проповедь, священник запел гимн, который тотчас подхватили все присутствующие.

В это время Филипп услышал треск сучьев, но не с той стороны, куда послал Пьера. Громкое пение не позволяло ничего слышать. Вдруг раздался крик, и пение прекратилось.

— Я друг ваш! — закричал Пьер.— На вас идут люди из города.

— Разойдитесь, братья,— сказал проповедник спокойно,— но прежде я благословлю вас... Теперь пойдете

через лес и пройдем к городу с другой стороны. Госпожа Клара, я провожу вас в замок.

В эту минуту Филипп услышал невдалеке конский топот.

— Сюда, Пьер — закричал он и побежал к нему навстречу.— Эй, молодцы, на коней, готовьте оружие,— крикнул он своим спутникам, вскочив в седло.

В это время с другой стороны лужайки раздался крик: «Смерть собакам гугенотам! Бей их!» — и толпа вооруженных людей, предводимая двумя всадниками, выбежала на поляну и бросилась на безоружных гугенотов, еще не успевших скрыться.

Гугеноты молча, без криков, без воплей, становились на колени, готовясь умереть без сопротивления, и лишь некоторые скрывались между деревьями. Священник громко запел гимн «Врата небес отверзты», и к нему тотчас присоединились другие голоса.

С дикими криками и яростным ревом набросились на них католики.

Филипп дал шпоры коню и выскочил на поляну навстречу нападающим. Он тотчас убедился, что против такого числа врагов ни он, ни его трое спутников ничего не могут сделать, но он был в отчаянии при виде убийства беззащитных людей. Хотя такие сцены были в те времена обычны во Франции, Филипп впервые присутствовал на подобном избиении гугенотов.

Один из всадников, в котором Филипп узнал дворянина, в которого Пьер бросил тарелкой, подскакал к молящейся девушке. Стоявший за нею вооруженный человек встал между нею и всадником, но был тотчас же убит, и всадник поднял уже меч над головой девушки, как вдруг сам упал с лошади с простреленной головой. Другой всадник, очевидно, узнавший Филиппа, с криком бросился на него.

— Наконец-то я нашел тебя! — яростно вскричал он.

— Не торжествуйте раньше времени,— возразил Филипп, нанося удар и чувствуя, что меч его только скользнул по кольчуге противника. Улучив момент, он нанес врагу такой сильный удар в шею, что тот упал с лошади с отрубленной наполовину головой.

Тем временем Пьер и его спутники отогнали толпу черни, успевшей уже убить многих гугенотов.

— Дайте мне руку, сударыня, поставьте вашу ногу на мою и садитесь ко мне на коня,— сказал Филипп девушке, стоявшей около него. Пьеру он приказал посадить за собой женщину, сопровождавшую девушку, и затем они все четверо пробились сквозь толпу нападающих.

— Нам нужно ехать тем же путем, которым мы сюда приехали,— сказал Пьер Филиппу.— С той стороны идет еще толпа католиков, чтобы отрезать путь.

Через минуту они уже выехали из леса и увидели толпу черни, бежавшую через поля.

— Теперь нам нужно ехать назад, в Ла-Шатр,— сказал Филипп.— Мы проедем теперь и мост и город без препятствий, потому что те, которые могли бы помешать нам, останутся позади нас.

Так и случилось. Выехав из города, Филипп поехал тише.

— Сударыня! — сказал он девушке.— Я не имею чести знать вас, но позвольте вам представиться: я Филипп Флетчер, английский дворянин, сражаюсь за дело гугенотов под начальством адмирала Колиньи.

И он объяснил ей, какие обстоятельства привели его со спутниками сюда.

Рыдавшая почти все время девушка немного успокоилась.

— Мое имя, милостивый государь,— ответила она Филиппу,— Клара де Валькур. Отец мой находится при адмирале Колиньи. Он будет вам глубоко благодарен за спасение дочери.

— Я имею честь знать графа де Валькур: он находится при принце Наваррском, который удостоивает меня своим благоволением. Скажите, чего вы желаете? Отвезти ли мне вас обратно в замок?

— Я буду там беззащитна, милостивый государь,— ответила девушка.— Там теперь находится только небольшой отряд, который не может оказать долгого сопротивления. Посмотрите, теперь уж и поздно.

Филипп оглянулся и увидел огромное зарево, подымавшееся из-за роши, окружавшей замок. У него вырвалось восклицание негодования.

— Я ожидала этого,— заметила спокойно Клара.— Наши владения находятся в Провансе, но отец мой думал, что здесь мне будет безопаснее, нежели там. Мы все время находились в хороших отношениях с горожанами, и они не преследовали наших единоверцев в последнюю войну. Но теперь здесь появились подстрекатели, а недавно несколько странствующих католических монахов проповедовали на базарной площади поход против гугенотов, упрекая народ в равнодушии к своей вере. Месяц тому назад один из преследуемых гугенотских священников пришел ночью в замок и там скрывался. Так как других священников здесь не было, то о нем было тайно сообщено всем гугенотам в городе, и в лесу начались собрания по два раза в неделю. Чем это кончилось, вы знаете.

У девушки не было в окрестностях ни родных, ни знакомых, где она могла бы найти приют.

— Я понимаю, милостивый государь,— сказала она,— что стесняю вас, но мы можем укрыться у какого-нибудь крестьянина, переоденемся крестьянками и попытаемся пробраться в Ла-Рошель. К тому же я хорошо езжу верхом и могла бы пробраться туда на коне.

— Об этом нечего и думать,— возразил Филипп.— Мы остановимся там, под деревьями и обсудим это.

Сойдя с коня, Филипп разостлал на землю свой плащ и предложил Кларе отдохнуть на нем со своей служанкой.

— Мы будем недалеко от вас и двое из нас будут стоять на часах; значит, вы можете спать спокойно,— сказал он.

Вопрос о том, что делать с девушкой и ее служанкой, которые не могли бы перенести быстрого путешествия и вместе с тем мешали исполнению его поручения, сильно беспокоил Филиппа, который посоветовался об этом с Пьером.

— Я вижу только два выхода,— говорил он.— Первый — это отправить их в Ла-Рошель под охраной твоей и Евстафия. Второй же вот какой: ты должен сейчас же ехать, чтобы рано утром быть в Сент-Амбуазе. Там ты оставишь своего коня в гостинице, попросишь приготовить комнаты для своего господина, едущего в армию с

отрядом, а затем в разговоре с конюхами и людьми разузнаешь, нет ли где поблизости замка гугенота или гугенотки. Тебе на это понадобится часа три. Будет ли успех или нет, но разузнав об этом, ты затем скажешь, что едешь встретить господина и приведешь его в гостиницу. Дай хозяину крону в залог за помещение и за обед, который ты закажешь, и потом выезжай к нам навстречу. Мы выедем отсюда с рассветом. Удастся тебе узнать что-нибудь, мы свезем женщин в безопасное место, если нет — ты и Евстафий отправитесь с ними в Ла-Рошель. Не забудь достать пару холодных каплунов, бутылку хорошего вина и белого хлеба.

— Какого коня взять мне?

— Возьми Робина, он выносливее Виктора.

Робин уже съел свою умеренную порцию овса и, когда Пьер подтягивал ему подпруги, посматривал кротко кругом, как бы удивляясь, что его снова хотят заставить работать.

— У тебя зато будет хороший корм в Сент-Амбуазе! — сказал Пьер, потрепав его по шее.

На другой день Филипп рассказал Кларе о поручении, данном Пьеру.

— Прекрасный план, — сказала она. — Мне следует скрыться где-нибудь, прежде чем вы отправитесь дальше.

Четыре часа спустя наши путники были уже в трех милях от Сент-Амбуаза в лесу близ дороги, чтобы не пропустить Пьера, который вскоре, действительно, показался вдали на дороге.

— Ну, Пьер, узнал что-нибудь? — спросил Филипп, выезжая к нему навстречу.

— Я нашел место, где госпожа де Валькур будет в безопасности. Это небольшой, но крепкий замок де Ландр, в пяти милях отсюда в лесу, вдали от городов и больших селений. Сам граф де Ландр теперь в армии адмирала на западе, но супруга его здесь и при ней сорок человек для защиты замка.

— Отлично, Пьер! Графиня де Ландр, конечно, согласится принять госпожу де Валькур, отец которой теперь в той же армии, где и муж графини.

Не теряя времени, они направились к замку де Ландр, и, с трудом отыскивая путь, часа через четыре прибыли

туда. Когда они выехали из лесу на поляну, посреди которой стоял замок, из замка послышался звук трубы и мост подняли. Оставив спутников, Филипп один подъехал ко рву. На зубчатой стене над воротами появилась дама, а бруствер заняли солдаты с копьями и ружьями.

Филипп снял шляпу.

— Милостивая государыня, — сказал он, — я из войска принца Наваррского, послан адмиралом Колиньи с важными поручениями. Мне нужно спешить. Между тем я имел счастье на своем пути спасти дочь графа де Валькур от смерти при избиении гугенотов около Шатра. Умоляю вас принять под свою защиту эту девушку.

— Я очень счастлива принять дочь графа де Валькур, которого хорошо знаю по слухам. Милости просим.

Графиня де Ландр встретила гостей в воротах замка. Она нежно обняла Клару де Валькур и настояла, чтобы Филипп со своими спутниками отдохнули в замке хоть полчаса. Не малую радость доставила ей весть, что гугенотская армия должна будет пройти близ замка для соединения с герцогом Цвейбрюкенским.

— Милосердный Бог послал вас мне на помощь, — сказала Клара на прощание Филиппу, — и пусть Он защитит вас на вашем опасном пути. Мой отец поблагодарит вас при встрече за мое спасение, а что я чувствую, — того не выразить словами.

Ночевать путники остановились в небольшой деревне. Когда Филипп ужинал, вошел Пьер.

— Я думаю, сударь, — сказал он, — что для нас было бы лучше проехать дальше несколько миль.

— Зачем?

— На нас и хозяин гостиницы и все встречные смотрели слишком внимательно, поэтому я сказал Евстафию и Рожеру, чтобы они не снимали седел с коней; затем я осторожно проскользнул к открытому кухонному окну послушать, что там говорят. Вот что сказал вошедший в кухню хозяин: «Жена, это и есть те люди, которых здесь искали три часа тому назад. Нужно дать знать в Шатр, а то, чего доброго, солдаты на самом деле сожгут наш дом, да и меня самого повесят, как угрожали. Жаль молодого человека, хотя он и убил двух дворян, вероятно, за дело; да ведь если не мы, так другие выдадут их, —

ведь многим объявлено, что первому, кто известит об этих гугенотах, будет дана золотая корона». «Посылай, если хочешь,— ответила жена,— а только я не хотела бы, чтобы у нас в доме проливали кровь, да и гугеноты нам ничего не сделали!» Вот я и решил сообщить вам обо всем, чтобы нам подобру-поздорову убраться из этой ловушки.

Глава XVII

БИТВА ПРИ МОНКОНТУРЕ

Филипп продолжал ужинать. Спешить было некуда, потому что до Невера было двенадцать миль, и оттуда не могли вернуться раньше, чем через четыре часа. Хозяйка гостиницы сама принесла следующее блюдо. Поставив его на стол, она серьезно посмотрела на Филиппа и сказала:

— Вы хотите ночевать здесь, сударь, но наше помещение очень бедно и неудобно. Послушайтесь моего совета и поезжайте дальше... Сегодня сюда приходили из города люди, разыскивавшие каких-то путешественников, очень похожих на вас, и они обещали награду тому, кто известит, где вы находитесь.

— Спасибо вам за совет, я последую ему,— ответил Филипп.

— Не говорите моему мужу о том, что я вам сказала,— продолжала хозяйка.— Он честный человек, но труслив, а в наши дни лучше не вмешиваться в такие дела, которые нас не касаются.

Часа два спустя Филипп приказал седлать коней и послал за хозяином.

— Я раздумал, хозяин,— сказал он,— и поеду дальше. Подайте мне счет. Вы можете приписать и за ночлег, потому что постель, вероятно, уже приготовлена для меня.

Филипп заметил, что хозяин обрадовался, хотя и не показывал вида. Через несколько минут лошади были готовы, по счету уплачено, и наши путники выехали на дорогу.

Проехав мили две, они свернули в сторону и расположились на ночлег в лесу.

Через два часа Евстафий, стоявший на часах, услышал на дороге конский топот, а минуту спустя увидел, как несколько всадников галопом промчались по дороге от деревни.

Через несколько дней наши путники без особых приключений вступили в лагерь герцога Цвейбрюкенского, расположенный близ Везуля.

Филипп, отыскав офицера, говорившего по-французски, сообщил ему, что привез депеши от адмирала Колиньи, и его тотчас отвели к герцогу.

— Наконец-то я получу достоверные сведения,— сказал герцог.— А то, по разнообразным слухам, доходившим до меня, нельзя было даже понять, бежал ли адмирал или стоит во главе большой армии. Скажите, за сколько дней проехали вы ко мне через всю Францию?

— Сегодня десятый день, как я выехал из Ла-Рошели.

— И вы проехали весь путь на одних и тех же конях?

— Так точно, государь.

— Хорошие же у вас кони.

Герцог стал читать депеши.

— Адмирал очень высокого мнения о вас, молодой человек,— сказал он Филиппу.— Он говорит, что сам посвятил вас в рыцари за ваши подвиги в битве при Жарнаке. Расскажите же мне, как вы сюда доехали и какие новости вы узнали в пути о королевских войсках.

Филипп дал полный отчет о своем путешествии, о состоянии дорог, о числе рогатого скота в местностях, через которые он проехал, о силах, собранных в городах, и о мерах, принятых для преграждения пути через реки Бургундии.

— Адмирал рекомендует мне этот же путь, свободный от войск французских герцогов; его же указывают и проводники, присоединившиеся недавно ко мне с принцем Оранским. Надеюсь, сударь, что вы поедете с моими друзьями; я познакомлю вас с ними сегодня за ужином.

Войско герцога доходило до пятнадцати тысяч человек, в числе которых было семь тысяч конницы из южно-немецких государств, шесть тысяч пехоты из верхней Германии и около тысячи французских и фламандских дво-

рян, присоединившихся к нему с принцем Оранским. Армии французских герцогов были значительно сильнее армии герцога Цвейбрюкенского, но каждая из них в отдельности не была настолько сильна, чтобы атаковать его, а взаимная зависть предводителей мешала им действовать сообща. Поэтому германская армия беспрепятственно прошла через Бургундию и быстро спустилась к Луаре.

Все мосты через нее были заняты, но один из французских офицеров, знакомый с местностью, указал брод, через который перешла часть армии, осадившая и взявшая город Ла-Шарите и овладевшая таким образом мостом для переправы всего войска через Луару.

По ту сторону Луары перед герцогом находился сильный неприятель, и потому он повернул на юго-запад, послав нескольких вестников к Колиньи с назначением нового места соединения. Через несколько дней армия была уже всего на расстоянии одного дня пути от Лиможа.

Вечером того же дня адмирал, армия которого уже была в Лиможе, приехал со свитой в лагерь. Но он застал герцога на смертном одре от лихорадки и уже в беспомощности. Утром герцог умер, оставив командование армией графу Мансфельду, и в тот же день армии соединились.

Армия герцога Анжуйского, зорко следившего за Колиньи, была сильнее соединенных армий гугенотов, состоявших из двадцати пяти тысяч человек, в то время как к герцогу еще недавно пришли на помощь пять тысяч папских войск и двенадцать конных сотен флорентийцев. Однако, часть его войска, стоявшая под командованием генерала Строцци у Ла-Рош-Абейль, потерпела поражение от гугенотов: четыреста человек были убиты, и многие, в числе их и сам генерал Строцци, попали в плен.

Тогда двор, нуждавшийся в проволочке времени, вступил снова в переговоры с адмиралом, и гугеноты, вообще склонные к миру, допустили отсрочку военных действий на целый месяц.

После взятия Ла-Шарите немецкие войска прошли всего в нескольких милях от замка де Ландр, и Филипп

воспользовался этим случаем, чтобы съездить туда. Клара встретила его с большой радостью.

— Мы очень мало знали о том, что происходило за стенами замка, сэр Флетчер,— сказала графиня де Ландр после первых приветствий,— хотя слухов доходило к нам очень много. То говорили, что армия герцога разбита на голову королевскими войсками, то оказывалось, что она еще идет вперед, но ей грозит опасность быть разбитой,— так что мы под конец уже ничему не верили. Но мы были очень поражены, узнав, что сильный немецкий отряд перешел Луару вброд и осадил Ла-Шарит в то время, как войско находилось еще на другом берегу. Нам говорили, что в Ла-Шарите оставлен сильный гарнизон.

— Это верно, графиня,— ответил Филипп.— Захват этого города даст нам возможность во всякое время перейти Луару. К тому же в городе находится очень много гугенотов, и потому его легко защищать от королевских войск.

— Это хорошая весть для гугенотов нашей местности,— сказала графиня.— До сих пор для нас существовал только выбор между смертью в наших домах и бегством в леса, где мы также не были бы в безопасности. Теперь Ла-Шарите сделается здесь тем же, чем служит Ла-Рошель на западе.

Графиня и Клара передали Филиппу письма к графам де Ландр и де Валькур, которых Филипп должен был встретить в армии Колиньи.

— Я послала уже гонца в нашу армию в тот же день, когда вы уехали от нас, но не знаю, доехал ли он благополучно; ответа я не получала.

Когда адмирал Колиньи приехал в лагерь герцога Цвейбрюкенского, граф де Валькур находился в его свите. Филипп встретил его перед палаткой герцога.

— А, сэр Флетчер! Очень рад вас видеть! — воскликнул граф.— Благополучно возвратились? Принц Наваррский часто вспоминал вас.

— Позвольте передать вам, граф, письмо, которое я имел честь получить из рук вашей дочери,— сказал Филипп.

Граф быстро отступил на шаг.

— Как! От моей дочери? Возможно ли это, сударь?

Давно ли вы видели ее? — воскликнул граф в изумлении.

— Около трех недель тому назад.

— Слава Богу! — произнес с облегчением граф, сняв шляпу и поднимая глаза к небу. — Бог был милостив ко мне, но эта милость превосходит все мои ожидания. Уже два месяца я оплакиваю мою дочь как мертвую. Один из моих слуг принес мне известие, что она была в лесу на молитве гугенотов, которые все были убиты чернью Ла-Шатра, а мой замок сожжен и разрушен.

— Ваша дочь спаслась, граф, и находится в замке графини де Ландр.

Не успел граф прочитать письма, как бросился обнимать Филиппа.

— Так это вы спасли мою дочь, мое единственное дитя! — воскликнул он. — Я уже думал, что мне остается в жизни исполнить только свой долг перед Богом и Его делом и потом умереть. А теперь!.. Клара жива!.. Позвольте дочитать письмо. Я хочу побыть один и поблагодарить Бога за Его великое милосердие.

Через полчаса граф вышел из палатки и позвал Филиппа.

— Теперь расскажите мне, пожалуйста, все, — сказал граф, — Клара пишет, что я от вас узнаю все подробности.

Филипп рассказал все, начиная от ссоры с двумя дворянами в гостинице и до той минуты, когда Клара вошла в замок графини де Ландр.

— Рука Господня привела вас в лес, — сказал граф. — Молодой принц говорил, что у вас наверное будут приключения, которые вы должны будете рассказать ему; не ожидал я, что одно из них будет так близко касаться меня... Да, Кларе лучше всего остаться там, пока я не найду возможность привезти ее в Ла-Рошель, единственное место, где она будет в совершенной безопасности.

Франсуа де Лавалья не было в армии Колиньи: он остался с принцем близ Ла-Рошели. Тем с большей радостью встретил Филипп графа де ла Ну, которого возвратили из плена в обмен на важного королевского офицера.

— А вы все отличаетесь, сэръ Филипп, как я слышал от адмирала и от де Валькура. Вас с моим кузенком и в рыцари уже посвятили. Честное слово, я не берусь ска-

зять, до чего вы дойдете, если будете так продолжать. Я горжусь вами, как моим, хотя и дальним, родственником.

Королевский двор не имел серьезных намерений делать какие-либо уступки гугенотам. Через месяц переговоры прекратились, и гугеноты начали военные действия. Они взяли две или три сильных крепости, а на юг был отправлен отряд под начальством графа Монгомери, который, соединившись с армией виконтов, выгнал королевские войска из Беарна, владений королевы Наваррской.

Между вождями гугенотов состоялся военный совет. Адмирал предлагал идти на север и осадить Сомюр, который открыл бы им путь через нижнюю Луару наверх Франции, как обладание Ла-Шарите открыло дорогу на запад. Но большинство вождей предпочитало осадить Пуатье, один из богатейших и важнейших городов Франции. К несчастью, их мнение одержало верх, и Пуатье, начальником которого был граф де Люд, был осажден.

Но раньше прибытия туда гугенотского войска, в город поспешил герцог Генрих Гиз со своим братом герцогом Майнцским и многими дворянами, и организовал там отчаянную защиту. Все штурмы гугенотов были отбиты с огромными потерями. Затем осажденные сделали плотину поперек реки, поднявшиеся воды которой затопили лагерь гугенотов; в довершение несчастья потери их сильно увеличились от эпидемии, вспыхнувшей в лагере осажденных.

Прошло семь недель; герцог Анжуйский осадил Ла-Шарите, и адмирал, бросив осаду Пуатье, стоившую ему двух тысяч человек, поспешил туда на помощь.

Неудача при Пуатье как бы служила противовесом такой же неудаче семи тысяч католиков при Ла-Шарите: и здесь город четыре недели с успехом отбивал все штурмы, так что осаждавшие были принуждены отступить...

Между тем избиение гугенотов продолжалось и в Париже и в других городах. В Орлеане в один день было казнено двести восемьдесят человек. Парижский парла-

мент опозорил себя, заочно приговорив адмирала за измену к казни через повешение, назначив пятнадцать тысяч крон тому, кто убьет его.

Враждующие стороны готовились к решительному сражению. Герцог Анжуйский получил новые подкрепления, и численность его войска доходила уже до девяти тысяч конницы и восемнадцати тысяч пехоты. Армия Колиньи, напротив, была ослаблена потерями под Пуатье и уходом многих дворян, у которых истощились средства содержать свои отряды; у него оставалось теперь только одиннадцать тысяч пехоты и шесть тысяч конницы. Поэтому адмирал избегал сражений, пока с ним не соединится Монгомери со своими шестью тысячами войска, расположенными у Беарна. Но южные войска Монгомери были недовольны долгим бездействием, а немцы грозили вернуться домой, если им не уплатят жалованья и не поведут против неприятеля.

Де ла Ну, командовавший авангардом, взял город Монконтур, и к нему направлялся адмирал, не предполагавший близости неприятеля.

Во время движения по болотам, на арьергард гугенотов напал сильный неприятельский отряд. Де Муи, командовавший гугенотами, мужественно задерживал врагов, пока остальные гугеноты не перешли болота и не скрылись в город. Адмирал хотел было отступить дальше, но немцы опять возмутились. Воспользовавшись замешательством в рядах гугенотов, армия католиков обошла Монконтур и настигла их недалеко от города. Адмирал, на левом крыле гугенотской армии, и граф Людвиг Нассауский первыми встретили врагов: конница их напала на кавалерию католиков, которой командовал немецкий рейнграф.

Немец находился во главе своего отряда, как и Колиньи во главе конницы гугенотов, и вожди встретились.

Бой их был короток: Колиньи был сильно ранен, а рейнграф убит.

Вслед затем в сражение вступила пехота. Битва между пехотой гугенотов и швейцарцами длился долго. Католики начали наконец отступать, несмотря на свое численное превосходство, как вдруг на поле битвы со свежими силами появился маршал Коссэ; тогда гугеноты, в свою

очередь, отступили. Несмотря на храбрость своего предводителя, Людвига Нассауского, немецкая конница гугенотов смешалась и обратилась в бегство, расстроив ряды своей немецкой пехоты, в которую с ожесточением ворвалась пехота швейцарцев. Началось жестокое истребление побежденных, большая часть которых бросала оружие и умоляла о пощаде; другие защищались до последних сил; но ни самозащита, ни мольба не смягчали свирепых победителей, и из четырех тысяч немецкой пехоты спаслось только двести человек.

Три тысячи пехоты, состоявшей из гугенотов, подверглись в то же время нападению кавалерии герцога Анжуйского, и тысяча человек были убиты, а остальных пощадили по приказанию герцога. В общем, гугеноты потеряли две тысячи пехоты и триста всадников, не считая немецких воинов, в то время как потери католиков были всего пятьсот человек с небольшим.

Во время этой битвы де ла Ну снова попал в плен. Перед битвой он настоятельно просил Филиппа присоединиться к его кузену в конвой принцев Наваррского и Конде. Когда началось поражение гугенотов, наши друзья, пробившись сквозь отряд католической конницы, появившейся в тылу, увезли принцев в Партенэ, куда был доставлен и тяжело раненый Колиньи.

Адмирал приказал офицерам собрать рассеянные войска, а затем очистить Партенэ и отступить к Ниору.

При вести о тяжком поражении гугенотов поспешила из Ла-Рошели и королева Наваррская. Присутствие ее ободрило гугенотов.

Оставив гарнизон в Ниоре, Колиньи двинулся с частью своей армии к Сенту. Южные же войска, беспокоившиеся о своих домах и друзьях, ушли без его разрешения, ссылаясь на то, что поражение при Монконтурс может явиться сигналом для новых преследований и убийств гугенотов на юге.

Тем временем католики осадили Ниор. Храбрый де Муй, назначенный начальником города, защищался стойко. Однако один католик, соблазненный обещанной на-

градой в пятнадцать тысяч крон за убийство Колиньи, притворно перешел в лагерь протестантов, заявил, что он обижен католиками, но, не имея возможности убить адмирала, застрелил де Муя.

Убийца был награжден королем орденом, а городом Парижем деньгами.

Лишившись предводителя, гарнизон Ниора сдался, а вскоре начали сдаваться и другие крепости, находившиеся в руках гугенотов.

Две недели спустя после сражения при Монконтуре Колиньи располагал только шестью тысячами человек, из которых половина были конные. Тем не менее он решил действовать.

План его был чрезвычайно смел: прежде всего он хотел достать денег для уплаты немецкой коннице, завладев каким-нибудь богатым католическим городом; потом соединиться с армией Монгомери, идти навстречу южным войскам и направиться с ними на север за немцами, которых нанимал для него Вильгельм Оранский, а затем двинуться на Париж и окончить войну под его стенами.

Королева Наваррская должна была остаться в Ла-Рошели, а молодые принцы сопровождать армию.

Франсуа со своими солдатами уехал после сражения домой, чтобы по совету адмирала отвезти свою мать в Ла-Рошель, так как замок Лаваль, в отместку за отпор, данный католикам, должен был ждать теперь осады. Графиня предложила своим фермерам сопровождать ее в город, и на другой же день все жители замка и его окрестностей были на пути в Ла-Рошель со своим имуществом и скотом.

Филипп был прикомандирован к молодому офицеру де Пиль, с которым он подружился и который был назначен начальником Сен-Жан-д'Анжели, небольшой крепости перед Ла-Рошелью, единственной, не взятой обратно католиками. Она могла, хоть и с трудом, защищаться, и адмирал надеялся, что герцог Анжуйский, вместо того, чтобы преследовать гугенотов со всей своей армией, займется осадой.

И он не ошибся. Большинство католических вождей считали, что следует прежде всего взять Ла-Рошель, твер-

дыню гугенотов на западе, а чтобы сделать это, нужно было сначала захватить Сен-Жан-д'Анжели.

И как еще недавно осада Пуатье оказалась роковой для гугенотов, так и осада Сен-Жан-д'Анжели почти уничтожила все преимущества, добытые католиками победой при Монконтуре.

Едва успел де Пиль принять начальство над крепостью, как армия герцога Анжуйского появилась перед ее стенами и тотчас открыла огонь.

Гарнизон крепости был ничтожен, но ему помогали жители, ревностные гугеноты. Все штурмы отбивались, а повреждения в стенах, сделанные пушками днем, исправлялись в течение ночи. Даже женщины и дети таскали камни и заделывали стены.

После двухнедельной осады сам король прибыл в католическую армию и предложил крепости сдаться. Де Пиль ответил, что хотя он признает авторитет короля, но все-таки не может исполнить этого, потому что получил приказание защищать этот город от принца Наваррского, королевского губернатора Гиенны, и может сдаться только с его позволения.

Осада началась снова. Стены были до того повреждены, что после очередного страшного штурма де Пиль засомневался в том, что сможет отбить следующий штурм и решил даже сделать в стене брешь с другой стороны города, чтобы дать гарнизону и жителям возможность покинуть город. К тому же и припасы подходили к концу.

— Как вы думаете, Флетчер? — сказал он мрачно Филиппу. — Хорошо бы нам продержаться еще дней десять; в это время адмирал успел бы уйти так далеко, что его нельзя было бы нагнать. Но я чувствую, что завтра с нами покончат.

— Можно выиграть время, заключив перемирие, — ответил Филипп. — Они, вероятно, не знают, до какой крайности мы доведены, и, может быть, дадут нам несколько дней отсрочки.

— Во всяком случае следует попытаться предложить им перемирие, — согласился де Пиль.

В час спуская Филипп ехал с белым флагом к королевскому лагерю. Там его привели к герцогу Анжуйскому.

— Я явился с предложением от коменданта, — сказал Филипп. — Он не может сдать город без согласия принца Наваррского. Если вы согласитесь на двухнедельное перемирие, он пошлет гонца к принцу, и если не будет ни ответа, ни помощи, то, по окончании перемирия, сдастся при условии, что гарнизону позволено будет удалиться с конями и оружием, а всем жителям будет дарована религиозная свобода.

Герцог посоветовался со своими военачальниками. Потери его при штурмах были настолько значительны, а от болезней погибло столько людей, что к удивлению и радости Филиппа условия перемирия были приняты, но только с заменой двухнедельного срока на десятидневный.

Перемирие состоялось, и с обеих сторон были даны по шесть заложников.

На девятый день сквозь неприятельские ряды прорвался Сен-Сурен с сорока всадниками и въехал в город, освободив таким образом де Пиля от необходимости сдаваться.

Заложники были выменены, и осада началась снова.

Штурм за штурмом были отбиты с большими потерями для осаждающих; много храбрых королевских офицеров, и в числе их губернатор Бретани, были убиты. Город храбро защищался до второго декабря, когда де Пиль, потерявший надежду на помощь и удовлетворенный тем, что задержал всю королевскую армию на целых семь недель, заставив ее потерять шесть тысяч человек на штурмах и от болезней, сдался на тех же условиях, которые были приняты раньше, но с обязательством для всех защитников города больше не служить во время этой войны.

Маленький отряд защитников вышел из крепости с распущенными знаменами.

Герцог Омальский и другие королевские офицеры пытались защитить отряд, чтобы он, согласно условиям сдачи, беспрепятственно прошел через ряды католиков. Но солдаты, увидев, что такой маленький отряд причинил им столько бедствий, напали на него. Около ста человек, то есть столько, сколько погибло в продолжение всей осады,

было растерзано, а с остальными де Пиль смог пробиться при помощи некоторых из католических вождей.

Из Ангулема де Пиль послал письмо, требуя строгого наказания виновных, а когда на его требование не обратили внимания, послал гонца к королю с заявлением, что, вследствие нарушения королевскими войсками условий сдачи Сен-Жан-д'Анжели, он и его солдаты считают себя свободными от обязательства не поднимать оружия в течение этой войны. Затем он со всем своим отрядом присоединился к адмиралу.

Между тем королевская армия постепенно распалась. Так как наступала зима и начинать осаду Ла-Рошели уже было поздно, Филипп Испанский и папа отозвали свои войска. Немецкие и швейцарские войска были отпущены, а дворянам с их солдатами позволено разъехаться по домам до весны.

Таким образом геройской защитой Сен-Жан-д'Анжели были уничтожены все плоды победы при Монконтуре.

Между тем силы адмирала на юге увеличивались. Он соединился с графом Монгомери и прошел с ним в Монтобан, гугенотскую твердыню на юге, где получил много подкреплений.

В армии его теперь было до двадцати одной тысячи человек, в том числе шесть тысяч конницы.

В конце января эта армия направилась к городу Тулузе, который считался центром преследования гугенотов в южной Франции. Город этот был слишком сильно укреплен, и потому его нельзя было скоро взять штурмом, но всю местность вокруг него опустошили и разрушили все замки местных членов парламента.

Затем Колиньи повел свои войска на запад, рассылая на пути отряды во владения католиков для реквизиций, а также отправил сильный отряд в Испанию в отместку за то, что король ее помогал католикам.

Начальником этого отряда был де Пиль, догнавший адмирала в Монтобане. Затем Колиньи повернул на север и, преодолев все препятствия, представляемые горами и реками, появился в Бургундии в конце мая.

В то время как Колиньи совершал свой замечательный поход по Франции, де ла Ну, вымененный на Строщи, отправился в Ла-Рошель, осажденный католиками.

Там он принудил их отступить, затем разбил их близ Лукона и взял обратно Фонтенэ, Ниор, Иль-д'Олерон, Бруаж и Сент. К несчастью, храбрый вождь гугенотов при Фонтенэ сломал левую руку и должен был лишиться ее.

Глава XVIII

НА РОДИНЕ

Эти неудачи и страшное обеднение страны от войны, сильно уменьшившее королевские доходы, вынуждали Карла IX желать мира, вопреки Екатерине Медичи и Гизам — последних он не любил и боялся.

Он не мог не чувствовать, что его обманывают; сколько раз его уверяли, что война окончена и гугеноты уничтожены, а между тем гугенотские армии появлялись снова, города, отнятые у них с такими усилиями, опять переходили в их руки, и самому Парижу грозила опасность. Советовали ему заключить мир и немецкие государи.

И мир был заключен на условиях, соответствующих надеждам гугенотов, и они помирились бы вновь со своим положением, если бы могли положиться на искренность двора. Объявлена была всеобщая амнистия, и волею короля воспрещено оскорблять гугенотов и преследовать их за веру. Высшему дворянству предоставлено было выделять места в своих владениях, в которых должны совершаться гугенотские богослужения. Двадцать четыре города, по два в каждой из главных провинций, и также все города, которыми владели гугеноты при подписании мира, получили привилегию публичного протестантского богослужения. Четыре города — Ла-Рошель, Монтобан, Коньяк и Ла-Шарите — оставлены в руках гугенотов в качестве их крепостей.

В то время король, без сомнения, искренно желал мира. Он отдал парламенту приказ уничтожить постановление, лишавшее кардинала Шатильона, брата адмирала, его епархии, и когда парламент медлил, приказал принести к себе книгу протоколов и собственноручно вырвал те страницы, на которых оно было записано.

Филипп решил воспользоваться мирным временем и побывать дома в Англии.

— Напрасно ты едешь,— говорил ему Франсуа.— Можешь быть уверен, что мир этот так же непрочен, как и прежние.

— Если война опять начнется, я тотчас же приеду. И в любом случае я не останусь долго в Англии. Что мне там делать? Хотя дядя Гаспар и купил для меня большие поместья, но я слишком молод, чтобы играть там роль дворянина-помещика — мои же товарищи по школе засмеют меня.

Филипп благополучно проехал на север Франции и переправился со своими конями через пролив в Дувр. Его сопровождал Пьер, который был так сильно огорчен, узнав о предполагаемом отъезде своего господина, что Филипп решил не расставаться с ним. Двух ратников, служивших у Филиппа, зачислили в отряд Франсуа, с обещанием в случае возвращения Филиппа во Францию принять их опять к нему на службу вместе с товарищами, бывшими теперь в Лавале.

Из Дувра Филипп проехал в Кентербери. На улицах города он встретил немало знакомых лиц, и среди них несколько прежних товарищей по школе, и удивлялся, что они мало переменились, в то время как он так возмужал, что никто не узнавал его.

Он остановился перед большим домом Гаспара Вальяна и, бросив поводья Пьеру, вбежал прямо через магазин в контору. Гаспар, удивленный, что кто-то входит к нему без разрешения, пристально посмотрел на вошедшего и, воскликнув: «Филипп!» — бросился его обнимать.

— Просто не верится, что это ты! — сказал он, отступая на шаг, чтобы лучше разглядеть.— Как ты вырос! Точь-в-точь такой же молодец, каким был твой отец, когда я познакомился с ним. К тому же ты теперь рыцарь! Я никогда так не радовался, как в тот день, когда получил известие об этом... Ну, теперь тебе нужно ехать к родителям. Беги наверх, поцелуй тетю Марию, да и с Богом. А мы через час тоже будем у вас.

И Филипп помчался на ферму.

Нельзя описать радости родителей Филиппа. Его мать была благодарна Богу за спасение сына от опасностей, и

отец был горд, что сын его оказался достойным потомком воинственной Контской ветви и выказал во многих битвах мужество и благоразумие, какие его предки выказывали при Кресси, Пуатье и Ажанкуре.

— Хорошая кровь говорит сама за себя, сын мой,— сказал он Филиппу.— Жаль только, что ты получил рыцарство не в Англии, хотя я согласен, что во всей Европе нет предводителя способнее адмирала Колиньи. Вот будет война с Испанией, и у нас найдутся люди. Могу тебе сказать, что тут в Кентербери много было разговоров о тебе. Проезжавшие через город беглецы из Франции говорили, что слышали твое имя в числе имен дворян, бывших в свите адмирала и храброго де ла Ну. Здесь поселились две семьи, бежавшие из Ниора; они рассказывали нам, как ты и твой кузен спасли их из рук католиков. Ручаюсь, что они часто повторяют этот рассказ с тех пор, как прибыли сюда, и он производит много шума в Кентербери.

Пьеру тоже все обрадовались. Он сидел на почетном месте в кухне и удивлял французскую прислугу рассказами о приключениях своего господина, к которым прибавлял немало вымышленных историй.

Гаспар Вальян пришел только через три часа, не желая мешать свиданию Филиппа с родителями.

— Что, Джон,— говорил он,— не правда ли, мой план отлично удался. Кем бы он был, если бы оставался дома?

— Он был бы, брат, тем же, кто он есть теперь — джентльменом,— сказала с достоинством Люси.

— Ну, все же это не то...— покачал головой Гаспар.

В Англии зорко следили за ходом борьбы гугенотов; все подвиги Филиппа были известны, и даже английский посланник в Париже слышал о нем от самого де ла Ну и говорил в одной из депеш об исполнении им двух опасных поручений и возведении его в рыцари адмиралом Колиньи.

Через несколько дней по приезде Филипп как человек, преобретший репутацию, которая делала честь всей провинции, получил приглашение от многих местных дворян и в этом новом кругу скоро занял почетное положение.

Филипп гостил уже почти шесть месяцев у своих род-

ных, когда пришло письмо Франсуа с настоятельной просьбой вернуться во Францию.

«Весна начинается,— писал Франсуа,— а все спокойно, и король, кажется, решил сохранить мир. Коннетабль Монморанси, много содействовавший примирению, все еще в большой милости, а Гизы злятся, проживая в своих владениях. Дворяне-гугеноты хорошо приняты при дворе и множество их едут в Париж, чтобы уверить короля в своей преданности. Я также был там с матерью; король принял нас очень благосклонно и поздравил меня с тем, что я посвящен в рыцари самих Колиньи. Мы присутствовали при венчании короля с дочерью немецкого императора. Зрелище было великолепное. Ходят слухи, что король хочет положить конец всем беспорядкам в будущем и связать узами дружбы обе партии. С этой целью он предложил сочетать браком свою сестру Маргариту с Генрихом Наваррским. Мы все надеемся, что брак этот состоится и будет иметь большое значение для всех нас, исповедующих реформатскую веру. Говорят, что королева Наваррская не сочувствует этому браку и опасается, что Генрих забудет в Париже те скромные обычаи, в которых он воспитан, и под влиянием Маргариты и двора перейдет в католичество. Трудно сказать, насколько справедливы эти опасения, но Генрих может сделаться королем Франции, и вопрос о вере должен тревожить его. Генрих уверен, что если Карл и его два брата умрут без потомства, Франция не пожелает иметь короля-гугенота. Гизы, духовенство, папа и Испания не допустят этого. Так что лучше ему остаться королем Наваррским, чем сделаться королем Франции.

Я думаю, Филипп, что когда он будет королем Наваррским, Гизы найдут в нем соперника более опасного, чем теперешних вождей гугенотов. Сначала я думал, что он прост и откровенен, и такого же мнения о нем все приближенные, но из частых разговоров с ним я убедился, что ошибаюсь. Под веселою, беспечною внешностью кроется много ума, а также расчета и честолюбия; он втайне изучает людей и умеет приспособляться к ним. Я уверен, что он будет со временем великим вождем. Королева Наваррская принимала в Ла-Рошели многих графинь и в том числе мою мать. Она пригласила маму посетить

ее в Бэарне, а принц настоятельно требовал, чтобы я приехал с нею. Если ты приедешь, то, конечно, поедешь с нами и будешь с радостью принят Генрихом. Мы отлично поохотимся и хорошо проведем время».

Это письмо ускорило отъезд Филиппа. Предстоящая охота в горах Наварры очень притягивала его. К тому же, он любил молодого принца и давно уже был убежден в его уме и проницательности.

Он прочитал это письмо дяде Гаспару. Гаспар задумался.

— Это для меня ново,— сказал он наконец.— Я как и все другие, думал, что Генрих Наваррский простодушный, беспечный юноша, который любит охоту и, подобно своей матери, не терпит придворных церемоний, но если то что пишет Франсуа правда,— а ты, кажется, также того же мнения,— то в судьбе Франции наступит большая перемена. До сих пор несчастные гугеноты постоянно попадались в ловушку; но если Генрих Наваррский будет мудрым политиком, он сумеет бить врагов их же собственным оружием и добьется для гугенотов того, чего они никогда не достигнут мечом. Но помни, что гугеноты наверняка не поблагодарят его за это. Моя жена и твоя мать ужаснулись бы, если бы я сказал им, что Генрих, сделавшись католиком, может лучше залечить открытые раны Франции и обеспечить свободу вероисповедания гугенотам, чем если он будет протестантским королем.

— Неужели вы думаете, дядя,— воскликнул Филипп с негодованием,— что он способен переменить веру?

— Я не знаю, Филипп, посмотрим...

Три дня спустя Филипп и Пьер находились уже в Лондоне, чтобы оттуда переехать в Ла-Рошель. Дядя щедро снабдил его деньгами, и отец также настоял, чтобы он взял и у него крупную сумму.

Корабль быстро перевез их в Ла-Рошель, а на другой день Филипп был уже в Лавале. Он уже знал, что после битвы при Монконтуре замок был сожжен королевскими войсками, но тем не менее его поразила страшная картина руин: только центральная часть замка не была

окончательно разрушена, и потому графиня поселилась там.

— Да, многое переменилось здесь, Филипп,— говорила графиня.— У меня большие средства, скопленные долголетнею жизнью в деревне, и я могла бы восстановить все это, но стоит ли? Если разгорится война, то она сосредоточится около Ла-Рошели, и замок будет снова разрушен.

Франсуа был в восторге от приезда Филиппа.

— Как раз вовремя! — говорил он.— Мы в конце этой недели едем в Бэарн, и хотя ты мог бы приехать и один следом за нами, а все же лучше ехать вместе.

Три дня спустя графиня с сыном и Филиппом выехали из замка в сопровождении шести вооруженных ратников, так как дороги были не безопасны от разбоя, которому предалось множество солдат. Графиня ехала верхом, а ее служанка — позади одного из всадников.

Переезды делались небольшие; останавливались они в гостиницах или в замках знакомых дворян. По пути они нередко встречали подозрительные группы людей, но они с мрачным видом сторонились вооруженных солдат, и путники благополучно достигли Бэарна.

Замок короля Наваррского оказался не столь величественным, каким был Лаваль до его разрушения. Он лежал вблизи города, где наши путники и оставили своих ратников. Принц Генрих выбежал к ним в простой одежде горожанина.

— Добро пожаловать! — говорил он, помогая графине сойти с лошади и вводя ее в дом.

Минуту спустя он снова вышел к Франсуа и Филиппу.

— Вот теперь, когда я проводил графиню к маме, я ваш,— сказал он, улыбаясь.— Очень рад видеть вас обоих.

— Мой кузен настаивал, чтобы я ехал сюда с ним, принц,— сказал Филипп,— и уверял меня, что вы не будете недовольны. Остановлюсь я, конечно, в городе.

— Нет, этого вы не сделаете,— возразил принц.— Правда, мы здесь бедны, но не настолько, чтобы отказать себе в удовольствии принимать гостей. Вам уже приготовлена комната.

Филипп удивился.

— А вы думали,— сказал смеясь принц,— что по нашему королевству можно ездить инкогнито! Мы слабы, и потому должны быть настороже. Половина путешественников приезжает сюда обыкновенно с каким-нибудь злым умыслом, подосланная королем Филиппом Испанским или Гизами, и если только они не едут очень быстро, то нас извещают о них за двадцать четыре часа до их прибытия. Если же нам нужно, чтобы они прибыли позднее, их всегда задержит что-нибудь в пути: или лошадь раскуется, или затеряется часть багажа, или пропадет какая-нибудь важная бумага... и такие вещи случаются нередко. Затем, приехав, они узнают, что я уехал на охоту на две недели в горы, а мама в Нерак. Мы узнали вчера утром, что вы переехали границу, и что с графиней едут сын и высокий молодой англичанин. Кто этот англичанин — угадать было нетрудно.

— Но мы ничего не потеряли в дороге, ваше высочество! — сказал Франсуа, улыбаясь.

— Это случается не всегда и не со всеми,— ответил смеясь принц.

Принц провел своих гостей в дом, где их радушно приветствовала королева.

На другой день наши друзья уехали с принцем в горы на охоту на кабанов, волков и диких коз. Вместе с ними поехали двое ловчих и трое слуг.

В тот же день собаки подняли в лесу огромного оленя, который бросился бежать. С громким лаем понеслись вслед за ним собаки, и охотники едва успевали следовать за ними на своих конях. После часовой бешеной скачки им удалось наконец нагнать оленя, который, спасаясь от собак, бросился в небольшой пруд, откуда охотники с трудом выгнали его с помощью жердей. Выскочив из воды, олень снова пустился бежать, но, убедившись, что ему не уйти от своих преследователей, он вдруг обернулся и, грозно наклонив рога, стал ожидать своих врагов.

Рассвирепевшие собаки яростно набросились на него, но в следующее мгновение две из них взлетели на воздух с распоротыми животами. Остальные собаки обступили животное с громким лаем, но не решались подойти близко. Охотники также остановились. Принц соскочил с ко-

ня и, подойдя к животному из-за дуба, ловким ударом охотничьего ножа подрезал ему подколенные сухожилия,— олень тотчас упал на землю.

Охотники пробыли в горах три недели; ночевали они в пастушьих хижинах, а иногда под открытым небом.

— Что вы скажете о браке, который устраивают мне? — спросил однажды неожиданно принц, когда они сидели вокруг большого костра в лесу.

— Это будет великой выгодой для нашей веры, если только ваше величество изъявит свое согласие,— ответил осторожно Франсуа.

— Политичный ответ, господин Лаваль... А вы что скажете, сэр Филипп?

— Это вопрос слишком сложный, чтобы я мог составить свое мнение. Много можно сказать и за и против этого брака. Например... вы рыболов, ваше высочество?

— Неважный... Но какое это имеет отношение к моему вопросу?

— Я хотел сказать, что когда рыбак поймает очень большую рыбу, то рискует, что она его самого втащит в воду.

Принц засмеялся.

— Верно, сэр Филипп. Таково же и мое мнение об этом браке. Маргарита де Валуа слишком большая рыба в сравнении с бэарнским принцем, и не только она одна будет тащить его, но другие большие рыбы потащат и ее вместе с ним. Моя добрая мама опасается, как бы я не погубил себя среди развлечений французского двора; но есть нечто другое, что меня тревожит больше всяких развлечений: это король, находящийся под влиянием Екатерины Медичи, герцог Анжуйский, выставивший на позор тело моего дяди Конде; а там еще Лорран, Гизы, папа и буйная парижская чернь. Мне кажется, я буду не рыбаком, а маленькой рыбкой, попавшей в крепкие сети...

И принц задумчиво уставился на огонь.

— Теперь король на нашей стороне,— прибавил он,— но надолго ли...

— Зато на вашей стороне будет принцесса, и в качестве зятя короля вы будете в безопасности,— заметил Франсуа.

— Ну, король не очень-то любит даже своих собст-

венных братьев,— сказал Генрих,— хотя я не думаю, чтобы он осмелился поднять на меня руку, сам устроив мне брак со своей сестрой: он боится мнения Европы. Я знаю, что гугеноты ждут от этого брака больше, чем от самой большой победы, а я сомневаюсь! Я очень рад, что решение зависит не от меня. Я просто пойду по течению, пока не буду достаточно силен, чтобы плыть против него... Во всяком случае, если я поеду в Париж венчаться с Маргаритой Валуа, то желаю, чтобы вы оба ехали со мною.

Глава XIX

В СЕТЯХ

Вернувшись с охоты, друзья наши пробыли еще недели две в Бэарне; затем графиня и Франсуа отправились домой, а Филипп, согласно обещанию, поехал к графу де Валькур в его замок в Дофинэ.

Там он прожил целый месяц. Граф принял его очень ласково и ввел в дома всех своих друзей, как спасителя своей дочери.

Клара очень выросла с тех пор, как он ее видел в последний раз. Теперь ей было почти шестнадцать лет, и она казалась уже взрослой девушкой. Оттуда Филипп вернулся в Лаваль.

— У меня есть важные новости для тебя,— сказал Франсуа.— Король пригласил адмирала к себе. Многие из друзей отговаривают его, но он считает необходимым в интересах нашей веры принять это приглашение и на будущей неделе поедет в Блуа, где находится сейчас двор. Он отлично осознает, что подвергает себя большой опасности, и потому отклонил предложения всех дворян сопровождать его; с ним поедут только трое или четверо близких его друзей. Два дня тому назад я виделся с ним и просил его взять меня в свою свиту, но он решительно мне отказал. «Друзья, которые будут сопровождать меня,— сказал он,— уже сделали все в жизни, что могли. Но у тех, кто молод, есть еще будущее. И если что-нибудь случится, то удар не поразит тех, кто может сделаться вождем грядущего поколения».

Гугеноты на западе Франции с беспокойством ожидали известий о том, будет ли принят адмирал Колиньи. Наконец пришла радостная весть, что король принял его очень любезно, обнял и сказал, что считает день его возвращения ко двору одним из самых счастливых в своей жизни, потому что он предвещает конец смут и вражды. Даже Екатерина Медичи приняла адмирала любезно. Король подарил ему из своего собственного капитала сто тысяч фунтов, чтобы вознаградить за все потери, понесенные им во время войны, и приказал выдать ему годовой доход его брата кардинала, незадолго перед тем скончавшегося.

Озлобленные этим Гизы уехали в свои поместья. Выехал из Парижа и испанский посол, раздраженный тем, что по совету Колиньи король помог нидерландским протестантам в борьбе с герцогом Альбой.

Во Франции наступило спокойствие. Преследования прекратились, и гугеноты в первый раз после многих лет вздохнули спокойно.

Между тем переговоры о браке принца Наваррского с Маргаритой Валуа продолжались. Принцу было теперь восемнадцать с половиной лет, а Маргарите двадцать. Брак их был уже пятнадцать лет назад предложен Генрихом II, но во время гугенотских войн мысль эта была оставлена. Теперь к королеве Наваррской, находившейся в Ла-Рошели, был послан с предложением от короля маршал Бирон. Королева поблагодарила за честь, но просила времени на размышление и совет с протестантскими священниками.

Вести об этих переговорах, как и о переговорах о браке Елизаветы Английской с герцогом Алансонским взволновали весь католический мир.

Папа послал к Карлу легата с протестом. Португальский король, отказавшись перед тем от брака с Маргаритой, стал теперь просить ее руки. Филипп Испанский, со своей стороны, употреблял все меры, чтобы помешать браку Генриха с Маргаритой, а гугенотские священники, напротив, объявили, что по закону нет препятствий для брака гугенота с католичкой. Все это наконец склонило королеву Наваррскую повести серьезно переговоры, и с этою целью она поехала в Блуа.

Главным препятствием этому браку были мелкие разногласия религиозно-обрядового характера, но наконец все препятствия были устранены. Двор отказался от требования, чтобы Маргарита завела католическую церковь в Бэарне, а королева Наваррская, со своей стороны, согласилась, чтобы венчание происходило в Париже.

Беспокойства, испытанные ею за все это время, тяжело отразились на ее здоровье: через несколько дней по приезде в Париж она заболела лихорадкой и умерла. Подозревали, что кто-то из людей Екатерины Медичи дал ей яд.

Адмирал не присутствовал при переговорах в Блуа. После трехнедельного пребывания при дворе он удалился в свои поместья в Шатильоне и принялся вновь отстраивать разрушенный замок. Графиня же де Лаваль сопровождала королеву в Блуа и Париж и находилась при ней до ее кончины. При выезде из Блуа она вызвала к себе Франсуа и Филиппа, послав им вместе с письмом охранную грамоту, подписанную королем. В пути они узнали о смерти королевы Наваррской, и весть эта была для них обоим тяжелым ударом: они очень любили королеву.

Между тем король стал не доверять своим советникам и просил письмом Колиньи приехать к нему в Париж, чтобы посоветоваться. Одновременно адмирал получил множество писем от своих друзей, которые умоляли его не ехать в Париж, где ему грозит опасность быть отравленным так же, как были отравлены его братья и королева Наваррская. Но адмирал не колебался и тотчас принял приглашение.

Дело, по которому король особенно желал посоветоваться с Колиньи, заключалось в том, чтобы начать борьбу против опасного преобладания Испании и помочь протестантам в Голландии. С этой целью он тайно позволил Людвигу Нассаускому набрать во Франции пятьсот всадников и тысячу человек пехоты. С этим войском Людвиг двинулся в Нидерланды и взял 24 мая Монс. Вожди гугенотов после этой победы убеждали короля объявить войну Испании, но Елизавета Английская со своим обычным двоедушием, в самую решительную минуту отказалась дать обещанную помощь, хотя в начале и подбива-

ла короля к войне. Карл убедился, что Елизавета одурачила его как в вопросе о войне с Испанией, так и в переговорах о браке ее с одним из его братьев. Между тем Монс был осажден и взят герцогом Альбой, а направлявшееся на помощь к этой крепости гугенотское войско в три тысячи человек было застигнуто врасплох и совершенно разбито: тысяча двести человек погибли в битве, тысяча девятьсот бежавших с поля сражения были истреблены крестьянами и только около ста человек достигли Монса.

Таким образом, обстоятельства складывались весьма неблагоприятно для Карла IX, и так как затруднения эти возникли по совету гугенотских вождей, то партия Гизов и герцога Анжуйского воспользовалась этим, чтобы подорвать к ним доверие короля. Екатерине Медичи стало известно, что Колиньи предостерегал короля против влияния ее и герцога Анжуйского, и она еще больше возненавидела адмирала.

Вся в слезах пришла она однажды к королю и, сказав ему, что он только ее советам и помощи был обязан своими успехами в войнах против гугенотов, пожаловалась, что они-то теперь и пользуются всеми преимуществами, и он по их совету ведет напрасные войны и подвергает опасности свой престол, вызывая гнев Испании и полагаясь на пустые обещания двоедушной королевы английской.

Эти слезы и мольбы убедили нерешительного короля, и он снова подчинился пагубному влиянию Екатерины Медичи.

Франсуа и Филипп, проводив графиню после смерти королевы Наваррской в Лаваль, вернулись в Париж, где вскоре должна была состояться свадьба короля Наваррского, на которой должны были присутствовать многие гугеноты. Они сняли квартиру близ дома адмирала. Дела Ну в то время не было в Париже; он находился в Монсе с Людвигом Нассауским и попал в плен к герцогу Альбе.

Адмирал представил Франсуа и Филиппа королю. Карл принял их любезно и, узнав, что они жили в Бэарне с принцем Наваррским, представил их своей сестре Маргарите.

— Эти господа, Марго, друзья короля Наваррского и могут тебе рассказать о нем больше, чем серьезные политики,— сказал он ей.

Принцесса, одна из самых прекрасных женщин своего века, много расспрашивала их о своем будущем супруге, которого почти не видела с самого детства. Когда они являлись с адмиралом ко двору, она всегда выказывала им свою благосклонность.

День свадьбы приближался, и в то же время король все более стал чуждаться Колиньи. Перемена в короле была так заметна, что католики уже не скрывали своей радости, а находившиеся в Париже гугеноты встревожились.

— Что ты делаешь, Пьер? — сказал однажды Филипп, увидев, что его слуга занимается чисткой двух тяжелых пистолетов, которые они возили с собою в кобурах.

— Готовлю их для дела, сударь. Я всегда находил, что гугеноты поступают неумно, когда кладут свои головы в волчью пасть...

— Кажется, пока не о чем беспокоиться, Пьер. Не захочет же король расстроить свадьбу своей сестры...

— Дай Бог, сударь, чтобы все было хорошо, но только с тех пор, как я недавно увидел лицо короля, я ему больше не верю... На всякий случай позвольте мне приготовиться к худшему и прежде всего вычистить пистолеты.

Хотя Филипп смеялся над опасениями Пьера, но они произвели и на него впечатление; он привык полагаться на наблюдательность своего слуги. Когда он вечером посетил графа де Валькур, прибывшего с адмиралом в Париж, то заметил, что все гости также находятся в тревожном состоянии.

Только с Кларой происходило что-то новое. Она казалась веселее и говорила больше, чем обыкновенно, но Филипп заметил, что делает она это принужденно. Очевидно, случилось что-то неладное. Когда он проходил мимо, она предложила ему сесть на диван рядом с ней.

— Хотите, я сообщу вам новость, сэр Флетчер?

— Пожалуйста, графиня,— сказал Филипп.

— Мне хотелось, чтобы вы от меня первой узнали это. Мой отец сказал мне сегодня, что я должна выйти замуж за господина де Паскаля.

Филипп не мог скрыть своего волнения. Он никогда не признавался даже самому себе в любви к Кларе де Валькур и сознавал, что отец ее никогда не допустит, чтобы его единственная дочь, богатая наследница и представительница древнейшего рода в Дофинэ, вышла замуж за простого английского дворянина.

Видя, что он молчит, девушка снова заговорила:

— Это было не мое желание, сэр Филипп. Во Франции девушки не сами выбирают себе мужей. Мой отец высказал свое желание по этому поводу три месяца тому назад в Дофинэ, но только сегодня объявил мне свое окончательное решение. Отец мудр и добр, и я ничего не имею против монсеньора Паскаля, которого знаю с самого детства. Одно могу сказать только, что я не люблю его. Я сказала это моему отцу, но он ответил, что молодая девушка и не должна любить до замужества.

— И вы дали свое согласие? — спросил Филипп.

— Дала,— ответила она просто.— Дочь обязана повиноваться отцу, в особенности, если он такой хороший и добрый... Вот он зовет меня.

И, поднявшись, она пошла к отцу, который находился в соседней комнате.

Через несколько минут Филипп незаметно удалился, а час спустя к нему зашел Франсуа.

— Я не видел, Филипп, как ты ушел от графа. Слышал ли ты новость? Граф сообщил ее всем вскоре после твоего ухода.

— Его дочь сама сообщила мне ее,— ответил Филипп.

— Жаль, Филипп, я думал... Но теперь уж не стоит об этом говорить.

Филипп заговорил о предстоящей свадьбе короля Наваррского и выразил надежду, что все обойдется благополучно.

— Конечно,— сказал Франсуа.— Что может помешать этому? Венчание будет такое, каких не видывали в Париже. Мне говорили, что с Генрихом приедут семьсот гугенотов-дворян, да здесь в Париже присоединится

к нему еще сотня с адмиралом. Зрелище будет великолепное.

— Я бы хотел, чтобы все было уже кончено.

— Что с тобою, Филипп? Ты просто расстроен... Или ты слышал что-нибудь?

— Нет, но Пьер каркает, и хотя я не вижу основания к опасениям, а все-таки беспокоюсь.

— Ну, чего же бояться? — сказал смеясь Франсуа, — не парижской же черни... Я уверен, что она не посмеет возбудить гнев короля и помешать венчанию; а если бы и посмела, так мне кажется, что восемьсот наших, с Колиньи во главе, пробьют себе дорогу через какую угодно толпу.

Въезд короля Наваррского в Париж был, действительно, величественный. Колиньи со своей свитой присоединился к нему еще за городом и ехал по одну сторону молодого короля, а принц Конде — по другую.

Тут же находились и герцоги Анжуйский и Алансонский со своими пышными свитами, выехавшие приветствовать Генриха от имени короля и ввести его в город.

Гугеноты были все еще в трауре по королеве Наваррской, но на них были золотые цепи и другие украшения, придававшие им необыкновенно изящный вид.

Помолвка происходила в Лувре 17 августа, а затем дан был роскошный ужин и бал. После бала Маргариту, как принцессу, по обычаю проводили ее два брата с большой свитой во дворец епископа, примыкавший к собору; там она должна была ночевать перед венчанием.

Церемония следующего дня была великолепна.

На возвышении перед собором Богоматери Генрих Наваррский со свитой дворян-гугенотов ожидал невесту, которую сопровождал король и все члены его двора. Церемония была совершена при стечении громадной толпы народа, кардиналом Бурбоном по обряду, на который предварительно согласились обе стороны. Генрих ввел невесту в собор и удалился с протестанта-

ми в епископский дворец, так как в соборе совершалась обедня.

По окончании богослужения в том же дворце состоялся официальный обед.

Вечером в Лувре был дан обед парижской знати и потом бал. Три дня продолжались празднества, и все это время король был любезен с адмиралом и гугенотами.

Тем временем план избиения гугенотов в ночь святого Варфоломея был уже решен. К участию в этом привлекли Гизов, герцогов Анжуйского и Омальского, а также герцогиню Немурскую.

Несмотря на небольшое число заговорщиков и осторожность их, слухи об опасности дошли до гугенотов и некоторые из них поспешили оставить Париж. Большинство гугенотов, однако, решило дожидаться близкого выезда из Парижа Колиньи.

Франсуа должен был по желанию Генриха Наваррского переехать в Лувр.

Между тем Пьер становился с каждым днем сумрачнее.

— Что ты хмуришься, Пьер, чем ты недоволен? — спросил его Филипп в пятницу утром. — Ведь на будущей неделе мы покинем Париж и поедem на юг.

— Надо надеяться, сударь. Я бы очень хотел сейчас же уехать отсюда.

— Нельзя, Пьер. У меня нет поместий, где требовалось бы мое присутствие и вообще нет никаких оснований для отъезда. Я приехал сюда с моим кузенom и уеду вместе с ним.

— Ну нельзя, так нельзя.

— Да чего же ты трусишь, Пьер?

— Если находишься, сударь, в одном городе с Екатериной Медичи, ее сыном герцогом Анжуйским и Гизами, то всегда есть чего бояться.

— Но в городе войска, Пьер, и король жестоко наказал бы всякого, кто оскорбил бы его гостей.

— Король очень переменчив, сегодня он с адмира-

лом, а завтра с Гизами. Во всяком случае я принял свои меры предосторожности. Я осмотрел дом и нашел, что из верхнего окна можно выйти на крышу, а потом добратся до квартиры графа де Валькур, в десятом доме отсюда,— там во всяком случае соберутся некоторые из ваших друзей,— или выйти незаметно на улицу через какой-нибудь дом. Я купил для себя лохмотья, а для вас — монашеское платье и клобук и спрятал все это за трубу на нашей крыше. На всякий случай я также купил, сударь,— глаза Пьера блеснули при этих словах,— женское крестьянское платье, думая, что, быть может, найдется дама, которую вы пожелаете спасти.

— Ты пугаешь меня, Пьер, своими крышами и костюмами,— сказал Филипп, взглянув с удивлением на своего слугу.— Это кошмар какой-то, ты бредишь!

— Может быть, сударь. Если и кошмар, так ведь я ничего худого не сделал, напротив, израсходовал только несколько крон; но если это не кошмар, то вы уже будете наготове, и эти несколько крон спасут нам жизнь.

Филипп прошелся несколько раз молча по комнате.

— Ты поступил разумно, Пьер. Хотя я и не верю твоему кошмару, но знаю, что ты не трус и не из таких людей, которые фантазируют. Ну, допустим, что все это сбудется, и что ты, я и... и одна дама, переодетые, очутимся в буйной толпе. Что мы будем делать? Куда пойдём? Мне кажется, что ты выбрал для меня неудачный наряд. Как могу я, монах, идти с тобою, нищим, и с женщиной?

— Покупая вам рясу, я еще не думал о женщине, сударь. Но ваше замечание верно, я должен достать вам другой костюм. Вам надо одеться мясником или кузнецом.

— Лучше кузнецом, Пьер, это безопаснее. Я запачкаю себе лицо сажей, да и руки у меня будут грязны от лазанья по крышам. Ну, а что мы дальше будем делать, когда очутимся в толпе?

— Это будет зависеть от того, сударь, последует ли войско за Гизами и примет ли участие в мятеже. Если так, то весь Париж, с одного конца до другого, будет в волнении, и все улицы заперты. Я думал об этом много раз и часто слонялся по Парижу в то время, как вы

были на празднествах. Если мятеж случится ночью, то, по-моему, лучше всего идти к реке, взять лодку и спуститься по течению или же пробраться к городской стене и спуститься с нее по веревке. Если же несчастье случится днем, то нам нельзя будет выбраться таким способом; тогда мы скроемся в пустой лачужке, которую я нашел близ городских ворот, и обождем там до ночи.

— Ты, наконец, заставишь меня поверить всему, Пьер,— сказал сурово Филипп, нетерпеливо прохаживаясь по комнате.— Если бы у тебя было хоть какое-нибудь основание для подобных опасений, то я тотчас пошел бы к адмиралу. Но как могу я прийти к нему и сказать: «Мой слуга, честный малый, вбил себе в голову, что нам грозит опасность нападения со стороны черни». Как ты думаешь, что ответил бы мне адмирал?..

Дверь отворилась, и Франсуа де Лаваль быстро вошел, бледный и взволнованный.

— Что с тобою, Франсуа? — воскликнул Филипп.

— Ты не слышал новость? В адмирала стреляли...

Филипп замер в испуге.

— Стреляли два раза из окна одного дома,— продолжал Франсуа,— первая пуля оторвала адмиралу палец на правой руке, а другая попала в левую руку. Он шел с несколькими дворянами от короля; из них двое отвели адмирала домой, а другие ворвались в дом, из которого стреляли, но нашли там только женщину да слугу,— убийца скрылся через заднюю часть дома, где его ожидала лошадь. Говорят, что дом этот принадлежит старой герцогине Гиз. Полчаса тому назад об этом узнали во дворце, и ты можешь вообразить себе, как все ужаснулись. Король заперся в своей комнате, принцы Наваррский и Конде в глубоком горе; они любят адмирала, как отца, а остальные наши единоверцы вне себя от негодования. Говорят, что человек, ускакавший от дома, из которого стреляли в адмирала, был тот самый негодяй Муревиль, который изменнически убил де Муя и был за это награжден королем. Говорят также, что, пока убийца находился в доме, лошадь его держал лакей в ливрее Гизов. Принцы Наваррский и Конде отправились к Колиньи, которому королевский хирург перевязывает раны.

Глава XX

НАБАТ

Филипп быстро схватил оружие и вышел вместе с Франсуа.

— Я должен вернуться в Лувр,— сказал Франсуа,— мое место при короле Наваррском. Он пошел к королю просить позволения тотчас выехать из Парижа. Конде и ла Рошфуко сделают то же, вернувшись от адмирала, потому что здесь, очевидно, всем грозит опасность.

Филипп поспешил к дому адмирала. Многие гугеноты-дворяне, вооружившись, спешили туда же. Во дворе и в приемной адмирала быстро собралось около трехсот дворян. Одни молча и серьезно ходили, другие, собравшись в группы, горячо обсуждали происшедшее. Все считали, что то было покушение не на одного адмирала, а на всех гугенотов, и приписывали это злодеяние Гизам. Было очевидно, что все должны покинуть Париж и приготовиться к новой войне; но это можно было сделать лишь после того, как адмирал будет в состоянии уехать.

— Он ужасно страдает,— рассказывал один из дворян.— Хирург не принес инструментов и отрезал палец в три приема кинжалом. Мерлин, его духовник, был при нем с несколькими ближайшими друзьями. Все мы плакали; но он обернулся к нам и сказал: «Друзья мои, о чем вы плачете? Я счастлив, что страдаю за веру». Потом он сказал, что искренно прощает виновного и его подстрекателей.

Через час пришел Франсуа.

— Принц видел короля, Филипп. Король страшно разгневан и поклялся, что подвергнет самому жестокому наказанию подстрекателей и виновников этого преступления. Нам не стоит тут оставаться, Филипп, мы все равно не увидим адмирала.

При выходе на улицу их догнал граф де Валькур.

— Я только что от адмирала,— сказал он,— ему лучше. Хирург надеется, что на следующей неделе он будет уже в состоянии путешествовать на носилках.

— Хорошие вести,— сказал Франсуа.— Чем скорее мы выберемся из Парижа, тем лучше.

— Без сомнения,— согласился граф.— Лишь бы адмирал поправился... Король возмущен, он велел запереть все улицы Парижа, кроме двух, и требовать паспорта у каждого входящего и выходящего из Парижа.

Тем временем они подошли к дому графа.

— Войдите, господа,— сказал он,— моя дочь очень встревожена нападением на адмирала, к которому она питает глубокое уважение.

— Как он себя чувствует? — спросила поспешно Клара, когда они вошли в комнату.

— Ему лучше, Клара.

— Слава Богу! — сказала она с облегчением.— А что король?

— Он возмущен, как и мы, и намерен строго наказать убийцу и его подстрекателей. Он был у адмирала.

Я хотела бы уехать в Дофинэ, папа: этот город с его насилием мне ненавистен.

— Мы скоро уедем, дорогая. Доктор надеется, что через неделю адмирал сможет путешествовать на носилках, и мы все последуем за ним.

— О, как долго, папа! За неделю многое может случиться.

— Бояться нечего, Клара. Никто не посмеет сделать чего-нибудь из опасения гнева короля. Как вы думаете, монсеньор де Лаваль?

— Я согласен с вами, граф.

— А вы, сэр Филипп?

— Я думаю, что не мешало бы принять некоторые предосторожности.

Вошли еще трое гугенотов и сразу заговорили о положении дел. Клара подошла к Филиппу, стоявшему в стороне.

— Вы действительно верите в опасность, сэр Филипп?

— Верю, графиня. Население ненавидит нас, и в Париже нередко бывали избиения гугенотов. Без сомнения, Гизы виновны в нападении на адмирала; парижская чернь обожает их, и им стоит сказать только слово, чтобы поднять на нас весь город.

— Значит, опасность действительно существует. Не посоветуете ли вы мне что-нибудь?

— Выходите на улицу как можно реже, а спать ложитесь в платье, чтобы быть готовой встать в любую минуту.

— Я исполню это. И только?

— Я ничего не знаю,— сказал Филипп,— пока советую сделать хоть это.

Вернувшись домой, Филипп, к своему великому удивлению, не нашел Пьера, который явился только на другое утро.

— Где ты был всю ночь? — спросил сурово Филипп.— Кажется, теперь не время для удовольствий.

— Я уходил из города, сударь,— сказал Пьер.

— Зачем?

— Я вывел двух лошадей в деревню в двух милях отсюда и поставил их в гостинице, обещав конюху крону, если он побережет коней.

— Все это хорошо, Пьер. Но здесь никто не верит в опасность и мне стыдно, что я один тревожусь.

— Умный человек тревожится, когда глупые спят,— ответил Пьер.— Я был бы совсем спокоен, если бы нам нужно было думать только о себе. Но знаю, что в случае тревоги вы будете думать не только о своей безопасности.

— Графиня де Валькур — невеста монсеньора де Паскаля,— сказал внушительно Филипп.

Пьер незаметно пожал плечами.

— Вы, конечно, правы, сударь,— охотно согласился он.— И так как у нее есть защитники, ее отец и господин де Паскаль, то нам следует, значит, думать только о своем спасении, и это очень облегчает нам дело.

— Ты просто смешон, Пьер,— сказал нетерпеливо Филипп,— и я был глуп, что слушал тебя. Иди, готовь завтрак, иначе ты выведешь меня из терпения.

В этот день состоялось несколько совещаний между гугенотскими вождями. Никто не подозревал, что покушение на адмирала составляло только часть заговора против всех гугенотов; все думали, что оно было следствием злобы Гизов и Екатерины Медичи к человеку, который так долго боролся с ними и теперь имел доверие короля.

Филипп провел большую часть дня в Лувре с Генрихом Наваррским, Франсуа де Лавалем и некоторыми приближенными молодого короля. Все они, лучше его знавшие Францию и Париж, а также положение дел не выказывали и тени беспокойства.

Слушая их разговоры об увеселениях двора, Филипп перестал тревожиться и злился на себя за то, что слушал зловещие пророчества Пьера. Он вернулся домой только в одиннадцатом часу ночи, самом веселом расположении духа.

— Ну, пророк,— сказал он Пьеру,— какие новые разговоры открыл ты? Расскажи, чтобы я мог посмеяться.

— Смеяться после будете, сударь,— сказал Пьер,— а сейчас пойдете со мной к входной двери.

— Изволь, если это доставит тебе удовольствие.

Они сошли к дверям на улицу.

— Видите вы это, сударь?

— Вижу: белый крестик, нарисованный каким-нибудь шалуном.

— Не угодно ли вам пройти немного дальше, сударь. На этой двери есть крест, на той нет, на следующей тоже нет, здесь опять крест, а там опять нет. Я прошел по нескольким улицам и везде видел то же самое: на каждом доме, где живет гугенот, есть на двери белый крест, а где католик — креста нет.

Филипп был поражен этим открытием и сумрачным видом, с которым говорил Пьер.

— Ты уверен в том, что говоришь? — спросил он.

— Совершенно уверен, сударь.

Филипп прошелся по улице и убедился, что Пьер говорил правду. Возвращаясь домой, он стер крест на дверях графа де Валькура, а на своих дверях оставил, пошедший за ним Пьер незаметно стер его рукавом.

Филипп сел и задумался.

— Мне не нравятся эти знаки, Пьер,— сказал он.— Что ты об этом думаешь?

— Я думаю, сударь, что они хотят взять в плен всех дворян-гугенотов.

— Не могу поверить, Пьер, чтобы они могли решиться на такую гнусную измену, которая опозорит короля.

— Может быть, это не его дело, сударь, а Гизов; быть

может, они хотят избить нас, как это было в Руане и не раз случалось в Париже и в других местах.

— Трудно поверить этому. Во всяком случае будем настороже. Теперь слишком поздно, чтобы предпринять что-нибудь.

Отворив окно, Филипп сел рядом.

— Ложись спать, Пьер; через два часа я разбуду тебя и ты займешь мое место.

Прежде чем лечь, Пьер тихо вышел на улицу, тщательно стер с двери знак мокрой тряпкой и затем, положив возле себя меч и пистолеты, улегся на койке.

В час ночи Филипп разбудил его.

— На улице происходит что-то необычное, Пьер: я вижу свет множества факелов и слышу шум, похожий на людской говор. Пойдем посмотрим, что это значит.

Сунув пистолеты за пояс и захватив меч, он вернулся в плащ и вышел на улицу в сопровождении Пьера. Скоро они встретили двух прохожих, и один из них при свете фонаря окликнул Филиппа:

— Это вы, сэр Флетчер?

— Да, де Паскаль. Я вышел посмотреть, что значат эти огни.

— Я тоже вышел из-за этого. Душно, я не мог заснуть, открыл окно и увидел огни. Мне показалось, что они по соседству с домом адмирала, и я решил посмотреть, что это означает.

Они вскоре встретили группы людей с зажженными факелами и увидели, что такие группы бродят по всем улицам.

— Что затевается? — спросил де Паскаль у одной группы.

— В Лувре будет ночной маскарад и шуточное сражение, — ответили ему.

— Странно! — сказал Филипп, когда они пошли дальше. — Я был у короля Наваррского до десяти часов и ничего не слыхал об этом.

К ним присоединились еще несколько дворян-гугенотов, привлеченных необычайным светом и шумом на улицах. Все они направились к Лувру.

Перед дворцом собралось множество народа с факелами и стояли отряды солдат.

Вдруг толпа заколыхалась с криком и шумом, и несколько человек гугенотов, отделившись от нее, бросились бежать, как бы спасаясь от преследования. Они бежали навстречу группе гугенотов, шедшей с Филиппом к площади.

— Что такое, де Винь? — спросил Паскаль первого подбежавшего к ним.

— Ничего не понимаю, — ответил де Винь. — Полчаса тому назад я проснулся от шума и света и вышел с де ла Ривьером, Морепом, Кастелоном и де Вигором посмотреть в чем дело. Когда мы подошли к солдатам, они начали нагло глумиться над нами. Мы, конечно, отвечали и грозили пожаловаться их офицерам, как вдруг эти дерзкие негодяи бросились на нас. Мореца, как видите, ранен алебардой, и так как мы пятеро не могли биться с целой толпой солдат и собравшейся там чернью, то убежали от них. Я буду жаловаться и доведу дело до короля.

— Нам сказали, — проговорил де Паскаль, — что эти люди с факелами должны участвовать в шуточной атаке на какой-нибудь замок или что-нибудь в этом роде, для увеселения короля. Без сомнения, с этой же целью собраны и солдаты. Нам следует, я думаю, пойти домой и подождать до утра.

— А вы не допускаете возможности всеобщего нападения на нас? — спросил Филипп.

— Что? Нападение? Подготовленное у Лувра, на глазах у короля? Вам это приснилось, Флетчер?

— У меня есть основание подозревать это, — заметил спокойно Филипп и рассказал о крестах на дверях.

Ему никто не верил. Все возвратились в свои квартиры.

— Что мы будем теперь делать, Пьер? — спросил Филипп.

— По-моему, следует обождать и посмотреть, что будет дальше, сударь. Если готовится что-нибудь дурное, вся парижская чернь будет в движении. Пойдемте к ратуше; там всегда был центр зла. Если там все спокойно, то, может быть, вся эта комедия и вправду устроена для увеселения двора. Непонятно только, почему улицы около дома адмирала освещены.

Навстречу им прошла молча еще более многочисленная толпа с факелами.

— Заметили ли вы, сударь, что на руке у каждого из этих людей белая повязка, как и у всех, кого мы встречали до сих пор. Если есть опасность, то нам легче будет узнать о ней, имея такой же знак.

— Хорошая мысль, Пьер.

Филипп вынул свой платок, разорвал его пополам и сделал повязки себе и Пьеру. Затем они нагнали несколько групп с факелами, которые шли в одном направлении с ними. У всех были белые повязки на руках.

Филипп встревожился еще больше.

Площадь перед ратушей была слабо освещена несколькими факелами и большим фонарем, висевшим перед гостиницей. Света, однако, было достаточно, чтобы видеть огромную толпу народа на площади и красноватые отблески огня на шлемах, копьях и секирах.

— Что вы теперь скажете, сударь? Тут собралось до десяти тысяч человек; кажется, все городское войско, со всеми офицерами.

Когда они остановились, к ним почтительно подошел офицер.

— Все в порядке, ваше сиятельство,— доложил он Филиппу.— Все люди на своих местах. Полагаю, приказ не будет отменен?

— Нет,— ответил коротко Филипп, видя, что его принимают за кого-то другого.

— И набат будет сигналом начинать?

— О сигнале вы узнаете потом,— сказал Филипп.— Я пришел только узнать, все ли готово.

— Все исполнено, как приказано вашим сиятельством. Ворота заперты и будут открыты только королевскому гонцу, когда он покажет королевскую печать. Все лодки и суда уведены от набережной далеко. Ни один еретик не спасется.

Филипп с трудом подавил в себе сильное желание приколоть этого человека на месте, но, овладев собой, сказал только:

— Хорошо. Ваше усердие не будет забыто.

Он повернулся и пошел поспешно обратно; но не ус-

пели они пройти несколько шагов, как за ними раздался пистолетный выстрел.

— Слишком поздно! — воскликнул с горечью Филипп. — Скорее, Пьер!

И они бросились бежать. Из соседних улиц то и дело выбегали вооруженные группы людей, чтобы задержать их, но Филипп повелительно кричал им:

— Дорогу! Я спешу по важному поручению герцога Анжуйского и Гизов!

При этих словах все расступались и давали ему дорогу.

— Прежде всего поспешим к адмиралу! — сказал Филипп Пьеру.

Но когда они подбежали к дому адмирала, то увидели множество людей, выбегавших из дома адмирала с факелами и обнаженными мечами. Филипп узнал среди них Генриха Гиза и Генриха Валуа с их свитами и солдатами.

— Мы опоздали, Пьер. Адмирал уже убит.

Действительно, Колиньи уже был мертв. В эту роковую ночь в доме его находился только его духовник Мерлин, королевский хирург, трое дворян и несколько слуг, а во дворе стояли на страже пять швейцарских гвардейцев короля Наваррского. Возраставший на улице шум разбудил адмирала, а затем он услышал стук в ворота и требование отворить двери именем короля. Адмирал послал одного из дворян, ле Бонна, отворить их, но едва тот сделал это, как во двор ворвался Коссэйнс, офицер стражи принца Анжуйского, с пятьюдесятью солдатами и заколол ле Бонна на месте. Верные швейцарцы защищали внутреннюю дверь, а когда их оттеснили от нее — наскоро устроили на лестнице баррикаду и защищались за ней.

Один из гугенотов-дворян вбежал в комнату известить адмирала о грозящей ему опасности, но адмирал спокойно ответил:

— Я уже давно приготовился к смерти. Спасайтесь сами, если можете. Меня вы все равно не спасете.

По его приказанию все находившиеся при нем, включая немецкого переводчика, убежали на крышу и спрятались. Баррикада была разрушена и один из сви-

ты герцога Гиза ворвался в комнату, где адмирал спокойно сидел в кресле.

Убийца нанес ему два удара мечом.

Гиз ждал во дворе. Когда ему доложили, что адмирал убит, он приказал выкинуть его тело в окно и с ненавистью толкнул его ногой, а один из его свиты отрубил адмиралу голову.

Затем Гиз позвал солдат и сказал им:

— Начало сделано; теперь к другим — это приказ короля!

Когда Филипп подходил к дому адмирала, на колокольне церкви Сен-Жермен л'Оксерруа зазвонили в набат, и вслед за тем со всех сторон поднялись оглушительные крики: «Смерть гугенотам!»

На улице, где он жил, Филипп увидел множество солдат, с криком разбивавших двери в домах; кругом валялись трупы убитых гугенотов.

Филипп прошел спокойно мимо них и его не тронули. Пройдя мимо своей двери, он направился к дому графа де Валькур. Там он увидел де Паскаля, храбро защищавшегося против толпы врагов. С мечом в руках бросился он к нему на помощь, но раздался выстрел и де Паскаль упал, сраженный насмерть. Филипп поспешно удалился.

— Домой, Пьер,— сказал он своему слуге, все время следовавшему за ним,— здесь нам делать нечего.

Около их дома не было никого. Они незаметно вошли в дом, поднялись наверх и затем по крышам добрались до дома де Валькура.

Войдя через окно в дом, они сбежали вниз по лестнице. Из одной двери падал свет. Филипп вбежал туда. Клара де Валькур стояла там, опираясь рукой о стол, бледная, но спокойная.

— Где ваш отец? — спросил Филипп.

— Он внизу со слугами защищает лестницу.

— Я пойду к нему,— сказал Филипп.— Пьер позаботится о вас, он знает, что делать. Мы с вашим отцом последуем за вами. Скорее, ради спасения вас и вашего отца.

— Я не могу оставить его.

— Вы ему не поможете, а промедление может стоить всем нам жизни. Послушайтесь моего совета, иначе я должен буду унести вас.

— Хорошо, я пойду,— согласилась она.— Вы однажды уже спасли меня и я доверяюсь вам.

— Доверьтесь Пьеру, как вы доверились бы мне,— сказал Филипп.

Снизу раздавались крики и ругательства вместе со звоном мечей, и Филипп бросился туда. На нижней площадке граф и четверо слуг защищались от нападения толпы вооруженных солдат и черни.

— А, это вы, сэр Флетчер,— сказал граф, когда Филипп подбежал к нему и одним ударом поразил солдата, ожесточенно нападавшего на графа.

— Я, граф. Наш дом не потревожили, и я отослал туда по крышам вашу дочь с моим слугой. Мы последуем за ними, как только прогоним этих негодяев.

— Скоро должны прибыть королевские войска,— сказал граф.

— Вы ошибаетесь, граф, ведь это и есть королевские солдаты, которые нападают на нас,— сказал Филипп.— Весь Париж вооружился против нас, и адмирал убит.

Граф дико вскрикнул и бросился с ожесточением на нападавших. Его товарищи последовали его примеру и минут через пять толпу оттеснили на несколько ступенек вниз.

Тогда из толпы раздались крики: «Стреляйте в них!» и через несколько мгновений грянули три-четыре выстрела, поразившие графа и его двух слуг. Толпа торжественно заревела и стала подниматься наверх. Некоторое время Филипп отчаянно бился, но раздался снова выстрел, и он почувствовал острую боль в щеке. Убедившись, что ему не справиться с разъяренной толпой, он повернулся и в несколько прыжков очутился наверху. Там он остановился на мгновение, выстрелил в предводителя нападавших и побежал на чердак, всюду запирая за собою двери. Оттуда он быстро добрался по крышам до своего дома, где у себя в комнате застал Клару и Пьера. Увидев, что Филипп возвращается один, она вскрикнула от недоброго предчувствия.

— Мой отец? — прошептала она.

— Он перешел в лучший мир, подобно многим другим, которых постигла та же участь. Он умер без страданий, от выстрела в упор.

Клара опустилась на стул и закрыла лицо руками.

— Да будет воля Твоя! — сказала она после минутного молчания тихим, но твердым голосом, открыв лицо. — Мы все в руках Творца, умрем за Него! Скоро ли явятся наши палачи?

— Надеюсь, что не скоро! — ответил Филипп. — Они пойдут следом за нами по крышам, но вряд ли узнают, в какой дом мы вошли.

— Я останусь здесь, — сказала она.

— Тогда вы пожертвуете не только своей, но и нашей жизнью, потому что мы не оставим вас.

— Что надо делать? — после долгой паузы спросила Клара.

Пьер подал Филиппу узел с платьем.

— Вот костюм, — сказал Филипп. — Умоляю вас сейчас же надеть его. Мы тоже переоденемся.

Глава XXI

СПАСЕНИЕ

— Ужасно, ужасно! — повторял Филипп, поспешно переодеваясь кузнецом.

На улице действительно происходило что-то ужасное.

С громкими звуками набата сливались шум битвы, удары молотов и топоров в двери домов, ружейные и пистолетные выстрелы, крики мужчин, вопли женщин и детей. Пьер выглянул в окно. К солдатам теперь присоединилась толпа черни, появившаяся как бы по волшебству, в надежде участвовать в грабеже.

— Как ты думаешь, Пьер, сможем ли мы выйти? — спросил Филипп, когда Пьер отошел от окна.

— Я посмотрю, сударь. Тут стояла стража, но солдаты, наверно, ушли грабить. Вы в таком наряде настоя-

щий кузнец, но только вам нужно выпачкать себе лицо и руки.

Когда Филипп вошел к Кларе, она вскочила.

— Идемте, идемте! — поторопила она. — Лучше умереть, чем слышать эти ужасные крики.

Пьер скоро вернулся и доложил, что выйти можно.

— Одну минуту, сэр Флетчер, — сказала Клара, — помолимся сначала.

И она опустилась на колени.

— Я готова, — сказала она, окончив молитву.

— Вам так идти нельзя, сударыня, — заметил почтительно Пьер. — Ваше лицо выдаст вас тотчас даже на темной улице. Растреплите волосы и закройтесь капюшоном как можно плотнее.

— Мне бы хотелось, Пьер, взять с собою меч, — сказал Филипп.

— Возьмите, сударь. Если кто-нибудь заметит его, то посмейтесь и скажите, что полчаса тому назад он принадлежал гугеноту. Я понесу свой под мышкой. Болтайте побольше, говорите грубо, а то догадаются, что вы не кузнец.

Они спустились к двери, выходящей в переулок. Филипп нес на плече тяжелый молот, а у Пьера за поясом снаружи торчал большой мясницкий нож; он был без шапки, и намоченные водой волосы падали ему на выпачканное, черное лицо.

Начинало уже светать, когда они вышли на улицу.

— Идите рядом со мной, — сказал Филипп Кларе, — и старайтесь не показывать вида, что вы боитесь.

— Я буду молиться, — просто ответила она.

Шумевшая на улице толпа вдруг расступилась перед герцогом Гизом, ехавшим со свитой.

— Смерть гугенотам! — кричал он. — Таков приказ короля!

— Этот приказ ты и твои друзья вложили ему в уста, негодяй! — пробормотал Филипп.

Толпа, состоявшая из солдат и подонков, сочувственно редела. Некоторые плясали над телами гугенотов, валявшимися на улице, и гнусно издевались над ними. Здесь все было уже почти окончено. Лишь некоторые из гугенотов оказывали сопротивление, но большинство, за-

стигнутое врасплох, сознавая, что всякое сопротивление безнадежно, бросали оружие, умоляя о пощаде, или спокойно умирали.

Пощады не давали никому: убивали всех без разбора, даже женщин и детей.

Солдаты ходили по улицам со списками домов, в которых жили гугеноты, и проверяли, не остался ли кто-нибудь из них в живых. Многие из толпы нарядились в костюмы, добытые грабежом, — оборванные нищие щеголяли в бархатных шапках или шляпах с перьями. Многие уже напились. Женщины, сопровождавшие толпы черни, были жестоки и беспощадны не менее мужчин.

— Ну-ка, друг, разбей-ка нам вот эту дверь, — остановил Филиппа офицер со списком в руках; с ним было несколько солдат.

Отказ или даже промедление были бы губительны для беглецов и отсрочили бы смерть гугенотов на какие-нибудь две минуты. Дюжина ударов тяжелым молотом сделала свое дело. Вдруг из окна грянул выстрел, и офицер, стоявший рядом с Филиппом, упал мертвый. Солдаты дали залп в окно и бросились в рухнувшую дверь. Филипп подошел к Кларе и Пьеру, ждавшим его в нескольких шагах, и они пошли дальше.

Когда они входили в одну из улиц, какой-то человек схватил его за руку.

— Куда ты? Для твоего молота и здесь много работы, — сказал он.

— У меня работа в другом месте, — ответил сурово Филипп.

— Ну, у меня выгоднее. Вот этой рукой я прикончил пятерых и мне достались пять туго набитых кошельков, — говорил он с грубым хохотом. — Ого, что это за девица с тобой? — и он грубо схватил Клару.

Долго сдерживаемое бешенство Филиппа давно искало себе выхода. Он схватил этого человека за горло и оттолкнул его с такой силой к стене, что тот замертво упал на землю.

— Что тут такое? — подбегая к месту происшествия, закричала толпа в шесть человек.

— Переодетый гугенот! — сказал Филипп. — Карманы его полны золота!

Толпа бросилась с дракой и руганью на упавшего человека, а беглецы наши тем временем удалились.

Не прошли они и двухсот шагов, как Клара пошатнулась и упала в обморок. Ее посадили на первое попавшееся крыльцо, и Филипп поддерживал ее. Пьер стоял возле них.

Мимо проходила небольшая толпа.

— Что такое с нею? — спросил один из них, останавливаясь.

— А черт бы побрал этих баб! — грубо сказал Пьер. — Вот увязалась за нами, драгоценностей захотелось, да в толкотне и упала в обморок! Тащи ее теперь домой!

Толпа прошла.

— Я понесу ее, Пьер, она ведь легкая, — сказал Филипп.

— Лучше подождать несколько минут, сударь. Пока мы тут, довольно нашего рассказа, а если понесем ее, встречные заинтересуются нами больше.

Прошло еще несколько минут, а Клара все была без чувств, Филипп взял ее на плечи.

— Нужно рискнуть, Пьер, — сказал он. — Если мы встретимся с двумя или тремя любопытными, так сумеем справиться с ними, а в случае встречи с толпой, мы свернем в какой-нибудь переулок или посадим ее снова. Медлить нам нельзя.

Скоро Клара пришла в себя, а через час беглецы достигли уже лачужки, которую Пьер выбрал для убежища. Из-под кучи мусора, в углу, он вытащил большой узел с платьем, бутылку вина и холодное жаркое.

— Вот тут костюмы для всех нас, — сказал он. — За городом в теперешних наших одеждах путешествовать нельзя. Мы здесь в безопасности до ночи, но сначала надо нам поесть и выпить по стакану вина.

Филипп приготовил между тем из одежды нечто вроде постели.

— Вам нужно сначала подкрепить свои силы и затем отдохнуть, — сказал он Кларе, — а Пьер отправится в город на разведку.

От пищи Клара отказалась.

— Я не могу ничего есть, — сказала она.

Но Пьер уже откупорил бутылку вина, и Филипп настоял, чтобы она выпила глоток.

— Вам понадобятся все ваши силы,— сказал он,— нам предстоит далекий путь.

Она выпила несколько глотков.

— Не уходите,— сказала она Филиппу,— мне надо поговорить с вами.

Филипп кивнул головой Пьеру, и тот тотчас вышел. Клара молчала несколько минут.

— Я много думала, сэр Филипп,— сказала она наконец,— и пришла к заключению, что мне, как невесте де Паскаля, не следует оставаться с вами. Проводите меня в Лувр, там я буду просить защиты у короля и королевы Наваррской. Вы поймете меня и не сочтете неблагодарной.

— Я вполне понимаю вас,— ответил Филипп.— Но дело в том, что ужасное избиение происходило, вероятно, и в Лувре, и, быть может, король Наваррский вместе с гугенотами из своей свиты не избегли общей участи. Пьер разузнает все, и, если мои опасения окажутся напрасными, мы исполним ваше желание. Что касается де Паскаля, то он погиб, как и ваш отец.

— Что вы слышали о де Паскале? — спросила Клара, устремив на Филиппа пытливый взгляд.

— Я видел, как он упал, сраженный выстрелом,— и Филипп рассказал ей об обстоятельствах смерти де Паскаля, а в заключение прибавил: — Его благородная попытка защитить вашего отца и вас погубила его. Я стер рукавом белый крест с вашей двери, который был сигналом для солдат, и, если бы де Паскаль своим присутствием не возбудил подозрений, быть может, и граф вместе с нами мог бы спастись по крышам.

Клара выслушала его, закрыв лицо руками, и наконец горько заплакала.

Филипп оставил ее одну, зная, что слезы облегчат ее горе.

Через час Клара позвала его.

— Мне теперь легче,— сказала она,— но я не могу без ужаса вспомнить, что погиб мой дорогой отец. Что касается де Паскаля, то я жалею его как храброго вои-

на — но и только; вы уже знаете, что сердце мое ему не принадлежало.

В это время вернулся Пьер.

— Ну, какие новости? — спросил его Филипп.

— Плохие, сударь. Избиение произошло с согласия короля, и даже в Лувре все дворяне-гугеноты убиты, и некоторые, как говорят, на глазах молодой королевы Наваррской, которая со слезами тщетно молила пощадить их. Король Наваррский и его кузен Конде арестованы; говорят, что и их убьют, если они не перейдут в католичество. Убийства происходили во всех частях города, гугенотов повсюду вытаскивали из домов и убивали с их женами и детьми. Даже сам король, увлекшись происходившими на улицах кровавыми сценами, в каком-то опьянении схватил аркебуз и начал из окна Лувра стрелять в бегущих мимо гугенотов. Говорят, что тела адмирала и других гугенотских вождей притащили в Лувр, и что король, королева-мать, придворные дамы и дворяне ходили смотреть на них и издевались над ними. Париж с ума сошел, сударь, и говорят, что по всей Франции разосланы приказы убивать гугенотов.

Филипп сделал Пьеру знак выйти.

— Вы видите, — сказал он Кларе, — что в Лувре вы не найдете защиты, если не откажетесь от своей веры.

— После смерти де Паскаля мне нечего делать в Лувре, — ответила она. — Теперь король может принять меня, как сироту, под свою опеку и отдать все мои поместья кому-нибудь из своих любимцев.

— Вам следует ехать переодетой с нами.

Клара задумалась.

— Но это так странно, так не подобает девушке, — застенчиво прошептала она.

— В таком случае, графиня, — сказал Филипп, схватив ее руку, — вы должны дать мне право защищать вас. Сейчас не время говорить о любви, но вы ведь знаете, что я люблю вас. Вы были богатой наследницей и по положению выше меня, и я никогда не сказал бы вам того, что говорю теперь; но общая опасность уравнивает наше положение. Я люблю вас всем сердцем, и мне кажется, что сам Господь свел меня с вами.

— Это так, Филипп, — сказала она. — Сам Бог по-

слал вас дважды спасти мне жизнь. Я не буду говорить вам о своих чувствах, но у меня нет никого на свете, кроме вас. И я уверена, что если бы отец мой видел теперь мое положение, он одобрил бы меня. Отныне я ваша невеста и последую за вами всюду.

Филипп нагнулся и тихо поцеловал ее.

— Я позову Пьера сюда,— сказал он.— Если его заметят у дверей, мы привлечем к себе внимание.

Он отворил дверь и позвал Пьера.

— Пьер,— сказал он,— графиня де Валькур — моя невеста.

— Давно бы так, сударь,— сказал Пьер. Он подошел к Кларе, протянувшей ему руку, и почтительно прикоснулся к ней губами.

— Сударыня! — сказал он,— с этого дня моя жизнь принадлежит и вам. Может быть, нам грозит еще много опасностей, но я надеюсь, что мы счастливо избежим их.

Когда настала ночь, беглецы переоделись в свои обычные платья и осторожно направились к лестнице, примыкавшей к крепостной стене. Прикрепив к брустверу веревку, они один за другим перебрались через стену и после трехчасовой ходьбы прибыли в деревню, где Пьер оставил лошадей. Филипп устроил из своего плаща сиденье для Клары за своим седлом, и скоро беглецы уже мчались по большой дороге на юг. Избегая больших городов, они останавливались только в деревнях, где религиозная вражда была гораздо слабее, и скоро убедились, что вести о парижских событиях еще не дошли до деревень.

Пьера много спрашивали о свадебных торжествах в Париже, и все радовались союзу, который обещал Франции прочный мир. Клару всюду принимали за сестру Филиппа, и хозяйки старались угодить этой бедной грустной девушке. Из опасения встречи с солдатами, сторожившими мосты, наши путники избегали их и переправлялись через реки или на пароме или вброд.

Через неделю они прибыли наконец в замок Лаваль, проехав больше двухсот миль.

В воротах замка Филиппа весело приветствовали четыре воина.

— Графиня дома? — спросил он, слезая с лошади.

— Да, сударь, она вчера вернулась из Ла-Рошели. Говорят, в Пуатье и в Ниоре католики опять напали на гугенотов. Хотя графиня и не верит этому, а мы все-таки поставили у ворот стражу и подняли мост.

— Боюсь, что рассказывают правду,— ответил им Филипп.

Графиня встретила его в зале.

— Тетя,— сказал он, подводя к ней Клару,— позвольте поручить вашему вниманию и любви графиню Клару де Валькур, мою невесту. Я приехал с очень недобрыми вестями, но умоляю вас прежде всего отвести ей комнату,— она в большом горе и очень утомлена.

— Боже мой!.. Франсуа умер? — тихо воскликнула графиня, побледнев от ужаса.

— Надеюсь, что нет, тетя.

— Я останусь здесь, Филипп, с позволения графини,— сказала Клара.— Не оставляйте ее в неизвестности ради меня.

— Благодарю вас, Клара,— сказала графиня, усаживая ее на диван.— Ну, Филипп, говори мне все самое худшее, не скрывая ничего.

Филипп рассказал о зверском избиении гугенотов в Париже. Графиня не верила своим ушам.

— Невероятно! — воскликнула она.— Чтобы французский король запятнал себя клятвopреступлением, нарушил свои же собственные охранные грамоты и погубил своих гостей!.. Ты говоришь, что Франсуа был в Лувре с королем Наваррским и Конде, и что гугенотов там также избили? Больше ты ничего не знаешь?

— Это только слухи, собранные Пьером в городе; за верность их я не ручаюсь. Во всяком случае, Франсуа был предупрежден и, слыша набат и тревогу в городе, мог принять меры к своему спасению.

Графиня гордо поднялась.

— Не допускаю,— сказала она,— чтобы мой сын, один из самых приближенных к королю Наваррскому, уронил честь своего имени заботой о собственном спасении, а не спасении короля.

Филипп хорошо сознавал правильность слов графини и был почти уверен в том, что Франсуа погиб.

— Какой несчастный день для Франции! — горестно воскликнула графиня после минутного молчания. — Адмирал, наш вождь, убит в постели, безоружный, больной! И как много погибло других лучших людей Франции! Ты говоришь, что по всей стране разосланы приказы избивать гугенотов!.. Но я забываю обязанности хозяйки дома. Милая Клара, мы обе с вами в трауре, вы — по вашему благородному отцу, я — по моему милому сыну, и обе мы оплакиваем нашу несчастную родину. Мой племянник — благородный человек и с ним вы найдете новую родину вдали от нашей несчастной страны. Если Франсуа умер, Филипп будет моим сыном, и я с радостью приветствую вас, как его жену. Теперь пойдете. Филипп, позаботься о приготовлениях к отъезду в Ла-Рошель, прикажи звонить в набат, чтобы фермеры поспешили собраться сюда.

Через минуту раздались громкие звуки набата. Солдаты замка выбегали, вооружаясь на ходу, и восклицания ужаса и гнева раздались среди них, когда Филипп коротко сообщил им о событиях в Париже. Затем он отдал приказ приготовиться на следующее утро к отъезду в Ла-Рошель и послал нескольких всадников предупредить соседних дворян-гугенотов.

Через некоторое время во двор стали сбегаться фермеры. Узнав о причине набата и о парижских убийствах, одни плакали, другие в бессильном гневе сжимали оружие, третьи призывали гнев Неба на короля, и все были убиты горем.

— Еще не все потеряно, друзья мои, — ободрял их Филипп. — Бог пошлет нам других вождей и новые армии. Конечно, первый удар католики направят на Ла-Рошель; там мы встретимся лицом к лицу с убийцами и докажем им, что гугеноты по-прежнему могут стоять за свои права. Но теперь мы уже не будем верить ложным клятвам и обещаниям и не позволим вновь обмануть себя.

На следующий день все жители замка и окрестные фермеры выступили в Ла-Рошель. По пути к огромному обозу примыкали крестьяне со своими семьями и имуществом, и на пятый день все прибыли к месту назначения. В Ла-Рошели уже знали о парижских событиях от бег-

лецов, случайно бывших в ночь святого Варфоломея близ Парижа.

Графиня и Клара поместились в доме Бертрама, а Филипп нашел себе квартиру поблизости. Жители соперничали друг перед другом в радушном приеме беглецов. Клара заболела от всех испытанных потрясений, и дочь Бертрама ухаживала за ней.

Через неделю она оправилась. Графиня приняла деятельное участие в защите города: заседала в городском совете, ходила на крепостные стены и ободряла рабочих, собирала пожертвования и подала первая пример, передав на святое дело все, что выручила от продажи своих драгоценностей и лошадей. Она отдалась этой деятельности с лихорадочной энергией, как бы стараясь найги в этом забвение. О Франсуа по-прежнему не было никаких вестей. В Ла-Рошели стало лишь известно, что короля Наваррского и принца Конде принудили под угрозой смерти отказаться от протестантства, и графиня была уверена, что ее сын не захотел бы купить себе жизнь такой ценой.

Филипп любил Франсуа как родного брата и сильно томился неизвестностью о его судьбе.

Уже на второй день по приезде в Ла-Рошель он позвал Пьера и сказал ему:

— Пьер, я хочу знать, что случилось с Франсуа.

— Я вижу это, сударь,— ответил тот.— Вот уже два дня, как вы почти ничего не едите и не спите, и я все время жду, что вы наконец скажете мне: «Пьер, поедem в Париж».

— Ты поедешь со мной?

— Разве об этом можно спрашивать? — возмутился Пьер.— Само собой разумеется, что если вы поедете, то поеду и я. Теперь это не так опасно. Да если бы и было опасно, так что ж из этого? Ведь мы уже не раз удачно избегали беды. Если мы найдем господина Франсуа, то привезем его сюда. Молодой граф не похож на вас, сударь. Он храбрый и благородный рыцарь, но не умеет изворачиваться, как вы в опасных случаях, и сам никогда не выберется оттуда, если мы не выручим его.

В тот же день Филипп попросил председателя город-

ского совета дать ему для вида поручение, сообщив ему цель своей поездки, а на следующий день он с Пьером был уже на пути в Париж.

Глава XXII

НАЙДЕН

На пятый день Филипп с Пьером без особых приключений прибыли в Версаль.

— Вашим коням нужен отдых, сударь,— сказал Филиппу хозяин гостиницы, в которой они остановились.

— Да, мы быстро ехали. У меня дело в Париже на несколько дней, поэтому я оставляю у вас лошадей. Можете ли вы отвезти нас на своих лошадях в Сен-Клу?

— Конечно, сударь, а за вашими мы здесь присмотрим.

Рано утром Филипп с Пьером прибыли в Сен-Клу.

Отпустив кучера с лошадьми, они перешли Сену, вошли в лес и переоделись крестьянами, спрятав прежнее платье в густые кусты.

В Париже они остановились в небольшой гостинице и во время обеда прислушивались к разговорам. Но здесь они не смогли узнать ничего; если тут и происходили имена убитых, то только известных вождей. Поэтому после обеда они пошли к Лувру. Филипп не составил еще никакого плана, а Пьер советовал не спешить.

— Мне нужно достать какую-нибудь ливрею,— сказал он,— тогда я познакомлюсь с каким-нибудь придворным лакеем и попробую узнать все, что происходило в Лувре.

В это время мимо них прошел какой-то дворянин.

— Это граф Людвиг де Фонтэн,— тихо воскликнул Филипп,— двоюродный брат убитого мною на дуэли. Он честный человек, я поговорю с ним. Жди меня тут.

Пьер хотел было возразить, но Филипп уже шел вслед за графом. Когда они дошли до тихого, безлюдного места, он догнал его.

— Граф Людвиг де Фонтэн! — сказал он.

Тот сильно удивился, увидев, что какой-то высокий крестьянин обращается к нему.

— Мы немного знакомы, граф,— продолжал Филипп,— я имел несчастье поссориться с графом Раулем...

— Как,— прервал его граф,— это вы дрались с ним на дуэли и потом убежали из замка?

— Именно, граф. Я приехал сюда в Париж затем, чтобы узнать о судьбе моего кузена, Франсуа де Лавалля, который в ужасную ночь святого Варфоломея находился при короле Наваррском. Я не могу достать списка убитых, и, увидев вас, решил положиться на ваши великодушные и благородство, в надежде, что вы дадите мне необходимые сведения. Я отойду от вас теперь, чтобы не возбудить любопытства прохожих, но умоляю вас уделить мне несколько минут в каком-нибудь уединенном месте.

— Моя квартира на следующей улице. Идите за мною, мы переговорим в моем кабинете...

— Вы не ошиблись,— сказал граф, когда они вошли в его дом,— я никогда не обману оказанного мне доверия... Я не могу одобрять действий, позорящих Францию в глазах всей Европы, и сделаю для вас все, что могу. Извините, я не имею удовольствия знать ваше имя...

— Я рыцарь Филипп Флетчер, по отцу англичанин, по матери родственник графов де Лавалей.

— Я уже слышал о вас, милостивый государь, вы упоминались в числе храбрейших дворян, находившихся в свите адмирала Колиньи... Судьба вашего кузена достоверно неизвестна. Говорят, на него напали наемные негодяи Гизов и затем ушли искать новые жертвы; но тела его не нашли. Полагают, что он очнулся и скрылся куда-нибудь или его кто-то спрятал в самом дворце. На следующий день весь дворец был обыскан, но вашего кузена там не нашли. Возможно также, что он как-нибудь выбрался на улицу, был убит, и тело его брошено в Сену, как тела многих других; последнего предположения я, впрочем, не разделяю. К сожалению, это все, что я знаю.

— Благодарю вас, граф, вы подаете мне некоторую надежду... Мне не приходилось быть в его комнате, не

можете ли сказать мне, в какой стороне дворца она находилась.

— Со стороны реки, близ комнаты короля Наваррского.

— Глубоко благодарен вам, граф, за эти сведения,— сказал Филипп.

Филипп вышел и вернулся к Лувру, где его с нетерпением ожидал Пьер.

— А я боялся за вас, сударь, и пошел за вами,— сказал он, когда Филипп подошел к нему,— но, увидев, как вы мирно говорили и потом спокойно пошли за ним, я успокоился. Ну, что, узнали что-нибудь?

Филипп передал свой разговор с графом.

— В таком случае я готов побиться об заклад, что он спрятан во дворце прислугой; он такой любезный и веселый, и, вероятно, какая-нибудь женщина пожалела его. Но как узнать, кто она?

— Почему же женщина? Может быть, то был мужчина,— сказал Филипп.

— Нет,— возразил уверенно Пьер,— наверняка женщина. Мужчина не рискнул бы; для этого нужно нежное женское сердце.

— В таком случае у нас нет надежды найти его,— произнес уныло Филипп.

— Правда, дело трудное, но не совсем безнадежное,— возразил Пьер.— Если позволите, я возьму это дело на себя. Я выдам себя за рабочего без места,— их теперь много,— встану у ворот и буду наблюдать за каждой выходящей оттуда женщиной.

Со следующего утра Пьер занял позицию около ворот. Первые три дня прошли безуспешно, но на четвертый день он вернулся с сияющим лицом.

— Хорошие вести, сударь,— сказал он.— Граф жив, я нашел его.

Филипп вскочил и схватил слугу за руку.

— Слава Богу! А я перестал уже надеяться. Как же ты его нашел?

— Да так, как и ожидал, сударь. Три дня следил я за всеми выходящими и входившими туда женщинами, но все они казались мне не стоящими внимания: одни

хлопотали о нарядах, другие бегали по лавкам, третьи шли на свидания с кавалерами. Но сегодня после обеда вышла молодая женщина с бледным лицом. Она перешла через улицу и тревожно озиралась, как бы опасаясь, не следит ли за ней кто-нибудь. «Вот ее-то мне и надо», — подумал я и пошел издали за ней. Скоро она повернула в переулок, раза два остановилась, заглянула в окна двух-трех лавок и нерешительно пошла дальше. Я, конечно, заметил эти лавки, и нисколько не был удивлен, убедившись, что каждый раз она останавливалась перед аптеками. Наконец, осмотревшись боязливо, она вошла в одну. Я тоже вошел вслед за нею. Увидев меня, она вздрогнула. Я попросил дать мне мази для ран, и продавец дал мне из банки, которую он только что поставил на прилавок. Заплатив деньги, я ушел, а через несколько минут и она вышла. Она шла не торопясь, как бы прогуливаясь, и по временам озиралась украдкой. Очевидно, она получила то, что ей нужно было, и не хотела привлекать к себе внимания скорым возвращением во дворец. Я догнал ее в безлюдном месте. «Сударыня, — сказал я, снимая шляпу, — я друг того господина, для которого вы купили мазь и другие снадобья». Она побледнела, как полотно, но решительно ответила: «Я не понимаю, о чем вы говорите, сударь! Если вы будете приставать к скромной женщине, я позову полицию». «Повторяю, — сказал я, — что я друг господина, для ран которого вы только что купили лекарство. Я слуга его двоюродного брата, рыцаря Флетчера, а вашего больного зовут граф Франсуа де Лаваль». Она взглянула на меня с изумлением и пробормотала: «Откуда вы это знаете?» «Не все ли равно, — ответил я. — Достаточно того, что я это знаю. Мой господин и я приехали в Париж именно затем, чтобы отыскать графа и спасти его. Доверьтесь мне; только тогда мы и сможем выручить его». «А как зовут вашего господина?» — спросила она, все еще сомневаясь. «Филипп», — сказал я. «Слава Богу! — воскликнула она, всплеснув руками. — Когда он был очень болен, то в бреду все говорил о Филиппе. Сам Бог послал вас ко мне. Мне было ужасно трудно». «Пойдемте куда-нибудь в глухое место, — сказал я, — здесь на нас могут обратить внимание».

Через несколько минут мы свернули в глухой переулок, и она рассказала мне следующее:

«Я служу горничной во дворце, и мне поручено было убирать комнату графа де Лавалья. Раза два он видел меня и говорил со мною очень любезно, и я подумала: «Какой добрый господин, и как жалко, что он еретик». Когда наступила та ужасная ночь, нас всех разбудили стоны, крики и звуки мечей. Некоторые служанки в страхе побежали узнать, что такое происходит; в их числе была и я. Проходя мимо комнаты графа де Лавалья, я заглянула в нее. Трое убитых солдат лежали на полу, и рядом с ними граф без признаков жизни. Я бросилась к нему, подняла его голову и брызнула в лицо воды из бутылки, стоявшей на столе. Он открыл глаза и попытался было подняться. «Что случилось, сударь?» — спросила я: «Убийство гугенотов,— сказал он слабым голосом.— Разве вы не слышите набата на улице и шума во дворце? Они вернутся и добьют меня. Благодарю вас за то, что вы сделали для меня, но все это бесполезно». Я спросила его: «Можете вы идти, сударь?» «С трудом»,— ответил он. «Обопритесь на мое плечо»,— сказала я, и с большим трудом провела его по лестнице, по которой почти никто не ходил, на самый верх. Он несколько раз повторял: «Бесполезно, я ранен смертельно», но тем не менее продолжал идти. Я спала в маленькой комнате под крышей с двумя другими служанками, а в конце коридора находился большой чулан, заставленный старую мебелью. В этот чулан я и отвела его и нагромодила перед ним много тяжелой мебели, на случай, если бы его стали искать. Там я сделала ему постель и перевязала, как умела, его раны. Раза два-три в день мне удавалось забегать к нему и приносить ему воду и пищу. Одно время я думала, что он умрет, потому что он целых четыре дня не узнавал меня, а в бреду все звал какого-то Филиппа на помощь. К счастью, он был так слаб, что говорил шепотом. На другой день дворец весь обыскали, но помещения прислуг осмотрели невнимательно, заметив, что мы спим по три, по четыре в комнате и что спрятать там кого-нибудь невозможно, чтобы другие не знали об этом. Заглядывали и в чулан, но я привела там все в такой беспорядок и так тесно заставила тяжелыми

вещами, что обыскивавшим и в голову не пришло посмотреть дальше. Когда они искали в чулане, я находилась в своей комнате, и сердце мое замирало от страха, пока они не вышли оттуда. В последующие десять дней граф немножко поправился, но все четыре раны его до сих пор ужасны и болезненны, хотя уже начинают заживать. Он может уже немного ходить, хотя с трудом. Его легко было бы вывести из дворца в ливрее через вход для прислуги, но для дальней дороги он еще очень слаб; раны его могут открыться, а одна из них около сердца.

— Но что же нам теперь делать, Пьер? — спросил с беспокойством Филипп.

— Завтра вечером, сударь, когда стемнеет, эта женщина выйдет из дворца с господином Франсуа. У нас еще достаточно времени, чтобы найти квартиру, где можно было бы поместить его. Мы должны привести его тайно, так, чтобы никто не знал, что в квартире есть кто-нибудь, кроме нас двоих. Когда он поправится, мы достанем для него такой же костюм, как наши, и уедем.

Найти квартиру на тихой безлюдной улице не представляло никаких затруднений. Дворцовая ливрея была куплена и передана девушке, и Филипп обратился к ней:

— Хорошая девушка, не могу выразить вам словами своей благодарности. Вы рисковали своей жизнью. Ваше доброе дело не останется без награды.

— Мне не нужна никакой награды, — ответила она, — я об этом совсем не думала.

— Знаю, — ответил Филипп. — Скажите, как вас зовут?

— Анна Риоль, сударь.

— Так вот, Анна, в этом кошельке пятьдесят крон. Это все, что я могу дать вам теперь. Но будьте уверены, что графиня де Лаваль при первой возможности пошлет вам сумму, которая будет для вас хорошим приданым, когда вы найдете себе жениха.

В назначенное время Филипп и Пьер стояли в нескольких шагах от подъезда дворцовой прислуги, а вскоре из него показались мужчина и девушка. Затем девушка, смеясь, простилась и ушла обратно во дворец, а мужчина вышел один на площадь. Он сделал несколь-

ко торопливых шагов и споткнулся, но Филипп подбежал к нему и схватил его под руку.

— Ты подоспел вовремя, Филипп,— сказал Франсуа, слабо улыбнувшись.— Я слабее, чем думал, и свежий воздух слишком сильно подействовал на меня. Какая хорошая девушка! Я обязан ей жизнью. Хорошо, что ты приехал за мной, Филипп; ты всегда выручал меня из беды! Благодарю и тебя, Пьер. Но далеко ли нам идти? Предупреждаю, что у меня совсем нет сил.

Несмотря на то, что Франсуа дали для подкрепления хорошего вина и вели его всю дорогу под руки, он дошел до квартиры совсем обессиленный. Раны его перевязали более искусным образом и затем были приняты все меры для восстановления его здоровья.

Через неделю Филипп решил ехать обратно. Переодетые крестьянами, они вышли незаметно из ворот дома, где жили.

В лесу Филипп и Пьер нашли свои платья нетронутыми, помогли Франсуа также надеть другой костюм, а затем, оставив его, пошли в гостиницу за своими лошадьми. Купив у хозяина еще одну лошадь, они вернулись к Франсуа.

Сначала они ехали медленно, увеличивая постепенно переезды по мере восстановления сил молодого графа, и стали торопиться только под конец, чтобы успеть в Ла-Рошель раньше, чем город осадит маршал Бирон.

Они приехали в Ла-Рошель вечером и тотчас отправились в дом Бертрама. Филипп пошел наверх, уговорив Франсуа подниматься не торопясь, чтобы успеть предупредить графиню.

Графиня и Клара, обе в глубоком трауре, сидели в гостиной с дочерью Бертрама. Филипп нежно и радостно поздоровался с ними.

— Мы с Кларой очень беспокоились о тебе, Филипп,— сказала графиня.— Успешно ли исполнил ты поручение?

— Да, тетя, так успешно, как я и не надеялся. Но я должен просить у вас прощения за то, что обманул вас.

— Обманул меня, Филипп! Как же?

— Мое поручение было только предлогом, а на самом деле мы с Пьером побывали в Париже.

Графиня вскрикнула от радости.

— В Париже! И ты говоришь, что поручение исполнил успешно! Что же ты узнал?

— Я нашел его, тетя.

— Хвала Творцу, Он милостив ко мне! — воскликнула графиня и, рыдая, бросилась на грудь Филиппа.

То были первые ее слезы после известия о Варфоломеевской ночи.

— Ободритесь, тетя! — шепнул Филипп и кивнул Кларе головой по направлению к двери.

Клара поняла его и отворила дверь. В комнату тихо вошел Франсуа.

— Мама! — произнес он через силу, и в следующую минуту графиня бросилась с криком радости в его объятия.

На следующий же день королевская армия прибыла к городу и тотчас начала осаду. С маршалом Бироном прибыли герцоги Анжуйский и Алансонский: короля Наваррского и принца Конде также заставили сопровождать его.

Осада шла вяло. Укрепления были сильны и гугеноты не только отражали все приступы, но и наносили большие потери осаждавшим своими смелыми вылазками.

К удивлению осажденных, в лагерь католиков приехал граф де ла Ну с поручением от короля. После сдачи Монса он находился в плену у герцога Альбы и благодаря этому избежал гибели в ночь святого Варфоломея. Во Францию его отпустили под честное слово, с тем, чтобы он доставил назначенный за него выкуп. Король, мучимый угрызениями совести, предложил ему поехать в Ла-Рошель и постараться прекратить военные действия; при этом он уполномочил его сделать гугенотам большие уступки и назначил его губернатором города. Де ла Ну волей-неволей принял это поручение, но с тем условием, чтобы его не обязывали склонять гугенотов к сдаче города, пока им не будут даны гарантии мира и безопасности.

Действия де ла Ну приняли в Ла-Рошели как измену делу гугенотов, и ему не дозволили даже войти в город. После некоторых переговоров власти Ла-Рошели согла-

сились на свидание с ним вне города, но оно не повело ни к чему.

Однако переговоры возобновились через несколько дней. Граф говорил, что у гугенотов нет надежды силой одолеть целую Францию, и что лучше согласиться на мир, чем быть к нему вынужденным; но горожане не считали возможным удовольствоваться только теми гарантиями, которые графу дал король. Убедившись, что де ла Ну по-прежнему верен их делу, граждане приняли его как королевского губернатора Ла-Рошели, с условием, чтобы с ним не входили королевские войска.

Но и после этого переговоры не дали желаемого результата, осада возобновилась, но теперь во главе защитников стал опытный вождь де ла Ну.

Немалой помощью для осажденных служило и то, что многие в католической армии сражались только по чувству долга и были глубоко возмущены событиями Варфоломеевской ночи. И когда Муревель, убийца де Муя, покушавшийся также на убийство адмирала, приехал в лагерь с герцогом Анжуйским, то с ним никто не хотел ни говорить, ни даже идти или стоять рядом, так что герцог вынужден был дать ему назначение в отдаленное приморское укрепление. Герцог Алансонский, совершенно не сочувствовавший событиям Варфоломеевской ночи и к тому же завидовавший герцогу Анжуйскому, задумывал перейти на сторону гугенотов. Король Наваррский, принц Конде и все бывшие с ними также стремились уйти из лагеря, и их приходилось внимательно стеречь. Тем временем де ла Ну, вождь осажденных, свободно посещал враждебный лагерь и старался склонить воюющих к соглашению.

Де ла Ну очень обрадовался, найдя Франсуа и Филиппа в Ла-Рошели,— он их считал погибшими в Варфоломеевскую ночь. В королевском лагере он узнал, что погибшею вместе с отцом считалась и девица де Валькур и что поместья ее уже подарены королем одному из его любимцев.

— Если наше дело восторжествует,— говорил он,— то король, вероятно, возвратит ей часть поместий, но в этом случае он пожелает распорядиться ее замужеством.

— Ни я, ни она не заботимся об этих поместьях,— ответил Филипп.— Мы скоро обвенчаемся и уедем в Англию, хотя бы пришлось пробиваться через весь королевский флот, блокирующий город.

Тем не менее де ла Ну послал королю извещение, что дочь графа де Валькура жива и находится в Ла-Рошели. При этом он заявил также, что пока гугеноты будут в состоянии ставить условия, они будут требовать возвращения всех конфискованных у них земель, и просил короля во имя справедливости вытребовать у владельца поместьями де Валькур приличную сумму за формальный отказ наследницы от них в его пользу.

Через месяц получен был ответ, что для девицы де Валькур передана королю сумма в десять тысяч ливров, если она согласна формально отказаться от прав на поместья ее отца.

Де ла Ну не сообщал Филиппу об этих переговорах, но без его ведома взял у Клары необходимую бумагу и однажды вечером, возвратясь из королевского лагеря, явился к ним с двумя слугами, которые несли за ним небольшой, но тяжелый пакет.

— Я очень счастлив,— сказал он Кларе,— что могу передать вам вот это... Филипп, графиня де Валькур уже не бесприданница; это и не подобало бы дочери старинного благородного французского рода.

Через неделю состоялось венчание сэра Филиппа Флетчера с графиней де Валькур в соборе Ла-Рошели.

Граф де ла Ну, как друг и боевой товарищ отца Клары, был ее посаженным отцом, и все дворяне-гугеноты, находившиеся в городе, присутствовали на этой свадьбе.

Три недели спустя осажденные отбили жестокий приступ на бастион Евангелия, и после этого осада затянулась надолго вследствие громадных потерь осаждающих.

Тем временем из Англии прибыл в Ла-Рошель с подкреплениями граф Монгомери. Де ла Ну передал ему командование и покинул город. Вслед за тем принц Анжуйский получил польскую корону и уехал из лагеря со множеством дворян в свое новое королевство. Оставшаяся перед городом королевская армия была так слаба, что осада на деле уже почти совсем прекратилась, и так

как блокировавший город королевский флот тоже ушел, то Филипп с женою, в сопровождении Пьера, сели на корабль, отплывавший в Англию.

— Быть может, и мне с Франсуа придется переехать к вам в Англию,— прощаясь, сказала графиня,— но я это сделаю тогда, когда наше дело будет проиграно окончательно. Я еще не теряю надежды, что мы добьемся свободы нашей веры; ходят слухи, что король сошел с ума, герцог Анжуйский царит в Польше, а герцог Алансонский бездетен. Все это подает надежду, что королем Франции будет Генрих Наваррский, а если это случится, во Франции настанут наконец мир и веротерпимость.

Предупрежденный дядей, Филипп проехал с женой прямо в свои новые поместья, где его встретили все родные и Пьер, уехавший вперед из гавани, чтобы известить о прибытии своего господина.

Все дворяне округа были заранее приглашены Вальяном в замок Филиппа на праздник по случаю его приезда; таким образом Филипп сразу завязал дружеские отношения с соседями.

— Наш замок — маленький домик в сравнении с замком Валькур, Клара,— сказал Филипп, когда они подъезжали к дому.

— Очень красивый замок, Филипп,— ответила она.— Да я была бы довольна, если бы он был просто хижинкой. Какое счастье знать, что для нас окончились все ужасы войны, и что мы можем свободно и открыто исповедовать нашу веру!

Приданое Клары пошло на увеличение поместий, и Филипп сделался одним из самых богатых землевладельцев округа. Он не участвовал более в войнах, за исключением той, когда испанская армада угрожала свободе и религии Англии. Тогда он поступил волонтером на один из кораблей Дрэйка и участвовал в ожесточенной битве, которая навсегда освободила Англию от ига Рима и немало способствовала независимости протестантской Голландии, а также утверждению Генриха Наваррского на престол Франции.

Графиня де Лаваль и ее сын приезжали в Англию два-три раза, чтобы посетить Филиппа и родных. Франсуа сражался при Иври и участвовал во многих других

сражениях, происходивших перед восшествием Генриха Наваррского на трон Франции, и остался навсегда при дворе.

Вскоре после приезда Франсуа в Ла-Рошель графиня послала спасшей его девушке такую сумму денег, благодаря которой та сделалась одной из самых богатых невест в Париже и вышла замуж за состоятельного фермера.

Филипп назначил пенсию четырем ратникам, разделявшим с ним его походы и опасности, и они поселились в своей родной Гаскони.

Пьер навсегда остался на службе у Филиппа.

Он сделался любимцем детей Филиппа и Клары, которые никогда не уставали слушать его рассказы о приключениях, пережитых им и их отцом и матерью во время религиозных войн во Франции.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНТАХ

С. УЭЙМАН

ВОЛЧЬЕ ЛОГОВО
ЭПИЗОД ИЗ ВАРФОЛОМЕЕВСКОЙ
НОЧИ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

Глава I

БЕРЕГИСЬ ВОЛКА!

У меня было слишком много причин, чтобы запомнить события этого жаркого летнего дня. Мари и Круазет, мои братья, и я лежали, наблюдая за облаками, а неподалеку от нас, на террасе, сидела Катерина.

Август, второй четверг этого месяца; очень жарко, так что даже галки приутихли. Я уже стал засыпать, когда раздался голос Круазет, переносившего жару не хуже любой ящерицы.

— Мадемуазель,— сказал он,— почему вы так пристально смотрите на Кагорскую дорогу?

Я повернулся к Катерине. И что же! Лицо ее покрылось румянцем и обращенные теперь на нас чудные глаза были полны слез. Мы приподнялись на локтях и смотрели на нее. Она долго молчала. Потом сказала нам совершенно просто:

— Мальчики, я выхожу замуж за месье де Паван.

Я повалился на спину и раскинул руки.

— О, мадемуазель!

— О, мадемуазель,— повторил за мною Мари. Он также упал на спину, раскинул свои руки и застонал. Мари был добрый и послушный брат. И маленький Круазет также закричал:

— О, мадемуазель!

Но он был такой смешной. Он повалился на спину, хлопнул себя руками и завизжал, как поросенок. Но это

был догадливый мальчик. Он первый из нас вспомнил о заведенном порядке в таких случаях; он подошел к Катерине со шляпою в руке, в то время как она сидела полусмущенная, полусердитая, и обратился к ней, слегка покраснев, с такими словами:

— Мадемуазель де Кайлю, кузина наша, позвольте вам пожелать всяких радостей и долгой жизни; мы ваши верные слуги, добрые друзья и союзники месье де Паван во всех ссорах с его врагами, как...

Но тут я уж не мог выдержать.

— Не спешите, Сент-Круа де Кайлю,— сказал я, отталкивая его (он всегда забежал вперед в то время) и занимая его место. Потом, с самым изысканным поклоном, я начал:

— Мадемуазель, мы желаем вам всяких радостей и долгой жизни, мы ваши верные слуги и добрые друзья и союзники месье де Паван во всех его ссорах с врагами, как, как...

— Как подобает членам младшей линии вашего дома,— подсказал вполголоса Круазет.

— Как подобает членам младшей линии вашего дома,— повторил я. После этого Катерина встала и низко поклонилась мне, и мы все по очереди целовали ее руку, начиная с меня и кончая Круазет, как того требовало приличие. Потом Катерина закрыла лицо платком,— она плакала, а мы все сели на прежнее место.

Но Круазет не мог угомониться.

— Что-то скажет Волк? — прошептал он мне.

— Да, конечно! — воскликнул я.— Что-то скажет Видам, Кит?

При этом вопросе она выронила платок и так побледнела, что я раскаялся в своих словах.

— Дома ли месье де Безер? — спросила она.

— Да,— отвечал Круазет.— Он вернулся прошлым вечером с маленькою свитою.

Эта новость, видимо, успокоила ее, вместо того, чтобы усилить ее тревогу, как я ожидал. Я полагаю, что она беспокоилась более за Луи де Паван, чем за себя. Да это и понятно, потому что даже у Волка вряд ли хватило бы жестокости чем-нибудь повредить нашей кузине. Ее тонкая, стройная фигура, бледное, овальное лицо с

кроткими, карими глазами, ее нежный голос, ее доброта — все это казалось нам тогда идеалом женской прелести. С тех пор, как мы себя помнили, включая и младшего из нас, Круазет, которому минуло семнадцать (он был годом моложе нас с Мари, бывших близнецами), мы были всегда влюблены в нее.

Это было лето 1572 года. Между католиками и гугенотами был только что заключен мир; в ознаменование этого события через день или два должен был праздноваться брак Генриха Наваррского с Маргаритою де Валуа, сестрою короля, что должно было, как надеялось большинство французов, закрепить мирное соглашение. Виконт де Кайлю, отец Катерины и наш опекун, был одним из губернаторов провинций, которым было поручено следить за водворением этого мира; он пользовался большим уважением обеих партий: он был католик, но не фанатик, упокой Господь его душу! Уже с неделю перед тем он отправился в Байону, свою провинцию. Большая часть наших соседей в Керси также были в отъезде, отправившись в Париж в качестве свидетелей с той или с другой стороны, при королевском браке. Таким образом, мы, молодежь, мало стесняемые присутствием добродушной и сонливой мадам Клод, гувернантки Катерины, пользовались нашею свободой и праздновали вновь заключенный мир по-своему.

Мы постоянно жили в деревне. Никто из нас не бывал даже в По, не только что в Париже. У нашего опекуна, виконта, имелись свои весьма строгие взгляды на воспитание юношества; и хотя нас выучили ездить верхом и стрелять, владеть шпагой и спускать сокола на охоте, но мы не более Катерины были знакомы со светом.

Она выучила нас танцевать и кланяться. Близость ее много способствовала к смягчению наших манер, а за последнее время мы кое-что приобрели в обществе Луи де Паван, — гугенота, которого виконт взял в плен при Монконтуре и который жил у нас до своего выкупа, — уж не походили совсем на деревенщину; но мы были очень застенчивы и потому не любили и боялись незнакомых людей. Так что, когда появился наш мажордом, старый Жиль, и объявил замогильным голосом:

— Месье Видам де Безер желает засвидетельствовать

свое почтение мадемуазель! — нас охватил почти панический страх.

— Едва мы успели вскочить на ноги, как тень Видама уже упала перед Катериной.

— Мадемуазель! — сказал он, приближаясь к ней, освещенный ярким солнцем и склоняясь, с прирожденною величественной грацией, над ее рукою, — я вернулся поздно вечером из Тулузы, а завтра еду в Париж. Я только что успел немного отдохнуть и смыть с себя следы дороги и спешу принести вам мои... А!

Он, по-видимому, только что заметил нас и прервал свое приветствие, выпрямившись и небрежно обращаясь к нам:

— А, две молодые барышни Кайлю. Отчего вы не засадите их за прялку, мадемуазель?

Круазет делал страшные гримасы за его спиной. Мы гневно смотрели на него, но не нашли, что сказать.

— Вы покраснели! — продолжал этот злодей улыбаясь. — Вероятно, вы оскорбились, что я просил мадемуазель засадить вас за прялку? Так знайте же, что я сам готов прясть по приказанию мадемуазель и сочту это за большое счастье.

— Мы не девочки, — пробурчал я и вся кровь бросилась мне в лицо, — вы не посмели бы назвать девочкой моего крестного, де Монморенси, месье де Видам!

Хотя мы и шутили между собою над нашими женскими именами, но были еще настолько молоды, чтобы обижаться, когда то же самое позволяли себе другие.

Он презрительно пожал плечами. И какими ничтожными почувствовали мы себя в то время, как его громадная фигура возвышалась над террасой!

— Месье де Монморенси был мужчина, — сказал он небрежным тоном, — а месье де Кайлю...

При этом нахал преспокойно повернулся к нам спиной и сел на низком парапете около Катерины.

При всем нашем тщеславии нам было ясно, что он считает совершенно излишним вступать в какие-либо разговоры с нами...

Это был громадного роста человек; обстриженная клином борода, только что вошедшая в моду при дворе, совсем не подходила к его мужественной фигуре; его се-

рые глаза отличались каким-то леденящим взглядом, может быть, из-за небольшой косины.

В манере его замечалась какая-то суровая вежливость; прибавьте к этому жесткий, повелительный голос, не допускавший никаких противоречий. Все это вместе взятое, при отталкивающем виде этой гигантской фигуры, действовало подавляющим образом.

Чего стоила уже одна эта молва, ходившая про него! Хотя мы мало были знакомы с разными проявлениями людской злобы, но имя его всегда соединялось с доходившими до нас рассказами о разных преступлениях. Мы слышали о нем, как о самом наглом дуэлисте и что он часто пользовался услугами наемных убийц. Даже в те дни, которые теперь, слава Богу, миновали, он славился своей жестокостью и мстительностью и имя его часто проносилось шепотом при рассказе о каком-нибудь убийстве.

Про него сложилась поговорка, что он «не уступит перед Гизом и не покраснеет перед Самой Пресвятой Девой».

Таков был наш гость и сосед, Рауль де Мар, Видам де Безер. В то время как он сидел на террасе, говоря любезности Катерине и взглядывая искоса на нас, мне казалось, он походил на большого кота, пред которым, ничего не подозревая, порхала красивая бабочка.

Бедная Катерина! Она, по-видимому, лишилась голоса и едва отвечала, запинаясь, разговор не клеился. Видам также не был из таких людей, чтобы задавать себе излишние беспокойства в такой жаркий день. После одной из более продолжительных пауз в разговоре, я вздрогнул, почувствовав, что взгляд его остановился на мне. Ужас мой еще увеличился, когда я заметил во взгляде Видама особое выражение, которого я не замечал прежде. Это было выражение боли, какое-то беспокойство. Он медленно перевел свой вопросительный взгляд на Мари и потом глаза его остановились на Катерине. Но по какой-то случайности или по воле самого Провидения, ее внимание было отвлечено чем-то другим и она не сознавала его пристального взгляда. Ее глаза были устремлены вдаль, она вся покраснела, губы были полуоткрыты. Мрачная тень пробежала по лицу Видама, он отвел от

нее глаза и также стал смотреть по направлению к северу.

Замок Кайлю стоит на крутой скале, посреди узкой долины того же имени.

Город гнездится у подножия скалы так близко к нему, что мальчиком мне случалось перебрасывать камень через крыши домов. Ближайшие холмы подымаются по обеим сторонам, выдвигаясь своим более темным цветом над окружающими их зелеными полями по берегам ручья. С террасы замка можно разглядеть всю долину и извивающуюся по ней дорогу.

Глаза Катерины были устремлены к северной оконечности этой ложбины, где к ней спускается большая дорога из Кагора. Все время с полудня лицо ее было обращено в этом направлении.

Я также стал смотреть в эту сторону. Какой-то одинокий всадник спускался с крутых холмов.

— Мадемуазель! — внезапно воскликнул Видам таким голосом, что мы все взглянули на него, а лицо Кит покрылось смертельной бледностью. В этом голосе было нечто такое, чего она не слышала прежде, точно ее кто ударил. — Мадемуазель, — продолжал он тоном грубой насмешки, — ждет, вероятно, известий из Кагора от своего жениха. Имею честь поздравить месье де Паван с победой!

Он угадал верно! Как только раздались эти обидные слова, я вскочил на ноги, возмущенный ими, но в то же время пораженный его удивительным зрением и сообразительностью. Он, видимо, разглядел на этом расстоянии цвета фамильной ливреи Паванов.

— Месье де Видам, — воскликнул я с негодованием, Катерина вся бледная не произносила ни слова, — месье де Видам... — но тут я остановился в затруднении. За ним я видел фигуру Круазета, и с его стороны не было заметно никаких признаков одобрения или поддержки.

Так мы стояли несколько времени, лицом к лицу, не говоря ни слова. Потом Видам поклонился мне совершенно по-новому.

— Месье Ан де Кайлю желает отвечать за месье де Паван?

Я угадал смысл его слов. Что-то как будто подтолкнуло меня и я отвечал ему:

— Нет, не за месье де Паван, но скорее за мою кузину.— Тут я поклонился и продолжал,— от ее лица я принимаю ваше поздравление, месье де Видам. Ей приятно, что добрые пожелания первыми исходят от нашего ближайшего соседа. Вы верно угадали, что она скоро выходит замуж за месье де Паван.

Я думал — и в этом убеждает меня изменившееся выражение лица гиганта, и его дрогнувшие губы,— что его слова были вызваны одной догадкой. Казалось, взгляд самого дьявола на мгновение сверкнул в его глазах.

— Мадемуазель желает услышать мои поздравления? — сказал он медленно, как бы с трудом выговаривая каждое слово.— Она действительно услышит их, когда наступит счастливый день. В этом она может быть уверена. Но теперь бурное время. И, если я не ошибаюсь, жених мадемуазель гугенот и отправился в Париж. Воздух Парижа, как я слышал, не особенно полезен теперь для гугенотов.

Я видел, что Катерина вздрогнула и была готова лишиться чувств. Мой гнев восторжествовал над боязнью и нерешительностью, и я грубо перервал его следующими словами:

— Будьте уверены, что месье де Паван сумеет позаботиться о своей безопасности.

— Может быть,— отвечал Безер.— Но, во всяком случае, это будет памятный день для мадемуазель... когда она услышит от меня первое поздравление... Она будет помнить его во всю свою жизнь! Да, за это уж я отвечаю, месье Ан,— продолжал он, сверкнув на нас своими косыми глазами,— я уверен, что мадемуазель никогда не позабудет этого дня!

Невозможно описать тот демонский взгляд, который он бросил, уходя на полуживую девушку. Кит вся в слезах вошла в дом, достаточно наказанная за свое невинное кокетство, если такое было; а мы трое посматривали друг на друга с вытянутыми лицами.

Не подлежало сомнению, что мы приобрели теперь злейшего врага в самом близком соседстве.

— Хорошо, если бы виконт был здесь,— сказал Круа-

зет в заключение нашего неприятного разговора о возможных последствиях всего этого.

— Или хотя бы наш кастелян Малин,— прибавил я.

— От него было бы мало толку,— отвечал Круазет,— а кроме того, он в Сант-Антонен и раньше недели не вернется. Отец Пьер также в Альби.

— Как ты думаешь,— сказал Мари,— не нападет он теперь на нас?

— Конечно, нет,— ответил пренебрежительно Круазет.— Даже Видам не посмеет сделать этого в мирное время. А кроме того, у него здесь не более десяти человек, и если считать старого Жиля, то нас будет не меньше. Паван всегда говорил, что три человека легко могут защищать въездные ворота против двадцати. Нет, он не решится на это!

— Конечно,— согласился я.

Но тут меня прервала Катерина. Она быстрыми шагами вышла из дому и имела теперь совсем другой вид; лицо ее горело от гнева; слез и следа не было.

— Ан! — сказала она повелительным тоном.— Посмотри, что там делается внизу?

Мне стоило только подойти к парапету, чтобы увидеть весь город. В такой жаркий, летний день в городе обыкновенно было тихо. Если бы мы не были так заняты собственными делами, то давно заметили бы некоторые признаки начинавшегося волнения внизу, шум которого теперь уже явственно доносился до нас. Мы могли видеть в конце улицы часть дома Видама, мрачную квадратную постройку, доставшуюся ему от матери. Его наследственный замок Безер находился далеко, во Франшконтэ, но за последнее время (и Катерине, вероятно, лучше была известна причина этого) он почему-то отдавал предпочтение этому жалкому жилищу в Кайлю. Это был единственный не принадлежавший нам дом в городе. Он был известен под названием «Волчьего логова» и представлял из себя мрачного вида каменную постройку, окруженную двором. По сторонам его окон виднелись высеченные из камня волчьи головы, вечно скалившие свои зубы на противоположную церковную паперть.

Посмотрев в этом направлении, откуда доносился шум, мы увидели фигуру самого Безера, высунувшегося

со смехом из окна. Причиною его веселости, как мы тотчас заметили, был всадник, подымавшийся не без затруднения в верх по крутой улице. Он сдерживал свою лошадь и отбивался от небольшой толпы оборванцев, преследовавших его ругательствами и бросавших в него камни и комки грязи. Человек этот обнажил свою шпагу, и до нас доносились его возгласы, перемешанные с пронзительными криками толпы, заглушенные стуком копыт испуганной лошади. В эту минуту брошенный камень ударил его в лицо, которое залилось кровью, и мы услышали громкие проклятия.

— О, мое письмо! — воскликнула Катерина, сжимая руки, — они отнимут у него мое письмо!

— Проклятие! — воскликнул Круазет, — она права! Это посланный от месье де Павана. Мы должны разогнать их, этого нельзя допустить, Ан!

— Они дорого заплатят за это, клянусь Пресвятой Девой! — воскликнул я. — Да еще в мирное время... Негодяи! Жиль! Франциск! — кричал я. — Сюда, ко мне!

Я стал искать мое ружье, между тем, как Круазет вскочил на выступ террасы, и приложив руки ко рту, кричал во всю мочь:

— Прочь! Он везет письмо от виконта!

Но эта попытка ни к чему не привела, а я не находил своего ружья. С минуту мы были совсем беспомощны, и прежде чем я успел вынести свое ружье из дому, всадник, с преследующею его толпой, повернули за угол и скрылись за крышами домов.

Но при следующем повороте они должны были уже приблизиться к воротам замка, и я поспешил вниз к подъездной дороге. Я остановился на минуту, приказав Жилью собрать наших слуг, и в это время Круазет успел уже выйти на узенькую улицу. В то время, как я следовал за ним, меня чуть не сшибла с ног испуганная лошадь всадника, лицо которого было покрыто кровью и залеплено комьями грязи. Он ничего не мог видеть, я отскочил в сторону, чтобы его пропустить; тут я заметил, что Круазет, — бравый мальчуган! — схватил за шиворот одного из бродяг и колотил его эфесом своей шпаги; между тем как остальные из толпы остановились, несколько

опешившие; но глаза их метали грозные взгляды. Опасный народ, подумал я, и большею частью не горожане.

— Долой гугенотов! — заревел один из них, показавшийся мне смелее других.

— Прочь вы, каналы! — крикнул я в ответ, окидывая грозным взглядом это разбойничье сборище. — Как вы смеете нарушать королевское перемирие, презренные твари! Убирайтесь по свсім конурам!

Едва были произнесены эти слова, как я увидел, что человек, на которого напал Круазет, выхватил кинжал. Я закричал, чтобы предупредить его, но было поздно. Лезвие опустилось; но, благодарение Богу, конец его ударился о пряжку на кушаке и скользнул в сторону, не причинив вреда. Я увидел, как сталь опять заблестела в воздухе... злоба была в глазах этого человека, но прежде, чем опустилось оружие, он был пронзен насквозь лезвием моей шпаги. Он повалился, как сноп, увлекая за собой Круазета, за которого ухватился своими коческшими пальцами.

Я до тех пор никогда не убивал человека и не видел смерти; и мне, наверное, сделалось бы дурно, если бы я успел подумать о том, что сделал. Но думать было некогда. На нас напирала толпа с рассвирепевшими лицами. Опустив глаза, я увидел, что противник мой был мертв. Наступив ногою на труп, я закричал безумным голосом:

— Собаки! Сволочь! Прочь по своим норам! Как вы смеете подымать руку на Кайлю! Прочь... а не то, по возвращении виконта, дюжина из вас будет висеть на рыночной площади!

Должно быть, у меня был свирепый вид... Страх я не чувствовал, а только незнакомое мне возбуждение. Они подались назад. Неохотно, заминаясь, но толпа стала расходиться, последними были люди из шайки Безера, к числу которых принадлежал, как я догадался, и убитый мною человек. Я продолжал стоять на одном месте, устремив на них гневный взгляд, пока улица не опустела, и последний человек не скрылся за углом.

Тогда я повернулся и увидел Жиля, с полдюжиною наших слуг, стоявших с бледными лицами позади меня. Круазет схватил мою руку.

— О, сеньор! — воскликнул Жиль прерывающимся голосом.

Но я взглянул грозно на него и оттолкнул Круазета.

— Подымите эту пададь,— сказал я, прикасаясь к трупу ногой,— и повесьте его на этом дереве. Потом ворота на запор! И поворачивайтесь скорее!

Глава II

УГРОЗА ВИДАМА

Круазет рассказывал мне потом историю о том, что делалось со мною в эту ночь, сам я ничего не помню...

Мне все это казалось страшным сном.

Он уверял, что ночью я поднялся с моего тюфяка (как старший я спал один, а он с Мари помещались на другом тюфяке вместе, в той же комнате), пришел к нему и разбудив его, умолял его со слезами и весь трясясь, не оставлять меня одного.

Так я и проспал на его тюфяке до утра.

Но, как я уже сказал, я ничего не помню из этого: мне только казалось, что я видел какой-то страшный сон в эту ночь; и, проснувшись, я нашел себя на одном тюфяке вместе с Круазет и Мари; так, что я не могу утверждать, случилось ли все то, что он рассказывал.

Во всяком случае, если меня и мучила совесть, то это продолжалось недолго; напротив, мне льстило то новое уважение, с которым теперь Жиль и другие слуги относились ко мне.

Я не знаю, что думала Катерина о случившемся. Она получила свое письмо и, по-видимому, успокоилась. Мы ее почти не видели.

Мадам Клод была занята приготовлением трав и лечением раненого посланца. Поэтому было совершенно естественно, что первенство в замке выпало на мою долю.

Не могло быть сомнения (по крайней мере мы были уверены в этом), что нападение на посланного с письмом было сделано по наущению самого Видама. Еще казалось удивительным, что он не зарезал его, чтоб захватить письмо.

Но вспоминая эти времена, мне кажется, что тогдашним людям нравилось вносить игривость в самые возмутительные зверства; это было время религиозных войн, когда возбуждаются самые ужасные страсти.

Тогда казалось малым убить своего врага: с его отрезанной головой играли, как в мячик (я ничего не прибавляю), а сердце бросали собакам.

И без сомнения, Видаму с его диким юмором пришла фантазия, чтобы принесший первое любовное письмо Павана явился к невесте весь окровавленный и залепленный грязью. Свалка у самых наших ворот также входила в его план, как оскорбление нашему дому.

Вряд ли на Видама могли хорошо подействовать успокоительная развязка всей этой истории и заслуженное наказание, которому и подвергся от моей руки один из его людей. Поэтому мы тщательно осмотрели все запоры, укрепления и окна, хотя замок был неприступен, так как стоял на скале, спускавшейся крутым обрывом на глубину двадцати футов. Ворота, как показал нам Паван, можно было взорвать порохом, но мы сделали все приготовления, чтобы вовремя закрыть железную решетку, преграждавшую путь на половине подъездной дороги. При этом даже, если бы неприятелю и удалось ворваться через ворота, то он только очутился бы в узкой ловушке, обстреливаемой с боковых стен и спереди. У нас были две кулеврины, небольшие пушки, которые виконт захватил двадцать лет тому назад в битве при Сент-Квентине. Мы поставили одну из них напротив ворот, а другую на террасе, откуда могли навести ее, по желанию, на дом Безера, находившийся в нашей власти. В действительности мы не ждали нападения. Но мы также не знали, что могло случиться и были готовы ко всему. У нас не оставалось и десяти слуг, так как виконт взял до двадцати самых надежных людей с собою в Байону. На нас, таким образом, лежала громадная ответственность. Наша главная надежда заключалась в том, что Видам поспешит с отъездом в Париж и отложит свое мщение; и потому время от времени бросали беспокойные взгляды на Волчье логово, в ожидании увидеть там какие-нибудь признаки скорого отъезда.

Поэтому я был страшно поражен, когда Жиль с ис-

пуганным лицом появился на террасе и объявил, что месье де Видам у ворот и желает видеть мадемуазель.

— И думать нечего допускать его к ней,— добавил старый слуга, в раздумье почесывая голову.

— Без сомнения. Я сам выйду к нему,— отвечал я решительно.— Поставь Франциска с другим человеком у ворот, Жиль. А ты, Мари, будь поблизости. Круазет пусть останется со мной.

Все эти приготовления заняли одно мгновение, и я встретился с Видамом.

— Мадемуазель де Кайлю,— сказал я с поклоном,— к сожалению, не совсем здорова сегодня, Видам.

— Значит, она не примет меня? — сказал он, взглянув на меня весьма неласково.

— Нездоровье лишает ее этого удовольствия,— отвечал я с большим усилием.

Поистине это был удивительный человек: при виде его вся моя храбрость уходила куда-то, должно быть, в пятки.

— Значит, она не желает принять меня. Хорошо,— повторил он, как будто и не слышал, что я сказал. И эти простые слова звучали точно смертный приговор.— Теперь, месье Ан, я должен поговорить с вами. Какое удовлетворение намерены вы предложить мне за смерть моего слуги? Это был скромный, тихий человек, которого вы убили вчера, бедняк только слишком увлекся своею преданностью истинной вере.

— Я его убил потому, что он обнажил кинжал на месье Круа де Кайлю у самых ворот дома виконта,— отвечал я решительным тоном. Я уже заранее приготовился к этому ответу.— Вам известно, месье де Безер,— продолжал я,— что виконту предоставлено право на жизнь и смерть всех, живущих в этой долине?

— За исключением моего дома,— прибавил он спокойным тоном.

— Совершенно верно, пока ваши люди находятся за стеною вашего дома,— возразил я.— Но так как наказание последовало неожиданно, и человек не имел времени покаяться, то я готов...

— Что?

— Заплатить отцу Пьеру за десять поминовений по его душе.

Я был страшно поражен тем неожиданным впечатлением, которое произвели эти слова. Видам разразился громким смехом.

— Клянусь Пресвятой Девой, любезный друг,— воскликнул он, продолжая смеяться,— уж и потешили же вы меня. Вот так шутник! Поминовения? Да ведь убитый был протестант!

Эти слова поразили меня более всего. Казалось, что этот человек с его кощунствующим смехом совсем не походил на других людей. При выборе своих последователей, он не считался с их верой. Он знал, что по его приказу гугенот будет готов убить своего единове́рца, а католик прокричать лозунг гугенотов «Да здравствует Колиньи!».

Я был так ошеломлен его словами, что не находил ответа и меня выручил Круазет.

— Как же объяснить, месье де Видам, его преданность истинной вере?

— Истинная вера для моих слуг,— отвечал тот,— моя вера.— Потом у него, по-видимому, блеснула новая мысль.— А что важнее всего,— продолжал он медленно,— не пройдет и десяти дней, как в этом убедятся многие тысячи. Запомните мои слова, мальчуган! Это вам пригодится. А теперь вот что,— продолжал он своим обыкновенным тоном,— я не прочь сделать приятное соседу. Я не желал доставлять вам беспокойство, месье Ан, из-за моего канала. Но мои люди будут ждать какого-нибудь вознаграждения. Выдайте мне эту зловредную тварь, бывшую причиной всей свалки, чтобы я мог его повесить. Тогда мы будем квиты.

— Это невозможно,— отвечал я с напускным хладнокровием. Разве я мог выдать посланного Павана? Никогда!

Он взглянул на меня с такой улыбкой, что я почувствовал себя весьма неловко.

— Не придавайте большого значения одному удачному удару, молодой сеньор,— сказал он шутливо, покачивая головою.— В ваши годы мне приходилось драться

уже с дюжину раз. Однако должен ли я понимать, что вы отказываете мне в удовлетворении?

— Предлагаемым вами способом, конечно, — отвечал я. — Но...

— Однако! — воскликнул он с грубой насмешкой, — дело прежде всего! Безер, конечно, получит свое удовлетворение и в свое время, будьте уверены в этом. И, конечно, не от такого неоперившегося цыпленка. Это к чему? — И при этих словах он ткнул ногой стоявшую на террасе кулеврину, незамеченную им раньше. — Вот что! Понимаю, — продолжал он, бросив на нас пронизательный взгляд. — Вы ждали осады! Эх, вы, ротозеи, вы и забыли, что из вашей кухни идет спуск над крышею лавки старого Фрэти! Я готов прозакладывать себя, что он открыт! Неужто вы воображаете, что я подступил бы с этой стороны, пока найдется хоть одна лестница в Кайлю! Уж не воображаете ли вы, что старый волк превратился в барана?

С этими словами он повернулся к нам спиной и пошел с гордым, торжествующим видом.

И действительно он мог торжествовать. Мы стояли, как пораженные громом, стыдясь взглянуть друг на друга. Разумеется, спуск был открыт. Мы вспомнили теперь об этом и были до того уничтожены сознанием его превосходства, что я даже забыл проводить его до ворот, как того требовала вежливость.

— Это сам воплощенный дьявол, — воскликнул я с негодованием, ходя в нетерпении взад и вперед и потрясая кулаками по направлению Волчьего логова. — Мне кажется, я ненавижу его пуще прежнего!

— Я также, — сказал Круазет спокойно. — Но гораздо важнее, что он нас тоже ненавидит. Во всяком случае следует закрыть спуск.

— Постой минутку! Посмотри-ка, что там делается внизу.

— Честное слово, ведь он, кажется, собирается покинуть нас! — воскликнул Круазет.

Внизу действительно слышался шум лошадиного топота. Несколько всадников выезжали из ворот Волчьего логова, и сквозь чистый утренний воздух до нас доносились звуки их голосов и бряцанье уздечек. Последним

выехал лакей Безера. Через седло его была перекинута пара туго набитых дорожных мешков, при виде чего мы не могли удержаться от радостного восклицания.

— Он уезжает! — пробормотал я, едва доверяя своим глазам.— Он, конечно, уезжает!

— Подожди,— отвечал сухо Круазет.

Но я был прав. Нам не пришлось долго ждать. Видам действительно уезжал. Вслед затем мы увидели его самого; Видам сидел на сильной, серой лошади, и у его седла виднелись пистолеты. Его мажордом бежал около него, выслушивая, вероятно, последние приказания. Калека, привлеченный этой суетою, покинул свое обычное место у церковной паперти и протянул руку за милостынею. Видам, проезжая мимо, хлестнул его плетью по лицу, и до нас донеслись его ругательства.

— Будь он проклят! — воскликнул в праведном негодовании Круазет. Но я не сказал ничего, вспомнив, что этот нищий пользовался особенным покровительством Катерины.

Мне пришел на память случай, бывший незадолго до того, когда в бытность виконта дома, у нас устроилась большая соколиная охота на пари. Безер и Катерина ехали тогда вместе; при этом Катерина подала нищему монету, а Безер швырнул ему весь свой выигрыш. Сердце мое сжалось при этом воспоминании. Но ненадолго. Он все-таки уехал или собирался уехать. Мы стояли безмолвные, провожая маленькую кавалькаду из семи всадников, двигавшуюся к северу по белой дороге, пока наконец они не стали подыматься по крутой, горной дороге, ведущей в Кагор, а затем и в Париж.

После этого с радостным криком мы бросились в замок.

— Он удрал! Он уехал в Париж! И пусть его преследуют всякие неудачи!

Но ожидаемого нами ответа со стороны присутствующих дам не последовало. Когда мы, несколько сконфуженные, посмотрели на Катерину, она, вся бледная, глядела на нас большими полными презрения глазами.

— Глупые вы, глупые,— только сказала она.

Эта добрая, кроткая Катерина назвала нас дураками! Я ничего не мог понять и в смятении обратился к Круа-

зету. Он смотрел на Катерину испуганными глазами, а мадам Клод тихо плакала в своем углу. Меня охватило тяжелое предчувствие предстоящей беды.

— Глупые,— повторила наша кузина с горечью.— Уж не думаете ли вы, что он мог унизиться до мщения вам? Или что он мог бы повредить мне, оставшись здесь? О! Он мужчина! Он понимает! — воскликнула она, гордо подымая голову.— А вы что — мальчишки! Разве вы можете это понять!

Я смотрел, пораженный, на эту раздраженную женщину. Мне было трудно представить, что это наша кузина. В это время Круазет сделал шаг вперед и поднял что-то белое, валявшееся у ее ног.

— Да, прочтите это! — воскликнула она.— Прочтите! О! Зачем вы не убили его? Зачем вы не воспользовались случаем? Ведь вас было трое против одного! Вы могли убить его и не сделали этого! Теперь он убьет меня!

Через плечо Круазета я прочитал письмо. Оно началось так, без всякого обращения: «У меня есть неотлагательное дело в Париже, мадемуазель, касающееся столько же вас, как и меня... Я должен увидеть Павана. Он отдал вам свое сердце; оно принадлежит вам, и поэтому я доставлю его вам вместе с его правой рукой, которую он также отдал вам... В этом я ручаюсь своим словом».

Письмо было без подписи и написано какою-то красною жидкостью... Может быть, кровью... Какая низкая, жалкая выходка!

На адресе написано грубым почерком «Мадемуазель де Кайлю». На конверте печать с гербом Видама — волчьей головой.

— Негодяй! Презренный негодяй! — воскликнул Круазет. Он первый прочел письмо и понял его смысл. Глаза его наполнились слезами, но это были гневные слезы.

Меня также охватило страшное негодование. Я был весь как в огне, поняв жестокость этого человека.

— Кто доставил это письмо? — воскликнул я.— Кто подал его мадемуазель? Как оно попало в ее руки? Отвечайте же!

Одна из горничных со слезами пролепетала, что пись-

мо дал ей Франциск, для передачи мадемуазель.

Видам, без сомнения, захватил это письмо с собой в уверенности, что его не впустят. Уходя через ворота, он решил воспользоваться, представившимся случаем и, наверное, отдал письмо Франциску, прибавив к нему какую-нибудь мелкую монету.

Мы молча переглянулись с Круазетом, сообразив все это.

— Он будет ночевать сегодня в Кагоре,— сказал я мрачно.

— Я не думаю так,— отвечал тихим голосом мальчик, отрицательно покачав головою.— У него свежая лошадь и мне кажется, он будет продолжать путь. Он привык скоро путешествовать. А теперь, когда...

Я кивнул головою, хорошо понимая, что он хотел сказать далее.

Катерина опустилась на стул и склонила голову на руки, беспомощно распростертая на столе. Услышав эти последние слова, или под влиянием какой-нибудь новой мысли, она вскочила. Лицо ее подергивало, фигура вытянулась, как будто она испытывала физическое страдание.

— О, я не могу долее выносить этого! Неужто никто ничего не сделает? Я сама поеду к нему! Я скажу ему, что откажу Павану! Я сделаю все, все, что он захочет, только бы он пощадил его!

Круазет с рыданиями выбежал из комнаты. Для нас были просто невыносимы страдания Кит, и мы не могли ничем успокоить ее. Мы все понимали угрозу, которая заключалась в письме. Под влиянием междоусобных войн и религиозной вражды, а может быть и благодаря господству итальянских взглядов, соотечественники мои как будто превратились в диких зверей. Творились еще более ужасные дела, чем те, которыми угрожал Безер; и все это сходило безнаказанно. Но выдумать такое поистине дьявольское мщение, предметом которого была беззащитная, любящая девушка, по моему мнению, мог только один Рауль де Безер.

Мадам Клод поднялась с своего места и обвила руками шею Кит, подав при этом мне знак, чтобы я удалился. Я пошел к террасе и нашел там Мари и Круазета, без-

молвных, со следами слез на лицах. Наши глаза встретились, и мы без слов поняли друг друга.

— Когда? — сказали мы все разом, причем остальные вопросительно взглянули на меня.

Я отвечал решительно:

— Завтра с рассветом. Теперь уже час пополудни. Нам нужны деньги, да и лошади угнаны. Через час они будут здесь и мы, пожалуй, успели бы попасть в Кагор к вечеру. Но тише едешь — дальше будешь. Выедем завтра на рассвете.

Они только кивнули головой в знак согласия.

Мы задумали большое дело: отправиться в незнакомый нам Париж, разыскать там месье де Павана и предупредить его о грозившей опасности. Мы должны были спешить. Если бы мы доехали в Париж ранее Безера или даже вместе с ним в первые сутки, то мы успели бы предупредить Павана. Нашею первою мыслью было взять с собой сколь можно более народа и при первом удобном случае напасть на Безера, чтобы убить его. Но люди, оставленные виконтом с нами в замке, далеко не отличались храбростью.

У Безера же была подобрана шайка отчаянных швейцарских кондотьеров, готовых на все, подобно своему хозяину. Поэтому мы решили, в конце концов, что будет благоразумнее ограничиться только предупреждением Павана и, в случае надобности, защищаться вместе с ним против общего врага.

Мы могли бы еще отправить посланца. Но все наши слуги, за исключением Жиля, слишком старого, чтобы вынести такое путешествие, не имели никакого понятия о Париже. Да и никому из них нельзя было доверить такое серьезное поручение. Мы подумали было о посланце Павана, но он был уроженец Рошеля и никогда не бывал в столице; так что нам ничего не оставалось, как ехать самим.

Мы задумывали опасное предприятие, и нам делалось страшно. Но мы были молоды и к чувству страха примешивалась известная доля приятного возбуждения. Мы пускались теперь в опасное предприятие, подобно древним странствующим рыцарям, и нам представлялся случай заслужить наши шпоры. Нам предстояло увидеть

большой свет и разыграть роль взрослых людей! Мы спасали своего друга и делали счастливой девушку, которой поклонялись.

Мы сделали все нужные распоряжения; но ничего не сказали Катерине или мадам Клод, поручив Жилю сообщить им обо всем, только после нашего отъезда. Мы позаботились, чтобы о нашей поездке немедленно дали знать виконту в Байону и внушили Жилю, чтобы до нашего возвращения ворота были всегда заперты и чтобы он строго следил за кухонным спуском. Только после всего этого, мы легли, но от волнения долго не могли сомкнуть глаз.

— Ан! Ан! — сказал Круазет, подымаясь на локтях, часа через три после того, как мы улеглись, — как ты думаешь, что подразумевал Видам, когда он говорил сегодня утром о сроке в десять дней?

— Какие десять дней? — спросил я сердито. Я только что начинал засыпать.

— Он говорил, что через десять дней все увидят, чья истинная вера.

— Право, я не знаю. Ради Бога, не мешай мне спать, — отвечал я.

Круазет выводил меня из терпения своей болтовней, когда у нас на уме было такое серьезное дело.

Глава III

ПО ДОРОГЕ В ПАРИЖ

Солнце еще не поднялось над холмами, когда мы были уже в конце долины и, приготавливаясь к подъему, придержали лошадей, бросив последний взгляд на Кайлю, на эти серые нагроможденные друг на друга постройки маленького городка с подымающимися над ними башнями.

Нам предстояло серьезное предприятие, а времена были опасные.

Но юность и свежий утренний воздух скоро разгоняют заботы; выбравшись на возвышенность, мы весело скакали то через широкие прогалины в редком дубовом

лесу, где все деревья были наклонены в одну сторону; то по голым равнинам, где разгуливал ветер; иногда мы спускались на дно мелового оврага, где в густой листве папоротника журчал ручеек и ютилась среди зелени одинокая ферма.

После четырехчасовой езды мы увидели перед собой при повороте реки, Кагор. Проскакав по Валандрскому мосту, перекинутому здесь через Ло, мы остановились у постоянного двора на городской площади, где обыкновенно останавливался наш дядя. Тут мы заказали себе завтрак и объявили с гордостью хозяину, что едем в Париж.

Наш хозяин всплеснул при этом руками:

— Экое горе! — воскликнул он с сожалением. — Будь вы здесь вчера, вы могли бы продолжать путь вместе с Видамом де Безер! И... простите ваши сиятельства... вас немного, а дороги теперь похвалить нельзя!

— Но с Видамом было только шесть человек! — отвечал я небрежно.

Хозяин покачал головою.

— О, месье Видам знает свет! Он не попадет впро-сак! Один из его людей шепнул мне, что к ним присоединятся еще двадцать бравых молодцов в Шатору. Говорят, что война кончилась, но... — и добрый человек при этом пожал плечами и бросил выразительный взгляд на несколько превосходных окороков, коптившихся в устье громадного камина. — Но, конечно, вашим сиятельствам все это известно лучше меня, — прибавил он скороговоркой. — Я маленький человек и я только желаю жить в мире с моими соседями, все равно куда бы они не ходили — к обедне или на проповедь.

Подобный взгляд был настолько обыкновенным явлением в те времена между состоятельными людьми, как в городах, так и в провинции, что мы не высказали при этом никакого мнения; но, подкрепив свои силы и заручившись содействием почтенного человека для перемены лошадей в Лиможе, мы тронулись в дальнейший путь не без глубокого раздумья.

Свита в двадцать пять человек, за исключением тех случаев, когда ехали дамы, казалась в это время чем-то необычным, даже для самого Безера, у которого было много врагов. Очевидно, кроме уже известного нам, у

Безера был еще другой план. Но тут наши догадки останавливались, так как распоряжение о подкреплении из Шатору было, видимо, сделано им, когда он еще ничего не знал о предстоящей свадьбе Катерины. Может быть, еще раньше в нем пробудилось чувство ревности, или задуманное нападение на Павана составляло только часть другого, более обширного, плана. Во всяком случае, поездка наша представлялась теперь еще более спешною, а шансы на успех ее значительно уменьшились.

Вид дороги и разнообразные сцены, встречавшиеся по пути не давали сосредоточиться на этих грустных мыслях. Все обращало наше внимание; будь то хорошенькая девушка, отставшая от цыганской шайки, или пара бродяг, идущих из Валенсии, «жонглеры», как они еще называли себя, распевавших какую-нибудь песню на провансальском диалекте, или нормандский лошадиный барышник, с длинною вереницею лошадей, привязанных одна за другую хвостами к головам, или вершины Пюи де Дома, подымавшиеся с востока над овернскими холмами, или оборванный, раненый солдат, безразлично дравшийся на той или другой стороне, по желанию господ,— созерцание всего этого доставляло нам удовольствие.

Мы почти не встречали знатных путешественников. Чуть не половина французского дворянства была в Париже на праздниках по случаю предстоявшей королевской свадьбы; так что мы не имели затруднения в перемене лошадей. Хотя до нас доходили вести, что дороги были не безопасны от множества распушенной после войны солдатчины, но мы еще ни разу не были остановлены и не подвергались каким-нибудь неприятностям.

Однако в Шатору нам пришлось испытать горькое разочарование.

Мы ожидали, что у Безера, когда к его отряду присоединится подкрепление в Шатору, будет задержка в перемене лошадей и что поэтому, двигаясь быстрее, мы можем нагнать его и даже проскользнуть раньше его в Париж. Но мы узнали в Шатору, что люди его ранее получили приказание ехать вперед в Орлеан и ждать его там, так что он мог продвигаться вперед без задержки до этого города. Он, видимо, спешил. Потому что, выехав

из Орлеана на свежих лошадях, он достиг в полдень Ангервиля, находившегося в сорока милях от Парижа и, не останавливаясь, двинулся далее; между тем как мы добрались туда только к вечеру, то есть на шестые сутки после выезда из Кайлю.

Мы въехали в большой постоялый двор, который казался еще больше благодаря сумеркам, до того измученные, что едва были в состоянии слезть с седел. Наш слуга Жан взял в поводья лошадей и повел их в конюшню, загнанные животные, понуриив голову, покорно следовали за ним. Мы стояли несколько времени, топая ногами и расправляя одеревеневшие спины. Из открытого окна над воротами доносился звон посуды, мелькали огни и слышался топот ног людей, бегавших по коридорам. В полумраке двора виднелись два только что зажженных фонаря и в одном из углов двое кузнецов подковывали лошадь.

— Они говорят, что нашим лошадям нет места,— объявил вслед затем Жан, почесывая голову, с недовольным сконфуженным видом.

— Да, места нет! — крикнул один из собравшейся перед нами кучки. Слова эти были произнесены нахальным тоном, и толпа, видимо, была расположена поддержать его. Он подбоченился и смотрел на нас с вызывающей усмешкой. При свете стоявшего на земле фонаря я мог разглядеть, что все они носили значки одного хозяина.

— Слушайте,— сказал я строго,— конюшни большие и они не могут быть заняты одними вашими лошадьми. Вы должны найти место и для моих.

— Конечно! Дорогу королю! — отозвался он.— Между тем, другой закричал: — Да здравствует король! — прочие подняли смех, в котором звучали зловещие ноты.

Ссоры между господской прислугой были также часты тогда, как и в наше время; но хозяева редко вмешивались в них, предоставляя челяди разобраться между собою.

— Берегитесь, чтобы вам не пришлось плохо,— продолжал я, удерживая Круазета.— Лошади принадлежат виконту де Кайлю. Если только ваш господин приятель его, что вероятно, то вы попадете в беду.

Мне послышалось, что при этом были произнесены вполголоса слова: «Папист!» Вдруг кто-то из толпы прокричал несколько раз: «Ку-ку-ре-ку!» и захлопал руками.

— Вот так задорный петух! — закричал он в том же тоне, обращаясь с усмешкой к своим товарищам.

Меня разбирала страшная охота наказать этого нахала, хотя я и опасался серьезных последствий, когда на сцене появилось новое действующее лицо.

— Стыдитесь, звери! — послышался сверху, точно из облаков, чей-то пронзительный голос. Я взглянул наверх и увидел у освещенного окна двух красивых, хотя и грубого вида девушек.

— Стыдитесь! Разве вы не видите, что это дети? Оставьте их в покое!

Толпа засмеялась пуще прежнего; а я уж совсем вышел из себя, когда меня на их глазах назвали ребенком.

— Сюда! — воскликнул я, вызывая человека, стоявшего в воротах. — Иди сюда, каналья, и я покажу тебе, как следует разговаривать с господами!

Из толпы выдвинулся громадный человек, куда выше меня и шире в плечах. При взгляде на него сердце мое сжалось. Но делать было нечего. Хотя и худощавый, я был ловок, как борзая и в раздражении я совсем позабыл об усталости. Выхватив у Мари тяжелый хлыст, который тот держал в руках, я сделал шаг вперед.

— Берегись, малютка! — закричали сочувственно сверху. — Эта толстая свинья убьет тебя!

Мой противник, впрочем, на этот раз не присоединился к общему смеху. Я заметил, что глаза его блуждали и что он не обнаруживал особой охоты вступить в единоборство со мною. Но прежде чем мне пришлось испытать его мужество, чья-то рука опустилась на мое плечо. Откуда-то, должно быть, из задних рядов толпы, появился человек и отстранил меня.

— Оставьте его мне! — сказал он спокойным тоном, выступая вперед. — Не стоит вам пачкать руки об эту каналью. Я скучаю от безделья, и эта работа как раз подойдет мне! Я живо сделаю из него корм для червей!

Я взглянул на незнакомца. Это был плотный, среднего роста человек, с смуглым лицом и резкими чертами.

Перо на его шляпе было сломано, но она была надета набекрень, и вообще он имел такой отчаянный, внушительный вид, что когда, звякнув шпорами, вытащил из ножен свою длинную рапиру, то ближайšie из толпы пятились назад.

— Выходи! — закричал он громким голосом, размахивая ею по сторонам и расчищая место, причем сверкающий клинок кинжала в его левой руке завертелся вокруг его головы. — Кто участвует в игре? Кому охота обменяться ударом в честь адмирала Колиньи? Выходите двое, трое сразу, а то все вместе? Все равно, выходите же... — И он закончил свой вызов целым потоком страшных ругательств.

— Эта ссора меня не касается, — пробурчал верзила, пятясь назад и не выказывая ни малейшего намерения обнажить свое оружие.

— Все ссоры меня касаются! И, видно, ни одна не касается тебя! — был ловкий ответ нашего защитника, который сопровождался ударом рапирою, заставившим нахала отскочить в сторону.

При этом засмеялись даже его сообщники.

— У, жирная свинья! Плюнуть на тебя! — воскликнула сверху девушка и действительно плюнула на совершенно опешившего теперь верзилу.

— Не принести ли вам кусочек его мяса, моя милая, — продолжал наш галантный приятель, взглянув наверх и размахивая своим кинжалом около самого носа струсившего нахала. — Только маленький кусочек, моя дорогая? Чуточку печенки с соусом.

— Не хочу я этой гадости! — воскликнула девушка среди всеобщего смеха.

— Ни одного кусочка? Даже если я отвечаю за нежность мяса... Совсем подходящая закуска для дам!

— Нет, не нужно! — и она снова плюнула.

— Слышишь? Ты противен даме, гасконская свинья! — После этого он вложил в ножны свой кинжал и, схватив за ухо верзилу, быстро повернул его и дал ему такого пинка, что тот полетел через ведро прямо к стене. Тут он и оставался, посылая проклятия и потирая ушибленные места, между тем как победитель воскликнул с торжеством:

— Будет с него! Если есть желающие продолжить поединок, то Блез Бюре к их услугам. Если нет, то пора кончить это. Пусть кто-нибудь отыщет стойла для лошадей этого господина. Они совсем прозябли и конец делу. Что касается меня,— продолжал он, обращаясь к нам и снимая с грациозным жестом свою помятую шляпу,— то я покорный слуга ваших сиятельств.

Я горячо благодарил его, хотя и был поражен его видом. Плащ его был в лохмотьях, спускавшиеся до колен панталоны, когда-то очень красивые, теперь были покрыты грязью и кружева все оборваны. Он выступал с забавной гордостью и вообще имел вид предводителя шайки. Но тем не менее, он оказал нам услугу. Кроме того, нельзя не уважать храбрость, а он, без сомнения, был храбрец.

— Вы ведь из Орлеана,— сказал он скорее утвердительно.

— Да,— отвечал я, немало удивленный.— Разве вы заметили, когда мы подъехали сюда?

— Нет, но я посмотрел на ваши сапоги, господа,— отвечал он.— Если на них белая пыль, то едут с севера; красная пыль — с юга. Видите теперь?

— Да, вижу,— сказал я с изумлением.— Вы прошли, должно быть, строгую школу, месье Бюре.

— У строгих учителей бывают сметливые ученики,— отвечал он с усмешкой. И этот ответ мне пришлось припомнить впоследствии.

— Ведь вы также из Орлеана? — спросил я, когда мы собирались идти в дом.

— Да, также из Орлеана, господа; но раньше вас. Я везу письма... важные письма,— сказал он с таким видом, как будто удостоивал нас своего доверия.

Я опасался, что нам будет трудно отделаться от него, но оказалось все наоборот. Он с видимым удовольствием выслушал вторичное выражение нашей признательности, поклонился нам и удалился с важным видом.

При входе нас встретил хозяин гостиницы и с любопытством спросил, потирая руки и низко кланяясь:

— Из Парижа, сеньоры, или с юга?

— С юга,— отвечал я,— из Орлеана... голодные и усталые, хозяин.

— А! — воскликнул он, пропуская мимо ушей последние слова, и удовольствие засветилось в его маленьких глазах, — вы, наверное, не знаете последней новости!

— Новости! — отвечал я, мучимый усталостью и голодом. — Мы ничего не слышали, и самая лучшая новость для нас теперь, — это услышать от вас, что для нас готовится ужин.

Но даже и этот ответ не охладил его.

— Адмирал де Колиньи... Разве вы не слышали, что с ним случилось?

— С адмиралом? Нет, что такое? — спросил я быстро, заинтересованный наконец его известием.

Но здесь я должен сделать небольшое отступление от моего рассказа.

Некоторые из моих сверстников припомнят, а молодежь слышала от других, что в то время итальянка королева-мать управляла всею Францией.

Главной целью Екатерины Медичи было сохранить влияние над сыном, бесхарактерным, слабым Карлом IX, уже приговоренным к ранней могиле. Вторую ее задачей было сохранение престижа королевской власти, путем уравновешения сил двух враждующих партий — гугенотов и крайних католиков; в виду этого она заигрывала то с той, то с другой партией.

В этот момент она удостоивала особенным вниманием гугенотов. Их предводители: адмирал Гаспар де Колиньи, король Наваррский и принц Конде, по-видимому, пользовались большим расположением с ее стороны, между тем как вожаки другой партии, герцог Гиз и два кардинала из его дома, Лоррен и де Гиз, были в опале, и даже сторонник их при дворе, ее любимый сын Генрих Анжуйский, не в состоянии был склонить ее на сторону последних.

Таково было положение вещей в августе 1572 года, но ходили слухи, что Колиньи, воспользовавшись своим новым назначением при дворе, удалось приобрести такое влияние над молодым королем, что даже грозила опасность и самой Екатерине Медичи. Поэтому адмирал, на которого гугенотская часть Франции смотрела как на своего вождя, был в это время предметом особенного внимания. Партия гизов, считавшая его убийцей герцо-

га Гиза, ненавидела его, пожалуй, с еще большей силою.

Тем не менее многие и не из числа гугенотов относились к нему с большим уважением, как к великому Французу и храброму воину. В нашей семье, хотя мы держались старинной веры и принадлежали к другой партии, мы слышали о нем много хорошего. Виконт считал его великим человеком, хотя и заблуждающимся, но мужественным, честным и даровитым, несмотря на все его ошибки.

— В него стреляли вчера, сеньоры, в то время, как он проезжал по улице Фосс,— проговорил он вполголоса.— Пока еще неизвестно выживет ли он. Весь Париж в волнении и многие опасаются беспорядков.

— Но кто же осмелился напасть на него? — спросил я с некоторым сомнением.— Ведь у него была охранная грамота от самого короля!

Хозяин наш ничего не отвечал, он только пожал плечами и, открыв дверь, ввел нас в общую столовую.

Здесь на конце большого стола уже были сделаны некоторые приготовления для нашего ужина. На другом конце сидел пожилой человек в богатом, но простого покроя костюме. Его большая голова с коротко остриженными волосами и серьезное, решительное лицо с массивными челюстями и глубокими морщинами — все это внушало почтение, независимо от его одежды. Мы поклонились ему.

Он ответил на наше приветствие, бросил на нас проницательный взор и принялся опять за свой ужин. Я заметил, что его шпага с перевязью была прислонена к ручке кресел, а на столе около него лежал, по-видимому, заряженный пистолет. Два лакея стояли за его стулом и носили тот же фамильный значок, который я заметил и между прислугою на дворе.

Мы разговаривали вполголоса, чтобы его не беспокоить. Нападение на Колиньи, если только это известие верно, имело большое для нас значение. Если уж такому знаменитому гугеноту, пользовавшемуся расположением самого короля, могла угрожать опасность в Париже, то каким же опасностям подвергался там Паван? Мы надеялись найти город в полном спокойствии. Что, если уже начались смуты... Все это было в пользу

Безера, и тем менее оставалось шансов на успех дела бедной Кит.

Наш компаньон между тем окончил ужин, но продолжал сидеть и посматривал на нас с любопытством. Наконец он заговорил.

— Едете в Париж, молодые сеньоры? — спросил он резким повелительным голосом.

Мы отвечали утвердительно.

— Завтра? — спросил он опять.

— Да, — отвечали мы, ожидая, что он будет продолжать разговор; но вместо того он впал в глубокое молчание, устремив неподвижный взгляд на стол. Занятые нашей едой и разговором, мы уже почти забыли об его присутствии, когда подняв глаза, я увидел его у ручки моего стула: он держал в руках клочок бумаги.

Я вздрогнул — у него было такое серьезное лицо. Но, увидев, что в комнате было еще несколько других посетителей, более скромного звания, я догадался, что он хотел сообщить нам нечто по секрету, и поспешил взять у него бумажку, на которой было написано только два слова, условный пароль гугенотов — «Изгоняй идола».

Я взглянул на него вопросительно, ничего не понимая. После меня Круа с тем же результатом глубокомысленно посмотрел на записку. Поэтому и не стоило передавать ее Мари.

— Вы не понимаете? — продолжал незнакомец, положив записку в мешок, висевший у его пояса.

— Нет, — отвечал я, покачав головою. Из уважения, мы поднялись и стояли теперь вокруг него.

— Значит, нечего опасаться, — отвечал он, посмотрев на нас полусерьезно и полудобродушно. — Ничего. Поезжайте своей дорогой. Но... у меня есть сын там... немного моложе вас, молодые сеньоры. И если бы вы поняли, я сказал бы вам: «Вернитесь назад». И без того достаточно овечек для стрижки.

С этими загадочными словами он повернулся и хотел уходить, когда Круазет прикоснулся к его руке.

— Позвольте вас спросить, — сказал в волнении мальчик, — правда ли, что вчера был ранен адмирал де Колиньи?

— Это правда, дитя мое. Господь часто испытывает

своих избранных. И, да простит мне Бог эти слова, Он часто лишает рассудка тех, кто обречен Им на смерть.

При этом он взглянул с особенною ласкою на нежное лицо Круазета: мы с Мари были смуглы и казались грубыми рядом с этим мальчиком. Но вслед за тем он отвернулся от него с каким-то странным возбуждением и стукнул по полу своею тростью с золотым набалдашником. Он позвал резким голосом своих лакеев, из которых один нес перед ним два подсвечника, а другой его пистолет, и как будто чем-то рассерженный вышел из комнаты.

Когда я спустился вниз, рано утром, я встретил первым Блеза Бюре. Он имел еще более разбойничий и обтрепанный вид при дневном освещении. Но он вежливо поклонился, что отчасти расположило меня в его пользу, так как он вообще отличался грубостью с другими. Так всегда бывает: чем злее собака, тем более мы ценим ее внимание. Я спросил его, кто такой был гугенотский дворянин, ужинавший вместе с нами: не подлежало сомнению, что это был гугенот.

— Барон де Рони,— отвечал он, и потом прибавил с насмешкою: — Это осторожный человек! Если бы они все были похожи на него, с глазами на затылке и заряженным пистолетом под рукой... ну тогда, сеньор, был бы еще один лишний король во Франции, или другого не хватало бы! Но они слепы, как летучие мыши.— Он что-то еще пробормотал и я мог разобрать слова: «сегодня ночью». Но вообще я плохо его расслышал и не обратил внимания на то, что он говорил.

— Ваши сиятельства едут в Париж? — начал он совершенно другим тоном. Когда я отвечал утвердительно, он посмотрел на меня таким взглядом, в котором его прирожденная наглость боролась с нерешительностью.— Я прошу вас об одном одолжении,— сказал он.— Я также еду в Париж. Я не трусливого десятка, как вы видели. Но дороги будут далеко небезопасны, если что-нибудь случится в Париже, и... одним словом, я предпочел бы ехать вместе с вами, господа.

— Мы будем рады вам,— сказал я.— Но мы выезжаем через полчаса. Знакомы ли вы с Парижем?

— Так же, как с рукояткой моей шпаги,— отвечал

он с оживлением, должно быть, довольный моим согласием, как мне казалось.— Я вырос в нем. И если вы захотите сыграть партию в мяч, или поцеловать хорошенькую девушку, то я вам укажу дорогу.

При той боязни большого города, которая свойственна вообще провинциалам, мне показалось, что наш развязный приятель может оказать нам некоторую помощь.

— Знаете ли вы месье де Павана,— почти невольно вырвалось у меня.— То есть, где он живет в Париже?

— Месье Луи де Павана? — повторил он.

— Да.

— Я знаю...— продолжал он, медленно потирая свой подбородок,— я знаю, где была его городская квартира раньше, до тех пор... А! Знаю! Теперь я вспомнил! Когда я был две недели тому назад в Париже, то мне сказали, что его поверенный взял для него квартиру на улице Сент-Антуан.

— Прекрасно! — воскликнул я радостно.— Мы остановимся у него, если вы можете проводить нас прямо до его дома.

— Это я могу,— отвечал он с неподдельной искренностью.— И вы не пожалеете, что я с вами. Париж не особенно приятное место в смутное время, и вашим сиятельствам попался хороший проводник.

Я не спросил его, какие смуты он подразумевал, но поспешил в гостиницу, чтобы захватить мое оружие и сообщить Мари и Круазету о найденном попутчике. Они, естественно, обрадовались этому; и мы выехали в самом веселом настроении духа, рассчитывая после полудня попасть в Париж. Но по дороге лошадь Мари потеряла подкову и мы долго разыскивали кузнеца. Затем в Этампе, где мы останавливались завтракать, нас долго заставили ждать. Так что уже солнце садилось, когда мы в первый раз в жизни подъезжали к Парижу.

Красный отблеск заката покрывал восточные холмы, на которых облитые ярким светом выделялись башни и одиноко стоящая колокольня. Несколько высоких крыш, выделявшихся над другими, были также облиты ярким светом, и огромное темное облако, похожее на человеческую голову, висело над городом, постепенно переходя через все цвета, начиная с кроваво-красного, по-

том фиолетового и кончая черным, по мере того, как спускались сумерки.

Проехав через ворота и потом через несколько мостов, мы были совершенно ошеломлены непривычным шумом и суетою.

Сотни людей двигались взад и вперед по узким улицам. Женщины перекрикивались из окон домов. Колокола нескольких церквей звонили к службе. Наши непривычные к этому уши были оглушены. Глаза наши разбегались, глядя на эти высокие дома с их крутыми крышами, с прилипавшеюся местами к стене башнею, на эти причудливой архитектуры церкви и на группы горожан, — некоторые из них были самого свирепого вида, — столпившихся по углам вонючих переулков и смотревших на нас, в то время как мы проезжали.

Но вскоре нам преградила дорогу толпа, собравшаяся смотреть на кавалькаду из шести сеньоров, которые переезжали улицу. Они ехали попарно, небрежно развалившись в седлах, перекидываясь словами и не обращая никакого внимания на собравшихся около них людей. Их изящная осанка и великолепия костюмов и вооружения превосходили все виденное нами до сих пор. За ними шли пешком с дюжину лакеев и пажей и через головы толпы до нас долетали их шутки и смех.

В то время как я смотрел на них, лошадь Бюре, испуганная, может быть, движением в толпе, попятилась на мою, и Бюре разразился ничем не вызванными проклятиями; но в тот же момент внимание мое было отвлечено Круазетом, который прикоснулся к моей руке своим хлыстом и воскликнул в большом волнении:

— Посмотри-ка! Разве это не он?

Я стал смотреть в указанном им направлении, насколько мне позволяла бесившаяся подо мною лошадь, испуганная Бюре, и взгляд мой остановился на последней паре кавалеров. Они переезжали поперек нашу улицу, так что я мог видеть их только сбоку ближайшего к нам всадника.

Это был чрезвычайно красивый молодой человек, лет двадцати двух, или двадцати трех, с длинными локонами, падавшими на его кружевной воротник, и в шелковом оранжевого цвета плаще. У него было чрезвычайно

симпатичное и доброе лицо. Но он был незнаком мне.
— Я готов поклясться,— воскликнул Круазет,— что это сам Луи... Месье де Паван!

— Этот? — отвечал я, когда толпа стала расходиться и мы могли двигаться далее.— Ни в коем случае!

— Нет, не он! Другой, рядом! — воскликнул Круазет. Но мне не удалось разглядеть другого всадника. Мы повернулись в седлах и пристально глядели вслед ему; насколько можно было видеть в сумерках, мне казалось, что фигура его напоминала Луи. Но Бюре, по его словам, знавший Павана, только смеялся над этим.

— Ваш друг гораздо шире в плечах! — И мне думалось, что он был прав, хотя много значил и покрой платья.— Они, наверное, возвращаются из Лувра, после игры в мяч! — продолжал он.— Адмиралу, верно лучше, потому что ближайший к нам был месье де Телиньи, его зять. Другой же, о котором вы говорили — граф де Ларошфуко.

При этих словах мы свернули в какую-то узкую улицу близ реки и могли разглядеть находившуюся неподалеку темную массу построек, которая, по словам Бюре, и была Лувром, жилищем короля. Из этой улицы мы повернули в короткий проулок и тут Бюре остановил свою лошадь и громко постучался в тяжелые ворота одного из домов. Было так темно, что, когда ворота открылись и мы въехали во внутренний двор, то могли разглядеть только высокий дом с крутою крышею, которая резко выдавалась на бледно-голубом небе и группу людей и лошадей в одном из углов двора. Бюре ничего не сказал им, но, когда мы слезли с лошадей, указал нам слугу, который должен был проводить нас к месье де Павану.

При мысли, что наше длинное путешествие кончилось и что мы вовремя успеем предупредить Луи о грозившей ему опасности, мы позабыли все наши мучения и усталость. Веселые, бросив повода Жану, мы побежали по лестнице за слугой.

Ура! Дело было сделано, наконец.

Дом, в то время как мы проходили по длинному коридору и подымались по лестнице, показался нам полным народом. Мы слышали голоса и не раз могли различить бряцанье оружия. Но проводник наш, ни разу не оста-

навливаясь, привел нас в небольшую комнату, освещенную висячей лампой.

— Я извещу месье де Павана о вашем приезде,— сказал он почтительно и скрылся за тяжелой занавесью. При этом из-за нее до нас долетел шум разговора и звон стеклянной посуды.

— У него, вероятно, ужинают гости,— сказал я, чувствуя некоторое волнение. Я старался смахнуть хлыстом пыль с моих сапогов; я помнил, что мы теперь были в Париже.

— Он будет поражен, увидев нас,— сказал Круазет, засмеявшись, хотя, видимо, также испытывал некоторое волнение. Итак, мы стояли в ожидании нашего хозяина.

Минута проходила за минутой и я раздумывал,— вероятно, под впечатлением только что виденной нами блестящей кавалькады, окажется ли месье де Паван в Париже таким же, каким он был в Кайлю и будет ли придворный кавалер также ласков с нами. Я все еще оставался в раздумьи и не мог решить занимавший меня вопрос, когда кто-то раздвинул тяжелую занавесь. У дверей стоял, улыбаясь, громадного роста человек в великолепном черном костюме, с большим белым воротником и маленькою собачкой на руках. Собачка залаяла на нас.

Это не был наш старый друг Луи де Паван!

Это был наш недруг!

На пороге комнаты стоял Видам де Безер.

— Добро пожаловать, господа,— сказал он, улыбаясь, и никогда еще не была так заметна косина в его глазах.— Добро пожаловать в Париж, месье Ан!

Глава IV

В ЗАПАДНЕ

Некоторое время продолжалось молчание. Мы устремили на него негодующий взгляд, а он нам улыбался, он заигрывал с нами как заигрывает иногда кошка.

Круазет рассказывал мне потом, что он готов был умереть от огорчения, от стыда и досады, что мы были так одурачены.

Между тем я не в состоянии был понять наше положение, я никак не мог представить себе, чтобы дом, где я находился, не принадлежал Луи де Павану.

Я смутно подозревал, что Безер убил его и завладел его домом.

Под первым впечатлением, я бросился к Видаму, схватил его за руку и закричал не своим голосом:

— Что вы сделали с месье де Паваном?

— Пока... ничего,— отвечал он спокойно, взглянув мне в лицо и показывая при этом свои белые, острые зубы. И страхнул меня, как котенка.

— Как же вы тогда попали сюда?

Он взглянул на Круазета и пожал плечами, как будто дивясь неразумию избалованного ребенка.

— Месье Ан, кажется, не понимает,— продолжал он насмешливо-вежливым тоном,— что я имею честь приветствовать его в отеле Безер, на улице Платриер.

— Отель Безер! Улица Платриер! — воскликнул я, совершенно растерявшись.— Но Блез Бюре сказал нам, что это улица Сент-Антуан.

— А! — отвечал он с расстановкой, как будто не сразу понимая.— А! Теперь я вижу в чем дело! — и он злобно улыбнулся.— Так вы познакомились с Блез Бюре, моим достойным конюшим! С почтенным Блезом! Теперь я все понимаю. И вы думали, щенки,— продолжал он, внезапно переменив тон и гневно посмотрев на нас,— тягаться со мною! Со мною — безмозглые! Как будто безерского волка можно затравить, как зайца! Ну, так слушайте же и я расскажу, что вас ожидает. Вы теперь находитесь в моем доме и совершенно в моей власти. У меня тут до сорока человек, которые глазом не моргнут и по моему приказанию перережут горло грудным младенцам! Эта работа будет им даже по вкусу!

Он хотел еще продолжать, но я не дал ему. Сознание, что мы одурачены и его торжество привели меня в такую ярость, что я закричал, совершенно не помня себя:

— Сперва я поговорю с вами, Безер! Я выскажу, что я думаю об вас! Вы подлая тварь, Видам! Собака! Животное! И я плюю на вас! Предатель и убийца! Разве этого не довольно? Обнажай свою шпагу, если ты дворянин!

Он покачал головою, продолжая улыбаться, и даже не пошевелился.

— Я сам не занимаюсь грязной работой,— произнес он спокойным тоном,— и предоставляю такую забаву своим лакеям.

— Хорошо! — ответил я. С этими словами я обнажил свою шпагу и с быстротою молнии бросился к занавеси, откуда он вышел к нам.— Хорошо! Мы убьем тебя сперва! А там пусть разделяется с нами твоя челядь! — гневно закричал я, и казалось все зверские чувства пробудились в моей груди.— Мари! Круазет! На него!

Но они не отвечали на мой призыв. Они стояли неподвижно и не обнажали оружия. В продолжении одного момента этот человек находился в моей власти. Моя рука со шпагой была поднята и конец ее прикасался к его груди; достаточно было одного движения, чтобы пронзить его. И как я его ненавидел! Но он остался неподвижен. Если бы он только сказал одно слово, сделал малейшее движение, или прикоснулся к эфесу шпаги, я бы убил его на месте. Но он не шевелился, и я не мог сделать этого. Рука моя опустилась.

— Труссы,— воскликнул я в негодовании, обращаясь к моим братьям: они еще никогда не отставали от меня.— Труссы! — повторил я тихим голосом и, казалось, с этими словами все силы оставили меня.

Я бросил свою шпагу и она зазвенела по полу.

— Так будет лучше! — произнес медленно и спокойно Безер.— Я только что хотел просить вас об этом. Я буду весьма обязан, если и эти молодые господа последуют вашему примеру. Благодарю вас!

Круазет и вслед за ним Мари исполнили его требование. Я сложил свои руки на груди, в полнейшем отчаянии, и если бы не стыд, то готов был заплакать. Он стоял посреди нас, под самой лампой, на целую голову выше меня.. полным господином над нами, и мы чувствовали себя перед ним детьми.

Вот чем кончилось наше длинное путешествие, все наши надежды и ожидания рыцарских подвигов!

— Ну, теперь вы, может быть, выслушаете меня,— продолжал он мягко,— и тогда узнаете, как я хочу поступить с вами. Я продержу вас здесь, молодые господа, по-

ка вы не понадобитесь мне, чтобы исполнить мое поручение к мадемуазель, вашей кузине, и сообщить от меня известие, насчет ее жениха. Я не заставлю вас долго дожидаться,— прибавил он со зверской улыбкой.— Вы приехали в Париж как раз вовремя. Здесь предполагается... одним словом, сегодня ночью приведется в исполнение — и как это вышло для вас удачно! — один маленький план, с целью устранения нескольких неудобных людей, в числе которых могут случиться и наши знакомые, месье Ан. Вот и все. Вы услышите выстрелы, шум, пожалуй, и вопли. Но не обращайтесь внимания. Вам не грозит опасность. Что касается до месье де Павана,— продолжал он, понижая голос,— то, пожалуй, к утру я в состоянии буду сообщить вам некоторые известия о нем, чтобы передать от меня в Кайлю, мадемуазель, вы понимаете, что.

Маска упала на один момент. На лице его блеснула улыбка торжества, губы его зашевелились, он как будто предвкушал сладость и видел пред собою картину ожидаемого мщения. Я так сильно проникся этой мыслью, что, содрогаясь, отступил несколько шагов назад; взглянув на лицо Круазета, я убедился, что та же самая мысль, вместе с поздним раскаянием, преследовала и его. Я был до того потрясен злобным выражением лица Безера, адскою радостью, сверкавшей в его глазах, что мне на мгновение показалось, будто я вижу перед собою воплощение самого дьявола.

Но его обычное хладнокровие скоро возвратилось к нему и, повернувшись к двери, он сказал небрежно:

— Если вы последуете за мной, то я позабочусь о вашем ночлеге. Может быть, помещение будет вам не совсем по вкусу,— мне некогда думать о гостеприимстве сегодня вечером.

Он отдернул занавес и вошел в следующую комнату, несколько не помышляя, о том, что мы могли поразить его сзади. В нем временами обнаруживались черты, по видимому, не имеющие ничего общего с тем понятием, которое мы составили о нем.

Мы вошли в длинную, узкую комнату, освещенную серебряными лампами, стены которой были увешаны коврами. Драгоценное серебро с чеканкою — работы знаменитого флорентинца Челлини, как я узнал потом, только

что умершего в этом году,— богатое венецианское стекло и множество другой посуды, с разными блюдами и напитками покрывали стол, имевший такой вид, как будто за ним только что пировало многочисленное общество. Но, кроме двух лакеев у буфета и какого-то духовного лица за дальним концом стола, в комнате никого не было.

Монах встал, когда мы вошли, и Видам поклонился ему, как будто они только что увиделись.

— Добро пожаловать, месье,— приветствовал он его довольно холодно. Они посмотрели друг на друга не особенно дружелюбно, напоминая, скорее, двух хищных птиц, готовых вступить в драку из-за добычи, чем гостя и хозяина. Может быть, на это сравнение наводили меня сверкающие глаза и, похожий на птичий клюв, нос монаха.

— Ха, ха! — воскликнул монах, пронизывая нас своим взглядом. Вероятно, после дороги мы представляли собою довольно жалкое зрелище.— Кто они такие? Уж не первая ли добыча сегодняшней ночи?

Видам мрачно посмотрел на него.

— Нет,— отвечал он грубо.— Как вам известно, я не особенно стесняюсь на улице, но они в моем доме и будут ужинать. Может быть, для вас и непонятна эта разница; но она существует для меня,— добавил он ядовитым тоном.

Монах не сводил с нас взгляда, и угнетал меня; все это, вместе с душившей меня злобой, возбудило во мне такое отвращение, что когда Безер пригласил меня знаком сесть за стол, я отшатнулся и отвечал с нахмуренным, почти детски строптивым видом:

— Я не стану есть вместе с вами.

Мне в голову не приходило, что эти слова могут пронять толстую шкуру Видама. Но при этом лишь легкая краска пробежала по его мрачному лицу и жилы надулись на висках, хотя в его взглядах и была не одна злоба. Все это продолжалось один момент.

— Арман,— сказал он спокойным тоном слуге,— эти господа не будут ужинать вместе со мной. Накрой им на другом конце стола.

Мы ели в молчании, даже после того как Круазетт, схватив мою руку под столом, просил меня не судить его

слишком строго. Два компаньона наших на другом конце стола быстро говорили о чем-то; но из долетавших до меня отрывков из разговора, я мог только заключить, что монах старался что-то внушить своему хозяину. Внезапно Безер возвысил голос.

— У меня своя цель,— гневно воскликнул он,— и я буду служить ей. Далее этого я не пойду. У вас своя задача. Хорошо, служите ей, но не толкуйте мне о святом деле! Святое дело? Пусть оно провалится к черту! У меня своя цель, также как и у вас свои цели. И вы меня не убедите, что есть какое-то другое дело, которому вы служите!

— Дело короля? — сказал монах с кислою улыбкой.

— Скажите лучше,— итальянки! — отвечал презрительно Безер, подразумевая, вероятно, королеву мать, Екатерину Медичи.

— Дело католической церкви, наконец? — настаивал монах.

— Католической церкви? Это ваше собственное, мой друг! — добавил Безер, похлопав фамильярно по груди своего собеседника, крестившегося в это время.— Католической церкви? — продолжал он.— Нет, нет, мой друг. Вот что я вам скажу. Вы хотите, чтобы я пособил вам избавиться от пугала и предлагаете мне свою помощь в борьбе с моим... тогда, говорите вы, над нами никого не останется. Но поймите вы раз навсегда,— и тут Безер стукнул кулаком по столу,— я не допущу, господин церковник, чтобы кто-нибудь вмешивался в мои дела! Никого! Слышите ли? Ваше же дело меня совсем не касается. Кажется теперь ясно?

Рука монаха затряслась в то время, как он подносил рюмку к своим губам, но он не сказал ни одного слова; и Видам, увидев, что мы кончили свой ужин, встал с своего места.

— Арман! — закричал он и лицо его было мрачно,— проведи этих господ в их комнату.

Мы церемонно ответили на его поклон, монах при этом не обратил на нас никакого внимания, и пошли вслед за слугой. Пока мы шли по длинному коридору и поднимались по крутой лестнице, стало ясно, что всякое сопротивление теперь будет бесполезно. При нашем при-

ближении по сторонам коридора открывались двери, из которых выглядывали вооруженные люди в кирасах. Нас преследовал звон оружия и людской говор; и проходя мимо окна мы слышали бряцанье уздечек и удары лошадиных копыт об камни, которыми был вымощен двор... Дом, видимо, представлял из себя временную крепость. Все это удивляло меня. Разве это не было в Париже, с его ночью стражею и крепкими воротами и к тому же, это была краткая августовская ночь!

Конечно, все это возбуждало наши подозрения и особенно Круазета. Когда мы подымались по узенькой лестнице, я услышал позади себя, что он остановился и быстро побежал назад. Ничего не понимая и пробормотав несколько слов Мари, я бросился вслед за ним. Добежав до конца лестницы, я оглянулся назад. Мари со слугой остановились в нерешительности на прежнем месте и я слышал, как слуга требовал, чтобы мы вернулись.

Этим временем Круазет уже был в конце коридора. Успокоив жестом нашего провожатого, я поспешил за ним. Очутившись в дверях той самой комнаты, где мы только что ужинали, я остановился, как пригвожденный к месту; гордость не позволяла мне принять участие в том, что я увидел.

Посредине комнаты стоял Безер рядом с ужасным монахом. Перед ним склонился Круазет, протягивая к нему свои руки, с умоляющим видом.

— Но, месье де Видам! Лучше сразу убить ее, чем разбивать ее сердце! Имейте жалость! Убить его — будет та же смерть для нее!

Видам хранил молчание, устремив гневный взгляд на мальчика. Монах издевался над ним.

— Сердца скоро заживают, особенно женские, — сказал он.

— Но не у Кит, — воскликнул с горячностью Круазет, до тех пор не обращавший на него внимания. — Не у Кит, Видам! Видам! Вы не знаете ее!

Эти слова были некстати. Гневная судорога пробежала по лицу Видама.

— Вставай, мальчик! — крикнул он, — я написал мадемуазель, что я сделаю, и я исполню это. Безер держит свое слово. Клянусь именем Бога, хотя в эту дьявольскую

ночь я сомневаюсь даже в Его бытии, что я сдержу свое слово! Иди!

Его лицо перекосилось от ярости. Глаза были устремлены вверх, как будто он призывал свидетелем своей клятвы Того, чье имя только что готов был отвергнуть. Я отошел от двери и прокрался той же дорогой назад; я слышал, что Круазет следовал за мною.

Эта сцена была последним ударом для меня. Я ничего не замечал, что делалось вокруг и только скрип ключа, поворачиваемого в замке нашим тюремщиком, пробудил меня и я видел, что мы заперты одни в маленькой комнате под самою черепицей крыши. На полу был оставлен подсвечник, и мы все трое стояли вокруг него. Кроме нашей длинной тени, отбрасываемой на стене, и двух соломенных тюфяков, брошенных в углу, в комнате было совершенно пусто. Я бросился на тюфяк и, повернувшись лицом к стене, в отчаянии стал думать об наших рушившихся планах и торжестве Видама, я проклинал в душе Круа за то последнее унижение, которому он был причиной. Потом гнев мой стал утихать, и я перенесся мыслями к Кит, в Кайлю, находившейся так далеко от нас — бедной Кит с ее бледным, кротким лицом. И понемногу я простил Круазета. Ведь он просил не за нас... он унизился только ради нее.

Я не знаю, сколько времени пролежал в этом полузабытьи, и что делали в этот промежуток мои товарищи, — спали или в молчании ходили по комнате. Но вдруг я почувствовал прикосновение руки Круазета.

— Ан! — звал он меня. — Ан! Что ты спишь?

— Что такое? — спросил я, поднявшись на своем тюфяке и смотря на него.

— Мари... — начал он.

Но не было надобности продолжать. Я сам увидел, что Мари стоял в другом конце комнаты у окна, без рамы и стекол, расположенного наклонно в покатой части крыши. Он поднял закрывавшую его ставню и стоял около него на цыпочках, — подоконник был почти на высоте его роста, — выглядывал наружу. Я пристально посмотрел на Круазета.

— Нет ли там водосточной трубы? — прошептал я в волнении.

— Нет. Но Мари говорит, что он видит ниже брус через улицу, до которого мы, пожалуй, можем добраться.

Я быстро вскочил на ноги и занял место Мари у окна. Когда глаза мои несколько привыкли к мраку, я мог различить только бесконечную пустыню остроконечных крыш, тянувшихся во всех направлениях. Ближе, под самым окном, зияла пропасть узенькой улицы, отделявшей нас от другого дома, который был несколько ниже нашего, так что конец его крыши приходился почти в уровень с моими глазами.

— Я не вижу никакого бруса!

— Смотри вниз,— отвечал Мари.

Я сделал это и разглядел, на пятнадцать или шестнадцать футов ниже нашего окна узкий брус между двумя домами, служивший, как часто бывает в городах, опорой для них. Я мог с трудом разглядеть в темноте, что дальний его конец упирался как раз ниже какого-то слабо освещенного изнутри окна в другом доме.

Я покачал головой.

— Мы не можем спуститься до него,— сказал я, прикидывая расстояние до бруса и чернеющую глубину под ним.

— Мари говорит, что может при помощи веревки,— отвечал Круазет, с блистающими глазами и весь в волнении.

— Но у нас нет веревки,— возразил я со своею всегдашней недогадливостью. Мари не отвечал. Это был ужасно молчаливый парень. Я посмотрел на него. Он снимал свой камзол и шейный платок.

— Отлично,— воскликнул я. Тотчас же мы сняли наши шарфы и платки; на счастье, они были домашнего изделия: длинные и крепкие. У Мари, кроме того, оказался моток здоровой веревки в кармане, а у меня, кроме пары новых подвязок, нашлось с десяток футов крепкой бичевы, которую я захватил с собой, на случай если бы сдали подпруги. Через пять минут все это было прочно связано вместе.

— Я легче всех,— сказал Круазет.

— Но у Мари меньше всех кружится голова.— Мы знали это уже давно: нам часто приходилось видеть, как

Мари спокойно прогуливался по самому крайнему выступу стены замка, точно это был пол в комнате.

— Верно,— согласился Круазет.— Но он должен быть последним, потому что ему придется спускаться самому.

Я не подумал об этом и кивнул головой в знак согласия. Роль предводителя теперь как будто переходила от меня к другим. Но все-таки я настоял на одном. Если Мари приходилось спускаться последним, то я спущусь первым. Как самый тяжелый из нас троих, я лучше испытаю прочность веревки. Так и было решено.

Время было дорого. Нам могли помешать каждую минуту. Веревка была крепко привязана к моей левой руке; потом я вскарабкался на плечи Мари и вылез, не без трепета, в окно; уже било полночь; я торопился, как только мог.

Все это было сделано очень скоро, в увлечении момента; но когда я повис на руках за окном в непроглядном мраке, с доносившимися до меня ударами колокола... Это была страшная минута. Сознание зиявшей подо мною глубины, окружающая меня пустота наполненная мраком,— все это приводило меня в ужас.

— Готов ты? — спросил Мари, и в голосе его послышалось нетерпение. У этого мальчика не было на волос соображения!

— Нет еще, постой минутку! — закричал я, ухватившись рукой за подоконник и бросив прощальный взгляд на пустую комнату, с двумя темными фигурами, стоявшими между мною и светом.

— Слушайте! — прибавил я торопливо.— Круазет... мальчики, я недавно назвал вас трусами. Я беру свои слова назад! Я не хотел этого сказать! Вот и все! — Я задыхался.— Спускайте!

Через момент я почувствовал, что спускаюсь по стене. Свет исчез надо мною. Голова моя закружилась. О, как я держался за эту веревку! На полпути мне пришла мысль, что если что-нибудь случится, они не в силах будут поднять меня. Но было уже поздно думать об этом, и через секунду ноги мои коснулись бруса. Я вздохнул свободнее. С крайнею осторожностью я утвердился на этом узеньком мостике и, развязав веревку, отпустил ее. Потом, все еще чувствуя дурноту, я уселся верхом на

брус и засвистел, чтобы дать знать о моем удачном спуске.

Я находился теперь действительно в необычайном положении, о котором часто вспоминал впоследствии. Подмною покоился Париж, объятый глубоким мраком. Но это только казалось; темная завеса мрака скрывала те ужасные тайны великого города, которые должны были обнаружиться в эту адскую ночь. Сколько вооруженных людей бодрствовало под этими высокими, смутно обрисовывавшимися крышами? Сколько из них не спало, поглощенных одной мыслью о предстоящих убийствах? Сколько было и таких, не спящих теперь, которые должны были заснуть под утро вечным сном, а другие спящие только проснуться под ножом убийцы?

Все это было скрыто от меня, как и от тех запоздавших гуляк, которые только что встали теперь из-за игры в кости и один из них вышел на улицу, ничего не подозревая, идя на верную смерть, в то время, как другой провожал его глазами. Я не мог представить себе,— благодарение Богу,— одной сотой части тех ужасов жестокости, предательства и алчности, которые таились под моими ногами, готовые разразиться все сокрушающим потоком, по первому сигналу пистолетного выстрела. Для меня не имело значения, что прошлый день был 23 августа и что это был канун Варфоломеева дня!

Но вместе с сознанием, что мы еще могли восторжествовать над нашим врагом, в душе моей было предчувствие чего-то недоброго. Из намеков Видама, вместе с его угрозами, можно было предполагать, что на утро следующего дня должно было произойти нечто более ужасное, чем убийство одного человека. Те предостережения, которые мы слышали от барона де Росни в гостинице, также получали теперь новое значение в моих глазах. И я не мог избавиться от этого чувства. Мне казалось в то время, как я сидел в темноте верхом на моем бруссе, что я могу разглядеть в конце узкой улицы тяжелую массу построек Лувра, что я слышал шум голосов и топот людей, собиравшихся в разных дворах громадного здания и что до меня долетали сдержанные голоса перекликавшихся часовых, или проверявших их офицеров.

Я почти не видел под собою прохожих; так что мне

не грозила опасность быть открытым. Но вместе с тем, мне казалось, что с каждым легким дуновением ветра до меня доносились отовсюду звуки шепота и крадущихся шагов. Ночь была полна призраков.

Все это прошло, когда ко мне присоединился Круазет. При нас остались наши кинжалы, и это успокаивало меня. Если бы только мы могли пробраться в противоположный дом и просьбами или силой открыть себе выход на улицу, чтобы поспешить в дом Павана! Ясно, что весь вопрос, то есть кто из нас, мы или шайка Безера, поспеет туда первыми,— заключался во времени. Я стал шепотом торопить Мари. Он, казалось, медлил.

Наконец, он спустился к нам, поребирая руками по веревке, и я увидел, что он медлил не понапрасну. Вылезая из окна, ему удалось спустить ставень, кроме того, он ухитрился с немалым риском для себя удлинить веревку и пропустить ее через петлю ставни, так что оба ее конца были внизу — когда он присоединился к нам, мог вытащить веревку, потянув за один конец. Вот каким умным оказался Мари!

— Bravo! — сказал я, похлопывая его по спине.— Теперь они не узнают, как вылетели птички!

Итак, мы опять собрались вместе; но не скрою, что я дрожал от страха. Мы легко добрались по бруссу до противоположного дома, но когда остановились там друг за другом лицом к стене, обдуваемые ночным ветром... у меня кружится голова на высоте, и я стал задыхаться. Окно было около шести футов над брусом; хотя оно было открыто и в нем была спущена только легкая занавесь, но его защищали три поперечных железных полосы и они казались очень толстыми.

Для нас не оставалось другого выбора, как добраться до него и влезть в комнату, и я уже хотел подняться, когда Мари быстро перелез через нас и вскочил с размаху, точно в седло, на узкий подоконник. Он протянул мне свою ногу, ухватившись за которую, я тоже поднялся на эту страшную высоту. Круазет оставался пока внизу.

Ухватившись руками за железные полосы, мы держались теперь на этом узеньком выступе, на высоте шестидесяти футов над мостовой. С ужасом я уцепился за же-

лезную решетку, завидуя даже положению Круазета. На один момент мне опять сделалось дурно; но преодолев это, я почувствовал отчаянную решимость. Я вспомнил, что нам ничего не оставалось, как пробивать себе дорогу далее, даже если бы и желали, мы не могли теперь возвратиться в нашу прежнюю тюрьму. Я прильнул лицом к самой решетке и, приподняв угол занавеси, заглянул в комнату.

В ней было только одно живое существо... женщина, богато одетая и ходившая по ней взад и вперед, несмотря на такой поздний час. Комната походила на нашу и представляла мансарду. Большая четырехугольная кровать с занавесями стояла в одном из углов; у очага были два стула и вся эта жалкая обстановка говорила о бедности. Но как же объяснить богатый наряд этой женщины, хотя в нем и были заметны следы беспорядка, эти драгоценные камни, сверкавшие в ее волосах и на руках? Когда она повернула к нам свое лицо,— оно было прекрасно, хотя заплакано и расстроено,— я сразу увидел, что это была благородная дама; когда она быстро подошла к двери и, приложив к ней руку, стала, по-видимому, прислушиваться, когда взявшись за ручку она потрясла ее несколько раз и, опустив руки, в отчаянии отошла опять к камину... тут я сделал другое открытие. Я понял, что мы собирались только променять одну тюрьму на другую. Неужто в каждом парижском доме были темницы и неужели под каждой крышей скрывалась какая-нибудь ужасная тайна?

— Мадам! — проговорил я тихо, с целью обратить ее внимание.— Мадам!

Она вздрогнула, не зная, откуда доносились к ней звуки моего голоса и первым делом взглянула на дверь. Потом она подошла с испуганным видом к окну и быстро отдернула занавесь.

Наши глаза встретились. Что будет, если она воплем своим подымет весь дом?

— Мадам,— быстро повторил я, стараясь говорить самым мягким голосом,— мы умоляем вас о помощи! Мы пропали, если вы откажете в ней.

— Вы? Кто вы такие?

— Мы были заключены в противоположном доме,—

спешил я в несвязных словах объяснить причину нашего появления.— Нам удалось бежать. Мы не можем вернуться назад, даже если бы захотели. Если вы не пустите нас в комнату и не скроете нас...

— Мы разобьемся вдребезги об мостовую,— добавил с полным спокойствием Мари и даже как будто с некоторым удовольствием.

— Пустить вас сюда? — отвечала она, отпрянув с ужасом от окна.— Это невозможно.

Вид ее напоминал мне нашу кузину; она была также бледная и черноволосая. Ее волосы, теперь в беспорядке, были собраны в виде короны на голове. Но она была старше Катерины. Всмотриваясь в нее, я старался угадать ее нрав и наконец заговорил в полном отчаянии.

— Круазет! Подымись сюда! — и я прижался в самый угол, чтобы сделать для него место между нами.— Посмотрите на него, мадам,— продолжал я,— разве вы не сжалитесь?

Как я и ожидал, полудетское лицо Круазета, его белокурые волосы, смягчили ее и она сказала тихим голосом:

— Бедный мальчик!

Я воспользовался этим.

— Мы в большом горе... в отчаянии! Сколько я могу судить, вы в таком же положении, как и мы. Мы пособим вам, если вы только спасете нас теперь. Мы можем постоять за вас.

— Боже сохрани,— она остановила свои глаза на Круазете,— чтобы я отказала в помощи тем, кто нуждается в ней. Влезайте сюда, если хотите.

Я засыпал ее выражениями благодарности и просунул голову между решеткой (с уверенностью, что она и останется там), как только у нее сорвались эти слова.

Но попасть в комнату было не так легко. Круазет, однако, успел кое-как пролезть, и затем, с большим трудом, он втащил нас по очереди. Но только одна горькая необходимость и вид оставшейся за мною пропасти могли заставить меня выдержать такую мучительную операцию. Когда я, наконец, встал на ноги, я чувствовал, будто все мое тело, от головы до ног, было покрыто царапинами. И каково было представиться в таком виде даме!

Но зато какой восторг я испытывал. О, презренный Безер! Мы еще успеем разрушить его козни. Прошло не более получаса после полуночи, и мы еще не опоздали.

Я приблизился к нашей хозяйке с самым низким поклоном... Жаль только, что не хватало моей шпаги.

— Мадам,— сказал я,— я месье Ан де Кайлю, а это мои братья. Мы готовы служить вам, чем можем.

— А я,— отвечала она с слабой улыбкой (и я не пойму, что вызвало ее),— мадам де Паван и я с благодарностью принимаю ваше предложение.

— Де Паван,— воскликнул я с изумлением и восторгом в то же время. Мадам де Паван! Так она, должно быть, родственница Луи! Без сомнения, она знает его дом и может облегчить наше главное затруднение. Как все это вышло удачно! — Так вы знаете месье де Паван? — продолжал я в большом волнении.

— Конечно,— отвечала она с очаровательной улыбкой.— Даже очень хорошо. Он мой муж.

Глава V

МОНАХ И ЖЕНЩИНА

— Он мой муж!

Она произнесла это совершенно просто; но вряд ли подобные слова когда-либо производили такое впечатление! Мы оставались безмолвными и неподвижными, как окаменелые.

Жена Луи де Паван! Луи де Паван женат! Если это была правда,— и глядя на ее лицо, вряд ли можно было допустить с ее стороны намеренную ложь,— то мы действительно были одурачены. Все наше путешествие было ни к чему и мы рисковали жизнью для негодяя. Это значило, что Луи де Паван, бывший нашим идолом, представлял из себя самого низкого, гнусного из придворных кавалеров; что мадемуазель де Кайлю была для него только игрушкой, и что, стараясь предупредить Безера, мы только спасали злодея от заслуженного наказания.

— Мадам,— начал серьезно Круазет после долгого молчания, во время которого улыбка покинула ее лицо и,

вероятно, под влиянием наших изумленных взглядов, сменилась беспокойным выражением.— Ваш муж уезжал на некоторое время? Он, кажется, вернулся только недели две тому назад?

— Это верно,— отвечала она спокойным тоном, и наша последняя надежда улетела.— Но что из этого? Он вернулся ко мне... и только еще вчера,— продолжала она сжимая свои руки,— мы были так счастливы.

— И теперь, мадам?

Она посмотрела на меня, не понимая моего вопроса.

— Я хотел сказать,— поспешил объяснить я,— что мы не понимаем, как вы попали сюда... и еще пленницей.— Я надеялся, что рассказ ее, может быть, прояснит что-то.

— Я и сама не знаю,— отвечала она.— Вчера после обеда я была у настоятельницы монастыря Урсулинок.

— Извините,— перебил ее Круазет,— но ведь вы, кажется принадлежите к новой вере? Вы гугенотка?

— О, да,— отвечала она быстро.— Но настоятельница мой старинный друг и совсем не фанатичка. Ничего подобного, уверяю вас. Когда мне случается бывать в Париже, я посещаю ее каждую неделю. Вчера, когда я прощалась с ней, она просила меня зайти сюда и передать одно ее поручение.

— Так вам знаком этот дом,— сказал я.

— Даже очень хорошо. Через двор от улицы Платриер вывеска «Руки и перчатки». Я несколько раз бывала в лавке метра Мирпуа. Я пришла сюда вчера, чтобы передать поручение, оставив горничную на улице; мне предложили зайти наверх... все выше и выше, пока я не попала в эту комнату. Тут меня просили подождать немного, и мне показалось странным, что меня завели в такое жалкое помещение, когда мне нужно было передать Мирпуа пустое поручение насчет перчаток. Я пробовала повернуть ручку двери, она оказалась запертою. Тогда я перепугалась и стала звать на помощь.

— Да,— сказал я, крайне заинтересованный, и мы все кивнули головой. Во время ее рассказа, мы старались построить объяснение всего этого — и у всех выходило одно и то же.

— Тогда явился Мирпуа. «Что это значит?» — спросила я. Он был очень сконфужен, но загородил мне дорогу,

«Все дело в том, — ответил он наконец, — что вашему сиятельству придется пробыть здесь несколько часов... самое большее два дня. Вам не грозит никакая опасность. Моя жена будет ходить за вами, и при уходе вашем все будет объяснено». Напрасно я спрашивала его, не принимал ли он меня за другую, или не считал ли сумасшедшею. На все это он отвечал отрицательно. Когда я хотела уйти, он угрожал мне насилем. Я должна была подчиниться. И с тех пор я здесь, в постоянном ожидании всяких ужасов.

— Этому положен теперь конец, мадам, — сказал я, прижимая руку к груди и полный самых рыцарских чувств. Пред нами, если я не ошибался, была другая жертва этого злодея, еще более оскорбленная, чем Кит. — Хотя бы здесь на лестнице оказалось девять перчаточников, — заявил я смело, — мы выведем вас отсюда и доставим домой! Где вы живете?

— На улице Сен-Мерри, около церкви. У нас там свой дом.

— Месье де Паван, — прибавил я с хитростью, — без сомнения, в страшном беспокойстве о вас.

— О, конечно, — отвечала она с наивным простодушием, и слезы выступили на ее глазах.

При виде ее полного неведения — и она, конечно, не имела ни малейшего подозрения — я готов был заскрежетать зубами. Низкий, презренный обманщик! Чем он мог прельстить ее... что находили мы в этом человеке, который платил нам злом за нашу привязанность?

Я отвел в сторону Мари и Круазет, будто для того, чтобы обсудить, как нам выломать дверь.

— Что все это значит? — сказал я вполголоса. — Как ты полагаешь, Круазет?

Я знал заранее его ответ.

— Что я полагаю! — воскликнул он в страшном негодовании. — Конечно, этот негодяй Паван сам устроил эту ловушку для своей жены! Разве может быть иначе? Раз его жена задержана, он может свободно продолжать свою интригу в Кайлю. Он может жениться на Кит, или... проклятие над ним!

— Проклинать мало толку, — сказал я серьезным тоном. — Мы должны сделать более этого. Но мы обещали

Кит, что спасем его... мы должны сдержать свое слово. Мы должны по крайней мере спасти его от руки Безера.

Мари простонал. Но Круазет горячо подхватил эту мысль.

— От Безера,— воскликнул он с пылающим лицом.— Да, это верно! Мы должны! Но затем мы кинем жребий кому из нас выпадет драться с ним и убить его.

Я бросил на него уничтожающий взгляд.

— Мы должны драться с ним по очереди,— сказал я,— пока один из нас не убьет его. В этом ты прав. Но только твой черед будет последним. К чему тут жребий? И без жребия известно, кто из нас старший.

Дав ему такой отпор, я уже собирался искать что-нибудь подходящее для взлома двери, когда Круазет поднял свою руку, чтобы обратить мое внимание. Через окно до нас долетали звуки голосов.

— Они открыли наш побег,— сказал я, и сердце мое сжалось.

К счастью, мы догадались задернуть занавес; так что люди Безера могли разглядеть из своего дома только наше слабо освещенное окно. Однако они, наверное, догадываются, куда мы скрылись, и поспешат отрезать нам отступление снизу. Вначале у меня мелькнула мысль выломать как-нибудь дверь и пробить себе дорогу в единственной надежде, что мы успеем выбежать на улицу прежде, чем наши ошеломленные враги успеют прийти в себя от нашего внезапного нападения. Но потом я взглянул на мадам. Как же мы оставим ее? Пока я колебался в своем выборе, наш единственный шанс на успех пропал. Послышались голоса внизу и тяжелые шаги по лестнице.

Мы оказались между двух огней. Я окинул взором нашу голую мансарду, с ее покатым потолком, в надежде найти какое-нибудь оружие, кроме моего кинжала. Но все было напрасно; в ней ничего такого не оказывалось.

— Что вы будете делать? — прошептала мадам де Паван, обводя нас испуганными глазами.

Круазет дернул меня за рукав, прежде чем я успел ответить, и указал на большую кровать с занавесями.

— Если они увидят нас в комнате,— сказал он тихо,— когда еще не все вошли, то наверное подымут тре-

вогу, лучше спрячемся пока там. Когда они все будут в комнате, тогда... ты понимаешь?

Он коснулся рукой своего кинжала. На лице его было напряженное, решительное выражение. Я понял его.

— Мадам,— сказал я быстро,— вы не выдадите нас?

Она покачала головой. Глаза ее просветлели и бледность пропала. Это была настоящая женщина. Сознание, что она теперь была защитницей других, заставило ее забыть о своем собственном страхе.

Шаги приблизились к двери, и мы услышали шум ключа, вставляемого в замок. Но прежде, чем его открыли,— на наше счастье ключ трудно поворачивался в замке,— мы все трое успели вскочить на кровать и притаились, согнувшись как попало, в алькове у ее изголовья, где занавесь скрывала нас от стоящих у дверей.

Мое место было сбоку и через щелку я мог разглядеть все происходившее в комнате. В нее вошло трое, и среди них — женщина. Видама не было, и я стал дышать свободнее; но побоялся сообщить о своем открытии моим товарищам, опасаясь, чтобы в комнате не услышали мой голос.

Первой вошла женщина, закутанная в длинную накидку с капюшоном на голове. Мадам де Паван бросила на нее подозрительный взгляд, и потом, к моему изумлению, кинулась к ней на шею, перемешивая свои рыдания с радостными восклицаниями:

— О, Диана! Диана!

— Бедняжка,— отвечала незнакомка, глядя ее волосы и лаская.— Теперь ты в полной безопасности!

— Вы пришли за мною?

— Конечно,— отвечала веселым голосом Диана, продолжая ласкать ее.— Мы пришли, чтобы доставить тебя к твоему мужу. Он повсюду искал тебя. Он просто убит горем, моя малютка!

— Бедный Луи! — воскликнула жена.

— Да, бедный Луи! — повторила ее избавительница.— Но ты скоро увидишься с ним. Мы только в полночь узнали, где ты скрываешься. Этим ты обязана господину монаху. Он первый принес мне известие и предложил сопровождать меня к тебе.

— И возвратить потерянную сестру,— сказал с льстивой улыбкой монах, делая шаг вперед.

— Это был тот самый монах, которого два часа тому назад я видел вместе с Безером. Мне теперь, как и раньше, было противно его бледное лицо. Несмотря на то доброе дело, в котором он, по-видимому участвовал, я с раздражением смотрел на сжатые, высохшие губы, на это напускное смирение и на его коварные глаза.

— У меня давно не было такой приятной заботы,— добавил он, видимо, стараясь подкупить несчастную женщину.

Но, кажется, мадам де Паван питала к нему такие же чувства, как и я. Она вздрогнула при звуке его голоса и, высвободившись из объятий сестры, отступила назад. Хотя она и поклонилась ему после этих слов, но движение это было холодно.

Я взглянул на лицо сестры. Оно поражало своей красотой... Я еще никогда не видел таких удивительных глаз, такого рта и таких чудных золотистых волос. Даже сама Кит показалась бы некрасивой рядом с ней; но лицо это моментально приняло жестокое выражение. Минуту тому назад, они были в объятиях друг друга. Теперь стояли врозь, и какое-то чувство холодности и недоверия пробежало между ними. На них как будто упала тень монаха и разъединила их.

В этот момент из темноты выступил еще один человек. До сих пор он стоял в молчании у самых дверей: простой на вид, скромно одетый, человек лет шестидесяти, с седыми волосами.

— Я уверен,— воскликнул он, и голос его дрожал от волнения и, может быть, от страха,— ваше сиятельство пожалеет, что оставили мой дом! Поверьте мне! Вы были здесь в полной безопасности. Мадам д'О сама хорошенько не сознает, что она делает; иначе она не уводила бы вас отсюда. Она не сознает, что делает!

— Мадам д'О! — воскликнула прекрасная Диана, причем глаза ее метали молнии на провинившегося и голос ее был полон надменного негодования.— Как смеешь ты, презренный, произносить мое имя?

Монах подхватил ее слова.

— Да, презренный! Действительно презренный, жал-

кий человек! — повторил он медленно, протягивая свою длинную, сухую руку и положив ее, точно это были когти хищной птицы, на плечо буржуа, который даже вздрогнул при этом прикосновении.— Как смеешь ты... или подобные тебе... вмешиваться в дела дворян! Разве они могут касаться тебя? Я вижу, горе висит над этим домом, Мирпуа! Большое горе!

Несчастный задрожал при этой скрытой угрозе! Лицо его покрылось смертельной бледностью; губы его тряслись; он стоял, как очарованный, под взглядом монаха.

— Я верный сын церкви,— бормотал он, но его голос дрожал и слова были едва слышны.— Все меня знают таким! Вряд ли кто лучше меня известен в Париже!

— Люди познаются по делам их! — отвечал монах.— Ныне наступило время,— продолжал он, возвысив голос и подняв руку с какой-то торжественностью.— Ныне настал день спасения! И горе отщепенцам, Мирпуа! Горе всем тем, кто, взявшись за плуг, оглядывается назад, в сегодняшнюю ночь!

Несчастный человек совсем был подавлен этими грозными обвинениями; между тем мадам де Паван взглядывала по очереди то на того, то на другого, и, казалось, в своей ненависти к монаху, готова была взять сторону Мирпуа и простить его вину.

— Мирпуа говорил, что он может все объяснить,— проговорила она нерешительным голосом.

— Мирпуа,— сказал мрачно монах,— ничего не может объяснить! Ничего! Пусть только он попробует объяснить!

И действительно Мирпуа не произносил более ни слова.

— Идем,— сказал монах повелительным голосом, обращаясь к пришедшей с ним даме,— наша сестра должна следовать за нами. Нам дорога каждая минута.

— Но что... что это значит,— спрашивала нерешительно мадам де Паван.— Разве еще грозит опасность?

— Опасность! — воскликнул монах, поднимаясь во весь рост и с прежней торжественностью.— Когда я с вами, мадам, всякая опасность исчезает! Я облечен сегодня божественной властью — жизни и смерти! Вы не по-

нимаєте меня? Сейчас вы убедитесь в этом. Готовы ли вы? Идем... прочь с дороги, презренный! — крикнул он, направляясь к двери.

Но Мирпуа, стоявший к ней спиною, к моему удивлению, не шевелился. Его широкое лицо было бледно, но в нем была твердая решимость, как я мог разглядеть из моей щелки. И странно сказать, я знал, что, задерживая мадам де Паваñ, он поступает дурно, но все-таки не мог преодолеть своего сочувствия к нему, когда он сказал твердым голосом:

— Она не уйдет отсюда.

— Она уйдет! — закричал монах, потеряв свое прежнее самообладание.— Глупец! Сумасшедший! Ты не знаешь, что делаешь! — И с этими словами, сделав быстрое движение к двери, он схватил Мирпуа за руку и отбросил его на несколько шагов в сторону, с такою силою, которой я никак не мог ожидать в этой худой фигуре.— Глупец! — прошипел он, погрозив ему своими длинными, кривыми пальцами, с каким-то злобным торжеством.— В эту ночь нет ни одного человека в Париже, ни мужчины, ни женщины, который осмелился бы противиться мне!

— Разве так? В самом деле? — Холодный, насмешливый голос, которым были произнесены эти слова, не принадлежал Мирпуа; он донесся из-за него. Монах отпрянул в сторону. Я ухватился за Круазета и удержал рукою ногу, сведенную судорогой, которую только что хотел подвинуть, воспользовавшись шумом. Говоривший был Безер! Он стоял в открытых дверях; его громадная фигура заполняла почти все отверстие; на лице его была прежняя насмешливая улыбка. На нем был тот же черный костюм, расшитый серебром; но сверху был накинут плащ, над которым сверкало оружие. Он был в высоких сапогах со шпорами и в больших перчатках, как будто собрался в дорогу.

— Разве так? — повторил он с насмешкой, окинув по очереди взглядом всех присутствующих, а также все углы комнаты.— И так никто в Париже не смеет противиться вам? Подумали ли вы, любезный, сколько народу в Париже? Весьма позабавило бы теперь меня, да и присутствующих дам, которые должны простить мое внезап-

ное появление, если бы вас подвергнуть испытанию, скажем: поставить лицом к лицу с герцогом Анжу, или с нашим большим человеком месье де Гизом, или, наконец, с адмиралом? Да, с самим адмиралом?

Ярость и страх боролись теперь в лице монаха.

— Как вы попали сюда и что вам здесь нужно? — спросил он хриплым голосом и с таким взглядом, что если бы он был одарен способностью убивать глазами, то мы навсегда избавились бы в этот момент от нашего врага.

— Я разыскиваю тех самых пташек, которым вы недавно хотели свернуть шею, мой друг, — отвечал ему Безер. — Они исчезли. Они действительно должны быть птицами, потому что, если они не попали в этот дом, через это окно, то, должно быть, улетели на крыльях.

— Никто не видел их здесь, — отвечал решительно монах, желая поскорее избавиться от Безера, и как я благословлял его за эти слова! — После вас я все время был здесь.

Но Видам был не из таких людей, чтобы положиться на чьи-нибудь слова.

— Благодарю вас, лучше я посмотрю сам, — сказал он самым спокойным тоном. — Мадам, — продолжал он, обращаясь к мадам де Паван, — вы позволите мне?

Он не смотрел на нее при этом и не мог заметить охватившего ее волнения, иначе он догадался бы о нашем присутствии. К счастью, другие также не подозревали, что она знает о нашем секрете. Он медленными шагами прошел по комнате и приблизился к окну; между тем, как другие ждали его с нетерпением у дверей. Он отдернул занавесь и заглянул между каждою из полос. При этом слышались проклятия и выражение изумления. Полосы были невредимы, и ему не приходило в голову, чтобы мы могли пролезть между ними.

Повернувшись от окна, он бросил случайный взгляд на кровать, где мы были, и как будто колебался. В руках у него была свечка. Он не видел нас. До его слуха не долетели учащенные удары моего сердца. И хорошо было для него, что так случилось. Если бы он подошел к кровати, мне кажется, мы непременно убили бы его, по крайней мере, сделали бы эту попытку. Вся кровь уда-

рила мне в голову и он представлялся мне как в тумане, выше обыкновенного роста. Я видел ясно только одну точку, около пряжки, на которую был застегнут его плащ, близ ключицы, куда я должен был нанести удар. Но он повернулся от окна с мрачным лицом и подошел к собравшимся у дверей.

Глава VI

ИСПУГ МАДАМ

Мы вздохнули свободно, когда кончился этот ужас. В тот момент, как мы лежали, согнувшись в невыразимом страхе за альковом кровати, мы пережили целый век опыта и целая цепь ужасных приключений отделяла нас теперь от мирной жизни в Кайлю.

— Их нет здесь,— сказал Видам, поставив подсвечник у очага и бросая любопытный взгляд на своих компаньонов.— Это верно, тем более я должен спешить. Но мне хотелось бы... да мне хотелось бы знать, любезный господин монах, что вы делаете здесь. Мирпуа... Мирпуа честный человек. Я не ожидал встретить вас в его доме. И две дамы? О, господин монах! А, да это кажется мадам д'О? Моя любезная мадам, вы как будто пугаетесь своего собственного имени! Но никакие капюшоны не могут скрыть ваших очаровательных глаз или чудных губок; я сейчас бы узнал вас. И ваша спутница!..

Тут он остановился и тихонько засвистел. Без сомнения, он узнал мадам де Паван и был крайне изумлен. Кровать заскрипела, когда я вытянул свою шею, чтобы видеть, что будет далее. Даже монах сознавал, что теперь необходимо какое-нибудь объяснение.

— Мадам де Паван,— сказал он хриплым голосом и не подымая глаз,— была увлечена сюда вчера вечером и задержана против ее воли этим человеком, который будет отвечать за это. Мадам д'О, узнав где ее скрывали, просила меня сопутствовать ей и содействовать к освобождению ее сестры.

— И к ее возвращению к обезумевшему от горя мужу?

— Совершенно верно.

— И мадам желает уйти отсюда?

— Конечно! Как же иначе?

— Но конечно,— продолжал Видам, растягивая слова с таким выражением, что лицо мадам де Паван вспыхнуло,— это будет зависеть от лица, которое, употребляя ваше выражение, господин монах, увлекло ее сюда.

— И это была,— вмешалась тут сама мадам де Паван, причем голос ее дрожал от негодования,— настоятельница монастыря Урсулинок. Ваши низкие подозрения вполне достойны вас, месье де Видам! Диана! — продолжала она, схватив за руку свою сестру и бросив презрительный взгляд на Безера,— уйдем отсюда. Я хочу быть с моим мужем. Я задыхаюсь в этой комнате.

— Мы идем сейчас, малютка,— проговорила успокоительно Диана.

Но я заметил, что в ней не было уже того оживления, которым была проникнута ее красота. Какая-то неподвижность,— неужто это был страх перед Видамом? — сменила его теперь.

— Настоятельница Урсулинок,— продолжал Безер задумчиво.— Так это она завела вас сюда? — и в его голосе было неподдельное изумление.— Добрая душа и, я слышал, ваша большая приятельница. Гм!

— Мой очень близкий друг,— отвечала сухо мадам.— Диана, идем же!

— Близкий друг! И она засадила вас вчера сюда! — продолжал рассуждать Видам, с таким видом, как будто он разбирал анаграмму.— И Мирпуа задержал вас здесь; достойный Мирпуа, у которого, говорят, туго набитый чулок под тюфяком и который пользуется уважением между буржуазией. И он в заговоре. Потом, в поздний час ночи является сюда ваша любящая сестра с моим другом монахом, чтобы спасти вас. От кого?

Все молчали. Монах побледнел от злобы.

— От кого? — продолжал Безер с мрачной игривостью.— Вот в чем секрет. Из когтей этого ужасного Мирпуа! От этого опасного Мирпуа! Клянусь честью,— и тут голос его прозвучал решительно,— я думаю, здесь будет безопаснее для вас. Я думаю, вам лучше остаться здесь до утра, мадам, несмотря на этого страшного Мирпуа!

— О, нет, нет! — воскликнула в волнении мадам.

— Да, да! — отвечал он.— Что вы скажете на это, господин монах? Ведь вы согласны со мной?

Монах с мрачным видом опустил глаза. Голос его звучал хрипло, когда он сказал:

— Мадам может действовать по своему желанию. Но она должна дорожить своей репутацией, месье де Видам. Если она предпочитает остаться здесь... конечно.

— О, она должна дорожить своей репутацией? — повторил гигант и в глазах его мелькнула злобная веселость,— и потому она должна идти домой вместе с вами и с моей старой приятельницей мадам д'О, чтобы спасти ее! Вот как стоит вопрос? Нет, нет,— продолжал он со смехом,— мадам де Паван поступит разумно... гораздо разумнее, оставаясь здесь до утра. Нам предстоит работа. Идем же. Пора приниматься за нее.

— Вы серьезно говорите это? — сказал монах, вздрогнув и посмотрев на него вызывающе, почти с угрозой.

— Да, серьезно.

Их глаза встретились и, заметив выражение их, я невольно усмехнулся от радости и толкнул Круазета. Теперь мы уже не опасались, что нас откроют. Мне вспомнилась при этом старая поговорка, что когда воры начинают спорить между собой, то честные люди остаются в выигрыше; и передо мной мелькала возможность такого случая, что, может быть, хитрый монах избавит нас в конце концов от Безера.

Но силы противников были неравные. Видам мог поднять одною рукой своего врага и разбить об пол его череп. Но это еще было не все. Я сомневаюсь, чтобы и в коварстве монах мог быть ему равным. Под грубой животной оболочкой Безера, если только не обманывала молва, скрывался хитрый ум итальянца. По виду беззаботный циник, он отличался в то же время хитростью и подозрительностью; в этом отношении он представлял собой соединение двух совершенно противоположных натур и подобного соединения мне не приходилось еще встречать в равной степени ни в одном человеке... разве, исключая, моего покойного государя — Великого Генриха. Ребенок отнесся бы с подозрением к монаху; Видам мог подкупить и старого ветерана.

И действительно монах скоро опустил глаза.

— Значит, наш договор ни к чему не приведет? — прошептал он.

— Я не знаю никакого договора, — сказал Видам. — И у меня нет времени на мелочные разговоры. Объясняйте это как хотите. Называйте это моей прихотью, капризом, фантазией. Помните только одно, что мадам де Паван остается здесь. Мы идем. И, — прибавил он, под влиянием вновь поразившей его мысли, — хотя я не желаю употреблять насилие, но лучше, чтобы и мадам д'О сопровождала нас.

— Вы говорите повелительно, — сказал насмешливо монах.

— Это верно. Меня ждут сорок всадников через улицу. В настоящую минуту я повелеваю легионами!

— Это правда, — сказала мадам д'О и голос ее сделался до того мягким, что я невольно вздрогнул. Она молчала почти все время, после появления Безера. При этих словах она откинула назад свой капюшон и мы увидели окаймленное золотистыми локонами прекрасное лицо невероятной бледности, с пылающими красными пятнами на щеках.

— Это правда, месье де Безер, — сказала она. — Сила на вашей стороне. Но вы не употребите ее, я думаю против старого друга. Вы не повредите нам, когда... но выслушайте меня!

Но он не стал слушать. Этот зверь прервал ее в самой середине ее просьбы!

— Нет, мадам, — закричал он, не обращая никакого внимания на это чудное лицо, ни на умоляющие взгляды, которые могли бы тронуть самое каменное сердце, — вот на это я не согласен. Я не стану слушать! Мы знаем друг друга. Разве этого не довольно?

Она пристально посмотрела на него. Он отвечал на ее взгляд, но уже без улыбки и с какою-то подозрительностью.

После долгой паузы она отвернулась.

— Хорошо, — сказала она тихим голосом, глубоко вздохнув. — В таком случае идем.

И затем (что было удивительнее всего), не обращая никакого внимания на свою сестру, которая бросилась с

рыданиями на один из стульев, не сказав ей ни одного слова и даже не взглянув на нее, она повернулась к двери и пошла впереди других, только пожав при этом плечами, как я заметил.

Услышав удаляющиеся шаги, эта несчастная женщина вскочила со своего места. Она поняла, что ее покидают.

— Диана! Диана! — кричала она как безумная. — Я пойду с тобой! Не оставляйте меня в этом ужасном месте! Слышишь ли ты меня! Возвратись ко мне, Диана!

Кровь разгоралась во мне, но Диана не возвращалась. Странно! Безер также оставался равнодушным. Он стоял между дверью и бедной женщиной и сделал знак рукою Мирпуа и монаху, чтобы они проходили вперед.

— Мадам, — сказал он, и в его суровом, как всегда, голосе не слышно было ни одной ноты сострадания, скорее в нем сказывалось нетерпение, как будто он обращался с капризным ребенком, — вы здесь в полной безопасности. И этого довольно. Плачьте сколько хотите, — добавил он с циничной жестокостью, — у вас тогда останется меньше слез на завтрашний день.

Его последние, странные слова, видимо, поразили ее. Рыдания ее смолкли, и она со страхом взглянула на него. Может быть, он и хотел напугать ее; и пока она безмолвно смотрела на него со сжатыми на груди руками, он поспешно вышел и закрыл за собою дверь.

Дама, по-видимому, совершенно позабыла о нашем присутствии. Оставшись одна, она озиралась несколько времени с испуганным видом на дверь; потом бросилась к окну и стала в безмолвном ужасе смотреть на улицу.

Она не заметила, что Безер, уходя, позабыл закрыть дверь на ключ. Я это видел, но решил подождать. Кто-нибудь мог возвратиться для этого, пока еще Видам не вышел из дома. Кроме того, дверь была не из крепких, так что в случае надобности мы втроем могли выломать ее, имея такого противника как Мирпуа. И так я толчками давал знать моим товарищам, чтобы они не шевелились и сам сдерживал свое дыхание, стараясь уловить малейший звук закрываемой снаружи двери. Я ничего не слышал. Но до меня долетел другой звук. Кто-то чуть слышно прикоснулся к дверной ручке.

В комнате был полумрак. Мирпуа унес с собою одну из свечей, а оставшаяся сильно нагорела. Я не мог слышать поворота ручки, но следя за нею с напряженным вниманием, заметил, что дверь наша, без всякого шума, потихоньку раскрывалась. Наконец, я увидел, что в нее проскользнула, крадучись, какая-то фигура.

На мгновение я страшно испугался. Потом я узнал эту темную, закутанную фигуру. Это была мадам д'О. Смелая женщина! Ей удалось скрыться от Видама, и она поспешила на помощь к своей сестре. Ура! Мы еще поспорим с Видамом! Дело принимало лучший оборот.

Но нечто особенное в ее манере, в то время как она остановилась и заглядывала в дверь,— все это невольно пугало меня. Она кралась по комнате, так что шагов ее не было слышно, двигаясь как тень. Посреди комнаты она остановилась и стала прислушиваться, оглядываясь вокруг. Она не могла видеть своей сестры, фигура которой сливалась с занавесью у окошка; и, должно быть, она была в затруднении,— куда та могла скрыться. Мои нервы были до того напряжены (и я сам не мог понять причины этого), что я пошевелинулся и кровать заскрипела.

В тот же момент она повернулась в нашу сторону и проскользнула вперед, лицо ее все еще оставалось закрыто капюшоном. Она была теперь у самой кровати и склонилась над нами. Она подняла свою руку, должно быть, чтобы прикрыть глаза, стараясь разобрать эту темную массу, которую принимала за свою сестру.

Я уже раздумывал как бы дать ей знать, не пугая ее, о нашем присутствии, когда Круазет с ужасным криком и грохотом перескочил через меня на пол!

Следом раздался страшный вопль, полный ужаса, который до сих пор звучит в моих ушах. Она отшатнулась назад, дико взмахнув руками. Я услышал звук падения какого-то металлического предмета на пол. В тот же момент послышался другой крик у окна, и мадам де Паван, подбежав к ней, подхватила ее на руки.

Какою странною казалась теперь эта комната, еще недавно полная гробового молчания, и теперь с нашим появлением наполнившаяся шепчущимися группами. Я проклинал в душе Круазета за его глупый поступок и

страшно сердился на него; но теперь было не до выговоров. Я послешил к двери, приоткрыл ее немного и вслушивался. Но все было тихо в доме. Я вынул ключ из замка, положил его в карман и вернулся назад. Мари и Круазет стояли в стороне от мадам де Паван, которая склонилась над своей сестрой и мочила ей виски, стараясь объяснить ей наше присутствие.

Через несколько минут, мадам д'О пришла в себя и поднялась. Первое потрясение смертельного испуга уже прошло, но она была очень бледна. Она все еще дрожала и избегала наших взглядов; хотя по временам, когда она думала, что мы не смотрим на нее, глаза ее обращались на каждого из нас по очереди, с каким-то странным выражением любопытства с примесью страха. Я не удивлялся этому. То потрясение, которое она вынесла, убило бы другую, более слабую женщину.

— К чему ты это сделал? — спросил я Круазета; раздражение мое далеко не прошло, при виде этого чудного лица.— Ведь ты мог убить ее!

Должно быть, его нервы были сильно потрясены, потому что я не мог добиться от него толкового ответа. Он только повторял, весь трясаясь и ходя взад и вперед по комнате:

— Уйдем отсюда скорее, уйдем из этого ужасного дома!

— С большой охотой!

Теперь дорога была открыта, и мы должны были укорять себя за каждую потерянную минуту.

— Теперь не время сидеть над больными. Мадам де Паван,— сказал я, обращаясь к ней,— вы знаете дорогу отсюда к вашему дому?

— О, да! — воскликнула она.

— В таком случае тронемся в путь! Ваша сестра уже достаточно оправилась. И не будем терять более времени.

Я ничего не сказал ей об опасности, угрожавшей ее мужу, или что мы подозревали его в измене и вообще, что он был главной причиной ее задержки в этом доме. Я рассчитывал на нее главным образом как на проводника; хотя, исполняя нашу главную задачу, я считал своей обязанностью доставить ее в безопасное место.

Она быстро встала.

— Вы уверены, что мы можем выбраться отсюда?

— Вполне уверен,— отвечал я с решительностью самого Безера. И я был прав. Мы тихо спустились по лестнице, потревожив только одного Мирпуа, который настиг нас у самой выходной двери, когда вы возились с запорами. Он было стал задерживать нас, но я живо укротил его, махнув моим кинжалом перед его глазами. Я заставил его самого открыть нам запоры, и, пригрозил ему, если он будет преследовать нас, и мы друг за другом вышли на улицу. Наконец-то, обдуваемые ночным ветром, мы стояли свободные на улицах Парижа. На колокольне ближайшей церкви пробило два часа и едва мы сделали несколько шагов по грубо вымощенной улице, как те же часы торжественно прозвучали на башне.

Мы шли теперь свободнее и увереннее. И если только Безер не прямо отправился к своей цели, то мы еще могли опередить его. Я шел рядом с мадам д'О. Другие были несколько впереди нас.

По временам нам попадалась масляная лампа, качающаяся посреди узкой улицы, благодаря чему мы могли обойти какую-нибудь пададь или перешагнуть через вонючую лужу. В тех местах, где попадались коптящие лампы, мрак и тишина царила в городе. Но у меня являлось сомнение, чтобы здесь люди спали когда-нибудь, потому что неоднократно нам приходилось уступать дорогу вооруженным группам с факелами. Раз я заметил красный отблеск факелов, отражавшийся в окнах высокого, барского дома, отступавшего в глубь улицы. Свет этот исходил со двора, бывшего перед домом и отгороженного от нас низкой стеною, но до меня доносился оттуда шум голосов и людской топот. В другой раз я видел украдкой приоткрывшиеся ворота, из которых выглянули два вооруженных человека, что напомнило мне обстановку нашего первого появления в доме Безера, два часа тому назад. Неоднократно, при повороте в какой-нибудь тайный узкий переулок, я замечал неподвижно стоявшие группы людей. Надо всем носилась какая-то тайна в этом мраке, чувствовалось приготовление к чему-то ужасному, наводившее на меня трепет.

Но я ничего не говорил, и мадам д'О также хранила молчание. Как провинциал, я старался объяснить себе

это движение в неурочные ночные часы моим незнанием городской жизни; тем более, что все это не вызывало никаких замечаний с ее стороны. Я старался уверить себя, подавляя впечатление момента, что все это нормально и не предвещает ничего дурного. Кроме того, я был занят мыслью, как мне держать себя с Паваном, в каких выражениях я предупрежу его о грозившей ему опасности, бросив в то же время ему в лицо обвинение в предательстве.

Мы быстро прошли таким образом, в полном молчании, кроме неизбежных восклицаний при встретившемся каком-нибудь препятствии,— с четверть мили, когда моя спутница свернула в узенькую улицу и замедлив свои шаги, показала движением руки, что мы дошли. Она указала дверь, над которою висела лампа, освещавшая также полуоткрытую калитку рядом с ней. Мы теперь были совсем близко к другим, шедшим впереди нас. Я видел, как Круазет нагнулся, чтобы войти в калитку, и моментально отпрянул назад. Что это означало?

Первою моей мыслью было, что мы опоздали, что Видам опередил нас.

Между тем все было тихо. Через момент я вздохнул свободнее. Я увидел, что Круазет отступил назад только, чтобы пропустить кого-то, идущего ему навстречу,— это был монах. Вслед за его выходом, он проскользнул в калитку и за ним последовали другие; при чем монах не обратил на них никакого внимания.

Я только что хотел войти за ними, когда почувствовал, что мадам д'О сжала мою руку и потом отошла от меня. Поняв это так, чтобы я подождал ее, я посмотрел на монаха, уловив его взгляд в то время, как глаза их встретились. Его лицо было бледно и на нем было почти нечеловеческое выражение ярости и бессильной злобы. Он схватил ее за руку и грубо оттащил на несколько шагов в сторону; но до меня долетали слова их разговора.

— Его нет здесь! — прошипел он.— Понимаете? Вечером он переехал на другую сторону реки, в Сент-Жермен, в поисках ее. И он не вернулся! Он на той стороне, и полночь пробило уже более часа тому назад!

Она оставалась несколько моментов безмолвная, без движения,— как будто ее поразил удар. Случилось что-

то важное. Я видел это.

— Он не может переехать теперь? — сказала она немного погодя.— Ворота...

— Закрыты! — отвечал он.— Ключи от них в Лувре.

— А лодки на этой стороне?

— Все до последней! — отвечал он, ударив в ярости кулаком одной руки по ладони другой.— Никто не может переехать сюда, пока все не кончено.

— А в Сент-Жерменском предместьи? — спросила она вполголоса.

— Там ничего не будет. Ничего!

Глава VII

МОЛОДОЙ РЫЦАРЬ

Я охотнее оставил бы их вдвоем и вошел прямо в дом; я сгорал от нетерпения скорее достигнуть цели нашей дальней поездки; кроме того, мне совсем не нравился монах и у меня не было никакого желания подслушивать их разговор. Но до того был поражен его гневом и грубым обращением с мадам д'О, что не решался оставить ее, пока она сама меня не отпустит. Поэтому я ждал терпеливо у двери, чувствуя себя крайне неловко, пока они продолжали вполголоса разговор; я был чрезвычайно рад, когда он, наконец, кончился и она вернулась ко мне. Я предложил ей свою руку, чтобы пособить переступить через порог калитки. Она оперлась, но продолжала стоять на месте.

— Месье де Кайлю,— начала она и остановилась. Естественно, при этом я взглянул на нее и глаза наши встретились.

Ее чудные карие глаза, блестящие при свете лампы, которая висела над нами, пристально смотрели на меня. Уста ее были полуоткрыты и золотистый локон выбился из-под капюшона.

— Месье де Кайлю, согласны вы оказать мне одну услугу,— продолжала она,— которой я никогда не позабуду?

— Клянусь,— произнес я с горячностью, сознавая всю

торжественность случая.— Клянусь вам, что через десять минут, как только я исполню некоторое начатое дело, я посвящу вам всю мою жизнь. Но сейчас...

— Но сейчас? Мне именно нужно сейчас, рассудительный юноша.

— Я должен увидеть месье де Павана. Я дал слово,— воскликнул я.

Я чувствовал, что она смотрела на меня с сомнением, даже с подозрительностью.

— Как так? — спросила она с видимым изумлением.— Вы только что доставили домой его жену, перепугав меня при этом чуть не до смерти; чего же вам еще нужно, храбрый странствующий рыцарь?

— Я должен видеть его,— отвечал я с твердостью. Я готов был рассказать ей все, но близко стоявший к нам монах мог расслышать мои слова; а я составил себе слишком неблагоприятное понятие о нем, чтобы решиться на это.

— Вам нужно видеть месье де Павана? — повторила она, пристально вглядываясь в меня.

— Это необходимо,— отвечал я решительно.

— В таком случае вы его увидите. Я именно хочу пособить вам в этом! — воскликнула она.— Его нет здесь теперь, вот в чем дело. Он оставил свой дом вечером в поисках за женой и, по словам монаха, переправился на другую сторону реки, в Сент-Жерменское предместье. Между тем необходимо, чтобы к рассвету он был здесь, понимаете ли... к рассвету.

— Но разве его нет здесь? — сказал я, сознавая, что все мои ожидания разлетелись прахом.— Уверены ли вы в этом?

— Вполне уверена,— быстро отвечала она.— Ваши братья теперь уже убедились в этом. Слушайте, месье де Кайлю, Паван должен быть здесь к рассвету, не только ради его жены... она умрет от беспокойства... но также...

— Я знаю,— воскликнул я, прерывая ее,— также и ради себя. Жизни его грозит опасность.

Она быстро обернулась, как будто пораженная этим, а также, и мы оба взглянули на монаха. Мне показалось, что мы поняли друг друга.

— Это верно,— продолжала она вполголоса,— я так-

же хочу спасти его; но мне известно, что он будет в безопасности только здесь. Только здесь, вы понимаете меня! Он должен быть доставлен сюда до рассвета, месье де Кайлю. Это необходимо! — воскликнула она, и какое-то выражение суровой решимости пробежало по ее чудному лицу.— Господин монах не может ехать за ним. Я также не могу. Единственный человек, который может спасти его — это вы. Но прежде всего, не следует терять ни одной минуты.

Мои мысли совершенно спутались. Уже при последних словах она повернулась назад, продолжая опираться на мою руку, и я, полный сомнения и нерешительности, был увлечен ею. Я не сознавал ясно своего положения, мне хотелось прежде войти в дом и посоветоваться с Мари и Круазетом; но все это так быстро случилось... время, по ее словам, было так дорого... и мне было так трудно отказать ей в чем-нибудь, когда она смотрела на меня с умоляющим выражением прекрасных глаз. Я только мог проговорить, запинаясь:

— Но я совсем не знаю Парижа. Я, пожалуй, не найду дороги, теперь ведь ночь.

Она оставила мою руку и остановилась.

— Ночь! — воскликнула она.— Я считала вас не мальчиком, а мужчиной! Вы боитесь!

— Боюсь? — отвечал я оскорбленным тоном.— Кайлю никогда не боятся!

— В таком случае я могу показать вам дорогу, если только в этом все ваше затруднение. Здесь поворот. Войдите на минуту со мною сюда,— продолжала она,— я передам, что вам понадобится, а также расскажу дорогу.

Она остановилась у дверей высокого большого дома, стоявшего в ряду других, на улице, которая показалась мне чище и внушительнее виденных мною до сих пор. При последних словах, она три раза дернула за колокольчик. Едва замер серебристый звук звонка, как дверь тихо отворилась; никто не встретил нас и она ввела меня в узкую прихожую, или коридор. На большом ящике горела свеча в разукрашенном шандале. Она взяла его и, велев следовать за нею, стала подниматься по лестнице; мы вошли в комнату, гостиную и спальню в то же время,— такой мне никогда еще не приходилось видеть,

Стены ее были обиты богатым синим шелком и освещались лампами с цветными шарами из венецианского стекла, разливавшими нежный полусвет. В воздухе стоял запах кедрового дерева; в изящной корзиночке у камина лежали маленькие щенки. Повсюду царил какой-то изящный беспорядок. На одном из столиков стояла накрытая шкатулка с драгоценностями, на другом была брошена кружевная накидка, несколько масок и веер. На стене висел разукрашенный драгоценными камнями хлыстик и кинжал с серебряной ручкой. Но что меня особенно поразило,— я заметил за дверьми шпагу в черных ножнах и мужскую перчатку.

Не останавливаясь ни на один момент, она прямо подошла к шкатулке с драгоценностями и, вынув из нее массивный золотой перстень с печатью, протянула его мне.

— Наденьте это,— проговорила она.— Если вас остановят солдаты или не будут давать лодку, чтобы переехать на ту сторону, смело говорите, что вы едете по службе короля. Вызовите их начальника и покажите ему это кольцо. Будьте смелы. Пусть он только осмелится задержать вас!

Я бормотал благодарность в то время, как она, вынув из ящика обрывок белой материи, разрывала его на полоски. Я не успел еще догадаться о ее намерении, как она уже стояла на коленях возле меня и делала перевязь на моем левом рукаве. Потом взяла мою шляпу и с такою же поспешностью прикрепила к ней две полоски той же материи,— в виде грубого подобия креста.

— Вот,— сказала она после этого.— Теперь слушайте, месье де Кайлю. Сегодня ночью должно случиться нечто такое, о чем вы и не подозреваете. Эти знаки пособят вам перебраться в Сент-Жермен, но как только выйдете на берег, сейчас же уничтожьте их. Сорвите их, помните. Они уже не пособят вам после того. Вы вернетесь в той же лодке и они вам не понадобятся. Если вас увидят с ними потом, они введут вас только в беду, да и меня также.

— Я понимаю,— сказал я,— но...

— Вы не должны задавать вопросов,— возразила она, погрозив мне нежным пальчиком.— Мой рыцарь должен

верить в меня, как и я в него. Но помните: когда вы встретитесь с Паваном, ни слова не говорите ему, что вы посланы мною. Не забудьте этого, причину я вам объясню потом. Скажите только, что жена его найдена и страшно беспокоится о нем. Если вы упомянете о грозящей ему опасности, он еще, пожалуй, не пойдет с вами. Мужчины бывают упрямы.

Я кивнул с улыбкою, как будто понимая намек. Но в то же время у меня в голове пробежала другая мысль. Паван не дурак, и имени Видама достаточно... Впрочем, дело покажет. У меня было еще нечто другое сообщить ему, о чем она не знала. Между тем, она обстоятельно рассказала мне о трех поворотах, которые я должен был сделать, чтобы выйти к реке; также где находилась лодочная пристань и в каком доме найти Павана.

— Он в отеле Байльи,— сказала она.— Ну, теперь, кажется, все.

— Не совсем,— сказал я с некоторою смелостью.— У меня еще одного не хватает. Это — шпаги!

Она взглянула в том направлении, куда смотрели мои глаза, вздоргнула и засмеялась каким-то странным смехом; но все-таки принесли оружие.

— Берите ее,— сказала она,— и не теряйте ни одной минуты. Не говорите обо мне Павану. Смотрите, чтобы по возвращении на вас не увидели белых знаков. Кажется, все. А теперь всякой вам удачи! — Она протянула руку, которую я поцеловал.— Всякой удачи, мой рыцарь, всякой удачи... И возвращайтесь ко мне скорее!

Божественная улыбка осветила при этом ее лицо, так мне по крайней мере показалось, и та же улыбка сопровождала меня до конца лестницы: она склонилась с лампой в руках над перилами и указывала мне, как открыть тяжелые запоры. Я бросил последний взгляд на это прелестное лицо с живыми глазами, на эту склонившуюся над перилами чудную фигуру с протянутой маленькой ручкой и быстро вышел на темную улицу.

Никогда еще мое сердце не билось с таким воодушевлением! Сколько я могу припомнить, никогда впоследствии,— в минуты высшего торжества и успехов, на войне или в любви, мне не приходилось испытывать такого подъема духа, такой энергии, как в этот момент! На

шляпе у меня красовался в первый раз знак моей дамы. На пальце был надет волшебный перстень; на рукаве — талисман. Шпага опять была со мною. Вокруг меня лежал в тумане таинственный город, полный романтических приключений и опасностей, полный всяких чудес и удивительных столкновений, о которых я только читал в рыцарских романах. Я даже не сожалел о моей разлуке с братьями. Я был старший. Естественно, что мне — Ану де Кайлю, выпала на долю самая опасная часть предприятия.

Я зорко следил за всем происходившим вокруг меня и заметил, что за последние полчаса число людей, встречавшихся мне на улицах, сильно увеличилось. Меня поражало молчание, с которым прокрадывались мимо меня небольшие группы в два и три человека, а то и в одиночку. До меня не долетало шума разгула, песен или драки; но почему же в такой поздний час я видел столько народа на улицах? Я стал считать их и скоро заметил, что большинство встречавшихся мне носило те же самые знаки на шляпе и на рукаве, как и у меня, и что все они спешили с каким-то сосредоточенным видом, точно к месту назначенного свидания.

При всей своей молодости, я далеко не был глуп, хотя в некоторых случаях и не отличался сообразительностью Круазета. Слышанные мною раньше намеки не пропали для меня даром.

«В эту ночь произойдет нечто такое, о чем вы и не подозреваете», — сказала мадам д'О. Действительно затевалось что-то особенное. Под утро в Париже должно было разыгаться какое-то событие. Но что такое? Не предполагалось ли восстание? В таком случае, так как я был на службе короля, мне ничего не угрожало. Может быть, мне предстояло участвовать в каком-нибудь историческом перевороте? Или это просто затевалась стычка между двумя дворянскими партиями? Как я слышал, такие вещи не раз случались в Париже.

Я не мог представить себе ничего иного. Это истинная правда, хотя требующая некоторых объяснений. Я не привык к сильному проявлению религиозной вражды между более уравновешенными партиями в Керси, где, за немногими исключениями, все приветствовали вновь за-

ключенный мир между католиками и гугенотами. Поэтому я не мог себе представить, до чего мог дойти фанатизм парижского населения, и упустил из виду главную причину тех ужасов, которые неизбежно, как восход солнца, должны были разыгаться в Париже под утро этого дня. Я знал, что множество представителей гугенотских семейств собрались в город; но мне не пришло в голову, что им угрожает какая-нибудь опасность. Их было много, они были сильны и к тому же пользовались расположением короля. Они были также под покровительством Наваррского короля, только что женившегося на сестре короля Франции, и принца Конде; и хотя эти два принца были молоды, но старый адмирал Колиньи отличался мудростью и, как я слышал, рана его не была опасна. Он, без сомнения, пользовался королевским расположением и был даже доверенным его советником; еще недавно король посетил его на дому и целый час просидел около его кровати.

Конечно, думал я, если бы предстояла какая опасность, эти люди, наверное, предвидели бы ее. К тому же главный враг гугенотов великолепный герцог Гиз,— наш «большой человек» и «Лорен», как называл его народ — разве он не был в немилости у короля? Всего этого, не говоря уже о радостном событии, собравшем столько гугенотов в Париже и устранившем возможность всякого предательства,— было вполне достаточно, чтобы успокоить меня.

Если, в то время как я спешил к реке, у меня мелькало предчувствие истины, я старался подавить его. Я повторяю с гордостью, что не мог допустить подобной мысли. Не дай Боже! — можно ведь сказать правду сорок лет спустя,— чтобы все французы несли ответ за пролитую кровь во время заговора не ими задуманного, хотя они и были его исполнителями.

Поэтому меня не очень волновали злые предчувствия; и то возбужденное настроение, которое пробудило во мне свидание с мадам д'О, не покидало меня все время, пока в конце одной узенькой улицы около Лувра, предо мною не открылась река. Слабый свет луны, пробившийся на мгновение сквозь густые облака, озарял спокойную поверхность воды. Пахнувший на меня сырой воздух осве-

жил мою голову. Все это, вместе со спокойным открывшимся предо мною ландшафтом, как будто пробудило меня и мысли мои приняли другое направление.

На некотором расстоянии влево от меня я различал остров с массою скученных строений и мог проследить течение ближайшего рукава реки, застроенного по обоим берегам, но еще без перекинутого через него нового моста, который мне привелось видеть впоследствии. Неподалеку, направо от меня, выделялась на небе темная, бесформенная масса строений Лувра. Только небольшое пространство набережной отделяло меня от реки, по другую сторону которой виднелась неправильная линия строений, без сомнения, представлявшая предместье Сент-Жермен.

Она сказала, что в этом месте будет спуск к реке, и что внизу я найду лодки. Я пошел быстрыми шагами к открытой площадке, на краю которой заметил два столба, вероятно, указывавшие пристань. Едва я сделал несколько шагов, как, случайно обернувшись, увидел с крайне неприятным ощущением, что из мрака выступили три фигуры и двигались за мной, видимо, чтобы отрезать мне отступление. Мое предприятие не было так легко, — это не подлежало сомнению. Но я все-таки решился сделать вид, как будто не замечаю моих преследователей и, призвав на помощь всю свою храбрость, стал быстро спускаться по лестнице. Они были теперь уже совсем близко. Я быстро повернулся к ним.

— Что вы за люди и чего вам от меня нужно? — сказал я, положив руку на эфес шпаги.

Ответа не было. Но они раздвинулись, так что стали полукругом, и один из них засвистел. В тот же момент от темной линии домов отделилось несколько человек, которые стали быстро приближаться к нам.

Положение было серьезное. Бежать... но, взглянув вокруг себя, я убедился, что это невозможно. Позади меня на ступеньках лестницы к реке, я увидел в темноте также несколько человек. Я попался в ловушку. Более ничего не оставалось, как последовать совету мадам и взять одной смелостью. Слова ее еще звучали в моих ушах. Во мне еще достаточно оставалось прежнего возбуждения, чтобы придать мне твердости в эту минуту.

Я сложил руки на груди и гордо вытянулся во весь свой рост.

— Негодяи! — сказал я презрительным тоном, — вы ошиблись. Вы не догадываетесь, с кем имеете дело. Давайте скорее лодку и пусть двое из вас перевезут меня на другую сторону. Вы ответите своей головой или спинами, если только задержите меня!

В ответ на это послышались смех и ругательства, и, прежде чем я успел добавить что-нибудь, к нам приблизилась другая, более значительная группа.

— Кто это, Пьер? — спросил один из них спокойным тоном, из чего я заключил, что наткнулся не на шайку обыкновенных воров.

Говоривший, видимо, был начальником отряда. В берете его торчало перо, и я заметил стальную кирасу, блестящую под его плащом, в то время, как один из людей поднял фонарь, чтобы лучше разглядеть меня. Его платье было полосатое, черного, белого и зеленого цветов, — ливрея герцога Анжу, брата короля, как я узнал потом, и впоследствии Генрих III; в это время он был близким другом герцога Гиза, а потом его убийцею. Начальник отряда говорил с иностранным акцентом и у него было чрезвычайно смуглое лицо. Черные глаза его сверкали, как два уголька. Я сразу догадался, что он итальянец.

— Задорный петушок, — отвечал солдат, подавший свисток, — только не совсем той породы, что мы думали.

Он приблизил ко мне фонарь, и при этом указал на белую перевязь на моем рукаве.

— Мне думается, что мы захватили вороненка вместо голубя.

— Как это вышло? — спросил итальянец, обращаясь ко мне. — Кто вы такой? И зачем вам понадобилось в такую пору переезжать на ту сторону реки, молодой сеньор?

Я бросился вперед и, схватив начальника стражи за застежку плаща, потрянул его и отбросил с такою силою, что он чуть не свалился с ног.

— Собака, — воскликнул я, наступая как будто с намерением опять схватить его. — Учись, как говорить с

благородными людьми! Неужто меня может остановить такая сволочь? Я послан по службе короля, слышите!

— Он был в страшной ярости.

— По службе самого дьявола, скорее, я думаю! — воскликнул он своим ломаным языком и хватаясь за оружие. — Какая бы ни была служба — никто не посмеет безнаказанно оскорбить Андреа Паллавичини!

В этот момент, когда смерть смотрела мне прямо в лицо, я видел, что только одна отчаянная смелость может спасти меня. Он уже открыл рот и поднял руку, чтобы дать сигнал, когда я закричал отчаянным голосом, показывая ему свою руку с перстнем:

— Взгляни на это, Андреа Паллавичини, если так тебя звать! Взгляни на это! Завтра, если ты благородной крови, я готов дать тебе удовлетворение за обиду! Теперь же немедленно давай мне лодку, чтобы перебраться на тот берег или ты будешь отвечать за это головою! Повинуйся, сейчас же, или я прикажу этим самым людям покончить с тобою!

Выражение далеко не привлекательного лица Андреа Паллавичини изменилось моментально. Он схватил мою руку и пристально взглянул на перстень. После этого он подозрительно посмотрел на своих людей и с ненавистью на меня.

— Если бы вы показали мне это раньше, молодой сеньор, то было бы лучше для нас обоих, — сказал он суровым, угрожающим тоном.

После этого, обругав своих людей за их глупость, он приказал им отвязать одну из лодок.

По-видимому, она была крепко, хотя и неискусно привязана, потому что они долго возились с нею. Между тем я стоял в ожидании посреди группы этих людей, представляя для них предмет большого любопытства. Они шептались между собою, и до меня долетали такие фразы:

— Это герцог д'Омал.

— Нет, это не д'Омал. Ничего подобного.

— Дурак, да у него на руке перстень.

— Герцога!

— Герцога?

— Да.

— Ну, так все ладно, Бог с ним! — Последние слова были произнесены с выражением большого сочувствия.

Вдруг я увидел трех человек, быстро приближающихся к нам через открытую площадку и вышедших, по видимому, из того же дома, откуда появился и Паллавичини с своими людьми.

Я сразу почувствовал опасность.

— Ну, поворачивайтесь скорее! — закричал я в отчаянии. Но было уже поздно; мы не успели бы отчалить до их приближения, и я решился твердо встретить новую опасность.

Но первые слова, которыми встретил Паллавичини вновь подошедших, сразу рассеяли мои опасения.

— Какого дьявола вам нужно? — грубо закричал он и прибавил с полдюжины ругательств, прежде, чем те успели ответить ему. — Зачем привели вы его сюда, когда я велел оставить его в караульне? Идиоты!

— Капитан Паллавичини, — начал средний из них; это был человек лет тридцати, богато одетый, но одежда его была в беспорядке, как будто во время борьбы, — я уговорил этих добрых людей провести меня вниз...

— Совершенно напрасно, месье, — грубо перервал его начальник стражи.

— Вы не знаете меня, — отвечал строгим голосом пленник. — Понимаете ли вы, что я друг принца Конде и что...

Но итальянец опять перервал его.

— Много для меня значит ваш принц Конде! — воскликнул он. — Я знаю свой долг! Вам лучше будет покориться. Вам нельзя переправиться на ту сторону, и вас не пустят домой, и вы не получите никаких объяснений, кроме одного, что это делается по повелению короля! Объяснение? — и он проворчал вполголоса. — Ты получишь это объяснение скорее, чем ожидаешь.

— Но я вижу отчаливающую лодку, — сказал пленник с достоинством, сдерживая свой гнев. — Вы только что сказали, что по повелению короля никто не должен переезжать реку, и арестовали меня, потому что, имея крайнюю надобность в Сент-Жермен, я не хотел этому подчиниться. Но что же это значит, капитан Паллавичини? Другие переезжают. Я спрашиваю, что это значит?

— Что вам угодно, месье де Паван,— отвечал нахальным тоном итальянец.— Объясните это себе, как хотите.

Я вздрогнул при звуке этого имени и воскликнул с изумлением:

— Месье де Паван!.. Неужто я не ослышался?

Пленник обратился ко мне с поклоном.

— Да, месье,— сказал он с вежливым достоинством,— я месье де Паван. Я не имею чести знать вас, но вы мне кажетесь дворянином. Может быть, вы объясните мне причину насилия, которому я подвергся. Если можете, я сочту это за одолжение; если нет, извините меня.

Я не сразу ответил, потому что, кажется, застыл, рассматривая этого человека. Он был белокур, румян. Борода его была обстрижена клином по тогдашней придворной моде и в нем замечалось некоторое сходство с нашим Луи. Но он был ниже его ростом и полнее, у него не было такого воинственного вида; и он более походил на ученого, чем на воина.

— Вы не родственник месье Луи де Павана? — сказал я, и мое сердце, как-то странно забилося в ожидании разъяснения, которое я уже почти предвидел.

— Я сам Луи де Паван,— отвечал он с нетерпением.

Я безмолвно продолжал смотреть на него и все думал.

Потом я произнес медленно.

— У вас нет кузена с таким же именем?

— Есть.

— Он был взят в плен виконтом де Кайлю, под Минконтуром?

— Это верно,— отвечал он отрывисто.— Но к чему все это, месье?

Я опять не мог сразу ответить ему. Теперь все объяснилось. Я смутно припомнил теперь, как часто бывает в таких случаях, что Луи де Паван, после того, как мы познакомились с ним, упоминал о своем кузене, представителе младшей линии. Но так как наш Луи жил в Провенсе, а тот в Нормандии, то родственные связи, вследствие дальности расстояния и благодаря смутному времени, между ними ослабли, несмотря даже на то, что

они держались одной религии. Они почти не виделись.

И вот этот человек стоял теперь передо мною.

Это доказывало, что наш Луи не был негодяем, а всегда оставался таким же благородным человеком, каким мы его считали! Он был верный жених нашей Кит! Но, значит, он еще находился в опасности и не подозревал, что этот воплощенный демон Безер дал клятву убить его. Разыскивая его однофамильца, мы только сбились с пути и потеряли столько драгоценного времени.

— Ваша жена,— начал я торопливо, сознавая всю необходимость скорого объяснения.— Ваша жена...

— А, моя жена! — подхватил он, прерывая меня в волнении.— Что вы знаете о ней? Видели вы ее?

— Да, видел. Она в безопасности в вашем доме.

— Благодарение Богу! — сказал он с горячностью.

Но в это время капитан Андреа прервал нас. Я мог заметить, что у него явились новые подозрения. Он грубо встал между нами и сказал:

— Ваша лодка готова, молодой сеньор.

— Моя лодка? — отвечал я, быстро соображая, как вести себя в изменившихся обстоятельствах. Конечно, теперь мне не было надобности переезжать на другую сторону. Без сомнения, Паван — этот Паван, — может указать мне дом нашего Луи.

— Моя лодка?

— Да, она вас ждет,— отвечал итальянец, переводя с одного из нас на другого свои черные глаза.

— Так пусть себе ждет! — отвечал я высокомерным тоном и с напускным гневом.— Как вы смеете прерывать нас? Я не поеду теперь на ту сторону. Этот сеньор может сообщить мне все, что нужно. Он пойдет со мной.

— Куда?

— Куда?.. К тому, кто послал меня, бездельник! — крикнул я громовым голосом.— По-видимому, вы не пользуетесь особым доверием герцога, капитан,— продолжал я,— советую вам послушаться меня! Нет ничего легче, как разделаться с чересчур услужливым слугой! Он забежит слишком вперед, и с ним поступают, как со старой перчаткой! Да, как со старой перчаткой,— повторил я с жесткой насмешкой.— Ею пользуются, чтобы не запачкать руку, а потом бросают. Смотрите, чтобы не

пересолить вашу преданность, капитан Паллавичини! Это опасное дело!

Он побледнел от гнева от такой дерзости с моей стороны, но в то же время колебался. Я заметил, какое впечатление произвели мои слова и тотчас же обратился к окружающим нас солдатам.

— Принесите, друзья мои, шпагу месье де Павану,— сказал я.

Один из них тотчас же побежал к караульному и немедленно принес ее. Эта была стража, видимо, набранная из числа горожан, и они почему-то относились с таким ко мне почтением, что мне думалось,— были готовы, по моему приказанию, обратить оружие и на своего временного предводителя. Паван взял свою шпагу. Мы сделали по церемонному поклону Паллавичини, который отвечал нам самым яростным взглядом, и медленно пошли (я боялся обнаружить признаки торопливости) сначала по освещенной площадке, а потом повернулся на ту улицу, откуда я вышел. Тут мы скоро были поглощены мраком. Паван тронул меня за рукав и остановился.

— Позвольте мне благодарить вас за вашу помощь,— сказал он растроганным голосом,— обращаясь ко мне. С кем я имею честь говорить?

— Месье Ан де Кайлю, друг вашего родственника,— отвечал я.

— В самом деле,— сказал он,— я благодарю вас от глубины сердца.

И мы крепко обнялись.

— Но я не мог бы многого сделать в вашу пользу, без этого кольца,— отвечал я со скромностью.

— И значение этого кольца заключается...

— Я... я право и сам не знаю!..— должен был я сознаться, совершенно забыв одно из предостережений моей дамы.— Я знаю только, что мне дала его мадам д'О и что действие его превзошло все, что она мне о нем говорила.

— Кто дал его вам? — спросил он и при этом так крепко схватил меня за руку, что я даже почувствовал боль.

— Мадам д'О,— повторил я. Теперь уже было поздно запирались.

— Эта женщина! — сказал он полным ужаса шепотом. — Да возможно ли это? Она дала вам его?

Для меня было совершенно непонятно то удивление и негодование, которое слышалось в его голосе. Мне показалось даже, что он как будто отшатнулся от меня.

— Да, месье де Паван, — отвечал я несколько обескураженно. — Это возможно, потому что это правда, и кроме того, я не думаю, что вы стали бы выражаться так об этой даме, если бы знали все; чрез нее только ваша бедная жена была освобождена из того места, где ее задерживали, и была доставлена благополучно домой!

— А! — воскликнул он в волнении. — Где же была моя жена?

— В доме Мирпуа, перчаточника, на улице Платриер. Знаете ли вы его? Знаете. Ну так ее держали там пленницей, пока мы не содействовали ее освобождению, с часу тому назад.

Он и теперь, по-видимому, не вполне понял меня. Я не мог видеть его лицо; но в голосе его звучало сомнение и изумление.

— Мирпуа, перчаточник, — проговорил он шепотом. — Это честный человек, хотя и католик. Ее задержали там! Кто же ее задержал?

— Кажется, в основании всего этого была настоятельница Урсулинок, — воскликнул я, сгорая от нетерпения. Допрос его был несвоевременен; время уходило. — Мадам д'О узнала, где ее скрывали, — продолжал я, — и доставила ее домой, а меня послала за вами, услышав, что вы были на той стороне. Вот вкратце все, что я могу рассказать.

— И эта женщина послала вас за мною? — повторил он опять.

— Да, месье де Паван, — отвечал я с раздражением.

— В таком случае, — произнес он медленно и с видом глубокого убеждения, сильно на меня подействовавшего, — для меня устроена западня! Это самая ужасная, самая жестокая, самая низкая женщина в мире! Если она послала вас, то с целью устроить для меня западню! Моя жена уже попала в нее! Бог помощи ей... а также и мне!..

ПАРИЖСКАЯ УТРЕНЯ

Если бы мы были не одни, я сказал бы месье де Павану, что он лжет, и обнажил бы мою шпагу. Но я ничего не сделал, только стоял, как окаменелый, в ожидании, что он скажет далее.

— Она сестра моей жены,— продолжал он суровым голосом.— Но защищать ее только поэтому? Если бы вы пожили хоть месяц при дворе, месье де Кайлю, то убедились бы сами, что всякая такая защита бесполезна. Она известна не менее мадам де Сов. И как ни тяжело мне это говорить... я убежден в этом, хотя моя жена и не верит, что первое желание мадам д'О отделаться от своей сестры и от меня также... чтобы захватить наследство Маделены! Недаром я вчера испытывал такой ужас, когда моя жена не возвращалась домой,— прибавил он.

— Но в этом, по крайней мере, вы несправедливы! к мадам д'О! — воскликнул я, содрогнувшись при таком обвинении, которое на меня особенно действовало в темноте ночи.— Вы без сомнения несправедливы к ней! Как вам не стыдно, месье де Паван!

Он приблизился ко мне и, положив руку мне на плечо, заглянул в мое лицо.

— Видели вы с ней монаха? — спросил он медленно.

Я отвечал утвердительно, и дрожь пробежала по всему моему телу. Я рассказал ему, какое участие принимал монах в этом деле.

— В таком случае, я прав,— добавил Паван.— Для меня устроена западня. Настоятельница Урсулинок! Похищение моей жены? Да она самый близкий ее друг. Это невозможно. Она скорее спасла бы ее от опасности... хм! постойте минуту.

Я дожидался в ужасе новых открытий. Наконец, он пробормотал, видимо сдерживая себя.

— Может это быть? Не знала ли настоятельница об опасности, грозившей нам всем, и не хотела ли она укрыть Маделену? мне думается...

И я думал также; мысли воспламеняются, как порох, от самой ничтожной искры. Этих нескольких слов было

достаточно, чтобы пробудить целый взрыв новых идей в моем мозгу, так что на момент я стоял как ослепленный и весь затрясся от охватившего меня ужаса. Когда я несколько успокоился, мне представилась возможность такого злодеяния, которого я никак не мог подозревать. Мне припомнились сопротивление Мирпуа и горячая настойчивость монаха. Я припомнил то суровое предостережение, которое Безер (и как странно это было с его стороны!) сделал мадам де Паван, когда он сказал, что для нее будет лучше оставаться в этом месте. Я припомнил замеченное мною оживление на улицах, безмолвные группы, спешившие в разных направлениях, признаки близкой борьбы... И какой контраст все это представляло с тишиной и видимой безопасностью дома Мирпуа. Я быстро спросил Павана, в котором часу он был арестован.

— За час до полуночи,— отвечал он.

— В таком случае, вы ничего не знаете, что делается? — быстро проговорил я.— Даже теперь, пока мы теряем здесь время... но слушайте!

И второпях, путаясь и сбиваясь в моем судорожном волнении, я рассказал ему все, что я заметил на улицах, а также о слышанных мною намеках; также показал ему значки на платье, которыми снабдила меня мадам.

Когда я кончил свой рассказ, он почти силою оттащил меня к окну дома, в котором незадолго перед тем появился свет.

— Кольцо! — воскликнул он.— Скорее покажите мне кольцо! Чье оно?

Он поднял мою руку к слабому свету, чтобы разглядеть кольцо. Это был тяжелый, золотой перстень с печатью, но отличавшийся одною особенностью: у него было две грани. На одной была вырезана буква «Н» с короною наверху; на другой орел, с распростертыми крыльями.

Паван опустил мою руку и прислонился к стене, совершенно подавленный отчаянием.

— Это кольцо герцога Гиза,— пробормотал он.— Это орел Лорени.

— А! — воскликнул я и внезапный свет озарил меня. Герцог был тогда, как и впоследствии, идолом парижан и я понял, почему городская стража оказывала мне та-

кое почтение. Они приняли меня за доверенное лицо, посланное от герцога.

Паван проговорил с горечью:

— Теперь нам, гугенотам, осталась только последняя молитва. Это наш смертный приговор. К завтрашнему вечеру, юноша, в Париже не останется ни одного. Гизу нужно отомстить за смерть своего отца, и эти проклятые парижские волки готовы сделать все, что он прикажет! Барон де Рони предупреждал нас об этом, слово в слово. Если бы только Бог вразумил нас послушать его совета.

— Стойте! — воскликнул я. — Стойте! Король... король не допустит этого, месье де Паван!

— Мальчик, ты слеп! — прибавил он с нетерпением, потому что теперь он видел ясно все, а я ничего не видел. — Мы только что покинули капитана герцога Анжу, приверженца брата короля, заметьте это! И он... он повиновался герцогскому кольцу! Герцогу сегодня предоставлен полный простор, а он ненавидит нас. А река? Отчего нам не позволяют переезжать на ту сторону? Король! Он погубил нас. Он предал нас своему брату и Гизам. О, предатель! Низкий предатель!

Он прислонился к стене, убитый этим ужасным открытием, и совсем обессиленный ожиданием близкой опасности. Вообще, как мне казалось, это был нерешительный человек, хотя и несомненной храбрости; но более подходящий для ученых занятий, чем для бранного дела; и теперь он совсем предался отчаянию. Может быть, причиной этому была мысль о жене, может быть, на него повлияли те тревожения, которые он уже испытал, и неожиданное открытие предстоящих ужасов.

Во всяком случае, я первый пришел в себя, и первым делом разорвал надвое бывший у меня в сумке белый платок; из одной половины я сделал перевязь на его рукав, другую прикрепил на его шляпу, подражая тем знакам, которые я имел на себе.

Из этого видно, что я уже не вполне доверял словам мадам д'О. Я еще не убедился окончательно в ее вине, но уже сомневался в ней. «Не носите их по возвращении», — сказала мне она, и это было странно. Ее дружба с этим отвратительным монахом, ее стремление добиться возвращения домой Павана, ее старания увести туда

свою сестру, где она, находясь в доме известного гугенота, подвергалась наибольшей опасности, все это приводило к одному выводу, до того ужасному, что при всех моих сомнениях и колебаниях, я не мог остановиться на нем. Я всеми силами старался избавиться от этой мысли!

Теперь почти не оставалось надежды, что мы успеем предупредить жениха Кит вовремя, благодаря несчастной ошибке. Если опасения моего товарища были основательны, Луи должен был погибнуть при избиении гугенотов, прежде чем мы успеем разыскать его. Да и в противном случае мало оставалось надежды. Безер не будет медлить мщением. Я знал его достаточно для этого. Гиз еще мог пощадить своего врага, но Видам никогда! Он, правда, предостерег мадам де Паван; но после такого необычайного для него поступка воплощенный в нем дьявол заговорит еще сильнее и будет искать новой жертвы, как голодный зверь.

Я взглянул на узкую полосу неба, видневшуюся между домами, и вст... заря уже была недалеко. Едва оставалось полчаса до рассвета, хотя внизу в этих узких улицах царил еще мрак. Да, наступало ясное, радостное утро, и в городе было совсем тихо. Не слышно было ни одного звука, борьбы или волнения. Может быть, Паван ошибся? Или заговора вовсе не существовало? или его оставили? или, может быть...

Крик! Пистолетный выстрел! Короткий, сухой, зловещий звук раздался в тишине ночи!

— Где это? — воскликнул я, оглядываясь вокруг.

— Недалеко от нас. Близ Лувра, — отвечал Луи прислушиваясь. — Смотрите! Смотрите! О, Боже! — продолжал он голосом полным отчаяния, — ведь это сигнал!

Да, это был сигнал. Раз, два, три! Прежде чем я успел сосчитать, огни загорелись в окнах девяти или десяти домов на короткой улице, где мы находились, как будто зажженные одною рукой. Прежде чем я успел считать далее или спросить его, что это обозначало; прежде чем мы успели обменяться словом, или двинуться с места; прежде чем мы успели сообразить, что нам делать, над самыми нашими головами раздался страшный резкий удар и, точно раскачиваемый обезумевшими от ярости руками, загудел большой колокол. Густые звуки его раз-

неслись в пространстве, они опрокинулись с такою силою на спящий город, что, казалось, самый воздух заколыхался, и дома дрогнули. В одно мгновение тихая, летняя ночь превратилась в ад.

Мы повернулись и бросились бежать, инстинктивно пригнув головы и взглядывая наверх.

— Что это? Что это? — повторил я в ужасе. Гул набата оглушал меня.

— Это колокол Сент-Жармена, л'Оксеруа, — крикнул Луи. — Церковь Лувра. Все вышло как я говорил. Мы погибли!

— Погибли? Нет! — ответил я с какою-то яростью, под влиянием раздававшегося звона мое мужество проснулось во мне. — Этого не будет! На нас чертовы знаки и они будут оберегать своих. Обнажайте шпагу и горе тому, кто нас остановит. Вы знаете дорогу? Ведите меня! — закричал я в исступлении.

Он заразился моею отвагой и обнажил свою шпагу. Мы смело двинулись вперед, и мои предположения оправдались. Без сомнения, мы походили на других убийц, наполнявших улицы в эту ужасную ночь. Под защитою белых знаков мы быстро прошли в конец улицы, потом в другую, все еще преследуемые колокольным трезвоном, и, наконец, повернули в третью. Нас никто не останавливал и не спрашивал, хотя множество людей, к которым постоянно прибывали новые, особенно когда мы стали приближаться к той части города, где, очевидно, был центр волнения, — спешили одной дорогой с нами.

Все сливалось в волнении, тревоге и шуме. Но у меня сохранилось воспоминание о некоторых сценах, попадавшихся на пути, в то время как мы подвигались вперед, увлекаемые общим течением.

Я видел испуганные, бледные лица в окнах домов, полуодетые фигуры у дверей, я припоминаю большие, удивленные глаза ребенка, которого держали у окна, чтобы показать нас; изображение Христа на углу какой-то улицы, освещенное красным отблеском дымящегося факела; я помню какую-то женщину с оружием в руках, одетую в мужское платье, которая шла рядом с нами, распевая площадную песню. Я припоминаю все это, а также краткие перерывы света после той темноты, в которой мы

подвигались вперед, все время преследуемые возрастающим глухим шумом людской толпы.

Наконец, мы должны были остановиться на углу. В начале улицы, уже переполненной народом, происходила страшная давка из-за мест, с которых было лучше видно вглубь. Мы с Паваном попробовали было пробраться через толпу, и, подталкиваемые сзади другими, которые напирали на нас, невольно попали в такое место, откуда было видно все происходившее.

Вся улица,— одна из боковых, была ярко освещена. С одного конца до другого, во всех окнах домов, с их высокими крышами, отражался свет бесчисленных факелов. Вместо мостовой была видна одна сплошная масса человеческих лиц,— хотя в выражении их было мало человеческого; все они были обращены кверху; по временам из этой массы подымался шум и рев, напоминавший диких зверей, беснующихся в клетке, и повергал меня в такой ужас, что я совершенно вне себя хватался за рукав Павана.

Ближе к нашему концу улицы, около ворот одного из домов, точно остров среди волнующегося моря голов стояла неподвижная группа всадников. Они стояли в молчании, по-видимому, не обращая внимания на беснующихся демонов, толпившихся около их стремян, и следили, с сосредоточенным, суровым вниманием, за тем, что происходило за воротами. Все они были богато одеты, но у некоторых были видны кирасы, поверх дорогих шелковых костюмов, убранных кружевами. Я даже мог разглядеть драгоценные камни, сверкавшие в берете одного из них, казавшегося их предводителем. Это был очень молодой человек лет двадцати на вид, находившийся в центре группы,— замечательно красивой наружности, гордо сидевший на коне.

Не было надобности спрашивать о нем Павана. Я сам догадался, что это был герцог Гиз и что дом, перед которым стояли всадники, принадлежал Колиньи. Я понял, что делалось в это время внутри. И в тот же момент я чуть не лишился чувств от ужаса и негодования. Передо мною промелькнуло страшное видение: я видел седую окровавленную голову! Видел страшную расправу! Все чувства мои возмутились. Я стал бороться с толпой и про-

бывать себе дорогу за Паваном, поглощенный одной мыслью,— как бы уйти отсюда. Мы не останавливались и не оглядывались назад, пока не оставили за собою толпы и пылавшие огнями улицы, при свете которых совершилось такое ужасное дело.

Мы очутились, наконец, в конце узкого переулка, который, по словам моего товарища, должен был привести нас к его дому; тут мы остановились на момент, чтобы перевести дух и невольно оглянулись назад. Небо казалось багровым позади нас, воздух был наполнен звуками набата, которые неслись с каждой колокольни, с каждой башни. С востока до нас доносился треск барабанов, отдельные выстрелы и крики: «Долой Колиньи», «Долой гугенотов». Между тем испуганный город подымался внезапно разбуженный. Из каждого окна выглядывали бледные лица женщин и мужчин, слышались вопросы, зажигались свечи. Но большинство населения пока еще не принимало участия в волнении.

Паван снял шляпу, пока мы стояли в тени одного из домов.

— Не стало благороднейшего человека во Франции,— произнес он тихим, торжественным голосом.— Упокой Господь его душу! Они добились своего и зарезали его как собаку! Он был стар, и они не пощадили его! Он был дворянин, и они призвали городское отребье для совершения убийства. Но будь уверен, мой друг,— при этом голос его изменился, в нем слышались гордые звуки и самая фигура его выпрямилась,— будь уверен, что дни его убийц сочтены! Да. Обнаживший меч от меча и погибнет! Я не увижу этого; но ты увидишь!

Слова его не произвели тогда на меня сильного впечатления. Мужество возвратилось ко мне, я весь трепетал под влиянием охватившего меня воинственного пыла.

Годы спустя, когда два главных человека из группы, собравшейся у порога дома Колиньи, умерли, когда Генри де Гиз и Генри де Валуа погибли под ножом убийцы, через шесть месяцев один после другого,— тогда я вспомнил о предсказании Павана. И когда я вспомнил его, для меня стали ясны пути Провидения.

Но возвратимся к нашим дальнейшим приключениям; бросив мимолетный взгляд назад, мы пустились далее,

обсуждая дорогой, что нам предпринять. Первым движением Павана было искать убежища в его доме; но потом он стал колебаться, предвидя опасность для своей жены при возвращении; он рассуждал, что одну ее толпа вероятно бы пощадила. Ее смерть принесла бы мало выгоды его личным врагам, если бы ему самому удалось спастись. Поэтому он стоял за то, чтобы мы избегали его дома; но я не согласился с этим. Шайка убийц под предводительством монаха (допуская справедливость подозрения Павана) без сомнения ждала бы несколько времени, пока он возвратится, но затем все равно последует нападение на его дом, хотя бы из-за одного грабежа, и неизвестно еще, какая судьба постигнет тогда его жену. Я стремился во что бы то ни стало соединиться с моими братьями и с ними вместе постараться спасти нашего Луи, или в крайнем случае сообща скрыться из города. Нас будет четверо вооруженных людей и мы могли защитить мадам де Паван и привести ее в какое-нибудь безопасное место, если бы уже не представилось случая оказать помощь Луи. Помимо всего у нас оставалось кольцо герцога, которое могло пригодиться.

— Нет,— убеждал я его,— идем туда. Мы как-нибудь проскользнем в ворота с улицы, закрепим их железными запорами и болтами, и пока они будут ломиться, мы все успеем выйти задней калиткой.

— Но такой калитки нет,— отвечал он, покачав головою.

— Есть окна.

— Они защищены крепкими решетками. Мы не успеем сломать их,— сказал он с глубоким вздохом.

Я также был в затруднении. Но опасность только способствовала к изощрению моей сообразительности. В тот же момент у меня явился другой план, более рискованный и опасный, но который стоило испытать. Я сообщил его Павану, он согласился. Едва он успел кивнуть мне головою, как мы уже вышли в другую улицу, и я увидел при слабом свете начинающегося рассвета, что мы были в нескольких шагах от ворот и той самой калитки, через которую вошли мои братья. Находились ли они еще в доме? Были ли они живы? Прошло более часу с тех пор, как я их оставил.

Как ни велико было мое нетерпение, но я тщательно оглядел всю улицу, пока мы подходили к дому. Пока все было тихо, и эта улица, находившаяся в некотором расстоянии от центра волнения, была совершенно пуста; единственным признаком жизни на ней было несколько голов, высунувшихся из окон и созерцавших нас в полном безмолвии и с большим вниманием. Однако, я заметил издали одну крадущуюся фигуру, которая при нашем появлении тотчас же скрылась за углом.

— Стучите громче! — закричал я, забывая всякую осторожность. — Громче, громче! Не бойтесь шума! Все равно тревога уже поднята, и вон тот человек побежал за своими товарищами.

Злоба душила меня; я не мог видеть равнодушно этих безмолвных взглядов из окон. Меня доводили до исступления эти жестокие, безжалостные глаза. Я прочитал в них зверское любопытство, терпеливое ожидание кровавого зрелища, приводившее меня в ярость. Эти мужчины и женщины, смотревшие на нас таким окаменелым взором, хорошо знают, кто был мой товарищ и какой он держался веры. Они чуть не каждый день видели, как он выезжал и въезжал в эти самые ворота, веселый и счастливый, — это было постоянное зрелище для улицы; а теперь они с таким же любопытством ждали появления его убийц. Даже дети с новым интересом смотрели на него, как на человека, приговоренного к смерти и с нетерпением ждали начала нового зрелища.

— Стучитесь! — кричал я гневно, потеряв всякое терпение. Может быть, я поступил необдуманно, увлекая его в эту часть города, где он был всем известен. — Стучитесь! Мы должны попасть туда во что бы то ни стало. Они не могли все покинуть дом.

Я продолжал отчаянно ломиться в дверь, и, наконец, к моему большому облегчению, она открылась. На пороге показался бледный, дрожащий слуга. За ним стоял Круазет.

Не говоря ни слова, мы бросились в объятия друг к другу.

— Но где же Мари? — восклицал я, — где Мари?

— Мари в доме и мадам де Паван также, — отвечал он радостно: мы опять вместе и теперь все нипочем. —

Но Ан, где же ты был все время? Что случилось? Большой пожар? Или умер король? Что такое?

Я рассказал ему все, быстро повторив, что случилось со мной и что, как я опасался, ожидало прочих. Естественно, что рассказ мой крайне изумил и напугал его. Но когда он услышал мое разъяснение наших подозрений относительно Луи, то радость его была так велика, что, кажется, поглотила все прочие чувства.

Прошло несколько минут, прежде чем он успокоился. Но тут воспоминание об опасности, грозившей Луи, о нашем безвыходном положении вернулось с новой силой. Наш план спасти его не удался!

— Нет! нет! — воскликнул с новой отвагой Круазет. Он не мог слышать об этом. — Нет, мы не откажемся от всякой надежды! Дружно, рука об руку, мы пойдем все вместе и разыщем его. Луи храбр, как лев, и ловок! Мы успеем еще предупредить его. Мы пойдем, как только...

Тут он замялся и умолк. Он оглянул при этом опустелый дворик, где мы стояли, и внезапное молчание его было красноречивее всяких слов. Первые, холодные лучи рассвета пробивались в это закрытое пространство, освещая конюшни по сторонам, шалаш привратника у ворот и величественный, четырехэтажный дом, серый и мрачный, который возвышался над нами.

Я соглашался с ним, правда, мрачно и нерешительно.

— Да, — начал я, — мы пойдем, когд...

И тут я также остановился. Одна и та же мысль преследовала нас обоих. Как мы оставим этих людей? Как мы бросим даму в такую минуту, когда ей грозит опасность? Разве мы в состоянии отплатить ей таким поступком за ее доброту? Нет, никогда... даже ради Кит! Наш Луи как мужчина скорее справится с опасностью.

Мы приняли решение. Я уже сообщил свой план Круазету; он начал длинный, сбивчивый рассказ о мадам д'О. Мне казалось, что он говорит больше для того, чтобы поддержать в нас мужество, и я мало обратил внимания на его слова; он не успел еще дойти до самой сущности дела, а может быть, и я не сумел схватить ее, когда на улице послышался шум и он остановился. До нас донесся шум людей, приближающихся к дому. Разговор

наш был прерван, и мы бросились по своим местам.

Но прежде чем мы разошлись, мимо меня, в то время, как я стоял у ворот, в слабом, едва брезжущем свете утра, проскользнула легкая фигура женщины, которая на мгновение положила свою руку в мою. Мне трудно было признать ее; но я заметил под капюшоном бледное лицо, с добрыми, кроткими глазами. Я поднес эту руку к своим губам и поцеловал ее. Все колебания мои пропали и мне стало ясно, в чем была наша прямая обязанность. Я стоял, терпеливо ожидая, что будет.

Глава IX

ГОЛОВА ЭРАЗМА

Я продолжал ждать... и совершенно один. Ворота уже начинали подаваться. Шайка злодеев, все подкрепляемая новыми пришельцами, громила их снаружи и удары слышались один за другим; уже несколько тяжелых тесин было проломано и сквозь отверстия до меня долетали самые зверские проклятия. Уставших заменяли новые; вместо сломанных орудий они приносили другие и работали с дикой энергией. В начале, ожидая, что будут стрелять, они проявили осторожность, и к воротам подошли только более смелые. Но теперь, не видя сопротивления, вся толпа ломилась в них. Они едва отодвинулись, чтобы дать простор для размаха тяжелых молотов; они ревели, как бешеные, и бросались с разбегу на них и когда ворота подавались и слышался треск сломанных скреплений, они колотили в них кулаками.

Одна толстая железная полоса все еще продолжала держаться, и я не сводил с нее глаз, как очарованный. Я оставался один на опустелом дворе и стоял в стороне за одним из толстых каменных столбов, на котором были подвешены ворота. Позади меня большая входная дверь в дом была настежь открыта. В одной из комнат первого этажа, узкие, высокие окна которой также были открыты, еще горели свечи красным дымным пламенем. На широком каменном подоконнике я видел почти детскую фигуру Круазета, безмолвно смотревшего на меня. Он был

бледен, я кивнул ему и улыбнулся. Злоба преодолевала во мне страх; при этих демонских криках, мне приходили на ум старые рассказы о временах Жакерии и как мы раздавили ее.

В эту минуту шум ударов и крики толпы усилились, как бывает, когда собаки, попавшие на след, увидят добычу. Я быстро повернулся к воротам, вспомнив, что меня ожидало. Железная полоса начинала сдавать; левая половина ворот медленно наклонялась вовнутрь. В открывшейся щели мелькали зверские лица, с воспаленными глазами, и до меня долетел сверху крик ужаса Круазета! Я закричал ему в ответ и бросился бегом через двор и по ступеням лестницы.

Я побежал еще шибче, когда сзади меня раздался пистолетный выстрел и пуля прожужжала мимо моих ушей. Но она меня не задела, и, вскочив с одного прыжка на верхнюю ступень лестницы, я оглянулся назад. Разбойники уже были на середине двора. Я пытался было закрыть на замок входную дверь, но не успел; я слышал позади себя рев торжествующей толпы. Ждать было нечего. Я бросился со всех ног по дубовой лестнице, перескакивая через четыре ступени сразу, и вбежал в большую залу налево, захлопнув за собою дверь.

Страшный беспорядок царил в когда-то богатой комнате. Часть дорогих ковров была сорвана. Одно из окон было закрыто и ставня опущена: без сомнения это сделал Круазет. Два других окна были открыты, как будто их не успели запереть, и проходящий в них дневной свет придавал всему мертвенный колорит, смешиваясь с красноватым пламенем свечей, которые еще горели в шандалах. Мебель была сдвинута на сторону и частью навалена в виде баррикады поперек комнаты, и прикрыта, чтобы замаскировать ее слабость, сорванными со стен коврами.

За этим слабым оплотом, спинами к двери, которая, по-видимому, вела во внутренние комнаты, стояли Мари с Круазетом, бледные и готовые к борьбе. У первого в руках была длинная пика, Круазет уставил на спинке стула аркебуз с раструбом и раздувал фитиль, в то время, как я вбежал. У каждого, кроме того, было по шпаге. Я быстро проскочил в маленькое отверстие, нарочно

оставленное для меня в баррикаде, и занял свое место.

— Все хорошо? — проговорил Круазет, беспокойно взглянув на меня.

— Кажется, — ответил, задыхаясь.

— Ты не ранен?

— Даже не задет!

Я только что успел обнажить шпагу, когда ворвались с дюжину негодяев, — оборванные, запыхавшиеся, с красными лицами и выпученными жадными глазами. Попав сюда, они сразу остановились. Их дикие крики смолкли и, наталкиваясь друг на друга с проклятиями, они остановились в удивлении, видимо, не ожидая такого неприятного сюрприза. Предводителем их был мясник с большою сскирою на обнаженном плече; но между ними были также два или три солдата в королевской форме и с большими пиками. Они искали только жертв и, не встретив никакого сопротивления у ворот, передовые из них остановились в нерешительности при виде направленного на них дула и зажженного фителя.

Я воспользовался случаем. Остановка эта была нашим единственным шансом; я вскочил на стул и замахал рукою в знак молчания. Инстинкт повиновения оказал на момент свое действие, и в комнате водворилась тишина.

— Берегитесь! — воскликнул я, как только мог громче и твердым голосом, хотя сердце мое сжималось при взгляде на эти зверские лица, смотревшие на меня и в то же время избегавшие моих взглядов. — Берегитесь, что вы делаете! Мы такие же католики, как и вы, и добрые сыны церкви. Мы верные подданные! Да здравствует король, господа! Боже, храни короля! — И при этом я ударил шпагой по баррикаде, так что сталь зазвенела.

— Боже, храни короля!

— Кричи: «Да здравствует месса!» — раздался голос из толпы.

— Конечно, господа! — отвечал я с вежливостью. — От всего моего сердца. Да здравствует месса! Да здравствует месса!

Это поставило мясника, к счастью еще трезвого, в неожиданное затруднение. Он не предвидел ничего подобного и выпучил на нас глаза с таким изумлением, как

будто бык, которого он только что собирался ударить обухом по голове, вдруг открыл рот и заговорил.

Позже оказалось, что в числе убитых толпою было и несколько католиков; но как обнаружилось впоследствии, причиною их смерти была личная месть. За исключением этих случаев, крик «Да здравствует месса!» — обыкновенно вынуждал к пощаде, особенно в начале утра, когда толпа еще не вполне сознавала представленное ей право убийства и люди еще не совсем опьянели от пролитой крови.

Я заметил колебания в шайке и, когда один спросил, кто мы такие, я отвечал смело:

— Я Ан де Кайлю, племянник виконта де Кайлю, королевского губернатора Баионы и Ландов! А они — мои братья. Вы ответите, господа, если прикоснетесь к нам. Виконт жестоко отомстит за малейшее насилие над нами.

Закрыв глаза, я до сих пор вижу то глупое изумление, то приниженное зверство, которое выразилось на этих лицах. Как ни были грубы и тупы эти люди, слова мои произвели на них впечатление; они уже колебались и настроение поворачивало в нашу пользу, когда кто-то закричал сзади:

— Проклятые щенки! Выбросьте их за окошко!

Я быстро взглянул по направлению, откуда слышался голос, — в самом темном углу комнаты, близ закрытого ставней окна. Я мог только различить худощавую фигуру в длинном плаще и в маске, — по виду напоминающую женщину, — и около нее двух здоровенных парней, которые держались в стороне от других.

Говоривший был смелее других, находясь в самом конце комнаты; между тем передовые обнаружили меньше решимости. Нас было только трое и, конечно, мы были бы смяты при первом их натиске вместе с нашею баррикадой; но все же с нами нужно было считаться. Аркебуз Круазета, с его горевшим фитилем, заряженный несколькими кусками свинца, весьма серьезное оружие на расстоянии пяти шагов и, разбрасывая свой заряд, мог нанести весьма тяжелые раны. Многие из присутствующих, и особенно их предводители, сознавали это очень хорошо. Дело не обошлось бы без убитых между нападающими, и такая перспектива, в виду ожидаемого гра-

бежа, была для них не особенно приятна. Кроме того большинство между ними все-таки помнило, что оставалось множество гугенотов, которых можно было безнаказанно убивать и грабить; к чему же резать горло католикам да еще попасть из-за этого в беду.

К нашему несчастью, в самый момент кризиса тот же голос из угла напомнил их главную цель, закричав:

— Паван! Где Паван?

— А! — подхватил мясник, плюнув при этом на руки и ухватив покрепче свою секиру.— Подавайте сюда эту собаку, еретика и тогда убирайтесь! Ведите нас к нему!

— Паван? — отвечал я спокойно, но при этом не мог оторвать глаз от сверкающего, острого лезвия топора в его руках.— Его нет здесь!

— Это ложь! Он прячется в комнате позади вас! — воскликнул тот же голос,— выдайте его.

— Да, выдайте его! — повторил человек с секирой, почти добродушным тоном,— или вам плохо будет. Пустите нас к нему и убирайтесь.

В толпе слышалось ворчание и крики:

— Смерть гугенотам! Да здравствует Лорен! — показывавшие, что не все одобряли сделанное нам снисхождение.

— Берегитесь, господа, берегитесь,— продолжал я настаивать,— я клянусь, что его нет здесь! Я клянусь в этом, слышите ли?

Рев нетерпения и движение в толпе, как будто они уже собирались броситься на нас, заставили меня прекратить дальнейшие переговоры.

— Стойте! Стойте! — закричал я.— Одну минуту! Выслушайте меня! Вас слишком много для нас. Поклянитесь, что вы отпустите нас, если мы дадим вам дорогу!

С дюжину голосов отвечали согласием. Но я смотрел только на мясника; он казался мне лучше других.

— Я, я клянусь! — закричал он.

— Мессой?

— Мессой.

Я дернул за рукав Круазета и в тот же момент он сорвал горевший фитиль и бросил свое тяжелое ружье на пол.

Толпа бросилась через нашу баррикаду, ломая со-

ставлявшую ее мебель, а мы отпрянули в сторону и быстро друг за другом проскользнули через нее. В то время, как мы поспешно переходили к другому концу комнаты, никто, по-видимому, не обращал на нас внимание. Все были заняты одною мыслью — добратся скорее до своей жертвы. Мы были уже у выхода, в то время, как раздался первый удар мясника в дверь. Мы летели стремглав вниз по лестнице, объятые паническим страхом (что скрывать это) и слышали рев толпы в то время как были уже у выходной двери; но мы не оглянулись и не останавливались ни на одно мгновение. Через несколько секунд мы уже перескочили через поваленные ворота и были на улице. Какой-то калека, две или три собаки, несколько женщин, боязливо, но с любопытством, заглядывавших во внутрь, привязанная к столбу лошадь, — вот все, что мы видели. Никто не останавливал нас и через минуту мы уже повернули за угол и потеряли дом из виду.

— Теперь они будут верить слову благородного человека, — сказал я с улыбкой, вкладывая в ножны шпагу.

— Я желал бы взглянуть на нее в этот момент, — отвечал Круазет. — Ты видел мадам д'О?

Я покачал головою, не отвечая на вопрос. Я не был уверен в этом и воспоминание о ней приводило меня в ужас. Неужели я видел ее... это было нечто чудовищное, противоестественное! Ее родная сестра! Ее зять!

Я поспешил переменить разговор.

— Паваны, — начал я, — имели пять минут времени.

— Больше, — отвечал Круазет, — если только они тотчас же выбрались из дома. Если с ними ничего не случилось и никто не задержал их, то они должны быть теперь уже у Марпуа. Они были уверены, что он впустит их к себе.

— О! — воскликнул я со вздохом, — как глупо было с нашей стороны увести оттуда мадам де Паван! Не вмешайся мы в ее дела, мы давно уже были бы с Луи, с нашим Луи, я хочу сказать.

— Правда, — отвечал тихим голосом Круазет, — но тогда нам не удалось бы спасти другого Луи, в чем, я думаю, мы успели. Он до сих пор находился бы в руках Паллавичини. Вот что Ан, будем думать, что все вышло

к лучшему,— при этих словах уверенная отвага блеснула в его глазах и мне стало стыдно.— Скорей на помощь! Бог пособит нам подоспеть вовремя!

— Да, на помощь! — отвечал я, увлеченный его отвагой.— Первая улица направо, вторая налево и опять первая направо. Кажется, так они говорили нам? Дом против книжной лавки с вывескою головы Эразма. Вперед, мальчуганы! Еще может быть не поздно.

Но прежде, чем продолжить свой рассказ, я должен объяснить, что было ранее. Комната, которую мы охраняли с такой самоотверженностью, была пуста. План принадлежал мне и я гордился этим. Я нарочно побежал от ворот, а попытка закрыть наружную дверь, баррикада,— все это было сделано, чтобы отвлечь внимание наших врагов. Паван с женой, наскоро переодетой мальчиком, все время скрывались за дверями домика привратника у ворот, и незаметно выскользнули на улицу во время первого смятения, когда нападающие ворвались в дом.

Даже слуги, как мы узнали впоследствии, спрятавшиеся в подвалах дома, успели спастись таким же образом, хотя некоторые из них позже и были убиты на улицах, как гугеноты. Было еще одно обстоятельство, увеличивавшее мои надежды на спасение Павана и его жены: я дал ему кольцо герцога.

Дом Павана, где мы были до сих пор, находился в некотором расстоянии от центра той кровавой бури, которая охватила в это утро несчастный Париж. Он был в нескольких стах шагах от улицы Бетизи, где жил адмирал и сравнительно в стороне; поглощенные тревожными драмами, в которой только что участвовали, мы мало обращали внимания на яростный трезвон колоколов, на выстрелы, крики и всеобщее смятение, указывавшие на то состояние, в котором теперь находился город. Мы не могли представить себе тех ужасных сцен, которые происходили неподалеку от нас. Страшная правда открылась нам теперь на улицах, и при виде ее кровь готова была застыть в наших жилах; для этого довольно было пройти сто шагов, повернуть за угол. Мы, только что оставившие деревню и неделю тому назад беззаботные, веселые, совсем непомышлявшие о смерти, теперь были

ввергнуты в скопище ужасов, не поддававшихся описанию. И какой ужасный контраст представляло это ясное небо с тем, что творилось вокруг! Даже в этот момент, недалеко от нас, мы слышали песню жаворонка; солнце освещало верхушки домов, кудрявые облака проходили над ними, веяло свежестью раннего утра...

Где все это творилось? Неужели в этих узеньких переулках поблизости... вопли, проклятия, мольбы; кучки похожих на демонов людей бегали по ним; солдаты королевской стражи и зверская толпа разбивали окна, двери и перебегали с окровавленным оружием из дома в дом, разыскивая, преследуя и, наконец, убивая в каком-нибудь темном углу,— нанося удар за ударом корчившемуся в предсмертных судорогах несчастному! Здесь гибли под рукой убийцы женщины, дети; иной еще отбивается первым попавшимся под руку оружием и умирает прижатый к стене; наваленные груды трупов запружали кровь в уличных канавах!

Я был в Кагоре в 1580 году, когда дрались на улицах и видел, как убивали женщин. Я был с Шатильоном, девять лет спустя, когда он проезжал предместьями Парижа и, помня этот самый день и смерть своего отца, никому не давал пощады. Я участвовал в битвах под Курта и Иври и мне несколько раз приходилось видеть, как закалывали пленных целыми сотнями! Но это была война, и ее жертвы, умиравшие под Божьим небом, с оружием в руках: это не были женщины и дети, только что пробудившиеся ото сна. При всех этих случаях я не чувствовал того ужаса, той жалости и негодования, какие охватили меня в это памятное, давно прошедшее летнее утро, когда мне пришлось в первый раз увидеть, освещенные солнцем, парижские улицы.

Круазет ухватился за меня, весь бледный и помертвелый, с закрытыми глазами, так что я должен был вести его.

Мари шел с другой стороны, с сжатыми губами и суровым лицом.

На пути нам встретился, подобно многим из убийц, пьяный, шатавшийся солдат королевской стражи; его окровавленные руки обличали, чем он был занят. Он загородил нам дорогу и я прошел стороной; но Мари продол-

жал идти прямо, как будто перед ним никого не было и этот человек, позоривший образ Божий, не стоял на его пути.

Я видел только, что рука его как будто случайно прикоснулась к рукоятке его кинжала. К счастью нашему, а может быть, и к своему, королевский стрелок отшатнулся в сторону и миновал нас. Мы избегли этой опасности. Но видеть, как у вас на глазах убивали женщин и проходить мимо... О, это было ужасно, до того ужасно, что если бы я в то время обладал волшебным талисманом, исполнявшим мои желания, то я потребовал бы пять тысяч всадников, во главе которых я понесся бы по улицам Парижа!

Хотя оргия достигла, по-видимому, своего зенита, нас пока никто не трогал. Правда, нас останавливали в каждой из пройденных улиц шайки бежавших нам навстречу убийц; но так как мы имели на себе те же знаки, что и у них, называли себя и провозглашали пароль: «Да здравствует месса», то нас пропускали далее. Трудно дать понятие о том смятении и хаосе, которые царили в городе и теперь мне самому даже трудно поверить, что я действительно был свидетелем некоторых из происшествий этого утра. Между прочим, мимо нас пронесся на коне богато одетый человек со шпагою наголо, кричавший как бесноватый: «Режьте их! Режьте их!» — и этот крик долетал до нас, пока он не исчез из виду. Мы наткнулись далее на трупы отца с двумя сыновьями, они были брошены все вместе в канаву. Младшему из мальчиков было не более тринадцати лет. Я упоминаю об этой группе (мы видели картины еще ужаснее), потому что этот мальчик, Жан Номпар де Гоман, остался в живых; он жив и до сих пор, — это мой друг маршал де ля Форс.

Это напоминает мне о единственном случае, где нам удалось оказать помощь. При повороте в улицу, мы наткнулись на шайку солдат, окружавших мальчика лет четырнадцати. На нем было длинное платье школьника, а в руках пачка книг, за которые он крепко держался (может быть, инстинктивно), несмотря на раздававшиеся вокруг него угрозы смерти. Они требовали, чтобы он назвал свое имя, в то время, как мы подошли. Он не мог или не хотел назвать себя; но несколько раз повторял в

испуге, что идет в Бургонскую коллегию. Католик ли он? Он молчал. Один из солдат, державший его за воротник, занес свою пику, мальчик инстинктивно поднял руку с книгами, чтобы защитить от удара лицо. Круазет с криком бросился вперед, чтобы остановить удар.

— Смотрите! Смотрите! — кричал он громким голосом, так что солдат остановился с поднятой рукой.— У него молитвенник! У него молитвенник! Он не еретик! Он католик!

Злодей опустил оружие и выхватил книги. Он смотрел на них глупым, недоумевающим взглядом; он мог только понять, что на одной из них был изображен красный крест. Этого для него было довольно: он выпустил мальчика, сопровождая это ударом и проклятием.

Но Круазет тем не удовлетворился, хотя мне была непонятна причина его упорства; я заметил только, что он переглянулся с мальчиком.

— Слушайте! — продолжал он, обращаясь смело к солдатам.— Отдайте ему его книги! Ведь они вам не нужны!

При этом вся группа обратилась с угрозами на нас. Им и так не нравилось наше вмешательство, а это уже заходило слишком далеко. Все они были пьяны и расположены к драке, к тому же они превосходили нас числом и скоро их оружие засверкало перед нашими глазами. Нам грозила неминуемая беда, если бы к нам не подоспел неожиданный союзник.

— Стойте, стойте! — закричал он громким голосом, бросившись между нами.— В чем дело? К чему драться между собою, когда еще остается перерезать горло у стольких еретиков и получить вдобавок царство небесное! Стойте же, говорю я вам!

— Кто ты такой? — заревела вся шайка.

— Я герцог Гиз! — преспокойно отвечал он.— Пустите господ, черт вас подери.

Матера этого человека подействовала сильнее его слов, потому что вряд ли можно было где найти более отчаянного головореза. Я тотчас же узнал его, да и шайка разбойников почуяла в нем своего господина. Ограничиваясь несколькими проклятиями, они бросили на землю

книги (в чем выказалось их настоящее понятие о религии) и двинулись дальше с криком:

— Бей! Бей гугенотов!

Оставшийся с нами человек был Бюре,— тот самый Бегез Бюре,— который еще только вчера (хотя, казалось, много месяцев уже прошло с тех пор) предал нас в руки Безера. С тех пор мы не видели его. Теперь он загладил часть своего проступка, и мы еще не знали, как относиться к нему. Но он был не из таких, чтобы сконфузиться чем-нибудь и, добродушно ухмыляясь, смотрел нам прямо в глаза.

— Я не злопамятен, господа,— сказал он нахально.

— Да, не похоже на это,— отвечал я.

— Вот и все,— сказал он.— Если вам потребуется то же самое, только дайте мне знать. Пока до свидания, господа.

Он надел набекрень свою шляпу и быстро пошел тою же дорогой, которой держались и мы. Мы видели, как на всем ходу он сделал выпад своей рапирой в труп, поставленный для шутки у дверей одного дома,— как он промахнулся и поспешил далее и, наконец, скрылся за углом.

Мы остановились только на момент, чтобы сказать несколько слов спасенному нами мальчику.

— Покажите свои книги, если вас кто остановит,— наставлял его Круазет. Он сам еще ходил на ребенка, с его белокурыми локонами вокруг нежного, взволнованного лица и, стоя вместе, они представляли, как мне казалось, очень милую картину.— Покажите им только книгу с крестом. Дай Бог вам дойти благополучно до коллегии.

— Я бы хотел знать ваше имя,— сказал мальчик. Его сдержанность и спокойствие при такой обстановке просто поражали меня.— Я Максимилиан де Бетюн, сын барона де Рони.

— В таком случае,— воскликнул Круазет,— услуга за услугу. Ваш отец вчера, нет позавчера, предостерегал нас...

Тут он сразу остановился и закричал:

— Бегите! Бегите!

Мальчику не понадобилось второе предостережение и

он как вихрь понесся по улице; мы увидели двух или трех приближавшихся к нам злодеев, видимо, в поисках новой жертвы. Они заметили его и уже готовы были преследовать; но, увидев трех вооруженных человек, сочли за лучшее оставить его в покое.

Его дальнейшие приключения хорошо известны: он также в живых теперь. Его останавливали два раза, после того, как он покинул нас; но каждый раз ему удалось спастись, показывая книгу с крестом. Когда он достиг здания коллегии, привратник не пустил его, и он оставался несколько времени на улице, подвергаясь каждую минуту опасности быть убитым и не зная что делать. Наконец, ему удалось упросить привратника, которому он отдал несколько бывших при нем мелких монет, чтобы тот позвал принципала коллегии, который сжалился над ним и скрывал его в течение трех дней. По окончании резни, его разыскали двое вооруженных слуг его отца и доставили к родным. Вот каким образом Франция чуть было не лишилась одного из своих великих министров — герцога де Сюлли.

Но возвращаюсь к нашим похождениям. После того, как мальчик скрылся из виду, мы, не теряя ни минуты продолжали свой путь и, невзирая на все ужасы, которые встречались нам на каждом шагу, упорно считали повороты улиц, преследуя только одну цель: как можно скорее разыскать дом против книжной лавки, под вывеской головы Эразма. Мы скоро вошли в длинную, узкую улицу; в конце ее виднелась река, сверкавшая в лучах солнца. В улице было тихо и пусто; мы не видели здесь ни одной живой души, кроме бродячей собаки. Шум и волнение, свирепствовавшие в других частях города, не долетали сюда. Мы вздохнули свободнее.

— Это должна быть та улица, — сказал Круазет.

Я кивнул. В то же время я заметил почти посредине ее вывеску, которую мы искали, и указал на нее. Но только вовремя ли мы пришли сюда, или уже поздно? Вот в чем был вопрос. Побуждаемые одной и той же мыслью, мы побежали. Не добежав нескольких шагов до головы Эразма, сперва Круазет, а потом и мы остановились как вкопанные.

Дом против книжной лавки был разграблен и опусто-

шен сверху донизу. Это был высокий дом, выходящий прямо на улицу и каждое стекло в нем было разбито. Наружная дверь висела на одной петле и все полотно ее было расщеплено ударами топора. Черепки фарфора и осколки стекла, перебитого в бессильной злобе, покрывали ступени лестницы и в углу ее стекала по каплям красная струйка, которая должна была затем остыть в уличной канаве. Откуда текла эта струйка? Увы! Глаза наши скоро остановились на трупe человека.

Он лежал на самом пороге; голова откинулась, широко раскрытые уже остекленевшие глаза были обращены к летнему небу, посылавшему им лучи солнца. Дрожа от ужаса, мы заглянули в лицо. Это был слуга, находившийся вместе с Паваном у нас в Кайлю. Мы сразу его узнали, он нам был хорошо знаком, и мы его любили. Он часто носил наши ружья и рассказывал нам про войну. Кровь медленно сочилась из раны. Он был мертв.

Крузет весь затрясся. Он обхватил руками один из каменных столбов портика и прижался лицом к его холодной поверхности, чтобы скрыть слезы. Пришел конец. В глубине души мы до сих пор не переставали надеяться, что какая-нибудь счастливая случайность, чье-нибудь предостережение спасет нашего друга.

— О, бедная, бедная Кит! — Крузет разразился рыданиями. — О, Кит, Кит!

Глава X

ЭЙ, ЭЙ, ГУГЕНОТ!

Я помню, что покойный Великий Генрих IV (я не знал человека храбрее его: он любил опасность как женщину, ради ее самой) не мог сомкнуть глаз перед битвой. Я слышал это по крайней мере от него самого перед сражением под Арк. В натуре Крузета было нечто подобное: он был способен к сильному напряжению, не покидавшему его, пока грозила опасность, тогда как мы с Мари были менее впечатлительны и менее подвижны: мы в этом случае, пожалуй, более походили на немцев.

Легкий шум, похожий на скрип качавшейся вывески,

внезапно вывел меня из задумчивости. Я медленно повернулся, все еще в грустном раздумьи. Одна половина двери в книжной лавке приоткрылась, из нее выглядывала старуха.

Когда наши глаза встретились, она сделала легкое движение, как бы намереваясь закрыть дверь. Но я не шевелился и, успокоенная этим, она украдкой кивнула мне головой. Я сделал шаг вперед.

— Шш, шш! — шептала она. Ее старое, сморщенное лицо, походившее на вылежавшееся нормандское яблоко, выразило глубокую жалость, когда она взглянула на Круазета.— Шш!

— Что таксе? — спросил я машинально.

— Его взяли! — прошептала она.

— Кого? — спросил я, не догадываясь.

Она кивнула головой на разоренный дом и отвечала:

— Молодого сеньора, который жил там. О, господа! — продолжала она.— Каким красавцем он выглядел, когда вернулся вчера вечером с королевского приема! Я еще не видывала такого красавца, в атласном колете с бантами! И подумать только, что сегодня утром за ним гонялись, как за крысой!

Сердце мое встрепенулось, в нем пробудилась новая, радостная надежда.

— Ушел ли он от них? — воскликнул я в волнении.— Удалось ли ему скрыться?

— Как же! — живо ответила она.— Вои этот бедняга (он теперь лежит спокойно, да простит ему Господь его ересь!) храбро отбивался у дверей, пока сеньор выбрался на крышу и побежал по верхушкам домов вдоль всей улицы, а они внизу ревели и стреляли по нем; точь-в-точь, как мальчишки с камнями гонятся за белкой!

— И он скрылся?

— Скрылся! — отвечала она, покачав своей старой головой в раздумьи.— Этого я не знаю! Боюсь, что теперь они его уже взяли. Мы все время дрожали наверху с моим стариком. Он в постели, да хранят нас святые! Но я слышала, как они побежали с криком и выстрелами к реке и, пожалуй, взяли его около Шателе! Мне думается так!

— Как давно это случилось? — воскликнул я.

— О! С полчаса. Пожалуй, вы будете его родные? — добавила она с любопытством.

Но я уже не отвечал. Я потряс за плечо Круазета, который не слышал нашего разговора.

— Есть надежда, что он жив! — сказал я ему на ухо. — Он убежал от них, слышишь? — и я быстро повторил ему рассказ старухи.

Приятно было видеть, как краска заиграла на его бледных щеках, а слезы высохли.

— Значит, есть надежда? — воскликнул он, схватив меня за руку. — Надежда, Ан! Идем скорее, не теряя ни одного мгновенья! Если он жив, мы станем сражаться рядом с ним!

Старуха напрасно пробовала удержать нас. Полная жалости к нам и уверенная, что мы идем на верную смерть, она забыла свою прежнюю осторожность и кричала нам вслед, чтобы мы вернулись. Но мы не обратили внимания на ее крики и бежали вслед за Круазетом, как только могли нас нести наши ноги. Луи скрылся.

Только мы повернули за угол к реке, как до нас донесся непрерывный гул человеческих голосов, одновременно со свежим ветерком. По ту сторону реки, на острове Ситэ, тысячи крыш сияли, озаренные ярким солнечным светом. Но мы быстро повернули направо, мало обращая внимания на эту картину, и замедлили шаги, только приблизившись к толпе. Перед нами был мост и перед ним на нашем же берегу стоял замок с его седыми башнями и стенами. Перед замком, по берегу реки, лежала большая площадь, наполовину запруженная народом. Между ними царила сравнительная тишина и было заметно какое-то сосредоточенное ожидание, точно предстоящего зрелища; толпа пока еще не обнаруживала желания принять активное участие в происходившем.

Мы быстро направились в середину ее и скоро догадались о причине замеченной нами тишины и неподвижности, которая вначале изумила нас. Отсутствие всех этих ужасных симптомов повального грабежа и резни, которые мы видели раньше на каждом шагу, — преследование убежавших, удары, крики, проклятия, треск разбиваемых дверей, пьяный вой, — в начале даже успокоило нас. Но это продолжалось недолго. Толпа, бывшая

перед нами, видимо, находилась под влиянием организованной силы.

Наши сердца только пуще сжались при этом открытии. Мы знали, что от слепой яростно расходившейся толпы, похожей на сорвавшегося с привязи бешеного быка, представлялся еще какой-нибудь шанс на спасение.

Но при этом холодном, кровожадном преследовании спасения почти не могло быть.

Все находившиеся около нас смотрели по одному направлению, на группу старых домов против реки. Площадка перед ними была пуста; несколько десятков королевских стрелков и конных стражников, стоявших интервалами, не допускали сюда народ, нанося удары плашмя своими палашами наиболее смелым. По концам этой площадки, особенно заметно с нашей стороны, где она закруглялась по линии домов, стояло по небольшой группе всадников, пожалуй, из семи человек в каждой.

Посреди площадки выделялась одинокая фигура, которая тихо проезжала взад и вперед, посматривая на дома; это был громадного роста человек, вооруженный с головы до ног, в высоких сапогах и с большим пером в шляпе, которое мерно раскачивалось при движении его лошади.

Я не мог видеть его лица, да этого и не нужно было. Я и так знал его и застонал почти вслух,— это был Безер!

Теперь я понял смысл всей этой сцены. Всадники, большею частью суровые, бородатые швейцарцы, смотревшие с презрением на окружающую их толпу и не жалевшие ударов, носили его цвета и были вооружены с головы до ног. Весь этот порядок и дисциплина были делом его рук: он добивался мщения. Теперь точно стальное кольцо охватило нашего друга, и я чувствовал, что для него пропала последняя надежда.

Взором, полным стчаяния, смотрели мы на старые, деревянные дома. Они, по-видимому, готовы были повалиться от старости, благодаря выдающимся верхним этажам. Крыши их представляли целый лабиринт крутых скатов, желобов, покрябывшихся труб, деревянных шпилей и гниющих брусев. Между ними, должно быть, скрывался жених Кит. Да, это было дурное место для игры в

прятки,— только не со смертью. В нижних этажах домов не было ни окон, ни дверей: побережье часто затоплялось рекой, как я узнал впоследствии. Но по всему фасаду шла длинная, деревянная галерея выше человеческого роста, куда вели две деревянные лестницы по концам. Над нею подымалась точно такая же вторая галерея, а выше виднелся ряд окон в скатах крыши.

В каждой галерее и на крыше были поставлены часовые. Если кто-нибудь из них шевелился, или заглядывал внутрь, где работала другая партия солдат, отряженная для розыска беглеца, в толпе поднимался ропот, переходивший раза два в тот рев, который наводил на меня такой ужас. Мне показалось, что волнение это начиналось с дальнего конца толпы. Там собрались самые грубые ее элементы, и я видел, что всадникам Видама не раз приходилось вступать в борьбу с толпою. В этом же углу скоро раздались звуки воинственной песни, подхваченной и остальным сборищем: «Эй, эй, гугеноты! Очищайте место «папистам!», которая, как известно, была распространена между протестантами. Только внасмешку над гугенотами последние слова в каждой строке переставлены.

Этим временем мы пробились в первые ряды, и безмолвными взглядами спрашивали друг друга, что делать далее; но даже и Круазет не имел на это готового ответа. Ничего не оставалось делать. Мы опять опоздали! Но какой ужас,— стоять среди этой жестокой, беснующейся толпы и ждать, что вот сейчас нашего друга будут убивать для их потехи! Замучают, точно крысу, как выразилась старуха, и ни одной души, кроме нас, которая бы пожалела его! Ни одной души, которую бы мог потрясти его предсмертный крик, его последний умирающий взгляд.

— Да,— пробормотала, обращаясь к своей товарке, стоявшая около меня женщина (женщин было много в толпе),— плохо теперь приходится гугенотам. Это все наш молодец Лоррен! Но все-таки жаль этого красивого парня, Марго! Я сама видела, как он перескочил с крыши на крышу через переулок, точно сами святые перенесли его. И подумать, что это еретик!

— Это же колдовство,— отвечала другая, крестясь.

— Может быть! Только уж без колдовства ему не увернуться от этого верзилы,— сказала успокоительным тоном первая.

— Этого черта! — воскликнула Марго, украдкой показывая с выражением ненависти на Видама.

И тут злобным шепотом, с проклятиями, она рассказала про него своей подруге такую историю, от которой кровь застыла в моих жилах.— Да, он сделал это! А она еще святой веры! — закончила она.— Да воздаст ему за это Пресвятая Дева Лоретская!

Почем я знал, может, это была и правда; я слышал про него не меньше ужасы, от того самого бедняка, который лежал теперь на пороге дома Павана и от многих других. В это время Видам, проезжая взад и вперед, повернулся лицом к нам, и я уставился на него, как очарованный, трепеща при одной мысли, что он нас признает.

И он увидел нас! Я совсем позабыл об его удивительном зрении. По его лицу пробежала суровая улыбка. Глаза его остановились на нас в то время, как он отдавал приказание. Я совсем омертвел. О побеге и думать было нечего, мы со всех сторон были сжаты толпой, так что едва могли пошевелиться. Но я все-таки сделал попытку.

— Круазет,— прошептал я, оборачиваясь.— Нагни голову. Может быть, он тебя еще не заметил. Нагибай голову!

Но Сент-Круа был упрям и не послушался меня. И когда к нам подъехало несколько всадников и грубым голосом потребовали, чтобы мы вышли вперед, Круазет, оттолкнув нас, выступил первым, с гордо поднятою головою. Следуя за ним, я увидел, что губы его были крепко сжаты и в глазах огонь. В то время, как мы выходили из рядов, толпа позади нас было бросилась вслед за нами,— я уж не знаю, с враждебной целью, или под влиянием любопытства. Несколько ударов длинных пик заставили ее попятиться назад, с воем и проклятиями.

Я ждал, что нас поведут к Безеру; не могу сказать, что бы последовало за тем. Но он всегда поступал вопреки моим ожиданиям; он только взглянул на нас с зверской усмешкой и закричал:

— Смотри, чтобы они опять не убежали! Но не смей к ним прикасаться, пока я не соберу всю шайку!

Он отвернулся от нас. Меня душила страшная злоба. Неужто он осмелится тронуть нас? Неужто Видам может совершить открытое убийство племянника Кайлю? Я не допускал этой мысли. Но вместе с тем...

В этот момент дальнейшее течение моих мыслей было прервано Круазетом. Я заметил, что он не шел вместе с нами. Он бросился к Видаму; повернувшись, я увидел, что он обхватил с мольбою его колени. Я не мог расслышать на таком расстоянии его слова, тем более, что сопровождавший нас всадник был между нами. Но до меня донесся ответ Видама.

— Никогда! — закричал он и едва сдерживаемая ярость звучала в его голосе. — Не путайтесь в мои планы! Что вы в них понимаете? И слушай, Сент-Круа, кажется, так тебя зовут, мальчик, если ты осмелишься еще разговаривать со мной, то я... нет, я не убью тебя. Это тебе еще понравится, ты упрям. Но я велю тебя раздеть и высечь плетьюми, как последнего поваренка на моей кухне! Иди прочь и помни это! Лицо его было изуродовано при этом выражении злобы и нетерпения. Круазет медленно возвратился к нам, бледный и безмолвный.

— Ничего, — сказал я с горечью. — Может быть, в третий раз будет лучшая удача.

Нас поставили в середине группы вооруженных всадников с правой стороны. Вскоре после того я почувствовал прикосновение руки Мари. Он упорно смотрел на часового, стоявшего на крыше одного из отдаленных домов. Часовой стоял спиной к набережной и сильно размахивал руками.

— Он видит его, — пробормотал Мари.

Я вяло кивнул. Но это длилось только момент; оглушительный рев, пробсжавший по всей толпе, заставил меня вздрогнуть. Что такое? Один из солдат, стоявший у окошка верхней галереи, направил острие своей пики в кого-то, находившегося внутри: больше мы ничего не видели.

Но часть толпы, находившаяся против этого окна, видела достаточно, чтобы восторжествовать над предосторожностью Видама. Он не предвидел той безумной яро-

сти и страсти, которые могут охватить беспорядочную толпу, уже попробовавшую крови. Я заметил движение в отдаленных рядах. Потом сотни рук поднялись кверху и вместе с тем послышались крики негодования. Солдаты щедро раздавали удары, хотя медленно уступали напору массы. Но все их усилия были бесполезны. С торжествующими криками беспорядочный поток людей прорвался, оставив их за собой, и хлынул к лестнице. Безер был недалеко от нас в это время.

— Проклятие! — закричал он, сопровождая это такими ругательствами, которым мог бы позавидовать и его король. — Они выхватят его из моих рук, чертовы собаки!

Он повернул лошадь и, вонзив шпоры, в один момент очутился у ближайшего к нам конца галереи. Он соскочил с лошади, бросив поводья, в несколько прыжков вбежал по лестнице и устремился по галереи. Шестеро из бывших с нами всадников тоже последовали его примеру и побежали вслед за ним.

— У меня захватило дыхание. Я чувствовал, что наступил решающий момент. Кто успеет первым: Видам или предводители толпы. Последним оставалось пробежать меньшее расстояние; но они все столпились на узенькой лестнице, причем некоторые под напором упали, так что произошла задержка. Поэтому Видам опередил их и уже бежал по галерее, прежде чем они успели добраться до ее начала.

Как я молил небо, чтобы толпа опередила его! Если бы произошла только краткая свалка между людьми Видама и толпою, Паван еще, пожалуй, мог бы скрыться. В этом переполохе надежда пробудилась во мне. Среди рева толпы выделялись густые голоса, гремевшие:

— Волк! Волк!

Я совсем потерял голову, выхватил свою шлагу и стал кричать, как безумный:

— Кайлю! Кайлю!

Тысячи глаз смотрели с напряженным вниманием на передовые фигуры, бежавшие с каждой стороны галереи. Они встретились как раз у дверей дома. Я мог разглядеть, что предводитель толпы был худощавый человек; по виду это был монах, хотя, вопреки своему сану,

он был вооружен, полы его длинного платья были подобраны и голова обнажена. Вот все, что я могу разобрать при первом взгляде на него. Когда я всмотрелся в него пристальнее, когда я увидел, что его и без того уже бледное, коварное лицо совсем помертвело, когда ужас выразился в его глазах, когда, увлекаемый толпою, он увидел, кто перед ним, когда эта презренная фигура дрогнула и была готова повернуть назад, но уже было поздно... тогда только я узнал коадьютора.

Я застыл с открытым ртом. Бывают секунды, которые стоят часов. В такую секунду решается жизнь или смерть человека. Одна из них наступила, когда встретились лицом к лицу эти два человека. Взглянув искоса друг на друга, как две огрызающихся собаки, они оба одновременно бросились к дверям.

Но в этот момент произошло нечто неожиданное. Я видел, как поднялись руки Видама и тяжелая рукоятка его шпаги обрушилась с страшною силою на бритый череп монаха. Тот повалился, как сноп, не вымолвив ни слова, не издав ни одного звука. Среди раздавшегося рева тысячной толпы, способного потрясти самое мужественное сердце, Безер исчез внутри дома!

Тут я понял,— что значат сила, дисциплина и навык. Следовавшие за Видамом солдаты, несмотря на то, что их было всего несколько человек, не задумываясь бросились на передовых из напиравшей толпы, которые в смятении спотыкались на трупе своего предводителя, и погнали их с галереи. Толпа, бывшая внизу, не имела огнестрельного оружия и не могла оказать им помощи; галерея была узка; через две минуты она уже была очищена и осталась во владении людей Видама. Какой-то громадного роста солдат поднял труп монаха и перебросил его как мешок зерна через перила. Он упал с глухим стуком на землю. Я услышал потрясающий крик, выделившийся над воем массы; затем толпа обступила тело и я больше ничего не видел.

Если бы только эти негодяи были сколько-нибудь догадливы, они тотчас же бросились бы к правой лестнице, где мы стояли с двумя или тремя верховными из отряда Безера. Они легко разделались бы с нами, тем более, что мы еще были обременены лошадьми в поводу,

и потом могли бы напасть с двух концов на кучку людей, занимавших галерею. Но у толпы не было предводителей и никакого плана действий. Они только успели стащить с лошадей двух или трех солдат Безера, стоявших отдельно, и жестоко выместили на них свою злобу. Но большая часть швейцарцев избегла их участи благодаря тому, что все внимание толпы было сосредоточено на доме и на том, что происходило на галерее; они, отделавшись от нападавших, присоединились к нам. После минутного колебания, мы стали с ними в ряд и, не встречая препятствия, вскочили на трех из свободных лошадей.

Все это произошло скорее, чем я могу передать словами; только что мы успели вложить ноги в стремяна, как временное затишье и следовавший за ним рев негодования возвестили о появлении Видама. Трудно передать, до чего была проникнута фанатизмом, жестокостью и мстительностью кровожадная парижская толпа того времени. Этот человек сейчас убил не только их предводителя, но и служителя алтаря. Он совершил святотатство! Что они сделают? Несколько наклонившись вперед, я видел всю галерею, и происходившая на ней сцена заставила меня позабыть о собственной опасности.

Никогда еще, вероятно, не приходилось Безеру проявлять с такой поразительной силою все свои качества, как в этот момент, когда он стоял с насмешливой улыбкой перед этим морем голов и смотрел непоколебимым взором, полным презрения, на всю эту массу, жаждавшую его смерти. Его несокрушимое спокойствие очаровало даже меня. Удивление временно сменило мою ненависть к этому человеку. Мне трудно было допустить, чтобы не было капли добра в такой бесстрашной натуре. И не было лица в мире (кроме разве одного), которое заставило бы меня в этот момент оторвать свои глаза от него. Но это другое лицо было около него. Я схватил за руку Марии и указал на фигуру с обнаженной головой вправо от Безера.

Это был сам Луи — наш Луи де Паван. Но как он изменился с тех пор, как я его видел в последний раз веселым кавалером, пробежавшим по улицам Кайлю, улыбающимся нам и посылавшим рукою прощанье сво-

ей невесте! Рядом с Видамом он казался совсем малорослым. Лицо, которое я привык видеть веселым и добродушным, теперь было бледно и сурово. Его волосы, волнистые и немного темнее чем у Круазета, висели в беспорядке и были покрыты кровью, сочившейся из раны на голове. Шпаги у него не было; его платье было все разорвано и покрыто пылью. Его губы дрожали. Но он гордо держал голову и был полон достоинства; я задышался и сердце мое было готово разорваться на части, когда увидел его таким,— всеми брошенного и безоружного. Я уверен, что Кит, увидав его теперь, с радостью умерла бы вместе с ним, и я благодарил Бога, что она его не видела.

Что же предпримет теперь Видам? Конечно, он не отдаст его на растерзание этой толпы. Нет, я был уверен, что он ни с кем не разделит своего мщения; гордость его не допустила бы этого. Неожиданно сомнения мои разрешились. Я увидел, что Безер как-то особенно махнул рукой и в тот же миг, с громким криком, небольшая кучка всадников, собравшаяся около нас, понеслась в атаку на толпу у другого конца площади. Их было не более десяти или двенадцати человек, но поощренные его взглядом, они летели с такой отвагой, как будто их была тысяча. Толпа дрогнула и побежала в сторону. С быстротою молнии всадники повернули и поскакали назад, разгоняя встречавшиеся им на пути группы, и опять очутились около нас с торжествующей улыбкою на возбужденных лицах.

Маневр был отлично выполнен, и Видам поспешил к нашему концу галереи. Его люди бежали вниз с глазами, горевшими воинственным огнем и хватали как попало лошадей. В суматохе я потерял из виду Луи, но вскоре заметил его, бледного и ошеломленного, сидящего на лошади позади одного из всадников. Перед каждым из нас также вскочило по человеку, которые ничем не выразили своего удивления при виде нас. Да и не было времени для расспросов. Толпа, оправившаяся от первой атаки, все увеличивалась, и раздражение ее, особенно после удавшейся уловки Безера и в виду нашего отступления,— росло с каждой секундой.

Нас было менее сорока человек; к тому же на неко-

торых лошадях сидело по двое. Безер окинул быстрым взглядом свой отряд и глаза его остановились на нас. Он отдал какое-то приказание своему лейтенанту. Тот дал шпоры лошади, великолепному серой масти коню, не хуже чем у самого Безера, и подскакав к Круазету, ловко перетащил его к себе на седло. Я не понял цели этого. Но, увидев, что Круазет уселся позади Блеза Бюре (это был он), отчасти успокоился. Мы тотчас же тронулись и стали пробиваться сквозь толпу.

Я не могу рассказать, что было далее. Я видел только движение испуганных лошадей, мы были в самой середине отряда всадников, раскачивающихся в седлах; по временам мелькали по сторонам ряды бледных, озлобленных лиц, дико размахивавших руками. Раз я увидел, оглянувшись назад, что лошадь Видама о что-то споткнулась в толпе и упала на передние ноги, но невероятным усилием он поднял ее и продолжал путь. В другой раз, минутой спустя, лошади ехавших по правую сторону от меня метнулись в сторону, и я увидел зрелище, которое не забуду во всю мою жизнь.

Это был труп коадьютора, лежавший лицом кверху; глаза его были открыты, зубы стиснуты в последней судороге. На нем лежало распростертое тело молодой женщины с золотистыми волосами. Я не знал, был ли это также труп, или живое тело; но вытянутая рука точно заостенела, а кроме того, через нее, вероятно, прошла толпа при своем бегстве во время первой атаки кавалеристов Безера. Впрочем, в течение того краткого времени, когда моя лошадь метнулась в сторону, я не заметил, чтобы ее тело было изуродовано. И я с ужасом признал в ней женщину, еще недавно снабдившую меня условными знаками, которые и до сих пор были на моем платье; на боку у меня висела та самая шпага, которую я получил от нее при прощании. Мне вспомнились при этом гордые слова, сказанные монахом в ее присутствии несколько часов тому назад: «Нет человека в Париже, который бы осмелился пойти против меня в эту ночь».

И что же? Рука его теперь была одинаково бессильна, как на добро, так и на зло. Мозг его бездействовал и повелительный голос замолк навеки. Его постигло справедливое возмездие. Служитель церкви погиб на-

сильственной смертью от того же меча, который обнажил. Отверженный им крест сокрушил его. Все замыслы и планы его погибли вместе с ним.

Я был до того потрясен всем виденным, что пришел в себя только тогда, когда мы уже оставили за собой толпу и с грохотом проезжали по какой-то мощеной улице, уже не встречая дальнейшей задержки. Теперь меня обуревали сомнения, куда мы едем — уж не в дом ли Безера. Сердце мое сжалось при этой мысли. Но прежде чем я мог остановиться на каком-нибудь предположении, мы приблизились к каким-то массивным воротам, с большими круглыми башнями по сторонам. Вся наша кавалькада в беспорядке остановилась в узком проезде, между тем как Безер обменялся несколькими словами с начальником стражи. Последовал перерыв в несколько минут; потом тяжелые ворота медленно открылись, и мы, по двое, проехали под их сводом. Куда вели эти ворота, — в крепость, тюрьму или замок, — я оставался на этот счет в полном недоумении.

Мы выехали на открытую площадку — грязную, заваленную всяким мусором, с глубокими по ней колеями в разных направлениях и с полуразваливающимися шалашами и домишками, раскиданными по ее окраинам. Но за нею, когда мы быстро переехали ее... О милосердное небо!.. перед нами открылась картина сельской природы.

Я никогда не забуду того облегчения, которое я почувствовал при этом. Я смотрел на мирную картину, освещенную солнцем, и едва верил своим глазам. Я вдыхал всеми легкими свежий воздух в каком-то радостном восторге, я подбросил вверх мою шпагу, между тем как окружающие меня суровые лица только усмехались, глядя на безумные проявления моей радости.

Я повернул голову и бросил взгляд на Париж; густой дым висел над его башнями и крышами; но мне казалось, что его окутывало какое-то адское облако. В ушах моих еще звучали крики, вопли, проклятия, сопровождающие смерть. В действительности до меня доносился глухой шум пальбы близ Лувра и трезвон колоколов. Мы встречали по дорогам и деревням группы крестьян, привлеченных этим явлением. Они обращались с

робкими вопросами к более добродушным из нашей группы, доказывая, что молва об ужасах, творившихся в городе, уже распространилась по окрестности. Я узнал потом, что ключи от городских ворот с вечера были отправлены к королю и что за исключением герцога Гиза, выехавшего в восемь часов в погоню за Монгомери и некоторыми протестантами (оставшимися, к их счастью, в Сент-Жерменском предместье), никто до нас еще не оставлял города.

Говоря о нашем отъезде, я должен упомянуть о тех чудовищных делах, которые совершались в Париже в течение этого и нескольких последующих дней и составляли стыд Франции в наше время, заставляя краснеть каждого порядочного француза даже при восшествии на престол покойного Генриха IV. Меня спрашивают иногда, как свидетеля, что я думаю об этом; и я отвечаю, что в этом деле виновата не одна наша родина. Вместе с королевой Екатериной де Медичи к нам было завезено сорок лет тому назад нечто неуловимое, но весьма сильное — дух жестокости и предательства. В Италии это свойство повело к печальным последствиям. Но привитый к более отважному характеру француза, к его северной воинственности — этот дух интриги сказался в еще более ужасных делах. В течение некоторого времени, пока он не вывелся сам собою, влияние его было истинным бедствием для Франции. Два герцога Гиз (Франциск и Генрих), кардинал де Гиз, принц Конде, адмирал Колиньи, король Генрих III, — все эти выдающиеся люди погибли под ножом убийц, в течение двадцати пяти лет с небольшим, не говоря уже о принце Оранском и Великом Генрихе.

Следует заметить при том, что большинство людей, участвовавших в этом деле, не вышли из первой молодости. Королем, конечно, прежде всего подчиненным своей матери, управляли при этом мальчики, едва кончившие свое ученье. Это были молодые, горячие головы, безрассудные молодые дворяне, готовые на всякое отчаянное дело, не думая о последствиях. Из четырех французов, игравших главные роли в этом деле, королю было двадцать два; его брату только двадцать; герцогу Гизу — двадцать один. Только маршал де Паван был один

между ними зрелого возраста. Что касается до других заговорщиков,— королевы-матери, Реца, Невера и Брига, то они были итальянцы, и пусть Италия отвечает за них, если Флоренция, Мантуя и Милан согласны поднять брошенную им перчатку.

Но возвратимся к нашему путешествию. Проехав около мили, мы сделали привал у постоялого двора, потерянные в городе лошади были заменены новыми, и Бюре принес нам еду. Мы совсем умирали с голоду и накинулись на нее, как звери.

Видам на своей лошади держался в стороне; ему прислуживал его паж. Я украдкой взглянул на него и мне показалось, что даже в этом железном человеке события прошлой ночи произвели некоторые перемены. Мне казалось, что я заметил на его лице выражение совершенно несвойственного ему волнения,— во всяком случае странного и несообразного с его характером. Я готов был поклясться, что в то время, как он смотрел на нас, на его мрачном лице мелькнуло ласковое выражение и какая-то печальная улыбка.

Луи находился с охранявшими его людьми в другой части двора; он не видел нас и еще не знал о нашем присутствии. Я видел в профиль его лицо; оно было бледно и задумчиво, в его выражении преобладала печаль, а не отчаяние. Он, без сомнения, думал,— не менее чем о своей собственной,— о судьбе, постигшей тех храбрых товарищей, которые еще вчера вместе пировали с ним. Когда вслед затем, по сигналу Бюре, мы выехали опять на дорогу, я, не спросившись, погнал мою лошадь и приблизился к Луи в то время, как мы выезжали из ворот.

Глава XI

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

— Луи! Луи!

Он вздрогнул и повернулся при звуке моего голоса; на лице его были написаны радость и изумление. Кто-то раздобыл ему шляпу, помог привести в порядок платье и перевязал рану,— она не была опасна,— так что он

имел теперь другой вид. Мрачное облако горя и отчаяния сменилось на мгновение выражением радости при виде меня, и он напомнил мне прежнего Луи в Кайлю, когда мы возвращались вместе с соколиной охоты или с какой-нибудь веселой прогулки, среди холмов. Но, увы! он был теперь без шпаги.

— Скажи мне! — воскликнул он после выражения первого удивления. — Как же вы попали сюда? Как очутились здесь, около меня? Все ли здоровы в Кайлю? Неужто мадемуазель...

— Она совершенно здорова! И думает теперь о тебе, я готов поклясться! — отвечал я с живостью. — Что до нас, — продолжал я, стараясь не касаться пока главного предмета, — то Мари и Круазет позади нас. Мы оставили Кайлю восемь дней тому назад. Вчера вечером мы прибыли в Париж. С тех пор мы не смыкали глаз; мы провели, Луи, такую ужасную ночь, какой я никогда...

Он остановил меня жестом.

— Тш! — прошептал он, подымая руку. — Не говори об этом, Ан, — и я понял, что воспоминание о судьбе его друзей, о тех ужасах, которые он видел и слышал, было еще так свежо, что для него был невыносим всякий намек. Проехав несколько времени в молчании, он опять спросил, что привело нас сюда.

— Мы приехали, чтобы предостеречь тебя, — отвечал я, указывая на одинокую фигуру Видама, ехавшего впереди кавалькады. — Он... он сказал, что Кит никогда не будет твоею женой и угрожал смертью тебе... и напугал ее. Тогда, узнав, что он уехал в Париж, мы двинулись следом за ним, чтобы предостеречь тебя. — После этого я вкратце передал ему все наши похождения, и все те странные случайности и недоразумения, которые задерживали нас в продолжении этой ужасной ночи до той самой минуты, когда уже было поздно что-нибудь предпринять.

Его глаза блестели, и краска покрыла лицо, пока я продолжал свой рассказ. Он крепко сжал мою руку и с нежной улыбкой взглянул назад, на Мари и Круазета.

— Это все похоже на вас! — воскликнул он, глубоко тронутый. — Это похоже на ее братьев! Храбрые, благо-

родные юноши! Виконт будет гордиться вами! Вам всем предстоят славные дела!

— Но, Луи,— отвечал я печально, хотя мое сердце забилося от гордости при его словах,— если бы мы не опоздали! Если бы мы только могли попасть к тебе двумя часами ранее!

— Я боюсь, что ваши слова принесли бы уже мало пользы,— отвечал он, грустно покачивая головой.— Нас предали нашим врагам. Предостережения — сколько их было! Де Рони предостерегал нас, и мы не поверили ему. Взгляд короля предостерегал нас,— а мы верили ему. Но...— и при этом фигура Луи выпрямилась, он поднял руку,— и я вспомнил предсказание его родственника,— но это уже не повторится более во Франции, Ан! Никогда! Никто не будет верить друг другу! Не будет ни чести, ни веры, ни жалости, ни мира! И в доме Валуа свершившего это преступление, убийство не прекратится! Я верю в это! Я верю в это!

Как оправдались его слова, мы знаем это теперь. В продолжение двадцати двух лет, после 27 августа 1592 г. война не прекращалась ни на один месяц во Франции. На улицах Парижа, под Арком, Кутри, Иври кровь лилась рекой, дабы смыть кровь, пролитую в ночь на Варфоломеев день! Последний из Валуа был погребен под сводами Септ-Дени, и ему наследовал великий король, первый из всех живших до него французов — самый храбрый, добродушный, самый мудрый из всех: — и тот, в несчастную для Франции минуту, пал под ножом убийцы. И тут только Франция в ужасе своем, отринула от себя зло и предательство.

Разговаривая с Луи, я избегал одного предмета. Какие были намерения у Видама? Что означало это странное путешествие? Какая судьба ожидала Луи? Надежды оставалось так мало, что я старался не думать об этом.

Он сам заговорил позже, после заката, когда уже вечерние тени стали падать вокруг нас, а мы все еще на своих усталых лошадях продолжали двигаться к югу. Он внезапно спросил меня:

— Не знаешь ты, куда мы едем, Ан?

Его неожиданный вопрос сильно смутил меня и про-

шло несколько времени прежде, чем я ему ответил с затруднением:

— Домой,— сказал я на удачу.

— Домой? Нет. И в то же время по пути домой. В Кагор,— отвечал он с каким-то странным спокойствием.— Твоего дома, мой мальчик, я никогда не увижу. Я не увижу Кит! Мою дорогую Кит! — Он первый раз назвал ее при мне тем самым нежным именем, каким и мы привыкли ее называть. И чувство, звучавшее в его голосе, так тронуло меня, что я не мог удержать слез.

— Полно, мой мальчик,— сказал он тихо, наклонившись ко мне и положив руку мне на плечо,— мы ведь мужчины. Мы должны быть твердыми. Слезы не помогут нам — оставим их женщинам.

Я зарыдал пуще прежнего. Даже его голос дрогнул при последнем слове. Минуту спустя он уже говорил со мною спокойным голосом. Я сказал перед этим:

— Неужели Видам осмелился... публично.

— В этом не может быть и сомнения,— отвечал он.— Чем публичнее, тем лучше для него. Они не задумались в одно утро умертвить тысячи людей. Кто же погребует его к ответу, когда наш собственный король объявил каждого гугенота вне закона, объявил, что гугенота можно безнаказанно убить. Нет, когда Безер обезоружил меня,— и он показал на свою рану,— конечно, я ожидал немедленной смерти. Я видел смерть в его глазах, Ан! Но он не поразил меня.

— Отчего же? — спросил я в трепетном ожидании.

— Я могу только догадываться,— отвечал Луи со вздохом.— Он сказал, что моя жизнь в его руках, но что он убьет меня в другое время. Кроме того,— если я не дам ему слово следовать за ним, не делая попыток бежать дорогой, то он выбросит меня на растерзание тех собак, что ревут снаружи. Я дал слово. И мы едем вместе. И... О, Ан! — еще только вчера в это время мы ехали вместе с Телиньи домой из Лувра, где играли в рапше с королем! И весь мир... весь мир казался тогда таким прекрасным!

— Я, или, вернее, Круазет, видел тебя в это время,— начал я и остановился, заметив охватившее его горе, при воспоминании о своих друзьях.— Но как тебе известно,

Луи, что мы едем в Кагор?

— Он сказал мне, когда мы проезжали ворота, что назначен губернатором в Керси, чтобы провести эдикт против нашей религии. Разве ты не видишь, Ан,— прибавил мой товарищ с горечью,— что для него недостаточно просто убить! Он хочет измучить меня (но этого не удастся ему) ужасным ожиданием предстоящей смерти. Но,— воскликнул Паван, гордо подымая свою голову,— я не боюсь его! Я нисколько не боюсь его!

Сердце мое разрывалось. Я вспомнил, что гнев Видама был направлен более против моей кузины, чем ее жениха; и теперь, судя по угрозам, я угадал его намерение лучше Павана. Целью Видама было отомстить женщине, которая отвергла его. Он вез сюда из Парижа ее жениха, чтобы казнить его, предупредив ее об этом. Вот в чем заключался его план: он не только сообщит ей, но сама казнь может совершиться в ее присутствии! Он мог заманить ее в Кагор и тогда...

Я весь затрепетал, точно пропасть внезапно открылась под моими ногами. В этом плане было столько адской жестокости, впрочем, совершенно в характере слышанных мною рассказов про Волка, что я не сомневался в справедливости моей догадки. Я прочитал замыслы его злого ума, и мне стало ясно, почему он взял на себя лишнее затруднение возиться с нами. Он надеялся через нас привлечь в Кагор мадемуазель Кайлю.

Конечно, я ничего не сказал об этом Луи. Я, как только мог, скрывал свои чувства; но мысленно дал себе страшную клятву, что в последний час мы еще поборемся с Видамом. В крайнем случае мы можем убить его, и хотя мы сами погибнем при этом, но зато избавим от страданий Кит. Мои слезы высохли при этих мыслях. Во мне загорелся огонь благородного негодования, или так мне казалось, по крайней мере.

Только на третий день нашего путешествия нас стали опережать гонцы, посланные из Парижа. Одного из них, который, как я узнал из разговоров окружающих, ехал в Кагор с письмами к губернатору и епископу, Видам остановил и потребовал к себе. Я не знаю, как это было устроено, но только епископ никогда не получил этих писем, в которых, мне думается, заключались пол-

номочия на совместную власть с Видамом. Я знаю только, что мы оставили гонца, который, вероятно, не захотел рисковать своей жизнью, в одном весьма удобном помещении в Лиможе, откуда в свое время и не спеша он, должно быть, потом возвратился в Париж.

Самым странным в нашем путешествии было, пожалуй, то обстоятельство, как к нам относились наши спутники. На второй день нам не препятствовали ехать вместе, если мы только держались в середине растянувшейся кавалькады. Видам ехал один впереди, в мрачной задумчивости, с наклоненной головой, размышляя о своем плане мщения, как мне думалось. Он ехал так по целым дням, не говоря ни с кем и не отдавая никаких приказаний. По временам я даже почти жалел его. Он по-своему любил Кит, насколько была к тому способна деспотическая натура, не привыкшая к противоречию, и теперь он потерял ее безвозвратно. Что же даст ему задуманное отмщение? Только одно удовлетворение бесильной злобы. И по временам на меня производила чрезвычайно грустное впечатление эта одинокая гигантская фигура.

Он редко обращался к нам. Еще реже того к Луи. Когда это случалось, его резкий голос и жесткий взгляд ясно обнаруживали всю ту злобу, которую он питал к нему. Во время еды он сидел на одном конце стола, — мы четверо на другом, подобно тому, как было в наш первый вечер в Париже. И по временам я трепетал, случайно уловив те мрачные, насмешливые взгляды, которые он иногда бросал на своего соперника и пленника; иногда, впрочем, в его лице появлялось такое выражение, которого я не мог себе объяснить.

Я осторожно сообщил Круазету свои подозрения. К моему удивлению, он не был так поражен этим, как я ожидал. У него были свои предположения на этот счет.

— Как ты думаешь, Ан? — спросил он вполголоса, когда мы были одни. — Не замышляет ли он заставить Луи отказаться от Кита?

— Отказаться от нее! — воскликнул я, не понимая. — Как так?

— Предоставить ему выбор... ты понимаешь?

Я понял и увидел все в один момент. Как я не дога-

дывался об этом прежде! Безер мог поставить вопрос так: отказ от невесты и жизнь, в противном случае — смерть.

— Луи ни за что не откажется от нее! — отвечал я. — Для Безера — никогда!

— Он потеряет ее во всяком случае, — отвечал тихо Круазет. — Но может быть еще хуже. Луи теперь в его власти. Представь, что он сделает саму Кит решительницей судьбы Луи. Предоставит ей выбор: принять его любовь и спасти жизнь Луи, или отказаться и сделаться причиною его смерти?

— Сент-Круа! — воскликнул я с негодованием. — Он не способен на такую низость!

— Может быть, — отвечал Круазет, устремив свой взгляд вдаль, на которую уже спускались вечерние сумерки. В это время мы опередили кавалькаду, перед нами не было никого, кроме Видама. — Может быть, мы ошибаемся... — повторил Круазет. — Мне иногда кажется, что мы не понимаем его и что на свете могут быть люди хуже Безера.

— Хуже? — сказал я. — Вряд ли!

— Да, хуже, — продолжал он, покачав головой. — Помнишь, как мы укрывались в алькове большой кровати у Мирпуа?

— Разумеется. Разве можно забыть это?

— И как вошла мадам д'О?

— С коадьютором? — сказал я, содрогаясь. — Да, помню.

— Нет, во второй раз, — отвечал он, — когда она возвратилась одна. Уже было темно, помнишь? И мадам де Паван стояла у окошка, так что сестра не видела ее?

— Да, да, помню, — отвечал я с нетерпением. Я уже видел по тону его голоса, что он собирался передать мне нечто о мадам д'О, и это было крайне неприятно для меня.

— Ты помнишь, что она подошла к кровати, Ан? — продолжал Круазет. — Ты был ближе всех к ней. В темноте она не могла разобрать и приняла тебя за свою сестру. И тут я вскочил с кровати.

— Я знаю это! — воскликнул я сердитым тоном. —

Ты перепугал ее до смерти, Сент-Круа. Я не могу представить, зачем ты сделал это?

— Чтобы спасти твою жизнь, Ап,— отвечал он серьезным голосом,— а ее от преступления! Ужасного, противоестественного преступления. Она возвратилась, мне трудно даже говорить это, чтобы убить свою сестру. Ты вздрогнул. Ты не хочешь верить этому. Это чересчур ужасно. Но мне было лучше видно, чем тебе. Она как раз стояла между тобою и светом. Я видел поднятую руку с ножом, видел ее злое лицо! Если бы я не вскочил с кровати, она бы заколола тебя. В испуге она уронила нож и я его поднял; он при мне. Вот, смотри!

Я украдкою взглянул на него и отвернулся с ужасом.

— Зачем,— бормотал я,— зачем она сделала это?

— Ей не удалось, как ты знаешь, увлечь свою сестру в дом Павана, где ее легко было убить. Безер, хорошо знавший мадам д'О, помешал этому. Тогда эта ужасная женщина вернулась с ножом; она ожидала, что среди общей резни это убийство пройдет незамеченным и не будет расследовано, а Мирпуа будет молчать.

Я ничего не сказал. Я был совершенно уничтожен; но верил рассказу. Когда я повторил в своем уме все факты, то увидел, что множество мелочей, не замеченных среди той тревоги и быстроты событий, вполне подтверждали его.

Подозрения другого Павана были основательны. Хуже Безера? Да, во сто раз хуже. Насколько предательство хуже насилия; насколько безжалостное коварство змеи хуже свирепости волка.

— Я подумал,— прибавил тихо Круазет, несмотря на меня,— когда увидел, что ты ушел с нею, что уже никогда не увижу тебя, Ан. Я считал тебя погибшим. Когда ты вернулся, это было счастливейшим моментом в моей жизни.

— Круазет,— прошептал я умоляющим тоном, и мои щеки запылали при этом,— не будем никогда говорить о ней!

Утром, при солнечном свете, я невольно был в лучшем настроении и мрачные мысли не одолевали меня. Худшее время для меня было, когда закатывалось солн-

це. Мы продолжали наш путь до позднего вечера, и тут Луи обыкновенно ехал рядом со мною и говорил о своей возлюбленной. И как трогательно он говорил! Сколько его последних заветов я должен был передать ей! Как часто он вспоминал про старое время, проведенное с нами между холмами Кайлю, когда мы все пятеро резвились и смеялись, как дети! И меня часто поражало, между тем как слезы струились по моим щекам, скрытые темнотою, как он мог говорить так спокойно об ожидающей его судьбе, не восставая против Провидения! Как он мог все время думать только о ней, о том, как пойдет ее жизнь, когда она будет одна!

Теперь я понимаю это. Он был все еще под впечатлением гибели друзей. Смерть казалась ему близкой и естественной после того, как он видел столько друзей, погибших неожиданно, без всякого приготовления к смерти. Она казалась ему теперь как бы нормальным состоянием человека, а жизнь — исключением.

Как-то раз после полудня с нами произошел исключительный случай. Пред нами открылись Овернские холмы, и мы увидели влево от себя возвышающуюся над ними вершину Пюи де Дом. Мы ехали все четверо вместе и оказались позади кавалькады. Наша дорога представляла узкую тропу, извивающуюся по волнистой равнине, заросшей местами дроком и кустарником. Мы отстали от прочих, так что виднелось только с полдюжины всадников, на расстоянии около четверти версты перед нами и двое на таком же расстоянии позади. Я посмотрел в обе стороны, и сердце мое забилося. В первый раз за всю дорогу мне представилась мысль о возможности побега. Дикие Овернские холмы были поблизости от нас. Если бы нам удалось опередить погоню на четверть мили, они вряд ли настигли бы нас до наступления темноты. Отчего нам не дать шпоры лошадям?

— Невозможно, — отвечал тихим голосом Паваи на мои слова.

— Почему? — спросил я с живостью.

— Во-первых, потому, что я дал слово.

Но я воскликнул, весь вспыхнув:

— Что это значит? Ты был захвачен предательски, вопреки охранного листа от короля. К чему же тебе

стесняться! Твои враги поступают иначе. Это неразумно!

— Не думаю,— отвечал Луи, покачав головой,— ты и сам поступил бы так на моем месте. Да к тому же это и бесполезно.— При этом он повернулся и, прикрывая рукою глаза от солнца, пристально посмотрел назад.— Я так и думал,— продолжал он.— Один из них на серой Марго, самой быстрой кобыле, по словам Бюре, во всем отряде. Под другим нормандский конь, которым мы любовались еще сегодня утром. Это западня, устроенная Безером нарочно, Ан. Если бы мы только на двенадцать ярдов свернули в сторону, эти двое как ветер понеслись бы за нами.

— Ты хочешь сказать,— воскликнул я,— что Безер нарочно уехал со своими людьми вперед?

— Именно так,— отвечал Луи.— Для него было бы приятнее всего,— сперва отнять мою честь, а потом уже — жизнь. Но, слава Богу, только одна из них в его власти.

Когда стемнело, всадники приблизились к нам, по обыкновению. Подъехавший Бюре глядел на нас хитро. Он, видимо, понял, что мы догадались, но мало заботился об этом. Другие тоже. Но при мысли, что один я, пожалуй, попался бы в ловушку, возбудило во мне новую ненависть к Видаму. В этих мрачных размышлениях я почти не замечал, что делалось вокруг, пока не услышал крики, что виден Кагор. Город действительно открывался перед нами в мелкой ложине, окруженный небольшими холмами. Куполы собора, башни моста Валлиндре, поворот Ло, где она огибает город, все это было мне хорошо знакомо. Наше долгое путешествие кончилось.

Меня преследовала теперь только одна мысль. Несколько раньше я сообщил Круазету свой отчаянный план внезапно напасть на Безера, среди его людей, и убить. Это было все, что нам оставалось. Теперь наступил последний удобный момент для этого; другого случая уже не представится. Мы остановились в беспорядке на вершине холма, между тем как два человека поскакали в город, чтобы сообщить о приезде нового губернатора, а Бюре, с полдюжиною вооруженных пиками всадников, выехал вперед в качестве авангарда.

Перед нами лежала узкая дорога, извивавшаяся по крутизне холма. Лошади устали. Время и место были неудобны для моего плана и мне благоприятствовала только наступающая ночь. Меня поддерживало одно отчаяние.

— Ты помнишь, что я говорил, Круазет? — прошептал я брату. — Готов ли ты?

Он вздрогнул и повернул ко мне свое бледное лицо, потом взглянул на одинокую фигуру, ехавшую шагах в двадцати впереди нас; между ею и нами никого не было. Он колебался. Я не знаю, под влиянием ли раздавшегося в это время тихого звона к вечерне, но только он колебался.

Я повторил мой вопрос.

Он положил руку на мою уздечку и начал говорить что-то несвязное. Этого было довольно для меня! Я с негодованием прервал его и тотчас же обратился к Мари.

— В таком случае ты? — сказал я.

Но Мари только покачал головой в недоумении.

Итак, это случилось второй раз.

Страшно! Но я не был особенно поражен. Я чувствовал, как будто так и должно было случиться, и, без всякого упрека опустив голову, отказался от своего плана. Я опять впал в прежнее равнодушное оцепенение. Видам был слишком силен. Не мне было бороться с ним. Мы все были как околдованные. Как только кавалькада тронулась вперед, я поехал за ними в молчании, охваченный полной апатией.

Мы въехали в ворота Кагора; и, без сомнения, представившаяся нам сцена заслуживала внимания; но я смотрел на все безучастными глазами, как смотрит с тупым любопытством человек перед колесованием на это орудие его смерти, если ему не приходилось видеть его прежде.

Все население города стояло по сторонам улиц, через которые мы проезжали, и смотрело на нас с едва скрытым опасением.

Молча мы слезли с лошадей во внутреннем дворе замка и хотели идти вместе, когда к нам подошел Бюре.

— Месье де Паван, — сказал он довольно грубо,

встав между нами, — будет сегодня ужинать один. Вас, господа, прошу идти сюда.

Я пошел без возражения. К чему бы оно повело? Я чувствовал, что Видам с верхней площадки главной лестницы следил за нами с самым злобным выражением. Я шел молча. Но Круазет энергично на чем-то настаивал.

Мы вошли через низкую дверь в какую-то комнату в нижнем этаже, весьма похожую на тюрьму. Здесь мы поужинали в молчании. Когда мы кончили, я бросился на одну из приготовленных для нас постелей, избегая всякого разговора с моими товарищами в несчастье, но не в борьбе.

Между нами не было никаких объяснений. Но я сознавал, что они по временам взглядывали на меня, ожидая, что я заговорю. Я пытался заснуть, но слышал, как вошел Бюре пожелать нам спокойной ночи и вместе с тем посмотреть — не убежали ли мы. Я слышал также, как Круазет спросил его:

— Месье де Паван спит один сегодня, Бюре?

— Не совсем, — отвечал тот мрачно. — Видам заботится о его душе и послал к нему священника. — И ключ повернулся в замке.

Они вскочили на ноги и стали ходить взад и вперед по комнате, в страшных мучениях раскаяния, проклиная при этом Видама и укоряя себя.

Даже Мари не мог здесь найти ни малейшей лазейки, через которую мы могли бы убежать из нашей тюрьмы. Дверь была замкнута; окно защищено решеткою, через которую с трудом пролезла бы и кошка; стены из толстого камня.

Между тем я продолжал лежать, притворяясь спящим, как вдруг биения моего сердца стали отвечать на раздавшийся вскоре и продолжавшийся до самого рассвета стук молотков. Мы ничего не могли видеть из нашего окна, находившегося близко от земли и прямо против стены. Но мы догадывались, что обозначал этот шум. Мы не могли следить за работой или слышать голоса рабочих; до нас не доходил отблеск их огней. Но мы знали, что они делали.

Они строили эшафот.

Глава XII

РАДОСТНОЕ УТРО

Я был слишком измучен, чтобы обойтись совершенно без сна. Бессонные ночи являются последствием беспокойства и волнения, а не одной печали. Долго я лежал с открытыми глазами, но, благодарение Богу, надежда не покидала меня, и часа за два перед рассветом я все-таки уснул. Когда я проснулся, солнце уже было высоко и косые лучи его освещали наше окно. Они оживили нашу комнату, наполнив ее свежестью раннего утра, и я лежал несколько времени, подперев щеку рукой, как бывало в Кайлю. Я почувствовал робкое прикосновение Мари к моему плечу и сразу вспомнил, где мы были.

— Вставай, Ан! — сказал Круазет. — Видам прислал за нами!

Я вскочил и прицепил шпагу. Круазет прислонился к стене, бледный и подавленный. В дверях как-то странно улыбаясь, стоял Бюре. Дав нам знак следовать за ним, он повел нас по мрачным коридорам. Они оканчивались каменной лестницей, ведущею наверх, где, казалось, было не так мрачно. Мы вошли в большую комнату, стены которой местами были расписаны, местами увешаны коврами; она освещалась тремя громадными стрельчатыми окнами, которые доходили до пола, покрытого камышевыми матами. Это была большая комната, украшенная оружием, с возвышением на одном конце, на котором стояло массивное резное кресло. Потолок ее был голубого цвета с рассыпанными по нему золотыми звездами? Теперь я припомнил это место; несколько лет тому назад я сопровождал сюда виконта, когда тот приезжал с церемониальным визитом к губернатору. О! Если бы виконт был здесь теперь!

Я подошел к среднему окну, которое было открыто и тотчас же отскочил от него: к нему в уровень с полом, а также покрытый матами, примыкал эшафот! На нем стояли в ожидании два или три человека. Я искал между ними Луи, но его не было; раздавшийся в это время шум заставил меня повернуть голову, и я увидел его, входящего под конвоем четырех солдат.

Лицо его было бледно и мрачно, но совершенно спокойно. В глазах было такое выражение, как будто он глядел куда-то вдаль, как будто он видел только холмы Керси и лицо Кит. Он держал себя спокойно и с полным достоинством, походка его была твердая и уверенная. Когда он увидел нас, лицо его просветлело, и он с улыбкой приветствовал нас; он даже с добродушным достоинством ответил на почтительный поклон Бюре. Круазет бросился к нему, называя его по имени. Но прежде чем Луи успел сжать его руку, дверь в другом конце залы отворилась и в нее вошел Видам.

Он был один. Он обежал глазами комнату, его отталкивающее лицо слегка покраснело, как будто он спешил, в глазах его сверкала злоба. Он не поклонился нам, но только дал знак, чтобы Бюре и солдаты отошли в другой конец залы. Потом повернулся к нам; он пристально смотрел на своего соперника, и взгляд его был полон невыразимой ненависти. Царила полная тишина.

Наконец Безер прервал молчание.

— Месье де Паван,— начал он, и голос его звучал хрипло, под насмешливой вежливостью скрывая бушевавшие страсти,— месье де Паван, я имею полномочие короля казнить всех гугенотов, находящихся в моей провинции Керси. Имеете вы что-нибудь возразить, если я начну с вас? Или, может быть, вы желаете возвратиться в лоно истинной церкви?

Луи презрительно пожал плечами и хранил молчание.

— Хорошо,— продолжал Видам, не обращая никакого внимания на нас и устремив свой взгляд на одного Луи.— Никогда еще ни один человек не сделал мне столько зла, как вы. Вы восторжествовали надо мною, месье де Паван, и отняли у меня женщину, которую я любил. Шесть дней тому назад я мог убить вас. Вы были в моей власти. Мне стоило только выдать вас толпе, и вы гнили бы теперь на Монфоконе, месье де Паван.

— Это справедливо,— сказал тихо Луи.— Но к чему столько слов?

— Я не оставил вас в их руках,— продолжал Безер, как бы не слыша его,— но еще никто не был мне так ненавистен, как вы, и я не склонен прощать обиды. Те-

перь наступил момент моего мщения! Я исполню слово в слово клятву, данную вашей невесте две недели тому назад. Я...— молчи, мальчик! — загремел он, внезапно повернувшись к нам,— или я исполню и над тобою то, что обещал!

Круазет пробормотал что-то, и это обратило на него грозный взгляд Безера. Но угроза подействовала, и Круазет замолчал.

Этот перерыв, однако, сильно раздражил Видама. Пробормотав проклятие, он несколько раз прошелся к окну и обратно.

— Слушайте! Я мог предать вас адской смерти! И я не сделал этого. Мне стояло только поднять руку, и вас разорвали бы на части! Но волк не охотится вместе с крысами, и Безер не нуждается ни в чьей помощи,— ни короля, ни уличного сброда. Если я преследую моего врага, то преследую его один, слышите вы меня? И, клянусь небом,— он остановился на мгновение,— если я только еще раз встречу с вами, месье де Паван, я убью вас на месте!

На мгновение лицо Видама вспыхнуло, глаза сверкнули, точно перед ним открылась завеса, застилавшая их. Я всеми силами старался понять смысл его слов; но вот он опять обратил на свою жертву мрачное лицо и продолжал прежним суровым тоном.

— Слушайте, месье де Паван,— сказал он с величавым видом.— Двери открыты! Ваша невеста в Кайлю. Дорога пред вами свободна, поезжайте к ней... поезжайте к ней и скажите, что я спас вашу жизнь и что я дарю вам ее, не по дружбе, а из ненависти! Если бы я заметил в вас малейшее колебание, я убил бы вас, потому что это заставило бы вас более страдать, месье де Паван. Теперь же берите вашу жизнь, как дар от меня! И страдайте так же, как я бы страдал, если бы меня спас и пощадил мой враг!

Не сразу я понял смысл его слов. Я оценил их только, когда услышал отрывочные фразы Павана, в которых гордость боролась с чувством смирения, благодарившего за такое великодушие. Видам же прерывал Павана грубыми колкостями, отвечал дерзостями и угрозами на выражение его благодарности.

— Уходите! Уходите! — кричал он вне себя. — Я не затем привез вас сюда живого, чтобы вы в последний момент лишили меня моего мщения и заставили убить себя! Прочь! И берите с собой этих щенков! Считайте меня своим врагом по-прежнему! И если я встречу с вами когда-либо, то как враг! Уходите, месье де Паван, уходите!

— Но, месье де Безер, — продолжал настаивать Луи, — выслушайте меня. Нужно...

— Уходите, уходите! А то я не отвечаю за себя! — Видам пришел в совершенное исступление. — Каждое ваше слово в этом тоне раздражает меня! Оно только лишает меня моего мщения! Идите! Заклинаю вас именем Бога!

И мы пошли, потому что не было заметно ни малейшего проблеска смягчения в этом злобном лице. Мы шли медленно, стараясь уловить малейший повод к тому, чтобы остановиться в естественном желании благодарить его. Но, суровый и непреклонный, он оставался таким, пока мы не вышли из залы.

Таким видел я с моими товарищами в последний раз Рауля де Мар, Видама де Безер.

Это человек, о котором нельзя судить, применяясь к нынешним взглядам; потому что таких людей как он, со всеми его пороками и добродетелями (если они были), в наше время не существует; он сделал много зла на свете и, если верить его друзьям, немало доброго. Но злое забывается, а добро живет дольше в памяти людской. И даже если бы все сделанное им добро было похоронено вместе с ним, то один этот поступок его — поступок истинного дворянина — еще долго будет предметом рассказов, доколе существует Франция и сохранится добрая память о нашем покойном короле.

* * *

Закрыв глаза, я, как сейчас, вижу маленькую группу из пяти человек, — потому что наш слуга Жан также присоединился к нам, — пробирающуюся в этот летний день через покрытые дубами холмы Кайлю, пускающуюся в галоп по их склонам, распугивая притаившихся зайцев, оживляя своими веселыми криками и хохотом за-

прятанные в ложбинах фермы и вдыхая при подъемах полною грудью смолистый запах смятых лошадьми папоротников, которые, казалось, гибли для того, чтобы доставить нам лишнее удовольствие в этот радостный для нас день. Редко выдаются такие счастливые дни, когда, по-видимому, вся природа живет только для нашего счастья.

Уже был вечер, когда мы взобрались на последнюю возвышенность и посмотрели вниз на Кайлю. Лучи заходящего солнца еще падали около нас, но долина в низу еще была наполнена густым мраком; так что мы даже не могли различить скалу, на которой ютилось наше родное гнездо, и только видели несколько огней, мелькавших на ее вершине. В глубоком молчании мы стали спускаться вниз по знакомой тропе.

Весь день мы ехали, объятые восторгом, сердца наши были полны счастья и торжества, и мы радовались не только за себя, но и за Кит. С наступлением ночи и мрака явились мысли о том, кому мы были обязаны нашим счастьем,— этом колоссе,— покинутом нами среди его величия и силы в полном одиночестве. Меня бросало в жар при мысли о том, что вышло бы, если бы мне удалось поступить по-своему; если бы я убил его, как два раза намеревался сделать...

Паван, несомненно, погиб бы тогда. Только Видам, с его сильным отрядом, мог спасти его, весьма у немногих, как бы ни были они сильны, хватило бы смелости выхватить его у разъяренной толпы; пожалуй, из всех бывших тогда в Париже, на это мог решиться только один Безер. Я оставаюсь на этом как на предостережении моим внукам; хотя вряд ли они когда увидят такие дни.

Лошади наши застучали копытами по крутым улицам Кайлю, и нас все еще не покидало чувство полугрустной задумчивости, особенно когда мы проезжали мимо мрачных ворот Волчьего логова, с их тяжелыми запорами, и под тем самым окном,— теперь темным и опустелым,— и которого Безер натравливал городскую чернь на посланного Павана.

Нам не потребовалось звонить в большой колокол: едва только раздался крик Жана: «Эй, там, у ворот! От-

крывайте сеньорам!» — как нас уже впустили. Мы еще не достигли конца подъема, как увидели какую-то фигуру, опередившую всех, — и прислугу, и старого Жиля и мадам Клод, — высыпавших нам навстречу. Я увидел легкую белую фигуру, быстро приближавшуюся к нам, бледное лицо, казавшееся еще блее ее платья; в нем выделялись только одни глаза, полные томительного вопроса.

Я отошел в сторону с низким поклоном, держа шляпу в руке и сказал просто, — это был величайший эффект в моей жизни:

— Вот Паван!

И тут я увидел, как лицо ее озарилось счастьем.

* * *

Видам де Безер умер также, как и жил.

Он еще был губернатором в Кагоре, когда Генрих Великий осадил город 17 июня 1580 года.

Захваченный врасплох, Видам был ранен во время штурма, но продолжал защищаться с отчаянной храбростью; и в течение пяти дней и пяти ночей боролся с осаждающими, переходя из улицы в улицу, из дома в дом. Пока он был жив, судьба великого Генриха, а с ним и всей Франции, колебалась на весах счастья. Но он пал наконец, пронзенный ружейною пулею в голову и умер вечером 22 июля.

Защитники города тотчас же сдались после этого.

Я и Мари участвовали в этом деле на стороне короля наваррского и, по поручению этого государя, поспешили отдать те последние почести телу Видама, которые он заслуживал, благодаря своему мужеству и которыми мы могли выразить свое чувство благодарности. Год спустя останки его были перенесены из Кагора и погребены (где они находятся и по сию пору) в церкви его собственного аббатства Безер, под памятником, вкратце упоминающим подвиги его жизни.

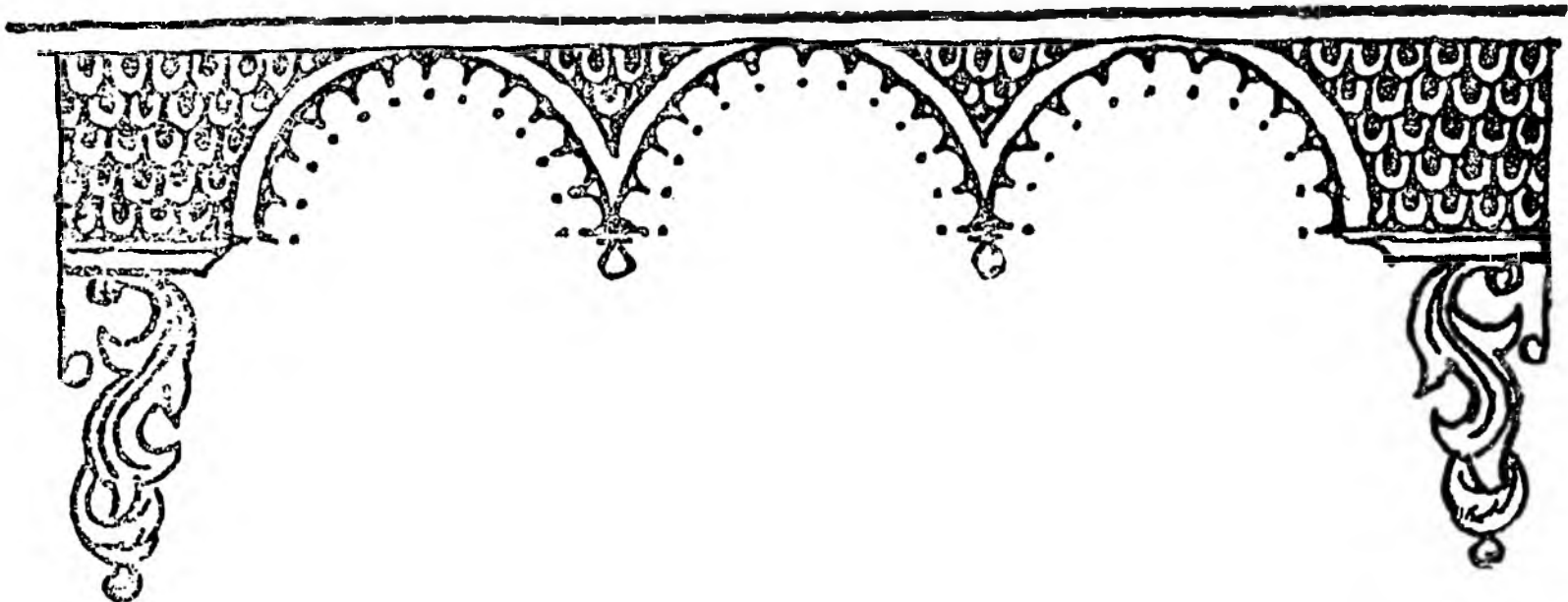
Но такой человек, имя которого живет в истории страны и его современников, не нуждается в памятнике.

ТЮРПЕН ДЕ-САНСЭ

МЯСНИК КАРЛА IX

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

I. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Около десяти часов вечера человек, закутанный в длинный плащ, шел по берегу Сены. Ночь была темна, и гроза собиралась в воздухе. Вдруг раздались громкие голоса дозорных. Остановившись было, незнакомец продолжил свой путь. Но через несколько шагов дозорные подошли к нему.

— Кто идет?

Незнакомец не отвечал. Тогда тот, который казался начальником, отделился от своих солдат и подошел к человеку в плаще.

— Кто ты? — спросил он. — Для чего ходишь по улице, когда давно уже был звон о тушении огня?

— Вели отойти твоим солдатам, — сказал незнакомец. — Я объяснюсь с тобой одним.

Начальник дозора — это был мессир Габастон, наблюдавший за безопасностью парижан в этот час — сделал знак солдатам, и они отступили на несколько шагов.

Как только незнакомец шепнул несколько слов, начальник дозора с живостью снял шляпу; он поклонился с уважением, смешанным со страхом, и, замахав своей саблей, сказал своим солдатам:

— В путь! Нам нечего здесь делать.

Незнакомец продолжал идти вдоль берега Сены.

Скоро он дошел до ворот на северной стороне Малого моста. Он перешел эти ворота, которые никто не сторожил, поднялся по каменной лестнице и счутился напротив мельниц, выстроенных на сваях.

— Ах, черт побери! Надо еще отыскивать дорогу!.. — пробормотал незнакомец.

Вглядываясь в темноту, он начал считать быки моста. Вдруг светлый луч промелькнул сквозь щель двери.

— Тут, — сказал он. — Конечно, в такой час только одна моя змея могла не погасить лампу.

Человек в плаще быстро прошел по доске, служившей мостиком, и постучался в дверь одной из мельниц.

— Проходи, иди себе дальше, — раздалось изнутри.

— Сент-Женевьевская гора! — прошептал незнакомец.

Дверь отворилась, и он вошел. Маленькое худощавое существо с красными глазами находилось одно в комнате мельника.

— Убей тебя громом! Зачем ты заставил меня прийти в такое опасное место?.. — воскликнул пришедший.

— Это самое лучшее место, какое только я мог выбрать.

— Да, да, знаю... оно очень близко к нашему месту свидания; но все равно, если бы мостик сломался под моими ногами...

— Утешься тем, что тебя никто не мог видеть. Эта мельница заброшена.

— Хорошо. Ты готов? Возьми эту шкатулку. Задуи лампу и пойдем.

Оба осторожно вышли на улицу и направились по набережной Турпелль к площади Мобер.

На площади недалеко от них прошла колышущаяся тень.

— Черт побери! — сказал человек с рыжей бородой. — Мы пришли вовремя.

Тень, которую они увидели, была от носилок. Они скоро догнали их и вошли вместе с ними в узкую и грязную улицу Мэтр Альберт. Там находился дом с низкой дверью, перед которой носилки остановились. Из них вышла женщина, высокая и величественная. Лицо ее было закрыто плотной маской. Незнакомцы поклонились таинственной особе и все трое вошли в дом.

Что произошло в этом доме в ту июльскую ночь, в которую начинается наша история, мы скоро объясним. Но через час оба незнакомца одни вышли из улицы

Мэтр Альбер и начали подниматься на холм святой Женевьевы. Они принуждены были идти вдоль стен, чтобы не заблудиться, потому что ночь сделалась еще темнее.

Когда они убедились, что никто не может их слышать, человек с рыжей бородой первый прервал молчание.

— Партнер был очень льстив сегодня,— сказал он очень тихо своему спутнику.

— Награда должна быть велика.

— Я не спрашиваю у тебя заключения, Серлабу.

— Зачем же ты меня расспрашиваешь, мэтр...

— Какой мэтр? — перебил человек с рыжей бородой.

— Мэтр...

— Дурак! Разве ты забыл, что мое имя теперь Жан Гарнье? Постарайся запомнить это.

После этого краткого назидания ночное шествие продолжалось.

Они шли ощупью, спотыкаясь о неровную землю, и дошли, наконец, до квартала Сен-Марселя, наверху холма святой Женевьевы, до угла улицы Муфтар.

— Тут! — шепотом сказал Серлабу, показывая на мясную лавку, которая была заперта.

Серлабу постучал молотком, прикрепленным к двери мясника Лорасса.

Несмотря на звон о тушении огня, несмотря на позднее время, мясник Лорасс, сорокалетний холостяк, еще не ложился спать. Он подводил месячные счета вместе с двумя своими приказчиками, Кажэ и Симоном, и бутылкой сюренского вина.

Тогда ремесло мясника было очень прибыльно. С незапамятных времен мясничество было собственностью ограниченного числа семейств, пользовавшихся привилегией убивать животных, необходимых для города, и продавать говядину в лавках, им принадлежавших и переходивших от отца к сыну. Таким образом, по прямому потомству Лорасс наследовал мясную лавку своих предков, один из которых, по городской хронике, вел борьбу в 1162 году с Людовиком VII, хотевшим уничтожить монополию мясников, но который был принужден, опасаясь бунта корпораций и даже мещан, утвердить древние обычаи.

Лорасс был очень богат. Деньги он копил в железных сундуках в погребе на улице Говорящего Колодезя и думал, что о них не знает никто. Но он ошибался.

Лорасс остался единственным мясником в квартале холма святой Женевьевы и даже в квартале Сен-Марсель. Девушки мечтали о таком женихе. Лорасс же сватался за единственную, которая за него не шла, за Алису, дочь Перрена Модюи, сен-медарского звонаря. Он за ней ухаживал, посылал множество подарков; но все его сети остались пустыми. Мясник ей не нравился. После отказа Алисы Лорасс решил остаться холостяком; но, пересчитывая ежедневный барыш, он и сейчас думал об Алисе.

Лорасс клал серебро в холстиный мешок, осматриваясь. Приказчики Кажэ и Симон смотрели на него глазами, в которых сверкали и зависть и ревность.

— Кому вы оставите вашу лавку, хозяин? — спросил Кажэ.

— Что тебе за дело? Но уж, наверно, не таким лентяям, как вы, — пробормотал Лорасс. — Вам только бы все сделать кое-как, а потом напиться во всех тавернах нашего доброго Парижа.

— Я думаю, что хорошо вам служу, — сказал Кажэ.

— Довольно!.. Пошел, вымой себе руки, скотина! На них еще кровь быка, убитого вчера...

— Хозяин прав, Кажэ, — сказал Симон. — Он не может отдать нам свою лавку — нам, его верным приказчикам, — у него есть наследник...

— Наследник? У меня? — с насмешкой сказал Лорасс. — Я не знаю никакого...

— В самом деле?.. А кузен Жан Гарнье из Амблётёва близ Арраса?

— Я его не знаю и никогда о таком не слышал.

— Ваш кузен Жан Гарнье уже приходил вчера и третьего дня повидаться, но ведь вас никогда дома нет, когда вас спрашивают.

— А вы мне ничего не сказали, негодяи! Ступайте на свои полати, скоты... завтра я с вами рассчитаюсь.

При этих словах Кажэ и Симон зловеще улыбнулись. В эту же минуту раздался стук молотка. Лорасс поспеш-

но спрятал в сундук холстиные мешки.

— Кто там? — закричал он.

— Я, Жан Гарнье, ваш кузен.

Лорасс посмотрел на своих приказчиков. Взгляды тех как будто отвечали ему: «Ну! Разве мы обманули вас?»

После переговоров через дверь мясник решился наконец отпереть.

Жан Гарнье и Серлабу вошли.

При виде рыжей бороды того, который назвался его кузеном и при виде хитрого взгляда Серлабу Лорасс вздрогнул, но скоро успокоился при ласковых словах Жана Гарнье. Тот показал ему пергаменты, доказывающие, что он был его кузен по линии матери; а завещание дяди Лорасса окончательно уничтожило недоверчивость мясника; в этом завещании ему была отказана значительная сумма.

Кажэ и Симон незаметно исчезли, когда мясник отпирал дверь лавки.

— Что же вы так поздно, кузен? — спросил Лорасс, ставя на стол бутылку вина и три стакана.

— Боже мой! — отвечал Жан Гарнье, придавая своим словам тяжелый северный акцент, — я был уже несколько раз в эти два дня... и... так как я уезжаю завтра утром на восходе солнца... я думал, что лучше разбудить вас, чем не повидаться вовсе; тем более, что я приехал в Париж нарочно для этого.

— Какой вы славный человек!.. За ваше здоровье!

Чокаясь, Лорасс настороженно посмотрел на Серлабу. Жан Гарнье уловил этот взгляд.

— Ну, кузен Лорасс, — сказал он развязным тоном, — теперь, когда я сообщил тебе приятное известие, есть еще другое, принесенное товарищем, который указал мне дорогу к тебе.

— Каким товарищем?

— Вот этим, — отвечал Жан Гарнье, указывая на Серлабу. — Это трактирщик, у которого я остановился. Но ты увидишь...

— Что такое?

— Вот! — сказал Серлабу, ставя на стол шкатулку.

Жан Гарнье открыл ее. Шкатулка была наполнена золотом.

— Это уж не для меня ли? — спросил Лорасс и стал перебирать золотые монеты.

— А для кого же?.. Наследство нашего дяди состояло в землях; я их продал и приношу тебе твою часть, — сказал Жан Гарнье.

— О, достойный, честный человек! Кузен, может быть, ты с твоим товарищем заночуете у меня? — сказал Лорасс вне себя от радости. — В нашем добром Париже улицы не безопасны и...

— Невозможно, я еду на рассвете.

— На рассвете? Кажэ? Эй, Кажэ! Проворнее! Принеси что есть лучшего в погребе! — закричал Лорасс.

Жан Гарнье и Серлабу сделали вид, будто хотят уйти.

Мясник заставил их сесть, потом, рассердившись на своих приказчиков, которые не торопились исполнять его приказания, закричал вне себя:

— О, скоты, негодяи! Вот слуги — днем пьянствуют, а ночью спят... Я пойду сам, подождите меня, кузен. Как можно вам уйти, такому честному человеку!

Лорасс зажег другую лампу и вышел.

Дверь затворилась без шума. Было слышно, как Лорасс поет в погребе.

— Ну! Быстрее! — приказал Жан Гарнье.

Серлабу вынул из кармана синеватую склянку и налил в стакан Лорасса каплю жидкости.

Вскоре мясник, распевая, явился со жбанами, на которых толстый слой пыли показывал, что в них находится напиток, достойный королевского стола. Он с шумом поставил их на стол.

— Надо sprыснуть наследство, кузен. Попробуй-ка, и если когда-нибудь тебе придется пить такое вино у короля, ты, наверное, не найдешь его вкуснее.

Мясник налил три стакана и в избытке радости разом опорожнил свой. Жан Гарнье и Серлабу также поднесли свои стаканы к губам, не спуская глаз с Лорасса.

— Ну, — сказал мясник, прищелкнув языком, — что вы думаете об этом нектаре, господа?

— Очень хорош,— сказал Серлабу, толкая Жана Гарнье, который казался вне себя от изумления.

— Не действует! — не смог удержаться Гарнье.

— Как! Что не действует? — удивился Лорасс.— Или вы думаете, что вино производит такое же действие, как и взгляд на хорошенькую девушку... воспламенишься тотчас. Что это с вами? Глядя на вас, подумаешь, что вы никогда не пили вино.

Жан Гарнье поспешил выйти из оцепенения.

— За твое здоровье, кузен! — сказал он, вставая.

Потом, как бы пораженный внезапной идеей, он прибавил:

— Прежде позволь передать тебе последний поцелуй нашего дяди. Он поручил мне это, когда отдавал душу Богу.

— С удовольствием, кузен,— отвечал Лорасс.

Они встали из-за стола, подошли друг к другу и обнялись.

Это был поцелуй Иуды. Серлабу понял, что ему надо сделать, и вылил почти всю синеватую склянку в стакан мясника.

Лорасс прочувственно выпил за упокой души дяди и тотчас, даже не вскрикнув, не изменившись в лице, упал замертво.

Человек с рыжей бородой свистнул, Кажэ и Симон прибежали.

— Возьмите все, что находится в шкатулке,— сказал Жан Гарнье,— это вам наследство от мясника Лорасса.

Оба приказчика с жадностью схватили сокровище. Потом глаза их остановились на трупe хозяина.

— Черт побери! Ни капли крови,— сказал Кажэ,— как опрятно сделано!

— Это, наверное, колдовство,— пробормотал Симон.

— Теперь будете иметь дело только со мной,— продолжал Жан Гарнье,— молчите!.. До завтра.

— Вы знаете вашу роль?..— продолжал Серлабу,— если вы дурно сыграете ее, отправитесь на тот свет... так же, как и ваш хозяин.

Завернувшись в плащи, убийцы ушли, оставив Кажэ и Симона делить золото.

Жан Гарнье и Серлабу воротились той же дорогой к переулку, где жил Ренэ парфюмер. Носилки оставались там же, у дверей.

— Как долго вы ходили!..— сказал нетерпеливый женский голос.

— Дело требовало осторожности,— отвечал, поклонившись, Жан Гарнье.

— Понимаю... Что?

— Все кончено.

— Так что, начиная с нынешнего дня...

— С нынешнего дня я буду следить за тем, что будет происходить на Патриаршем дворе, у гугенотов.

— Хорошо, но не забудьте моих приказаний о бывшей любовнице короля,— проговорила женщина в маске.

— Через месяц Мария Тушэ погибнет!..— смиренно прошептал Жан Гарнье.

«Если это будет мне выгодно...»,— закончил он мысленно.

Носилки отправились по набережной Турнелл к луврскому подъемному мосту. Услыхав пароль, подъемный мост опустили и часовой отдал честь Екатерине Медичи, возвращавшейся в свои королевские покои.

II. КОРОЛЕВА-МАТЬ

Через месяц после описанного происшествия происходил прием в Лувре. Гостями были вельможи и знатные дамы. Одни играли в карты, другие прогуливались, но никто не смел остановиться возле мрачной фигуры Екатерины Медичи, взгляд которой — употребляя выражение автора того времени — бросал злое колдовство.

Атмосфера двора была как будто пропитана отравой; друзья не смели пожимать друг другу руки, зато самые величайшие враги кланялись друг другу с принужденным дружелюбием.

Карл IX, причудливый и болезненный, сидел по своему обыкновению возле кресла матери, стараясь ничем не вызвать ее неудовольствия. Всякий вельможа, надеявшийся провести приятный вечер при дворе, очень ошиб-

ся бы. Королева мать принимала только для того, чтобы наблюдать за подданными и выпытывать, что происходит в Париже.

В этот час приема у Екатерины Медичи католики и гугеноты сталкивались в залах, как заклятые враги, собирающиеся во время перемирия после кровавой битвы.

После борьбы прошлого царствования, когда кардинал лотарингский был фаворитом королевы Екатерины, герцоги Гизы сочли себя достаточно могущественными, чтобы бороться с королевской властью и протестантами. Организовалась Лига; протестанты сопротивлялись, во главе их стали принц Конде, Колиньи, братья Донгло, кардинал Шатильон и Иоанна д'Альбрэ, которая скоро погибла от яда. Каждый день из-за интриг гугенотская партия теряла свое превосходство, даже Колиньи несколько раз спасался от убийц.

Утомленная и раздраженная этой борьбой, Екатерина Медичи решила покончить со всем одним ударом.

Карл IX подошел к своему брату, герцогу Анжуйскому, который прохаживался с адмиралом Колиньи.

— Ну! — с живостью спросила Екатерина, когда Карл IX наконец вернулся и сел возле нее. — Какое приятное известие сообщил вам адмирал?

Карл IX, блестящие глаза которого выдавали волнение, сначала ответил уклончиво:

— Немногое, матушка.

— А! Вы скрытны к вашему лучшему другу, — с насмешкой сказала Екатерина и нахмурила брови. — Хорошо, не будем больше говорить об этом. Пусть с этих пор каждый из нас скрывает свои мысли. Мы увидим, кто лучше понимает интересы королевства, сын или мать... Государь, я думала, что у вас сердце мужчины!

Карл IX, вспыхнув, сдерживая гнев, вскричал:

— Я узнал, клянусь Богом, что у меня нет при дворе врагов больше вас и моего брата Анжуйского!..

Екатерина выпрямилась.

— Я уйду в ваш кабинет, государь, — сказала она. — И надеюсь, что вы последуете за мною.

Карл IX поклонился и поцеловал руку матери как провинившийся школьник.

Екатерина, не нарушая вечера, исчезла в боковую

дверь и вошла в изящный будуар, украшенный всем, что тогдашняя роскошь могла собрать самого замечательно-го. Это был кабинет Карла IX.

Молодая и прекрасная женщина сидела возле геридона, украшенного золотом, и занималась вышиванием. Это была супруга Карла IX, Елизавета Австрийская, вышедшая за короля в 1570. Она была кроткой и любящей натурой, но, беспрерывно притесняемая Екатериной, перестала наконец принимать участие даже в удовольствиях двора. Она жила домашней жизнью и занятиями, которые она устроила со своими статс-дамами. При виде королевы-матери Елизавета встала и низко поклонилась.

Три часа пробило на колокольне церкви Сен-Жермен л'Оксерроа.

«Сейчас придет Моревель»,— подумала Екатерина Медичи.

— Оставьте нас,— обратилась она к Елизавете,— мне надо говорить с королем.

Елизавета Австрийская ушла, смиренная и покорная. Карл IX скоро пришел к матери и в ту же самую минуту в дверь, скрытую обоями, осторожно постучали.

Четыре дня тому назад человек, входивший теперь в кабинет короля в кирасе и каске, выехал из Парижа. Много часов скакал он во весь опор, останавливаясь только переменить лошадь. Слова «Королевский приказ», которые он называл, оказывали магическое действие.

После тридцати восьми часов бешеной езды всадник, усталый и разбитый, приехал в Ниор. Поставив лошадь, он начал искать дорогу в тихих улицах города и через полчаса остановился перед великолепным домом.

Войдя на парадный двор, он велел лакею доложить о себе господину де Муи.

— О ком? — спросил лакей.

Незнакомец шепнул ему на ухо пароль гугенотов.

Господин де Муи был чрезвычайно богат, очень уважаем и, по слухам, имел сношения с Гизами и Конде. Ему было лет сорок. При виде вошедшего вельможа поднял голову.

— Моревель? — сказал он с удивлением. — Куда же ты девался с тех пор, как перестал у меня служить?

— Делал что мог; в нынешнем веке так трудно зарабатывать деньги!

— Теперь, значит, ты служишь гугенотом?

— Не совсем.

Де Муи пристально посмотрел на Моревеля.

— Откуда же ты знаешь наш пароль?

— В добром городе Париже многое можно узнать. Я доверенный человек нашего возлюбленного государя Карла IX!

Де Муи побледнел.

— Это измена! — закричал он.

— Вовсе нет! Вам известны, монсеньор, некоторые государственные тайны... и...

— Дерзкий!

— Я приехал к вам парламентаром...

— Говори же... Какая твоя цель?

— Сказать вам от имени его величества, что так как врагов католицизма слишком много, то необходимо освободиться от некоторых из них.

Моревель, подбежав вонзил кинжал прямо в сердце де Муи. Тот упал замертво. Моревель привязал к кинжалу, оставшемуся в ране, пергамент, на котором кровью начертал: «Правосудие короля».

Поспешно выйдя из дома, он через час скакал уже по дороге в Париж и явился на свидание, назначенное ему в Лувре королевой-матерью.

Итак, Моревель постучался в дверь, закрытую обоями. Открыла ему сама Екатерина Медичи.

— Войдите, — сказала она. — Король вас ждет.

Получив подробный отчет о поездке в Ниор и выдав Моревелю обещанную награду, Екатерина вычеркнула из книги с золотым обрезом имя де Муи, как одного из могущественных врагов власти вдовы Генриха II.

— Теперь, — сказала королева-мать, — ты должен отдать отчет нашему возлюбленному сыну. Мы слушаем тебя.

— Мне не о чем спрашивать этого человека! — вскричал король. — Это вы сами...

Повелительный взгляд королевы-матери остановил монарха.

— Я исполнил ваши приказания, — медленно произнес Моревель.

— Что же происходит в храме Патриархов?

— Гугеноты собираются там каждую ночь под председательством пастора Мерлена и двух человек, которых я не мог узнать, потому что они были в масках.

— Это все равно. Мы узнаем их трупы в нужную минуту. Пишите, государь, это может быть вам полезным.

Карл IX взял альбом, но так вяло и неохотно, что королева-мать с нетерпением вырвала у него альбом и написала в нем несколько слов по-итальянски.

— Далее! — обратилась она к Моревелю.

— Другое ночное собрание происходило в окрестностях Суассонского отеля... Это собрание не возобновится более... Вчера утром на рассвете Серлабу убил зачинщика гугенота на улице Жюивери.

— Хорошо! Я вижу, что ты станешь достойным звания, которое его величество Карл IX дал тебе.

— Какое же это звание, ваше величество? — спросил Моревель, кланяясь.

— Мясник короля!

Моревель странно улыбнулся. Карл IX при этих словах сделал судорожное движение.

— Говорят, что короли имеют власть в своем королевстве, — прошептал он с горечью.

Екатерина Медичи не заметила движения сына и сделала вид, что не слышала этих слов. Следуя течению своих мыслей, она отдала Моревелю пергамент, на котором были записаны имена.

— Теперь твоя понятливость сделает остальное.

Моревель бросил взгляд на пергамент и побледнел, прочтя последнее имя.

— Ответственность большая, ваше величество, — осмелился сказать он с почтительной покорностью.

— Этого требуют интересы государства и счастье наших верноподданных. Король простит тебя, — сказала

Екатерина, прибавив.— Я этого хочу. Ты слышишь... я этого хочу.

Моревель простился, получив в задаток бриллиантовый перстень, данный ему королем.

Только он вышел в потайную дверь, как с Карлом IX сделался нервный припадок. Екатерина Медичи ударила в гонг. Прибежал камер-юнкер.

— Позовите доктора Ботали.

Когда доктор, наблюдавший за здоровьем короля, пришел, Екатерина вернулась в луврские залы.

Спокойная и улыбающаяся, она заговорила со своей дочерью Маргаритой о ее приближающемся браке с принцем Наваррским.

Между тем Моревель, закутанный в капюшон, вышел из передней и в низу большой мраморной лестницы неожиданно встретился с женщиной под вуалью.

— Мария Тушэ! — не мог удержаться от восклицания Моревель.

Мария, еще недавно бывшая любовницей короля и изгнанная от двора повелительной Екатериной Медичи, власть которой она перевешивала, остановилась и протянула руку Моревелю.

— Ваш поступок мужественен,— сказал он,— не каждая в вашем положении отважится прийти во дворец.

— Я обязана бороться до конца,— вздохнула Мария.

— Борьба бесполезна... верьте совету того, кто питает к вам вечную признательность.

— Мысли короля следуют другому течению. Месяц тому назад он приходил ко мне, обещал, что скоро наступит примирение.

— Это примирение кажется мне невозможным...

— Почему же? Разве сердце короля занято?.. О, когда так... горе моей сопернице!..

Моревель наклонился к уху Марии, чтобы произнести очень тихо одно имя, когда наверху большой лестницы послышался шум.

— Уйдите! О, уйдите! — с живостью прошептал королевский мясник.— Придворным воздухом дышать опасно... Прощайте... Молчите!..

Он поспешил перейти через подъемный мост.

Екатерина Медичи, предуведомленная своими доносчиками о появлении бывшей фаворитки, отдала необходимые распоряжения, и два алебардщика грубо вытолкали Марию из дворца.

— Так эта женщина еще жива! — королева-мать еле сдержала бешенство, и написав что-то в своей записной книжке, приказав камер-юнкеру:

— Доставьте это Моревелю.

III. КИШЕЧНЫЙ МОСТ

Недалеко от улицы Муфтар, почти в центре перекрестка, находился Кишечный мост. На площади перед мостом стояли дома красильщиков, кожевников и кишечников.

Кишечник Гюбер около своей лавки ждал покупателей, когда увидел двух ремесленников, которые шли по направлению улицы Лурсин.

— Куда вы бежите, кожевник Ландри, и куда вы провозжаете вашего друга? — спросил Гюбер.

— Моя жена вот-вот родит, бегу за повивальной бабушкой, — отвечал Марсель.

— А я иду с ним, — отвечал Ландри. — Потому что, если будет мальчик, он обещал угостить меня.

— Хорошая предосторожность! Но Марсель сам сумеет это сделать, а мне надо с вами поговорить, Ландри.

— Хорошо, я пойду скорее, — отвечал Марсель.

Когда оба лавочника остались одни, Гюбер тихо спросил:

— Ну что? Кончено?

— Надо было, — отвечал Ландри.

— Я считал вас не способным на такой поступок.

— Что же делать? Не мог же я, однако, позволить содрать с себя кожу!

— Содрать кожу?..

— Конечно... Слушайте, у меня есть склад на Патриаршем дворе.

— Это известно.

— Пока мне нечего было бояться за себя, я отдал его в наймы гугенотам для их церковной службы...

— Очень хорошо. Всякое коммерческое дело хорошо.

— Но как только ко мне присылают любовные записочки, угрожающие костром, я выбрасываю гугенотов — о! — только из боязни веревки и костра!..

— Любовные записочки! Вы, верно, шутите, мэтр Ландри?

— Я не шучу, читайте.

Ландри подал Гюберу пергамент, на котором было начертано:

«Кто покровительствует гугенотам, у того будет отрублена голова, если он дворянин, а если он простолюдин, он погибнет на костре или на колесе».

— Боже милосердный! — вскричал Гюбер, перекрестившись. — Откуда могло появиться это?

— Не знаю... только я нашел его одним утром в щели моей двери и послушался.

— Итак, теперь гугеноты больше не собираются в Сен-Марсельском предместье?

— Это касается тех, кто их любит... Притом не один мой склад находится на Патриаршем дворе... Везде можно устроить храм.

Гюбер хотел еще спросить кожевника, когда раздался удар колокола на Сен-Медарской церкви, призывавший католиков к мессе.

— А! — вскричал Ландри, искавший предлога переменить разговор, — вот Перрен Модюи, звонарь, добросовестно исполняет свое ремесло!

— Славно звонит...

— Да... Но он зазвонит еще лучше, когда будет выдавать замуж свою дочь.

— За кого она выходит?

— За первого приказчика Жилля Гобелена, нашего красильщика.

— Ах, да! За Этьенна Феррана. А говорили, что Жан Гарнье, новый богатый мясник, сватался к Алисе?

— Мясник останется ни при чем... Перрен Модюи просил его подыскать себе другую невесту.

— И правильно. Этот Жан Гарнье странно как-то наследовал... чересчур скоро кузен его Лорасс, умер...

— Ходят слухи,— сказал Ландри, понизив голос,— что кузен Лорасс познакомился с лекарствами парфюмера Ренэ...

— Мало того, мэтр Ландри,— зашептал Гюбер тем же тоном.— Еще неизвестно, откуда он явился, этот Гарнье...

— Тише!.. Доказательств нет... не надо компрометировать себя...

— Хорошо, будем молчать!

Так как погода была хороша и это был час обеда в мастерских, работники предместья вышли на площадь.

Одни ели, прохаживаясь, другие сели на тумбы, третьи разместились на парапетах моста.

Повсюду, где была толпа, непременно можно было найти какого-нибудь нищего.

Старый и оборванный, один из них и здесь пищал дребезжащим голосом:

— Добрые люди, выслушайте рассказ об истинном и ужасном приключении, случившемся с торговцем сукном в Лувье, в Нормандии, который был лишен жизни чертом...

— Чертом! — воскликнула толпа с любопытством.— Расскажи, расскажи!

В сопровождении Тибо, Ренэ и Андрэ — троих работников красильщика — появился улыбающийся красивый молодой человек — это и был жених Алисы, Этьенн Ферран.

Маленький горбун в жалкой одежде, Клопинэ с злобой физиономией, проскользнул за группами и взобрался на парапет моста.

— Рассказывай, рассказывай,— кричала толпа.

— Только не забудьте меня отблагодарить! — сказал нищий.

Он начал:

— В городе Лувье жил-был богатый торговец сукном мэтр Обри, который в молодости, говорят, дал обещание, что если он разбогатеет, то сделает большие вклады в церковь и раздаст милостыню на несколько лье.

— Он хорош! Милостыню всегда следует подавать,— перебил Клопинэ.

— Молчи, горбун! — закричала толпа.

Нищий продолжал:

— Итак, мэтр Обри, когда ничего не имел, думал, как добрый христианин. Вдруг он удачно повел дела и разбогател, однако не подумал ни минуты ни о бедных, ни о монастырях.

— Я это угадал,— сказал горбун.— Таких много.

— Долой болтуна! Пусть он бросит собакам свой язык! — закричали недовольные.

Вместо того, чтобы продолжать рассказ, нищий вдруг стал делать первый сбор.

Пока он собирал милостыню, какая-то женщина, бледное и нежное лицо которой не сочеталось с простой одеждой, прошла мимо толпы и направилась к полям.

Нищий, заметивший ее, подумал: «Я видел эту женщину где-то возле Лувра!..»

Окончив сбор, нищий, как будто поджидавший кого-то, продолжал с рассеянным видом свой рассказ.

Рассказ кончился очень быстро:

— В одну ночь, когда он спал, вдруг к нему явился дьявол, который ему сказал: «Пришел тебе конец!..» и свернул ему шею.

— Bravo! Bravo! Наконец-то свернули шею скупому богачу! — воскликнул Клопинэ.

— Перестанешь ли ты, проклятый болтун? — проворчал Ландри нетерпеливым тоном. Он все еще находился под впечатлением письма с угрозами.

— Экий негодяй Обри! Ему стянула шею веревка от его денежного мешка; не так ли, папа Ландри?

— Если ты не привяжешь себе язык, Клопинэ, я тебя отдую,— с гневом сказал кожевник.

— Если шею уже свернули, я имею право болтать.

— Может быть, но я хочу, чтобы ты молчал.

Толпа подстрекала ссорившихся насмешками.

— Вот еще! Стану я для тебя молчать!

— Ну, теперь говори сколько хочешь! — закричал Ландри и грубо толкнул Клопинэ. Горбун упал в реку среди всеобщего хохота.

— Помогите! Помогите! Мэтр Этьенн, помогите! — кричал несчастный, барахтавшийся в грязной воде.

Этьенн Ферран, погруженный в глубокую задумчивость, следил глазами за незнакомкой, которая опять по-

явилась в толпе. Услышав свое имя и увидав, что происходит, он воскликнул:

— О, злые люди! Подожди, Клопинэ, сейчас!..

Схватив веревку из чьих-то рук, он бросил ее через парапет.

Через несколько секунд Клопинэ, дрожа всем телом и покрытый тиною, был вытащен.

— Бррр!.. Бррр!.. Благодарю, мэтр Этьенн,— говорил горбун, дрожа, между тем как зрители громко хохотали.— Я всегда буду помнить то, что вы сделали для меня!.. Если бы я не был такой мокрый, я расцеловал бы вас... Бррр... бррр! О, как я озяб...

— Ступай скорее переоденься, бедный! — сказал Этьенн.

— Да, да... иду!.. Вы смеетесь... у вас вовсе сердца нет!.. Однако вы знаете, что когда я хочу отомстить... к несчастью, у меня не всегда достает охоты...

Поцеловав руку Этьенна, Клопинэ убежал, дрожа.

IV. ЖАН ГАРНЬЕ

Несчастье, случившееся с Клопинэ, вдруг изменило настроение толпы.

Когда горбун ушел, все стали молча расходиться.

Нищий также хотел уйти, но перед ним очутилась Алиса, дочь сенмедарского звонаря, в сопровождении Жермены, ее старой кормилицы.

— Вот вам,— сказала Алиса, вынимая деньги из сумочки.— Умоляю вас, помолитесь за моего отца и за всех... кого я люблю.

— Не забуду, сударыня,— смиренно сказал нищий.

Человек с рыжей бородой показался на перекрестке. Увидев его, нищий прошептал:

— Наконец!..

К дочери звонаря подбежал Этьенн. Он с любовью сжимал руки девушки.

— Куда вы идете? — спросил Этьенн.

— На улицу Фер-а-Мулен,— отвечала дочь звонаря.— Отнести милостыню аббата одной слепой.

Тем временем Жан Гарнье — это у него была сейчас рыжая борода — спрятался за углом дома, перед которым разговаривали влюбленные.

Этьенн следил глазами за обеими женщинами до тех пор, пока они исчезли на одной из улиц. Во все это время Жан Гарнье, с лицом побагровевшим от гнева, чувствовал, как ненависть закипала в его сердце.

«Как! — думал он, — я, человек, имеющий лавку и золото, я люблю эту женщину до сумасшествия, а мальчишка без копейки за душой отнимает ее у меня».

Мясник страшно побледнел.

В ту минуту, когда Этьенн с своими друзьями поворачивал за угол улицы Лурсин, он вдруг оглянулся на Жана Гарнье, лицо которого выражало сосредоточенную ненависть.

«О! Натура этого человека тигровая», — почему-то подумал жених Алисы.

Раздираемый гневом, Гарнье остался на том же месте. Тысячи планов убийства и мщения сталкивались в его голове. Вдруг он как будто остановился на одной мысли. Он свистнул, и нищий поспешно прибежал, гораздо скорее, чем можно было ожидать от дряхлого старика. Жан Гарнье поговорил с ним шепотом и нищий отправился в таверну, куда пришел в ту минуту, когда Этьенн сел за стол.

— Мессир, — сказал нищий, подходя к молодому человеку, — у меня к вам поручение.

— Говори, — отвечал Этьенн, — у меня нет тайн от моих друзей.

— Извините, это поручение должно быть передано только вам.

— Когда так, это другое дело. Товарищи, пейте за мое здоровье, я сейчас вернусь.

Он отошел с нищим в сторону.

— Мэтр Этьенн, один господин поручил мне назначить вам свидание в доме, выходящем на угол набережной, которая ведет к Лувру и к Разменному мосту. Речь идет... о вашем отце...

— О моем отце?.. Когда надо прийти?

— Послезавтра в восемь часов вечера.

— Хорошо, я буду.

Вскоре Гарнье исчез в извилистых галереях Патриаршего двора.

В одно время с ним через этот двор проходил пилигрим. Ему казалось лет сорок. Но утомленный продолжительным путешествием, он с трудом, опираясь на узловатую палку.

«Кажется, я уже видел этого человека,— подумал Гарнье.

Незнакомец подошел к низкой двери, находившейся в глубине темного навеса, и постучался.

— Франция! — сказал голос внутри дома.

— Севенна! — отвечал незнакомец.

Через полуотворенную дверь он вошел в храм Патриархов.

Через день после описанных происшествий Серлабу, закутанный в плащ, тайно вышел из дворца королевы, находившегося на углу улиц Фур и Гренелль, того дворца, где Екатерина Медичи часто собиралась с своими астрологами, и направился к улице Тиршап.

Там, в небольшом доме, жила Мария Тушэ.

День начинал клониться к вечеру.

Мария Тушэ, сидя в будуаре, обитом голубым бархатом, предавалась воспоминаниям. Эта молодая женщина, прелестная как Фарнарина, припоминала свой успех, и лоб ее хмурился.

Мария была дочь парфюмера из Орлеана, на берегу Луары.

Однажды, возвращаясь с охоты, Карл IX без ума влюбился в хорошенькую орлеанку и просил ее приехать к французскому двору.

Мария оставила отца, несмотря на сопротивление и слезы старика, стала любовницей короля и приобрела над ним такое влияние, что осмелилась сказать, когда был объявлен брак Карла IX с Елизаветой Австрийской:

— О! Я этой немки не боюсь!

Конечно, ей нечего было бояться немки, потому что Елизавета имела кроткий и бесстрастный характер.

Но фаворитка имела врага гораздо опаснее. Екатерина Медичи, видя, что ее влияние падает, сумела изгнать Марию от двора так, что сам Карл IX сначала этого не знал.

— Почему Мария не бывает здесь больше? — спросил однажды у матери монарх.

— Она умерла, — сухо отвечала Екатерина Медичи. Мария Тушэ поклялась отомстить.

Удалившись в небольшой домик на улице Тиршап, она дала знать о своем местопребывании королю, который, обрадовавшись, что его возлюбленная еще жива, приехал тайно видеться с нею. Он приказал ей опять появиться при дворе. Однако королева-мать этого не допустила и приказала Моревелю убить бывшую фаворитку.

Не получив объяснений, отчего убийство все еще не совершено, королева-мать стала подозревать Моревеля, и, вызвав Серлабу в башню астрологов, во дворец королевы, дала ему это кровавое поручение.

Серлабу обещал повиноваться.

Однако он попал в затруднительное положение.

С одной стороны, он должен был слушаться приказаний королевы-матери, с другой, он не мог ослушаться Моревеля, который не велел ему трогать ни одного волоска Марии Тушэ.

Отправившись на улицу Тиршап, к бывшей фаворитке, Серлабу велел доложить о себе как о человеке, который пришел сообщить очень важное известие.

В ту минуту, как Серлабу входил в дом Марии, оттуда выходило несколько человек.

Серлабу спрятался в темный угол — он узнал видных гугенотов, которых Мария Тушэ из ненависти ко двору принимала и уведомляла о всех опасностях им угрожавших.

Камеристка впустила Серлабу в комнату.

— Что вам нужно? — спросила Мария.

— Извините, хотя я ничтожный человек сам по себе, вы поблагодарите меня, когда выслушаете.

Мария Тушэ пристально посмотрела на Серлабу.

— Говорите.

— Во-первых, я получил значительную сумму для того, чтобы вас убить.

Мария испугалась; она хотела закричать, но испуг оледенил ее губы.

— Потом,— продолжал Серлабу,— мне приказали так спрятать ваш труп, чтобы о вас не было больше и речи. Но... вам нечего меня бояться!

— Что вы хотите этим сказать?..

— Просто советовать вам не показываться довольно продолжительное время.

— Чтобы меня сочли умершей?

— Почти... тем более, что я получил сто золотых экию за...

— Вот вам двести за ваш великодушный совет. Но я желала бы задать вам несколько вопросов. Кто приказал меня убить?

— Королева-мать.

— Я угадала... Теперь другой вопрос: по какой причине вы не исполнили ее приказания?

— О! Насчет этого позвольте мне остаться безмолвным, как ножны моего кинжала. Подумайте, что если со мною случится несчастье по вашей милости, я всегда могу исполнить приказание королевы-матери... Не забудьте, что ваша жизнь зависит от моей... Прощайте.

После ухода Серлабу Мария Тушэ упала на кушетку.

«Только у одного Моревеля я могу теперь просить защиты! Я ведь когда-то привела его к королю...» — подумала она в отчаянии.

Надев маску, Мария пошла к Разменному мосту. Проходя по улице Сен-Дени возле кладбища, она встретила стариком, при виде которого едва удержала крик и быстро свернула на противоположную улицу.

Она узнала своего отца.

V. РАЗМЕННЫЙ МОСТ

Дом Моревеля, как все, выстроенные на Разменном мосту, стоял частью на мосту, а частью на сваях.

Его наружность не представляла ничего замечатель-

ного. Входная дверь с несколькими ступенями, с каждой стороны которой находилось окошечко с каменным выступом, на который можно было сесть. Составляя угол набережной, дом мясника был единственным на этом обширном мосту, который был отделен от других домов расстоянием в несколько футов, на котором находился парапет.

В Париже Моревеля считали ружейным мастером, хотя у него не было мастерской. Все думали, что он снабжает короля Карла IX мушкетами, которые он выписывал из провинции для армии. Мнение это распространилось потому, что у Моревеля часто бывал де Коссен, начальник королевских пищальников, и кроме того, его часто встречали с Габастоном, начальником дозорных. Сверх того, Моревель открыто посещал швейцарцев, алебардщиков и французских гвардейцев.

Моревель сидел у стола и заряжал мушкет. Вдруг вдали раздался звук колокола. Моревель вздрогнул и прислушался.

Раздался странный звук, похожий на крик совы. Это был сигнал, что гугенот приближается...

Моревель, схватив мушкет подошел к окошечку в углу стены, тихо отворил раму и быстро выглянул на улицу. Он клал уже на плечо свой мушкет, когда кто-то дотронулся до его руки.

— Когда стреляют в королевскую дичь, Моревель, тогда по крайней мере запирают дверь,— сказала женщина, прихода которой Моревель не заметил.

Моревель поспешно обернулся и, бросившись к незнакомке, сорвал с нее маску.

— Мария!..— воскликнул он.

— Кто же достоин твоей убийственной пули? Жан Гужон? герцог Гиз? Или маршал Монморанси? — продолжала бывшая фаворитка.— Говори же, ты знаешь, что мне можно говорить все.

— В самом деле? Но вы ошибаетесь, жертва гораздо важнее!..

— Да? Адмирал Колиньи не захотел сделаться католиком!.. Ты потеряешь напрасно время, Моревель... Адмирал носит кольчугу, которая спасает его от пуль.

— О, остается голова!

— Надо прицеливаться так метко... особенно когда жертва остерегается!

— Стало быть, его предупредили?

— Да.

— Если бы я знал, кто это сделал, его чрезмерное великодушие могло бы дорого ему обойтись.

— Это сделала я.

— Вы?..

— Да... Неужели ты осмелишься исполнить твою угрозу?

Моревель опустил голову. Мария Тушэ смотрела на него с минуту, потом, сев на скамью, сказала:

— Послушай. Давно ты уверял меня, что я могу положиться на тебя во всех обстоятельствах.

— Это правда. Вы рекомендовали меня его величеству Карлу IX... Следовательно, вам я обязан всем моим состоянием; итак, за исключением нарушения приказаний моего короля, я вам предан и телом и душой.

— Сегодня я пришла не за тем, чтобы заставить тебя нарушить то, что называешь своей обязанностью,— тихо сказала Мария Тушэ.— Я хочу вспомнить о нашей молодости.

— О! Наша молодость!.. Время глупостей и любви... любви непонятой! — Наклонившись, он взял руку Марии Тушэ и прошептал: — Простите, любовь умерла... осталась одна преданность.

— Ты помнишь этого богатого старика, которому мой отец обещал мою руку? Мне было семнадцать лет и я поставила условием этого брака, чтобы старик усыновил моего ребенка от Рауля д'Альтенэ.

Моревель вздрогнул, потом, оправившись, отвечал:

— Помню... старик хотел изменить своему слову и... по вашему желанию, я поджег его замок, и этот пожар избавил вас от ненавистного брака.

— Да,— сказала с сдерживаемым гневом Мария Тушэ,— ты хорошо все исполнил! Но ты не рассказал мне тогда, почему Рауль д'Альтенэ был убит, и как исчез мой ребенок... Но оставим это,— сказала Мария,— и будем говорить, как старые друзья.

— Я слушаю вас,— сказал Моревель, бросая недоверчивый взгляд.

— Несколько дней тому назад я узнала, что сын мой не был убит...

— Как? — изумленно воскликнул Моревель.

— Да, когда я ходила на развалины замка, подожженного тобой, один крестьянин сказал мне, что за несколько дней до пожара какой-то человек вышел из ворот, держа под плащом ребенка.

— Что же он видел?

— Ты очень любопытен... Не прерывай. В ту минуту, когда человек в плаще хотел бросить его в Луару, он заметил крестьянина и, опасаясь, что тот донесет, бросил ребенка на берегу и убежал.

«Это правда, я испугался!» — подумал Моревель.

— Крестьянин был слишком беден, чтобы кормить лишнего человека, — продолжала Мария Тушэ. — Он принес его в Париж, положил на ступени церкви и с тех пор ничего о нем не слышал. Моревель, с нынешнего дня ты должен помогать мне. Спешу, потому что моя жизнь находится в опасности, а я уеду из столицы только тогда, когда найду своего ребенка.

И Мария Тушэ рассказала ему, что случилось в этот день у нее в доме. Королевский мясник сразу понял, что приходил Серлабу, и уверил Марию, что ей нечего опасаться.

— Я поклялся быть вашей верной собакой, — сказал он. — Пока я жив, никто из моих не будет иметь права покушаться безнаказанно на вашу жизнь.

Это несколько успокоило Марию Тушэ.

— Я полагаюсь на тебя.

— Но сведения, которые вы достали, очень неопределенны.

Наступила ночь, и Моревель зажег лампу. Слышно было, как шел дождь.

Вдруг какой-то низенький человечек прыгнул на камень, под навес окна, укрываясь от дождя.

Это был горбун Клопинэ.

Слух его был поражен красивым голосом Марии Тушэ. Любопытный, как парижский уличный мальчишка, он спрятался и принялся слушать.

Мария Тушэ говорила вполголоса:

— Я нашла на след. С помощью сыщиков я узнала,

что на Сент-Женевьевской горе живет сирота, возраста моего сына... Я надеялась увидеть его у Жилля Гобелена, красильщика, но не смогла отыскать.

— Но как же вы сможете узнать своего сына? Ведь прошло столько лет! Он ведь так вырос!

— У него на левом плече шрам от царапины.

«Она обезумела!» — подумал Моревель.

— Завтра,— закончила Мария Тушэ,— я буду ждать тебя у себя дома... Не забудь...

Мария Тушэ надела маску и собиралась выйти. Но у двери вдруг обернулась и, рассказав Моревелю о встрече с своим отцом, спросила, знает ли тот о ее присутствии в Париже.

Мясник короля дал какой-то неопределенный ответ и обещал, что завтра, когда придет к ней, все разъяснит.

Когда Моревель остался один, его охватило лихорадочное нетерпение — он ждал ненавистного жениха Алисы, Этьенна.

Наконец в дверь постучали. Поставив лампу в самый отдаленный угол, так чтобы комната была почти темна, Моревель пошел отпереть дверь.

Это действительно был Этьенн Ферран.

После расспросов, в тот ли дом он пришел, Этьенн спросил Моревеля, тот ли он господин, который может рассказать о его родных.

— Я только слуга этого господина,— отвечал Моревель.— Мой господин вас ждет в другой комнате.

И Моревель указал на дверь смежной комнаты.

Этьенн Ферран отворил ее, но тотчас же отступил назад.

Перед ним расстилался густой мрак. Он понял, что попал в засаду.

Раздался хохот. Этьенн бросился на Моревеля, но тот уже успел прицелиться из мушкета, и пуля попала молодому человеку в голову. Этьенн упал. Тогда Моревель перетащил тело жертвы в темную комнату и, нажав пружину, сказал:

— Прощай, прекрасный певец любви! Теперь я примусь за твою горлицу.

Тело Этьенна исчезло под опустившейся дверью, общавшейся с Сеной.

VI. ЛЮБОВЬ НЕВЕСТЫ

Перрен Модюи, известный в квартале Сен-Марсельском как сен-медарский звонарь, жил в маленьком домишке, смежном с церковью, колокола которой находились в его распоряжении.

В доме было только одно нижнее жилье, но комнаты удобно расположены для него самого, дочери Алисы и старой и верной Жермены.

Перрену Модюи нетрудно было попасть из дома на колокольню, стоило только пройти из комнаты по крытой и длинной галерее. Церковное начальство велело выстроить эту галерею, чтобы избавить от излишней ходьбы звонаря, ноги которого уже не имели силы молодости.

На другой день после того, как Моревель бросил Этьенна в реку, в низкой комнате, служившей столовой, Жермен шила ризу, которую хотела поднести аббату в день его именин. Давно уже звон на колокольне Сен-Медарской возвестил жителям предместья, что настал полдень. Алиса задумчиво перелистывала книгу.

— Мне кажется, что в дверь постучались,— сказала Алиса.

— Я не слышала,— ответила Жермен, не поднимая головы.

— Время уходит, а батюшка не возвращается! Он обыкновенно так долго не остается на колокольне.

— Он привязывает новую веревку к большому колоколу.

— Все-таки мне не нравится, что батюшка не дома в такое беспокойное время.

«Бедное дитя! — подумала Жермена.— Если бы она знала, что один злой человек хотел лишить места нашего звонаря!»

— Жермена, я озябла.

— Озябла! В августе... при таком солнце!

Алиса встала и начала ходить по комнате.

— Вы, однако, не больны, Алиса? — с беспокойством спросила Жермена.

— Нет, мне только неприятно; батюшки нет...

— И вы напрасно ждали вчера вечером Этьенна Феррана, не правда ли?

— Жермена!

Старушка ласково ее обняла.

— Полно, полно. Мне вы можете в этом признаться; я вас люблю так же, как ваша покойная матушка... Ведь я кормила вас своим молоком!.. Да, дитя мое, вы беспокоитесь, потому что Этьеин первый раз не пришел вчера по своему обыкновению... Вы улыбаетесь... я угадала...

— Как ты добра! — сказала Алиса, целуя ее.

Слеза остановилась на ее ресницах; в дверь раздался стук молотка.

Дверь отворилась и вошла высокая дама, недоверчиво смотревшая на Алису и кормилицу.

Это была Мария Тушэ.

— Можно нам остаться вдвоем? — сказала она старухе, — я хочу говорить с одной Алисой.

— Нет!.. Нет!.. Я так не оставлю. Я должна узнать...

Алиса кротко перебила свою кормилицу.

— Оставь нас, прошу тебя, — сказала она. — Наверное эта госпожа пришла не с дурными намерениями... Притом разве женщина должна бояться остаться наедине с другой женщиной?

Мария Тушэ улыбнулась.

— Вам может показаться странным, — сказала Мария, когда они сели, — что я пришла к вам в дом, но все, что говорят о вашей редкой красоте и о ваших добродетелях при дворе Карла IX, внушило мне большую охоту удостовериться самой, не был ли двор слишком к вам снисходителен.

— Двор нашего государя слишком добр, если занимается такой ничтожной девушкой, как я, — прошептала Алиса, однако покраснев от этой лести.

— Ну нет!.. И я вижу, что предположения знатных вельмож гораздо ниже истины. Поверьте, что если при дворе занимаются вами, то желают также знать, какой счастливый смертный способен тронуть ваше сердце.

Алиса задрожала.

— Я не стану от вас скрывать, — продолжала орлеанка, делая ударение на этих словах, — что на вас клеветают, предполагая вас способной решиться на брак, недостойный вашего благородства и красоты.

— На меня не клеветают, я помолвлена.

— Хорошо, помолвку можно допустить, но чтобы ваш будущий муж — по словам двора — был сомнительного происхождения...

Алиса вскочила вся дрожа.

— Этьенн Ферран честный человек!

Алиса, успокаиваясь слушала биение сердца, а потом продолжила:

— Вас не послал двор, хотя, видя вас, я соглашаюсь, что вы знатная дама... Вы пришли ко мне, неизвестно для чего...

— Уж не принимаете ли вы меня за соперницу?

— Может быть...— отвечала Алиса, пристально смотря на Марию Тушэ.

— Благодарю вас, что вы осмелились унижить меня, поставив наравне с вами, давая мне в любовники незаконнорожденного.

— Милостивая государыня!..

— Но, конечно, я не воспользуюсь случаем...

— Милостивая государыня, я запрещаю вам оскорблять в доме моего отца того, кто должен сделаться моим мужем! Не угодно ли вам сейчас оставить этот дом!

Пока Алиса плакала горькими слезами, несмотря на утешения Жермены, Мария, хотя и будучи католичкой, входила в протестантский храм на Патриаршем дворе.

Там она долго разговаривала о чем-то с реформатским пастором Мерленом. Через два часа Мария Тушэ постучалась в дверь парфюмера Ренэ.

— Моревель меня уверил, что там я найду моего отца. Ну, смелее! Тот, кто жил при дворе Карла IX, не должен краснеть».

Она вошла. Но Мария не заметила, что после ее ухода из храма Патриархов, какой-то человек подошел к пастору Мерлену. Человек этот был совсем молод. Он сильно волновался.

— Вы знаете эту женщину?

— Знаю,— отвечал пастор.

— Скажите мне ее имя, о, скажите мне ее имя, прошу вас!

— Мария Тушэ.

Незнакомец испустил крик радости.

— А!.. Злодейка!.. Теперь я стану лицом к лицу с моим убийцей!

VII. СЕН-МЕДАРСКИЙ ЗВОНАРЬ

Горести чистой души похожи на облако в летний день. Они только на время затемняют солнце. Чтобы вернуть спокойствие своему сердцу, Алиса стала убеждать себя:

«Слова этой женщины сплетение фальши и лжи... Я верю в любовь моего жениха. Он скоро, скоро придет».

Дверь неожиданно отворилась и в комнату действительно вошел Этьенн Ферран.

Но прежде мы должны рассказать, каким образом он спасся.

Пуля Моревеля только оцарапала череп. Оглушенный ударом, Этьенн потерял сознание. Придя в себя, он увидел, что при малейшем движении упадет в реку. Этьенн застрял на сваях, которые держали мост, ноги повисли в воде. Нужно было как-то выбираться.

Этьенн уцепился руками и ногами за неровности свай и моста.

После огромных усилий ему удалось наконец добраться до парапета...

Но от слабости и потери крови он упал и чуть не свалился в реку.

Ухватившись за железное кольцо, вбитое в арку, он закричал.

Крик услышал горбун Клопинэ, возвращавшийся с Перреном Модюи, сен-медарским звонарем. Отец Алисы ходил просить позволения остаться на своем месте, которого его хотели лишить по клевете и доносам.

Услышав крик, Клопинэ, сердце которого всегда было готово отозваться на зов несчастных, бросился к мосту и через несколько секунд Этьенн был вне опасности. Невозможно описать изумление Клопинэ и Модюи, когда в

спасенном они узнали Этьенна. И тогда он указал старому звонарю на дом своего убийцы, Перрен Модюи вскричал:

— О! Убежим!.. Тут живет коршун; в этом логовище скрывается убийца, мясник короля!

Это гнусное звание начинало распространяться по всему Парижу.

Алиса бросилась к жениху и начала укорять его, почему он забыл ее вчера. И, конечно, был принят первый же предлог, который пришел в голову молодому человеку.

Жан Гарнье пришел в этот дом позднее, когда дом уже опустел, и лишь звонарь остался отдохнуть перед службой.

Сен-медарский звонарь окинул мясника с ног до головы и сказал:

— Жан Гарнье, я угадываю причину вашего посещения; стало быть, бесполезно говорить мне о том... Но объявляю вам решительно, что вы должны отказаться от намерения просить руки моей дочери.

— Я не могу понять причину отказа.

— Разве моя дочь вам не говорила?

— Конечно, но я желаю знать не ее причины, а ваши.

— У Алисы в сердце любовь; я ее одобряю. Я дал слово. Кроме того, мне не нравятся разговоры, которые ходят о вас.

Это на минуту смутило мясника.

— Но я живу, как все,— вскричал он, притворившись рассерженным.— Неужели вы предпочтете отдать вашу дочь человеку без всякого состояния... незаконнорожденному?

— Да. Я предпочитаю отдать мою дочь честному и незаконнорожденному бедняку.

Жан Гарнье сдержал ярость и хладнокровно, сказал:

— Послушайте, Модюи, вы бедны, стары и почти дряхлы; откажите Этьенну Феррану, и в самый день моей

свадьбы я отдам вам половину моего состояния.

— Негодяй! — закричал звонарь. — Он мне предлагает продать ему мою дочь!

— Я вам предлагаю обеспечить ее жизнь и вашу!

— Жан Гарнье! — вскричал звонарь. — Я здесь хозяин и прогоняю тебя.

— А я не уйду прежде, чем не заставлю тебя, Модюи, согласиться на собственное твое счастье.

— Ты, может быть, уступишь силе? Если окажется необходимо, я должен буду вспомнить, что я был солдат.

Перрен Модюи подбежал к стене, схватил кинжал и, указывая на дверь, сказал:

— Уходи отсюда, или я убью тебя, как собаку!

Он сделал шаг.

— О, глупый старик! Ты угрожаешь мне, когда я одним движением могу обезоружить тебя.

Кровь бросилась в голову старому солдату.

— Обезоружить меня! — вскричал он. — Ты слишком труслив для этого! Осмелься дотронуться до этого оружия! Однако и у тебя есть кинжал! Защищайся же, защищайся против старика!

— Ты этого хочешь? Ну, горе тебе!

Дверь распахнулась и на пороге показался Этьенн. Быстрее молнии он бросился и, выхватив кинжал из рук Модюи, прыгнул Гарнье.

При виде работника Гарнье с изумлением отступил.

— Отец!.. Этьенн!.. — закричала Алиса.

Жан Гарнье на одно мгновение был испуган. Но понимая, что более продолжительная нерешительность может его погубить, вскричал:

— О, успокойтесь, сударыня!.. Из уважения к вашим прекрасным глазам я пощажу этого незаконнорожденного!

В порыве бешенства Этьенн выбил кинжал из рук своего противника.

— На колени, негодяй! На колени перед человеком, которого ты оскорбил!

Жан Гарнье, посинев и дрожа от бешенства, должен был склониться под железною рукою Этьенна. Потом красильщик, отворив дверь комнаты, выпихнул в нее Гарнье.

VIII. ПРОБЛЕСК ПРОШЛОГО

Уже несколько дней в доме парфюмера Ренэ гостил друг детства — Жером Тушэ.

Оба в детстве учились в Орлеане одной профессии, и теперь Ренэ практиковал в Париже, а Тушэ, оставшись в родном городке, следил оттуда за успехами друга.

Ренэ знал о горе отца, знал о том позоре, какой пришлось стерпеть Тушэ, когда до Орлеана дошла весть, что его дочь Мария стала любовницей короля, и теперь сочувственно отнесся к безумной затее Жерома Тушэ — отравить Карла IX. Именно для осуществления этого сумасшедшего и почти нереального плана и приехал старый Тушэ в Париж.

Друзья сидели за столом, заваленном пергаментами с химическими записями ядов и противоядий, беседовали, обсуждали составы снадобий. Разговор прервал лакей, который доложил, что какая-то дама желает говорить с Жеромом Тушэ.

— Со мною? — удивился старик.

— Да, с вами.

— Проси,— сказал парфюмер.— Если я буду тебе нужен, позови,— обратился он к старику.— Я прибегу тотчас.

Ренэ исчез в ту минуту, когда лакей вводил даму в маску. Увидев ее, Жером почувствовал трепет, в котором не мог дать себе отчета. Он указал ей на стул, и когда дама села, спросил с любопытством:

— Кого имею честь видеть?

Вместо ответа гостя поспешно сняла свою маску.

Жером узнал свою дочь. Он побледнел и сдерживая гнев, хотел уйти.

— Проклятая, оставь меня, оставь! — закричал старик.

— Нет, батюшка, вы должны меня выслушать.

— Но разве ты не видишь, что твое присутствие заставляет меня страдать?

— Я уже не любовница короля... Я раскаивающаяся и несчастная дочь! Прошу у вас помилования и сострадания!..

Эти слова смягчили раздраженное сердце старика. Он

скорее упал, чем сел на скамью, и, собираясь с мужеством, сказал:

— Чего вы хотите от меня? Говорите!

Мария закрыла голову руками, потом, преодолевая стыд, сказала:

— Я пришла просить у вас прощения во всех огорчениях, которые я на вас навлекла.

— Бесславие моего дома совершилось; мои губы не могут взять назад проклятие.

— Это правда! Я проклята... страсти погубили меня... Я была увлечена честолюбием, в котором не отдавала себе отчета... О, батюшка, батюшка! Вы видите мое раскаяние и мои слезы!

— Это не такие кровавые слезы, какие проливал я!

— Но если бы я вас умоляла отворить родительский дом и обращаться со мною там как с служанкой... скажите, приняли ли бы вы меня?

— Никогда!.. Тень твоей матери прогнала бы тебя из святилища твоей семьи, если бы у меня самого не достало на это мужества!

— О! Вы неумолимы!

— Если ты не имела другой цели приходя сюда, как вымалывать прощения в гнусном поведении, уйди сию минуту!.. Тебе приказывает твой отец. Прощай!

Мария Тушэ подняла голову, склоненную отчаянием, и как бы отвечая своим мыслям, сказала:

— Да, у меня была другая цель, когда я шла сюда. Мать моя была католичка и воспитала меня католичкой. Но вы, мой отец, гугенот!

— Молчи! — перебил Жером, оглядываясь.

— Вы гугенот,— продолжала Мария,— и я пришла вам сказать: бегите из Парижа, здесь готовится что-то страшное!

— Я не хочу принимать от тебя советов. Оставь меня! Оставь!

— Я спасу вас против вашей воли, батюшка!

— Ты меня спасешь!.. Ты, унижившая мое имя, запятнавшая мою честь!..

— О, вы неумолимы! Батюшка, ваша жизнь в опасности и я хочу вас спасти!

— Это бесполезно. Если Провидение назначило мне

выпить чашу горечи до конца, не ты должна отнять ее от моих губ... Ступай!

— Если я унижена и обесславлена,— вскричала в отчаянии Мария,— вы сами толкнули меня в эту бездну!

— Ты лжешь!

— Я сказала правду: разве вы не хотели с самой ранней молодости выдать меня за старика?

При этих словах с Жеромом сделалось как бы головокружение. Он схватил со стола нож и судорожно сжал его подергивающимися руками. Но гнев старика тотчас утих. Он отбросил нож, и крупные слезы покатались по его щекам.

— Если я ошибаюсь,— сказала молодая женщина, растроганная этими слезами,— скажите мне правду, батюшка.

Жером вытер слезы и, сделав усилие над собой, сказал:

— Старый дворянин, которому я обещал твою руку, оказал мне одну из таких услуг, за которые нельзя заплатить даже чрезмерной признательностью. Соединив тебя с ним в браке, я думал заплатить часть моего долга... если он соглашался усыновить незаконнорожденного сына умершего отца.

— Умершего отца? Но не сами ли вы велели убить Рауля д'Альтенэ?..

— Я? Бог мне свидетель, что моя душа никогда не была осквернена мыслью об убийстве!

— Однако он был убит... Это убийство Рауля заставило меня бежать из родительского дома. Это преступление и заставило меня броситься в объятия Карла IX.

— Рауль д'Альтенэ,— продолжал старик с тем же спокойствием,— был убит одним негодяем, Моревелем, который жил тогда в нижнем предместье Орлеана. Моревель любил тебя.

Мария медленно опустилась на колена.

— Батюшка,— сказала она голосом таким кротким, что растрогала старика,— роковая судьба погубила мою жизнь... Хотите протянуть руку вашей смиряющейся и раскаивающейся дочери?

Жером размышлял несколько секунд, потом, встав, он произнес медленно, как бы с вдохновением:

— Я возьму назад свое проклятие в тот день, когда совершится мое мщение.

— Что вы хотите сказать?

Жером Тушэ хотел ответить, когда дверь из лаборатории вдруг отворилась и появилось испуганное лицо, — Королева-мать! Бегите, бегите! — прошептал парфюмер.

Указывая Марии на дверь, он продолжал:

— Туда! Туда! Мой слуга спрячет вас!

Только Мария исчезла, как вошла Екатерина Медичи. Возле нее бежала одна из тех маленьких собачек, которых любил Карл IX и которые обыкновенно бывали при нем.

Несмотря на свои лета, Екатерина была еще хороша, высока ростом и одарена пылким темпераментом, которому она умела во всех возможных обстоятельствах придавать самую очаровательную небрежность; поэтому она производила замечательное влияние на всех приближенных.

Жером Тушэ, несмотря на свою инстинктивную ненависть к гонительнице гугенотов, не мог с первого взгляда удержаться от некоторого волнения.

— Кто этот человек? — спросила Екатерина, нахмурив брови при виде Жерома Тушэ.

— Добрый католик, — без малейшей нерешимости отвечал Ренэ, — друг, которого я призвал из Бургундской провинции, где он занимался наукой колдовства.

— Я могу говорить при нем?

— Совершенно безопасно, ваше величество.

Мы не будем рассказывать разговор этих трех лиц; события покажут нам его впоследствии. Мы скажем, однако, что речь шла о протестантах и о мерах, какие следовало принять, чтобы заставить короля действовать решительнее.

— Приближается минута, — заключила Екатерина, — когда исчезнет все, что мешает моему могуществу.

Раздался глухой стук; королева-мать с беспокойством осмотрелась вокруг.

— Так кто-то есть, отворите! — приказала Екатерина.

Ренэ поспешил отворить дверь... Комната была пус-

та. Озабоченная Екатерина посмотрела на своих собеседников; их спокойствие возвратило спокойствие и ей.

Неожиданно собака, пользуясь тем, что ее никто не видал, прыгнула на стол и, утащив кусочек пастилы из ящика, неосторожно оставленного открытым, съела его.

Ренэ один заметил это и быстро заменил эту коробочку другою, которая была у него в кармане.

Забившись в предсмертных судорогах, через несколько секунд собака была мертва.

— Эта пастила была отравлена! — закричала испуганная Екатерина.

Жером Тушэ побледнел.

— Я не знаю, какой причине приписать смерть этой собаки, но во всяком случае, яд был дан ей не в моем доме...

Ренэ взял кусочек пастилы и съел его, глядя на королеву совершенно невозмутимо.

Это успокоило Екатерину.

Жером Тушэ с этой минуты отказался от своего плана мщения.

Когда королева-мать воротилась к своим носилкам, она сказала парфюмеру на пороге дома:

— Я жду тебя в башне Астрологов...

Через час после этих событий Мария Тушэ, воротясь к себе домой, послала просить свидания у адмирала Колиньи.

Х. ТАВЕРНА ЛУРСИН

Таверну Лурсин посещали работники и купцы из предместья Сент-Женевьевского холма. Хозяином таверны был Лоазель, славившийся своей услужливостью. Помощником Лоазеля был известный нам горбун Клопинэ. Главною комнатою в таверне была большая зала, сообщавшаяся с улицей большой стеклянной дверью. Столы, скамейки и буфет составляли всю ее меблировку.

— Ты хорошо меня понял? — говорил Лоазель Клопинэ, который собирался уйти.

— Как только может понять человек, а я считаю себя человеком — отвечал горбун. — Вы увидите... я вам говорю только это!

— Хорошо! Говори меньше, а действуй больше.

— Вы знаете, хозяин, что я от дела не бегаю...

— Да, но ты любишь иногда слишком все увидеть, все посмотреть, во все вмешаться, ты любопытен и болтлив как кривая сорока... Беги на Сент-Женевьевский холм и помни, что Жермена ждет известий.

Горбун сделал несколько шагов, потом воротился к старой Жермене, которая, сидя на углу большого камина, плакала, опустив голову на руки.

— Будьте спокойны,— сказал он ей с великодушным порывом,— для моих товарищей у меня роги оленя, но для тех, кого я люблю, я привязываю к сердцу крылья.

— О, Боже мой! — молилась Жермена,— позволь мне увидеть опять мою милую Алису!

— Надейтесь,— сказал трактирщик, с волнением пожимая ей руку. Что-то говорит мне, что Алиса будет возвращена...

— Да услышит вас святая Дева!..

— Я каждую минуту жду, что Алиса найдется. А так как в моей таверне сходятся все, которые ее ищут, я надеюсь увидеть их скоро, с бокалом в руках празднующих счастливое возвращение.

Трактирщик говорил о том, чему сам не верил.

— Это ужасно! Это было ночью... окно отворяется, люди в масках влезают в комнату, где я спала возле кровати моей бедной питомицы и хватают Алису, лишившуюся от испуга чувств. Напрасно борюсь я с ними и зову на помощь... Они завязывают мне рот и осыпают ударами... и я падаю без сил к их ногам.

— О, подлецы! Бить старуху!

— Когда несчастный отец прибежал на мои крики, было уже поздно. Похитители унесли его дочь!

Старуха залилась слезами.

Но Лоазель должен был подавить волнение, потому что в таверну вошли посетители: чулочник Марсель, кишечник Гюбер и кожевник Ландри. Все трое были веселы. Они сели за стол.

— Эй! Приятель Лоазель, давай вина, да самого лучшего! — закричал Марсель.— Моя хозяйка родила мальчика, мы хотим повеселиться и выпить.

Пока трактирщик спешил подать вина, Марсель продолжал:

— Сядемте, вы здесь, мэтр Гюбер? Ландри хорошо сделал, что привел вас. Во-первых, мне приятно начать знакомство с вами, а потом чем более пирующих, тем веселее.

— Вот вам, чтобы праздновать рождение вашего мальчика,— сказал Лоазель,— славное вино!

— За здоровье ребенка! — вскричал Ландри.— Э! Да это сущий нектар... За благоденствие законного отца ребенка!

— И моей добродетельной супруги! — прибавил Марсель.

В это время трактирщик приблизился к Жермене, сидевшей спиной к лавочникам.

— Видите, они ничего не знают,— шепнул он ей на ухо.

— Кто это? — спросил Марсель трактирщика.

— Это Жермена, которая живет у сен-медарского звонаря.

При этом имени трое пирующих встали с уважением, лица их помрачались.

— А я ее не узнал,— сказал Гюбер.— Прошу вас извинить меня. Невежливость моя тем глупее, что вы так огорчены, госпожа Жермена.

— Ах! — снова зарыдала кормилица Алисы.— Никто не может понять, какие страдания я терплю.

— Их понимают все, все сен-марсельское предместье страдает вашему несчастью.

— Но невозможно, чтобы полиция не нашла виновника этого похищения! — вскричал Ландри.

— Этьенн Ферран найдет его прежде полиции,— с уверенностью сказал трактирщик.

— Клопинэ не возвращается,— вздохнула Жермена.

— Горбун? — переспросил Марсель.— Когда я шел за кумом Ландри, я его видел... Он смотрел, как танцуют цыгане перед Патриаршим двором, где уже две недели,— прибавил он вполголоса, как бы боясь компрометировать себя,— кальвинисты собираются слушать проповедь.

— А! Так этот негодяй исполняет мое поручение! — с гневом воскликнул Лоазель.

— Какое поручение?

— Я послал его к Этьенну узнать, что там делается.

— Ну! Я побегу сам,— сказал Ландри,— и если найду горбуна, заставлю его вспомнить о купаньи в реке... Дурак я был, что сожалел о моем поступке!

Но в ту минуту, когда кожевник хотел уйти, в таверну вошли новые посетители. Гнев отражался на лицах одних, отчаяние — на других. Прежде чем мы скажем, кто они, мы должны последовать за Клопинэ не к Патриаршему двору, где видел его Марсель, но на одну улицу, куда с некоторого времени горбун стал часто заходить.

Эта улица называлась Мельничной.

Каждый раз, как Клопинэ заходил на нее, он осматривался. Удостоверившись, что никто не следит, он устремлялся в темный коридор одного из домов, в конце которого была деревянная лестница. Горбун взбегал на ступени с проворством кошки, потом вполголоса произносил свое любимое выражение:

— Саперлипиопеть!

Через несколько секунд после сигнала тихо отворялась дверь и молодая девушка, бледная и болезненная, подбегала к горбуну.

— Здравствуйте, Марта,— говорил он в волнении.

— Здравствуйте, Клопинэ,— отвечала девушка, потупив глаза.

— Как сегодня здоровье бабушки? Алиса Модюи приходила к ней?

— Приходила, она принесла милостыню от доброго сенмедарского аббата... О, если бы вы знали, друг мой, как мне тяжело принимать эту милостыню!

— Полноте!.. Разве вам можно упрекать себя? Разве вы мало до сих пор работали, чтобы кормить вашу слепую бабушку!.. Вы так много работали,— продолжал горбун,— что сами сделались нездоровы и...

— А болезнью моей и моим выздоровлением воспользовались для того, чтобы унижить меня,— медленно шептала молодая девушка.

— Унизить вас, мадемуазель Марта? Ах! Если бы это была правда, я дорого заставил бы поплатиться за унижение, которому они подвергнули вас!

— Накажите же себя самого,— говорила Марта,— и

возьмите назад серебряную монету, которую вы забыли на столе моей бабушки.

Когда девушка говорила эти слова, краска стыда покрыла ее лоб. Вместо ответа Марта увидела слезы на глазах горбуна.

Вот что произошло в одно из первых свиданий Марты с горбуном. С этого дня простодушная девушка не отказывалась от его помощи.

Много раз Клопинэ приходил узнавать о здоровье выздоравливающей Марты и возвращался с тяжелым сердцем: на душе его была тайна.

Марта возвращаясь в свое скромное убежище, ловила себя на мысли, передававшей эти слова:

— Добрый молодой человек!

Х. КОМЕДИЯ ПЬЯНСТВА

Жилль Гобелен, знаменитый красильщик, имя которого сохранилось в названии особых ковров, дал своему работнику Этьенну Феррану долю в прибыли. Но кроме привязанности, которую он имел к своему честному работнику, Гобелен платил таким образом ему за неоценимую услугу: Этьенн Ферран после многочисленных поисков смог найти химический состав, дававший пурпуровую краску, которая употреблялась для изготовления королевских мантий.

Этьенн жил в одном доме с Гобеленом. Комната его была скромна и проста. Единственным украшением был рисунок, сделанный им самим и изображавший ребенка, которого на ступенях лестницы поднимал человек в одежде работника.

Мальчика, найденного на лестнице, называли Этьенном Ферраном, именем того, кто нашел его, и который, будучи сам работником у Жилля Гобелена, умер, воспитав у своего приемного сына честность, которая вошла в половицу в сен-марсельском предместье.

Жених Алисы никогда не знал другой семьи, кроме работников в красильне; эти добрые работники были для него настоящими братьями, всегда готовые помогать ему.

Но, будучи добрым, Этьенн, всегда мстил, за нанесенное оскорбление.

Не понимая причины, которая заставила так вероломно действовать незнакомого ему человека на Разменном мосту, Этьенн Ферран решился наказать его.

Он долго выяснял, кто это, кто здесь живет, и узнал, что его зовут Моревель.

Два раза ходил Этьенн в дом Моревеля, чтобы наказать его, но никого не заставал. Дом был пуст. Расспрашивая соседей, он узнал наконец, что королевский мясник ходит каждый вечер в таверну Архангела, находящуюся в улице Бетизи, напротив дома адмирала Колиньи.

Но вернемся в таверну, где находились Ренэ, Тибо и другие красильщики, товарищи Этьенна Феррана.

— Если Гарнье убил мою невесту,— говорил Этьенн с сдерживаемым гневом,— его крови, пролитой по капле, будет недостаточно для искупления...

— Вы можете положиться на меня,— сказал Ландри, подходя.

— Мы все готовы отомстить за вашу дочь, Перрен Модюи! — воскликнул Марсель.

— Не только мы,— подтвердил Гюбер.— Но и все жители предместья.

— Да! Да! — раздались возгласы.

— Благодарю, друзья мои, благодарю! — растроганно сказал звонарь.— Но мы только предполагаем, кто же похитил мою Алису, а нам нужны факты.

— Вот мое мнение,— сказал Гюбер.— Вашу дочь похитил Гарнье; он спрятал ее далеко от своего дома; он любит ее страстно и надеется смягчить... Итак, вы можете быть спокойны, он не убил ее и не убьет.

— Но где он мог ее спрятать, злодей? — спросила Жермена.

— Это можно узнать.

— Как?

— Очень просто. Жан Гарнье влюблен и боится глаз честных людей, стало быть, он прячется. Я не хитрее других, но бьюсь об заклад, что мясник ходит к ней после звона о тушении огня. Последите за ним.

— Но мы подстерегаем уже три ночи и видели бы, как он выходит.

— Да, если бы он шел по обыкновенной дороге... А разве вы не знаете, что в доме его два выхода?

— Два выхода!.. Надежда вдруг вспыхнула в сердце Этьенна.

— Андрэ, Тибо, Ренэ и вы все, мои товарищи,— вскричал он.— Эту ночь мы проведем на Сент-Женевьевской горе! Работники согласно кивнули.

— Молчите! — вдруг сказал Гюбер вполголоса.

Все прислушались и услышали песню.

— Я знаю кто это,— проговорил Гюбер,— это Кажэ, один из приказчиков Гарнье...

— Надо заставить его заговорить,— воскликнул Этьенн.

— Нет, с ехидной надо иметь осторожность змеи. Уйдите все, кроме Лоазеля, и я берусь заставить Кажэ проболтаться,— сказал трактирщик Лоазель.

Вскоре Гюбер и Лоазель остались в таверне одни.

Они ждали, прислушиваясь к шуму шагов. Через несколько секунд пьяный Кажэ прошел мимо окна, выходящего на улицу. Он пел.

Гюбер выбежал на порог.

Кажэ, распевая, проходил мимо.

— Как! — закричал Гюбер.— Ты проходишь перед таверной не останавливаясь? Я не считал тебя способным на такое!

— Я вот что вам скажу,— пролепетал Кажэ.— Мне сегодня некогда... притом я что-то озяб...

— Это в августе-то? Мэтр Лоазель, нет ли у вас чего-нибудь горяченького, чтобы согреть его?

— Как не быть! Принесу,— отвечал трактирщик, отправляясь в погреб.

Гюбер своими сильными руками завел Кажэ в таверну.

— Ну, Кажэ, поговорим,— усаживал Гюбер его за стол посреди комнаты.

— Мне некогда разговаривать.

— Время найдется. Только не надо стоять, в ногах делаются судороги... Ну, ты такой хитрец, расскажи-ка, что говорят мясники о политике и религии?

— Что говорят? Я не знаю,— отвечал Кажэ, опускаясь на скамью напротив Гюбера.

— Говорят, что гугенотам скоро позволят свободно отправлять свое богослужение.

— Для меня это решительно все равно,— икнул Кажэ.

— Говорят еще, будто парламент простил принца Кондэ за то, что он принимал участие в абмуазском заговоре...

— Очень мне нужен абмуазский заговор!.. Мое дело, чтобы говядина дорожала на рынке, вот оно что.

Лоазель поставил на стол две бутылки вина.

— Это не лишнее,— сказал Гюбер.— Не каждый день пьешь с Кажэ, с одним из добрейших сердец, известных мне.

Приказчик мясника искоса смотрел на своего собеседника, не веря ему.

Гюбер сделал знак Лоазелю уйти, а потом, оставшись с Кажэ, продолжал:

— Если ты торопишься, не будем тянуть. Твое здоровье:

— За ваше! Что это сегодня никого нет?

— Приходят и уходят. А у твоего хозяина все хорошо?

— Как же... Говорят, что он открывает еще лавку, только он ведь не рассказывает о своих делах.

— Пей,— сказал Гюбер, наливая в стакан Кажэ,— пей, если хочешь согреться.

— Клянусь святым Петром, покровителем мясников, должно быть, у хозяина в доме талисман. Впрочем, это человек деятельный, хотя незаметно... как он трудится...

— Скажи-ка,— проговорил Гюбер, переходя на шепот и подмигивая.— Кажется, Жан Гарнье любит прекрасный пол?

— Кто их не любит?

— Уверяют, будто Гарнье похитил какую-то женщину. Но что рассказывать это тебе! Ты лучше меня знаешь.

— Я!.. Что? Не знаю...

— Ты, может быть, не знаешь, что Алиса, дочь сен-медарского звонаря, пропала?

— Я ничего не знаю... За твое здоровье!

Кажэ казался совершенно пьян; выпив, он облокотился о стол, опустил голову на обе руки и с выражением, которое хотел сделать лукавым, пролепетал:

— Я тебе скажу, потому что ты мне кажешься добрым малым... Видишь ли, стараются узнать... но ничего не узнают... ничего нет.

Гюбер, сам притворясь пьяным, обнял приказчика, а потом налил ему еще вина.

— За твое здоровье! — сказал он.

— Славное винцо! — продолжал Кажэ.— И мой желудок принимает его лучше, нежели красавица моего хозяина.

— А! Дурно, значит, принимает?

— Как гугенота во дворце королевы Екатерины. Предобродетельная эта малютка. О! Я говорю о прошлом, когда он еще бывал у звонаря.

Кажэ встал, шатаясь.

— С тобой опять озноб? Не хочешь ли еще бутылочку?

— Невозможно, я должен идти к женщине, которую... которую обожаю...

Он тяжело упал на скамью, а затем Кажэ свалился под стол и захрапел.

Перрен Модюи с товарищами вышли из комнаты.

— Ну, просыпайся! — сказал Этьенн, толкая приказчика ногою.

Но Этьенн трудился напрасно: Кажэ не шевелился. Перрен Модюи вне себя от отчаяния, судорожно сжимал руку Ландри.

Вдруг вошел горбун. Левый глаз у него был окружен синяком.

— Клопинэ! — закричали посетители таверны.

— Да, это я, — отвечал горбун, — посмотрите как они меня отделали.

— Кто? Цыгане? — спросил Лрозель.

— Нет, приказчики Гарнье... О! Этого там не было, — прибавил горбун, указывая на Кажэ, — это другие... Когда я искал мэтра Этьенна, они приметили меня. «А! — говорят они, — ты подсматриваешь за нами? Ну, так ответишь за всех!..» Тогда один из них так ударил, что у

меня искры посыпались из глаз... А другой подбил мне глаз.

— Если бы ты не останавливался возле цыган,— строго сказал трактирщик,— ты встретил бы мэтра Этьенна на Сент-Женевьевской горе и не был бы избит.

— Да, но если бы я не был избит, я не узнал бы, где ее спрятали,— отвечал Клопинэ.

Все окружили горбуна.

— Пока меня били, один сказал другому: «Убей его совсем, чтобы он не ходил за нами шпионить в Жан-тильи».

— О, какой ты славный человек! — сказал Этьенн, обнимая Клопинэ.

Пока советовались, какие меры следует принять, чтобы освободить девушку, горбун стал примачивать глаз вином, оставшимся в стакане Гюбера.

«Вот что значит уметь напиться,— думал Кажэ, лежа под столом,— болтаешь только то, что хочешь».

ХІ. НЕЗНАКОМЕЦ

Пятнадцатого августа 1572 года Екатерина Медичи давала в Лувре маскарад.

Она приготавливала торжество брака, который должен был соединить Генриха Наваррского с Маргаритой, сестрой короля французского.

Этим празднеством мать Карла IX открывала ряд пышных удовольствий, которые должны были иметь такую гибельную развязку.

Тысячи протестантов стекались в Париж со всех концов Франции, чтобы присутствовать при браке Генриха Наваррского. Екатерина украшала свой дворец всею безумною роскошью Азии и приготавливала своего сына к кровопролитию, давая советы королю о выборе бального костюма.

Принцесса Маргарита, которой доставался наваррский престол, омраченный недавно смертью Иоанны д'Альбрэ, плакала и думала о будущем.

Ожидая маскарада, Карл IX пошел в комнату де Шатонеф узнать, нравится ли ей блестящий костюм, который

он надел. В этой комнате находились вместе с хорошенькой фрейлиной королевы-матери три сестры: герцогиня де Гиз, герцогиня де Невер и герцогиня де Кондэ. Все три были дочери герцога де Невера и Маргариты де Бурбон-Вандом. Все трое старались понравиться королю и, может быть, заменить место Марии Тушэ, оставленной возлюбленной короля.

Но Карл IX находил достойной заменить Марию только одной женщиной, эта женщина была Ренея де Шатонеф.

К несчастью, Ренея не разделяла любви короля. Напротив, она любила герцога Анжуйского, одного из сыновей Екатерины, который умел прельстить молодую девушку храбростью и жаром южной крови, которая текла в его жилах.

«Юнона по происхождению, Венера по красоте,— говорил один из поэтов тогдашнего времени,— Ренея де Шатонеф имела белокурые волосы и голова ее представляла совершеннейший овал делосских дев; длинные ресницы закрывали нежнейшие лазурные глаза, нежнейший румянец роз сливался на щеках нежнее щек Гебы».

Несмотря на желание, высказанное королем, Ренея де Шатонеф оставалась верна герцогу Анжуйскому,— который впоследствии бросил ее ради принцессы Кондэ.

Однако при дворе и в городе думали, не зная подробностей, что Ренея любовница короля.

После пустого разговора Карл IX, обращаясь к Ренею, сказал:

— Сегодня вечером вы обязаны, царица красоты, подать сигнал к танцам.

Ренея де Шатонеф встала и надела маску; король подал ей руку и все отправились в великолепные залы.

Екатерина и Карл IX возвышались над толпой, сидя на парчовом и бархатном троне. Все имели право оставить или снять бархатные маски. В этот вечер Екатерина скрыла косметическими средствами следы своих лет и своей ненависти. Гости видели только ее величественную красоту.

— Посмотрите, сын мой,— сказала она королю.— Какой снег покрывает череп адмирала!

— Ну и что тут такого? — отвечал Карл IX с улыбкой.

— Мне кажется, будто этот снег покраснел. Какой странный феномен... Что вы об этом думаете?

Карл IX затрепетал. Он понял. Вдруг этот трепет перешел в остолбенение. Он увидел герцога Анжуйского и принца Наваррского, которые вошли под руку как искренние друзья.

«Проклятие! — подумал он. — Мясник не убил его!»

Герцог Анжуйский остановился возле Ренеи де Шатонеф и поцеловал пальцы ее крошечной руки.

Карл IX не мог долее оставаться на троне. Ревность терзала его. Он надел бархатную маску и затерялся в толпе.

Отыскав человека в костюме черного привидения, на плече которого был красный крест, он сказал ему тихим голосом:

— Кто нарушает мои приказания, заслуживает смерти...

— Герцог Анжуйский не был бы жив, государь, но внезапная помощь принца Наваррского...

— Что за ерунда! Надо было...

— Государь, мне не приказали убить их обоих.

Королева-мать подошла к разговаривающим, и человек в костюме черного привидения поспешно удалился.

Праздник шел своим чередом, маски подходили друг к другу, обменивались несколькими словами вполголоса, потом спешили дать место другим.

Казалось, гости, которые прежде все ходили кланяться Екатерине, указывали друг другу на будущие жертвы.

XII. ЧЕРНОЕ ПРИВИДЕНИЕ

Екатерина подошла к Карлу IX.

— Через несколько минут, — сказала она, — носилки будут ждать ваше величество у Северной калитки. Возьмите с собою Боттали, вашего доктора. Вам надо будет помочь, если кровь остановится в жилах!..

Екатерина бросила на сына повелительный взгляд, потом с улыбкой присоединилась к толпе.

Разговор этот, происходивший шепотом у двери, слышала одна цыганка, которая поспешила подойти к адмиралу Колиньи, за которым с начала вечера наблюдал человек в костюме черного привидения.

Эта женщина в костюме цыганки была Мария Тушэ, хитростью вошедшая в Лувр.

— Адмирал,— сказала она, приподнимая маску,— умоляю вас, вспомните о моих предостережениях... С завтрашнего дня не выходите из дома.

— Ваш страх преувеличен,— отвечал Колиньи,— притом честному человеку нечего опасаться, когда совесть спокойна.

Адмирал не мог или, лучше сказать, не хотел опасаться ничего. Во-первых, он был храбр, а во-вторых, всякий раз, как он отправлялся к королеве-матери или на королевский совет, тайная свита из воинов-гугенотов была расставлена на его пути.

Цыганка оставила Колиньи, но человек в костюме черного привидения последовал за нею.

Мария Тушэ заметила, с какой настойчивостью эта странная маска преследует ее.

Встревожившись, она старалась скрыться в толпе; это было бесполезно. Привидение немедленно появлялось около того места, где останавливалась она. Бывшая фаворитка притворилась, что она уходит совсем.

Она направилась к парадной двери и исчезла в передней.

Цель Марии Тушэ, когда она вошла в Лувр, состояла не в том только, чтобы предупредить Колиньи и гугенотов об угрожавшей им опасности.

Она по-женски хотела отомстить новой, как она считала, фаворитке Ренеи де Шатонеф. Мария Тушэ предполагала, что она интригою заняла ее место в сердце Карла IX.

Зная все закоулки дворца, орлеанка направилась по длинным коридорам к входу в малые апартаменты и, спрятавшись в амбразуре окна за широкими занавесями, стала ждать.

Недалеко от нее послышался легкий шум; Мария осторожно осмотрелась. Никого!

Коридор, в котором она спряталась, был почти темен.

Ей показалась тень, обрисовавшаяся на мозаичном полу; но эта тень исчезла так скоро, что Мария приняла ее за плод воображения.

Вдруг послышались шаги. На этот раз орлеанка не ошиблась: Ренея де Шатонейф была одна. Король назначил ей свидание, и девушка возвращалась к себе до окончания празднества, чтобы укрыться от страсти Карла IX. Ренея прошла мимо окна; еще несколько шагов и она войдет в свою комнату...

Мария Тушэ бросилась, как гиенна, ударила кинжалом фрейлину и выбежала в окно на балкон, который соединялся с черной лестницей. Черное привидение медленно вышло из другой амбразуры и побежало за ней. На крики Ренеи, рана которой оказалась легкой, прибежали слуги и перенесли ее в комнату, где хирург Амбуаз Парэ тотчас оказал ей помощь.

Покушение Марии Тушэ не удалось.

Во время этого происшествия Екатерина и Карл IX сели в носилки, ждавшие их у Северной калитки, и отправились во дворец королевы.

У дворца к ним присоединился Боттали.

Дверь дворца отворил Серлабу. Карл, Екатерина и Боттали поднялись не по парадной лестнице, а по другой, состоящей из двухсот ступеней, которая вела в круглую комнату, странно меблированную и слабо освещенную.

Король вздрогнул,— его встретило необыкновенное зрелище.

Но прежде мы объясним любопытные подробности Башни Астрологов, посмотрим что происходило в Лувре и что случилось с цыганкой.

Церемонийместер объявил гостям, что их величества Карл IX и Екатерина Медичи удалились в свои комнаты, и эти слова были сигналом к разъезду. Через несколько минут тишина и темнота царствовали в Лувре.

Мария, прошедшая безостановочно подъемный мост, остановилась перевести дух.

Ее преследователь подошел сзади внезапно.

Испугавшись, она побежала по маленьким улицам, надеясь скрыться. Испуганная Мария добежала до берега Сены. Тяжелая рука упала на ее плечо. Мария хотела вскрикнуть; от испуга голос ее замер.

Королевский мясник сунул ей в рот кляп, потом связал руки и ноги. Мария Тушэ лишилась чувств. Издали раздавались песни вельмож, начинавших свои веселые прогулки. Моревель схватил кинжал и приготовился ударить, когда в воде послышался плеск.

Схватив орлеанку, он бросил ее в Сену.

Мясник Карла IX узнал, что Мария была у дочери звонаря; он знал через лакея парфюмера Ренэ, приятеля Серлабу, какой разговор был у нее с отцом, словом, он узнал, что Мария нашла на след своего сына.

И теперь он боялся, что внезапный блеск осветит мрак прошлого.

Вскоре королевский мясник направился ко дворцу королевы.

В эту самую минуту по реке тихо плыла лодка.

ХІІІ. ТАВЕРНА АРХАНГЕЛА

На улице Бетизи, недалеко от дома адмирала Колиньи, находилась известная таверна, популярная и среди дворян и среди простолюдинов и солдат.

В таверне было так много посетителей, что никто не обратил внимания на вошедших Этьенна и Клопинэ.

Все столы были заняты, за исключением одного, возле лестницы, которая вела на второй этаж.

Этьенн и горбун сели за этот стол.

Когда трактирщик принес вина и стаканы, они осмотрелись и Этьенн шепнул Клопинэ:

— Я не вижу здесь того, кого мы ищем.

— Теперь, может быть, его нет, но он наверняка придет.

— Молчи, за нами наблюдают.

Этьенн Ферран не ошибся.

Сидевшие за столом возле той низкой двери стали шептаться.

Наконец, один из них, в мундире волонтера десятников, встал, медленно прошел залу и, проходя мимо Этьенна, толкнул его скамейку.

Этьенн понял, что волонтер хочет оскорбить его. Кло-

пинэ живо схватил его за руку.

— Будьте спокойны! — шепнул он.

Десятник сел на свое место; встал другой и сделал то же самое. Потом третий, потом четвертый. Красильщик с трудом сдерживал всю ярость, лишь при каждом оскорблении становился бледнее.

Горбун отпускал шуточки, чтобы сдержать гнев своего товарища.

Прошел пятый десятник и опрокинул стол наших приятелей. Этьени Ферран вскочил.

— Негодяй! — вскричал он.— Если бы у меня была шпага, я наказал бы вас за дерзость!

Едва это было произнесено, как все десятники вдруг подбежали с обнаженными шпагами.

— О, негодяи! — вскричал горбун, бросаясь перед Этьенном.— Они нападают на безоружных!

В ту же минуту шпага и кинжал упали на плиты таверны к ногам Этьенна.

— Прочь, убийцы! — вскричал громкий голос.

Этьенн и Клопинэ схватили оружие.

Мужчина лет сорока, в темном полукафтани и в черной шляпе с белым пером, свистнул и тотчас швейцарцы, спокойно игравшие в таверне в карты, бросились на десятников.

Швейцарцев было гораздо больше, и десятники бежали среди громкого хохота.

Солдаты, явившиеся на свист, заняли свои места и продолжали играть.

Обернувшись, Этьени увидел человека с белым пером, глаза которого были устремлены на него.

— Зачем вы пришли в эту таверну? — спросил незнакомец, с интересом рассматривая юношу.— Разве вы не знали, что здесь каждый день происходят ссоры между католиками и гугенотами?

— Я искал... одного человека,— отвечал Этьени.— И заметил его возле низкой двери и...

— Не будет ли нескромно с моей стороны пожелать узнать имя этого человека?

— Я был бы неблагодарен, если бы отказался исполнить ваше желание. Без всякой причины этот злодей хотел меня убить. Его зовут Моревель.

- Королевский мясник!..— вскричал незнакомец, вздрогнув.
- Именно,— подтвердил Этьенн.
- Незнакомец с уважением посмотрел на Этьенна.
- Стало быть, вы не очень дорожите жизнью,— сказал он,— если хотите сразиться с самым хитрым злодеем в столице?..
- Что значит жизнь, когда надо отомстить за оскорбление?..
- Вы рассуждаете как дворянин... а между тем по вашему костюму я счел вас...
- Работником, не так ли? Ну да, я работник... но разве благородные чувства не могут находиться под суконным полукафтаном?..
- Я хочу быть вашим секундантом в вашей дуэли с Моревелем! Только я буду помогать вам с двумя условиями.
- С какими?
- Я вам скажу. Во-первых, я сам отнесу ваш вызов к Моревелю.
- Для чего это вам?
- Потому, что если вы сделаете это сами, вы можете попасть в засаду. Вы не довольно опытный, молодой человек. Словом, вы не знаете противника, с которым будете сражаться. Второе условие состоит в том, что дуэль будет происходить по-итальянски, то есть головы противников и секундантов будут покрыты черным капюшоном, с отверстиями для глаз...
- Зачем?
- Я могу только просить вас о доверии.
- Хорошо.
- Итак, до послезавтра... Где вы живете?
- В красильне Жилля Гобелена.
- Этьенн и Клопинэ вышли из таверны.
- Я думаю,— весело сказал горбун,— что мы счастливо отделались сегодня... Но зачем вам драться с этим Моревелем?..
- Смотри!
- Это что?.. Бриллиантовый перстень?.. Как он блестит!.. Точно солнце...

— Ты помнишь,— перебил жених Алисы,— я рассказывал тебе, как однажды прогнал Жана Гарнье из дома сенмедарского звонаря?.. Когда мясник ушел, он уронил перстень, и я поднял его. Ты умеешь читать, Клопинэ?

— О! Немножко. Марта дала мне несколько уроков.

— Так посмотри, что вырезано на этом перстне.

Горбун взял перстень и начал складывать имя, вырезанное на нем.

... Екатерина! — произнес он с испугом.

XIV. БАШНЯ АСТРОЛОГОВ

В то время, в которое происходит наша драма, колдовство было распространено во Франции.

В одном Париже насчитывали тридцать тысяч колдунов.

При королевском дворе дамы не смели ничего предпринять, не посоветовавшись прежде с астрологами. «Зло сделалось так велико в конце 1572,— говорит один историк,— что пришлось употребить не только угрозы церкви, но и светскую власть для того, чтобы остановить издание альманахов, где астрологи осмеливались предсказывать все, что приходило им в голову».

Бордосские и орлеанские суды наказывали авторов этих сочинений; одни были повешены, другие сожжены.

Но если духовная гражданская власть наказывала колдунов, она не смела еще коснуться так называемой белой магии, особенно популярной среди придворных и сама Екатерина Медичи пользовалась этой псевдонаукой для своих планов.

Зала магии, совершенно круглая, имела маленькие окна, в которых были поставлены оптические инструменты для наблюдения звезд. Башня была освещена лампами, наполненными особым спиртом, блеск которых устрасал, а запах неприятно возбуждал мозг.

Всюду стояли чучела птиц, летучих мышей, банки красного и синего цвета с змеями и жабами.

Посреди залы, на столе, лежали кабалистические книги и глобус, представлявший небесный свод.

Когда Екатерина и король вошли, их ждало несколько человек, сидевших совершенно неподвижно. На одних была длинная одежда магов с разводами огненного цвета. Другие были в костюме дворян или простолюдинов. Среди астрологов в черной одежде находились парфюмер Ренэ, Жером Тушэ и итальянец Замет. Среди других приглашенных были Моревель, Серлабу, Петруччи и граф Рец.

Итальянец Замет руководил этим сеансом.

Екатерина подала сигнал. Король занял место у стола.

— Звезды сегодня особенно блистают,— произнесла торжественно Екатерина.

— Они более расположены повелевать судьбой,— отвечал астролог Замет.

В то время, как парфюмер Ренэ и Жером Тушэ смотрели на звезды в телескоп, итальянец приблизился к столу.

Испытывая будущее, он употреблял зеркала, вызывал злых духов на особом, странном и никому не известном языке.

Потом он зажег костер, который вспыхнул цветным пламенем.

— Свет красен, как кровь! — вскричал он, как бы вдохновленный.

— Эфирные миры побледнели,— отвечали Ренэ и Жером Тушэ, приближаясь.

— Судьба повелевает!.. Испытание должно совершиться!..— воскликнула королева-мать, положив руку на плечо короля.

Холодный пот выступил на лбу Карла IX.

Он не решался утвердить то ужасное, что требовали от него: убиение всех гугенотов во Франции.

Замет продолжал, и мать и сын разговаривали вполголоса.

— Подумайте о вашей короне, государь!..

— Я не выдержу тяжести скипетра, обогренившего потоками крови! — отвечал Карл IX.

— Ваш брат Анжуйский воспользуется вашей слабостью, чтобы завоевать поддержку народа, берегитесь! Со своей стороны, ваш брат Алансонский стремится на трон...

— Пусть я окажусь в изгнании, для меня это предпочтительнее, это доставит мне спокойствие души!

— Короли не выходят живыми из дворцов, когда не повинуются воле судьбы. Вы лишитесь вашей славы.. Колиньи ждет только признания народа!..

— Нет, этого не будет!

— Со всех сторон гугеноты стекаются в Париж... как волны бурного моря, они угрожают... скоро их страшные орды окружают Лувр... и тогда ваш скелет привесят к монфонским дубам!

Карл IX вскрикнул и лишился чувств.

Все бросились ему на помощь.

Когда Карл IX опомнился, он дико осмотрелся. Глаза его встретились с повелительным взором Екатерины,

— Да!.. Да!..— сказал он слабым голосом.

— Король приказывает! — вскричала Екатерина.

— Я готов! — отвечал Моревель.

Петруччи принес восковую фигуру, поразительно походившую на адмирала Колиньи.

Замет проткнул фигуру в области сердца, и из раны брызнула кровь.

— Кровь брызнула!.. Он виновен,— с живостью сказала Екатерина.— Он должен быть умерщвлен!

Она подала королю пергамент, на котором оставалось только расписаться.

— Не подписывайте, государь, это будет погибелью чести королевского имени! — прозвучал вдруг властный голос.

Все с изумлением глядели на богато одетую женщину, лицо которой закрывала маска.

— Кто впустил вас сюда? — закричала королева-мать.

Три человека бросились с кинжалами на незнакомку: Моревель, Петруччи и Серлабу. Но женщина протянула ореховую палочку, и все трое испуганно отступили. Орешник считался всемогущим орудием магии. Сама Екатерина остолбенела.

— Прочь! — произнесла глухим, измененным голосом женщина.— Нельзя приближаться к царице астрологии!

Карл почувствовал, что получает возможность не подписывать тяготивший его указ.

— Государь, я прошу вас не подписывать приговор вашим же подданным. Их кровь падет на вас... Это заговор!

— Разве моей жизни что-то угрожает? — улыбнулся Карл, узнавая голос оставленной фаворитки.

— Нет, ваше величество, заговор против вашей чести!

— Кто же его организовал?

Мария молчала, испуганно поглядывая из-под маски на королеву-мать, которая прислонилась к двери, словно подстерегая, как волчица, минуту устремиться на свою добычу.

— Я жду!.. — сказал король.

— Я... не могу теперь сказать!

— Вы видите, это клевета!.. — закричала Екатерина. Сделав знак, она сказала:

— Захватите эту авантюристку!

Моревель подошел.

— Государь, — с живостью продолжала незнакомка, — кровь покроет вас, как пурпуровый плащ!

— Оставьте меня, оставьте меня! — сказал монарх.

Екатерина сделала движение, Моревель бросился, чтобы сорвать маску.

Вдруг человек, закрытый капюшоном, выскочил из двери, скрытой обоями, и встал между ними.

Он шепнул что-то на ухо Моревелю. Королевский мясник побледнел и растерялся. Не теряя минуты, незнакомец схватил женщину на руки и исчез вместе с нею в потайной двери. Вскоре они шли по улице.

Напрасно несколько раз дорогою Мария расспрашивала незнакомца — он упорно хранил молчание. Однако, когда у двери дома он поклонился и хотел уйти, Мария Тушэ сказала:

— Прошу вас, скажите, кто вы. Я желаю, если представится случай, заплатить вам долг признательности. Незнакомец не ответил и лишь сделал движение, как бы для того, чтобы приподнять свой капюшон.

Екатерина Медичи вырвала согласие Карла IX и Моревеля, королевского мясника, назначили для исполне-

ния убийства, которое должно было подать сигнал к страшной резне.

Когда назначение было сделано, граф Рец подошел к мяснику.

— Помни, что твой поступок войдет в историю!.. Вот задаток,— и граф подал мешок, наполненный золотыми монетами.

Мать короля посмотрела на руки Моревеля и спросила его вполголоса:

— Где перстень, который я дала тебе в Лувре?

— Я... я сделал из него пулю для мушкета, которым я прицелюсь в первую жертву...

XV. НАХОДКА КЛОПИНЭ

Хотя кожевник Ландри думал, что Кажэ пьян, Кажэ не терял сознания. Жан Гарнье приказал ему притвориться пьяным.

Когда все находившиеся в таверне вышли, приказчик мясника отправился к хозяину, который ждал его в своей лавке. Нам не нужно рассказывать, какой разговор происходил между хозяином и его приказчиком. Кажэ должен был разузнать, что говорят в предместье, и Гарнье понял, что с этой минуты он должен удвоить предосторожности.

Как ни старались друзья Алисы найти в Жантильи место, где она была спрятана, ничего не удавалось. Этьенн Ферран сходил с ума от горя. Перрен Модюи и Жермена были в отчаянии. Один Клопинэ, не теряя мужества, бродил в окрестностях Жантильи.

В один день он увидал женщину, которая шла по улице вдоль стен домов. Без всякой определенной мысли пошел он за ней, женщина почему-то показалась ему подозрительной. Вдруг он увидел, что она исчезла в двери, находившейся в стене одного дома.

Клопинэ побежал в Париж.

В темной комнате было только одно окно, выходившее на высокую стену. Алиса, дочь звонаря, страшно

бледная, с глазами, распухшими от слез, стояла у окна. На дворе слышались порывы сильного ветра. Время от времени пленница прислушивалась, потом лицо ее, на минуту вспыхнувшее, тотчас опять становилось бледным. За столом, неотрывно глядя на девушку, сидел Гарнье.

— Дура! — говорил он с насмешкой, — хочет умереть, потому что ее любят.

Вдруг послышались шаги, и Симон, приказчик, вбежал в комнату.

— Хозяин, — закричал он, — дверь выбивают!.. Слышите, какие удары!

— Поставь лестницу под окном, быстрее!

— Бегу.

Жан Гарнье схватил Алису, зажал ей рот рукою, чтобы заглушить крики, и бросился к окну.

Но в эту минуту стекла разлетелись вдребезги и в комнату прыгнул Этьенн.

— Злодей! — вскричал он, ударив в лицо противника.

Жан Гарнье, опьянев от бешенства, бросил бесчувственную девушку и схватил из-за пазухи нож.

— На этот раз ты ответишь за все! — закричал Гарнье и взмахнул ножом, но Этьенн успел отскочить и, размахивая палкой, не давая Гарнье приблизиться к себе, отбежал к стене.

— Я здесь хозяин! — закричал Симон, входя в комнату с кинжалом в руке.

От неминуемой гибели Этьена спасло только то, что в комнату ворвался Перрен Модюи, а затем, сжимая в каждой руке по пистолету, Клопинэ...

XVI. ИТАЛЬЯНСКАЯ ДУЭЛЬ

Пробило девять часов утра на колокольне Сен-Жермен-ле-Оксерроа, когда два человека вошли в Прэ-оклерк. Головы их были закрыты черным капюшоном с отверстиями для глаз.

Они шли на дуэль, дуэль страшную и таинственную, потому что капюшон, позволяя не быть видимым про-

тивником, стеснял движение головы, что могло оказаться гибельным.

Дуэль такого рода употреблялась в Венеции и ее называли итальянской.

Как только они дошли до Прэ-о-клерк, двое, точно так же одетые, вышли из зеленой беседки.

Это были Этьенн Ферран, незнакомец, служивший ему секундантом, Моревель и его приятель Крёзэ, золотобит.

По обычаю, секунданты дрались вместе с противниками и в один миг были обнажены четыре шпаги.

После того, как Этьенн и Клопинэ вышли из таверны, где повздорили с королевским мясником, незнакомец, вступившийся за Этьенна, выведал, где живет Моревель.

Весь вечер он бродил возле его дома, дожидаясь возвращения хозяина.

Как только мясник возвратился, незнакомец постучался в дверь и вошел. Увидев его, Моревель нахмурил брови, припоминая, где и когда он видел этого человека.

— Чего вам нужно? — спросил Моревель, делая незнакомцу знак сесть.

— Я пришел заставить вас извиниться перед молодым человеком, которого вы оскорбили, — спокойно ответил незнакомец.

— Что такое? Чтобы я извинился?

— Не прерывайте меня; я говорю, чтобы вы извинились перед молодым человеком, которого вы оскорбили, и сверх того я желаю, чтобы вы мне объяснили причины, побудившие вас к этому оскорблению.

— О каком оскорблении говорите вы?

— О! Почти о безделице... о купании в Сене. Что вы скажете?

— Ничего, — сухо отвечал Моревель.

— Тогда, вы должны драться.

Моревель засмеялся.

— Какое смешное приключение! Ко мне приходит че-

ловец, которого я не знаю и который не хочет даже назвать мне своего имени, и намерен принудить меня драться с другим человеком, который считает себя оскорбленным и которого я также не знаю!..

— А я вас уверяю, что вы будете драться с Этьенном Ферраном.

— С Этьенном Ферраном! — повторил Моревель тоном простодушного удивления. — Пойдите... Нет, не помню... Я в первый раз слышу это имя.

— А я вижу дверь, через которую юноша упал в Сену. А! Вы побледнели, Моревель, хладнокровие оставляет вас...

— Вы оскорбляете меня!

— Разве это возможно?

— Ну да, это действительно случилось. Только я исполнял отданные мне приказания, — сказал мясник, вдруг смутившись перед сверкающим взором незнакомца, — и до тех пор, пока не узнаю кто вы, я ничего не хочу слышать.

— Моревель, убей незаконнорожденного! — медленно произнес незнакомец.

Моревель испуганно замер.

— Теперь будешь драться? — спросил незнакомец.

— Завтра в девять часов в Прэ-о-клерк, — буркнул Моревель.

Сердце его испуганно билось: эти же страшные, тайные, никому не известные слова шепнул ему незнакомец в Башне Астрологов.

И не зная, кто этот незнакомец, что он хочет и откуда знает тайну, Моревель волновался еще больше.

Незнакомец хотел драться с Моревелем сам, и употребил все усилия, чтобы отговорить Этьенна, но молодой человек не поддавался.

Этьенн Ферран показал незнакомцу перстень. Тот посмотрел на перстень и вздрогнул, прочтя имя Екатерины.

Этьенн рассказал, как он нашел перстень, потерянный мясником.

— Я думаю, что Моревель получил в подарок от королевы ее перстень. А так как этот перстень потерял мясник Жан Гарнье, то как же не предположить, что Жан Гарнье и королевский мясник одно и то же лицо?

— Но один с рыжей бородой, а другой совершенно обрит! — закричал удивленно незнакомец.

Но видя по иронической улыбке на губах Этьенна, что он напрасно будет стараться опровергнуть мнение молодого человека, он поспешил переменить разговор.

Воротимся в Прэ-о-клэрк, на место поединка.

Какое-то время силы казались равны.

Но вскоре рука противника Моревеля стала ослабевать и шпага Моревеля воткнулась в его плечо.

Незнакомец, сражавшийся с Крёзэ, выбил шпагу из его рук и бросился к раненому Этьенну. Перевязать рану было делом минуты. Моревель бесстрастно смотрел на него, но как только незнакомец открыл грудь Этьенна, раздался крик и началась битва опять между покровителем Этьенна и королевским мясником.

Но незнакомец, кажется, лишился ловкости и присутствия духа и через несколько минут лежал на земле.

Моревель пронзительно свистнул, несколько человек тотчас вышли из кустов.

— Унесите! — приказал он, указывая на Этьенна. — А вы унесите этого, — сказал он, обращаясь к другим и указывая на незнакомца.

Этьенна быстро понесли по направлению к городу, а когда прислуга наклонилась к незнакомцу, показались дозорные под начальством Габастона.

Поскольку дуэли были строго запрещены королевой-матерью, для того, чтобы ничто не возмущало в эти свадебные дни спокойствия столицы, Моревелю с помощниками пришлось бежать, бросив незнакомца на месте поединка.

Через час незнакомец пришел в себя. Его поддерживал какой-то человек.

— Это ты? — прошептал раненый слабым голосом.

— Неужели вы думаете, капитан, что я могу бросить

вас, когда угрожает опасность?

— Благодарю, Ресто, благодарю!.. Но он!.. Он!..

— О ком вы говорите, капитан?

— О молодом человеке, которого они ранили... об Этьенне Ферране.

— А! Это его уносили, когда я подбежал.

— Что же ты не пошел за ними?

— Капитан, я должен был прежде заняться вами.

— Ты видел, в какую сторону они пошли?

— Они повернули к Нельской башне.

— Ступай и отыщи следы Этьенна... Я хочу знать, что они сделали с ним.

Незнакомец дотащился до таверны, находившейся недалеко, но там, лишившись сил, он чуть было опять не упал, как вдруг какой-то человек бросился к нему на помощь.

— Амброаз Парэ! — едва вымолвил раненый. — О, спасите меня, спасите меня! — и лишился чувств.

Амброаз Парэ, знаменитый хирург, славился в Париже своей готовностью помогать всем, кто нуждался в его услугах, будь то богач или бедняк.

Не осведомляясь о том, кто этот раненый, он велел отнести его в таверну. Рана была не опасна и через несколько часов незнакомец, хотя очень слабый, воротился в таверну, где он жил, опираясь о руку хирурга.

Несколько часов незнакомец напрасно ждал, что его верный Ресто придет сообщить, куда люди Моревеля унесли Этьенна Феррана.

Так как он спешил на встречу с Марией Тушэ, то он написал несколько слов Ресто и оставил их на столе в своей комнате, надел длинную монастырскую рясу и ушел на улицу Тиршап, где был дом Марии.

Сначала его не пустили к Марии Тушэ. С некоторых пор она принимала только тех, которые знали пароль гугенотов.

Незнакомец написал несколько слов на листке бумаги и отдал лакею.

Через несколько минут он входил в комнату.

Мария Тушэ сделала ему знак сесть в кресло, а сама села у стола, где перед тем что-то писала. Наступила пауза, которую, по-видимому, никто не хотел прервать. Наконец, Мария проговорила:

— Если я хорошо поняла слова, начертанные на этом листке, вы хотите говорить со мной о прошлом, отец мой?

Монах наклонил голову.

— Только тот, кто знал мою прежнюю жизнь,— продолжала Мария,— мог написать: «Я знаю замок Ламбрета».

То же движение головою и то же молчание со стороны монаха.

— Но чего же вы хотите и для чего пришли?

— Я пришел рассказать вам странную историю,— медленно произнес незнакомец.— Это история об одном человеке, который был убит.

— Убит! — воскликнула Мария.

— Убит вами...

— Это неправда!..

— Вы когда-то любили Рауля д'Альтенэ...

— О, да! Очень любила, но...

— Но... по вашему приказу убийца поднял на него кинжал.

— Именем священного сана, который вы носите, отец мой, заклинаю вас разъяснить мне эти слова!

— Хорошо. В Орлеане в доме на берегу жила молодая девушка по имени Мария Тушэ. Хотя она выходила из дома только в сопровождении надзирательницы, Мария, сердце которой было чувствительно, отвечала на страсть бедного молодого дворянина Рауля д'Альтенэ. Так ли?

— Это правда.

— Надзирательница сделалась поверенной Марии, которая впоследствии вместе с этой женщиной уезжала на несколько месяцев из своего родного города. Когда Мария воротилась в родительский дом, она была матерью сына, которого отдали к кормилице в окрестностях Орлеана. Но отец Марии, Жером Тушэ простил ее и взялся даже воспитать этого ребенка, своего внука.

Мария хотела прервать рассказ, но он остановил ее движением руки.

— Рауль д'Альтенэ, узнав о том, как тяжело переживает отец Марии, сказал ей, что через несколько дней пойдет просить ее руки у ее отца. Правда ли это?

— О, да! — отвечала Мария.

— Но вдруг все переменялось; в ту минуту, когда Рауль д'Альтенэ входил в дом парфюмера Жерома, он узнал с изумлением, что та, которой он хотел дать свое имя, выходила через день за богатого старика Ламбрета, замок которого находился у орлеанских ворот... Правда ли это?

Мария Тушэ изменилась в лице.

— От чего же, — воскликнула Мария Тушэ, — Рауль не старался увидеться со мною? Я сообщила бы ему о принуждении, которому я покорялась... Я сказала бы ему: дело идет о чести моего отца!.. Я должна принести себя в жертву!..

— Позвать вас было для него невозможно, потому что в ту самую минуту, как он разговаривал с надзирательницей, его схватили, ударили, связали и бросили в глубокую яму.

— Рауль знал, кто это сделал? — спросила Мария.

— Может быть... Во всяком случае, какая ему была нужда до имени этого холопа, когда, волоча его в темницу, они радовались, что исполнили приказ своей госпожи, Марии Тушэ?

— О, негодяй, он обвинил меня!

— Рауля оставили, думая, что он мертв, но несколько дней он прятался в окрестностях замка Ламбрета, и слышал разговор двух человек, старика и молодого человека.

— Что же они говорили?

— Старик благодарил молодого человека за убийство д'Альтенэ.

— Как звали этих людей? — повелительно спросила Мария.

— Ламбрета и Моревель.

— Моревель!.. Которого я ввела в королевский двор!

— Прекрасное положение, нечего сказать! Он любил вас тогда и убил не только Рауля, но зажег замок Ламбрета, и старик, который должен был на вас жениться, сгорел.

— А Рауль?

— Рауль... Рауль был спасен его преданным молочным братом, Ресто.

Лицо Марии засияло радостью.

— До отъезда из Орлеана молодой человек хотел в последний раз обнять своего сына... ребенок исчез...

— Да! Это правда!

— Через месяц Ресто вступил вместе с Раулем в отряд волонтеров. Он проклинал вас и тогда и во все часы своей жизни! Для него вы были злой матерью, для него вы были его убийцей!..

Мария Тушэ, бледная как привидение, смотрела на монаха не говоря ни слова.

— Угодно вам знать конец этой истории? Рауль искал повсюду смерти и не мог ее найти. Рассказывать его жизнь в продолжение пятнадцати лет было бы невозможно... Однажды он узнал, что его бывшая возлюбленная сделалась любовницей французского короля... Сначала это заставило его презрительно засмеяться, потом он заплакал... и наконец, приехал в Париж. Там он узнал, что Моревель, королевский мясник, был любовником и сообщником той, которой он прежде хотел дать свое имя.

Мария вдруг вскочила, сняла распятие, висевшее на стене, и подошла к монаху.

— Клянусь, что я никогда не была сообщницей в убийстве Рауля и пропаже ребенка!.. Клянусь Спасителем, что Моревель никогда не был моим любовником! Я была так одинока в Париже и мне нужно было окружить себя верными людьми. Это я помогла ему поступить на тайную службу к королю. Но негодяй отплатил мне тем, что связал меня и бросил в реку, и только случайно я была спасена гугенотами...

Не выдержав, Мария заплакала.

Монах, вскинув руки, отбросил с головы капюшон рясы.

Перед Марией стоял постаревший, с сединой в волосах, в шрамах, но все же сразу узнаваемый Рауль д'Альтенэ.

Увидев его, Мария закричала и потеряла сознание.

XVII. НЕЛЬСКАЯ БАШНЯ

Очнувшись, Этьенн увидел себя в мрачной комнате с низкими каменными сводами. Был полумрак, свет исходил только из слабой, коптящей масляной лампы.

Этьенн оглянулся и, убедившись, что в комнате никого нет, попытался встать с кровати, и пошевелил связанными руками. Они были перехвачены веревкой так крепко, что уже начинали затекать.

Он напряг руки, стараясь разорвать веревки, но все было напрасно. Рассматривая стены, Этьенн увидел в стене вмурованное кольцо, вероятно, служившее для кого-то орудием пытки.

Подойдя, юноша дотянулся до кольца и нащупал острые концы основания. Чтобы перетереть веревки, понадобилось много времени, но, наконец, все было кончено. Теперь руки были свободны.

Неожиданно в тишине послышались громкие, не таившиеся шаги.

«Это сюда», — понял Этьенн и кинулся к лежаку.

Дверь отворилась, и кто-то бросил в комнату кусок хлеба:

— Вот тебе до завтра.

Дождавшись, когда дверь снова закроют и шаги стихнут, Этьенн подошел к полу, поднял хлеб, обтер его и стал медленно жевать.

Голод, мучивший его, проходил, и появлялось чувство уверенности и спокойствия. Сколько он здесь? Где он? Ночь сейчас или день?

Прежде всего он осмотрел камеру. Окон не было, стены, судя по всему, были прочны. Единственное, что выдавалось в стене, было железное кольцо, с помощью которого он разрезал веревку. Но оно было крепко вделано.

Этьенн уже готов был снова вернуться к лежаку, когда споткнулся о что-то жесткое. Это оказалась глиняная кружка с водой. Разбив кружку, Этьенн стал черепком терпеливо выковыривать известку между камней.

Через несколько часов работы ему удалось вырвать кольцо. Из отверстия слабо повеял влажный, затхлый

воздух подвала.

Схватив выломанный крюк, Этьенн стал увеличивать отверстие, и вскоре вывалил целый камень. Высунувшись в образовавшуюся дыру, он пытался рассмотреть, куда она ведет, но было так темно, что ничего не было видно.

Тогда он спрыгнул, захватил фонарь и снова подтянулся к дыре.

Слабый, тусклый свет, теряющийся в темноте, осветил каменную лестницу.

Он попытался осторожно спустить лампу, но она вдруг упала, разбилась о каменный пол, и стало совсем темно.

Тогда Этьенн спрыгнул со стены на лестницу. Осторожно, боясь наступить на осколки стекла, он стал спускаться наощупь по влажным, и холодным ступенькам, сделал несколько поворотов, спускался все ниже и ниже, когда наткнулся на деревянную дверь. Сквозь тонкие, почти невидные щели слабо пробивался тусклый свет.

Этьенн нажал на нее плечом, но дверь не открылась. Тогда он сделал шаг назад и, прыгнув, вышиб замок. Свежий воздух, ворвавшийся в распахнутый проем, закружил его голову.

Он стоял на пороге и настороженно всматривался в долину, освещенную призрачным лунным светом.

Было так тихо, что он слышал, как бьется его собственное сердце.

Только на рассвете Этьенн дошел до Сент-Женевьевской горы.

Было рано, но улица уже заполнилась пародом. Этьенн заметил толпу перед дверью Перрена Модюи. Потом погребальное шествие вышло из сен-медарской церкви.

Этьенн вскрикнул и бросился в дом Перрена Модюи.

— Кто здесь умер?

Увидев его, старый звонарь встал и со слезами обнял юношу.

— Жермена, кормилица моей дочери,— прошептал старик.— Тише, она спит!— прибавил он, указывая на кровать, на которой лежала Алиса.

Бедная девушка занемогла, не будучи в состоянии

перенести всех волнений.

Этьенн медленно подошел и стал на колени перед кроватью. Крупные слезы катились по его щекам. Рука Алисы свесилась с кровати, Этьенн приложился к ней своим пылающим лбом.

Она вздрогнула, схватила руку Этьенна и вскрикнула:

— Жив! Этьенн жив!

XVIII. ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ

Неудавшееся покушение на жизнь Колиньи за несколько дней до Варфоломеевской ночи и потом все ужасы этой ночи были столько раз описаны, что мы об этом распространяться не станем; скажем только о том, что прямо относится к нашему рассказу.

Убийство гугенотов продолжалось ночь 24, день и ночь 25 августа 1572 года.

Улицы были покрыты трупами, дома по большей части пусты, и Екатерина Медичи радовалась своему торжеству.

Моревель неистовствовал в страшную ночь.

Это он ударил в набат по приказанию Екатерины на колокольне церкви Сен-Жермен л'Оксерроа, и услышал, как все парижские церкви отвечали на этот кровавый трезвон.

Крики жертв, вой умирающих долетали до его слуха, как радостные восклицания.

Наконец, он не мог долее воздерживаться.

— Меня недостает там!..— вскричал он с улыбкой.

Увидав одного из тех, кто пришел за ним с факелом, он приказал ему звонить в колокол, а сам сбежал с колокольни.

Из верхней галереи, смежной с клиросом церкви, он выглянул в окошечко на улицу и на берег Сены.

Везде стояли крики — гугенотов убивали. Напротив Моревель заметил в конце большого сада дом, в котором виднелся огонь.

— Кажется, я не ошибаюсь,— сказал он,— это дом Марии Тушэ. Кто же в нем сейчас живет?

Вдруг Моревель побледнел: он увидел ее в комнате первого этажа!..

Он быстро выбежал на улицу, подзывая своих людей.

«Я обещал королеве Екатерине,— думал он,— что Марии Тушэ не будет. Вот прекрасный случай сдержать обещание. После матери я доберусь и до сына».

Через несколько минут мясник со своей шайкой дошел до сада Марии Тушэ.

Они перелезли через стену и бросились к дому.

В доме никто не спал, ни господа, ни слуги. Мария, опасалась каждую минуту, что постучатся в ее дверь и убьют ее отца, гугенота.

Старик был спокоен; в эту минуту он сожалел только, что отказался от своего намерения отравить Карла IX.

Сидя возле дочери в комнате первого этажа, он читал Библию.

Вдруг старик поднял голову.

— Мне кажется, что там идут,— сказал он, указывая на сад.

При виде факелов и людей, торопливо шедших к дому, Мария вскрикнула от испуга.

— Это Моревель! — вскричала она.

— Королевский мясник! — с ужасом сказал Жером.

Мария вместе с отцом быстро прошли двор и уже выходили на улицу Тиршап, как двое убийц устремились на старика и ударили его кинжалами.

При виде умирающего отца Мария начала кричать:

— Помогите!.. Помогите!.. Я католичка.

Но так как на ней не было белого креста, знака католиков, то один солдат хотел убить ее.

— Прочь! Эта добыча принадлежит мне! — вскричал Моревель, схватив орлеанку.

Но тут раздался выстрел, и кто-то стал перед мясником.

Это снова был Рауль.

— Я католик! — указал он на белый крест, украшавший его грудь,— я беру эту женщину под мое покровительство!..

Моревель поспешил из дома, испуганно оглядываясь.

Сен-Марсельское предместье избегло резни до утра 26 числа.

Утром раздались крики: «Пожар».

Каждый раз, как гугенот, спасаясь, появлялся на пороге дома, его убивали солдаты.

Человек с рыжей бородой, выйдя из группы убийц, подошел к людям, стоявшим на углу улицы.

Это был Жан Гарнье, он же Моревель.

— Симон,— сказал он одному из погромщиков,— кажется, на этот раз мщение от меня не ускользнет!

— Захотеть, так сделать можно, хозяин,— отвечал Симон.

Убийцы бросились к дому Перрена Модюи.

Старик вместе с Этьенном Ферраном ухаживал за больной дочерью.

— Послушайте, батюшка,— сказала Алиса, приподнимаясь с трепетом,— мне кажется кричат о пожаре!

— Успокойся, дитя,— отвечал старик, сам испуганный.

Этьенн посмотрел в окно и вскрикнул:

— Это, верно, убийцы!..

— Спасайся, друг! — закричала Алиса.

В эту минуту сильно постучались в дверь.

Этьенн, схватив Алису на руки, понес ее по галерее на колокольню.

Там уже стояли его товарищи, которые с самого начала резни постоянно находились при нем, в доме звонаря.

Этьенн отнес Алису на колокольню, которая находилась на уровне верхней галереи церкви, от которой она отделялась перегородкой с одной стороны, между тем как на трех других сторонах находилось отверстие, из которого шла лестница, которая вела в верхнюю часть здания. Наконец посредине находились три веревки, проведенные к колоколу через отверстия, сделанные в толке.

Этьенн положил свою драгоценную ношу, запер дверь на запор, потом бросился на лестницу и через несколько минут воротился, держа в руке язык от одного из колоколов.

Вскоре раздался стук в перегородку, сообщавшуюся с церковной галереей.

— Беда первому, кто войдет! — воскликнул Этьенн, махая колокольным языком.

Этьенн хотел ударить человека, который перелезал через перегородку с сломанным от удара топором.

— Друзей не убивают! — вскричал Клопинэ.— Сохраните колокольный язык для того, чтобы протрезвонить последнее хрипение Жана Гарнье!..

— Зови на помощь, Клопинэ,— крикнул Этьенн,— а я убью первого, который попробует войти.

Пока Клопинэ кричал: «Помогите! Католиков режут!», Этьенн встал перед запертой дверью.

Первым появился Симон.

Еще прежде, чем он вошел, Этьенн нанес ему удар по голове и разбил череп.

В это же время Ренэ и Андрэ пробрались через перегородку по той дороге, по которой пришел Клопинэ.

За ними шли работники из предместья, прибежавшие на крик горбуна. Друзья Этьенна составили около Алисы укрепление и борьба против Жана Гарнье и его помощников ожесточилась.

Постепенно Ренэ, Андрэ и другие падали.

Жан Гарнье добирался до Этьенна.

Но Клопинэ с верхней площадки, под которой стоял мясник, прыгнул на его плечи и тяжестью тела повалил мясника.

Не теряя ни минуты, Этьенн бросился к противнику и схватил его за рыжую бороду.

Борода неожиданно осталась у него в руках.

— Королевский мясник! — воскликнул Этьенн.— Злодей и убийца! Я раздавлю тебя, как змею!

Он уже поднимал над ним топор, поданный Клопинэ.

— Остановитесь! Именем короля Карла IX! — приказал подбежавший в эту минуту человек.

Это был мессир Габастон, начальник дозорных, который протянул над Моревелем свою покровительственную шпагу.

Все последующее было бы только повторением того, что уже многократно описывалось в исторических хрониках и романах.

Мы скажем только вкратце, что случилось с героями нашего повествования.

Габастон ненадолго спас Моревеля. После прекращения всех ужасов Варфоломеевской ночи Екатерина Медичи, по своему обыкновению, отделяясь от опасных сообщников, велела заключить Моревеля в тюрьму по обвинению в убийстве де Муи и в покушении на адмирала Колиньи. Моревель, просидев несколько месяцев, был осужден на смерть и четвертован.

Алиса не выдержала страшных потрясений и умерла.

Клопинэ, защищавший гугенотов, был растерзан вместе с ними.

Рауль д'Альтенэ, отыскавший Этьенна, убедился, что это действительно его сын, признал его, вступил вместе с Этьенном на службу к Генриху Наваррскому.

Мария Тушэ, после свидания с найденным сыном, уехала из Парижа и впоследствии вышла замуж за д'Антрага, губернатора Орлеанского. Она стала вскоре матерью известной Анриэтты д'Антраг, последней любовницы Генриха IV.

Мы не ставили своей целью рассказать читателю что-то новое о тех страшных днях, пережитых Парижем и всей Францией. Трудно добавить новые страницы в книгу трагической истории Франции.

Мы хотели только представить читателю маленькую картину эпохи, в которой переплелись ненависть, коварство, преступления и интриги.

СОДЕРЖАНИЕ

П. Мериме. ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ. Перевод с французского	5
Д. Генти. ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ. Перевод с английского	199
С. Уэйман. ВОЛЧЬЕ ЛОГОВО. Эпизод из Варфоломеевской ночи. Перевод с английского	373
Тюрпен де Сансэ. МЯСНИК КАРЛА IX. Перевод с французского	509

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

«ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ»¹

«ХРОНИКА ВЕЛИКИХ СОБЫТИЙ»

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ

П. МЕРИМЕ. Варфоломеевская ночь. Пер. с франц.
Д. ГЕНТИ. Варфоломеевская ночь. Пер. с англ.
С. УЭЙМАН. Волчье логово. Пер. с англ.
ТЮРПЕН де САНСЭ. Мясник Карла IX. Пер. с франц.

Художник Н. Егоров
Редактор Е. Смирнова
Технический редактор Б. Шарговордская
Корректоры В. Ситнова, Л. Суркова

**В библиотеке
«ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ»
вышли следующие книги:**

«ПАДЕНИЕ ЦАРЬГРАДА»

«АКТЕЯ»

«ИМПЕРАТОР»

«РУСЬ И ОРДА»

«ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ»

«КЛЕОПАТРА»

«РОКСОЛАНА»

«ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ»

«НЕРОН»

«ЗОРОАСТР»

«ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ»

**Ближайшие выпуски библиотеки
«ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ»**

«ВИЗАНТИЯ»

«ВАРАВВА»

Оптовая продажа книг библиотеки
«Всемирной истории в романах»
производится официальным дилером издательства —

ИЧП «Стелла»,
г. Клин Московской области,
тел. (8-095) 539-84-13

(8-096-24) 258-53

(8-096-24) 227-25

Филиалы:

В Санкт-Петербурге — (8-812) 275-70-20

В Нижнем Новгороде — (8-83-12) 33-98-06

(8-83-12) 33-72-28

Представители в регионах:

ИЧП «Книга», г. Гуровск Кемеровской области,

тел. (8-384-63) 254-28

(8-384-63) 253-46

Фирма «Сибверн», г. Новосибирск,

тел. (8-38-32) 35-50-49

ТОО «Слово», г. Липецк,

тел. (8-0742) 77-28-10

Издательский центр «Гермес», г. Ростов-на-Дону

тел. (8-86-32) 67-99-59

ИЧП «Мишель ЛТД», г. Новороссийск

тел. (8-861-34) 200-98

(8-861-34) 200-69

Лицензия № 060056 от 16.07.91 г. Сдано в набор 22.04.94. Подписано в печать 24.06.94. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура литературная. Печать высокая. Тираж 50 000 экз. Заказ 4591. Цена договорная.

Издательство «Новая книга», Москва, ул. Академика Челомея, д. 4, а/я 489

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16

